

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВЕДУЩИЙ ЖУРНАЛ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Продолжается подписка на 1960 год на ежемесячный журнал «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» — ведущий исторический журнал в Советском Союзе, орган Отделения исторических наук Академии наук СССР.

Основная цель журнала — разработка коренных вопросов исторической науки на основе марксистско-ленинской методологии.

Журнал публикует научные статьи и сообщения, ведет дискуссии и обсуждения по важнейшим проблемам истории КПСС и братских компартий, истории народов СССР и зарубежных стран, истории общественной мысли и культуры.

В числе авторов журнала — академики, члены-корреспонденты АН СССР и союзных республик, доктора наук и профессора, видные деятели международного коммунистического и рабочего движения, историки стран народной демократии и прогрессивные историки капиталистических государств.

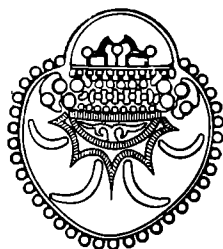
Журнал «Вопросы истории» представляет интерес для научных работников, преподавателей истории КПСС, истории народов СССР, всеобщей истории, аспирантов и студентов исторических факультетов, лекторов, пропагандистов и всей советской молодежи, интересующейся историей.

Систематическое изучение материалов, публикуемых в журнале, поможет комсомольскому активу расширить исторические знания, повысить общеобразовательную подготовку, улучшить воспитательную работу среди советской молодежи.

Подписная цена: на 1 год — 84 руб.
на 6 мес. — 42 руб.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1960

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Г. А. Федоров-Давыдов, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, *С. Н. Бибиков*, *В. Д. Блаватский*, *Л. А. Голубева*,
Л. А. Евтюхова, *А. Л. Монгайт*, *А. П. Окладников*, *Т. С. Пассек*,
Б. Б. Пиотровский, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов*

Адрес редакции:

Москва К-1, пер. Садовских, 2, тел. Д 0-31-41

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *М. А. Николаева*

Т-00255 Подписано к печати 27 I 1960 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10¹/₄
Печ. л. 27,09 + 5 вклеек Уч.-изд. л. 32,9 Тираж 1825 экз. Заказ 2408

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

СТАТЬИ

Н. Я. МЕРПЕРТ

О СЕМИЛЕТНЕМ ПЛАНЕ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза раскрыл перед нашей страной грандиозные перспективы всестороннего развития народного хозяйства, науки и культуры в предстоящем семилетии, поставил перед всеми советскими людьми великие задачи построения коммунистического общества.

Большие и ответственные задачи поставлены съездом и перед работниками общественных наук. Развитие этих наук должно сыграть значительную роль в воспитании коммунистического мировоззрения у трудящихся нашей страны — строителей коммунизма. А неотъемлемой частью коммунистического мировоззрения является знание подлинных закономерностей развития человеческого общества, начиная с древнейших эпох его существования. Изучение этих закономерностей, творческое развитие марксистско-ленинской методологии, неустанная пропаганда исторических знаний среди широких масс — благородные задачи советских историков.

Съезд призвал к всемерному усилению идеологической работы и неослабной борьбе с буржуазной идеологией. А в арсенале буржуазной идеологии немалая роль принадлежит всякого рода «теориям», извращающим человеческую историю, дезориентирующим трудящихся, скрывающим от них подлинные законы развития общества. Немало таких «теорий» создано и в области древней и средневековой истории, — они создавались раньше, создаются и в наши дни. Эти эпохи отделены от нас веками, даже тысячелетиями, но вред от извращения их истории отнюдь не становится от этого меньшим: ведь без правильного понимания древней истории немислимо правильное понимание и истории современной. Борьба с этими извращениями, противопоставление буржуазным «теориям» фундаментальных работ, обобщающих закономерности общественного развития на всех этапах человеческой истории представляют весьма значительную и актуальную задачу советской науки. Совершенно закономерно поэтому включение в число основных проблем, разрабатываемых Академией наук СССР, проблемы «Закономерности развития человеческого общества и его культуры». Творческая разработка основных вопросов этой проблемы — в том числе вопросов древней и средневековой истории — должна сыграть свою роль в разгроме буржуазной идеологии, ревизионизма, расизма, модернизма и т. п. Перед советскими археологами встают в этой связи весьма ответственные задачи. В их компетенцию входят вопросы первоначальной истории общества, чрезвычайно важные для материалистического, марксистского понимания исторического процесса, для разоблачения «теорий» об извечности частной собственности и классового общества, а также клерикальных, расистских и др. «построений» буржуазной науки. Археологический материал является основным историческим источником для изучения длившегося сотни тысячелетий древнейшего периода истории человечества — первобытного общества. Но и для следую-

щих периодов — рабовладельческого и феодального — создание подлинной исторической картины, изучение истории общества, истории народных масс немислимо без тщательного и всестороннего привлечения археологического материала.

Создатели научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс придавали огромное значение изучению общественно-экономических формаций прошлого. К. Марксу принадлежит классическое определение роли археологических источников в изучении исторического процесса. «Такую же важность,— писал К. Маркс,— как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций... Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹.

И именно археологи, открывающие и изучающие «останки средств труда», должны дать глубокие и всесторонние исследования общественно-экономических формаций, противостоящие буржуазным «теориям», игнорирующим или извращающим общественные отношения прошлых эпох.

Внеочередной XXI съезд КПСС призвал всех работников советской науки неустанно крепить связь с жизнью, с практикой, с хозяйственными и идеологическими потребностями страны. Для археологов, как и для всех советских историков, с этим тесно связаны первые две задачи, поставленные съездом и уже приведенные выше: активное участие в формировании коммунистического мировоззрения у советских людей и борьба с буржуазной идеологией. Обе эти задачи тесно связаны с жизнью страны, и участие в их решении отвечает насущным ее потребностям. Но следует отметить и некоторые специфические формы укрепления связи нашей науки с практикой. Уже много лет археологи тесно связаны с крупнейшими новостройками нашей страны. Вместе со строителями выходили они в зоны строительства на Волге и на Днепре, на Каме и на Оби, на Иртыше и на Ангаре, обогатили науку новыми ценными материалами, открыли немало неизвестных ранее страниц истории областей, ставших ныне местом гигантских новостроек. Известны работы археологов Средней Азии и Закавказья по истории металлургии, имеющие определенное значение для поисков полезных ископаемых. Немалое значение имеют работы археологов для изучения почв, торфяников, истории ландшафта, режима водных бассейнов, истории флоры и фауны отдельных областей. Все эти вопросы большой практической важности. Совместные работы с физиками, химиками, биологами по выработке новых естественно-научных методов исследования археологического материала имеют большое значение не только для археологии, но и для указанных дисциплин.

Формы связи нашей науки с практикой, с хозяйственной и общественной жизнью нашей страны должны получить всемерное развитие в предстоящем семилетии. Но возможности такой связи этим не исчерпываются. Археологи должны стремиться к выработке новых форм, обогащающих нашу науку, приближающих ее к требованиям практической жизни.

Чтобы успешно участвовать в выполнении исторических решений внеочередного XXI съезда КПСС, чтобы быть на высоте поставленных им задач, советские археологи должны неустанно совершенствовать свою науку, разрабатывать наиболее актуальные, значительные темы, создавать качественно новые исторические обобщения, опирающиеся на четко разработанную источниковедческую базу.

В этом свете особое значение приобретает планирование работ советских археологов, составление проблемно-тематических планов на 1959—1965 годы.

Работа по составлению семилетнего плана была проделана коллективом головного археологического учреждения нашей страны — Института

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 187.

археологии АН СССР. В этой работе коллектив старался прежде всего исходить из задач, поставленных съездом. В свете этих задач план предусматривает определение наиболее значительных и актуальных направлений исследовательской деятельности, максимальное приближение ее к требованиям жизни; работу по приведению в единую систему археологических источников нашей страны — фактической базы исторических построений; борьбу с буржуазными «теориями» по ряду основных проблем археологической науки; широкую популяризацию археологических знаний; укрепление контакта с естественно-научными дисциплинами и техническое перевооружение археологии.

Основная часть плана посвящена проблемам, подлежащим разработке в предстоящем семилетии. Таких проблем четыре: происхождение человека и история первобытного общества; вопросы этногенеза и формирования наций; основные этапы и закономерности развития рабовладельческих отношений; генезис феодализма и развитие различных форм феодальных отношений.

Формулировка указанных проблем вытекает из марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, определивших закономерности исторического и культурного развития человечества. Эти проблемы лежали в основе плана Института археологии и в предшествующие годы, что позволяет установить необходимую преемственность в исследовательской деятельности Института археологии до начала семилетки и в предстоящие годы выполнения семилетнего плана. Однако задачи, поставленные внеочередным XXI съездом КПСС, потребовали пересмотра тем, разрабатываемых внутри каждой проблемы, устранения дробности тем, вывода из плана тем второстепенных, случайных, не связанных непосредственно с решением основной проблематики. Тем самым работа над проблемами должна быть конкретизирована и подчинена задачам изучения общих закономерностей человеческого развития.

Работа Института археологии над указанными главными проблемами отнюдь не предполагает и не может предполагать окончательного их разрешения. Расширение и развитие исследований этих проблем будет происходить по мере обогащения науки новыми фактами, новой методикой.

Естественно, работа над столь значительными проблемами явится делом не только Института археологии АН СССР, но и всех археологов Советского Союза. Поэтому план предусматривает при работе над рядом тем координацию исследований с археологическими учреждениями союзных и автономных республик, музеями и вузами. Остановимся на каждой из указанных выше проблем.

Первая проблема — «Происхождение человека и история первобытного общества» охватывает ряд значительных вопросов, касающихся самого длительного периода человеческой истории. Известно, что проблема эта разрабатывается уже не первый год и не первое десятилетие. Но она отнюдь не стала менее актуальной, а целый ряд важнейших вопросов ее еще далек от разрешения. И в наши дни в буржуазной науке создаются «теории», которые в явной или замаскированной форме пытаются извратить важнейший вопрос происхождения и становления человека, возродить клерикальные, расистские и прочие «построения». Создатели этих «теорий» используют значительные лакуны, до сего времени имеющиеся в этой проблеме, недостаточную разработанность многих ее тем. Поэтому заполнение подобных лакун, открытие, систематизация и интерпретация с позиций марксистско-ленинской науки новых фактов, касающихся происхождения человека, его расселения, эволюции хозяйства и общества, должны сыграть значительную роль в борьбе со всякого рода извращениями науки. Огромное значение имеет здесь материал, открытый за последние десятилетия на территории нашей страны. Обобщение этого материала, введение его в широкий научный оборот весьма важны для рассматриваемой проблемы. Но столь же важно активное участие советских археологов в изучении и

исторической интерпретации палеолитических материалов зарубежных стран Европы, Азии и Африки, в освещении общей картины становления человеческого общества. Это позволит советским археологам на должной фактической основе бороться против буржуазных извращений. Поэтому первой темой рассматриваемой проблемы является «Палеолит СССР и зарубежных стран». Работы по этой теме войдут в запланированные сборники «Палеолит юга СССР» и «Палеолит зарубежных стран», некоторые из них будут представлены в виде отдельных монографий. В создании этих работ примут участие А. П. Окладников, П. И. Борисковский, А. Н. Рогачев и другие.

Следующие две темы первой проблемы посвящены древнейшей истории северных и восточных областей нашей страны. Цель их — заполнить значительный пробел в изучении истории народов СССР, осветить основные этапы и дать периодизацию исторического процесса на огромных и ранее не исследованных территориях северных и восточных областей страны.

Естественно, выполнение этих тем потребует многолетних полевых работ и тщательного изучения больших групп археологических источников. Работа над темами не может быть завершена за семилетие, но фронт этой работы должен быть заметно расширен. По некоторым значительным вопросам запланированы обобщающие монографии (например «Каменный век Дальнего Востока», «Неолитические памятники Урала и Западной Сибири»). Обобщению материалов больших экспедиций, проводимых в Восточной Сибири, будет посвящен сборник «Древняя история Енисея и Ангары». В работе над этими темами примут участие М. П. Грязнов, А. Я. Брюсов, В. Н. Чернецов, А. П. Окладников, Н. Н. Гурина и др.

Необходимость постановки следующей темы — «Древнейшие земледельческие племена на территории СССР» — обусловлена открытиями последних лет, доказавшими большую древность первых очагов земледелия Средней Азии, Кавказа и Днепро-Днестровского района. Эти открытия потребовали пересмотра сложившихся ранее представлений об экономике и уровне культурного развития энеолитических племен как самих указанных территорий, так и обширных соприкасающихся с ними районов. Значительно расширились перспективы изучения связей нашей территории с Передней Азией, Месопотамией, Иранским нагорьем и даже долиной Инда. А изучение этих связей важно для работы над рядом проблем общемирового значения, таких, как происхождение земледелия, формирование классового общества древнего Востока, происхождение и судьбы великой цивилизации древней Индии. В этом отношении очень важны широкие исследования энеолитических поселений юга Средней Азии, которые должны быть отражены в запланированном на семилетие издании (В. М. Массон, И. Н. Хлопин), и подведение итогов изучения энеолитических памятников Кавказа (А. А. Формозов, Р. М. Мунчаев) и юго-запада СССР (Т. С. Пасек). Естественно, будут расширены и полевые исследования по этой важнейшей тематике.

Органическим продолжением этой темы явится следующая тема — бронзовый век. Она посвящена большому периоду древней истории нашей страны, ознаменованному дальнейшим развитием и распространением экономических достижений энеолитической эпохи — таких, как земледелие, скотоводство и металлургия. Тема эта крайне важна для истории экономики, истории производства и культурных связей, еще более активизировавшихся в бронзовом веке. Но не менее важно изучение социальной структуры, общественного развития в эту эпоху. Большие раскопки последних лет, особенно в зонах новостроек, дали значительный материал для изучения этих вопросов. Бронзовый век явился эпохой формирования больших культурных общностей, с которыми справедливо связывают и общности этнические, сыгравшие значительную роль в этногенезе народов нашей страны, а также народов ряда стран Восточной и Центральной Европы. Создание подлинной картины формирования этих общностей, их экономи-

ки, культуры и исторических судеб должно сыграть большую роль в борьбе с расистскими «построениями», буржуазными «теориями» исторических и неисторических народов и т. п. На предстоящее семилетие запланированы работы, посвященные ряду больших культурных общностей Европы (И. И. Артеменко, Н. Я. Мерперт), Сибири и Средней Азии (М. П. Грязнов, С. С. Черников и др.). Особые работы запланированы по вопросам экономики бронзового века (С. И. Руденко, А. А. Иессен, В. И. Цалкин).

Разработка этих вопросов должна способствовать созданию общих работ по истории племен бронзового века нашей страны и сопредельных территорий — обобщающих фундаментальных трудов, к работе над которыми призвал советских историков внеочередной XXI съезд КПСС. Начало работы над одним из таких трудов — монографией С. В. Киселева «Бронзовый век» запланировано на предстоящее семилетие.

Две темы первой проблемы посвящены истории племен и народов нашей страны в раннем железном веке. Естественно то внимание, которое уделено здесь скифо-сарматскому вопросу — одному из значительнейших для изучения этой эпохи. Советские археологи немало сделали для его разработки, но создание больших обобщающих работ по этой значительной теме до сего времени остается их долгом перед исторической наукой. Начало ликвидации этого долга должно быть положено в предстоящем семилетии, на которое запланирована работа над фундаментальными трудами по истории скифов (М. И. Артамонов, Д. Б. Шелов, П. Д. Либеров, А. И. Мелюкова и др.) и сарматов (К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова). Однако история раннего железного века в Восточной Европе не исчерпывается скифо-сарматской тематикой. Полная картина его не может быть создана без тщательного изучения племен этой эпохи, населявших лесную и лесостепную зоны. Поэтому разработка этой тематики, исследование таких значительных археологических явлений, как, например, дьяковская и городицкая культуры, будет осуществляться группой специалистов во главе с А. П. Смирновым. С этой тематикой тесно связаны вопросы древней истории славянских племен, разработка сложных и до сего времени дискуссионных вопросов древнейшей истории племен, участвовавших в формировании восточных славян и других этнических групп Восточной Европы. Среди них — спорные вопросы черняховской культуры (М. А. Тиханова, В. В. Кропоткин, Э. А. Сымонович), история восточнопольских славянских племен (Ю. В. Кухаренко) и др.

Обобщающей работой по этой тематике должна явиться монография «Финно-угры, балтийцы и славяне в Восточной Европе», над которой будет работать П. Н. Третьяков. Эта работа тесно связана со второй проблемой семилетнего плана Института археологии, посвященной вопросам этногенеза.

Исследования этих вопросов с позиций марксистско-ленинской науки особенно значительны для воспитания коммунистического мировоззрения и развития культуры социалистических наций. Вместе с тем, именно этногенические работы советских ученых должны сыграть основную роль в борьбе с расистскими «теориями» реакционной буржуазной науки.

При разработке сложнейшей проблемы этногенеза археологическому материалу принадлежит весьма значительная роль. Конечно, использование его здесь сопряжено с большими трудностями, с неразработанностью методики, с рядом спорных вопросов, касающихся соотношения археологических источников и этноса. И все же изучение формирования и древнейшей истории конкретных человеческих групп, легших в основу больших языковых семей, немыслимо без археологии. Без постановки основных этногенических проблем невозможно историческое осмысление длительных эпох, предшествовавших появлению письменности. В силу этого, несмотря на все трудности, исследования этих проблем должны занять важное место в работах археологов.

По этой проблеме, помимо уже указанной монографии П. Н. Третьякова, запланированы работы, посвященные народам Кавказа (Е. И. Крупнов), Подунавья (Г. Б. Федоров), общим вопросам древней истории индоевропейских племен (А. Я. Брюсов).

При работе над этногеническими темами археологи должны будут постоянно координировать свои исследования с исследованиями лингвистов и антропологов. Контакт с антропологами установлен у Института археологии уже давно. Ведущие антропологи — Г. Ф. Лебец, Я. Я. Рогинский, В. В. Гинзбург, М. М. Герасимов, Т. А. Трофимова и др. неоднократно участвовали вместе с археологами в разработке общих проблем. Гораздо слабее налажен контакт с лингвистами. Действовавший одно время совместный археолого-лингвистический семинар не сумел найти достаточно эффективной формы своей работы, многие сложные проблемы решаются до сих пор односторонне. Выработка методики совместных работ и применение ее при решении конкретных общих вопросов — важная задача, выполнение которой заметно расширит возможности исторических построений и особенно работ по рассмотренной проблеме.

Если первые две проблемы касаются первобытного общества, в том числе позднего его этапа — разложения родового строя, то третья проблема плана посвящена уже первой классовой социально-экономической формации — рабовладельческой, основным этапам и закономерностям развития рабовладельческих отношений.

В работе над этой проблемой археологи играют весьма значительную роль. Археологический материал — важнейший источник по истории народных масс, производства, экономики — позволяет всесторонне осветить жизнь рабовладельческих обществ, глубже понять историческую закономерность возникновения, развития и гибели первой классовой формации. А это весьма важно в деле разоблачения буржуазных социологов и историков, отрицающих закономерность этих явлений и материалистическое их объяснение.

Для истории народов нашей страны особенно важны вопросы взаимоотношений рабовладельческих обществ Причерноморья, Закавказья и Средней Азии с многочисленными племенами, жившими еще при родовом строе. Эти взаимоотношения оказали значительное влияние на экономическое и социальное развитие племенного мира. Советские археологи уделяли этим вопросам большое внимание, разработка их будет продолжена и в предстоящем семилетии. Продолжено будет и изучение экономики и культуры античных городов Северного Причерноморья. Но одним из отличительных и наиболее важных моментов семилетнего плана Института археологии является активное включение советских археологов в исследования общих вопросов сложения и развития античных обществ и их культуры на основной их территории — в странах Средиземноморья. Это связано прежде всего с большими раскопками на территории Албании, в которых с 1958 года активно участвует значительная группа советских археологов-антиковедов.

Закономерно поэтому выделение особой темы «Античная культура на территории Албании».

Разработка этой темы предполагает всестороннее изучение и полное введение в научный оборот результатов раскопок на территории Албании, проводимых совместно археологами Тиранского Университета и Института археологии АН СССР. Исследования должны охватить ряд античных городов Албании. Они были успешно начаты в 1958 г., когда под руководством С. Ислами и В. Д. Блаватского были начаты широкие раскопки Аполлонии Илирийской. В годы семилетки масштабы раскопок этого замечательного города и других городов Албании будут возрастать. Эта работа представляется весьма плодотворной формой подлинного сотрудничества и сотрудничества советских и албанских ученых.

Результатом этих работ должно явиться создание к концу семилетки

большого коллективного труда «Аполлония Иллирийская», в написании которого примут участие ряд албанских и советских ученых (С. Ислами, Х. Цека, С. Анамали, В. Д. Блаватский, М. М. Кобылина, Д. Б. Шелов и др.).

Следует еще раз подчеркнуть, что наряду с общими вопросами античной культуры, связанными с раскопками в Средиземноморье, значительное место в планах археологов-антиковедов Института археологии АН СССР займут вопросы истории и культуры Северного Причерноморья. Дальнейшее развитие получат подводные археологические исследования, начатые в последние годы. Эти исследования требуют тщательной подготовки, выработки новой методики. Перспективы развития подводной археологии очень значительны и возможности ее трудно переоценить. Освоение подводных археологических исследований явится важным шагом в техническом перевооружении археологии и в качественном совершенствовании нашей науки.

Четвертая проблема семилетнего плана Института археологии АН СССР — «Генезис феодализма и развитие различных форм феодальных отношений». Институт археологии АН СССР будет участвовать в работе над этой проблемой совместно с Институтом истории АН СССР. Естественно, Институт археологии наибольшее внимание будет уделять темам, разработка которых требует привлечения археологических источников.

Общей задачей работы над этой проблемой является всестороннее исследование процесса возникновения и развития феодальных отношений и конкретных особенностей этого процесса в различных областях. Для нашей страны крайне важно исследование возникновения феодальных отношений у народов, не знавших рабовладельческой формации. Феодализм явился для этих народов первой классовой формацией. Он возник в ходе разложения первобытно-общинного строя. Закономерность и исторические условия, определившие такой ход процесса феодализации, изучены еще далеко не достаточно. Между тем, именно таким путем шло социально-экономическое развитие восточного славянства, а также ряда тюркских и угро-финских народов. Перед историками и археологами стоит здесь большой теоретический вопрос. С ним связан ряд значительных и сложных тем, таких, например, как возникновение и развитие феодализма у восточных славян, формирование древнерусского государства, развитие его экономики и культуры.

Для разрешения указанного теоретического вопроса крайне важны прежде всего материалы, характеризующие положение народных масс. Между тем, до последнего времени эти материалы оставались далеко не полными: изучались в основном города и городская жизнь, сельским же поселениям должное внимание не уделялось, о культуре их можно было судить лишь по погребальным комплексам. Семилетний план Института предполагает усиление работ по ликвидации этой лакуны. В связи с этим запланирована специальная тема «Русская деревня IX — XIII вв.» (И. И. Ляпушкин, В. В. Седов). Вместе с тем будет продолжено и изучение древнерусского города: здесь запланирован ряд обобщающих работ, посвященных Чернигову (Б. А. Рыбаков), Переяславу Русскому (М. К. Каргер), городам северо-восточной Руси (Н. Н. Воронин) и др.

Соответственно и полевые работы будут проводиться как в городах (Москве, Чернигове, Новгороде, Любече, Изяславле, Торопце, Друцке, Новогрудке, Белоозере, Юрьеве, Переяславле-Залесском, Владимире), так и на селищах.

С иным путем формирования феодальных отношений мы встречаемся у кочевников раннего средневековья. Этот путь также изучен пока очень мало. Это обуславливает включение в план темы «Кочевники и их взаимосвязи с оседлыми племенами». На данное семилетие запланированы работы, посвященные некоторым вопросам археологии гуннов и авар (С. И. Руденко, Л. П. Зяблин). Огромная роль этих больших кочевниче-

ских групп в истории Центральной и Средней Азии и Восточной Европы хорошо известна. Но памятники их изучены настолько мало, что археологические комплексы, характерные для гуннов, авар и т. д., до сих пор не определены. Между тем такое определение необходимо не только для исследования экономики и социального строя самих кочевников, но и для решения ряда общеисторических вопросов (пути движения гуннов, подвластная им территория, взаимоотношения их с оседлыми племенами и с государствами Востока и Запада и т. п.).

Наконец, третья тема четвертой проблемы посвящена средневековым городам и городской культуре восточных и южных районов СССР. Большие исследования, проведенные в последние годы советскими археологами в Забайкалье, Средней Азии, Закавказье, на Средней Волге, уже привели к ряду значительных открытий в области изучения средневековых городов. Эти открытия должны быть в полной мере введены в научный оборот. В то же время такой важный раздел этой темы, как города Золотой Орды и ее культура, остается до сего времени почти не изученным, что является серьезным пробелом в нашей исторической науке. Заполнение этого пробела необходимо, в силу чего Институт планирует большие полевые работы на одной из столиц Золотой Орды — Сарае-Берке и постановку специальной работы, посвященной общим вопросам золотоордынской культуры (А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов).

Таковы главные моменты семилетнего плана Института археологии АН СССР по четырем основным проблемам. Но, кроме того, должны быть особо выделены работы общего характера, охватывающие ряд проблем и эпох. Некоторые из них уже названы выше (работы С. В. Киселева, П. Н. Третьякова). Кроме них запланированы общие работы по археологии Средней Азии (рук. А. М. Беленицкий) и Кавказа (рук. А. А. Иессен). Специальная монография будет посвящена язычеству у славян (Б. А. Рыбаков). Наконец, Институт археологии АН СССР примет участие в создании десятитомной «Истории СССР», ряд его сотрудников явится авторами первого тома, который должен охватить историю нашей Родины с древнейших времен до XIII в. Это — большая и ответственная работа, в которой должны быть синтезированы исторические выводы, явившиеся результатом многолетних исследований советских археологов.

Значительное место в семилетнем плане научно-исследовательской работы Института археологии АН СССР занимает анализ источников и создание прочной источниковедческой базы для исторических обобщений. Эта работа должна оказать решающее влияние на качественный рост нашей науки, на методический уровень трудов советских археологов. Основным звеном источниковедческой работы явится «Свод археологических источников СССР», подготовка первых выпусков которого активно ведется сейчас в Институте археологии АН СССР.

«Свод археологических источников СССР» должен стать первым в мире сводным изданием систематизированного, превращенного в полноценный исторический источник археологического материала. Он должен ввести в широкий научный оборот огромные археологические богатства, накопленные в результате нескольких десятилетий полевых исследований. При этом материал подвергнется тщательной и всесторонней источниковедческой обработке. Тем самым источниковедческая база исторических построений по древней и средневековой истории всех народов СССР (в том числе народов, не имевших до Великой Октябрьской революции своей письменности) будет значительно укреплена. Свод будет включать в себя:

- 1) полную археологическую карту СССР;
- 2) типологическую классификацию археологических памятников;
- 3) характеристику древних культур;
- 4) обоснование датировок и синхронические таблицы;
- 5) библиографию.

Работа над «Сводом» рассчитана на 20 лет. В предстоящее семилетие она должна быть полностью развернута, уже в 1960 г. будут сданы в печать первые выпуски «Свода», а к концу семилетия будут изданы и подготовлены к изданию около 30 выпусков «Свода».

Как уже неоднократно подчеркивалось выше, одной из наиболее ответственных задач советских археологов в свете решений внеочередного XXI съезда КПСС является борьба с буржуазной идеологией, критический разбор теорий буржуазных археологов, разоблачение извращений истории человечества. Такая работа является долгом каждого исследователя и должна найти место в каждой конкретной работе. Но необходимо создание и специальных критических работ, направленных против реакционных теорий. Такие работы предусмотрены в семилетнем плане Института археологии АН СССР. Они посвящены спорным вопросам становления человеческого общества (А. П. Окладников, А. А. Формозов, Д. А. Крайнов), оценке монгольского завоевания в современной буржуазной литературе (А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов), норманской теории в свете пересмотра источников по истории Киевской Руси (Б. А. Рыбаков), критике буржуазных теорий по древнейшей истории индоевропейцев (А. Я. Брюсов), критическому анализу истории и современного состояния археологии на Западе (А. Л. Монгайт). В дальнейшем проблематика, охваченная этой важной работой, будет все более расширяться.

Следует остановиться еще на одной области, приобретающей весьма большое значение в свете решений съезда — на популяризации археологических знаний. Популярная литература, брошюры, написанные интересно, просто и доходчиво, должны дать самому широкому контингенту советских людей представления о проблематике, методах и достижениях нашей науки, должны сыграть большую воспитательную роль, обогатить знания читателей, привить им любовь к памятникам родной истории, способствовать охране этих памятников. Институт археологии АН СССР планирует выпуск целого ряда таких брошюр, посвященных истории земледелия, скотоводства и металлургии, истории городов, краев и областей, истории оружия и т. д. Популярной научной литературе предстоит сыграть немалую роль в деле максимального приближения науки — в том числе и археологии — к насущным идеологическим потребностям нашего народа.

В дальнейшем совершенствовании нашей науки, в качественном росте ее и приближении к требованиям жизни весьма большое значение должно принадлежать техническому перевооружению археологии. Исследовательский план Института археологии на предстоящее семилетие предусматривает широкое внедрение новой методики и новых технических средств в полевую и лабораторную практику. В свете решений XXI съезда КПСС, предопределивших огромный технический подъем нашей страны и всестороннее развитие естественных наук в 1959—1965 гг., советские археологи должны уделить особое внимание внедрению новых методов, использованию достижений естественных наук. Научная практика последних лет показала огромные возможности исследований, проводимых на грани различных научных дисциплин. Методы и орудия исследований, взятые из естественных и технических наук, позволяют открыть новые стороны археологических источников, более полно использовать их. Это приводит не только к обоснованному решению ряда технических вопросов (таких, как важнейший вопрос датировок), но и значительно дополняет общие представления о развитии производительных сил, а следовательно, и о социально-экономической истории племен и народов. Вместе с тем такого рода совместные работы имеют немалое значение и для самих естественных наук. Таким образом, эти работы могут стать немаловажным звеном в деле сближения нашей науки с практикой.

В связи с этим Институт археологии АН СССР планирует следующие работы:

1. В области археологических разведок широкое внедрение совре-

менных методов аэрофотосъемки, геофизической разведки и других. Это позволит охватить разведкой на новой основе более широкие территории и дать значительную экономию средств, освободив их для проведения раскопочных работ.

2. В области методики раскопок. В связи с укрупнением экспедиций и концентрацией значительных сил археологов на основных объектах, планируется максимальное использование технических средств, прежде всего для механизации трудоемких земляных работ. Раскопочные механизмы будут широко внедрены в экспедиции, вскрывающие большие курганные насыпи. Еще более широко они будут использованы для откидных работ при раскопках городов и поселений, составляющих до настоящего времени наиболее трудоемкую часть подобных исследований.

3. В области археологической хронологии. Методы естественных наук открывают перед археологами большие возможности в области установления абсолютных и относительных дат. В Институте археологии АН СССР работы будут проводиться по трем основным направлениям:

а) Радио-карбонный метод. К настоящему времени создана при ЛОИА лаборатория, разработавшая оригинальный метод исследований с C^{14} и освоившая его. С 1959 г. лаборатория приступает к серийному исследованию по определению возраста органических остатков из археологических раскопок. В первые годы (1959—1960 гг.) лаборатория будет давать 25 анализов в год с дальнейшим увеличением их числа в последующие годы.

б) Метод палеомагнетизма. Разработка этого метода, открывшего большие перспективы в геофизике, не менее важна и для археологических исследований. Она должна привести к большой точности определений возраста в равной мере для материалов всех эпох. В силу этого, в отличие от радио-карбонного метода, метод палеомагнетизма сможет стать пригодным для определения абсолютных дат раннего железного века, античности и средневековья.

Для археологов этот метод особенно ценен и перспективен в силу того, что объектом его анализов является керамика — наиболее массовый археологический материал.

в) Дендрохронология. Этот метод, позволяющий устанавливать абсолютные и относительные даты с точностью до одного года, особенно важен при разработке хронологии памятников, отличающихся хорошей сохранностью древесины. Таких памятников очень много: курганы эпохи бронзы (например Поволжье), раннего железа (например Пазырык) и особенно — города древней Руси.

К настоящему времени метод разработан в лаборатории ЛОИА. Начиная с 1959 г. планируется широкое внедрение его. Прежде всего планируется обработка материалов Новгорода, Старой Ладogi, Белозера, Пскова, продолжение работы над пазырыкскими материалами и т. д.

4. В области научной обработки археологических материалов. В этой области очень большие перспективы открыло внедрение в нашу науку таких аналитических методов, как структурный анализ, спектральный анализ, пылецевой и петрографический анализ и т. д. Эти методы позволяют исследовать важнейшие моменты технологии древних производств, что значительно обогащается спектральным и структурным анализами, дающими возможность новых сопоставлений и создания новых рядов типов с учетом не только их формы, но и материала и конструктивных особенностей.

Лаборатории по этим методам в Институте археологии АН СССР созданы. Начиная с 1959 г. планируется широкое внедрение этих методов. В связи с этим поставлен ряд тем по истории цветной и черной металлургии, истории керамики, стеклоделия и т. д., которые будут

выполняться археологами А. П. Окладниковым, С. И. Руденко, А. А. Иессеном, Б. А. Колчиным, Б. Г. Тихоновым и др. (совместно с химиками и физиками).

Особо следует остановиться на работах по моделированию древних палеолитических и неолитических орудий и оружия, которые позволят значительно уточнить наши представления о технике и производительности труда в древности. В этой области планируется дальнейшее расширение работ С. А. Семенова, проводимых в лаборатории ЛОИА.

Выполнение большого и ответственного плана предстоящего семилетия потребует напряженной, творческой работы всего коллектива Института археологии АН СССР, четкости, правильной расстановки сил, концентрации сил на наиболее важных участках работы. Но, естественно, широкие и сложные исторические проблемы не могут быть разрешены силами одного Института археологии АН СССР. Работа над ними может быть успешной лишь при условии постоянной координации и творческого содружества с другими археологическими учреждениями и представителями смежных дисциплин. Поэтому план предусматривает координацию работ по конкретным темам с археологическими научно-исследовательскими учреждениями союзных и автономных республик, многочисленными университетами и музеями, а также лингвистами, антропологами, этнографами и историками. Решение ряда больших тем потребует сотрудничества с нашими зарубежными коллегами, прежде всего с археологами стран народной демократии.

Вместе со всеми работниками советской науки археологи Института археологии АН СССР не пожалеют сил, чтобы с честью выполнить свой план и быть достойными участниками исторического семилетия, предначертанного решениями внеочередного XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза.

С. П. ТОЛСТОВ, М. А. ИТИНА

ПРОБЛЕМА СУЯРГАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Хотя термин «суярганская культура» довольно часто встречается на страницах современных исследований по археологии Средней Азии, истолкование его бывает во многих случаях весьма противоречивым. Противоречивость эта в равной степени проявляется как в характеристике самой культуры, так и в попытках ее датировки, определения ее судеб, ее этнической принадлежности.

Суярганская культура была открыта в 1945—1946 гг. работами Хорезмской экспедиции в районе крепости Джанбас-Кала (Правобережный Хорезм, Южная Акча-Дарьинская дельта). Здесь была раскопана стоянка Джанбас 6, давшая типичный для этой культуры керамический комплекс¹.

Анализ материалов со стоянки Джанбас 6 дал основание заключить, что культура эта может быть связана «с появлением в Хорезме нового этнического элемента, исторически связанного с югом, с областями Иранского нагорья и прилежащих стран»². О вероятном южном происхождении суярганской культуры писал и копавший стоянку Я. Г. Гулямов³; но у него эта мысль выражена не столь четко, поскольку он считает суярганскую культуру генетически связанной с неолитической кельтеминарской, а наличие всех характерных для суярганской культуры черт, тесно связывающих ее с южными земледельческими областями, Я. Г. Гулямов относит скорее за счет южных влияний, имевших место еще в неолите, а не за счет непосредственного южного происхождения суярганских племен.

Одним из авторов данной статьи была высказана мысль о сосуществовании на территории Хорезма во второй половине II тысячелетия до н. э. двух культур — тазабагъябской и суярганской, причем суярганские племена, придя в Хорезм, столкнулись здесь с уже заселившимися его тазабагъябскими племенами и ассимилировались с ними⁴.

Со времени раскопок стоянки Джанбас 6 прошло более десяти лет. Работы по изучению древней Акча-Дарьинской дельты Аму-Дарьи, проводимые Хорезмской экспедицией в течение ряда лет, привели к накоплению большого археологического материала и заставили нас по-новому подойти к решению суярганской проблемы.

¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 77—78; его же. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 348; Я. Г. Гулямов. Возникновение ирригации в Хорезме. Научная сессия АН УзССР 9/VI—14/VI 1947 г. Ташкент, 1947; его же. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней (Автореферат докторской диссертации). Ташкент, 1949; его же. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 51—54.

² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 78.

³ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. 1957, стр. 51—54.

⁴ См. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 78.

Прежде всего, уже в 1954 г. встал вопрос о хронологическом разделении суярганской культуры на ранний и поздний этапы⁵. Открытие в 1955 г. так называемой камышлинской культуры дало возможность в наиболее «чистом» виде исследовать ранний этап развития суярганской культуры и поставить вопрос о появлении ее в Хорезме уже в начале II тысячелетия до н. э., т. е. до появления там тазабагъябских племен⁶. Дальнейшие исследования заставили нас пересмотреть вопрос о взаимоотношениях суярганских и тазабагъябских племен, а археологические работы на юге Туркмении открыли новые возможности для исследования судеб суярганской культуры.

Таким образом, накопленный к настоящему времени материал позволяет дать более полную характеристику этой культуры и яснее очертить облик древних племен — ее носителей.

В 1954 г. в районе урочища Камышлы, у южного разветвления протоков Северной Акча-Дарьинской дельты, были открыты две стоянки — Камышлы 1 и Камышлы 2; позднее, в 1955 г., было открыто около десятка стоянок этой культуры, названной камышлинской (рис. 1). Последующие наблюдения показали, что раннесуярганская культура и камышлинская — одно и то же, что и дало нам основание называть ранний этап развития суярганской культуры камышлинским.

Здесь, в Северной дельте, стоянки этой культуры не связаны непосредственно с руслом. В большинстве случаев они обнаружены на примыкающих к дельте коренных песчаных возвышенностях, а также на внутридельтовых грядах коренных песков.

Как правило, стоянки примыкают к северо-восточному склону межгрядовых понижений, что, несомненно, было связано с желанием защититься от господствующих северо-восточных ветров.

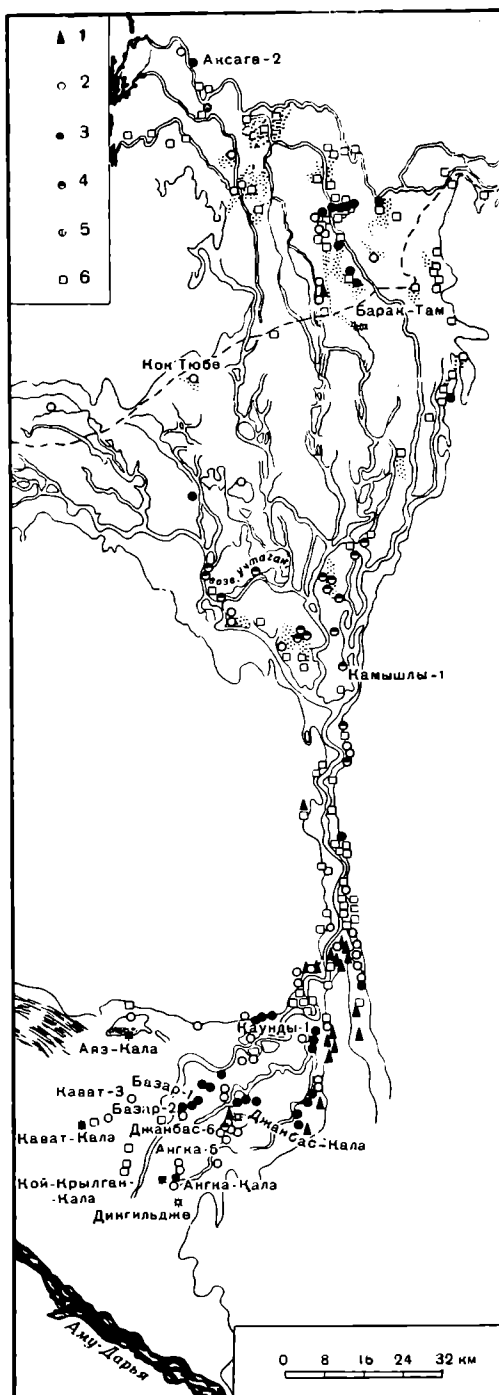

Рис. 1. Археологическая карта Акча-Дарья
1 — кельтеминарская культура; 2 — тазабагъябская культура; 3 — суярганская культура, каундинский этап; 4 — суярганская культура, камышлинский этап; 5 — тазабагъябско-суярганские стоянки, базаркалинский этап; 6 — культура варварских кочевых племен (железный век)

⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6, стр. 98.

⁶ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956). СЭ, 1957, № 4, стр. 41, рис. 8.

Материал стоянок характеризуется сочетанием окрашенной в красный цвет и залощенной керамики с кремневым, чаще кварцитовым инвентарем.

На стоянке Камышлы 1 вместе с типичной кварцитовой индустрией найден почти целый большой сосуд (рис. 2) из глины с крупными включениями дресвы, коротким, изогнутым горлом, сильно раздутым туловом и, вероятно, уплощенным дном (дно не сохранилось). Диаметр горла — 23,2 см; толщина стенок — 1,1 см. По краю горла идет налепной валик. Сосуд окрашен в красный цвет.

Рис. 2. Сосуд со стоянки Камышлы 1

Большой интерес представляют и остальные стоянки этой культуры, давшие обильный керамический материал. Керамика толстостенная, — в глине — примеси дресвы и толченых раковин, черепок имеет черный излом и слоится. Во многих случаях сосуды покрыты красной краской и залощены. Встречен фрагмент сероглиняного сосуда с лощением.

Керамика делится на ряд типов.

1. Сосуды с коротким, прямым или изогнутым горлом и очень плавным переходом к плечам (рис. 3, 3, 4, 13), часто окрашены в красный цвет и залощены, по краю идет слабо выраженный венчик. Орнамент в виде крупной елочкой выполнен насечками. Иногда это незамкнутые треугольники; изредка встречается гребенчатый штамп, причем орнамент располагается обычно по горлу и плечам сосуда.

Видимо, одним из вариантов этой формы являются невысокие открытые горшки, которые позднее широко распространяются в позднесуярганских и амирабадских комплексах (рис. 3, 4—6).

2. Многочисленная группа сравнительно толстостенных сосудов с прямым коротким горлом и совершенно горизонтальным краем, по середине которого в единичных случаях идет желобок. Плечи очень крутые, в ряде случаев сосуд окрашен и залощен (рис. 3, 9—12).

Как по технике изготовления, так и по форме они более всего похожи на большой сосуд со стоянки Камышлы 1. Один из сосудов имеет тоже при переходе от горла к плечам налепной валик.

Возможным вариантом этой формы являются сосуды с коротким изогнутым горлом и более плавным переходом к крутым плечам (рис. 3, 7—8).

Нам представляется, что эта группа сосудов имеет черты сходства с кельтеминарскими сосудами с коротким горлом и раздутыми боками, происхождение которых, в свою очередь, может быть связано с переднеазиатским югом.

Подробному выявлению южных связей кельтеминарской культуры посвящена статья А. В. Виноградова⁷, в которой автор, в частности, от-

⁷ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, № 1, стр. 25—45.

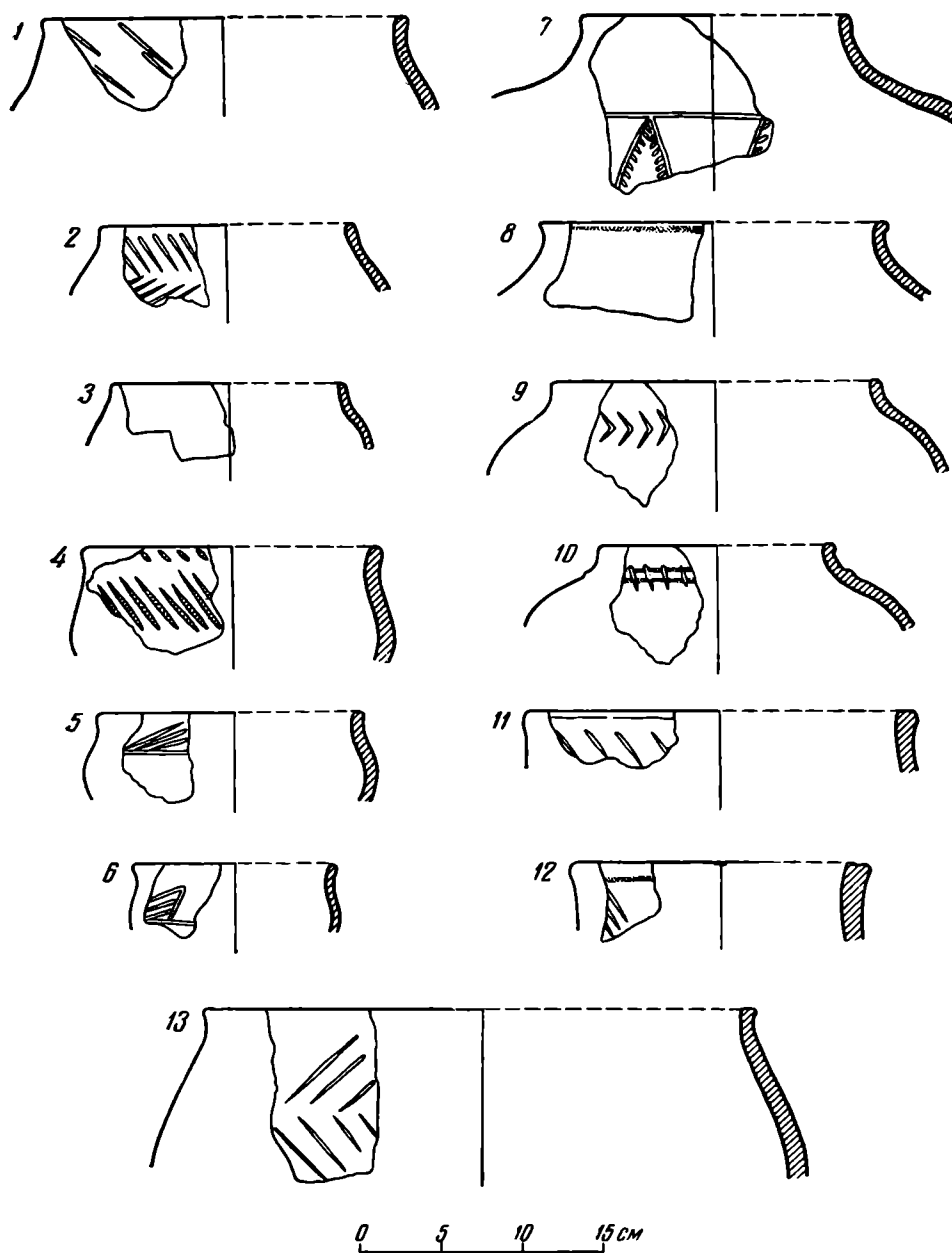

Рис. 3. Керамика камышлинского этапа суярганской культуры

1, 2, 4—6, 11—13 — стоянка Камышлы 6; 3 — стоянка Камышлы 9; 7—9 — стоянка Камышлы 8; 10 — стоянка Камышлы 10

мечает наличие в кельтеминарском керамическом комплексе сосудов со сферическим туловом, аналогии которым он находит в переднеазиатском мире земледельческих культур⁸.

И действительно, если мы проследим распространение этой формы, мы можем прийти к интересным заключениям (рис. 4). Эта форма с некоторыми вариациями была широко распространена в Передней Азии в IV тысячелетии до н. э. Мы встречаем ее в Иране — в слое Сиалк IV⁹, в слое Гиссар II В¹⁰, слое Шах-Тепе III и II В¹¹, в Тюрень-Тепе¹².

⁸ Там же, стр. 26, рис. 1, 3; стр. 37.

⁹ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan, t. I, Paris, 1938, табл. XC, 23.

¹⁰ E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, табл. XXVI, H. 1822.

¹¹ T. J. Arne. Excavations at Chah Tepe, Iran. Stockholm, 1945, рис. 302a; табл. LII, 404a.

¹² F. R. Wulsin. Excavations at Tureng Tepe. Supplement to Bulletin of American Institute for Persian Art and Archaeology, t. 2, March, 1932, табл. XII, рис. 3.

В большинстве случаев это крупные сосуды для хранения запасов; все они, кроме экземпляров из Шах-Тепе, сделаны на круге, окрашены и залощены, на некоторых имеется роспись.

Распространение этой формы в Северо-Восточном Иране, естественно, не могло не сказаться на развитии керамических форм земледельческих культур Юго-Западной Туркмении.

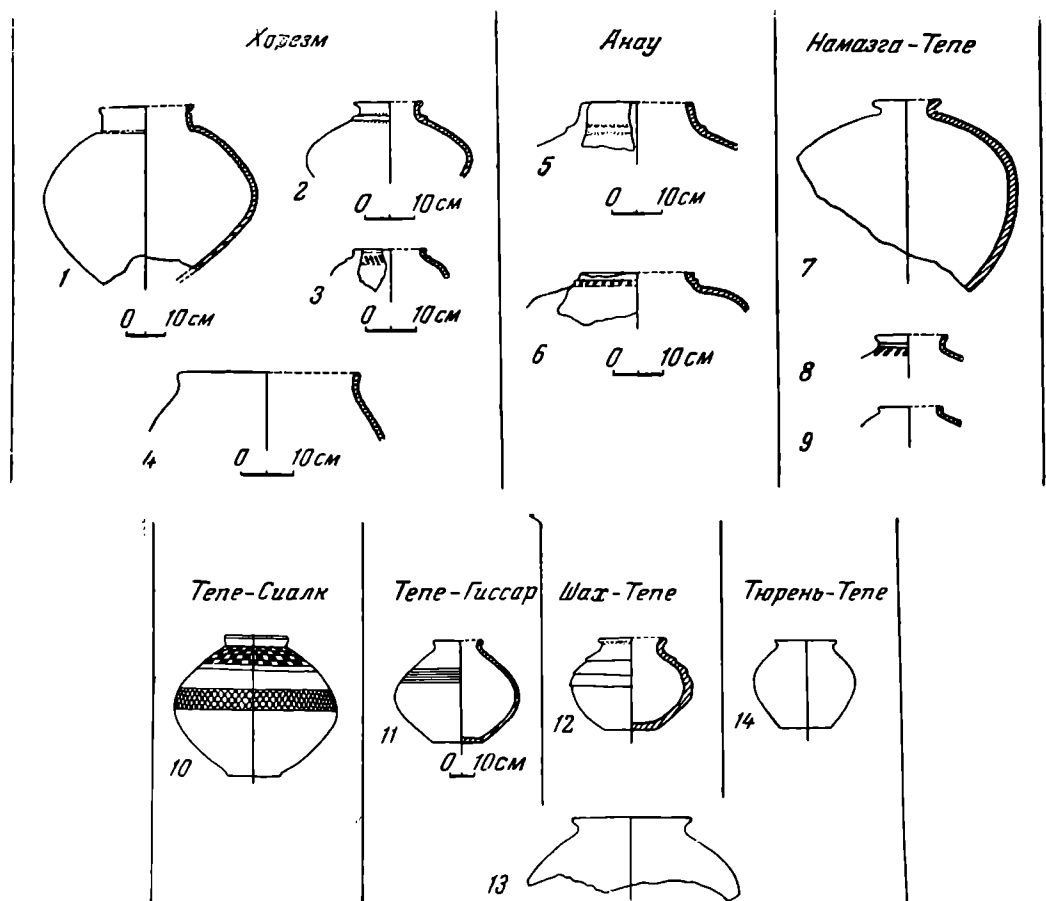

Рис. 4.

1 — стоянка Камышлы I; 2 — стоянка Кокча 4; 3 — стоянка Камышлы 10; 4 — стоянка Кокча 2; 5, 6 — слой Анау III; 7 — Намазга-Тепе; 8 — слой Намазга III; 9 — слой Намазга IV; 10 — слой Сиалк IV; 11 — слой Гиссар II B; 12, 13 — слой Шах-Тепе III и II B; 14 — сосуд из погребений в западном холме

Так, в слое Анау III найдены сосуды такого типа¹³; вариант этой формы, но, очевидно, более поздний, дает сосуд из сборов Д. Д. Букинича на Намазга-Тепе¹⁴.

Вариант этой же формы дают сосуды из слоя Гавра VIII (верховья Тигра)¹⁵, слоя Сузы 2¹⁶. У них тоже короткое горло и сферическое тулово, но без заметного перегиба в средней части.

Дальнейшее распространение этой формы в северо-восточном направлении мы можем проследить на материале узбойского неолита.

¹³ Музей антропологии и этнографии, Ленинград, Колл. 948-в. № 193, 341.

¹⁴ Музей антропологии МГУ, колл. № 62, № 11 (сборы Д. Д. Букинича).

¹⁵ A. E. Speiser. Excavations at Tepe Gawra, т. I, Philadelphia, 1935, табл. LXII, 17.

¹⁶ O. Montelius. Die älteren Kulturperioden in Orient und Europa. Stockholm 1923, t. II, табл. II, 126.

Так, на Нижнем Узбое, на стоянке Тагалак 110, найден сосуд этой формы с окрашенной в красный цвет поверхностью, появление которого в этих местах можно, видимо, связывать с влиянием культуры анауских племен¹⁷.

Подводя итог, мы можем отметить распространение этой формы сосудов в III тысячелетии до н. э., наличие ее в неолитических кельтеминарских комплексах Хорезма и появление ее в камышлинских комплексах не позднее начала II тысячелетия до н. э., чему отнюдь не противоречит и характер сопровождающего ее каменного инвентаря.

Орудия из кварцита на стоянке Камышлы 1 представлены в основном ножевидными пластинами (рис. 5, 1). Однако в этом комплексе есть наконечник стрелы ромбической формы с выемкой в основании, обработанный с двух сторон отжимной ретушью. Наконечники этого типа известны в слое Намазга IV¹⁸, который датируется III и, возможно, началом II тысячелетия до н. э.; они же были распространены на позднем этапе кельтеминарской культуры¹⁹, который относится ко второй половине III — началу II тысячелетия до н. э.

Еще более интересный комплекс дает нам стоянка Уч-Таган 2²⁰, где обнаружены скопления керамики камышлинского типа и очажные камни. На северо-восточном склоне котловины, на площади 4 × 4 м найдено десять наконечников стрел из белого, серого и желтоватого кварцита, большой нож из белого кварцита, обломок копья из того же материала — все обработанные с двух сторон тонкой отжимной ретушью. Здесь же найдены ножевидные пластины из коричневого кремня и кусочки кварцита (рис. 5, 2).

Наконечники стрел имеют миндалевидную или удлинненно-листовидную форму, часто с выемкой в основании. Один из наконечников имеет форму, приближающуюся к ромбовидной. Наконечники такого типа характерны для позднекельтеминарских комплексов²¹, т. е. для второй половины III — начала II тысячелетия до н. э., но имеют и более широкое распространение во времени.

Что же касается ножа, то орудий подобного типа мы в Хорезме до сих пор не встречали.

Нож сходного типа найден на Долинском поселении близ г. Нальчика²² (II тысячелетие до н. э.). Более близкую аналогию нашему ножу дает экземпляр со стоянки Боровое озеро I на р. Чусовой²³, который датируется серединой III тысячелетия до н. э.

Кремневые ножи каргопольской культуры²⁴ (северный неолит) также близки нашему ножу; время их существования — конец III тысячелетия до н. э.

В целом эти ножи, видимо, были распространены во второй половине III — II тысячелетия до н. э. Для нас, как мы дальше увидим, наибольший интерес представляет кавказская аналогия нашему ножу — экземпляр с Долинского поселения.

¹⁷ С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1951 г. СА, XIX, 1954, стр. 245, рис. 3.

¹⁸ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, 1956, таблица между стр. 288 и 289.

¹⁹ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет..., рис. 7, II (таблица составлена А. В. Виноградовым).

²⁰ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 108.

²¹ А. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 32, рис. 5, 11, 13.

²² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 177, рис. 23, 10.

²³ О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951, стр. 28, рис. 15, 10.

²⁴ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1958, стр. 112, рис. 63, 7, 10.

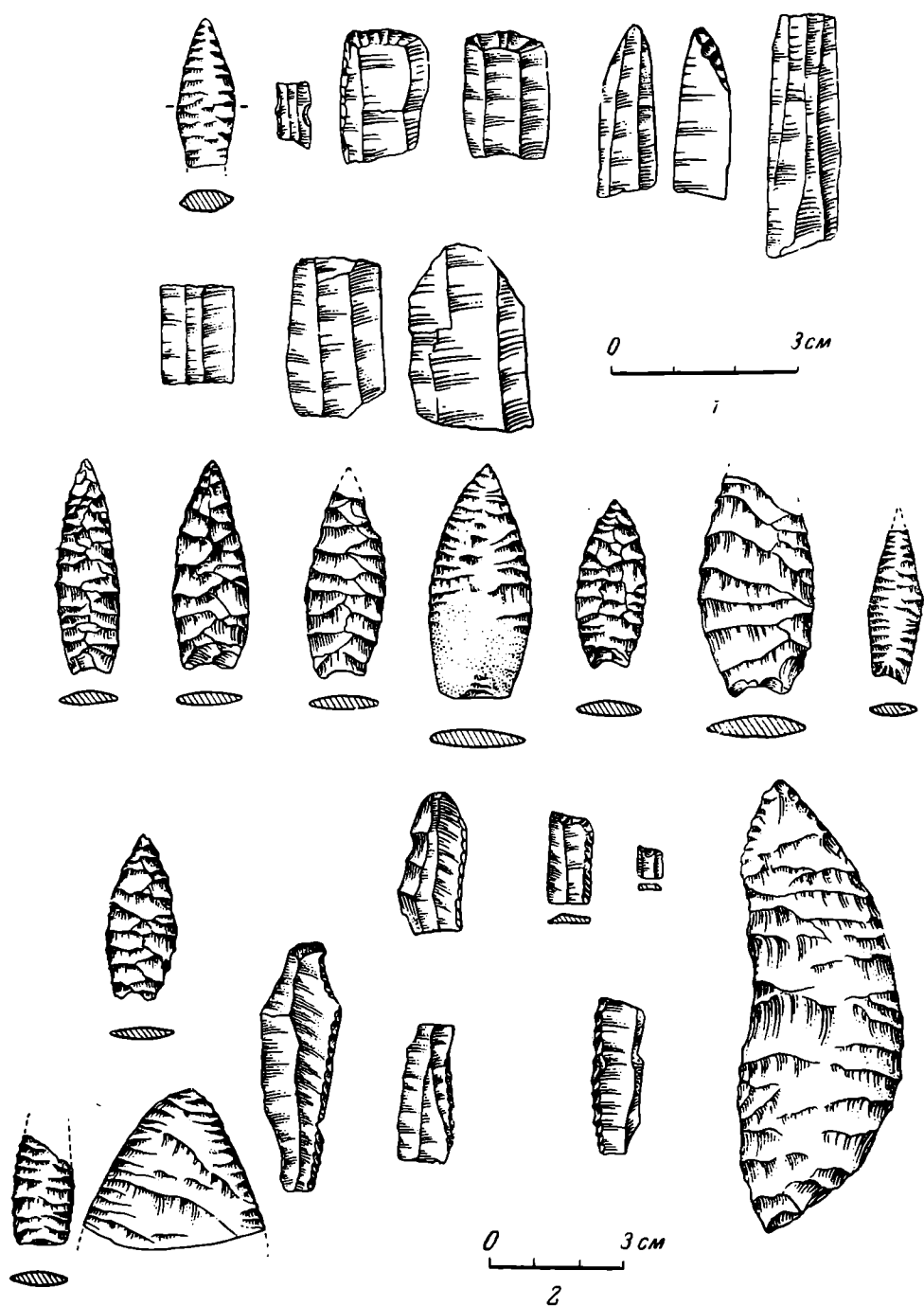

Рис. 5. Кварцитовые и кремневые орудия

1 — со стоянки Камышлы 1; 2 — со стоянки Уч-Таган 2

Итак, мы можем заметить, что в целом каменный инвентарь камышлинских стоянок датируется так же, как и керамика,— концом III — началом II тысячелетия до н. э. Не противоречит такой датировке сосудов сферической формы и наличие на некоторых из них такого, казалось бы, позднего признака, как налпной валик. По установившейся традиции, керамику с налпным валиком, встречаемую в керамических комплексах эпохи бронзы Средней Азии, Казахстана и Приуралья, принято датировать поздним этапом развития андроновской культуры и относить, по классификации К. В. Сальникова, к ее замараевскому эта-

пу²⁵, т. е. к началу I тысячелетия до н. э. Однако, помимо того, что валик как таковой не может служить датирующим элементом²⁶, он связан на этом позднем этапе развития культуры бронзы с совершенно иными формами.

Камышлинские сосуды сферической формы с наlepным валиком также имеют очень близкие аналогии на земледельческом юге. Валик как орнаментальный прием был широко распространен в земледельческих культурах Передней Азии, начиная с периода Джемдет-Наср, т. е. с конца IV тысячелетия до н. э., причем надо полагать, что появление этого приема следует связывать с наличием гончарного круга.

В частности, возможной иллюстрацией этого положения является массовое распространение в слое Намазга IV керамики с рельефными поясками или гофрировкой²⁷, а ведь именно в Намазга IV впервые применяется гончарный круг²⁸.

Наиболее близкие аналогии нашим сосудам с валиком дают слои Шах-Тепе II и III В²⁹, слой Ниневия 5³⁰, слой Гавра VIII³¹ (конец IV — первая половина III тысячелетия до н. э.).

С другой стороны, очень близкую параллель дают расписные и нерасписные сосуды из курганов Триалети в Закавказье, которые Б. А. Куфтин датирует серединой II тысячелетия до н. э.³² Появление валика на горле сосудов в сочетании с короткогорлыми раздутыми формами отмечает для эпохи Анау III, т. е. для II тысячелетия до н. э., и Г. Шмидт³³. Видимо, на Кавказе, как и в Юго-Западной Туркмении и Хорезме, появление этого типа посуды следует относить к первой половине II тысячелетия до н. э., а происхождение его следует связывать с переднеазиатскими культурами «крашеной керамики».

Следует отметить, что распространение керамических форм с валиком связано главным образом с северными областями Передней Азии — верховьями Тигра, южным и юго-восточным побережьем Каспийского моря, причем дальнейшее их распространение могло идти двумя путями — на север, в Закавказье, и на северо-восток, в Северный Иран и Среднюю Азию.

Выделенный нами камышлинский этап суярганской культуры, который четко локализуется в Северной Акча-Дарьинской дельте, все же является еще недостаточно хорошо изученным. Однако перед нами, видимо, одно из раннесуярганских племен, которое, не задержавшись в Южной дельте, прошло прямо через Акча-Дарьинский коридор в Северную дельту и здесь обосновалось. Время появления этих племен в Хорезме — начало II тысячелетия до н. э. Очевидно, есть основания предполагать, что на территории Хорезма кельтеминарская культура на ее позднем этапе хронологически соприкасается, а может быть, и сосуществует с камышлинской.

²⁵ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 120.

²⁶ О необходимости сугубой осторожности в использовании валика для датировки, в частности, памятников эпохи бронзы Приазовья и Поднепровья в связи с широкой распространенностью его на соседних территориях еще в энеолите пишет и С. В. Киселев (см. С. В. Киселев. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет. СА, 1957, № 4, стр. 38—39).

²⁷ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении, по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 355, табл. XXX.

²⁸ Там же, стр. 302.

²⁹ Т. J. Agne. Ук. соч., стр. 173, рис. 302; табл. LI, рис. 404 а.

³⁰ R. Campbell-Thompson and M. E. L. Mallowan. Excavations at Nineveh, 1931—1932. *Annales of Archaeology and Anthropology*, t. XX, 1933, табл. LII, 13; табл. LIII, 6, 7.

³¹ А. Е. Speiser. Ук. соч., табл. LXVIII, 109.

³² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. LXXV и LXXVII.

³³ R. P u r p e l l y. Ук. соч., стр. 138, рис. 143, 146.

Тазабагъябские племена, проникшие в Южный Хорезм, в район Южной Акча-Дарьинской дельты, с северо-запада в середине II тысячелетия до н. э., прочно там обосновались и сосуществовали с суярганскими³⁴.

Контакт между этими двумя этническими группами проявился во взаимовлиянии одной культуры на другую, что мы можем проследить на материалах целого ряда стоянок (Кокча 2, могильник Кокча 3, стоянки Джанбас 6, Базар 2 и Базар 4).

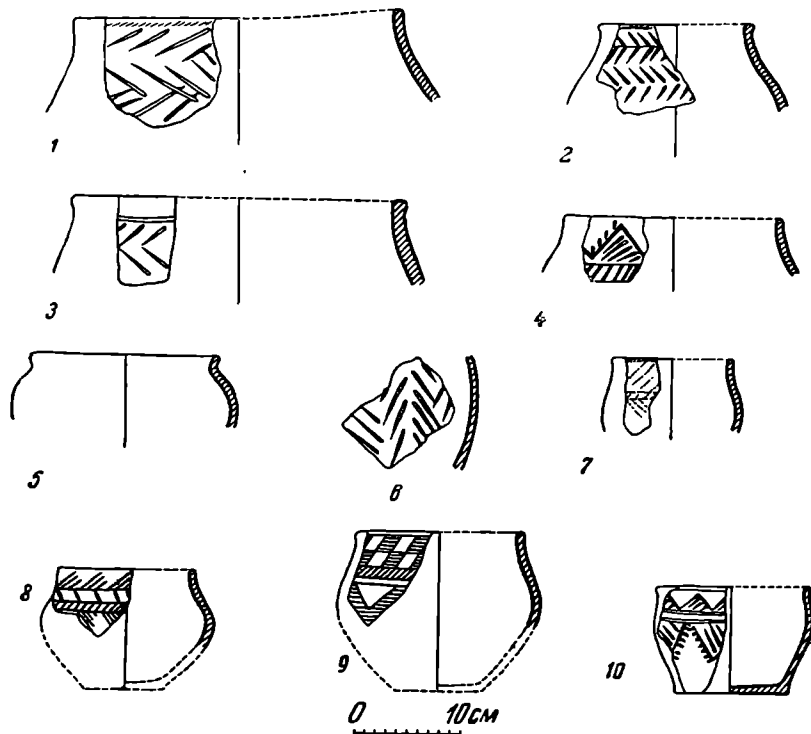

Рис. 6. Керамика со стоянки Базар 2

Эти стоянки, датируемые временем от XV до XII в. до н. э., т. е. синхронные таким типично тазабагъябским памятникам, как стоянки Ангка 5, Кават 3 и могильник Кокча 3, могут быть выделены в особый этап развития суярганской культуры — базаркалинский или тазабагъябско-суярганский.

На стоянке Джанбас 6, наряду с тазабагъябскими формами, обнаружена группа сосудов, в составе которой были лепные сосуды из хорошо отмученной светлой глины, сравнительно тонкостенные, с ярко выраженным венчиком в виде валика, плавным профилем и плоским дном. Поверхность их окрашена в красный и оранжевый цвета и залощена (зеркальное лощение). Превалирует серая и красная лощеная посуда без орнамента, но встречаются и фрагменты сосудов с резным геометрическим и елочным орнаментом.

На стоянке Базар 2 (рис. 6) наряду с обычными тазабагъябскими приемами в орнаментации сосудов применялась окраска их в красный или оранжевый цвет с последующим лощением.

Встречающийся здесь наряду с типично тазабагъябскими незамкнутыми треугольниками орнамент в виде шахматной доски или треугольников с росточками имеет аналогии в южных земледельческих культурах, где он, правда, выполнен росписью. Некоторые формы сосудов повторяют камышлинские; это в первую очередь относится к крупным сосудам с ко-

³⁴ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет..., стр. 41.

ротким изогнутым горлом и плавным переходом к широким плечам, которые, как мы увидим в дальнейшем, характерны для суярганской культуры на всех этапах ее развития.

В материалах ряда стоянок Южной дельты мы встречаем уже известный нам сосуд с раздутыми боками и рельефным валиком при переходе от горла к плечам (например стоянка Кокча 4).

Очень устойчивой и часто встречающейся формой являются вышеупомянутые сосуды с коротким изогнутым горлом и очень плавным переходом к хорошо выраженным плечам. Они обычно представлены крупными экземплярами и имеют красный цвет поверхности.

Сосуды такого типа, но с росписью, имеются в слое Намазга III с Кара-Тепе³⁵, собственно в слое Намазга III³⁶; сохраняется эта форма и в Намазга IV³⁷. Известен экземпляр крупного сосуда такой формы и из Шах-Тепе³⁸.

Существование тазабагъябской и суярганской культур на территории Правобережного Хорезма подтверждается, видимо, и краниологическим материалом. Среди черепов из могильника Кокча З. Т. А. Трофимовой обнаружены два антропологических типа: один — близкий антропологическим типам андроновской и срубной культур, представляющий, вероятно, тазабагъябское население, другой — входящий в круг индодравидоидных форм экваториальной расы³⁹, причем появление последнего может быть связано с пришедшими в Хорезм с юга суярганскими племенами.

Это наше заключение не снимает впредь, до получения краниологических материалов эпохи неолита, неоднократно выдвигавшегося нами ранее предположения о появлении южных антропологических типов еще в эпоху кельтеминара.

К концу II тысячелетия до н. э. на территории Южной Акча-Дарьинской дельты суярганская культура в значительной степени ассимилирует тазабагъябскую и становится здесь господствующей культурой, приобретая при этом ряд новых черт. Это уже каундинский этап суярганской культуры, верхней датой которой является, видимо, X—IX вв. до н. э.; наиболее типичными памятниками этого типа являются стоянки Базар 1 и Каунды 1.

Условия местонахождения каундинских (позднесуярганских) стоянок те же, что и у стоянок базаркалинского этапа; они располагаются по берегам русловых протоков. Однако площадь, занимаемая теперь стоянками, резко увеличивается. Так, например, если площадь раннесуярганских стоянок Джанбас 6 и Базар 2 равна примерно 60×40 м, то площадь крупнейшей позднесуярганской стоянки Каунды равна 250×150 м. Меняется и облик самой культуры. Резко выступают типично суярганские черты; тазабагъябские почти совсем исчезают.

Наиболее богато на каундинских стоянках представлена керамика. Целый ряд сосудов сделан из серого глиняного теста с большей или меньшей примесью дресвы и известковых частиц (толченых раковин?). Сосуды эти хорошо обожжены и залощены. Встречаются сосуды, сделанные из коричневой глины и имеющие черный излом черепка и красноватый цвет поверхности. В некоторых случаях качество глины лучше, черепок тоньше, при этом он покрыт красноватой или желтоватой краской и залощен. Сосуды, как правило, плоскодонны, изредка встречаются сосуды с уплощенным дном (см. рис. 7, 6, 12). Орнамент встречается сравнительно редко, идет по горлу или плечам сосуда в виде тон-

³⁵ В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 349, табл. XXIV, 12; стр. 351, табл. XXVI, 14.

³⁶ Там же, стр. 353, табл. XXVIII, 1.

³⁷ Там же, стр. 359, табл. XXXIV, 1.

³⁸ Т. Ж. Агпеев. Ук. соч., табл. XLI, 490.

³⁹ Т. А. Трофимова. Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма. СЭ, 1957, № 3, стр. 14, 15.

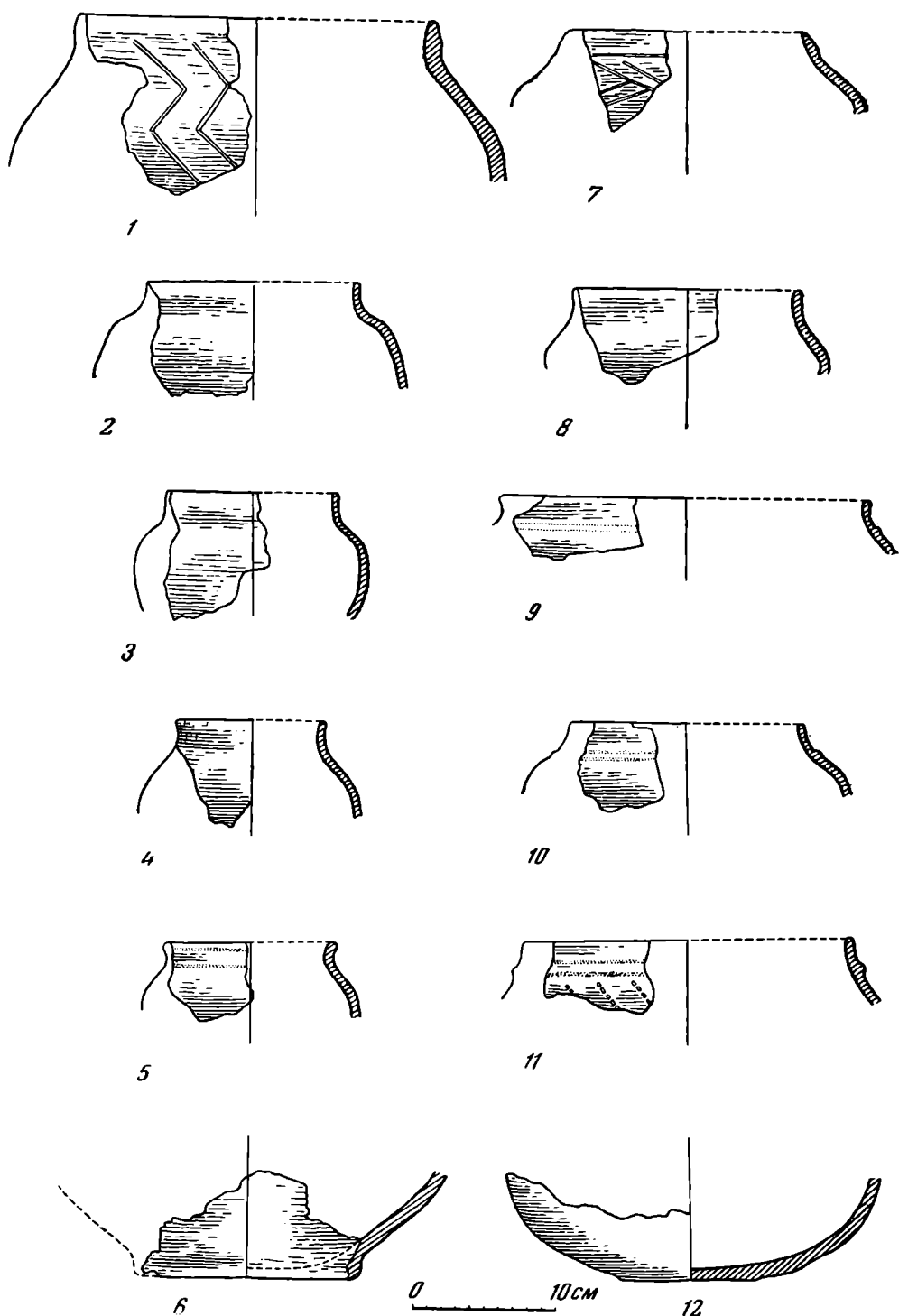

Рис. 7. Керамика каундинского этапа суярганской культуры
1, 4, 7, 9—12 — стоянка Каунды; 2, 3, 5—6, 8 — стоянка Базар 1

ких резных линий или глубоких насечек, нередко образующих полосу крестиков, «елочки» или вертикально поставленных ломаных линий. По форме эти сосуды делятся на ряд типов.

Это, во-первых, сосуды с коротким горлом, без венчика или с воротничковым (по нашей терминологии — подтреугольным) венчиком, пологими плечами и довольно раздутым туловом, являющиеся вариантом уже известной нам камышлинской формы (рис. 8, 2, 3, 5).

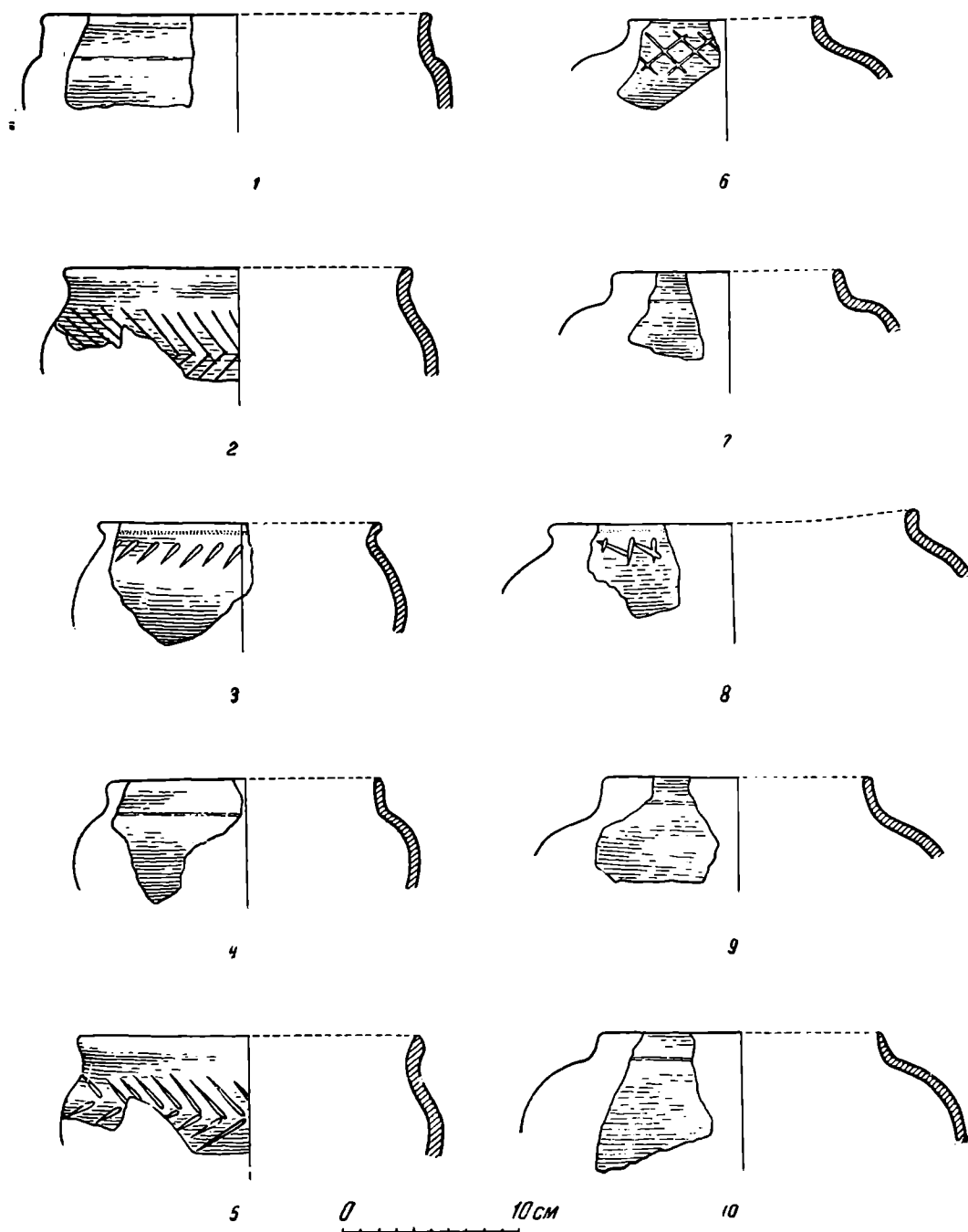

Рис. 8. Керамика каундинского этапа сурганской культуры

1, 3—4, 6—9 — стоянка Базар 1; 2, 5, 10 — стоянка Каунды 1

Наиболее широко распространены сосуды с коротким горлом, без венчика или с чуть заметным утолщением вместо него, с очень крутыми плечами и округлым туловом (рис. 7, 6—10). Часто это открытые сосуды небольшой высоты, которые можно считать чашками или мисками (рис. 7, 1, 4). Они сделаны из кремевой и серой глины, именно они в большинстве случаев окрашены и залощены.

Сосуды эти также встречались в камышлинских комплексах; здесь эта форма получает широкое распространение.

Вариантом этих чашек являются сосуды с перегибом плеч, приходившимся примерно на середину их высоты, и с венчиком подтреугольной

формы (рис. 8, 7, 8). Такой венчик, который впервые появляется в Хорезме в это время, т. е. в эпоху поздней бронзы, широко распространяется в амирабадской культуре и является характерным для керамики архаического периода (ранняя античность).

Довольно часто встречаются сосуды с коротким, прямым или слегка изогнутым горлом и пологими плечиками, переходящими в округлое, но несколько вытянутое тулово (рис. 8, 1—5).

Наконец, в этих же комплексах мы встречаем сосуды с коротким горлом и крутыми плечами, причем по горлу у них идет рельефный поясок или валик (рис. 8, 9—12). Это уже известная нам камышлинская форма,

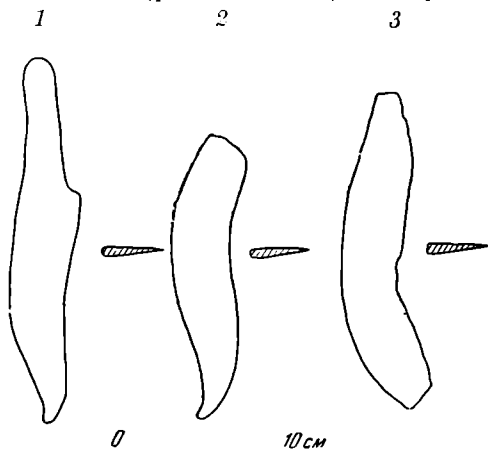

Рис. 9. Ножи и серп со стоянок каундинского этапа суряганской культуры

1 — стоянка Каунды 1; 2 — стоянка Кокча 1; 3 — стоянка Базар 1

янке Базар I⁴⁰. Один из них сохранился несколько лучше (рис. 9, 3).

Серпы эти находят себе аналогии среди изделий из бронзы, обнаруженных, например, на Ташкентском канале⁴¹, на Большом Чуйском канале (Киргизия)⁴², в слое Намазга VI (Туркмения)⁴³, наконец, известен серп такого типа и из Орского района (Южное Зауралье)⁴⁴. Все эти находки датируются андроновским временем, что вполне позволяет нам датировать серпы со стоянки Базар I (в комплексе с керамикой) самым концом II тысячелетия до н. э., может быть, началом I тысячелетия до н. э.

Среди орудий из бронзы особое место занимает нож, найденный на стоянке Каунды 1, близ одного из разветвленных очагов жилища «Б» (рис. 9, 1). Это небольшой однолезвийный нож с выделенной рукоятью, на конце которой дырочка, с характерным изгибом лезвия и оттянутым назад кончиком. Такой же нож, но без рукояти (она отломана) был обнаружен на стоянке позднесуряганской культуры Кокча I (рис. 9, 2). Найден он в комплексе с керамикой, так что принадлежность его к этой культуре не вызывает сомнений. Он отличается от ножа со стоянки Каунды I лишь большими размерами и большей изогнутостью лезвия. Это ножи так называемого карасукского типа, широко распространенные в эту эпоху и встречающие себе аналогии, например, в Западном Казахстане.

⁴⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, стр. 97, рис. 6, 1, 2.

⁴¹ Архив Института истории и археологии АН УзССР, дело № 177.

⁴² Тр. Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. XXXVI, 3.

⁴³ Б. А. Куфтин. Полевой отчет..., таблица между стр. 288 и 289.

⁴⁴ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 129, рис. 14, 1.

но здесь она получает более широкое распространение и, кроме того, если раньше валик этот чаще всего был наlepной и имел форму уступа или ступеньки, то теперь он формируется вместе с сосудом и имеет вид округлого, рельефного пояса. На стоянках повсеместно встречаются грузила из обломков сосудов. Среди изделий из камня можно отметить лопатки, обломки зернотерок и кварцита. На стоянке Каунды I найден кремневый наконечник стрелы с черешком, обработанный с двух сторон прекрасной отжимной ретушью.

Среди орудий из бронзы следует отметить два фрагментированных серпа, найденных на сто-

Мы имеем в виду, в частности, нож (но без дырочки на рукояти), который найден в одном из погребений на Малом мысу (Томский могильник⁴⁵). Погребения эти М. Н. Комарова датирует андроновско-карасукским временем⁴⁶, т. е., видимо, концом II — началом I тысячелетия до н. э. Этим же временем, так же как и серпы со стоянки Базар 1, могут быть датированы и наши ножи⁴⁷.

Как уже говорилось, памятники камышлинской (раннесуярганской) культуры в Северной Акча-Дарьинской дельте не заходят дальше ее южной части, в то время как стоянки каундинского этапа мы находим на ряде протоков Северной дельты вплоть до Аральского моря.

Правда, здесь в керамическом материале более устойчиво сохраняются тазабагъябские традиции; керамика также более грубая. Примером такой стоянки является стоянка Барак-Там 19, расположенная на северной окраине крупного песчаного массива, в 15 км к северу от поселения Барак-Там. Здесь найдена керамика и очень большое количество кусков кварцита.

Керамика мелкая, обычно лощеная, черепок коричневый, реже встречаются фрагменты сероглиняной посуды. Сосуды имеют прямое, короткое, чуть утолщенное по краю горло и округлое тулово с крутыми плечами. Под горлом идет обычно резной орнамент в виде крестиков или «елочки»; встречаются сосуды без орнамента, уже совершенно амирабадского типа.

Весь керамический комплекс стоянки Барак-Там 19 чрезвычайно похож на позднесуярганский комплекс стоянки Каунды 1.

Разница состоит лишь в том, что на стоянке Каунды 1 мы встречаем более тонкий черепок, больше сероглиняных сосудов, чаще применяется лощение. Но это, конечно, не хронологические различия; они связаны с тем или иным качеством местной глины, с большей или меньшей устойчивостью суярганских традиций.

Археологические и геоморфологические работы на территории древнейшей дельты Аму-Дарьи — Акча-Дарье — дали нам возможность восстановить не только облик материальной культуры суярганских племен, но и сделать попытку восстановления основы их хозяйственной жизни и общественной организации.

Как уже говорилось, вся область дельты в эпоху бронзы была заселена племенами — носителями тазабагъябской и суярганской культур (см. рис. 1); в южной части Северной дельты жили древние камышлинцы, происхождение которых можно связывать с древними суярганцами. Если в эпоху неолита основным занятием населения были охота и рыболовство, то сейчас, в эпоху бронзы, картина усложняется.

Большая обводненность Северной дельты по сравнению с Южной в эпоху бронзы и происходящий в Южной дельте процесс дренирования определяли занятия населения, развитие того или иного вида хозяйства. Врезание протоков Южной дельты и связанное с этим ее осушение, исчезновение болот и болотного ландшафта — все это способствовало возникновению здесь нового типа хозяйства — первобытных форм ирригационного земледелия.

Надо полагать, что возникновение земледелия в Хорезме может быть связано с эпохой господства тазабагъябской культуры, но на раннем этапе ее развития оно носило еще весьма примитивный характер. Дальнейшее развитие первобытной ирригации в Хорезме может быть приурочено к XI—IX вв. до н. э. — времени господства суярганской куль-

⁴⁵ М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казакки», вып. 15, Л., 1929, рис. 3, 11; М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 24, 1952, стр. 18, рис. 8, 15.

⁴⁶ М. Н. Комарова. Ук. соч., стр. 27.

⁴⁷ В связи с находкой этих ножей было высказано предположение о проникновении некоторых элементов карасукской культуры в Хорезм. См. С. П. Толстов. Итоги двадцати лет..., стр. 41.

туры на каундинском этапе ее развития. В районе многих стоянок суярганской культуры в Южной дельте Акча-Дарьи были обнаружены остатки ирригационных сооружений, базировавшихся на мелких боковых затухающих протоках дельты. Самый примитивный тип ирригаций демонстрируют поля, обнаруженные в районе стоянки Кокча 3⁴⁸.

Более совершенный вид имеют ирригационные сооружения на каундинских стоянках Базар 1 и Базар 3. В 50 м к западу от стоянки Базар 3 проходит русло, ныне заполненное песком. От русла отходил когда-то проток, пересекавший такыр и сохранившийся сейчас в рельефе в виде узкой глинистой полосы, ограниченной справа и слева небольшими уступами. Стоянка и орошаемые поля располагались непосредственно на берегу этого русла, от него же отходит и канал, сохранившийся сейчас на такыре в виде слабовыраженной ложбинки длиной в несколько десятков метров. Величина орошаемого участка на стоянке Базар 3 достигала примерно 1 га⁴⁹.

Таким образом, мы видим, что в жизни позднесуярганских племен Южный дельты земледелие играло уже значительную роль. Об этом свидетельствуют и повсеместные находки на стоянках обломков зернозерок из песчаника, находки бронзовых серпов.

О роли скотоводства в хозяйстве этих племен мы можем пока судить по материалам раскопанной нами стоянки тазабагъябской культуры Кават 3, где найдены кости быка, овцы, лошади. Есть все основания считать, что аналогичные формы скотоводства были свойственны и синхронным суярганским племенам. Об этом говорят находки в очажных ямах стоянки Базар 2, где обнаружены кости крупного рогатого скота. При всем этом продолжало существовать рыболовство, о чем можно судить по многочисленным находкам керамических грузил.

Как уже говорилось, Северная дельта была больше обводнена и ее водный режим был сходен с режимом Южной дельты в эпоху неолита. Это определило и занятия населения, которое в большей мере, чем население Южной дельты, сохраняло традиции неолитического быта.

Может быть, здесь имелись зачатки земледелия, но охота, рыбная ловля и, вероятно, скотоводство играли более крупную роль, причем это особенно относится к охоте и рыболовству. Сохранение неолитических традиций в связи с географическими условиями сказывается прежде всего на инвентаре стоянок. Здесь, наряду с типичной для эпохи бронзы керамикой, наряду с наличием орудий из бронзы, всюду встречаются орудия из кремня и кварцита и заготовки для них в виде пластин и крупных отщепов,

Совершенно естественно, что крупные изменения, происшедшие в хозяйстве племен, населявших древний Хорезм во II тысячелетии до н. э., не могли не повлечь за собой и изменения в их общественной организации.

Если в неолите большая материнская родовая община в 100—120 человек населяла один большой дом, причем парная семья еще не обособилась в хозяйственно-бытовом отношении⁵⁰, то в эпоху бронзы картина меняется.

Скопление меньших по площади домов, населенных отдельными семьями (с одним центральным очагом и несколькими связанными с ним маленькими очажками), отмеченное на стоянках тазабагъябской и камышлинской культур, превращение этих стоянок в крупные поселения позднесуярганского времени с площадью 250 × 150 м (стоянка Каун-

⁴⁸ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции..., рис. 10, стр. 97; С. П. Толстов и Б. В. Андрианов. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 5, 6 и таблица между стр. 8 и 9, верхний ряд.

⁴⁹ С. П. Толстов, Б. В. Андрианов. Ук. соч., стр. 5—6.

⁵⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 69.

ды 1) — все это факты, говорящие о дальнейшем развитии родовой организации.

Развитие пастушеского скотоводства и металлургии меди и бронзы при неравномерном распределении на территории Средней Азии источников сырья способствовало развитию обмена и культурных сношений между отдельными племенами, наконец, передвижению отдельных племенных групп на значительные расстояния. Южное Приаралье — область «Великих Озер» Средней Азии, область «Моря Вурукаша» Авесты — было той территорией, где, вероятно, шел процесс смешения северных, южных и восточных этнокультурных элементов, на базе которых складывается античная ираноязычная хорезмийская народность. В этом смысле позднесуярганские племена представляют очень большой интерес.

О находках в южных, юго-западных и юго-восточных областях Средней Азии грубой лепной керамики с резным геометрическим орнаментом мы знаем уже давно. До недавнего времени все эти находки расценивались как безусловное доказательство широкого распространения андроновской культуры на всей этой огромной территории⁵¹. После открытия тазабагыябской культуры, сочетающей в себе черты андроновской (в ее западноказахстанском варианте) и срубной культур, стало ясно, что большинство вышеупомянутых комплексов можно связывать именно с тазабагыябской культурой.

Так, помимо территории Акча-Дарьинской дельты, тазабагыябская керамика была встречена в районе древней Присарыкамышской дельты Аму-Дарьи и на Узбое⁵².

О стоянках с такой керамикой, обнаруженных в песках Юго-Западной Туркмении, упоминает А. А. Марущенко⁵³. Подобная керамика была собрана на разветвленных стоянках в окрестностях Ашхабада⁵⁴.

Керамика тазабагыябского типа обнаружена в керамических материалах ряда земледельческих поселений: в слое Намазга VI на Намазга-Тепе⁵⁵, на Теккем-Тепе⁵⁶, на поселениях Тахирбай 3⁵⁷ и Аучин-Тепе⁵⁸ в дельте Мургаба.

Известны находки керамики тазабагыябского типа и из окрестностей Ташкента⁵⁹.

К той же культуре может быть отнесена керамика из могильника Заман-Баба 2 на сухом русле Махан-Дарьи и с поселений в бассейне сухого русла Гурдуш (Бухарская область)⁶⁰.

⁵¹ Так, А. Н. Бернштам считал андроновскими все племена, населявшие степную полосу Средней Азии и Казахстана и оставившие характерные для них памятники так называемой степной бронзы. Эту точку зрения, которую поддерживают М. П. Грязнов, Б. А. Латынин, С. С. Черников, А. А. Формозов, мы не разделяем.

⁵² О находках на Узбое см. С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1957, стр. 52, рис. 22; М. А. И т и н а. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя Там же.

⁵³ А. А. Марущенко. Сообщение об археологических работах в Туркмении. Протокол № 11 заседания сектора бронзы ЛОИИМК АН СССР от 15/V—46 г., стр. 2. Архив ЛОИИМК.

⁵⁴ А. В. З б р у е в а. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, 1946, № 3, стр. 186.

⁵⁵ В. М. М а с с о н. Расписная керамика Южной Туркмении, по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 312.

⁵⁶ А. Ф. Г а н я л и н. Теккем-Тепе. Тр. Ин-та истории, археологии, этнографии АН ТуркмССР, т. II, 1956, стр. 84—86; В. М. М а с с о н. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 251.

⁵⁷ В. М. М а с с о н. Первобытно-общинный строй..., стр. 251; его же. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 62; его же. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 59, рис. 19.

⁵⁸ В. М. М а с с о н. Изучение древнеземледельческих поселений..., стр. 59.

⁵⁹ Т. Г. О б о л д у е в а. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 148, рис. 62.

⁶⁰ Я. Г. Гу л я м о в. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, 1956, стр. 151, рис. 4; стр. 156.

Если раньше, когда находки этого типа были единичны, можно было говорить о наличии культурных связей между населением степной полосы Средней Азии и жителями ее южных подгорных районов, то теперь можно ставить вопрос о передвижении племен — носителей тазабагъябской культуры в южном направлении. Племена эти двигались по водным путям, свидетельством чего являются, например, находки на Узбое. Может быть, и находки в дельте Мургаба связаны с ее освоением не только южными земледельческими племенами — носителями культуры типа Намазга VI⁶¹, но и племенами скотоводческо-земледельческими, носителями тазабагъябской культуры, пришедшими сюда во второй половине II тысячелетия до н. э.

Археологические работы последних лет дают нам возможность установить факт продвижения в южном направлении и каундинских (позднесуярганских) племен. Впрочем, если мы рассмотрим под этим углом зрения и ранее известные материалы, то убедимся, что и они свидетельствуют в пользу этого предположения.

Так, на стоянках эпохи бронзы, обнаруженных при археологических работах на Большом Чуйском канале⁶², наряду с типично тазабагъябскими формами⁶³, мы встречаем сосуды уже иного профиля, с характерным перегибом плеч (примерно в середине тулова), с подтреугольным венчиком, скупой орнаментацией, лощением⁶⁴. Эта керамика в основном относится к так называемой каиндинской группе и была датирована А. Н. Бернштамом 1200—800 гг. до н. э.⁶⁵

Раскопанный в последние годы Вуадильский могильник (Фергана)⁶⁶ дает керамический материал, весьма сходный, как отмечают его исследователи, с каиндинским⁶⁷. Датируется Вуадильский могильник X—VIII вв. до н. э.

Исследования стоянок эпохи бронзы в Кайрак-Кумах⁶⁸, проведенные А. П. Окладниковым и Б. А. Литвинским, дают несколько разновременных комплексов, один из которых относится к тому же времени, что и Вуадильский, и оставлен, как нам кажется, тем же населением, которое хоронило своих покойников в Вуадиле. Здесь тоже резко сокращается количество орнаментированных сосудов, появляются воротничковые венчики и т. д.⁶⁹

Наличие в Ферганской долине в одинаковых условиях памятников, сочетающих в себе некоторые тазабагъябские черты при значительном преобладании суярганских, наряду с такими типично земледельческими поселениями с крашеной керамикой, как Чуст и Дальверзин, еще раз

⁶¹ В. М. Массон. Поселения поздней бронзы..., стр. 66.

⁶² Тр. Семиреченской экспедиции. «Чуйская долина», МИА, № 14, 1950, стр. 104—106, табл. XXIX—XXXVIII.

⁶³ Там же, табл. XXIX, 1; табл. XXXI, 1.

⁶⁴ Там же, табл. XXXI, 4; табл. XXXII.

⁶⁵ Там же, стр. 103.

⁶⁶ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 85—93; и х же. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1957, № 3, стр. 130—135.

⁶⁷ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы..., стр. 91.

⁶⁸ А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 7—12; Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР (краткий обзор). Сталинабад, 1956, стр. 11—13, табл. 3; Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.». Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. LIII, стр. 27—36.

⁶⁹ Как нам любезно сообщил Б. А. Литвинский, ознакомившийся с керамикой с позднесуярганской стоянки Каунды I, последняя как по внешнему виду черепка, так и по некоторым формам похожа на кайрак-кумскую, датируемую концом II — началом I тысячелетия до н. э.

подтверждает наше предположение о передвижении в эти районы в конце II — начале I тысячелетия до н. э. скотоводческих племен из степей Среднеазиатского Междуречья⁷⁰.

Антропологический материал также свидетельствует о наличии смешения южных древнесредиземноморских⁷¹ и экваториальных (индодравидоидных)⁷² типов с северными, срубно-андроновскими типами в памятниках, в которых мы прослеживаем смешение культур степной бронзы с южными культурами.

До сих пор речь шла о смешанных тазабагъябско-суярганских комплексах. Однако, по данным А. А. Марущенко, типичная суярганская керамика была обнаружена в ряде пунктов южной полосы Средней Азии⁷³.

Керамика эта характерна для памятников типа Яшелли-Тепе близ ст. Гяурс, в подгорной полосе Копет-Дага⁷⁴. К памятникам этого типа относятся также Елькен-Тепе у ст. Каушут, которое дало яркие параллели с позднесуярганской культурой⁷⁵, Яссы-Тепе у Душака⁷⁶, селище Койне-Кала у с. Беурме, Бахарденского района⁷⁷.

А. А. Марущенко отмечает, что наличие данного материала в подгорной полосе и в дельтах Теджена и Мургаба может быть синхронизировано с «эпохой варварской оккупации» (по Р. Пампелли⁷⁸). Выше мы уже упоминали о находках керамики степной бронзы в дельте Мургаба. Следует заметить, что небольшая коллекция лепной керамики с поселения Аучин-Тепе, которая и по тесту и по формам явно отличается от характерной для этого памятника посуды, чрезвычайно похожа на керамику каундинского этапа суярганской культуры⁷⁹.

На поселении Яз-Тепе, раскопанном В. М. Массоном, им был выделен слой Яз I, который дает керамику, идентичную керамике из слоя «варварской оккупации» Южного холма в Анау⁸⁰. Слой Яз I датируется началом I тысячелетия до н. э.⁸¹, точнее 900—650 гг. до н. э.⁸². Керамика из слоя Яз I, в основном лепная, отличается грубостью изготовления;

⁷⁰ Пришлый характер культуры Вуадила и Кайрак-Кумов отмечает и В. М. Массон. (См. В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 53).

⁷¹ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунов а. Новые данные..., стр. 134 и 135. О черепаха из Вуадила см. также В. В. Гинзбург. Антропологические материалы из Вуадыльского и Ак-Тамского могильников. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 91—92; его же. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1956, стр. 86—87, 94—95.

⁷² Т. А. Трофимова. Палеоантропологические материалы с территории Древнего Хорезма. СЭ, 1957, № 8, стр. 14.

⁷³ А. А. Марущенко. Старый Серахс (отчет о раскопках 1953 г.). Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 173—174, примеч. 1. Говоря о сходстве керамики яшиллинского типа с суярганской, А. А. Марущенко polemизирует с С. П. Толстовым по поводу даты суярганской культуры, полагая, что ее следует относить к концу II—началу I тысячелетия до н. э. Он совершенно прав, поскольку привлекает для аналогий материал каундинского этапа суярганской культуры; что же касается камышлинского (раннесуярганского) комплекса, то его более ранняя датировка бесспорна.

⁷⁴ А. А. Марущенко. Ук. соч., стр. 173; его же. Анау, историческая справка. Архитектурные памятники Туркмении, вып. I, Москва — Ашхабад, 1939, стр. 101.

⁷⁵ Его же. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. II, стр. 6—7; В. М. Массон. Первоначально-общинный строй..., стр. 252.

⁷⁶ Там же; С. А. Ершов. Холм Яссы-Тепе 2 (раскопки 1952 г.). ИАН ТуркмССР, 1952, № 6.

⁷⁷ А. А. Марущенко. Итоги..., стр. 6—7; его же. Старый Серахс..., стр. 173, примеч. 3.

⁷⁸ Там же, стр. 173.

⁷⁹ Пользуемся случаем выразить благодарность В. М. Массону за любезно представленную нам возможность ознакомиться с этой керамикой.

⁸⁰ В. М. Массон. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 64.

⁸¹ Там же, стр. 65.

⁸² В. М. Массон. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба, стр. 63.

роспись ее — высокого качества. Среди форм мы встречаем очень близкие аналогии тазабагьябским и позднесуярганским формам. Хотя сосуды покрыты росписью, но ее мотивы, а главное принцип ее расположения в верхней трети сосуда сближают эту керамику с образцами культуры степной бронзы⁸³. Быть может, культура Яз I является следующей после культуры Тахирбай 3 ступенью развития новых степных племен, пришедших в дельту Мургаба с севера и вошедших в тесный контакт с племенами, пришедшими сюда с юга еще на стадии Намазга VI.

По мнению А. А. Марущенко, в этот же круг находок, демонстрирующих проникновение в южные земледельческие районы северных скотоводческих культур, могут быть включены и североатрекские памятники типа Мадау⁸⁴.

Особый интерес представляет поселение Мадау-Тепе. Обследовавший это поселение В. М. Массон отмечает наличие там трех видов нерасписной посуды, причем третий вид, характеризующийся грубостью лепки и наличием дресвы и шамота в тесте, дает близкие аналогии каундинской, а может быть, уже и амирабадской посуде⁸⁵. Это особенно относится к сосудам из I яруса шурфа, имеющим слегка изогнутое горло с рельефным пояском, иногда даже с резным орнаментом⁸⁶.

Керамика эта, датируемая В. М. Массоном первой третью I тысячелетия до н. э., вероятно, появляется здесь еще во второй половине II тысячелетия до н. э.⁸⁷. Надо полагать, что в последнем случае речь может идти о конце II тысячелетия до н. э.

Если вышеуказанные памятники давали материал, в котором, наряду с очень сильной южноземледельческой культурной традицией, проявлялись и черты, характерные для культур степной бронзы, то остальные памятники, на которые ссылается в этом плане А. А. Марущенко, не сочетают в себе этих двух черт.

Это прежде всего касается раскопок Р. Гиршмана в Афганском Сеистане и материала с некрополя «В» Тепе-Сиалка⁸⁸. И верхние слои Над-И-Али, и некрополь «В» датируются самым концом II — началом I тысячелетия до н. э., однако при всем сходстве материала из некрополя «В» с культурой архаического Дахистана (на что указывает и В. М. Массон⁸⁹), эти памятники не несут на себе следов влияния или участия в их формировании культуры степных скотоводческих племен.

То же самое можно сказать и по поводу известных нам по публикации материалов из Чустского поселения⁹⁰. Поэтому нам не кажется убедительным ни упоминание А. А. Марущенко об этом поселении в связи все с тем же кругом памятников⁹¹, ни замечание В. И. Спришевского о сходстве керамики Чустского поселения с керамикой суярганской культуры⁹².

Рассмотренные нами памятники, число которых, вероятно, будет все увеличиваться, рисуют историю северных скотоводческо-земледельче-

⁸³ В. М. М а с с о н. Поселения поздней бронзы..., стр. 63, рис. 23 (первый ряд сверху, четвертый ряд, крайний левый сосуд); его же. Изучение древнеземледельческих поселений..., стр. 63, рис. 20, 1, 2.

⁸⁴ А. А. М а р у щ е н к о. Старый Серахс..., стр. 173.

⁸⁵ В. М. М а с с о н. Археологические работы на Мисрианской равнине. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 69, рис. 23 (правый крайний ряд).

⁸⁶ Там же (второй сосуд сверху); В. М. М а с с о н. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 410, рис. 25, 5.

⁸⁷ В. М. М а с с о н. Археологические работы на Мисрианской равнине, стр. 68.

⁸⁸ А. А. М а р у щ е н к о. Старый Серахс..., стр. 174, примеч. 3 и 4.

⁸⁹ В. М. М а с с о н. Памятники культуры..., стр. 434—436.

⁹⁰ В. И. С п р и ш е в с к и й. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1957, № 3, стр. 69—76; его же. Чустское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, вып. 69, стр. 40—49.

⁹¹ А. А. М а р у щ е н к о. Старый Серахс..., стр. 174, примеч. 2.

⁹² В. И. С п р и ш е в с к и й. Чустское поселение..., стр. 49.

ских и южных земледельческо-скотоводческих племен второй половины II — начала I тысячелетия до н. э.

Подведем некоторые итоги.

В начале II тысячелетия до н. э. в Хорезм из южных земледельческих областей Средней Азии приходят суярганские племена, культура которых представлена камышлинскими стоянками; это дало нам основание назвать этот ранний этап в развитии суярганской культуры на территории Хорезма — камышлинским. Анализ материалов камышлинских стоянок показал, что культура эта была тесно связана с древнейшим Переднеазиатским Востоком.

Появление в Хорезме в середине II тысячелетия до н. э. племен — носителей тазабагьябской культуры, видимо, связано с «первой значительной волной индоевропейских, индоиранских или иранских племен, проникших в Хорезм с северо-запада»⁹³.

Тазабгьябские и суярганские (камышлинский этап) племена сосуществовали на территории Правобережного Хорезма, но при этом, вполне естественно, вступали между собой в тесные контакты. Этот период характерен пышным расцветом тазабагьябской культуры, рядом с которой продолжает существовать суярганская культура, но уже на тазабагьябско-суярганской (базаркалинской) ступени своего развития. Стоянки последней дают смешанный материал, в котором преобладают тазабагьябские черты.

К концу II тысячелетия до н. э. доминирующей становится суярганская культура на ее позднем, каундинском этапе. Здесь появляются уже новые формы, но культура эта все же сохраняет еще некоторые тазабагьябские элементы.

Дальнейшее развитие позднесуярганской (каундинской) культуры на территории Хорезма продолжает амирабадская культура (IX—VIII вв. до н. э.), культура последнего этапа эпохи бронзы и перехода к раннему железу.

Что же касается южных областей Средней Азии, то здесь первые находки, которые можно увязать с культурой степной бронзы, могут быть отнесены к тазабагьябской культуре. Они, видимо, демонстрируют крупные племенные передвижения, происходившие в середине II тысячелетия до н. э. (наиболее ранние материалы восходят к XV в.) на территории Средней Азии. Еще более мощным это движение в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях становится в конце II — начале I тысячелетия до н. э. В нем принимают участие и суярганские племена — носители суярганской культуры на каундинском этапе ее развития. Археологические материалы позволяют зафиксировать продвижение этих северных скотоводческих племен по руслам таких рек, как Узбой, Атрек, Теджен, Мургаб, Аму-Дарья и Сыр-Дарья. С другой стороны, большие изменения происходят и в южной подгорной полосе Средней Азии. Население этих областей начинает осваивать для земледелия новые районы, используя при этом более совершенные методы искусственного орошения. Оно отрывается от подгорной полосы и продвигается по дельтам рек, например, Мургаба⁹⁴.

Здесь следует вспомнить, что в дельте Мургаба была зафиксирована тазабагьябская керамика (см. выше), а если это так, то племена — носители этой культуры могли принести сюда, на новые земли, уже широко ими освоенные способы дельтового орошения. Очень может быть, что освоение южными земледельцами новых площадей могло происходить уже на базе новых, воспринятых у северных пришельцев, ирригационных приемов.

⁹³ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет..., стр. 41.

⁹⁴ В. М. Массон. Первобытно-общинный строй..., стр. 253—254.

Таким образом, здесь протекают одновременно два сложнейших процесса: сложение новых земледельческих оазисов и проникновение на юг племен — носителей степной бронзы.

Контакт между северными степными и южными земледельческими племенами сыграл огромную роль в этнической истории среднеазиатских народов.

В свое время одним из авторов настоящей статьи было высказано предположение, что эти контакты между носителями культуры крашеной керамики и носителями сначала охотничье-рыболовецкой, а затем скотоводческо-земледельческих культур евразийского севера явились одной из важнейших предпосылок индоевропейского этногенеза вообще и сложения индоиранской группы индоевропейцев в частности⁹⁵.

Предположение об индоевропейской принадлежности андроновских племен и о возможном отождествлении последних с легендарными ариями, завоевавшими Индию во второй половине II тысячелетия до н. э., высказывал в одной из своих последних работ и А. Н. Бернштам⁹⁶.

В качестве одной из возможных гипотез, объясняющей весьма раннее появление в южных областях Средней Азии ираноязычных племен, В. М. Массон приводит гипотезу о том, что эти области были промежуточной территорией для индоиранских племен, двигавшихся с севера на юг⁹⁷.

Как уже говорилось, это появление индоиранских племен на юге Средней Азии некоторые исследователи связывают с выявленной археологически (еще Р. Пампелли) культурой «эпохи варварской оккупации»⁹⁸.

Учитывая вероятную связь тазабагьябской культуры с первой волной индоевропейских, индоиранских или иранских племен, проникших в Хорезм с северо-запада, и археологически зарегистрированное появление в южных районах Средней Азии тазабагьябских и позднесуяржанских племен — носителей культуры степной бронзы, мы можем вновь поставить вопрос о путях проникновения индоиранских племен на территорию Афганистана и Индии.

Конец великих цивилизаций Мохенджо-Даро и Хараппы, датируемый большинством исследователей 1600—1500 гг. до н. э., является в то же время началом нового периода в истории древней Индии, называемого «темным веком» («dark age»). Этот период датируется серединой II тысячелетия до н. э. — III в. до н. э. и археологически характеризуется появлением совершенно новых культур, создание которых приписывается ариям — племенам-завоевателям, разрушившим древние цивилизации долины Инда.

Однако памятников, которые могли бы дать фактический материал для истории Индии этого времени, исследовано очень немного. Наиболее четкую стратиграфическую картину, демонстрирующую появление, в частности, в долине Инда новых культур, дают верхние слои Чанху-Даро⁹⁹.

Оба эти слоя оставлены людьми, жившими уже на развалинах варварски уничтоженного города времени Хараппы. Если первый из этих

⁹⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 68.

⁹⁶ А. Н. Бернштам. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 19; его же. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа. Тезисы докладов и содокладов на сессии об этногенезе киргизского народа. Фрунзе, 1956, стр. 4.

⁹⁷ В. М. М а с с о н. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 54.

⁹⁸ См. А. А. М а р у ш е н к о. Итоги..., стр. 9; А. Н. Бернштам. Спорные вопросы..., стр. 19.

⁹⁹ Е. М а с к а у. Chanhu Daro Excavations, 1935—1936. New Haven, 1934, стр. 132—133; Э. М а к к е й. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 31, 32.

слоев, слой Джхукар (Jhukar), демонстрирует, может быть, приход в долину Инда племен из Белуджистана (но племен земледельческих), то второй из них, т. е. самый верхний слой Чанху-Даро, слой Джхангар (Jhangar) дает материал, говорящий о появлении степных племен.

В этом слое найдена керамика из серой глины, сформованная на круге медленного вращения, лощеная, несложных форм и с типичным для степной бронзы резным орнаментом в виде пояса заштрихованных треугольников, ломаных линий и т. д.¹⁰⁰. Такая же керамика была найдена раньше в местечке Джхангар (Синд)¹⁰¹, которое и дало имя этой культуре; но там она стратиграфически так четко не увязывалась. Трудность в датировке этой культуры связана с тем, что здесь, кроме керамики, ничего не найдено. С. Пигготт датирует эту культуру не ранее, чем последними веками I тысячелетия до н. э.¹⁰²; однако, как нам представляется по аналогии с переднеазиатскими и среднеазиатскими материалами, речь может идти скорее о начале I тысячелетия до н. э.

Как и в Средней Азии (где нам удалось проследить два этапа продвижения степных племен на юг), в Индии предполагают появление еще одной группы пришельцев с северо-запада где-то на рубеже II и I тысячелетий до н. э.¹⁰³.

Очень важно отметить, что в культуре племен послехараппского времени прослеживаются традиции и земледельческих, и степных культур эпохи бронзы, что вполне естественно, если предположить, что пришли они сюда с северо-запада, по долинам Герируда и Гильменда, из зоны контакта степняков-скотоводов и земледельцев.

Очень может быть, что культура Джхангар отражает для Индии дальнейшие судьбы той культуры эпохи «варварской оккупации», явные следы которой обнаружены теперь на целом ряде памятников вдоль северных окраин Иранского плоскогорья. Вероятно, в Индии черты этой культуры будут проявляться слабее, но все же дальнейшие судьбы степных племен — носителей позднесуярганской культуры могут быть прослежены только при том условии, если в пограничных районах Афганистана и Ирана, равно как и в Северной Индии, будут вестись археологические работы в этом направлении.

Сходство между кюзели-гырской (архаической) культурой Хорезма VII—V вв. до н. э. и культурой Яз II—III (Мургабский оазис), с одной стороны, с другой — наличие аналогий хорезмским керамическим формам в культуре Яз I заставляют предполагать, что указанное сходство культур для середины I тысячелетия до н. э. неслучайно, что в формировании раннеантичной культуры Хорезма и культуры дельты Мургаба участвовали какие-то родственные племена и что контакты между ними наиболее широко проявлялись именно в конце II — начале I тысячелетия до н. э.

Сложный процесс смешения южных и северных этно-культурных элементов, происходивший в Хорезме в бронзовом веке, послужил основой, на базе которой и сложилась античная ираноязычная хорезмийская народность. Для южных областей Средней Азии это время было, вероятно, также эпохой становления парфянских и маргианских этнических общностей¹⁰⁴.

¹⁰⁰ E. M а s k а u. Chanhu Daro, стр. 132—133; табл. XXXIX, XL.

¹⁰¹ N. G. M а j u m d а r. Explorations in Sind. Memoires of Archaeological Survey of India, № 48, 1934.

¹⁰² S. P i g g o t t. Prehistoric India to 1000 B. C. London, 1950, стр. 227.

¹⁰³ Там же, стр. 240.

¹⁰⁴ В. М. М а с с о н. Первобытно-общинный строй..., стр. 255.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ВЕРХНЕДНЕПРОВСКИХ ГОРОДИЩ И ЗАРУБИНЕЦКАЯ КУЛЬТУРА

1

В начале XX в. известным русским археологом А. А. Спицыным впервые были обобщены сведения об археологических памятниках, характеризующих культуру дославянского (предславянского) населения Волго-Окского междуречья и Верхнего Поднепровья. Это были небольшие городища, расположенные по берегам рек на труднодоступных местах и укрепленные валами и рвами. По имени городища около с. Дьякова под Москвой, исследованного Ю. Д. Филимоновым и В. И. Сизовым, А. А. Спицын предложил называть эти городища дьяковскими или же городищами дьякова типа¹. «Область распространения дьяковских городищ — писал А. А. Спицын, — охватывает Волго-Окское междуречье, верховья Волги, бассейн Мсты и верховья Днепра и, быть может, поречье Западной Двины. Есть надежда, что не мало городищ этого типа окажется также на Десне и по Сожу»².

Время дьяковских городищ А. А. Спицын первоначально определил VI—VIII вв. н. э., впоследствии выяснилось, что это было грубой ошибкой. Городища Волго-Окского междуречья были отнесены им к памятникам финно-угорской культуры; более западные А. А. Спицын предположительно связал с балтийскими племенами. В статье «Новые сведения о городищах дьякова типа» А. А. Спицын наметил три локальные группы городищ — смоленско-тверскую (как он полагал, самую позднюю), верхнеокскую и, наконец, владимирско-московскую — и указал, что в действительности локальных групп древних городищ было, вероятно, гораздо больше, но что они выявятся лишь в результате дальнейших исследований.

В течение последующих 50 лет древние городища Волго-Окского междуречья и Верхнего Поднепровья не раз служили предметом археологических исследований, в ходе которых были собраны значительные материалы. Они подтвердили мысль А. А. Спицына о том, что древние городища этого типа в своей массе являются памятниками местного предславянского населения. В то же время новые материалы позволили пересмотреть ошибочную хронологию городищ, данную А. А. Спицыным, и предоставили в распоряжение науки обширные сведения по вопросу о локальных группах этих памятников. Оказалось, что под именем городищ дьякова типа А. А. Спицыным были объединены археологические памятники, относящиеся к разным культурам и длительному отрезку времени. В настоящее время дьяковскими называют древние городища лишь Волго-Окского междуречья и области Валдайской возвышенности,

¹ А. А. Спицын. Городища дьякова типа. ЗОРСА, т. V, вып. I, СПб., 1903, стр. 111—142.

² А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, вып. I, СПб., 1905, стр. 83—93.

нижние слои которых характеризуются так называемой «сетчатой» («текстильной»), керамикой. Городища других смежных областей получили свои особые наименования.

В рамках краткой статьи нет никакой возможности обрисовать историю изучения древних городищ Волго-Окского междуречья и бассейна Верхнего Днепра за 50 лет, отделяющих нас от первых обобщающих работ А. А. Спицына, посвященных городищам дьякова типа. Укажем лишь, что городища среднего течения Оки известны главным образом по работам В. А. Городцова, осуществившего на рубеже и в начале нашего века обследование многих десятков городищ и раскопки таких известных памятников второй половины I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э., как Городецкое, Троице-Пеленицкое, Старшее Каширское и Огубское городища. В среднем и нижнем течении Оки и южнее в области Западного Поволжья в пределах лесной полосы В. А. Городцовым была выявлена особая локальная группа городищ, названная городецкой, время которой он определил как III в. до н. э.— III в. н. э.³ В 20-х — начале 30-х годов на Смоленщине и в Белоруссии широкое обследование древних городищ было предпринято под руководством А. Н. Лявданского, к сожалению почти не производившего раскопок и благодаря этому оставившего об обследованных им памятниках не вполне точные сведения. Наиболее существенным наблюдением А. Н. Лявданского следует признать выделение в области Верхнего Поднепровья двух культур древних городищ: западной, простирающейся от Верхнего Днепра до поречья Немана и Вилии и характеризующейся так называемой штрихованной керамикой, и смоленской культуры городищ с гладкой керамикой⁴. В 20-х—30-х годах О. Н. Бадером, автором этих строк, и другими исследователями было осуществлено изучение ряда дьяковских городищ в Верхнем Поволжье и на Москве-реке. Во время этих работ были исследованы Пекуновское, Ивановское, Березняковское, Грехорученское, Барвихинское и другие городища второй половины I тысячелетия н. э. и первой половины I тысячелетия н. э.⁵ Тогда же М. В. Воеводским было предпринято изучение городищ в среднем и нижнем течении р. Десны, что привело к открытию своеобразной так называемой юхновской культуры второй половины I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры⁶.

Первая попытка составить общую карту локальных групп древних городищ Верхнего Поднепровья и его периферии была предпринята автором этих строк в 1940—1941 гг. В области Верхнего Поднепровья были намечены четыре локальные группы: первая, юго-западная — по Припяти; вторая, юхновская — по Десне; третья — в области поречья Верхнего Днепра и четвертая, представленная городищами со штрихованной керамикой, — в области правобережья Верхнего Днепра. Была сделана попытка разделить на локальные группы также и волго-окские

³ В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности, т. XVII, М., 1900; его же. Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г. Древности, т. XVIII, М., 1901; его же. Результаты археологических исследований 1898 г. Археологические известия и заметки, т. VII, СПб., 1899; его же. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934; его же. Болотное Огубское городище. Тр. ГИМ, т. I, 1926; его же. Результаты исследований Троице-Пеленицкого городища — Холмища. Рязань, 1930.

⁴ А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губ. Тр. Смоленских гос. музеев, вып. I, Смоленск, 1924; его же. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научные известия Смоленского гос. университета, т. III, вып. 3, Смоленск, 1926; его же. Археологические доследы у вадазборах р.р. Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губэрні. Працы, т. II, Менск, 1930.

⁵ О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941; его же. Древнейшее городище Верхнего Поволжья. СА, 1947, IX.

⁶ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949.

памятники. Время городищ было определено как середина и вторая половина I тысячелетия до н. э. и первые века нашей эры⁷.

Как выяснилось в ходе дальнейших исследований, намеченные выше локальные группы городищ Верхнего Поднепровья были определены в целом правильно, но их ареалы потребовали значительных уточнений. Ошибочным было отнесение верхнеокских городищ к числу дьяковских, тогда как в действительности по своей культуре они примыкают к верхнеднепровским городищам. Но самое главное (что не получило отражения в работах автора, относящихся к 1940—1941 гг.) выявилась необходимость разделения культуры всех четырех локальных групп верхнеднепровских городищ (так же, как и волго-окских городищ) на два этапа, хронологическая граница между которыми для разных групп была неодинаковой. Все это стало проясняться главным образом в ходе работ Славянской (Верхнеднепровской) археологической экспедиции ИИМК, начавшей свои исследования в 1951 г., а также в результате работ других исследователей, изучавших за последние годы археологические памятники Верхнего Поднепровья.

Одним из главных результатов работ Славянской экспедиции было получение большего материала для характеристики культуры и определения ареала юго-западной группы городищ, получивших наименование милоградских по названию городища у дер. Милоград на правом берегу Днепра, выше г. Речицы. Еще более важным итогом работ этой экспедиции были многочисленные новые данные о зарубинецкой культуре, позволившие установить, что эта культура была распространена не только в Среднем Поднепровье, как это считалось до недавнего прошлого, но и почти по всему Верхнему Поднепровью. При этом выяснилось, что она сыграла решающую роль в развитии культуры на широких пространствах. Именно зарубинецкая культура и ее влияние характеризуют второй этап в развитии культуры древних обитателей как верхнеднепровских городищ, так и городищ ряда смежных территорий. Значительный новый материал был получен за последние годы также и для характеристики юхновской культуры. Большие работы по изучению культуры городищ со штрихованной керамикой были осуществлены на территории Белоруссии А. Г. Митрофановым. Все это вместе взятое позволяет в настоящее время значительно уточнить территориальную и хронологическую классификацию древних городищ Верхнего Поднепровья и его периферии.

2

К северу от границ лесостепных племен со «скифообразной» культурой в середине и второй половине I тысячелетия до н. э. лежали области двух обширных племенных групп, оставивших городища милоградской культуры на Припяти и Днестре и городища юхновской культуры на Нижней и Средней Десне

Группа городищ и поселений, принадлежащих к милоградской культуре, как теперь выяснилось, занимает не только среднюю и нижнюю часть бассейна Припяти, но и поречье Днестра примерно на участке устье Березины — г. Киев, а также среднее и нижнее течения Сожа с его многочисленными притоками. Южные границы милоградской культуры проходят по киевскому полесью. Здесь памятники этой культуры изучались В. Н. Даниленко, обратившим внимание на собранную на дюнах около с. Подгорцы небольшую коллекцию бронзовых предметов, относящихся к скифскому времени, но не имеющих со скифскими веща-

⁷ П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КСИИМК, вып. V, 1940; его же. Северные восточно-славянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 13.

ми почти ничего общего. В. Н. Даниленко предложил называть эту культуру подгорцевской⁸. Подгорцевские памятники — это преимущественно поселения на дюнах. В их керамическом материале имеются некоторые следы влияния более южных «скифообразных» культур.

В начале 50-х годов Славянской археологической экспедицией были обследованы и раскопаны несколько городищ на Днестре между устьем Березины и устьем Припяти. Здесь эта культура оказалась представленной, так сказать, в наиболее «чистом» виде, что и явилось причиной появления ее нового наименования. Кроме раскопок на городище у дер. Милоград, были проведены раскопки на городищах у сс. Чаплин (нижний слой), Мохов, Глыбов, у дер. Колочин, дер. Асаревичи и др. Наиболее значительные раскопки были осуществлены О. Н. Мельниковской на городище у дер. Горошков, на правом берегу Днестра, около г. Речицы⁹.

Материальная культура милоградских племен, известная пока что лишь по предварительным публикациям, является очень характерной и самобытной¹⁰. Совсем необычная для этой эпохи круглодонная керамика, своеобразные бронзовые украшения (в частности, близко напоминающие гальштатско-латенские), примитивная глиняная скульптура — фигурки, связанные, вероятно, с культом, сравнительно легкие по конструкции столбовые жилища, несколько углубленные в землю, какие-то совсем оригинальные погребальные сооружения и другие особенности сразу же позволяют отличать эту культуру от культуры населения всех других областей лесной полосы Поднепровья. По образу жизни население милоградских городищ в основном не отличалось от обитателей других районов лесного Поднепровья в период раннего железного века. Оно занималось земледелием и скотоводством, а также древними промыслами — охотой и рыболовством. Наиболее ранние из известных ныне городищ милоградской культуры на основании скифских и гальштатско-латенских параллелей относятся к VI—V, а может быть, и к VII—VI вв. до н. э. Наиболее поздние милоградские памятники датируются последними веками до нашей эры на основании сарматских и среднелатенских аналогий. В это время милоградская культура на всей территории своего распространения сменяется зарубинецкой.

Вопрос о происхождении зарубинецкой культуры является в настоящее время дискуссионным. По мнению А. И. Тереножкина и ряда других исследователей, предком носителей этой культуры было население лесостепных пространств днестро-днепровского междуречья, оставившее белогрудовскую и сменившую ее чернолесскую культуру, а во второй четверти I тысячелетия до н. э. попавшее под сильное влияние скифской культуры¹¹. Мнение А. И. Тереножкина оспаривает Ю. В. Кухаренко, открывший в Западном Полесье позднелужицкие и «подклёшевые» могильники, принадлежавшие, по его мнению, предкам зарубинецких племен¹². Спор этот будет решен, по-видимому, лишь в ходе новых исследований. Для нас важно лишь то, что для территории Верхнего Поднепровья зарубинецкая культура была пришлой. Попытка В. Н. Даниленко связать подгорцевскую культуру с предками носителей зарубинецкой

⁸ В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 197—208.

⁹ О. М. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИМК, вып. 70, 1957.

¹⁰ О. Н. Мельниковская. Ук. соч.; е е же. Клад браслетов с городища в д. Горошков. ВДИ, 1956, № 1; К. М. Поликарпович. Археологические исследования в БССР в 1945—1953. гг. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957, стр. 18—21.

¹¹ А. И. Тереножкин. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, XXIV, 1955; е го же. Предскифский период в днепровском лесостепном Правобережье. (Автореферат докторской диссертации.) М., 1958.

¹² См. в настоящем номере статью Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.

культуры не может быть признана удачной. Она не нашла подтверждения в ходе исследований милоградской культуры.

Как же следует представлять отношение друг к другу милоградской и зарубинецкой культур? При исследовании археологических памятников на Гомельщине выяснилось, что милоградские слои лежат в основе культурных наслоений подавляющего большинства зарубинецких городищ, и, наоборот, зарубинецкие наслоения перекрывают почти все милоградские городища (за исключением ранних). Более того, соотношение милоградских и зарубинецких слоев, между которыми не наблюдается никакой стратиграфической границы, и происходящих из них материалов обнаруживает некоторые преемственные связи между ними.

Так, например, при раскопках на Чаплинском и Моховском II городищах, материалы которых частично уже опубликованы, выяснилось, что характерные для милоградских слоев этих городищ типы глиняных пряслиц были широко распространены также и в зарубинецкое время. На Чаплинском городище наметилась планировка поселка, одинаковая для зарубинецкого и милоградского времени: жилища занимали его основную центральную часть, а юго-восточный участок был занят расположенными тесно одна к другой хозяйственными ямами. На Милоградском городище были открыты остатки жилища, содержавшего как милоградский, так и зарубинецкий материал. В то же время представляется очевидным, что милоградская культура в целом совсем не походила на сменившую ее зарубинецкую. Она не может рассматриваться не только в качестве «предка», но и в качестве одного из главных слагаемых зарубинецкой культуры.

Все эти наблюдения свидетельствуют о том, что зарубинецкая культура появилась в Гомельском Поднепровье извне. Но она не только наслоилась при этом на милоградскую, но и распространилась в милоградской среде. Такая картина, по нашему мнению, могла явиться результатом того, что на территории современной Гомельщины пришлое зарубинецкое население в той или иной мере смешалось с местным субстратом, заимствовав от него некоторые элементы культуры, и что зарубинецкая культура была усвоена местным милоградским населением.

Культура юхновских городищ, названная по имени городища у д. Юхново в среднем течении Десны, заметно отличается от милоградской. Городища юхновской культуры обычно очень невелики. Их особенностью являются мощные культурные наслоения, переполненные прослойками золы. Жилища были, по-видимому, наземными: керамика имела плоское дно и примитивную орнаментацию в верхней части. Характерным «этнографическим» признаком юхновской культуры являются загадочные глиняные изделия яйцевидной, округло-цилиндрической, округло-конической и других форм, снабженные отпечатками пальцев или примитивной орнаментацией. Полагают, что они должны быть связаны с культом¹³. Некоторые аналогии к ним можно найти среди материалов, происходящих из среднеднепровских левобережных поселений скифского времени («зольников»), например, из известного Бельского городища под Полтавой¹⁴.

В юхновской культуре имеются и так называемые «рогатые кирпичи» — принадлежность очага, характерная для южных областей. Хозяйство обитателей юхновских городищ имело свои особенности. Наряду с земледелием, скотоводством и охотой они усиленно занимались рыбной ловлей, о чем говорят мощные слои рыбьей чешуи и костей, найденные на некоторых из юхновских городищ. Металлические изделия

¹³ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 68—77.

¹⁴ В. А. Городцов. Результаты раскопок в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 93—161.

известны пока в очень небольшом числе, и на основании их нельзя сделать каких-либо выводов. Здесь встречаются такие же, как в милоградской культуре, бронзовые браслеты, напоминающие гальштатско-латенские формы середины и третьей четверти I тысячелетия до н. э. Верхняя хронологическая граница юхновской культуры была определена М. В. Воеводским как II в. н. э., что, по нашему мнению, правильно.

Ареал распространения юхновских городищ рисуется нам следующим образом. Южной его границей является нижнее течение Десны и далее на восток течение Сейма. К югу от Сейма юхновские городища не встречаются; там начинается область левобережных среднеднепровских племен с так называемой «зольничной» культурой, влияние которой отразилось на культуре многих юхновских городищ, находящихся на Нижней Десне и Сейме. На севере юхновские городища по Десне и ее притокам захватывают район Брянска. Одним из наиболее северных юхновских городищ является исследованное Б. А. Рыбаковым городище «Благовещенская гора» у с. Вшиж, расположенное в 50—60 км выше Брянска¹⁵. Западная и восточная границы юхновской культуры могут быть указаны лишь приблизительно. Они должны проходить на западе по водоразделу Десны и Ипути, а на востоке — по водоразделу Десны и Оки. Распространялась ли юхновская культура далеко на верховья Сейма — остается точно неизвестным.

В статье М. В. Воеводского «Городища Верхней Десны» за юхновскими городищами следовали городища роменской культуры. Хронологический разрыв в 500—600 лет, отделяющий друг от друга эти две культуры, оставался ничем не заполненным. В настоящее время стало известно, что юхновская культура, подобно милоградской, на всей территории ее распространения сменилась зарубинецкой культурой.

Очень важным являются наблюдения, свидетельствующие о том, что отношения между юхновской и зарубинецкой культурами были иными, чем отношения между милоградской и зарубинецкой культурами.

Во-первых, в поречье Средней и Верхней Десны зарубинецкая культура проникла приблизительно лишь через два-два с половиной века после того, как она распространилась на основной милоградской территории. На Десне известны лишь позднезарубинецкие памятники, датируемые позднелатенскими и балтийскими («очковыми») фибулами. Во-вторых, если большинство милоградских городищ имеют зарубинецкие слои, то на юхновских городищах зарубинецкие культурные наслоения встречаются лишь как исключение (Красное Городище и некоторые другие). Зарубинецкая культура на Десне представлена, как правило, не городищами, а остатками открытых поселений с квадратными полуземлянками и большими (длинными) наземными постройками столбовой конструкции.

Таково Почепское селище на Судости, исследованное Ф. М. Заверняевым¹⁶, Синьковское селище, раскопки которого ведет А. К. Амброз, и десятки других зарубинецких поселений, известных сейчас на Средней и Верхней Десне. В материальной культуре зарубинецких поселений поречья Десны юхновские элементы представлены очень слабо. Складывается впечатление, что того тесного контакта между зарубинецким и местным населением, который обнаруживается на территории милоградской культуры, здесь не наблюдалось.

Поречье Десны, занятое зарубинецкими поселениями в первых веках нашей эры, наряду с поречьем Сожа, было основной магистралью зарубинецких племен при их движении в северном направлении. Течение самого Днепра не было такой магистралью. Выше устья Березины оно было

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вшиж. Сб. «По следам древних культур». М., 1953, т. I, стр. 108—110.

¹⁶ Ф. М. Заверняев. Археологические находки возле гор. Почеп. КСИИМК, вып. 53, 1954.

занято в тот период особой группой племен, которая, по-видимому, оказала сопротивление носителям зарубинецкой культуры. Эти племена, занимавшие обширные области на севере от ареала милоградской культуры, известны в археологии по городищам со штрихованной керамикой (глиняной посудой баночных или реберчатых форм, сплошь покрытой грубой штриховкой орнаментального характера). Главные центры этой культуры были расположены не в Поднепровье, а на территории современной Литвы — в бассейне Вилии, на Немане и на побережье многочисленных озер этого края. На востоке культура городищ и поселений со штрихованной керамикой охватывала бассейн Березины и широкой полосой выходила на Днепр на участке Орша — устье Березины. На севере она достигала в ряде мест нижнего и среднего течения Западной Двины. Южные границы городищ со штрихованной керамикой захватывали верхнее течение левых притоков Припяти (Случь, Птич), но непосредственно у Припяти их не имеется; здесь начиналась область милоградских поселений.

В течение последних лет культурой городищ со штрихованной керамикой на территории Белоруссии занимался А. Г. Митрофанов, который определил ее время, дал хронологическую и территориальную классификацию памятников и исследовал характер поселений с их бытовой обстановкой¹⁷. В частности, только после работ А. Г. Митрофанова было окончательно установлено, что на городищах этой культуры встречаются остатки длинных наземных домов, разделенных на отдельные секции. Поселения в виде городищ появились в области культуры штрихованной керамики несколько позже, чем в более южных местах, — в III в. до н. э. Им предшествовали в этих местах неукрепленные поселения с такой же штрихованной посудой, восходящие к эпохам бронзы и неолита.

В южных областях распространения культуры штрихованной керамики и вдоль Днепра она находилась под сильным влиянием милоградской культуры, что сказывалось в формах керамики и составе металлических изделий. В начале нашей эры в этих же областях, особенно на Днепре, в культуре городищ со штрихованной керамикой чувствуется значительное влияние зарубинецкой культуры. Примером может служить материальное городище «Барсучья горка» около Могилева¹⁸. В более западных областях «чистая» культура городищ со штрихованной керамикой продолжала существовать вплоть до середины I тысячелетия н. э. Граница «чистой» культуры, по наблюдениям А. Г. Митрофанова, проходила на востоке по течению реки Усяж-Бук и по верхнему течению Друти. Отсюда она поворачивала на юго-запад по среднему течению Березины и нижнему течению Свислочи. Собственно зарубинецкие поселения в пределах ареала культуры штрихованной керамики до сих пор не обнаружены.

Таким образом, если население милоградских городищ в последние века до нашей эры сменилось населением с зарубинецкой культурой, если то же самое при каких-то нескольких иных условиях произошло на Десне, то в области городищ со штрихованной керамикой наблюдалась иная картина. Носители культуры городищ со штрихованной керамикой лишь в юго-восточной части своего ареала попали под влияние зарубинецкой культуры, но и здесь они не утратили своей специфики.

Подобная же картина наблюдалась в первой половине I тысячелетия н. э. в северо-восточной части бассейна Днепра, где находилась область четвертой группы древних верхнеднепровских племен. В ее ареал входили смоленское течение Днепра, верховья Сожа и, по-видимому, верхнее течение Десны выше Брянска, куда, как уже указывалось, юхновская куль-

¹⁷ А. Г. Митрофанов. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. (Автореферат кандидатской диссертации.) Л., 1955; его же. Городище в Вязьнке. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957; К. М. Поликарпов и ч. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг., Там же, стр. 15—18.

¹⁸ В. Р. Тарасенко. Раскопки на городище «Барсучья горка». КСИИМК, вып. XV, 1947.

тура не распространялась. На севере эта культура доходила до верхнего течения Западной Двины. Восточная граница проходила примерно по водоразделу бассейна Днепра и Оки. Следует, однако, отметить, что культура древних городищ верхнего течения Оки и бассейна Угры была очень близка верхнеднепровской. Возможно, что впоследствии их нужно будет объединить в общие границы.

То, что в области Смоленского Поднепровья имела особая культура городищ, отличающаяся от культуры городищ со штрихованной керамикой, было установлено А. Н. Лявданским. Однако раскопки на этих городищах он почти не производил. В 1955—1959 гг. автором этой статьи было исследовано несколько древних городищ в верховьях Сожа и Десны, где в нижних слоях были открыты культурные остатки второй половины I тысячелетия до н. э.¹⁹ На одном из городищ, находящемся на правом берегу Сожа, около дер. Мокрядино, были сделаны находки только этого времени.

Керамика древнейших городищ верховьев Сожа и Десны оказалась плоскодонной, слабо профилированной и лишенной какой-либо орнаментации. Был найден ряд костяных изделий, напоминающих предметы из городищ дьяковского типа. Что касается металлических изделий, в частности предметов убора и украшений, сделанных из бронзы, то они оказались близко напоминающими милоградские, в частности те, которые можно определить, как гальштатско-латенские (IV — II вв. до н. э.). Жилища обитателей древнейших смоленских городищ были наземными или несколько углубленными в землю, столбовой конструкции.

В первые века нашей эры, когда на Смоленщине появляются отдельные зарубинецкие памятники (например, «поле погребений» у дер. Козичина и селище у д. Спартак, исследованное в 1959 г.), облик культуры на городищах Смоленского Поднепровья значительно меняется за счет распространения там керамики, напоминающей зарубинецкую, и некоторых изделий, например, фибул зарубинецкого типа. Слой с находками этого времени хорошо представлен в раскопках автора на городищах Тушемля и Городок²⁰, а в раскопках А. Н. Лявданского на Лахтевском городище²¹. В культуре городищ сохраняются, однако, и такие местные черты, которые зарубинецким племенам свойственны не были. В частности, наблюдается связь с культурой волго-окских городищ, выразившаяся в бытовании у населения городищ Смоленщины таких характерных волго-окских изделий, как «грузики дьякова типа». Очень интересной является конструкция самих городищ, сходных с литовскими пилькальни-сами. Культура этих городищ дожила на Смоленщине до третьей четверти I тысячелетия н. э.

Почти такие же изменения (но несколько в другие сроки) происходили в бассейне Верхней Оки и на Угре. Во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первых веках нашей эры там была распространена культура, близко напоминающая культуру древнейших смоленских городищ. Ее отличительной чертой была несложная орнаментация глиняной посуды, несколько приближающаяся к южновосточной. Памятники этой культуры впервые были открыты Н. И. Булычевым на городищах у деревень Гремячее и Мужитино. На втором из них был найден бронзовый браслет гальштатско-латенского характера (IV—III вв. до н. э.)²². Ряд таких городищ был исследован на Верхней Оке и Угре за последние годы (Свиногово, нижний слой городища у с. Никола Ленивец и др.)²³.

Во второй четверти I тысячелетия н. э., т. е. на два-три века позже, чем на Десне, в верховьях Оки распространились элементы позднезару-

¹⁹ П. Н. Третьяков. Городища-святилища Левобережной Смоленщины. СА, 1958, № 4, стр. 170—186.

²⁰ Там же, стр. 177—184.

²¹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ.

²² Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

²³ Т. Н. Никольская. Городище у д. Свиногово. КСИИМК, вып. XLIX, 1953.

бинецкой культуры, представленные здесь очень мощной струей. В итоге возникла культура мощинского типа, названная по имени городища у дер. Мощино, исследованного Н. И. Булычевым. Мощинской культуре были свойственны грубая керамика зарубинецких форм, черная или бурая лощеная реберчатая керамика, также связанная с позднезарубинецкой, фибулы с эмалью и др. Но были в этой культуре и своеобразные черты, в частности погребальные сооружения в виде курганов с деревянными камерами, содержащими остатки трупосожжений. Таким образом, в итоге рассмотрения обрисованных выше материалов становится очевидным, что повсеместно на территории Верхнего Поднепровья культура древних городищ либо сменилась зарубинецкой культурой, либо значительно преобразовалась под ее влиянием. Это произошло в разные сроки: в более южных областях около рубежа н. э., в более северных — 2—3 столетия спустя. Более того, следует иметь в виду, что процесс преобразования местных культур под влиянием зарубинецкой протекал и вне границ Верхнего Поднепровья. Нет никакого сомнения в том, что позднедьяковская культура с ее грубой неорнаментированной и черной лощеной керамикой сложилась в условиях тесного контакта с позднезарубинецкой культурой. Более того, влияние зарубинецкой культуры, в частности ее черной лощеной керамики, ощущается далеко на востоке, на Нижней Оке и Волге в могильниках финно-угорских племен.

3

Мысль о принадлежности зарубинецкой культуры ранним восточно-славянским племенам, высказанная впервые В. В. Хвойкой, в настоящее время находит все новые и новые подтверждения²⁴. Приведенные выше данные, обрисовывающие ход распространения зарубинецких племен на север и их мощное культурное воздействие на местные племена, являются еще одним доказательством справедливости этой мысли. Перед нами весьма реальная и правдоподобная картина постепенного движения славян к верховьям Десны и Днепра и связанного с ним длительного, многовекового процесса ассимиляции славянами местного населения.

В этой связи большой интерес приобретает вопрос о том, кем же являлось верхнеднепровское население, оставившее обрисованные выше культуры древних городищ. Общепризнано, что в Верхнем Поднепровье имелись обширные области, где славянам предшествовали балтийские племена. По мнению многих археологов, к балтам принадлежали обитатели городищ со штрихованной керамикой. Центры этой культуры лежали на Немане и Вилии, где штрихованная керамика характеризует нижние слои пилькальнисов — древних литовских городищ своеобразного устройства, тесно связанных со старой литовской культурой, мифологией и фольклором. С территорией городищ со штрихованной керамикой связана характерная балтийская гидронимика. Как мы видели выше, в первой половине I тысячелетия н. э. племена городищ со штрихованной керамикой сохраняли свою специфику. Лишь некоторые из них, обитавшие ближе к Припяти и вдоль Днепра, подверглись влиянию зарубинецкой культуры. В последующее время, в третьей четверти I тысячелетия н. э., на значительной части территории племен штрихованной керамики древние городища исчезают и на их месте распространяются селища и характерные для кривичей длинные курганы, свидетельствующие об успехе в этих местах процесса ассимиляции славянами балтийского населения. Здесь имеется в виду, естественно, лишь та сторона процесса ассимиляции, которая получила отражение в области культуры.

Но племена городищ со штрихованной керамикой не были единствен-

²⁴ П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточно-славянских племен. Доклады IV Международного съезда славистов. М., 1958, стр. 16—22.

ной балтийской группой второй половины I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры. Городищ со штрихованной керамикой нет на земле древних пруссов²⁵. Судя по гидронимике и некоторым археологическим данным, древними балтийцами или родственными им племенами было население городищ Смоленщины²⁶ и верхнего течения Оки с поречьем Угры, культура которого также отличалась от культуры «штриховиков». На Смоленщине, где местное население попало под зарубинецкое влияние начиная с первых веков нашей эры, длинные и круглые славянские курганы с сожжением и сопутствующие им селища пришли на смену балтийским памятникам в VI—VIII вв. В верховьях Оки мощинская культура, сложившаяся под влиянием зарубинецких племен, во второй половине I тысячелетия н. э., постепенно эволюционировала в характерную восточнославянскую культуру, в данном случае — культуру вятичей, вплоть до IX—X вв. сохранявшую курганы с деревянными камерами и некоторые другие мощинские элементы.

Иначе, по-видимому, будет решаться вопрос о носителях милоградской и юхновской культур. Южная граница балтийской гидронимики на правобережье Днепра проходит вдоль левобережья Припяти, в основном совпадая с южной границей городищ со штрихованной керамикой. На Припяти и южнее, на милоградской территории, имеется древняя славянская гидронимика. На Десне ниже Брянска, в области юхновских городищ, характер гидронимики также иной, чем в древних балтийских землях.

Автор настоящей статьи продолжает придерживаться мнения, что в I тысячелетии до н. э. славяне были представлены отнюдь не одной археологической культурой, а группой близких культур, в среде которых на рубеже нашей эры развернулся энергичный процесс культурной и, вероятно, языковой консолидации, приведшей к образованию пшеворской культуры в Повисленье и зарубинецкой — в Поднепровье. Такими же группами культур были представлены в это время и все другие ветви индоевропейцев, в частности балты — наиболее близкая славянам ветвь индоевропейцев, речь о которых шла выше. Весьма возможно при этом, что на славянских окраинах, в области балто-славянского пограничья, имелись своеобразные группы племен переходного характера, специфика которых либо восходила к древнейшей эпохе выделения славян и балтов, либо являлась следствием их многовекового соседства. Таковыми «окраинными» славянами либо в той или иной степени переходными племенами могли быть милоградские и юхновские племена, культура которых, как мы видели выше, сменилась зарубинецкой очень скоро, без процесса медленного перерастания.

В решении этих вопросов главную роль должны сыграть заключения, основанные на лингвистических данных. Как показали материалы состоявшегося недавно IV Международного съезда славистов, по вопросу о балто-славянских отношениях в среде лингвистов представлены две основные точки зрения. Одни исследователи полагают, что обособлению балтийских и славянских языков предшествовал особый, балто-славянский, период и именно этим обстоятельством объясняется близость тех и других языков. Другие отрицают возможность существования балто-славянского языкового периода и рассматривают близость славянских и балтийских языков как результат длительного и тесного контакта или «сообщности» развития, понимаемых разными исследователями неодинаково²⁷. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, полагаем, что при

²⁵ Ф. Д. Гуревич. Древние поселения Калининградской обл. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951.

²⁶ П. Н. Третьяков. Городища-святилища...

²⁷ См. статьи: В. Георгиева (София) «Балто-славский, германский и индо-иранский», В. К. Мэтьюса (Лондон) «О взаимоотношениях славянских и балтийских языков» и С. Б. Бернштейна (Москва) «Балто-славянская языковая сообщность» (Славянская фи-

любом из двух основных решений балто-славянского вопроса высказанная выше мысль о племенах переходного характера (являющаяся отнюдь не нашим изобретением) имеет право на существование.

В настоящее время в Институте славяноведения АН СССР начаты работы по изучению гидронимики Верхнего Поднепровья с учетом ареалов древних дозарубинецких культур. Будем надеяться, что в результате этих работ вопрос об этническом характере милоградской, юхновской и других верхнеднепровских культур приблизится к своему разрешению.

И еще один интересный вопрос хотелось бы затронуть в связи со всем сказанным выше о древних культурах верхнеднепровских городищ, поглощенных в свое время раннеславянской зарубинецкой культурой. Речь идет о том, не имели ли какого-либо отношения к этим культурам древнерусские племенные группы — кривичи, вятичи, северяне и др.

Как известно, на основании письменных источников трудно ответить на вопрос, что представляли собой «племена» Начальной летописи²⁸. Археологи на основании своих материалов приходят к выводу, что кривичи, поляне, древляне и др. — это обширные союзы племен, против чего, по-видимому, трудно что-либо возразить. Но союзы племен — это организации политические, которые вряд ли могли сыграть особенно большую роль в этногоническом процессе. Археологические же данные свидетельствуют, что древнейшие «племена», во всяком случае многие из них, уже с момента своего возникновения имели свои устойчивые культурно-этнические признаки²⁹. Это были союзы близко родственных по культуре племен. О том, что «племена» имели свои обычаи, было известно и автору летописи.

Нам представляется, что при изучении особенностей культуры отдельных древнерусских «племен» (вероятно, далеко не всех, а лишь некоторых) должен учитываться древний местный субстрат, на который наслонилась в свое время зарубинецкая культура. Так, культура вятичей сложилась на основе мощинской культуры, представлявшей собой результат воздействия зарубинецких племен на население верхнеокских городищ, принадлежавшее, вероятно, к балтам. Может быть, именно поэтому в летопись и попало предание о том, что вятичи произошли от ляхов. Культура кривичских длинных курганов и сопутствующих им поселений сложилась не без вклада балтов, носителей культуры штрихованной керамики. Лишь впоследствии кривичи продвинулись далее на север, где раньше в некоторых районах обитали племена с текстильной керамикой. Славяне новгородские, в отличие от кривичей, жили целиком на территории этих последних племен, этнический характер которых до сих пор вызывает споры³⁰. Наконец, нельзя не сопоставить территорию юхновских племен с основной территорией северян. Для тех и других наиболее северным пределом была излучина Десны в районе г. Брянска. Южные границы северян, как и границы «юхновцев», шли первоначально по Нижней Десне и Сейму и лишь впоследствии передвинулись дальше к югу, охватив течение Сулы, Псла и Воркслы.

Таковы некоторые основные вопросы этногонического характера, вставшие в связи с изучением взаимоотношения локальных групп древних верхнеднепровских городищ с зарубинецкой культурой.

лология. Сборник статей, вып. I, М., 1958). См. также «Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)». М., 1958, стр. 152—175.

²⁸ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1958, стр. 218—227.

²⁹ Там же, стр. 228—260.

³⁰ П. Н. Третьяков. Волго-окская топонимика и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья. СЭ, 1958, № 4.

В. В. СЕДОВ

КРИВИЧИ

Во введении к «Повести временных лет» отмечено, что кривичи занимали Смоленское Поднепровье и верховья Волги и Западной Двины¹. Однако есть основания считать, что указанная область не охватывала всей территории расселения кривичей. В «Повести временных лет» под 862 г. сказано, что «первии насельници... в Полоцки кривичи»²; полотские князья в Ипатьевской летописи под 1140 и 1162 гг.³ и в Воскресенской летописи под 1129 и 1162 гг.⁴ названы кривичскими. Из летописной легенды о призвании варягов можно догадываться, что и Изборск был кривичским городом⁵, а в Архангелогородском летописце сохранилось прямое известие об Изборске — городе кривичей⁶. Таким образом, судя по письменным документам, кривичи занимали те области, где впоследствии образовались Смоленская, Полоцкая и Псковская земли. Как раз на всей этой территории известны своеобразные погребальные памятники второй половины I тысячелетия н. э. — длинные курганы, которые большинством исследователей (начиная с А. А. Спицына)⁷ рассматривались как кривичские⁸.

Определение длинных курганов как погребальных памятников кривичей в этих исследованиях основано на совпадении археологической области расселения кривичей с летописной. Но не все исследователи считают возможным относить эти памятники к кривичским, а некоторые даже оспаривают их славянскую принадлежность. Так, сам А. А. Спицын, несколько раз возвращаясь к вопросу о длинных курганах, высказывал противоречивые мнения. Обнаружение единичных длинных курганов вне основной территории расселения кривичей позволило А. А. Спицыну отнести эти погребальные памятники к финскому населению восточной Европы⁹. В 1928 г. А. А. Спицын, подводя итоги изучения длинных курганов, подчеркивал распространение их в «старом кривичском районе», но вместе с тем отмечал, что «культура длинных курганов литовская»¹⁰. Ю. В. Готье рассматривал длинные курганы как

¹ «...Кривичи, иже седять на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, иже градъ есть Смоленск» («Повесть временных лет», т. I, М.—Л., 1950, стр. 13).

² Там же, стр. 18.

³ ПСРЛ, т. 2, СПб., 1843, стр. 15 и 91.

⁴ ПСРЛ, т. 7, СПб., 1856, стр. 28 и 76.

⁵ «Повесть временных лет», т. I, стр. 18.

⁶ А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. ЖМНП, ССХХII, 1899, СПб., 1899, стр. 336.

⁷ А. А. Спицын. Удлиненные и длинные русские курганы. ЗОРСА, т. V, вып. I, 1903, стр. 196—202.

⁸ П. Н. Гретьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 40. сл.; его же. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 233—236. Н. Н. Чернягина. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, стр. 93—148.

⁹ А. А. Спицын. Финские древности верхнего Поволжья. Тр. IV Областного историко-археологического съезда в Костроме. Кострома, 1914, стр. XLVI—XLVII.

¹⁰ Архив А. А. Спицына, дело № 61 (ЛОИА).

погребальные памятники литовского племени¹¹. В последние годы в связи с находками в длинных курганах Смоленщины украшений, сходных с предметами украшений латгальских могильников, высказываются сомнения в возможности отнесения этих курганов к славянскому населению. Поэтому в настоящей работе следует прежде всего рассмотреть еще раз вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего длинные курганы.

Абсолютное большинство длинных курганов находится в составе могильников, включающих круглые курганы древнерусского времени, славянская принадлежность которых не может вызывать никаких возражений. В настоящее время длинные курганы известны в 317 могильниках, в том числе совместно с древнерусскими круглыми курганами — в 283 могильниках. Могильники, состоящие исключительно из длинных курганов, единичны и расположены в основном вне первоначальной области расселения кривичей.

Эволюционная связь длинных курганов с бесспорно кривичскими круглыми курганами с трупосожжением ярко подчеркивается при изучении деталей погребального обряда. Как в круглых, так и в длинных курганах остатки трупосожжения (сожжение и в том и в другом случаях совершалось на стороне) помещались или в погребальных насыпях, или в неглубоких ямках под курганными основаниями. Зольно-угольная прослойка, характерная для длинных курганов Псковщины, связывает эти памятники с круглыми курганами IX—X вв., с трупосожжениями, и с псковскими курганами XI—XIII вв. В основаниях этих курганов всегда имеется такая же прослойка. Ритуальные кострища под отдельными погребениями в длинных курганных насыпях Смоленщины и Полотчины связывают эти памятники с кривичскими круглыми курганами тех же

Типы курганных захоронений	Круглые курганы с сожжением, с зольно-угольн. прослойкой	Круглые курганы с трупополож., с зольно-угольн. прослойкой	Круглые курганы с сожжением, с ритуальн. кострищами	Круглые курганы с трупоположением, с ритуальн. кострищами	Браслетообразные кольца с завязанными концами
Длинные курганы с зольно-угольной прослойкой	13*	4	—	—	—
Круглые курганы с сожжением, с зольно-угольной прослойкой	—	6	—	—	4
Круглые курганы с трупополож. с зольно-угольной прослойкой	6	—	—	—	7
Длинные курганы с ритуальными кострищами	—	—	11	3	2
Круглые курганы с сожжением, с ритуальными кострищами	—	—	—	11	11
Круглые курганы с трупополож. с ритуальными кострищами	—	—	11	—	12

* Цифры показывают, во скольких могильниках тот или иной тип погребения встречен с соответствующими типами погребения и с браслетообразными височными кольцами с завязанными концами.

областей, в которых подобные кострища обычны как при сожжениях IX—X вв., так и при трупоположениях XI в., в том числе и с теми, где найдены браслетообразные височные кольца с завязанными концами, характерные для кривичей. Эволюционная связь длинных курганов с круглыми курганами кривичей показана на таблице.

¹¹ Ю. В. Готье. Железный век в восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 192.

Связь длинных курганов с кривичскими круглыми курганами прослеживается и на керамическом материале. Близость керамического материала ранних длинных курганов с керамикой длинных курганов VIII—IX вв. несомненна. Керамика же длинных курганов VIII—IX вв. очень похожа на лепные сосуды, происходящие из кривических круглых курганов с трупосожжениями IX—X вв. Вместе с тем, керамика длинных курганов существенно отличается от керамики, происходящей из балтийских и финских археологических памятников того же времени.

Чаще всего остатки трупосожжений, помещенные и в длинных, и в круглых курганных насыпях, не сопровождаются вещами, а если и встречаются мелкие единичные предметы, то они в большинстве случаев расплавлены на погребальном костре. Материальная культура населения, оставившего длинные курганы и круглые курганы с трупосожжениями, по существу не может быть охарактеризована в отдельных деталях. Исключениями являются некоторые длинные курганы Смоленщины и Полотчины, в которых встречены вещи, не побывавшие в огне, отличные от материала других длинных курганов и имеющие аналогии среди латгальских древностей конца I тысячелетия н. э. Эта особенность отдельных погребений смоленских и полоцких длинных курганов находит объяснение при рассмотрении истории кривичей второй половины I тысячелетия н. э. и будет рассмотрена ниже.

Вторым важнейшим вопросом в изучении длинных курганов является хронология этих памятников. Датировку длинных курганов трудно определить из-за малого количества вещевого материала. Особенно трудно установить начальную дату сооружения этих погребальных насыпей. Верхняя дата существования длинных курганов, т. е. время перехода от захоронений в длинных курганах к погребениям в круглых курганах, не вызывает возражений и определяется всеми исследователями концом VIII—IX вв.¹²

До недавнего времени начальная дата сооружения длинных курганов определялась VI в.¹³ С. А. Таракановой была сделана попытка перенести начальную дату захоронений в длинных курганах ко II—III вв. н. э.¹⁴, что никак нельзя признать убедительным¹⁵, так как построения автора в данном случае методологически ошибочны¹⁶.

Для определения первоначального времени сооружения длинных курганов следует рассмотреть скудный вещевой инвентарь древнейших погребальных памятников этого типа. Небольшие круглые выпуклые бронзовые бляшки (бляшки-скорлупки) являются наиболее характерными предметами древнейших длинных курганов. Для каменных могильников Эстонии и северной Латвии характерны бляшки несколько иного типа. Но, вместе с тем, в некоторых каменных могильниках найдены и единичные экземпляры бляшек-скорлупок типа длинных курганов. Исследователь каменных могильников Эстонии М. Х. Шмидехельм рассматривает эти находки как свидетельство наличия связей между племенами эстов и кривичей¹⁷. Каменные могильники Эстонии датируются I—VI вв. н. э.

¹² В отдельных окраинных районах расселения кривичей захоронения в длинных курганах совершались и в X в. (см., например, Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 65).

¹³ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, стр. 43; Н. Н. Чернягин. Ук. соч., стр. 97.

¹⁴ С. А. Тараканова. Длинные и удлиненные курганы. СА, XIX, 1954, стр. 100—107.

¹⁵ С этой датой не согласился и П. Н. Третьяков (П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958, стр. 11).

¹⁶ При датировке длинных курганов II—III вв. н. э. С. А. Тараканова в ряде случаев опирается на начальную дату бытования тех или иных предметов, не учитывая того, что некоторые из них продолжали существовать до середины I тысячелетия н. э., а иногда и позже.

¹⁷ М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 215.

и характеризуются коллективным способом погребения, что не допускает точной датировки инвентаря. Бляшки-скорлупки не найдены в оградах каменных могильников, относящихся к первому периоду существования этих памятников. Так, в могильнике «В» в Ябара¹⁸ в оградках I—III, относящихся к первому периоду существования могильника, бляшек-скорлупок не встречено. Такие бляшки обнаружены в оградке IV, использовавшейся для погребений начиная с конца II в. до конца IV в. и в более поздних восточных оградках VII и VIII, последние захоронения в которых относятся к началу VI в. Таким образом, наиболее поздней датой бляшек-скорлупок, судя по материалам эстонских каменных могильников, является VI в., но так как эти бляшки были встречены в оградке IV, захоронения в которой прекратились в IV в., в целом дату этих предметов нужно определить IV—VI вв. В более поздних погребениях прибалтийско-финских племен бляшки-скорлупки неизвестны, как, впрочем, и в длинных курганах в комплексах с вещами моложе VI в.

Также к середине I тысячелетия н. э. относятся находки бляшек другого типа. Это — колпачкообразные бляшки с широкими закраинами и с припаянным стерженьком, расклепанным на противоположном конце. Бляшки подобного типа были найдены при раскопках городища Березняки (IV — начало VI в.)¹⁹ и в погребениях III — IV вв. на Борковском могильнике²⁰.

Бронзовые пинцетки — туалетные пружинные щипчики с широкими лопастями, покрытыми гравировкой, найдены в длинных курганах в юго-восточной Эстонии²¹ и в верховьях Западной Двины²². Подобные инструменты имеют довольно широкий хронологический диапазон и известны в памятниках восточной Прибалтики с конца бронзового века²³. Наиболее поздние пинцетки, сходные с находками в длинных курганах, в Прибалтике относятся к середине I тысячелетия н. э.²⁴

В длинном кургане близ Линдора (юго-восточная Эстония) вместе с бронзовым пинцетом найдено кварцитовое огниво, охваченное железным обручем с ушком для привешивания. Подобные каменные огнива имеют широкое распространение в Швеции, Норвегии, Дании, Северной Германии, Финляндии, Латвии и Эстонии. А. М. Тальгрэн отмечает, что эта форма огнива возникла в области Вислы примерно в начале нашей эры и между 300 и 500 гг. н. э. широко распространилась во всех балтийских странах²⁵. С начала среднего железного века в Прибалтике появляются V-образные железные кресала, которые к началу VIII в. полностью вытесняют каменные блоковидные огнива. Поэтому исследователь Линдорских курганов Х. А. Моора относит длинный курган с находкой блоковидного кресала к V—VII вв. н. э.²⁶

¹⁸ М. Х. Шмидехельм. Ук. соч., стр. 74—90.

¹⁹ П. Н. Третьяков. К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 57, рис. 28.

²⁰ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, 1901, табл. XXII, 5, 7 (погребения 38 и 107).

²¹ Х. А. Моора. Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 59—61.

²² Я. В. Станкевич. Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 53.

²³ Н. Нанссон. Gotlands bronsålder. Stockholm, 1926—1927, рис. 16, 82в; 17, 84б; 85в; Н. Моора. Pirmatneia kopienas leikarta un agrā feodalā sabiedriba Latvijas PSP teritorijā. Rīga, 1952, рис. 29, 1.

²⁴ Н. Моора. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., t. I. Tartu — Dorpat, 1929, стр. 147—148, табл. XXX, 15; М. Х. Шмидехельм. Ук. соч., стр. 153 (с браслетом V—VI вв.). В погребениях среднего железного века Эстонии (500—800 гг. н. э.) пинцетки уже не встречаются (см. таблицу находок в книге А. М. Таллгрэн. Zur Archäologie Eestis, t. II, Dorpat, 1925, стр. 22—23). Исключениями являются две неорнаментированные находки в могильнике Napsal, ksp. Lääne — Nigula около Kirimäe (там же, стр. 8).

²⁵ А. М. Таллгрэн. Ук. соч., т. I, Dorpat, 1922, стр. 114—115.

²⁶ Н. Моора. Archeoloogilised Väliuurimised Eesti NSV alal 1950 ja 1951 aasta! Изв. АН ЭстонСР, № 1, 1952, стр. 123—124 и рис. 6, 1.

Других ранних датирующих предметов в длинных курганах нет. Следовательно, древнейшие длинные курганы нужно относить к середине I тысячелетия н. э. Малочисленность материала не позволяет определить их начальную дату точнее, чем середина I тысячелетия н. э., имея в виду при этом IV—VI вв. Таких курганов немного — Жеребятино²⁷, Светлые Вешки²⁸, Володи²⁹, Линдора³⁰, Северик³¹, Березовый Рядок³² и некоторые курганы в верховьях Западной Двины³³. Сравнительно небольшое число выявленных курганов объясняется, с одной стороны, затруднительностью датировки вследствие отсутствия вещевого материала в ряде погребений, с другой — еще слабой изученностью этих памятников.

Все древнейшие длинные курганы расположены в области расселения псковской группы кривичей, которую мы считаем старейшей кривичской территорией (рис. 1). Длинных курганов середины I тысячелетия н. э. нет ни в Смоленском Поднепровье, ни в Полоцком Подвинье, несмотря на то, что здесь к настоящему времени раскопано около сотни длинных курганов. Кроме датировки длинных курганов по вещевому материалу, имеются и другие данные, позволяющие утверждать, что Псковщина (бассейн р. Великой, побережье Псковского озера и верховья Западной Двины) была древнейшей территорией кривичей и что кривичи появились здесь именно в середине I тысячелетия н. э. То, что кривичская культура здесь являлась пришлой, представляется бесспорным. Об этом свидетельствуют своеобразный тип погребальных насыпей, керамический материал, появление нового типа жилых построек и др.

Поселения кривичей середины и второй половины I тысячелетия н. э. изучены еще довольно слабо. Тем не менее во всех случаях, где они изучались, исследователи пришли к одному и тому же выводу — первые славянские (кривичские) поселения в бассейне р. Великой и в верховьях Западной Двины появляются в середине I тысячелетия н. э., т. е. как раз в то время, когда здесь появляются длинные курганы. Городище на месте Псковского кремля было основано еще неславянским населением. По облику культуры нижние слои этого поселения относятся к поселениям дьяковского типа³⁴. Керамический материал нижнего слоя этого городища — чисто дьяковский, преобладает костный инвентарь, жилыми постройками были небольшие четырехугольные полуземлянки с очагом из диких камней. В середине I тысячелетия н. э., отмечает автор раскопок этого памятника, в жизни Псковского городища произошли серьезные изменения: значительно увеличиваются размеры поселения, вместо полуземлянок появляются наземные постройки с глинобитным полом и каменным очагом. Меняется общий облик хозяйственной деятельности (ее основой становится земледелие и скотоводство на месте прежних скотоводства, охоты и рыболовства), получает широкое развитие ремесленное производство, совершенно изменяется характер керамики (на смену текстильной и гладкостенной керамики дьяковского облика приходит глиняная посуда, тождественная с керамикой длинных курганов). В этом слое Псковского городища найдены предметы того же типа, что и в длин-

²⁷ К. Кудряшов. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губ. ЗОРСА, т. IX, 1913, стр. 244—273.

²⁸ Там же, стр. 251—255.

²⁹ Архив ИА АН СССР, д. № 35/1940, стр. 6.

³⁰ Н. Моога. Ук. соч., стр. 123—124.

³¹ С. А. Тараканова. Псковские курганы с трупосожжением. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 142—147.

³² А. В. Тищенко. Отчет о раскопках 1910—1911 гг. в Новгородской губ. ИАК, вып. 53, 1914, стр. 12—17.

³³ Я. В. Станкевич. Ук. соч., стр. 52—53.

³⁴ С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 108.

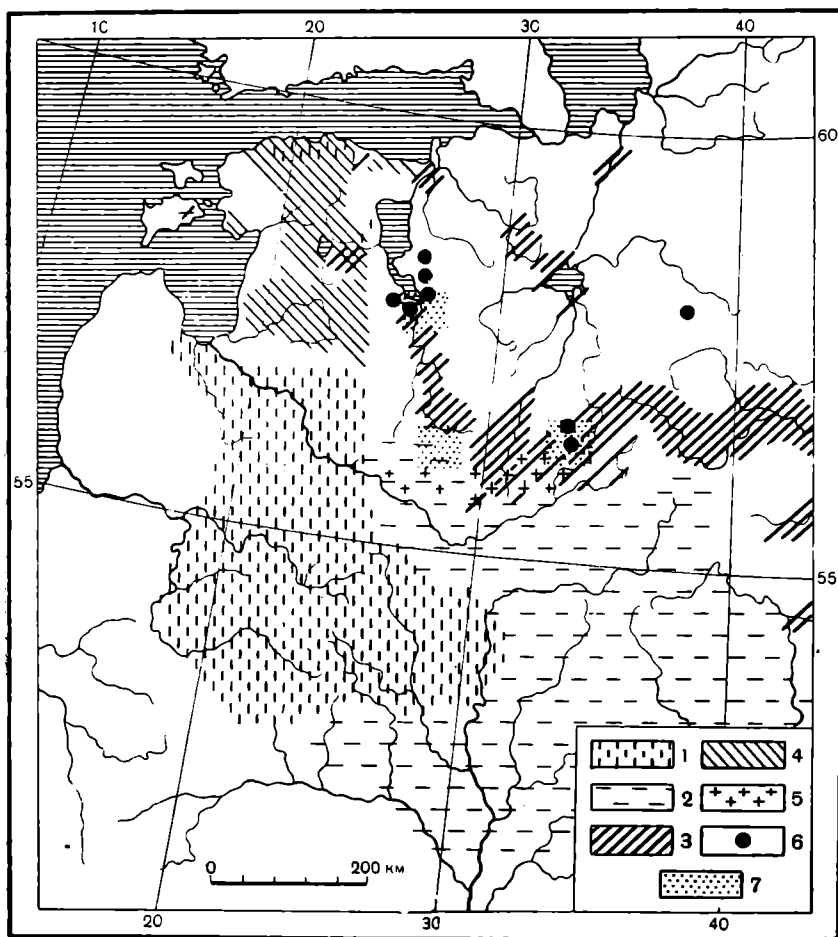

Рис. 1. Этническая карта лесной полосы Восточной Европы первой половины I тысячелетия н. э.

1 — городища со штрихованной керамикой; 2 — городища с гладкостенной керамикой; 3 — городища дьяковские; 4 — западнофинские племена; 5 — область, где городища со штрихованной керамикой появляются только в III—IV вв.; 6 — древнейшие археологические обследования кривичских поселений середины I тысячелетия н. э. (границы областей распространения городищ со штрихованной, гладкостенной и текстильной керамикой проведены согласно карте, составленной Х. А. Моора, см., СА, 1958, № 2, рис. 4).

ных курганах — бляшки-скорлупки, толстоконечные браслеты, некоторые типы пряжек, бусы голубого и зеленого стекла³⁵.

Серьезные изменения, происшедшие в жизни Псковского городища в середине I тысячелетия н. э., нельзя объяснить какими-либо другими причинами, кроме как колонизацией бассейна р. Великой славянами-кривичами. Правда, автор раскопок Псковского городища С. А. Тараканова, исходя из ошибочного положения, что нижний (дьяковский) слой городища оставлен тоже славянским населением, объясняет коренные изменения середины I тысячелетия н. э. социальными мотивами. В это время, предполагает С. А. Тараканова, Псковское городище становится племен-

³⁵ С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова, стр. 104—112; С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 48—62. Позднее, когда С. А. Тараканова сделала попытку удревить длинные курганы, она естественно изменяет дату нижнего слоя Псковского городища, опять-таки опираясь на датировку бляшек-скорлупок первыми веками н. э. Теперь, по мнению С. А. Таракановой, описанные изменения в культуре Псковского городища произошли в III в. н. э. (см. С. А. Тараканова. Псковские городища. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 37—38). Однако для пересмотра даты рубежа между четвертым и третьим слоями Псковского городища нет никаких оснований.

ным центром кривичей³⁶. Однако для такого предположения нет никаких оснований. Такие резкие и одновременные перемены, как смена керамики, появление нового типа жилищ, изменение форм хозяйства, вместе с появлением длинных курганов (а С. А. Тараканова не отрицает одновременность происшедших изменений с появлением захоронений в длинных курганных насыпях), никак нельзя объяснить социальными причинами. Отсутствие же стерильной прослойки между нижним (дьяковским) слоем городища и вышележащими слоями и некоторая преемственность в формах глиняных сосудов несколько не противоречит нашему выводу, а говорит о том, что жизнь на этом городище протекала почти непрерывно. Преемственность же в керамических формах указывает на мирные взаимоотношения между дьяковским (финским) населением Псковщины и пришлым славянским населением.

Расположенное в 8 км к северо-западу от Пскова городище Камно³⁷ основано кривичами также в середине I тысячелетия н. э. Датированными предметами являются бронзовый браслет с утолщенными концами, по латгальским аналогиям датируемый IV—V вв. н. э., блоковидные кресала, описанные выше, керамический материал, одинаковый с глиняной посудой третьего слоя Псковского городища.

Основной тип кривичских поселений середины и второй половины I тысячелетия н. э. — селища — еще не изучен на побережье Псковского озера и в низовьях р. Великой.

В последние годы поселения этого времени изучались Я. В. Станкевич в бассейне верхнего течения Западной Двины. Многолетние полевые работы позволили исследователю прийти к тому выводу, что распространение первых славянских поселений и могильников на данной территории относится к IV—V вв. н. э. В это время в бассейне верхнего течения Западной Двины распространяются открытые поселения с наземными постройками и керамическим материалом, существенно отличным и от дьяковской керамики, распространенной здесь на поселениях предшествующего времени, и от штрихованной керамики, характерной для белорусских городищ и встречающейся на верхнедвинских поселениях второй четверти I тысячелетия н. э. Очень часто рядом с древнейшими славянскими поселениями расположены курганные могильники, состоящие из длинных, удлиненных и круглых насыпей, содержащих трупосожжения. Наиболее ранние из этих курганов датируются Я. В. Станкевич концом IV—V в. н. э.³⁸

Третий район, где были произведены разведывательные обследования поселений середины I тысячелетия н. э. — верховья р. Великой³⁹. В результате двухлетних полевых работ Ф. Д. Гуревич пришла к заключению, что для первой половины I тысячелетия н. э. здесь характерны мысовые городища с гладкостенной, реже шероховатой керамикой. Все эти городища прекращают свое существование в середине I тыс. н. э., когда здесь появляются неукрепленные поселения — славянские селища с прилегающими к ним могильниками, состоящими из длинных и круглых курганов.

Переходя к следующему вопросу — к вопросу о происхождении кривичей, необходимо, прежде всего, сказать несколько слов об этнической карте лесной полосы Восточной Европы времени, предшествующего появлению славян на Псковщине (рис. 1). Выше было показано, что первые поселения и могильники кривичей появляются в бассейне р. Великой, на побережье Псковского озера и в верховьях Западной Двины к середине I тысячелетия н. э. На этой территории в I тысячелетии до н. э.

³⁶ С. А. Тараканова. О происхождении и времени возникновения Пскова. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 18—29.

³⁷ С. А. Тараканова. Псковские городища, стр. 40.

³⁸ Я. В. Станкевич. Ук. соч., стр. 46—47.

³⁹ Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 95—107.

жило сравнительно редкое финское население, оставившее городища и селища дьяковской культуры. На западе кривичи середины I тысячелетия н. э. жили в соседстве с прибалтийско-финскими племенами; южнее кривичских поселений находилась обширная область расселения восточнобалтийских племен — область распространения городищ и селищ штрихованной и близкой к ней гладкостенной керамики⁴⁰.

Многие исследователи, касаясь вопроса о происхождении северных восточнославянских племен, в том числе кривичей, считают, что кривичи и словене появились в Приильменье и на Псковщине в результате простого расширения славянской территории путем постепенного продвижения славянского населения на север из области Среднего Приднепровья. Однако эта гипотеза не находит подтверждения в археологических материалах. Область Верхнего Поднепровья, судя по последним археологическим разведкам на Смоленщине, до последней четверти I тысячелетия н. э. оставалась неславянской, в то время как севернее в бассейне р. Великой и в верховьях Западной Двины уже жили кривичи. Таким образом, область расселения кривичей середины I тысячелетия н. э. оказывается отрезанной от остальной территории расселения славянских племен. Приходится отрицать возможность продвижения кривичей на Псковщину через области Верхнего Поднепровья, так как здесь вплоть до последней четверти I тысячелетия н. э. не обнаруживается продвижение каких-либо групп населения.

Подчеркивая территориальную обособленность кривичей середины I тысячелетия н. э. от других восточнославянских племен, устанавливаемую по материалам археологии, нельзя не обратить внимания и на диалектологическую обособленность псковской группы говоров древнерусского языка. Вполне вероятно, что эта обособленность псковских говоров восходит именно к тому времени, когда кривичи жили обособленно от других восточнославянских племен.

Связь современных диалектов восточнославянских языков с диалектами древнерусского языка не вызывает возражений, так как основные диалектные особенности современных восточнославянских языков обнаруживаются уже в памятниках древнерусской письменности XII—XV вв. Дискуссионным является вопрос о том, отражают ли диалекты современных восточнославянских языков племенные диалекты или же они целиком являются продуктом эпохи феодальной раздробленности. Однако в данном случае нет смысла вторгаться в рассмотрение этой сложной темы, так как сторонники происхождения современных диалектных групп восточнославянских языков от областных говоров периода феодальной раздробленности делают исключение для псковской группы говоров. Вот что пишет по этому поводу Р. И. Аванесов, последовательный сторонник теории позднего происхождения современных диалектов восточнославянских языков: «На основании показаний письменных источников, относящихся к территории Пскова, древние псковские говоры выделяются весьма ярко, в особенности по ряду характерных черт узкого чисто псковского значения, не соотносительных с чертами диалектных различий в обще-восточнославянском масштабе... Характерно, что территория псковских говоров, как она определяется данными современной диалектологии, совершенно не совпадает с территорией Псковской земли XIV—XV вв. Это указывает, вероятно, на то, что образование их особенностей не связано по времени с формированием Псковской земли. Можно полагать, что специфические особенности древнего псковского говора, отразившиеся в псковских памятниках XIV—XV вв., сформировались в более раннюю эпоху»⁴¹.

⁴⁰ Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2, стр. 24—30.

⁴¹ Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. Вестник МГУ, 1947, № 9, примеч. ? на стр. 131—132.

Сопоставление современной диалектологической карты восточнославянских языков с картой археологической (рис. 2) показывает, что абсолютное большинство археологических памятников псковских кривичей с середины I тысячелетия н. э. до XIII в. расположено на территории распространения псковских говоров. Если нельзя говорить о полном совпадении археологических и диалектологических границ, то можно говорить

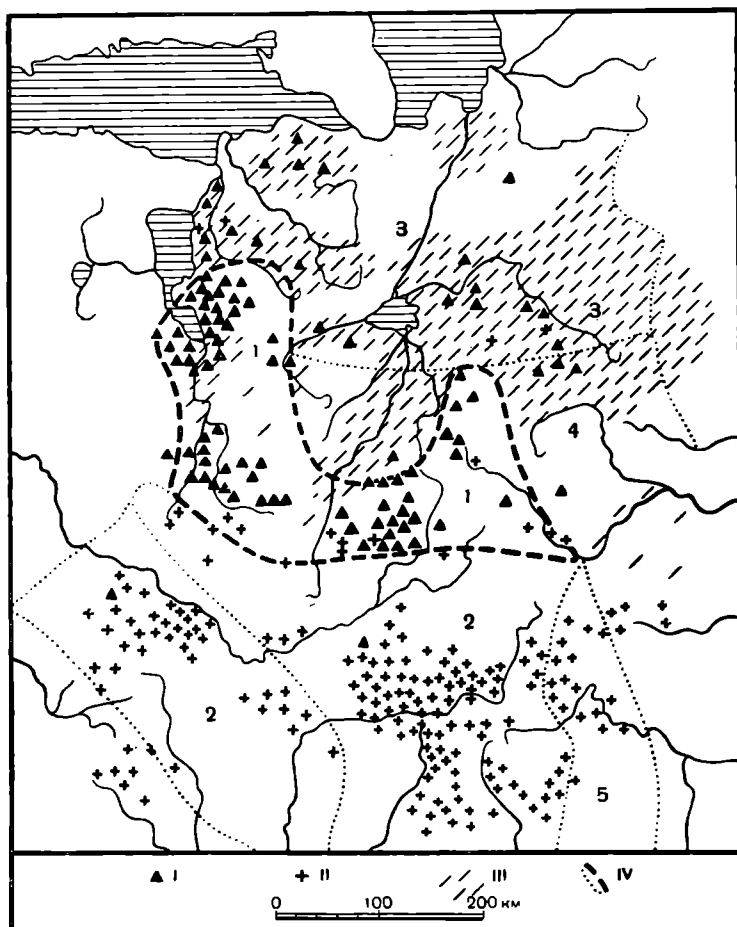

Рис. 2. Археологические памятники кривичей и диалектологическая карта восточнославянских языков

I — археологические памятники псковских кривичей второй половины I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э.; II — археологические памятники смоленских и полоцких кривичей; III — области расселения словен новгородских по данным археологии; IV — диалектологические границы по карте Московской Диалектологической комиссии; 1 — псковская группа говоров; 2 — говоры северо-белорусские; 3 — новгородские говоры; 4 — средневеликорусские говоры; 5 — говоры переходные к южновеликорусским на белорусской основе

о том, что общие контуры территории распространения псковских говоров начала XX в. были намечены еще в конце I — начале II тысячелетия н. э. Иными словами, вслед за лингвистами, полагающими, что формирование группы псковских говоров восходит к более раннему времени, чем XIV — XV вв. можно считать, что псковские говоры древнерусского языка восходят к племенному наречию псковских кривичей.

Одной из характерных черт восточной и южной групп славянских языков, в отличие от западной группы, признается потеря зубных в первичных сочетаниях «dl», «tl», «dn», «tn», восходящих к общеславянскому языку. В отличие от всех других говоров древнерусского языка, древнепсковский говор сохранил сочетания «dl» и «tl», хотя и в несколько измененном виде — «Г» и «К» перед окончаниями причастий прошедшего

времени — «ли» («блуглися», «привегли», «на конь оусегли» и т. п.)⁴².

Объяснению этой особенности древнепсковского говора посвятили статьи два крупнейших языковеда начала XX в. — А. А. Шахматов и

А. И. Соболевский. А. А. Шахматов в своих лингвистических построениях опирался на гипотезу, согласно которой в Восточной Европе до расселения восточных славян жили ляхи. Сохранение зубных в сочетании с шепелявостью в псковских говорах, по его мнению, являются остаточными явлениями древних ляхских поселенцев⁴³. В настоящее время гипотеза А. А. Шахматова не может удовлетворять ни археологов, ни лингвистов, ни историков, так как не подкрепляется никакими фактическими материалами.

Подчеркивая сходство вышеуказанной особенности древнепсковского говора с польскими наречиями, А. И. Соболевский считал, что «Г» и «К» на месте древних «Д» и «Т» восходят к тому времени, когда в глубокой древности (во всяком случае до выпадения «Д» и «Т» перед «Л») эти говоры соседнили друг с другом и с балтийскими племенами⁴⁴.

Предложение А. И. Соболевского находит подтверждение в археологических материалах (рис. 3 и 4). Кроме очерченной на карте Н. Н. Черныгина территории распространения длинных курганов, эти памятники известны

еще в одном районе — в смежных областях Польши и Западной Белоруссии (бассейн верхнего Немана и Буга, междуречье Буга и Вислы)⁴⁵. К сожалению, длинные курганы этой территории еще не подвергались

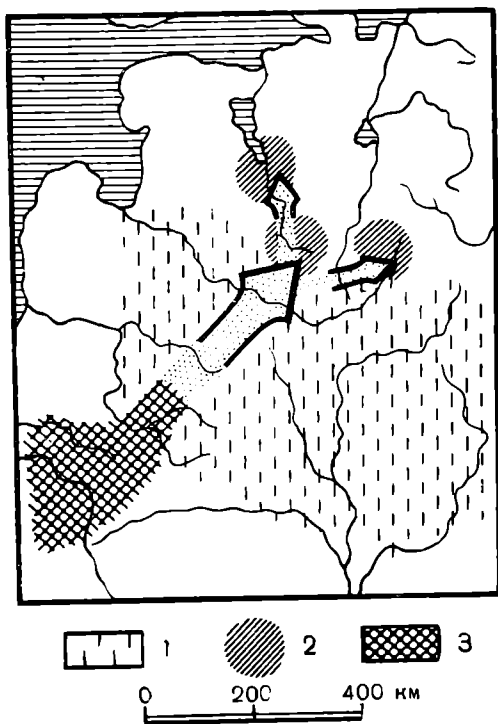

Рис. 3. Схема движения кривичей на Псковщину

1 — восточнобалтийские племена; 2 — древнейшие районы расселения кривичей в бассейне р. Великой и в верховьях Западной Двины; 3 — область, откуда пришли кривичи на Псковщину (стрелками показаны направления движения кривичей)

⁴² Впервые на эту особенность древнепсковского говора обратил внимание Л. Л. Васильев (см. Л. Л. Васильев. О случаях сохранения общеславянской группы *dl* в одном из старых наречий русского языка. Русский филологический вестник, 1907, № 3, Варшава, 1907, стр. 263—264). Вскоре Н. Каринский дополнил перечень примеров из памятников псковской письменности XV в. и указал подобные случаи в древнепольской письменности XV—XVI вв. (см. Н. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909, стр. 184—187). В отличие от Л. Л. Васильева, видевшего в *Г* и *К* рефлексы общеславянских *Д* и *Т*, Н. Каринский первоначально полагал, что здесь имеют место новообразования *Д* и *Т*, возникшие на псковской почве перед флексиями прошедшего времени. Впоследствии в объяснении этой особенности древнепсковского наречия Н. Каринский, кажется, согласился с А. И. Соболевским (см. Н. Каринский. Очерки из истории псковской письменности и языка, т. I. Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 г. Птрг., 1916, стр. 32).

В окрестностях Пскова и на побережье Псковского озера остатки произношения *КЛ* и *ГЛ* из *ТЛ* и *ДЛ* наблюдаются изредка до сих пор (см. П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1954, стр. 91). Заимствованное эстами у славян слово «мыло» имеет древнепсковское начало (мыгло — *mygel*).

⁴³ А. А. Шахматов. К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры. Русский филологический вестник, т. LXIX, Варшава, 1913, стр. 1—11.

⁴⁴ А. И. Соболевский. Важная особенность старого псковского говора. Русский филологический вестник, т. LXII, 1909, стр. 231—234.

⁴⁵ В верховьях р. Немана эти курганы в последнее время частично картографиро-

раскопочным исследованиям. Между тем имеются некоторые основания предполагать, что здесь есть такие же древние (если не древнее) курганы, как и в бассейне р. Великой. Среди курганных могильников верхнего Принеманья и в Побужье есть валообразные насыпи длиной до 80 м. Хотя длина курганной насыпи не является определяющим признаком для

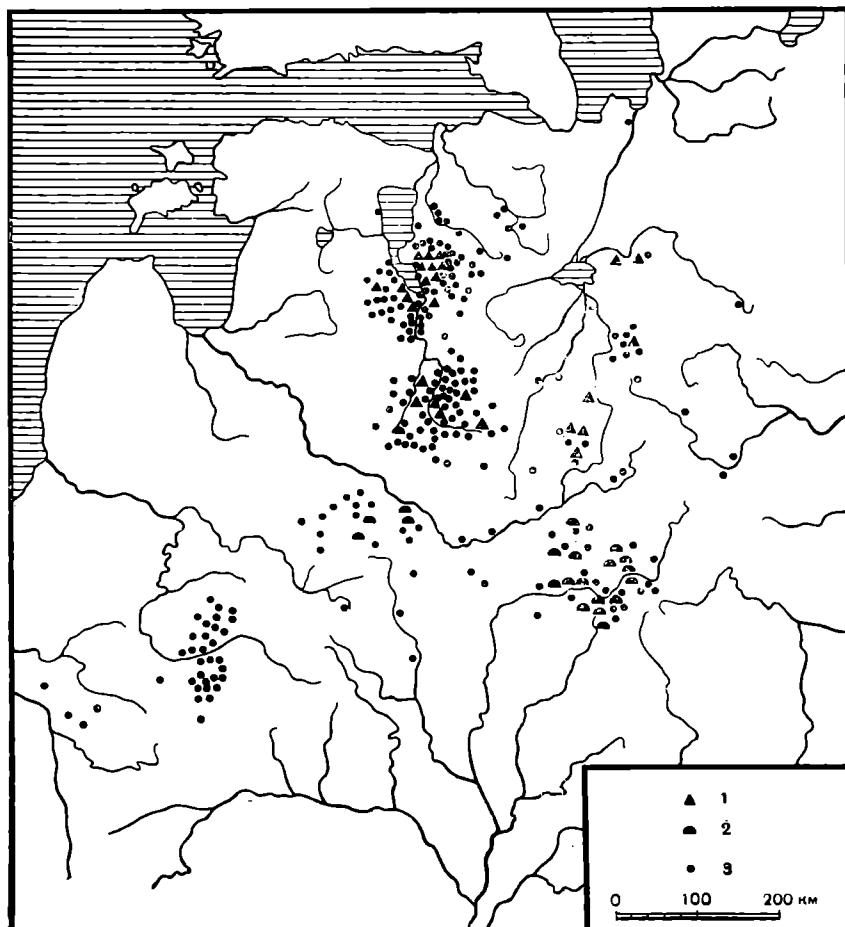

Рис. 4. Длинные курганы

1 — курганные могильники, в которых раскопаны длинные насыпи с золоугольной прослойкой в основании; 2 — курганные могильники, в которых раскопаны длинные насыпи с ритуальными кострищами; 3 — могильники с еще неисследованными длинными курганами

хронологии, тем не менее нельзя не отметить, что очень длинные валообразные насыпи известны только в древнейших местах расселения кривичей (в бассейне Великой и в верховьях Западной Двины). Таких курганов нет ни в Смоленском Поднепровье, ни в Полоцкой земле, где кривичи появились, как будет показано ниже, только в VII в. н. э. Длина смоленских и полоцких курганов не превышает 30—35 м, в то время как в бассейне Великой нередко валообразные насыпи до 60—65 м в длину. Более того, все раскопанные до сих пор поздние длинные курганы (VII—IX вв.) как в Смоленщине и Полотчине, так и в Псковской земле по существу являются удлиненными (их длина не превышает 30—35 м).

Оставлена ли Неманско-Бужская группа длинных курганов той группой славянских племен, из среды которых вышли и польские племена и

ваны Ф. Д. Гуревич (См. Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлиненных курганах в западной Белоруссии. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 54—65). Относить эти курганы к дреговичам, как это делает Ф. Д. Гуревич, нет никаких оснований. Длинные курганы в Побужье и западнее еще не картографированы. Отрывочные упоминания о некоторых из них есть у Ф. В. Покровского. (См. Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губ. Тр. IX АС, т. I, М., 1895).

кривичи, т. е. те славянские племена, которые до середины II тысячелетия н. э. сохранили зубные в сочетаниях «dl» и «tl», или же эта группа длинных курганов оставлена частью кривичей, которые не сумели пробиться сквозь земли, занятые восточнолитовскими племенами, при продвижении на Псковщину? До производства широких раскопочных исследований этой группы погребальных памятников этот вопрос решать нельзя.

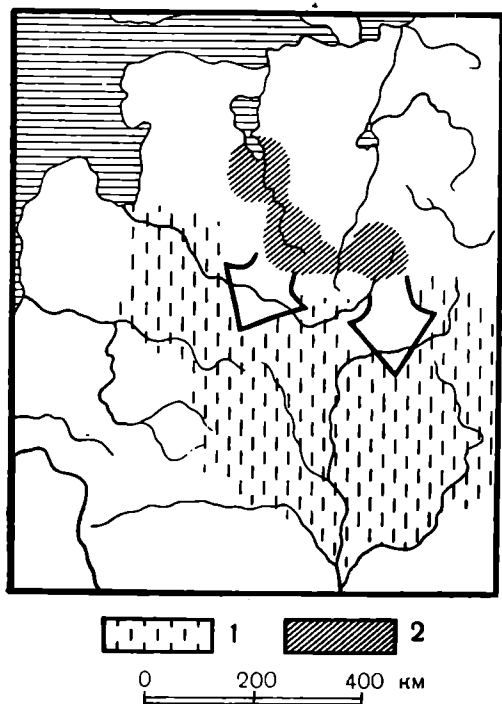

Рис. 5. Схема расселения кривичей в VII—VIII вв.

1 — восточнобалтийские племена; 2 — древнейшие районы расселения кривичей на Псковщине (стрелками показаны направления движения кривичей)

Работами А. Г. Митрофанова и других исследователей установлено, что многие городища штрихованной керамики в западной части территории их распространения прекращают свое существование (гибнут в результате пожаров) именно в IV в. н. э.⁴⁶ Вместе с тем в III—IV вв. н. э. поселения штрихованной керамики появляются узкой полосой от верховьев р. Ловати до верховьев Западной Двины, т. е. там, где до этого времени жило только финское население. Я. В. Станкевич подчеркивает характерное для поселений III—IV вв. н. э. сочетание восточнобалтийских черт со славянскими и в инвентаре, и в керамике⁴⁷. К V в. н. э. эта область становится славянской. Появление в Верхнем Подвинье культуры штрихованной керамики в сочетании со славянскими элементами можно объяснить только тем, что кривичи, продвигаясь из Верхнего Принеманья в верховья Западной Двины через земли восточнобалтийских племен, увлекли своим движением часть местного балтийского населения. Во всяком случае, трудно найти другое объяснение появлению группы поселений штрихованной керамики в южной части Верхнего Подвинья — вдали от основной территории их распространения.

Одновременное появление одинаковых погребальных памятников — длинных курганов в отдаленных районах расселения кривичей (в ни-

Однако предположение о том, что кривичи переселились в бассейн Великой и в верховья Западной Двины именно из района Принеманья и Бугско-Висленского междуречья, заслуживает внимания не только потому, что древнепсковский диалект обнаруживает общие черты с древними польскими говорами (это позволило А. И. Соболевскому говорить о соседстве этих говоров в древности), и не только потому, что и там и здесь мы имеем совершенно одинаковые археологические памятники. Выше отмечалось, что кривичи в Повеличье и в Верхнем Подвинье появились к середине I тысячелетия н. э., т. е. их переселение должно было совершиться в конце первой половины I тысячелетия н. э. И как раз именно в это время в последних столетиях первой половины I тысячелетия н. э. в землях, расположенных между Псковщиной и Верхним Принеманьем, по археологическим данным, намечается какое-то передвижение населения, сопровождаемое гибелью укрепленных поселений.

⁴⁶ А. Г. Митрофанов. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1955.

⁴⁷ Я. В. Станкевич. Ук. соч., стр. 47.

зовьях р. Великой, на побережье Псковского озера, в верховьях Западной Двины и на Валдае) заставляет полагать, что кривичи к середине I тысячелетия н. э. в период их расселения в Повеличье и в Верхнем Подвинье уже хоронили умерших в длинных курганах. Скорей всего, этот своеобразный тип насыпей был принесен кривичами и на Псковщину из Верхнего Принеманья или из Бугско-Висленского междуречья.

Кривичи середины I тысячелетия н. э. являлись прежде всего этнической группой славянства. О наличии племенной организации у кривичей в это время нам ничего неизвестно.

Дальнейшая история кривичей связана с колонизацией ими Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья (рис. 5), населенными восточнобалтийскими племенами. Время появления кривичей на Смоленщине и Полотчине определяется древнейшими в этих землях длинными курганами. Хронология древнейших длинных курганов здесь так же, как на Псковщине, представляет большие трудности. Легче датируются длинные курганы VIII—IX вв., в силу того, что в них встречаются вещи, имеющие аналогии среди древностей латгальских могильников, или предметы, сходные с вещами из круглых славянских курганов IX в.

Древнейшие же погребения в длинных курганах Смоленщины и Полотчины, как и погребения первоначальной области расселения кривичей, почти полностью лишены вещевого материала. Поэтому на Смоленщине и в Полотчине можно назвать очень немного длинных курганов старше VIII в. Таков длинный курган у дер. Ямщиchino на Смоленщине, в котором найдена ажурная бляха с красной эмалью. Автор раскопок В. И. Сизов датировал ее VI—VII вв.⁴⁸, с чем согласились А. А. Спицын и П. Н. Третьяков⁴⁹, указав аналогию этому предмету в Красноборском кладе VI—VII вв. В длинном кургане № 3 близ Ярцева (Смоленская область) В. И. Сизовым⁵⁰ была найдена часть бронзовой фибулы с красной и желтой эмалью⁵¹. Точной аналогии этой фибуле подыскать не удается, но по своей орнаментации она очень напоминает некоторые бляшки Перещепинского клада⁵². Поэтому этот курган можно включить в число древнейших длинных курганов Смоленщины. К ранним памятникам нужно отнести также длинные курганы близ деревни Лопино⁵³ и Пишино⁵⁴ на Смоленщине и удлиненный курган между деревнями Машули и Шалтени на Полотчине⁵⁵, в которых были найдены В-образные пряжки типа пряжек Колосковского клада VI—VIII вв. Сюда же принадлежит длинный курган в Будранах (Полотчина)⁵⁶, в котором найден узколезвийный топор, характерный для литовских курганов V—VIII вв. Более древних длинных курганов на Смоленщине и Полотчине нет⁵⁷. Следовательно, появление длинных курганов в этих областях нужно относить приблизительно к VII в. н. э.⁵⁸

⁴⁸ Архив ИААН СССР. Дело АК № 76/1903.

⁴⁹ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена — рис. 20, А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1903, табл. XXVII.

⁵⁰ Указатель памятников Российского исторического музея. М., 1893, стр. 111—113; Отчет АК за 1898 г. СПб., 1901, стр. 58—59.

⁵¹ Рисунок фибулы см. П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, рис. VII, 8, 9.

⁵² А. А. Бобринский. Перещепинский клад. МАР, № 34, СПб., 1914, табл. XIV, 48.

⁵³ Указатель памятников..., стр. 111—113.

⁵⁴ Отчет АК за 1899 г. СПб., 1902, стр. 94—98.

⁵⁵ Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Тр. IX АС, т. 1, М., 1895, стр. 188.

⁵⁶ Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении. Тр. X АС, т. 1, М., 1899, стр. 139—140.

⁵⁷ Из списка длинных курганов Н. Н. Чернягина (см. Н. Н. Чернягин. Ук. соч.), конечно, нужно исключить большие круглые курганы Смоленщины, хотя они и относятся к середине I тыс. н. э. (например, Ямполье). Эти курганы не являются славянскими погребальными памятниками и оставлены дославянским населением Смоленщины.

⁵⁸ Эта дата совпадает со временем гибели некоторых восточнобалтийских городов:

Является ли распространение длинных курганов в Верхнем Поднепровье и Полоцком Подвинье свидетельством о расширении кривичской территории посредством расселения славян из верховьев Западной Двины и бассейна р. Великой, или же появление длинных курганов здесь следует объяснить иными причинами? Этот вопрос решается в пользу первого предположения анализом керамического материала. Керамика длинных курганов Смоленщины существенно отличается от глиняной посуды смоленских городищ и селищ первых трех четвертей I тысячелетия н. э.⁵⁹ и имеет свои ближайшие аналогии среди керамического материала длинных курганов Псковщины и верховьев Западной Двины. Отсутствие каких-либо балтийских находок в ранних курганах Смоленщины и Полотчины свидетельствует о том, что первоначально славянское население здесь не смешивалось с местным (балтийским по языку), населением.

Совсем иными по инвентарю являются некоторые длинные курганы VIII—IX вв. В погребениях этих курганов и на Смоленщине и в Полотчине иногда встречаются вещи, характерные для латгальских могильников того же времени — бронзовые спиральные пронизки и орнаментированные бляшки, из которых составлялись латгальские головные венчики и обломки шейных гривен. Процент погребений длинных курганов с предметами латгальских типов незначителен. Остатки головных венчиков найдены в длинных курганах близ дер. Хотынь⁶⁰, с. Слободы⁶¹, дер. Цурковки⁶², Заозерье и Акатово⁶³. При этом из шести захоронений в длинном кургане у дер. Цурковки остатки головного венчика найдены только в одном погребении. То же самое можно сказать и относительно других перечисленных курганов⁶⁴.

Появление в погребениях VIII—IX вв. смоленско-полоцких длинных курганов балтийских украшений можно объяснить только захоронением в этих курганах части местного восточнобалтийского населения, попавшего под славянское влияние или вследствие брачных связей славян с балтами, или в результате совместной хозяйственной деятельности. К этому времени на смену родовой пришла сельская община, допускающая в свой состав инородческое население. Во всяком случае предметы украшений балтийского типа найдены в длинных курганах только в тех областях, где, судя по археологическим данным, находящим подтверждение в топонимических материалах, вплоть до последней четверти I тысячелетия н. э. обитали балты. Эти предметы не встречены в псковской группе длинных курганов.

Смоленско-полоцкие длинные курганы отличаются от псковских не только наличием в отдельных погребениях предметов балтийской культуры, но и отсутствием зольно-угольной прослойки в основаниях погребальных насыпей (рис. 4). Начиная с середины I тысячелетия н. э. вплоть до исчезновения курганного обряда захоронений (XIII в.) криви-

Смоленского Поднепровья. Например, городище Тушемля (см. П. Н. Третьяков. Городища-святых левобережной Смоленщины. СА, 1958, № 4, стр. 183), городище Акатово (раскопки Е. А. Шмидта 1958 г.).

⁵⁹ Глиняная посуда из древнейших длинных курганов рассматриваемых районов опубликована А. Н. Лявданским. (А. Н. Ляўданскі. Археалёгічныя досьледы ў вадзборах р. р. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні. Працы, т. 2, Менск, 1930 стр. 281, табл. III — Лопинские курганы).

⁶⁰ Н. Н. Черныгин. Ук. соч., табл. VIII, 17, 18.

⁶¹ А. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, 1906, стр. 206, рис. 36.

⁶² Е. А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе. СА, 1958, № 3, стр. 166.

⁶³ Раскопки Е. А. Шмидта 1958 г.

⁶⁴ Спиральки встречаются в длинных курганах несколько чаще. Но признаком головного венка они являться не могут, так как они часто входили в состав ожерелий, иногда вплетались в одежду. Спиральки известны и из древнерусских круглых курганов тех областей, где балтийского населения никогда не было. Для определения находки головного венка, кроме спиралек, необходимо присутствие бляшек, чередующихся со спиральками в латгальских головных венках.

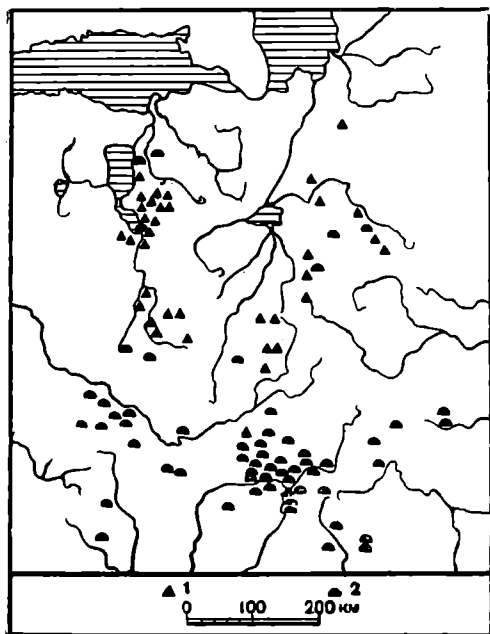

Рис. 6

Рис. 6. Археологические памятники кривичей IX—X вв.

1 — памятники псковских кривичей; 2 — памятники смоленских и полоцких кривичей

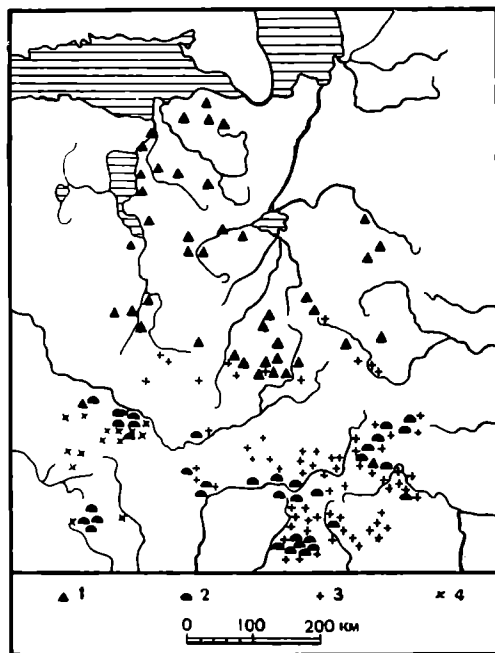

Рис. 7

Рис. 7. Археологические памятники кривичей XI—XIII вв.

1 — курганные могильники псковских кривичей; 2 — курганные могильники смоленских и полоцких кривичей; 3 — места находок браслетообразных завязанных височных колец смоленского типа; 4 — места находок браслетообразных височных колец полочан

чи, жившие на побережье Псковского озера, в бассейне р. Великой и в верховьях Западной Двины, перед сооружением курганной насыпи разводили на этом месте небольшой ритуальный костер, имевший целью, по-видимому, очищение почвы, предназначенной для погребальной насыпи. При раскопках псковских длинных и круглых курганов в их основаниях, как правило, открывается тонкая зольно-угольная прослойка⁶⁵; у смоленских и полоцких кривичей этот обряд существовал в несколько измененном виде. При раскопках длинных курганов на Смоленщине и в Полотчине зольно-угольной прослойки в основаниях насыпей не прослеживается. Вместо этого остатки небольших ритуальных кострищ обнаруживаются под отдельными захоронениями (или в виде скопления угля и золы, или в виде небольшой прокаленной горизонтальной площадки, размерами от 0,3 до 1 м²). Таким образом, здесь ритуальные костры разводились не на всей площади основания курганной насыпи, а только на небольшой площадке под одним или двумя захоронениями (по-видимому, древнейшими в том или ином кургане)⁶⁶.

⁶⁵ Иногда вместо зольно-угольной прослойки в основаниях некоторых псковских курганов обнаруживается тонкая прослойка белого песка. Вместе с тем на Псковщине изредка встречаются курганы, лишенные каких-либо ритуальных кострищ.

⁶⁶ Мы не останавливаемся на этом различии псковской и смоленско-полоцкой групп кривичских курганов подробнее, так как этот вопрос неоднократно затрагивался в литературе (см. Н. Н. Чернягин. Ук. соч.; С. А. Тараканова. Длинные и удлиненные курганы, стр. 93—94). Эти различия подтверждаются и новыми раскопками длинных курганов. Причину замены в длинных курганах Смоленщины и Полотчины большого ритуального кострища, занимающего все основание кургана, небольшими кострищами объяснить трудно. Можно полагать, что это изменение связано с обрядами восточнобалтийского населения. В пользу этого предположения говорит тот факт, что круглые курганы с ритуальными кострищами распространены на всей территории, прежде занятой восточнобалтийскими племенами, т. е. на территории смоленских кривичей, полочан, дреговичей и радимичей. Однако обряд погребения восточнобалтийских племен нам пока неизвестен.

Намеченные по материалам длинных курганов VII—IX вв. три локальные группы кривичей — псковская, смоленская и полоцкая в дальнейшем имеют самостоятельное обособленное развитие. Круглые курганы с одиночными трупосожжениями, пришедшие в IX в. на смену длинным курганам, во всех деталях погребального обряда повторяют длинные курганы. Курганы псковских кривичей по-прежнему выделяются зольно-угольной прослойкой. Для круглых курганов IX—X вв. смоленских и полоцких кривичей характерны такие же ритуальные кострища, какие наблюдаются в длинных курганах тех же областей (рис. 6). Смоленские кривичи и полочане (полоцкие кривичи) в VII—X вв., близкие по погребальному обряду, были разделены полосой территории, еще не заселенной славянами. В связи с этим, а также в связи с различными субстратами Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвизья, уже в X в. намечаются некоторые этнографические различия этих двух кривичских областей (рис. 7). Для смоленских кривичей и полочан с X по XIII в. характерны браслетообразные завязанные височные кольца несколько различных типов⁶⁷. У кривичей Смоленского Поднепровья получают распространение большие проволочные кольца с аккуратно завязанными концами. Височные кольца полоцких кривичей, обычно несколько меньших размеров, изготовлены из более тонкой проволоки, менее тщательно завязаны, иногда один конец их образует петельку, другой — завязан⁶⁸.

Псковские кривичи не носили браслетообразных височных колец. Их история, начиная с VII—VIII вв., тесно связана с другой группой восточных славян — словенами новгородскими. Уже в VII в. в область расселения псковских кривичей начинают проникать словене. Их погребальные памятники — сопки в низовьях р. Великой и верховьях р. Западной Двины — расположены попеременно с длинными курганами⁶⁹.

В соответствии с археологическим делением кривичей на три локальные группы можно говорить о трех политических объединениях (племенных союзах) кривичей последней четверти I тысячелетия н. э. — союзе псковских кривичей, союзе смоленских кривичей и союзе полочан. Составитель «Повести временных лет» знает племенные княжения (племенные союзы) у полочан и смоленских кривичей. Что касается псковских кривичей, то они к IX в., судя по летописи, были объединены в один политический союз со словенами и весью, чему не противоречат и археологические материалы.

Первые полугосударственные феодальные образования — Полоцкое и Смоленское княжества — были прямыми наследниками прежних племенных союзов соответственно полочан и смоленских кривичей, ибо полочане составили основное ядро населения Полоцкой земли, кривичи верховьев рек Днепра, Западной Двины и Волги — Смоленской. Территории ранних княжеств — Полоцкого и Смоленского в значительной степени соответствуют областям расселения полоцких и смоленских кривичей⁷⁰.

⁶⁷ Обычай носить височные кольца появился у смоленских и полоцких кривичей еще в эпоху сооружения длинных курганов. В длинных курганах у деревень Слободы, Хотынь, Цурковка, Слободы-Глушицы (Смоленское Поднепровье), Рудня, Бельмоэт (Полотчина) найдены древнейшие височные кольца кривичей — большие проволочные с пластинчатой серединой, в отверстия которой привешивались трапезиевидные привески (см. Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 164, рис. 3, 3). Прототипами этих колец являются шейные гривны, распространенные в Прибалтике во второй половине I тысячелетия н. э.

⁶⁸ Менее заметные различия наблюдаются и в других типах украшений смоленских кривичей и полочан.

⁶⁹ См. карту Н. Н. Черныгина (Н. Н. Черныгин. Ук. соч.)

⁷⁰ С темой «кривичи» связан вопрос о славянском заселении Волго-Клязьминского междуречья, так как кривичи направили значительные потоки переселенцев в эту область Восточной Европы. Однако этот вопрос приобретает самостоятельное значение, так как в колонизации Волго-Клязьминского междуречья наряду с кривичами приняли участие словене новгородские и другие группы восточного славянства и поэтому здесь не рассматривается.

И. П. РУСАНОВА

ТЕРРИТОРИЯ ДРЕВЛЯН ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Древляне — одно из древнерусских племен, история которого тесно связана с историей полян и Киева. В летописи содержатся сведения о неоднократных враждебных столкновениях, происходивших между древлянами и киевскими князьями, начиная со времени Кия, Щека и Хорива и кончая серединой X в. При княгине Ольге (946 г.) древляне окончательно потеряли самостоятельность и вошли в состав Киевского государства.

Территория древлян определена в летописи очень неточно. Известно, что это племя обитало к северо-западу от Киева, его городами были Искоростень и Вручий; на севере древлянские поселения, вероятно, доходили до Припяти, за которой начинались земли дреговичей. О близости древлянской земли к Киеву свидетельствует эпизод с Лютом Свенельдичем. Лют, выехав из Киева на охоту, был убит князем древлянской земли Олегом, тоже охотившимся, и, следовательно, их встреча могла произойти где-то в пограничной полосе¹. Более точные сведения содержатся в рассказе о походе Всеволода Ольговича на Киев². На основании этого рассказа Б. А. Рыбаков пришел к выводу о том, что земля древлян начиналась на расстоянии 20—25 км на запад от Белгорода или на север от Вышгорода, т. е. за р. Здвиж или Ирпень³.

Краткость летописных сведений о территории древлян вызвала значительные расхождения в определении ее границ у историков и археологов (рис. 1). На основании некоторых косвенных данных летописи А. А. Шахматов сделал вывод о проникновении древлян на левый берег Днепра⁴. Этому же мнению придерживался В. А. Пархоменко, который считал, что и Киев был некогда древлянским городом и только в X в. его завоевали поляне⁵.

Решающим для определения границ древлянской земли может явиться археологический материал. Памятники второй половины I тысячелетия н. э. на земле древлян и особенно на землях соседних с древлянами племен изучены еще недостаточно и не могут быть привлечены для решения этого вопроса. Большие возможности дает массовый курганный материал X—XII вв. Правда, А. А. Спицын в 1899 г. писал о полной аналогии полянских курганов с одновременными им волынскими и древлянскими⁶, но здесь он следовал не совсем правильной характеристике древлянских курганов, данной В. Б. Антоновичем.

В работе В. Б. Антоновича, посвященной курганам древлян⁷, рассматриваются в основном курганы южной и юго-восточной части древлянской земли. В центре этой земли, в районе Коростеня, В. Б. Антонович почти не раскапывал курганов; более северные области даже не были

¹ Повесть временных лет. М., 1950, стр. 53.

² ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 14.

³ Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 45—46.

⁴ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. СПб., 1916, стр. 100.

⁵ В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности, Л., 1924.

⁶ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным ЖМНП; 1899, № 8, стр. 323.

⁷ В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян, МАР, № 11, 1893.

помещены на карте, приведенной в его работе. По мнению В. Б. Антоновича, полянам принадлежали курганы, содержащие наряду с человеческим погребением и погребение коня⁸; курганы без конских погребений он считал древлянскими. Исходя из этого определения, курганы, находящиеся под самым Киевом (Совки, Китаевская Пустынь) и по р. Раставице

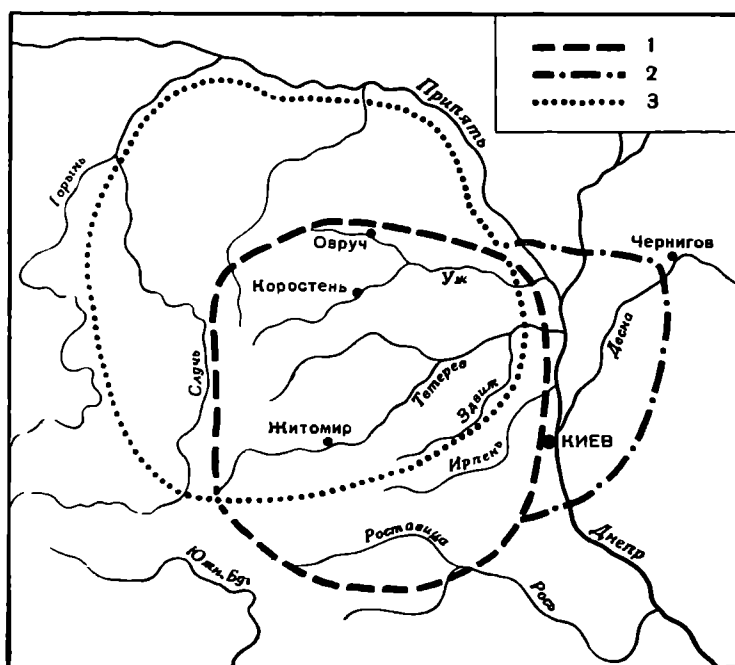

Рис. 1. Границы древлянской земли

1 — по В. Б. Антоновичу; 2 — по В. А. Пархоменко; 3 — по С. М. Середонину

вице (Буки, Ягнятин, Вчерайше), также были отнесены к древлянкам. Кроме того, лишь на основании внешнего вида курганов были приписаны древлянкам некоторые курганные группы, раскопки которых не проводились: по р. Ирпень (у с. Глебовка, Дымер, Демидовка, Мирозка, Михайловка, Голяк, Дедовщина, Корнин) и по р. Раставице (у с. Строково, Верховня, Ярославка, Быстрик)⁹. Таким образом, древлянские курганы, по В. Б. Антоновичу, доходили до Киева и проникали еще южнее. При подсчете оказалось, что среди «древлянских» курганов наибольшее число составляют курганы с погребениями в ямах, ниже горизонта на 0,5—1,0 м (58%). Погребений на горизонте насчитывается 25% и выше горизонта, в насыпи кургана — 17%¹⁰.

Следуя за В. Б. Антоновичем, В. А. Пархоменко склонен был курганы с погребениями в глубоких ямах, открытые в самом Киеве и на Левобережье Днепра, приписывать древлянкам¹¹. На этом же основании А. Н. Уппит-Москаленко считает курганы, расположенные вдоль левого берега Днепра, древлянскими¹². В. З. Завитневич производил раскопки вдоль р. Припять с целью выяснения границы между древлянками и дреговичами. В раскопанных им курганах преобладали погребения на горизонте. Погребения в ямах составляли лишь незначительный процент.

⁸ В. Б. Антонович. О типах погребения в курганах Киевской губ. Тр. VIII АС, т. IV, 1897, стр. 69; Тр. X АС, т. III, 1900, протоколы, стр. 67 сл.

⁹ Его же. Раскопки в стране древлян, стр. 3, карта.

¹⁰ Там же, стр. 7.

¹¹ В. А. Пархоменко. Ук. соч., стр. 46 сл.

¹² А. Н. Уппит-Москаленко. Северяне по данным археологии. Л., 1945, стр. 78.

В связи с этим В. З. Завитневич считал эти курганы дреговическими и границу между ними и древлянскими курганами проводил южнее Припяти. По его мнению, и житомирские курганы, в которых нет погребений в ямах, принадлежали к северному типу¹³. Курганы волынян — западнее Горыни, по характеристике В. Б. Антоновича, собственно ничем не отличаются от древлянских; это небольшие курганы с погребениями или выше горизонта, или на горизонте, или в ямах; часто скелеты помещены в прямоугольных срубах¹⁴.

Накопленный в настоящее время фактический материал показывает, что классификация В. Б. Антоновича не является правильной¹⁵. При картографировании курганного обряда оказывается, что курганы с погребениями в ямах занимают определенную территорию. Они господствуют в курганных группах на р. Раствавице (Вчерайше, Ягнятин, Буки), из 71 раскопанного кургана ямы обнаружены в 66 курганах¹⁶. Погребения в ямах известны в Киеве¹⁷ и в его окрестностях¹⁸ и южнее, в районе Канева¹⁹. К северо-западу от Киева погребения в ямах встречаются по Среднему Тетереву и на его южных притоках — Здвиже и Гуйве. Но в этом районе они не являются господствующими, а обнаружены в общих группах с курганами, содержащими погребения на горизонте (последние составляют около 1/3 всех раскопанных курганов). Смешанный обряд погребения встречен в группах у Грубска, Олешполя, Стрижавки, Коростышева, Городска, Минины²⁰.

Далее к западу и северо-западу в районе Коростеня и Овруча (в бассейне рек Ужа, верхнего Тетерева, Случи, Уборти и до Припяти), т. е. на основной территории древлян, погребения в ямах почти полностью отсутствуют: из 270 раскопанных курганов погребения в ямах встречены лишь в 21, что составляет всего 8% (рис. 2). Для этой территории характерны погребения на горизонте и в насыпи курганов. Погребения в насыпи встречаются довольно часто — в 50 курганах, что составляет 18% всех раскопанных курганов. Высота присыпки в этих курганах колеблется от 20 до 50 см. Характерной особенностью курганов на этой же территории является скопление угля и золы в насыпи кургана и над самим скелетом (около 50% всех раскопанных курганов). Обычно это тонкий слой в центре кургана или отдельные кострища. В некоторых случаях скопления угля также в виде отдельных кострищ обнаружены на уровне погребения. Зола и уголь в насыпи курганов известны на всей территории от Припяти до Тетерева — на юге и Горыни — на западе (рис. 2). Иногда в курганах прослеживаются остатки деревянных сооружений. Они представляют собой или четырехугольники из бревен, двух длинных продольных и двух поперечных, или деревянные колоды. Очень часто в курганах находят железные гвозди.

Таким образом, для курганов на основной территории древлян характерны погребения на горизонте (74%) или в насыпи кургана (18%) и наличие угольно-зольных скоплений в насыпи выше погребения. Курганы

¹³ В. З. Завитневич. Из археологической экскурсии в Припятское Полесье. Чтения в общ. Нестора-летописца, кн. 4, Киев, 1890, стр. 22.

¹⁴ В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губ. Тр. XI АС, т. I, 1900, стр. 38.

¹⁵ Помимо материалов В. Б. Антоновича, привлечены как опубликованные, так и архивные материалы раскопок В. П. Рогге, В. З. Завитневича, М. К. Якимовича, Ф. Р. Штейнгеля, Я. В. Яроцкого, В. В. Хвойко, С. С. Гамченко, И. Ф. Левицкого, Ю. В. Кухаренко, И. И. Винокура, В. А. Месяца.

¹⁶ В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян, стр. 25—37.

¹⁷ Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА, № 11, 1949.

¹⁸ Я. Волошинский. Киевский некрополь. Тр. Антропологич. отдела Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии, кн. 2, вып. 1, 1876; I. M. Самойловський. Слов'янський могильник на р. Пронівщині під Києвом. Археологія, т. IX, 1954.

¹⁹ Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908.

²⁰ В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. СПб., 1893, стр. 38—64.

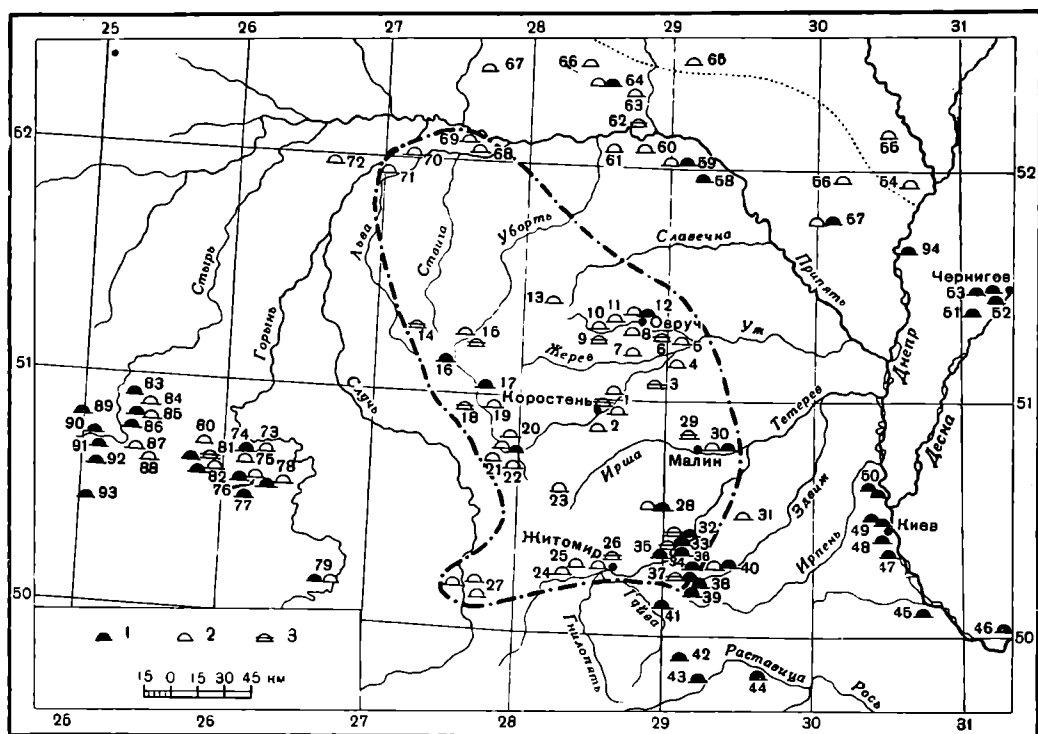

Рис. 2. Курганы с труположением

Условные обозначения: 1 — курганы с погребениями в ямах; 2 — курганы с погребениями на горизонте и в насыпи; 3 — курганы с погребениями на горизонте и в насыпи; — — — — — область распространения кострищ, расположенных выше погребения; ... — южная граница распространения кострищ, расположенных ниже погребения. Житомирская обл., Коростенск. р-н: 1 — г. Коростень, 2 — с. Веселовка, 3 — д. Татариничи; Народичский р-н: 4 — д. Рассоха, 5 — с. Язберень, 6 — д. Кацовщина, 7 — с. Липляница; Овручский р-н: 8 — ур. «под Одрами», около Овруча, 9 — с. Норинск, 10 — д. Хайч, 11 — с. Довгиничи, 12 — д. Речца; Славченский р-н: 13 — с. Хлупляны; Ровенская обл., Ракитнянский р-н: 14 — с. Ракитно; Житомирская обл., Олевский р-н: 15 — с. Олевск, 16 — с. Лопатичи, 17 — с. Зубковичи, 18 — ур. Малая Глумча; Емильчинский р-н: 19 — с. Подлубы, 20 — д. Андреевичи, 21 — ур. Княже у д. Андреевичи; Барашевский р-н: 22 — с. Бараша, 23 — с. Новоселки; Житомирский р-н: 24 — д. Фрисарка, 25 — ур. «Цыганские Лески», у с. Денеши, 26 — г. Житомир; Дзержинский р-н: 27 — с. Мирополь; Черняховский р-н: 28 — с. Слипчицы; Малинский р-н: 29 — с. Головки, 30 — с. Городище; Киевская обл., Макаровский р-н: 31 — с. Нежиловичи; Житомирская обл., Радомысльский р-н: 32 — с. Миняны; Коростышевский р-н: 33 — с. Городок, 34 — г. Коростышев; 35 — с. Стрижавка; Корнинский р-н: 36 — ур. Быковщина у д. Быково, 37 — ур. Чертеж, 38 — ур. Средняя Барма, 39 — ур. «Венгерская Гора» (группы 36—39 объединяются под названием «Грубск»); Брусилловский р-н, 40 — с. Олешполь; Андрушевский р-н, 41 — с. Котельня; Вчерайшевский р-н, 42 — с. Вчерайше; Ружинский р-н: 43 — с. Ягнятин; Киевская обл., Сквирский р-н: 44 — с. Буки; Обуховский р-н: 45 — с. Триполье; Переяславль-Хмельницкий р-н: 46 — г. Переяславль-Хмельницкий; Киевский р-н: 47 — с. Совки, 48 — с. Китаевская пустынь, 49 — г. Киев; Киево-Святошинский р-н: 50 — с. Вышгород; Черниговская обл. и р-н: 51 — с. Гушино, 52 — г. Чернигов, 53 — с. Новый Белоус Гомельская обл., Лоевский р-н: 54 — с. Лоев; Речицкий р-н: 55 — с. Холмеч; Хойницкий р-н: 56 — с. Горшков; Брагинский р-н: 57 — с. Миккульчичи; Мозырский р-н: 58 — д. Борисовичи, 59 — д. Скригаловская Слобода, 60 — с. Скригалов; Петриковский р-н: 61 — д. Глинца, 62 — с. Мицюра; Копаткевичский р-н: 63 — с. Копаткевичи, 64 — д. Ванюжичи; Домановичский р-н: 65 — с. Волосовичи; Копаткевичский р-н: 66 — с. Комаровичи; Житковичский р-н: 67 — с. Мициевичи; Туровский р-н: 68 — д. Рычево, 69 — ур. Казаргац у д. Буйразы; Брестская обл., Давид-Городокский р-н: 70 — с. Велемичи; Столинский р-н: 71 — с. Отвержичи, 72 — с. Видибор; Ровенская обл., Клеванский р-н: 73 — с. Грабов, 74 — с. Рогачев, 75 — с. Карниловичи; Ровенский р-н: 76 — с. Басов Кут, 77 — с. Корнин, 78 — д. Колоденка; Хмельницкая обл., Изяславльский р-н: 79 — ур. Остроля у Заславля; Ровенская обл. и р-н: 80 — д. Старый Жуков, 81 — д. Беляев, 82 — д. Пересопница; Волынская обл., Теремневский р-н: 83 — с. Борохово, 84 — с. Вишнево; 85 — с. Поддубец, 86 — с. Теремно, 87 — с. Ставки, 88 — с. Лыща; Торчинский р-н: 89 — с. Усичи, 90 — с. Городище, 91 — с. Горки Полонные; Луцкий р-н: 92 — с. Рыкань; Ровенская обл., Демидовский р-н: 93 — Боремль; Черниговская обл., Любечский р-н: 94 — г. Любеч

же с погребениями в ямах, которые В. Б. Антонович считал характерными для древлян, были распространены в районе Киева, Чернигова и Переяслава-Хмельницкого и, вероятно, принадлежали племени полян²¹. В связи с этим нет никаких оснований считать курганы с погребениями в ямах на левобережье Днепра древляньскими²².

²¹ Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV веков нашей эры (вятичи, радимичи, северяне). СА, XXV, 1956, стр. 156.

²² Предположение А. А. Шахматова о проникновении древлян на левый берег Днепра основано на сообщении летописи о деятельности княгини Ольги: «И иде Вольга

Прослеженные различия обряда погребения являются чисто территориальными. Хронологических изменений в устройстве курганов проследить не удастся, хотя оказалось возможным выделить курганы с инвентарем X—XI и XI—XII вв. Так, к более раннему времени относятся некоторые виды бус — сердоликовые призматические и шарообразные, стеклянные позолоченные, черные стеклянные с белыми разводами и глазками, и также серьги волынского типа, многобусинные височные кольца с зерненными бусинами в виде розеток. Более поздним временем датируются трехбусинные кольца киевского типа, пластинчатые загнутоконечные браслеты, лировидные пряжки, плоские литые поясные кольца, шпоры с острием в виде пирамиды и с квадратными пластинками на концах, топоры с широким лезвием и глубоким вырезом в нижней части.

Тщательная датировка курганов показала, что в курганах на юго-востоке — по Раставице и южным притокам Тетерева — погребения в ямах относятся к раннему и к более позднему времени, так же как это наблюдается в Киеве, где «основной вид погребений — в деревянном гробу, забитом гвоздями и поставленном в грунтовую могилу, — остается неизменным на протяжении IX—XIII веков»²³. На основной территории древлян в течение этого же времени были распространены курганы с погребениями на горизонте и в насыпи.

Граница между древлянами и полянами, судя по материалу курганов с труположением, проходила через болотистое течение р. Здвиж, т. е. там же, где и по данным летописи. Здесь существовала широкая пограничная полоса, где наблюдается смешанный погребальный обряд. Встречаются курганы с погребениями в ямах и типично древлянские курганы с погребениями на горизонте или на присыпке и с угольным слоем выше погребения. «Полянские» курганы проникали в это время даже севернее р. Тетерева, в район Радомысля. Доходили ли древлянские курганы на востоке до Днепра, решить невозможно из-за отсутствия материала. На нижнем течении р. Ужа, Тетерева, Ирпеня курганы не раскапывались. Курганы около Вышгорода относятся к полянскому типу²⁴.

Северную границу распространения древлянских курганов X—XII вв. определить очень трудно, так как курганы древлян и дреговичей имели гораздо больше общих черт, чем курганы древлян и полян. Для тех и других не были характерны погребения в ямах. У дреговичей они составляют лишь 12% и появляются, как установлено А. В. Успенской, в XII в.²⁵ Но различия между древлянскими и дреговическими курганами все же есть. У дреговичей почти полностью отсутствуют погребения в насыпи — они встречены всего два раза (одно из них вводное)²⁶. На территории древлян известно 50 курганов с погребениями в насыпи. В курганах дреговичей до-

по Деревсьей земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; и суть становища еъ и ловища... и по Днепру перевъсища и по Дъсне» (см. А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. М., 1916, стр. 100). Из этого сообщения следует, что Ольга действовала не только в земле древлян, но и по Днепру и Десне, упоминание о которых было бы излишним, если они входили в состав древлянской земли. Вторым доказательством А. А. Шахматова являлось отождествление Малька Любечанина с Малом Древлянским (см. А. А. Шахматов. Розыскание о древнейших русских летописных сводах. М., 1908, стр. 340—378). Критика построений А. А. Шахматова о личности Мала Древлянского содержится в статье Б. А. Рыбакова «Остромирова летопись» (ВИ, 1956, № 10). Доказательства В. А. Пархоменко сводятся в основном к тому, что Киев не был тесно связан с Правобережьем и в случае опасности опирался на помощь населения с левого берега Днепра. Важным аргументом В. А. Пархоменко являлось также сближение курганов древлянских с курганами Киева и Левобережья (см. В. А. Пархоменко. Ук. соч.).

²³ Л. А. Голубева. Ук. соч., стр. 106.

²⁴ В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. Древности, т. XV, Приложение, 1895, стр. 18; В. И. Довженко. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. Археологія, т. III, 1950, стр. 90.

²⁵ А. В. Успенская. Курганы Южной Белоруссии. Тр. ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 119.

²⁶ Там же, стр. 106.

вильно часто встречаются зольные подстилки под костяком (примерно в $\frac{1}{3}$ курганов Бобруйского уезда)²⁷. У древлян они редки, но зато повсеместно распространены зольные слои над погребениями. У дреговичей иногда бывают захоронения сидячие или с восточной ориентировкой, чего совсем не встречено в древлянских курганах. Довольно распространены у дреговичей так называемые теремки или срубы-домовины, представляющие собой сруб из одного или нескольких венцов бревен с двускатной крышей²⁸. Таких срубов и древлян нет. Встреченные В. Б. Антоновичем двускатные крыши в курганах находились над погребениями в ямах и не принадлежали древлянам (Ягнятин, Буки на р. Раставице). Характерный для дреговичей тип курганов известен в основном на р. Березине в Бобруйском уезде. Южная граница его распространения проходит по линии Слуцк — Волосовичи — Лоев.

Курганы по Припяти (в районе Мозыря) не имеют характерных черт ни древлянских, ни дреговических курганов. Здесь встречаются погребения на горизонте и довольно много погребений в ямах (около 24%). Угольные прослойки под погребениями не прослеживаются²⁹, но нет и сведений о таких прослойках в насыпи над погребением. Для определения племенной принадлежности этих курганов необходимы дальнейшие исследования.

Курганы вдоль нижнего течения Горыни и по Припяти в районе Турова (Велемичи, Отвержичи³⁰, Казаргац, Рычево³¹) содержат погребения на горизонте. Часто угольные слои залегают над погребениями или на их уровне, что характерно для древлянских курганов. Можно думать, что древляне здесь доходили до Горыни и до Припяти.

Западная граница распространения древлянских курганов проходила в междуречье Случи и Горыни. Древлянские курганы, несомненно, доходили до Случи (группы у Мирополя) и, вероятно, шли дальше на запад, так как в некоторых курганах западнее Горыни, у Ровно (Колоденка и др.)³², наблюдаются типичные древлянские особенности — погребения на горизонте с угольным слоем в насыпи. В курганах Ровенской и Луцкой областей, раскопанных Е. К. Мельник³³ и Ф. Р. Штейнгелем³⁴, наблюдается большое смещение обряда. Преобладают погребения в ямах (около 60%), количество их возрастает к западу; часты погребения на горизонте (35%), встречаются и погребения в насыпи (5%). Угольные слои обычно залегают ниже погребений. В курганах встречаются деревянные склепы, двускатные крыши (Боромль, Пересопница, Старый Жуков и другие группы).

В результате всего вышесказанного можно считать, что древлянский тип курганов с труположением X—XII вв. был распространен на территории от Здвижа и Тетерева на юге до устья Горыни и Припяти на севере и от нижнего течения Ужа и Тетерева на востоке до междуречья Случи и Горыни на западе³⁵.

²⁷ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным, стр. 325.

²⁸ В. З. Завитневич. Археологические розыскания в бассейне р. Березины. ОАК за 1892 г., стр. 33.

²⁹ Е го же. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губ. Тр. IX АС, т. I, 1895, стр. 227.

³⁰ Раскопки Ю. В. Кухаренко в 1953—1955 гг.

³¹ С. А. Дубинский. Досьедеды культур железного пэрыоуду на БССР у 1929 р. Працы, т. II, 1930, стр. 512 сл.

³² Е. К. Мельник. Раскопки в стране лучан. Тр. XI АС, т. I, М., 1901.

³³ Там же.

³⁴ Ф. Р. Штейнгель. Раскопки курганов в Вольнской губернии, произведенные в 1897—1900 годах. АЛЮР, Киев, 1904, № 4—5.

³⁵ Интересно отметить, что южная граница распространения древлянских курганов почти совпадает с северной границей Русской земли IX в. (А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, карта, стр. 32—33). На севере вдоль рубежа «древлянской земли» проходит современная этнографическая и лингвистическая граница.

Известные на территории древлян курганы с труположением при всем своем единообразии имеют некоторые локальные особенности. Так, для курганов по рр. Уж, Норынь и среднему течению Уборти (районы Коростеня, Овруча, Олевска) характерны деревянные гробы из толстых брусьев или деревянные колоды; очень часто у каждого угла гроба бывают поставлены глиняные сосуды. В курганах по среднему течению р. Тетерева (район Житомира) наблюдаются другие особенности: деревянные гробы не встречаются, сосудов также нет. В курганах по р. Случь (район Мирополя), в низовье р. Горыни и по Припяти сосуды встречаются часто, но погребения в насыпи отсутствуют. Курганы этих районов, кроме того, различаются своими размерами³⁶. По-видимому, местные особенности в обряде погребения отражают территориальное деление древлян, имевшее такой же характер, как у вятичей и радимичей³⁷. Интересно, что территориальные группы древлянских курганов X—XII вв. соответствуют группам курганов середины и второй половины I тысячелетия н. э.—группы по рекам Тетереву, Случи и Ужу — Уборти³⁸.

Для определения территории древнерусских племенных союзов большое значение обычно имеет погребальный инвентарь. Инвентарь курганов древлян крайне беден. А. А. Спицын считал, что «малое количество находок составляет даже одну из характернейших особенностей древлянских курганов»³⁹. В этих курганах вещи или отсутствуют совершенно, или крайне немногочисленны. Обычно это железный нож, проволоочное колечко или единичная бусина. Наиболее частой находкой являются бронзовые кольца со сходящимися или с заходящими друг за друга концами или кольца с эсовидным завитком на одном из концов. Оружие в курганах почти совершенно отсутствует. Несколько большим богатством отличаются курганы в группах у Коростеня и Житомира. В одном из них было открыто типично дружинное захоронение⁴⁰.

Все вещи, найденные в древлянских курганах, принадлежат к типам, имевшим очень широкое распространение. Большинство из них известно на территории всех восточных славян. Некоторые вещи, например, эсоконечные височные кольца, очень часто встречаются в более западных славянских областях⁴¹. Инвентарь курганов дреговических и волынских в целом богаче и разнообразнее древлянского, но височные кольца у этих племен однотипны. Курганы по Припяти отличаются такой же бедностью инвентаря, как и древлянские. В частности, в курганах района Мозыря совсем нет оружия, мало керамики, но часто встречаются ножи и круглые пряжки, которые очень редки в курганах Бобруйского района⁴².

Таким образом, в погребальном инвентаре не удастся выделить характерных для древлян вещей. Но в погребальном обряде древлянских курганов X—XII вв. прослеживаются некоторые особенности, сохранившиеся даже после потери древлянами политической самостоятельности. Эти особенности сближают древлян с дреговичами, волынянами и подчеркивают их отличие от восточных и юго-восточных соседей. Учитывая эти особенности, удастся наметить в общих чертах границы территории древлян в X—XII вв.

³⁶ С. Ш а м р а й. Деревлянські могили. Науковий збірник за рік 1928. Записки історичної секції УАН, т. XXVIII, Київ, 1928.

³⁷ Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен..., стр. 166.

³⁸ И. П. Русанова. Памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4.

³⁹ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным, стр. 322.

⁴⁰ Р. І. Виезжев. Розкопки курганів у Коростені та поблизу Овруча в 1911 р. Археологія, т. IX, 1954, стр. 146.

⁴¹ К. Musianowicz. Kablacki skroniowe — proba typologii i chronologii. Swiatowit, т. XX, 1949.

⁴² В. З. Завитневич. Формы погребального обряда..., стр. 228—229.

М. Х. АЛЕШКОВСКИЙ

КУРГАНЫ РУССКИХ ДРУЖИННИКОВ XI—XII вв.

Археологам хорошо известны дружинные курганы X в., распространенные в Поднепровье, на Смоленщине, в Приладожье. Богатая и своеобразная культура этих курганов изучена подробно и всесторонне¹. Немногочисленные письменные источники по истории Руси этого времени подкрепляются, таким образом, важными данными дружинных погребений. Иначе обстоит дело с изучением дружинных курганов последующей эпохи — XI—XII вв., характеризующейся значительными социальными сдвигами и дальнейшим развитием, вполне определенно наметившихся в IX—X вв. общественных явлений. В XI—XII вв. значительно выросло значение «молодшей дружины», члены которой жили в это время уже не при княжеском дворе, а «по селам», откуда на случай похода их собирали с помощью бирючей². Б. А. Рыбаков писал, что молодшая дружина археологически «улавливается по сравнительно богатым и крупным курганам, расположенным среди деревенского кладбища рядом с курганами смердов»³.

Курганы русских дружинников XI—XII вв. почти не привлекали внимания исследователей, что объясняется прежде всего широкой распространенностью мнения о прекращении дружинных курганных захоронений на Руси в связи с принятием христианства⁴. Исследованные М. К. Каргером⁵ и Н. Н. Ворониным⁶ княжеские и боярские погребения XI—XII вв. показали, однако, что и после принятия христианства в погребения феодалов продолжали класть оружие и другие вещи. Курганные погребения русских дружинников в XI в. были широко распространены преимущественно в деревенских местностях и исчезли лишь во второй половине XII в., когда влияние христианства было уже действительно сильным⁷.

Факты находок оружия в деревенских курганах достаточно многочисленны. Однако как топография этих находок, так и инвентари курганов,

¹ См. А. В. Арциховский. Русская дружина по археологическим данным. Историк-марксист, 1939, № 1; Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, МИА, № 11, 1949; Д. А. Авдусин. Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК, вып. XXX, 1949; Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА, № 11, 1949; Д. И. Блитель. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. СА, XX, 1954; Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. МИА, № 6, 1941; М. К. Каргер. Древний Киев. М.—Л., 1958.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 121.

³ Там же, стр. 463.

⁴ Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 24.

⁵ М. К. Каргер. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви. КСИИМК, вып. IV, 1940; его же. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935). СА, 1946, VIII.

⁶ Н. Н. Воронин. Археологические заметки. (Детали княжеского погребального обряда XII в.). КСИИМК, вып. XIX, 1948.

⁷ Д. С. Лихачев. Посольский обычай на Руси XI—XIII вв. Исторические записки, т. 18, М., 1946, стр. 54.

в которых были найдены те или иные предметы вооружения, не были изучены. Задача выделения дружинных курганов из общей массы погребений XI—XII в. может быть решена лишь в том случае, если мы учтем находки оружия в погребениях этого времени и сопоставим эти находки со всем инвентарем курганов, в которых они найдены.

Прежде чем приступить к рассмотрению погребений с оружием XI—XII вв., необходимо решить вопрос о составе инвентаря этих погребений.

* * *

Курганы дружинников X в. легко отличимы от рядовых погребений по находкам мечей, стрел, копий, боевых топоров. В курганах XI—XII вв. мечи и стрелы встречаются редко, копья — несколько чаще; основной же находкой являются боевые топоры. В XI—XII вв. формы топоров гораздо многообразнее, чем в X в. Это многообразие форм и послужило причиной того, что находимые в курганах XI—XII вв. топоры обычно считаются орудиями труда, которые могли служить и на войне⁸.

Письменные источники XI—XIII вв. упоминают топор в руках князей, дружинников, горожан, смердов⁹. Но если говорить об оружии, а не об орудии труда, то оружием простолюдина боевой топор назвать нельзя. Оружием смердов были их рабочие топоры, рогатины, вилы, дреколье, тогда как у дружинников было настоящее оружие — боевые топоры. Существование особых боевых топоров на Руси XI—XII вв. видно уже из некоторых летописных известий. Топоры князей и дружинников прежде всего отличаются небольшими размерами (отсюда — «топорцы»). Возможно, что «топорцем» называли топор с молотком на обухе; ведь о Яне Вышатиче, вооруженном «топорцем», сказано, что он «ударил тыльем»¹⁰. Ручки боевых топоров имели особые «паворозы», которыми топоры прикреплялись к руке¹¹. Во время походов топоры каким-то образом крепились к седлам коней дружинников¹². Из немногочисленных летописных упоминаний можно заключить, что боевой топор существовал в качестве особого и достаточно распространенного вида оружия. Однако лишь археологический материал позволяет выяснить его действительное значение в древней Руси. Сама летописная терминология, отличающая боевой топор («топор», «топорец») от рабочего («секира»), наталкивает на попытку отделить типы боевого топора от типов рабочего топора.

Все древнерусские топоры можно разделить на две большие группы — топоры с оттянутым обухом («молотком») и топоры с обычным обухом, — поскольку технические характеристики обеих групп различны¹³. В первой группе топоров выделяются три типа, большинством исследователей относимые к боевым топорам. Первый тип, «А», характеризуется широким прямоугольным лезвием и плоской оттяжкой на обухе¹⁴ (рис. 1, 1—4). По некоторым различиям в формах лезвий топоры этого типа можно разделить на два подтипа: первый представлен топорами с лезвием трапецевидной формы, второй — топорами с лезвиями, приближающимися к прямоугольной форме

⁸ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, 1903, стр. 37—38, 97; В. П. Левашова. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., М., 1956, стр. 41.

⁹ Новгородская 1 летопись, М., 1951; под 1071 г., стр. 192; под 1071 г., стр. 196; под 1240 г., стр. 293.

¹⁰ Новгородская 1 летопись; под 1071 г., стр. 192.

¹¹ Новгородская IV летопись; под 1216 г., стр. 192.

¹² ПСРЛ; т. XX, Львовская летопись, ч. 1, 1910; под 1248 г., стр. 162.

¹³ В. А. Желиговский. Эволюция топора и находки на метрострое. Сб. «По трассе первой очереди Московского метрополитена». М., 1936, стр. 139—144.

¹⁴ Мне известно 18 экземпляров топоров этого типа. Топоры типа «А» найдены в кургане с мечом типа «S» или «Т» в с. Михайловском (кург. 10, 1879 г., раскопки И. А. Тихомирова), в кургане с трупосожжением в дер. Исаевой в Приладожье (раскопки Н. Е. Бранденбурга), в кургане со срубной гробницей X в. в Чернигове (раскопки 1952 г. Д. И. Блительда), в кургане с трупосожжением и лепной керамикой в Сенском могильнике в Белоруссии (раскопки В. З. Завитневича). В одном случае оттяжка замечена круглым в сечении стержнем со шляпкой на конце (рис. 1, 3).

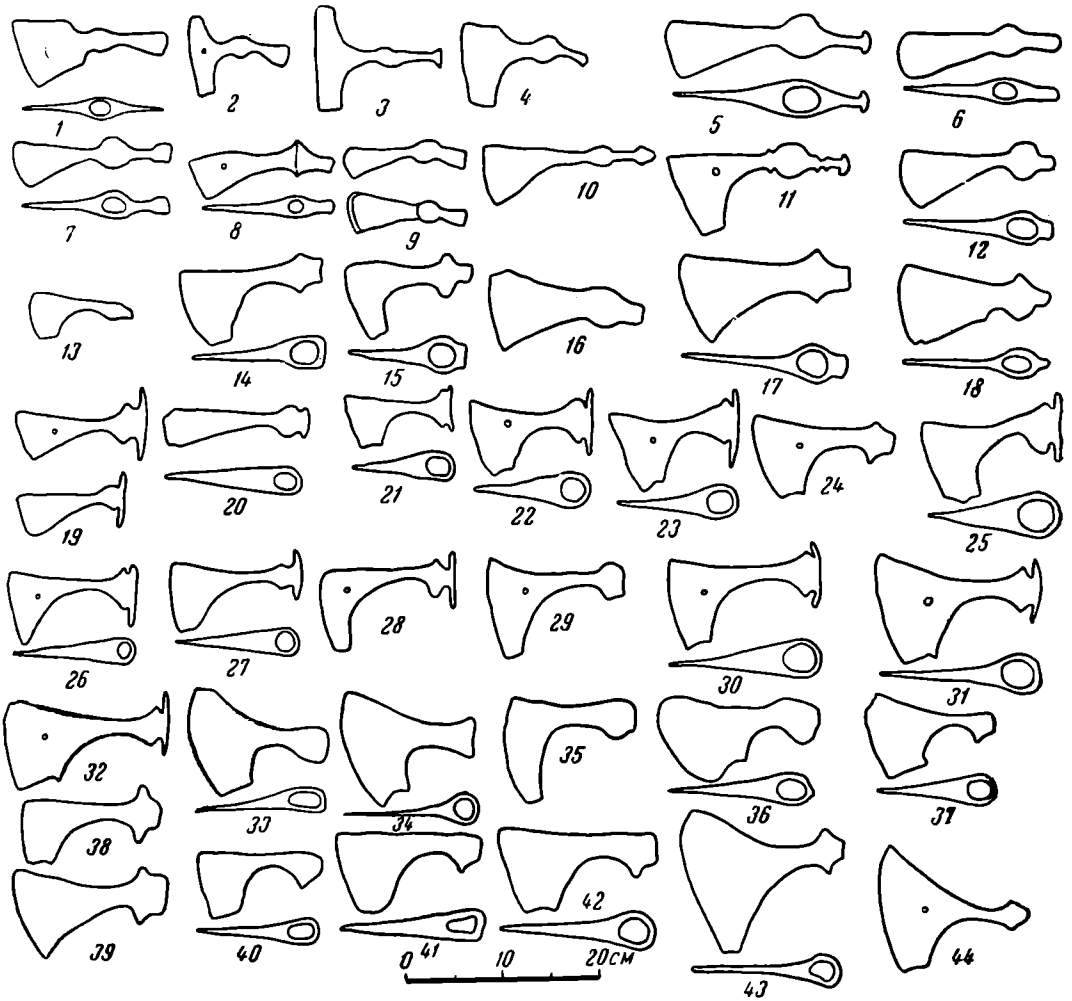

Рис. 1. Боевые топоры древней Руси X—XII вв. (см. приложение I)

(рис. 1, 1 и 2). Тип «А» датируется X в. по находкам в курганах этого времени и по аналогиям¹⁵. Второй тип топоров этой группы, тип «Б», имеет удлиненные молотки на обухе, заканчивающиеся обычно небольшими шляпками, и узкие, симметрично расширяющиеся в часто закругленные лезвия¹⁶. Щековицы обычно овальные (рис. 1, 5—11). Топоры с удлиненными обухами в целом можно датировать X—XI вв.¹⁷. Аналогии им известны в Венгрии¹⁸ и Польше¹⁹.

Третий тип, «В», представлен топорами с небольшим молотком на обухе, а иногда просто с несколько утолщенной верхней частью обуха. Лезвие почти всегда широкое, иногда даже оттянутое вниз узкой полосой (рис. 1, 12—18). Интересно, что некоторые боевые топоры (XIII—XIV вв.) из Владимира и Новгорода с богатыми декоративными деталями принадлежат к этому же типу.

¹⁵ J. Hampel. *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn*. Braunschweig, 1905, т. 1, рис. 112—113, стр. 89; рис. 104, стр. 87; A. Zakharov und W. Agendt. *Archäologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX Jahrhundert*. AN, Budapest, 1934, XVI, стр. 10, рис. 1; Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXII, 1955, табл. VI, 2.

¹⁶ Всего имеется 17 экземпляров топоров типа «Б». По формам эти топоры делятся на шесть основных подтипов. Некоторые подтипы не совсем подходят под общую характеристику. Иногда встречаются топоры с широкими лезвиями (подтип 6, рис. 1, 11), с прямым лезвием; в одном случае встречены острые щековицы и несколько изогнутая форма лезвия (подтип 3, рис. 1, 8).

¹⁷ Известно 14 экземпляров топоров этого типа. К X в. относятся топоры, изображенные на рис. 1, 11; к XI в. — топоры на рис. 1, 6, 9, найденные с вещами XI в. в курганах с труположением.

¹⁸ J. Hampel. Ук. соч., рис. 454, стр. 185; рис. 169, стр. 88.

¹⁹ A. Nadolski. *Studia nad uzbrojeniem polskim w X—XII wieky*. Łódź, 1954, табл. XII, 1, 4.

Эти топоры, которые можно назвать «чеканами», датируются X—XII вв.²⁰, но основная масса находок относится к XI в. Вероятно, исходной формой для топоров этого типа явился тип «Б», осложненный целым рядом характерных деталей, присущих топорам второй группы (без молотков на обухе). Аналогии известны в Польше²¹, Венгрии²², Чехословакии²³. Топоры трех названных типов выделялись по одинаковой технологии из двух полос металла.

Топоры второй группы представлены значительно большим количеством типов. У некоторых на обухе имеются подтреугольной формы выступы—отростки (внизу и сверху). Возможно, что эти отростки произошли от «молотков» на обухах топоров типов «А» и «В» и предназначены в основном для защиты топорича от удара вражеского оружия. Декоративные шляпки, появившиеся уже на топорах типа «Б» (рис. 1, 5, 7, 10, 11), показывают, что молотки здесь утеряли свое первоначальное назначение и служат для предохранения топора от вражеского удара. Упомянутые выше отростки имеются как раз у топоров тех типов, происхождение которых относится еще к X в., к его второй половине. Таковы топоры типа «Г» (рис. 1, 19—20), очень небольшие по размерам, с лезвием, равномерно расширяющимся от обуха и напоминающим лезвие топоров типа «Б» со щековицами с обеих сторон; топоры этого типа датируются второй половиной X—XI в.²⁴, аналогии им известны в Польше²⁵. Известно 23 экземпляра таких топоров.

Самым распространенным типом боевого топора в русских древностях конца X—XII в. является тип «Д». Это топоры с широким лезвием и обушными выступами. Топоры типа «Д» продолжают эволюцию формы лезвия, наметившуюся уже во второй половине X в. (рис. 1, 11) у некоторых топоров типов «Б» и «В». По характеру нижней выемки топоры типа «Д» делятся на два подтипа: у первого нижняя выемка в большей степени, чем у второго, приближается к половине окружности. По размерам ручки можно выделить по четыре варианта в каждом подтипе («а», «б», «в», «г»). Всего имеется 102 экземпляра этого типа.

Тип «Д» датируется концом X—XII вв.²⁶; подавляющее большинство топоров найдено в погребениях XI в. В Польше такие топоры также относятся к XI в. (рис. 1, 19—32)²⁷.

Топоры типов «Е», «Ж», «З», «И» встречаются значительно реже и не дают, подобно типу «Д», четких и многочисленных серий. Для топоров типа «Е» характерны сильно вогнутая верхняя линия и большая нижняя выемка. Дата топоров этого типа — XI в. (рис. 1, 33—34)²⁸.

Тип «Ж» представлен топорами с сильно оттянутым вниз лезвием, совершенно аналогичным лезвиям некоторых топоров типов «Б» и «Д» (рис. 1, 35). Известно всего пять экземпляров подобных топоров, которые датируются XI—XII вв. и имеют точные аналогии в Польше²⁹ и Скандинавии³⁰.

Все топоры типа «З» отличаются друг от друга, но их объединяют небольшие щековицы (всегда расположенные лишь с одной стороны), малые размеры, легкий изгиб верхней линии и специфическая маленькая выемка внизу. Они датируются XI—XII вв. (рис. 1, 36—37). Известно девять топоров этого типа.

Характерной особенностью топоров типа «И» является наличие несколько удлиненных щековиц с двух сторон. Лезвие у этих топоров обычно неширокое, верхняя линия слегка вогнута, нижняя выемка большая. Дата — X—XI вв.³¹. Известно пять топоров этого типа (рис. 1, 38).

²⁰ Топоры (рис. 1, 12), встреченные с листовидным копьём в кургане с трупосожжением в с. Кобанском, судя по венгерским аналогиям, относятся к X в., остальные экземпляры этого типа — к XI в., а топоры, изображённые на рис. 1, 15—18 — к XII в.

²¹ A. N a d o l s k i. Ук. соч., табл. XII, 5; табл. XIII, 1.

²² J. N a t r e l. Ук. соч., рис. 97, 99, стр. 85—86, рис. 103, стр. 88.

²³ Укажем на некоторое сходство с топорами, опубликованными в книгах. См. J. P o u l i k. Staroslovanska Morava. Praha, 1948, табл. XXVII, 9; V. H g u b y. Stare Mesto. Praha, 1955, табл. 25, 5.

²⁴ В курганах X в. в Киеве и Чернигове; в курганах XI в. в Горках Микуличах в Южной Белоруссии (коллекция ГИМ); в Переспоннице — кург. 32. См. Е. Н. М е л ь н и к. Раскопки в земле лучан. Тр. XI АС, т. I, М., 1871, табл. V, стр. 492.

²⁵ A. N a d o l s k i. Ук. соч., табл. XVI, 1—4.

²⁶ Находки топоров типа «Д», позволяющие относить его появление на Руси к концу X в., сделаны в Гнездове, в дер. Загорье-Дисненской (см. Ф. В. П о к р о в с к и й. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 169, рис. 52), в д. Усть-Рыбичне (кург. 19), в Приладожье (см. Н. Е. Б р а н д е н б у р г. Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895, табл. XIII, 7).

²⁷ A. N a d o l s k i. Ук. соч., табл. XVII, 1—4.

²⁸ Лишь один раз такой топор найден в кургане с трупосожжением (с. Верхояны, раскопки В. Н. Глазова; коллекция Гос. Эрмитажа). Всего известно семь топоров этого типа.

²⁹ A. N a d o l s k i. Ук. соч., XVIII, 3.

³⁰ H. S h e t e l i g and H. F a l k. Scandinavian Archaeology. Oxford, 1937, стр. 395, рис. 32.

³¹ Найдены с листовидным копьём X в. (с. Кобанское, кург. 535) и в обычных курганах XI в.

Топоры типа «К» с прямой верхней линией и обушным отверстием в форме перевернутой трапеции встречаются исключительно в приладожских курганах (рис. 1, 40, 41)³². Верхняя линия у одних топоров этого типа перпендикулярна вертикали обуха, у других — отходит от нее под небольшим углом. Щековицы обычно расположены с одной стороны. Дата — X—XI вв. Известно 31 экз.

Топоры типа «Л» отличаются от топоров типа «К» прежде всего овальной формой обушного отверстия. Они встречаются не только в Приладожье, но и на северо-западе Новгородской земли. Датируются XI—XII вв. Известно 14 экземпляров (рис. 1, 42).

Топоры типа «М» — широколезвийные, без нижней выемки, со сравнительно симметрично расширяющимся лезвием, очень тонким и всегда закругленным, со щековицами с обеих сторон обуха, с подтреугольной формой обушного отверстия (рис. 1, 43). А. А. Спицын считал эти топоры боевыми³³. Дата их — X—XII вв.³⁴. Аналогии таким топорам известны в Польше³⁵ и Скандинавии³⁶. Они распространены преимущественно в Северной Руси³⁷. Встречаются варианты этой формы — у одних менее широкое и более симметричное лезвие, щековицы не треугольные, а несколько вытянуты (рис. 1, 39); у других имеется нижняя выемка (рис. 1, 44). Это более поздние варианты топоров типа «М», известные уже в XI—XII вв.³⁸

Описанные типы топоров в целом являются боевыми. Кроме формы, боевые топоры отличаются от рабочих топоров и размерами обушных отверстий. Для задачи отделения боевых топоров от рабочих эти размеры имеют первостепенное значение, поскольку позволяют судить не только о толщине топорича, но и о его длине. Более короткие ручки рабочих топоров были и более толстыми, тогда как боевые топоры средневековья имели тонкие и длинные рукояти. Характерным для топоров выделенных типов является малая толщина топорича, которая компенсировалась значительной длиной, доходившей до 1 м. Дело в том, что длинное топориче увеличивает силу удара, но вместе с ней и силу отдачи³⁹. Для боевого топора важна сила удара, для рабочего топора не меньшее значение имеет сила отдачи; поэтому ручки рабочих топоров не должны по длине превышать размера, при котором становится ощутимее сила отдачи. Таким образом, уменьшение силы отдачи достигается за счет уменьшения силы удара (кпд), иначе говоря — за счет уменьшения длины рукояти. Соответственно уменьшению длины увеличивается ее толщина, доходившая до 4,3 см в диаметре (рис. 2). Наоборот, у боевого топора толщина рукоятки уменьшается соответственно увеличению ее длины. Работать с таким топоричем нельзя (оно переломится), но сражаться удобно⁴⁰.

³² Встречаются два размера этих топоров: 1) малые — 10,7—11,9 см или 13—13,9 см и 2) обычные — 14,1 см. и 15—17 см.

³³ А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 37.

³⁴ Основанием для удреждения даты А. А. Спицына служит кург. 6 в дер. Заозерье в Приладожье с трупосожжением и вещами X в. См. В. И. Равдоникас. Отчет о раскопках 1928 г. курганов в юго-восточном Приладожье (по течению рек Паши, Копши Ояти, Тихвинке и Сяси). Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, 1929 г., д. 134, дер. Заозерье, кург. 6, стр. 16.

³⁵ A. Nadolski. Ук. соч., табл. XIV, 1, 3.

³⁶ H. Shtefelig and H. Falk. Ук. соч., стр. 395, рис. 31.

³⁷ В. П. Левашова. Ук. соч., стр. 41—42.

³⁸ Показательно, что у найденного при работах на Метрострое в Москве боевого топора XVI в. на широкой железной основе имелось наваренное стальное лезвие, совершенно аналогичное лезвию, встречающимся на топорах типа «М» в XI—XII вв. Таким топором работать нельзя, так как тонкая железная основа погнется. См. А. В. Арциховский. Находки в колодцах на Моховой. Сб. «По трассе 1 очереди Московского метрополитена». М., 1936, стр. 136—137, рис. 71, 73.

³⁹ Несмотря на небольшое количество исследованных В. А. Желиговским топоров, его выводы о зависимости длинных ручек от формы топора, величины втулки имеют большое значение; особенно показательно, что длинные ручки, по теоретическим вычислениям В. А. Желиговского, имеются у тех из исследованных им топоров, которые относятся к выделенным нами типам боевых топоров (см. В. А. Желиговский. Ук. соч., рис. 73, 89). Поэтому при характеристике основного отличия боевых и рабочих топоров величина втулки и форма топора получают вполне реальное значение.

⁴⁰ Наличие среди многочисленной коллекции древнерусских топоров (нами изучено 524 экземпляра) двух различных по назначению групп топоров — боевых и рабочих — подтверждается и схематической диаграммой, фиксирующей размеры обушных отверстий этих топоров (рис. 3). В верхнем левом углу представлена диаграмма круглых обушных отверстий, — их диаметр у боевых топоров типов «А» — «Е» не превышает

Длинные ручки боевых топоров известны по древним изображениям. Интересно, что на ковре из Байо рукояти топоров, которые держат военачальники, длинные и тоньше, чем у топоров, которыми пользуются рядовые воины. Если сопоставить этот факт с известными нами типами боевых топоров, то можно предположить, что боевые топоры с наиболее тонкими (и, очевидно, с наиболее длинными) ручками принадлежат военачальникам, а обычные топоры — рядовым дружинникам. Длинные рукояти топоров изображены и на древнерусских миниатюрах⁴¹.

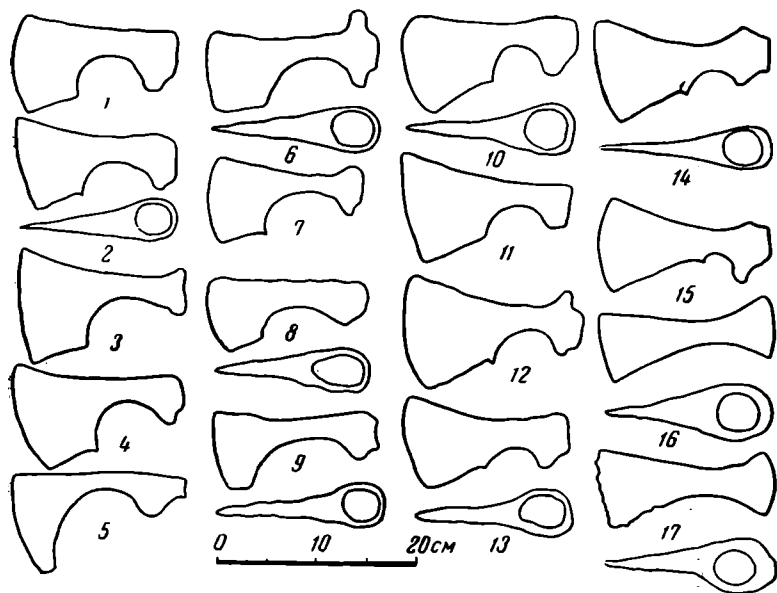

Рис. 2. Древнерусские рабочие топоры

1—15 — топоры I типа; 16, 17 — топоры II типа

Немногие археологи отмечали длину ручек топоров в раскапываемом кургане. Обычно отмечалось лишь место топора у костяка. Однако, сопоставляя эти данные, можно для целого ряда случаев установить длину топорищ. В результате целого ряда наблюдений удалось установить, что топор в погребение клали так, чтобы рука покойника всегда касалась какой-то его части. Например, в Заславле⁴² наблюдалось, что во всех случаях, когда топорище было положено по направлению к голове покойного, топор лежал у кисти руки и, наоборот если ручка топора шла вниз к ступням, топор оказывался у таза, у локтя руки. Направление топорища зависело, следовательно, от того места, где находился топор. Такая зависимость направления топорища от положения топора у костяка станет понятна только в том случае, если предположить наличие у топоров длинных ручек. К этому надо добавить, что топорище в курганах Заславля никогда не выступало выше или ниже костяка. В тех случаях, когда топор

2,3 см. У топоров же, отнесенных по типологическим признакам к рабочим, диаметр обушного отверстия доходит до 4,3 см (чаще всего их диаметр равен 3,8—4 см). Не менее разнятся обушные отверстия неправильной формы (овальные, продолговато-овальные). На диаграмму занесены все крайние (т. е. малые и большие) размеры обушных отверстий. По горизонтали отложена ширина, по вертикали — высота обушного отверстия. Размеры обушных отверстий боевых топоров в подавляющем большинстве случаев не превышают 3 см по вертикали и 4 см по горизонтали. У рабочих топоров эти размеры по вертикали — 4—5 см, по горизонтали — 3,5—4 см. Разница особенно велика в размерах по вертикали.

⁴¹ Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, т. 1, СПб., 1902, л. 96, об.

⁴² А. Н. Ляўданскі. Археалягічныя раскопкі у м. Заслаўі Менскай акругі. Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 5, Працы катэдр археалёгіі, т. 1, Менск, 1928 стр. 1—92; С. А. Дубінскі. Дадатковыя раскопкі кургану ў Заслаўі. Працы, т. 1, стр. 253—256.

лежал у черепа костяка, топориче было направлено вниз, когда же у ступней, топориче было обращено вверх.

Наблюдения, сделанные над курганными погребениями из Заславля, подтверждаются и раскопками А. В. Арциховского в Хрепле. А. В. Арциховский отметил, что два копья и топор были положены «вдоль правого бока, самая секира на уровне бедра, ее рукоятка с роговым набалдашником у пяток, копья на уровне пяток»⁴³. Следовательно, длина рукоятки то-

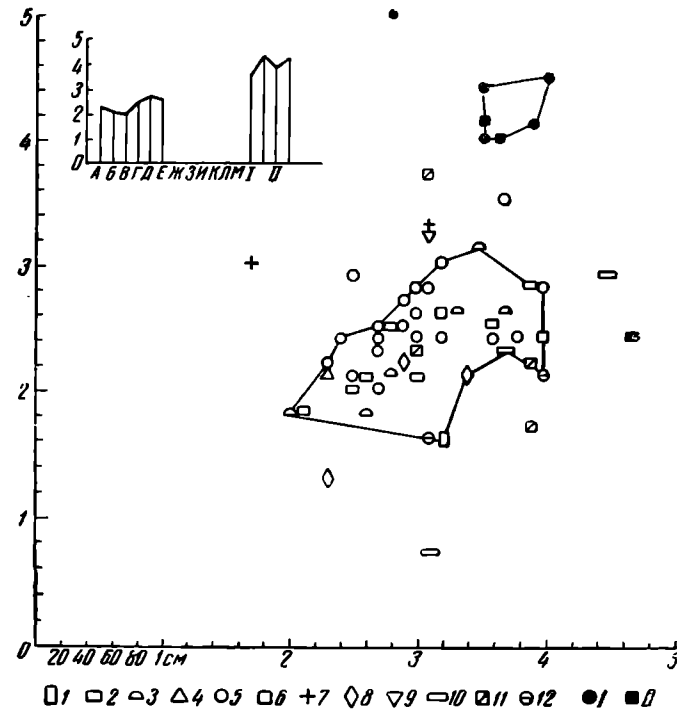

Рис. 3. Размеры обушных отверстий боевых и рабочих топоров X—XII вв.

1 — тип «А»; 2 — тип «Б»; 3 — тип «В»; 4 — тип «Г»; 5 — тип «Д»; 6 — тип «Е»; 7 — тип «Ж»; 8 — тип «З»; 9 — тип «И»; 10 — тип «К»; 11 — тип «Л»; 12 — тип «М»; 1 — рабочие топоры первого типа; 11 — рабочие топоры второго типа

пора приблизительно равнялась 1 м. Длинная ручка (76—80 см) прослежена Е. А. Шмидтом у топора в погребении № 2, кург. 15, в дер. Харлаповой⁴⁴. Длинную ручку имел боевой топор XVI в., найденный в Москве на Метрострое⁴⁵. Эти факты, выявленные лишь в самое недавнее время, заставляют вспомнить некоторые свидетельства археологов XIX в. Л. К. Ивановский, например, отмечал, что рукоятки топоров, найденных при раскопках курганов на северо-западе Новгородской земли, «имели в длину 2,5—4,5 фута»⁴⁶, т. е. 76,2—137,16 см. А. С. Уваров отметил, что в кург. 25 в с. Гнездилове топор лежал у ног покойного, а ручка доходила до плеча, «что заметно по оставшейся полосе от истлевшего дерева»⁴⁷.

⁴³ А. В. Арциховский. Раскопки 1929 г. в Новгородском округе. Сб. «Материалы и исследования». Новгород, 1930, стр. 27.

⁴⁴ Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапова в Смоленском Поднепровье. Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957, стр. 197—198. Впрочем, у других топоров, по мнению Е. А. Шмидта, являющихся боевыми, в том числе, например, у боевого топорика «Д» с отверстием на лезвии, положенного рядом с мечом, исследователь смог проследить топориче лишь на длину 0,4—0,5 м.

⁴⁵ А. В. Арциховский. Находки в колодцах на Моховой, стр. 136—137, рис. 71, 73.

⁴⁶ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, 1896, стр. 35.

⁴⁷ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Тр. 1 АС, т. II, М., 1871, стр. 844.

Наоборот, в кург. 63 в Шокшове у костяка был «под рукою у плеча топор, древко которого, как заметно было, шло до самой руки»⁴⁸. В курганах 4,12 (Шокшове) топор находился немного выше локтя правой руки, а «длинное сгнившее древко» доходило «до самых ног остова»⁴⁹. Длинные ручки боевых топоров прослежены также при раскопках в Польше⁵⁰.

Для определения длины рукояти топора воспользуемся описаниями тех случаев, когда топоры найдены лежащими у ступней костяка и ручки их направлены, следовательно, вверх⁵¹. Зная, что топориче всегда касается руки⁵² покойного, можно вычислить длину ручки; она равна 76—80 см. В упомянутых выше погребениях встречены топоры типов «В», «Д», «И», «К», «Л», «М» (всех подтипов и размеров).

Вычисления В. А. Желиговского и приведенные примеры показывают, что боевые топоры того времени имели топорича длиной 60—100 см, в то время как длина ручки рабочего топора обычно не превышает 40 см.

Мы уже наблюдали, что боевым топорам свойственны как узкие, так и широкие лезвия. Широкое лезвие не ослабляло силы удара. Она сосредотачивалась в верхней части лезвия⁵³, первой соприкасавшейся с объектом удара. Замечено, что у ряда боевых топоров, лезвие которых не носит следов работы и совершенно не изношено, верхняя часть обломана (см. рис. 1, 16, 32). Наличие среди выделенных типов топоров с подобным дефектом лезвия служит хорошим доказательством их основного, военного назначения. Можно отметить также, что среди широколезвийных топоров коэффициент полезного действия больше у топоров с оттянутым ближе к ручке лезвием⁵⁴. Ширина лезвия у таких топоров почти равна общей высоте. Сильно оттянутое вниз лезвие, увеличивая силу удара, оттягивает руку, держащую топор, вниз, увеличивая силу отдачи⁵⁵. Работать такими топорами неудобно. Интересно, что боевые топоры типов «Д» — «Л» отличаются от рабочих гораздо большей нижней выемкой, делающей лезвие более широким и менее массивным, тогда как у рабочих топоров выемка меньше и лезвие гораздо массивнее. На лезвиях многих топоров (см. рис. 1) встречаются небольшие круглые отверстия. Эти отверстия служили для прикрепления чехла. Сохранились и остатки таких чехлов на лезвиях топоров⁵⁶ и на лезвиях с подобными отверстиями. Чехлы обычно делались из грубого холста или шерстяной ткани. Так, топор из кургана в Челмужах, по словам Г. П. Гроздилова, «был заключен в шерстяной мешок с костяной обоймой по лезвию»⁵⁷. По сообщению Б. А. Рыбакова, в Польше

⁴⁸ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам, стр. 844.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ A. N a d o l s k i. Ук. соч., стр. 37.

⁵¹ Гочево, Слобода, Скарятина Гора, Ольгин Крест, Калихновщина, Харитоново, Саки, Юрьевское, Шокшове, Шелебово, Аламова, Б. Брембола. Интересно, что рабочие топоры иногда лежат на тазе покойного, т. е. засунуты под пояс (Волочек; раскопки А. А. Спицына).

⁵² Нет никаких оснований считать, что топориче вкладывалось в руку покойника, так как часто топорича лежат вне кисти руки, которая лишь касается их.

⁵³ Б. А. Рыбаков. Металлические вещи, найденные на метрострое. По трассе I очереди Московского метрополитена. М., 1936, стр. 153.

⁵⁴ В. А. Желиговский. Ук. соч., стр. 147.

⁵⁵ Интересны в этом отношении некоторые типы моравских боевых топоров VIII—IX вв., у которых нижняя часть лезвия очень оттянута и делает лезвие равным высоте всего топора. Эти топоры появились в Моравии из римского и западногерманского мира, где, очевидно, и выработалась эта отличительная форма лезвий топоров. См. J. P o u l i k. Ук. соч., табл. XXVII, 2 и XXVIII, 1, 2. Эта форма лезвия держалась в Чехии все средневековье. См. E. W a g n e r. Kroje zbroj a zbraně doby předhusitské a husitské [Album]. Z obrazovych pramenu sebral a nakresil. Eduard Wagner, textem doprovodili. Z. Drobna a J. Durdik. Praha, «Nase vojsko», 1956.

⁵⁶ Остатки ткани на топорах встречены в Гнездове (кург. 56, 65, 56; раскопки Д. А. Авдусина, 1950 г.), в Левинках в двух курганах (см. Д. Я. Самоковасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 209), в Челмужах (кург. 2), в дер. Саки (кург. 4), на многих топорах из Заславля, в Радких курганах (кург. 16), в Нижилоничах (кург. 55), в с. Щуковщине в Приладожье.

⁵⁷ Г. П. Гроздилов. Отчет о раскопках в Челмужах. Архив ЛОИА АН СССР, 1934, д. № 342.

существовали специальные чехлы для боевых топоров шляхты. Чехословацкие «валашки» также имеют чехлы.

Отличительные признаки боевых топоров еще рельефнее вырисовываются при сравнении с рабочими топорами⁵⁸.

Курганы с рабочими топорами встречены исключительно в местностях, заселенных свободным крестьянством. Я имею в виду курганы на северо-западе новгородских земель, где погребены новгородские смерды, участники новгородского ополчения, «верхние вои» (дружинные курганы здесь встречаются лишь изредка) и костромские курганы, очевидно, оставленные смердами, бежавшими от феодалов на восток в земли с угрофинским населением⁵⁹. Кроме этих областей, рабочие топоры иногда встречаются в Приладожье, очень редко в городских курганных группах и совершенно отсутствуют в Южной Руси, где все находки их сделаны на городищах и селищах, а не в погребениях.

Взаимовстречаемость различных типов топоров с оружием подтверждает правильность произведенного разделения на боевые и рабочие топоры. Боевые топоры встречаются в одних и тех же курганах с мечом⁶⁰ (типы «А», «Г», «Д», «М», «К»), с копьем (больше 30 раз, все типы), со стрелами (7 раз, типы «Б», «Д», «К», «М»). Рабочие топоры вместе с оружием в погребениях, как правило, не встречаются. Известно лишь несколько случаев совместной находки рабочего и боевого топоров (с. Хрипелево, с Посад, Калининской области, с Кобанское). Рабочий топор в таких погребениях, очевидно, имеет то же значение, что и изредка встречающиеся в дружинных курганах орудия труда⁶¹. Топоры типов «А» — «М» лежат обычно вместе с копьями, стрелами, мечом по правую или левую сторону костяка; гораздо реже они положены отдельно от другого оружия⁶².

Взаимовстречаемость выделенных типов топоров с оружием говорит об их боевом назначении. Как видим, вместе с оружием находятся как топоры бесспорно боевых типов («А» — «Г»), так и топоры, отнесенные к боевым впервые.

Тонкие и длинные ручки, отверстия на лезвии для прикрепления чехла, необходимого в походной жизни, дефекты лезвий, специфичные для топора, которым не работают, а сражаются, особенности лезвия, часто оттянутого вниз и увеличивающего силу удара за счет увеличения силы отдачи, совместные находки с различными видами оружия — мечами, копьями, стрелами, положение топора у костяка — все это приводит к выводу, что эти топоры (см. рис. 1, 21—39) могут служить в качестве одного из критериев при выделении дружинного кургана из массы погребений. Но основным критерием эти топоры быть не могут,

⁵⁸ Рабочие топоры древней Руси можно разделить на два основных типа: с выемкой в нижней части лезвия и без нее. По характеру выемки топоры I типа (рис. 2, 1—15) можно разделить на два подтипа: с большой и малой выемкой. Каждый подтип имеет разновидности, выделяемые по различной ширине лезвия и деталям устройства обуха, причем внутри каждой разновидности наблюдается два основных варианта: с маленьким выступом — «засечкой» на нижней части лезвия или без него. У топоров с малой выемкой прямой профиль встречается очень редко, тогда как он обычен для топоров с большой выемкой. Если учесть, что развитие топора в XI—XIII вв. шло по линии уменьшения выемки вниз, то топоры с малой выемкой и непрямым профилем относятся к более позднему времени, чем топоры с большой выемкой и прямым профилем. Курганный материал позволяет отнести появление топоров с малой выемкой лишь к началу XII в. (рис. 2, 10—15). К XIII в. начинают встречаться топоры, у которых выемка уже почти исчезла (рис. 2, 15). Топоры II типа с узким, сравнительно симметрично расширяющимся лезвием, встречаются менее часто. Они отличаются массивным обухом с большим, доходящим до 4,1 см в диаметре, отверстием для топорнища (рис. 2, 16, 17).

⁵⁹ П. Н. Третьяков. Костромские курганы. М.—Л., 1931, стр. 30.

⁶⁰ Село Михайловское, Киев, Чернигов, дер. Харлапова, с. Межно, срубные гробницы в Поднепровье IX—X вв., Плинеско, Приладожье.

⁶¹ Например, с. Озертицы под Ленинградом. См. А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., стр. 5.

⁶² 16 раз топор встречен положенным на то же место, что и другое оружие (5 раз слева, 11 раз справа) и 6 раз отдельно.

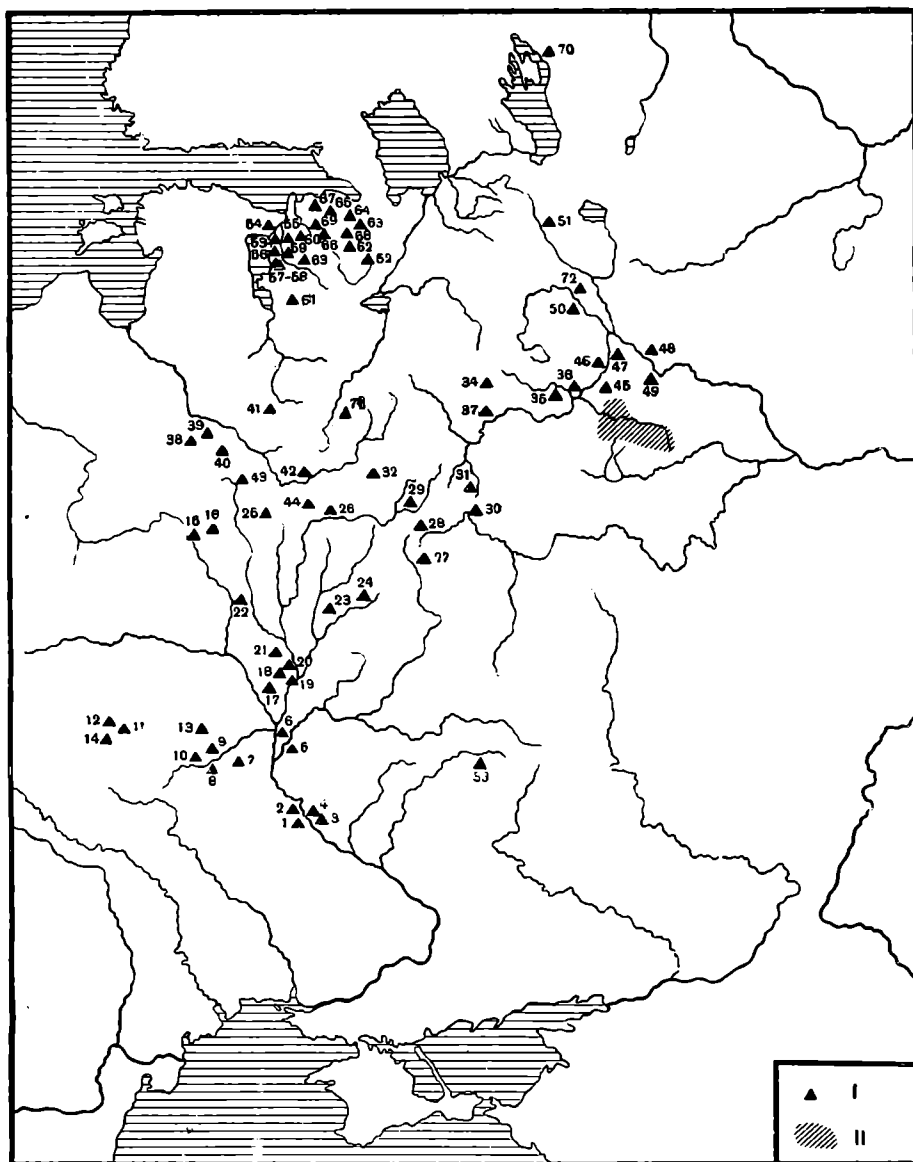

Рис. 4. Дружинные курганы XI—XIII вв. на территории древней Руси (см приложение II)

I — курганные группы с дружинным курганом, II — область Владимирских курганов

в противоположность мечам, копьям, стрелам, боевым топорам типов «А» — «Г» (см. рис. 1, 1—20). Почему же? Дело в том, что этот вид оружия происходит из орудия труда. В средневековье же, наряду с боевыми топорами, которые не могли употребляться в качестве орудия труда, существовали и боевые топоры, которые при надобности могли использоваться и в качестве рабочих. Топоры в руках строителей кораблей и сражающихся воинов, изображенных на ковре из Байо, одни и те же. То же самое можно сказать и относительно изображений топоров в древнерусских миниатюрах. Ведь воину приходилось не только сражаться, но и мостить гать, сооружать плоты и лодки, чинить телеги из обоза, рубить деревья для походных костров и т. д. Топоры типов «А» — «Г» для этого не годятся. Поэтому русский воин XI—XII вв., наряду с другим оружием, имел и такой боевой топор, которым можно было как сражаться, так и работать. Различные типы этого топора хотя и имеют ряд признаков, присущих исключительно боевым топорам, но,

как правило, более массивны, более близки к типам рабочих топоров. Поэтому целый ряд выделенных типов и их разновидностей должен быть отнесен к боевым топорам, которые могли использоваться и как орудие труда. (В то же время и массивные, с большой втулкой, без отверстий на лезвии, с меньшей выемкой рабочие топоры могли использоваться как оружие.)

Лучше всего это видно по курганам, раскопанным Л. К. Ивановским, отметившим, что все топоры (а их найдены сотни) имели рукояти длиной от 76 до 120 см, т. е. длинные ручки, характерные для боевых топоров. Однако по типам большинство топоров из коллекции Л. К. Ивановского относится к рабочим. Чем объяснить этот, казалось бы, противоречивый нашим выводам факт? В этих же курганных группах есть погребения с мечами и особенно часты погребения с копьями, а иногда с копьями и топорами или только с топорами.

Вероятно, рабочие топоры с длинными ручками положены в этих погребениях в качестве оружия лично свободных смердов. В средневековом обществе лично свободные крестьяне обладали правом ношения оружия, закабаленное же крестьянство потеряло его вместе со своей независимостью. Поэтому новгородские смерды и погребены с топорами, в основном рабочими, но употреблявшимися ими на войне, а в могилу положенными в качестве оружия. Этим же объясняются находки в Новгороде трех рабочих топоров X, XIII, XV вв. с длинными топоричами (60, 82 см).

Все сказанное выше приводит нас к выводу, что среди погребений с топорами типов, изображенных на рис. 1, 21—39, можно, очевидно, выделить погребения дружинников и погребения свободных смердов. Первые, как увидим ниже, будут отличаться от вторых наличием либо другого оружия, либо украшений, либо большей величиной курганной насыпи. Анализ и характеристика погребений смердов — задача специальной работы. Для данной же работы важно показать, что встречаемые в погребениях дружинников XI—XII вв. определенные типы топоров являлись их оружием, а не орудием труда.

При выделении дружинных курганов мы будем считать боевыми: 1) топоры, изображенные на рис. 1, 1—20; 2) топоры, изображенные на рис. 1, 21—39, с отверстиями на лезвии; 3) топоры типов, изображенных на рис. 1, 21—44, положенные в могилу в качестве оружия рядом с мечом, копьем или стрелой и найденные либо в большом кургане, либо в мужском погребении с браслетами, гривной или серьгой (южная и центральная Русь, гдовские курганы; см. рис. 4).

* * *

Инвентарь мужских погребений XI—XIII вв. очень беден. Однако в погребениях с оружием, помимо обычных для мужских погребений находок (нож, поясная пряжка, реже перстень, погребальный сосуд), встречаются еще гривны, браслеты, серьги.

Судя по курганам X—XII вв., излюбленными видами украшений у дружинников были браслеты и гривны. Г. Ф. Корзухина, изучив материал русских кладов IX—XIII вв., пришла к выводу о том, что гривна вообще была одним из излюбленных украшений в среде феодалов⁶³. Письменные источники этого времени говорят о гривне всегда в связи с описанием одежды или быта феодалов: «Ты — (князь — М. А.) ...смыслом венчан и милостынею яко гривною и утварью златою красуюся»⁶⁴. Еще в XVI в. помнили, что дружинники в древности носили гривны как знаки отличия⁶⁵.

⁶³ Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв., Л., 1956, стр. 54—56.

⁶⁴ Слово о законе и благодати митрополита Иллариона. Памятники древнейшей церковно-учительной литературы, вып. 1, СПб., 1894.

⁶⁵ Никоновская летопись. ПСРЛ, т. 9, 1862, стр. 68.

Известны семь погребений дружинников с гривнами⁶⁶ (гривна в мужских курганах без оружия не встречается). Во всех этих погребениях имелись также браслеты, иногда серьги, перстни и другие украшения. Более частой находкой в курганах дружинников XI в. являются браслеты⁶⁷, серьги⁶⁸. Однако не для всех территорий браслеты и серьги, а особенно перстни являются находкой, характерной исключительно для дружинного погребения. В гдовских курганах, например, браслеты встречаются и в рядовых погребениях, а для дружинных характерны лишь особые массивные литые браслеты⁶⁹. В курганах Ленинградской области, раскопанных Л. К. Ивановским, браслеты встречаются в основном в погребениях с оружием. В центральных, некоторых северных и особенно южных областях Руси браслеты встречаются исключительно в курганах с оружием⁷⁰.

Погребения с оружием и украшениями нередко находятся под самой большой для каждого данного кладбища курганной насыпью. Но эта особенность, во-первых, характерна далеко не для всех дружинных погребений, а, во-вторых, зависит от местных особенностей погребального обряда. Например, в группах X—XII вв. самыми большими являются обычно более ранние курганы с трупосожжением, а курган дружинника XI в. оказывается ниже их. Для каждой курганной группы понятие «большой курган» означает различные размеры: большой курган одной группы может оказаться самым маленьким в другой группе.

Б. А. Рыбаков на материале черниговских курганов доказал, что княжеские и боярские курганы значительно отличались от обычных курганов своими большими размерами⁷¹. То же самое можно сказать и о гнездовских курганах, четко делящихся на величественные насыпи с погребениями князей, бояр, большие курганы дружинников и небольшие рядовые курганы.

Различия в величине насыпей объясняются не только социальными причинами, но и разным возрастом и полом погребенных. Например, курганные насыпи над детскими погребениями в Чернигове меньше насыпей над погребениями взрослых⁷². В то же время известны детские погребения, насыпи над которыми не только превышают размеры некоторых одновременных с ними курганов взрослых, но являются и самыми большими курганами во всей группе⁷³.

Следовательно, величина насыпи на Руси в X—XI вв. имела символическое значение и при характеристике дружинного кургана должна учитываться.

С другой стороны, отсутствие высокой и большой насыпи над погребением дружинников не может говорить против характеристики этого погребения как дружинного, так как легко может быть объяснено влиянием христианства, распространение которого привело сначала к уменьшению курганных насыпей, затем и к полному их исчезновению. Влия-

⁶⁶ Киев, X в. (см. И. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1892, стр. 28—29); с. Озертицы, X в. (А. А. Спицын, Курганы С.-Петербургской губ., стр. 74); с. Посад на р. Медведице (два погребения; коллекции ГИМ); с. Жуково Ярославской области (коллекции ГИМ), с. Шелебово, курганы 237 и 246. См. А. С. Уваров. Ук. соч.).

⁶⁷ Гочево, Харлапова, Залахтовье, Жуково, Посад, Хрипелево, Кирьяново, Владимирское, Митино-Зворыкино, Трашковичи, Бреслав, Заславль (см. карту).

⁶⁸ Гочево, Нижилловичи, Трашковичи.

⁶⁹ А. А. Спицын. Курганы СПб. губернии... табл. IV, 17.

⁷⁰ Аналогичный факт был отмечен А. В. Арциховским в Борковском и Кузьминском могильниках. См. А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 41—43.

⁷¹ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова.

⁷² Там же, стр. 17.

⁷³ Таков курган в с. Шо на западе Белоруссии, в котором найдено богатейшее погребение мальчика с топором, поясным набором и украшениями. См. Е. Голубович и В. Голубович. Славянские поселения правобережной Десны в Вилейском округе БССР. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 126—137.

нием христианства можно объяснить и такие факты, когда самые большие курганы в данном могильнике оказываются без инвентарей, тогда как средние и небольшие по величине — содержат вещи. В приложении № 2 мною указаны все большие для каждой данной группы дружинные курганы. Далеко не во всех случаях это можно сделать, так как для многих групп не имеется точных данных.

Иногда сравнительно большая величина кургана является единственным, кроме оружия, признаком дружинного кургана.

Интересно, что большой размер дружинного кургана встречается чаще всего на кладбищах с одним таким курганом. В группах же, содержащих по три-пять и более курганов с оружием (обычно это либо курганы городского некрополя, либо погребения на северо-западе Новгородской земли), эти курганы резко не выделяются из общей массы.

Итак, погребения русских дружинников и в XI—XII вв. характеризуются вполне определенными признаками: оружием, украшениями, большей величиной кургана. Наличие таких признаков говорит о том, что в XI в. (ибо и в X в. они уже существуют) класс феодалов на Руси вполне консолидировался и сформировался, хотя его развитие и рост продолжались. Это доказывается и определенными социальными символическими деталями погребального обряда, закрепляющего уже реально существующие классовые отношения. Археологически это прослеживается также по широкому распространению уже со второй половины X в. погребений дружинников⁷⁴ в деревенских местностях. Среди погребенных имеются представители как местной знати — продукта социальной дифференциации в деревне, так и княжеских дружинников, получивших лен в этих местах (последних меньшинство). Внедрение княжеских дружинников в деревенские общины и разложение этих последних на бедноту и «старую чадь» являются параллельными и взаимно переплетающимися процессами в общественной и социально-экономической жизни того времени процессами, которые настолько бурно протекали, что их следы можно уловить даже по археологическим данным.

То, что анализ дружинных погребений может дать новые материалы не только по истории военного дела, но и по социально-экономической истории древней Руси, можно видеть уже при изучении курганов X в.

Возьмем для примера срубные гробницы Поднепровья и продолжим то разделение по группам, которое уже начато их исследователем Д. И. Блительдом, обратившим особое внимание на погребальный обряд⁷⁵. Окажется, что городские погребения отличаются от деревенских преобладанием захоронений воинов с женщиной или воина с женщиной и конем (т. е. III и IV группы, по Д. И. Блительду). В деревне эти группы погребений не представлены вовсе; здесь господствуют погребения рядовых воинов (I и II группы, по Д. И. Блительду). Если мы рассмотрим те же погребения по видам оружия, то увидим, что в городах отмечены погребения со всеми видами вооружения, тогда как в деревне погребения с мечами отсутствуют. Из оружия здесь имеются в курганах лишь боевые топоры и резе — копья. Наконец, если посмотрим, какие

⁷⁴ Кроме известных срубных гробниц X в. в Седневе и Левинках, известны погребения в области дреговичей (см. В. З. Завитневич. Дневник археологических раскопок, произведенных в Речицком уезде Минской губернии летом 1890 г. Архив ЛОИА АН СССР, 1890 г., д. 32, стр. 44, к. 65); в Верхнем Поднепровье у дер. Плехтино (см. Е. А. Шмидт, Архив ИИМК, 1950, д. 940); у дер. Лопино (Указатель Исторического музея, М., 1893); у дер. Яново (А. Н. Лявданский. Праці археологічної камісії, т. II, Минск, 1930); у дер. Рудня. Поречье, Полежанки (А. Н. Лявданский. Краткий отчет о раскопках курганов в Смоленском уезде. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2; 1927, д. 181, стр. 9); на северо-западе Новгородской земли в с. Озертицы (А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ. стр. 5); в Ростово-Суздальской земле (раскопки А. С. Уварова, коллекция ГИМ и др.).

⁷⁵ Д. И. Блительд. Ук. соч., стр. 151—155.

виды оружия характерны для каждой из четырех групп погребального обряда по классификации Д. И. Блифельда, то увидим, что хотя меч есть во всех группах, но топор отсутствует в III—IV группах, а копьа нет в IV группе.

Обычные курганы с трупосожжениями X в. позволяют еще более приблизиться к решению вопроса о символике погребального обряда дружинников того времени. Сделать это помогает договор с греками (945 г.), где при упоминании оружия в клятве русов на первое место поставлен меч, на второе — стрелы, и только после них говорится об «ином оружье»⁷⁶.

Поскольку оружие упоминается в связи с ритуалом клятвы, являясь в данном случае священным предметом, постольку в том определенном порядке, в котором перечислены в клятве меч, стрелы и «иное оружье», можно видеть отражение реально существовавших обычаев. Действительно, мечи найдены в самых богатых княжеских, боярских погребениях X—XIII вв. На втором месте по распространенности в курганах X в. (например, в Гнездове) стоят именно стрелы, а не иные виды оружия. Часто стрелы являются единственным видом оружия в дружинном погребении. Анализ инвентарей приводит к выводу о том, что стрелы обычно встречаются в наиболее скромных дружинных курганах, число которых значительно превышает число курганов, с мечами. В Гнездове на 10 курганов с мечом, на 5 курганов с топором, на 2 кургана с копьем приходится 26 курганов со стрелами. Сходная картина наблюдается в трупосожжениях X в. в Поднепровье. Нетрудно заметить, что деление дружинных курганов с трупосожжением на две группы дружинников совпадает с подобным же делением срубных гробниц, в которых для рядовых погребений самой характерной находкой являются не стрелы, а боевой топор. Возможно, перед нами захоронения двух основных социальных групп русской дружины X в. — «лепших» и «молодших».

В XI в. положение меняется. Исчезают княжеские курганы, единицами встречаются курганы с погребениями бояр. Появляется большое количество скромных по набору вещей курганов рядовых дружинников. Курганные группы содержат не 10—15 погребений дружинников, а самое большее — 4—5, обычно же — 1—2 погребения. Среди видов оружия преобладает боевой топор, копьа встречаются гораздо чаще, чем в X в., стрелы, наоборот, содержатся в очень небольшом числе курганов, а меч становится уникальной находкой. В этом отражена увеличившаяся роль младшей дружины в общественной жизни Руси XI—XIII вв. Рост класса феодалов, увеличение княжеских и боярских дружин, усложнение военного дела, дальнейшее развитие государственного аппарата — все это отразилось на содержании инвентарей курганов XI—XII вв. Социальная символика погребального обряда осталась; более того, теперь не встречаются дружинные курганы с многообразным набором вещей. В дружинных курганах этого времени имеются лишь самые характерные атрибуты власти и богатства.

Усложнение состава господствующего класса засвидетельствовано в многообразии видов погребений дружинников XI в. Уже отмечалось, что в XI—XII вв. реже всего встречены погребения с мечами⁷⁷ или саблями. Судя по курганам в Гочева, это погребения военачальников, возможно, бояр; они по-прежнему выделяются величиной курганной насыпи и наибольшим числом украшений в составе погребального инвентаря. В кургане с мечом в дер. Харлаповой с покойным погребена женщина с самыми богатыми для этой курганной группы украшениями.

⁷⁶ Повесть временных лет, М.—Л., 1950, под 945 г. стр. 35.

⁷⁷ С. Красное под Суздаlem (раскопки А. С. Уварова), дер. Харлапова, Гочево (два кургана с саблями). Курганы с мечами встречены при раскопках Л. К. Ивановского в С.-Петербургской губернии 14 раз.

Погребений с копьем значительно больше, причем они делятся на две группы — в одних, кроме копья, найден еще и боевой топор, в других имеется лишь одно копье. Но самым распространенным видом дружинного погребения XI—XII вв. является погребение с боевым топором. Некоторые ученые сводят различия между погребениями с копьями и топорами к различиям между конными и пешими воинами. Между тем проводить подобное различие вряд ли будет верно, так как и в том и другом случае погребены дружинники, т. е. воины-профессионалы, представители господствующего класса. В то же время известно, что древнерусские дружинники были «конниками», которым летопись противопоставляет «пещцев» — пеших смердов или горожан.

Возможно, что различие между погребениями с копьями и боевыми топорами объясняется различной степенью знатности захороненных дружинников.

Погребения со стрелами, раскопанные в основном в Южной Руси, принадлежат летописным «стрельцам», составлявшим одну из частей младших дружин южнорусских князей⁷⁸. Правда, в некоторых из этих курганов встречено и другое оружие (копье, топор), но в целом стрелы здесь преобладают. Это подтверждают наши наблюдения о том, что дружинников хоронили преимущественно с одним из видов оружия. Ведь и в Северной Руси лук и стрелы были на вооружении дружинников⁷⁹, однако погребений XI—XII вв. со стрелами здесь почти нет.

Нет в Новгородских летописях и термина «стрельцы». Расплывчатость границ описанных групп курганов по видам оружия, очевидно, отражает прежде всего социальную структуру дружины, а не деление ее на виды войска. Лишь «стрельцы» на юге Руси выделились в специализированную часть войска. Для остальных территорий трудно назвать такие же группы. Дружина XI—XII вв. не знала специализации более поздних армий. Каждый ее член одинаково владел всеми видами оружия. Но наличие в дружине этого времени различных прослоек обусловило появление характерных для каждой из них символов в виде какого-либо оружия.

Наблюдения над количеством дружинных курганов на деревенских кладбищах XI—XII вв. позволяют сделать выводы о размещении младшей дружины «по селам». В большинстве курганных групп, известных нам (среди них есть группы, раскопанные целиком), имеется лишь один дружинный курган. Несколько дружинных курганов, расположенных в одной курганной группе, оказались одновременными. По особенностям погребального обряда, в одном случае сохранившего, в другом — утратившего пережитки трупосожжения, это удалось установить для дружинных погребений у с. Грехов ручей под Угличем. При отсутствии характерных вещей подобным методом можно датировать разным временем и дружинные курганы в Бреславле, Челмужах, Загорье, Панове. Резко контрастируют с описанными типами кладбищ курганные группы с четырьмя-пятью одновременными дружинными погребениями. Здесь всегда можно выделить погребение военачальника (по наличию гривны, особых типов оружия или большому его числу и вообще по более богатому инвентарю). Остальные курганы содержат более скромные погребения рядовых дружинников. Как можно исторически объяснить эти факты?

Рассматриваемые погребения с оружием постоянно характеризуются нами как дружинные, т. е. как принадлежавшие зарождавшемуся классу феодалов. Правильность отнесения к дружине погребений с оружием подтверждается также единичностью их находок на основной террито-

⁷⁸ Б. А. Рыбаков. Военное дело (тактика и стратегия). История культуры древней Руси, т. I, М., 1948, стр. 404.

⁷⁹ Например, «стрелиша князя милостыници Всеволожи» (Новгородская I летопись под 1137 г., стр. 24).

рии Руси, что было бы невозможным, если бы эти погребения принадлежали не воинам-профессионалам, а членам народных ополчений. Выводы, сделанные на основе археологических материалов, совпадают и с данными письменных источников о большом значении молодой дружины в XI—XII вв., о ее размещении «по селам». Известно, что в курганах на юго-западных границах Русского государства находят вещи, характерные для северян, радимичей, кривичей, вятичей и других более северных «племен» Руси⁸⁰. Наличие здесь погребений с оружием, которые принадлежат «лучшим мужам», переселенным сюда Владимиром Святославичем с севера⁸¹, еще раз подтверждает правильность отнесения этих пунктов к оборонительной системе «городов», созданных Владимиром в X в. Так, среди украшений, найденных в курганах дружинников у с. Гочево, встречаются типичные вещи кривичей и радимичей. Летопись вторично говорит о той же полосе оборонительных «городов» под 1150 г.⁸², когда упоминается дружина по «ону сторону» Днепра от Канева. И действительно, в 8—10 км от Канева, на левом берегу Днепра, в нескольких пунктах известны погребения дружинников⁸³.

Другой летописный рассказ 1150 г. говорит уже не просто о «дружине», а именно о молодой дружине Киевского княжества. Дружинники «сediaхуть», т. е. постоянно живут, «по Тетереву»⁸⁴. Здесь, в бассейне р. Тетерева, где пролегал путь похода Изяслава в 1150 г., имеются курганы с оружием. В летописном рассказе под 1096 г.⁸⁵ говорится о «данниках» по р. Медведице, т. е. сборщиках дани, которую «изымают» воевода новгородского князя. Погребение одного из таких «данников» раскопано в с. Посад на берегу р. Медведицы. В составе погребального инвентаря, кроме копья, боевого топора, серебряной шейной гривны, многочисленных украшений (браслеты, перстни), находились весы и разновески. Рядом расположено еще несколько курганных погребений рядовых дружинников. О том, что в описанном кургане погребен не купец, а именно «данник», свидетельствуют все признаки дружинного погребения. Захоронения купцов и менял обычно содержат лишь весы или гири, но оружия в них нет. Погребения данников появляются с 30-х годов X в., когда весомой прием монеты стал господствующим. Они известны и в XI в.

Социальная принадлежность курганов с оружием на основных территориях Руси особенно рельефно выясняется при их сравнении с многочисленными погребениями с оружием в северо-западных землях Новгорода. Лишь новгородских смердов летопись назвала «воями»⁸⁶. Курганы, раскопанные Л. К. Ивановским, содержат погребения таких «воев», которые были членами новгородского войска и принимали участие во многих походах, организованных новгородскими феодалами. Это, прежде всего, курганы с рабочими топорами, положенными в качестве оружия. В то же время здесь имеются и бесспорно дружинные курганы с мечами, с другим оружием (копья, реже боевые топоры), с украшениями (браслеты, серьги), однако на карту нанесены лишь курганы с мечами. Материалы этих курганов здесь за недостатком места не привлекаются и будут рассмотрены специально.

Наличие в сельских местностях в XI—XII вв. дружинников подтверждается и топонимическими данными. Многие из дружинных погребений найдены в селах, названия которых образованы от личного имени.

⁸⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 451.

⁸¹ Повесть временных лет под 988 г., стр. 83.

⁸² Ипатьевская летопись под 1150 г., стр. 277.

⁸³ Например, у сс. Леплява, Келеберда.

⁸⁴ Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 279—284.

⁸⁵ Повесть временных лет под 1096 г., стр. 169.

⁸⁶ Новгородская I Летопись под 1016 г., стр. 15.

Традиция наименования новых городов по имени основавших их князей существовала на Руси уже с XI в. (Ярославль, Владимир, Изяславль и т. д.). Появление в X—XI вв. владельцев сел привело к тому, что эти села стали называться по именам владельцев⁸⁷. Еще Б. Д. Греков предположительно связывал некоторые названия сел на северо-востоке новгородских земель с именами известных по летописи бояр и дружинников⁸⁸. Б. А. Рыбаков проследил ту же закономерность в названиях черниговских сел и впервые связал эти топонимические наблюдения с дружинными курганами⁸⁹. Наконец, В. И. Довженок сопоставил названия некоторых сел Галичины, около которых имеются укрепленные небольшие городища, с именами известных по летописи бояр⁹⁰. Следовательно, наименование сел по именам их владельцев на Руси XI—XII вв. можно считать установленным. Возможно, что подобные названия сел, в которых раскопаны дружинные курганы, и образованы от имени древних дружинников — первых их владельцев. Интересно, что села с такими названиями широко распространены именно в тех областях, где нам известны курганы дружинников XI—XII вв., и, наоборот, их почти нет в тех областях, где дружинные курганы не встречаются (вятичи) или встречаются очень редко и которые в XI—XII вв. были заселены свободными смердами (область радимичей⁹¹, северо-запад новгородской земли, костромские курганы). В области вятичей появление сел с подобными названиями отмечено лишь начиная с XIV в.⁹² Все эти факты свидетельствуют о появлении уже в XI в. в сельских местностях владельцев сел и земель, возможно закрепивших земельные приобретения за своими семьями и передававшими их по наследству.

Если сравнивать городские и деревенские дружинные погребения XI—XII вв., то никаких существенных различий не выявится, тогда как рядовые погребения горожан и сельчан этого времени сильно отличаются друг от друга (в первых гораздо меньше вещей, гораздо сильнее влияние христианства, а в деревенских курганах обычный курганный обряд продолжает господствовать). В деревне самые богатые погребения всегда одновременно и дружинные; в городе встречаются очень богатые погребения, но без оружия, принадлежавшие купцам и ремесленникам. Этот факт как нельзя лучше характеризует обстановку в сельских местностях Руси XI—XII вв., где все богатые земледельцы непременно входили в дружину, где «старая чадь» сливалась с княжеской дружиной. Это лишний раз показывает, что центр тяжести при феодализме находился в деревне, а основой феодализма была феодальная собственность на землю. Земельный собственник, по своему происхождению не принадлежавший к господствующему классу, непременно втягивался в него, официально оформлял свою земельную собственность путем вступления в дружину князя или боярина, т. е. путем вступления в вассальные отношения того или иного рода. Появление и распространение дружинных погребений в сельских местностях со второй половины X в. не может быть объяснено только «расселением» княжеских дружинников по селам. Кое-где подобное расселение действительно происходило. Огромная же масса дружинных курганов XI—XII вв. оставлена (судя по многочисленным деталям погребального обряда и вещевых комплексов) такими же

⁸⁷ Повесть временных лет под 947 г., стр. 43; Ипатьевская летопись под 1152 г., стр. 314—315; то же под 1168 г., стр. 364; то же под 1146 г., то же под 1149 г., стр. 266; то же под 1151, стр. 294, 295.

⁸⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 135.

⁸⁹ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 51.

⁹⁰ В. И. Довженок. Селища и городища в окрестностях древнего Галича. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 12—13.

⁹¹ Б. А. Рыбаков. Радимичи. Минск, 1932.

⁹² С. Б. Веселовский. Топонимика на службе у истории. Исторические записки, вып. XVII, М., 1945.

местными жителями, как и те, которые погребены без оружия и украшений в более скромных курганах на том же деревенском кладбище.

«Пришельцам» принадлежат немногочисленные погребения «данников», постепенно осевших в местах сбора дани. Характерно, что сельские погребения «данников» — это погребения преимущественно военачальников, тогда как обычные дружинные погребения принадлежат рядовым членам княжеских и боярских дружин. Скромность инвентаря их погребений заставляет особенно осторожно подходить к вопросу об их социальном положении. Нельзя представлять себе «молодых» дружинников XI—XII вв. по образу и подобию более поздних (XIV—XV вв.) феодалов. Несомненно, что в их общественном положении было еще много пережитков предшествующей эпохи и что не все границы между ними и смердами уже стерлись, так как формы эксплуатации крестьян, формы земельной собственности находились лишь в начале своего развития. Сложный и многообразный процесс классообразования в древней Руси далеко еще не изучен подробно и всесторонне. Этому изучению и способствуют дружинные курганы XI—XII вв.

ПРИЛОЖЕНИЕ I (к рисунку 1)

Боевые топоры древней Руси X—XII вв.

1 — с. Б. Брембола, кург. 1430, 1440, 1490; с. Вельсково, кург. 1187; с. Исаево, кург. 10; г. Чернигов, кург. 17 (раскопки 1952 г.); Сарское городище; с. Гушино; с. Вельсково (2 экз.); с. Екимауцы; 2 — с. Б. Брембола, кург. 1535 (ГИМ, 1 экз.); с. Вельсково, кург. 1022; г. Киев, 1900 г. (КИМ); с. Городище; 3 — с. Михайловское; 4 — Сенской могильник (Козлово-Курганье); 5 — с. Вельсково, кург. 893; Владимирские курганы (2 экз.); 6 и 9 — дер. Загорье; с. Б. Брембола, кург. 1439; с. Келеберда; с. Васильевское; с. Васильки, кург. 1851; Киевская губерния (1 экз.); Владимирские курганы (1 экз.); с. Леплява; 7 — Владимирские курганы (1 экз.); 8 — с. Мохов; 10 — с. Пустошь Плавь; с. Гочево, кург. 65; КИМ, 1 экз.; 11 — с. Кобанское; с. Гочево, кург. 1; погр. 2; 12 — с. Кобанское, кург. 676; с. Пустошь Плавь; Владимирские кург. (1 экз.); 13 — с. Кобанское, кург. 647; Ростовск. музей (1 экз.); 14 — с. Владимирское; Владимирские кург. (3 экз.); 15 — с. Букрин; Владимирские кург. (1 экз.); 16 — с. Беседа; 17 — кург. под Угличем; 18 — с. Лисино; 19 — с. Вельсково, кург. 1083; дер. Волчья Гора; с. Гнездово, с. Горки-Микуличи ГИМ, 1 экз.; Владимирские кург. (3 экз.); с. Кобанское, кург. 708; с. Васильки, кург. 1851; с. Б. Брембола, кург. 1568; с. Тимерево, раскопки 1887; Грехов ручей; с. Воронцово; с. Пересопница, кург. 32; дер. Яново; с. Горивода; г. Киев, погр. 17, 18, 1939 г.; Черная могила; г. Заславль III, кург. V; Заславль III, кург. 1; 20 — КИМ (2 экз.); 21 — с. Вельсково, кург. 1081; 22 — с. Никольское; городище Монастырище; с. Б. Брембола, кург. 1543; дер. Топорково; Владимирские кург.; 23 — Мохово; с. Б. Брембола, кург. 1547; Петербургские кург. (ГИМ, 1 экз.); с. Кобанское, кург. 556; 24 — Приладожские курганы, кург. СХХХIX; 25 — дер. Харлапова, кург. 15 и 66; дер. Ровнушина; г. Логойск; с. Гнездово (3 экз.); дер. Городня Владимирские кург.; 26 — г. Тутаяв; с. Хрипелево (2 экз.); с. Гочево, кург. 37; с. Посад; Владимирские кург.; с. Шашкино, кург. 21; с. Кобанское, кург. 589; 27 — с. Заужелье; под Овручем; Владимирские кург.; 6. Дорогобужский у. Смоленской губ., раскопки 1890—1892 гг.; с. Гришенцы; 28 — с. Гнездово, кург. 7, раскопки 1900 г.; Приладожье; с. Б. Брембола, кург. 1482; с. Озеры (ГИМ, 1 экз.); с. Посад; дер. Пекари; с. Лихачево; Витебский краеведческий музей (1 экз.); Мохов; дер. Горожки; г. Заславль, кург. 2; 29 — с. Забранцы; КИМ, 1 экз.; Приладожье (3 экз.); Владимирские кург.; 30 — дер. Харлапова, кург. 21 и 64; КИМ, 1 экз.; с. Беседа; с. Горки-Микуличи; Владимирские кург. (2 экз.); дер. Селибка; Гос. Эрмитаж, 1 экз.; г. Логойск; дер. Ведерники; дер. Нижиловичи; дер. Горожки (женское погребение?); дер. Ясень; г. Светиловичи; с. Гнездово, раск. Сергеева, (2 экз. женское погребение?); с. Калихновщина, кург. 12; с. Гочево, кург. 101; с. Васильки; г. Заславль, кург. 4; д. Мануйлова; с. Черкасово; 31 — с. Гнездово (2 экз.); дер. Смолеговицы; дер. Таровицы, кург. 22; с. Новосельск; дер. Мутаколя, кург. 36; дер. Б. Борницы; г. Заславль, кург. 2 (раск. Н. Турбина); кург. 2, 4, 7, 11, 13 (раск. А. Н. Лявданского); дер. Лисино; дер. Овсиновка, кург. 55; 32 — дер. Борницы, кург. 8; с. Калихновщина, кург. 33; с. Высокое; с. Полотбицы, кург. 40; дер. Смолеговицы, кург. 24; дер. Сумино, кург. 32; ГИМ, 1 экз.; с. Новосельск, кург. 14, комплекс VIII; дер. Аллапурска, кург. 29; 33, 34 — р. Паша; дер. Летошицы или с. Введенское; с. Верхояны, кург. 5; с. Городня; с. Озеры; с. Заречье, кург. 22; с. Осьмино; 35 — с. Озеры; Приладожье; с. Ушевицы, кург. 3; Гродненская область; городище Волковысск; 36, 37 — р. Паша; дер. Часовенная, кург. 7; дер. Прологи, кург. 14; дер. Ригачево, кург. 4, комплекс IV; 38 — с. Кобан-

ское, кург. 535; с. Новоселки, кург. 4; дер. Слобода; с. Юрьевское; 40, 41— Приладожье; 42— с. Калихновщина, кург. 20; дер. Скарятина Гора, кург. 3; с. Ушевицы, кург. 4 и 30; дер. Шашкино, кург. 21; дер. Мануилово; дер. Кириллина, кург. 92; дер. Вичугино, кург. 1, комплекс III; дер. Хотыницы, кург. 54; Приладожье; р. Паша (3 экз.); с. Ильино, кург. 7, комплекс I; дер. Шахновка, кург. 118, комплекс IV; 39, 43— дер. Харитоновна; Потербургокие кург.; Владимирские кург.; дер. Заозерье; 44— с. Грызово, кург., 56; с. Яблоницы, кург. 47.

ПРИЛОЖЕНИЕ II (к рисунку 4)

Дружинные курганы XI—XIII вв. на территории древней Руси (номера описания соответствуют цифрам на карте)

1— с. Гришенцы, боевой топор (КИМ); 2— с. Букрин, боевой топор, (КИМ); 3— с. Келеберда, боевой топор типа «Б» (КИМ); 4— с. Леплява, кург. 1 с боевым топором типа «Б», кург. 5 с боевым топором типа «Г», с отверстием на лезвии (Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., ИАК, вып. 22, 1907, рис. 10); 5— с. Волчья Гора, 1 боевой топор типа «Г» с отверстием на лезвии (КИМ); 6— с. Забранци, боевой топор типа «Д» с отверстием на лезвии (КИМ); 7— с. Нижилевичи, кург. с боевым топором типа «Д» с отверстием на лезвии: у головы костяка серьга. (Раскопки М. К. Якимовича. АЛЮР, Киев, 1900, т. 2, стр. 202); 8— с. Коростышево, кург. 8 с копьем (МАР, № 11, СПб., 1893, стр. 56—59); 9— уроч. Быковщина под Грубском, кург. с копьями 58, 60; кург. 61 со стрелой и боевым ножом (МАР, № 11, стр. 43); 10— с. Андреевичи, большой курган с боевым топориком (АЛЮР, Киев, 1903, № 5, стр. 331); 11— г. Белев, большой кург. 13 со стрелой; самый большой кург. 28 с длинным боевым ножом и серебряным медальоном (Е. Н. Мельник. Раскопки в земле лучан. Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 527); 12— г. Пересопница, большой кург. с боевым топором типа «Г» и двумя большими ножами (боевыми?) (Е. Н. Мельник. Ук. соч., стр. 540—541); 13— с. Искоростень, большой кург. с боевым топором типа «Д» (Р. I. Виезжев. Розкопки курганів у Коростені та поблизу Овруча в 1911 р. Археологія, Київ, 1954, т. IX, стр. 152—156); 14— с. Старое Жуково, кург. 10 с копьем или наконечником дротика (Е. Н. Мельник. Ук. соч., стр. 517); 15— г. Заславль, кург. 18, 22, 23 с копьями (группа II); с копьями и топорами— кург. 2 (группа I); кург. 4, с браслетом, кург. 7, 24 (группа II); кург. 1 (группа III) с топором типа «Г», кург. 4 с топором типа «Г» (группа II). Кург. 12, 13 с остатками челюв (группа II), кург. 5 с топором типа «Г» (группа III) (А. Н. Лявданскі. Археологічніе раскопки у м. Заслаулі Менской акругі, стр. 1—92; С. А. Дубінінскі. Дадатковыя раскопки кургану у Заслаулі, стр. 253—256); могильник 1— кург. 2 с копьем, топором, браслетом, кинжалом; кург. 4 с топором (самый большой); могильник III, кург. 1 с копьем и топором (В. Сушинский. Дневник раскопок, произведенных в м. Изяславле Минского уезда в 1921 г. Архив ЛОИА АН СССР, 1921 г., д. 117, стр. 3—4, 9—10); кург. 4 с копьем и топором (раскопки Н. М. Турбина. Указатель Исторического музея, М., 1893, стр. 132); 16— г. Логойск, кург. с боевым топором типа «Д» с отверстием на лезвии (раскопки Н. М. Турбина. Указатель Исторического музея, стр. 135); 17— с. Горки-Микуличи, кург. 114 с боевым топором типа «Г», удилами, весами, длинным (боевым?) ножом, деревянным ведерком с серебряной вызолоченной оковкой; кург. 112, 116, 121 с боевыми топорами типа «Г» и «Д» (В. З. Завитневич. Дневник археологических раскопок, произведенных в Речицком уезде Минской губернии летом 1890 г., стр. 51—53); 18— с. Колпень, кург. 59 с копьем, возможно кург. 44 с топором (В. З. Завитневич. Ук. соч., стр. 144); 19— с. Мохов, кург. с боевым топором типа «Б», кург. 34 с копьем (В. З. Завитневич. Ук. соч., стр. 41); 20— с. Заужелье, кург. с боевым топором типа «А», возможно, кург. с топором типа «Д» (В. З. Завитневич. Ук. соч., стр. 57); 21— с. Горивода, кург. с боевым топором типа «Г» (В. З. Завитневич, раскопки 1886—1887 гг. В ГИМ хранится фотография топора, переданного в Саратовский музей); 22— с. Ясень, кург. со стрелой раскопки В. З. Завитневича, ГИМ); 23— с. Краснополье, большой кург. 20 с панцирем, топором и ножом с костяной ручкой и в футляре (М. В. Фурсов и С. Ю. Чоловский. Дневник курганных раскопок в пяти уездах Могилевской губернии. Могилев, 1892, стр. 13); 24— с. Хотимск, большой кург. 35 с топором (М. В. Фурсов и С. Ю. Чоловский. Ук. соч., стр. 23); 25— с. Лукомль, кург. 23 с 2 одновременными погребениями с копьями (Е. Р. Романов. О раскопках в Могилевской губернии. Древности, М., 1889, т. XIII, вып. 1, стр. 147—148); 26— с. Загорье, боевой топор типа «Б» (ГИМ); 27— с. Трашковичи, кург. 1 с копьями, топориком и захоронением лошади, кург. 9 с топором и браслетом, кург. 12 с топориком и серьгой (Н. И. Булычев. Раскопки в Калужской и Смоленской губерниях в 1892 г. Архив ЛОИА, АН СССР, 1892, д. 34, стр. 26—27); 28— дер. Селибка, боевой топор типа «Д» с отверстием на лезвии (ГИМ); 29— дер. Харлапова, кург. 4 с мечом и боевым топором типа «Д» с отверстием на лезвии, кург. 15, п. 2 с боевым топором типа «Д», с длинной ручкой (76—80 см), п. 1 с клиновидным топором (не вошедшим в нашу классификацию) и браслетом, кург. 21 с боевым топором типа «Д» с отверстием на лезвии; кург. 6,

44, 64, п. 2 с топорами типа «Д» с отверстиями на лезвии; кург. 40, 49, 66, п. 3 с копьями и топорами; кург. 71 с копьем; кург. 66, п. 1 с топором и богатым поясным набором (Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII вв. у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье); 30 — с. Паново, кург. 15, 22 с копьями (А. А. Спицын. Отчет о раскопках С. А. Гатцука 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губерниях. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, стр. 113—118); 31 — с. Никольское, большой кург. 5 с боевым топором типа «Д» (А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 109—110); 32 — дер. Слобода, боевой топор типа «Г» (А. Н. Ляуданский. Археологические доследы... у Смаленщине. Працы катэдры археалёгіі, т. III. Менск, 1932, стр. 58, табл. XXI, 4); 33 — с. Гочево, кург. 101 с боевым топором типа «Д» и стрелой, кург. 30 с боевым топором типа «Д» с отверстием на лезвии (В. Н. Глазов. Отчет о раскопках, произведенных летом 1915 г. в Обоянском уезде Курской губернии. Архив ЛОИА АН СССР, 1915, г., д. 93, к. 30, стр. 11; к. 101, стр. 21); кург. 65 с боевым топором типа «Б» (В. Н. Глазов. Отчет о раскопках курганной группы близ с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии. Архив ЛОИА АН СССР, 1913 г., д. 123, стр. 23—24); кург. 1, п. 1 с боевым топором типа «Б», стрелой и остатками гривны (конец X в.); кург. 56 со стрелой, кург. 37 с боевым топором типа «Д», кург. 95 с боевым топором типа «Б» (см. П. С. Рыков. Отчет о раскопках, произведенных близ с. Гочева Курской губернии Обоянского уезда в июне-июле 1912 г. Архив ЛОИА АН СССР, 1912 г., д. 116, стр. 7); кург. 1 с саблей, «дротиковидным предметом», серьгой и 2 перстнями; кург. 2 с саблей (один из самых больших); кург. 13 с копьем и серьгой; кург. 14 с копьем; кург. 16, 18, 19, 20, 21, 22 со стелами; кург. 8 с боевым топором типа «Б»; кург. 5, п. 1 с боевым топором типа «Б», дротиком и браслетом, п. II с топором типа «Д»; кург. 6 с боевым топором типа «В»; кург. 9 с боевым топором типа «Д», кинжалом в ножнах и с серьгой; кург. 4 с боевым топором типа «Д» с отверстием на лезвии, 2 перстнями, обручком серебра; кург. 3 с боевым топором с отверстием на лезвии; возможно, также кург. 11, 12 с топорами (Д. Я. Самоковасов. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии. М., 1915; его же. Атлас Гочевских древностей. М., 1915); 34 — с. Воронцово, кург. с боевым топором типа «Г» ГИМ; 35 — дер. Хрипелева, кург. 6 с копьем, топором, 2 браслетами; кург. 5 с 2 топориками и 2 браслетами кург. 3 с большим и маленьким топорами и браслетом: кург. 4 с топориком и браслетом (в ГИМ сохранились еще 2 боевых топора из этой коллекции типа «Д» с отверстиями на лезвии (см. Указатель Исторического музея. М., 1893, стр. 202—203); 36 — с. Посад, кург. 1 с копьем, боевым топором, весами, монетами, 2 браслетами и 1 гривной; кург. 3 с топориком и гривной (ГИМ); кург. 1 с топором, 2 браслетами, 7 перстнями; кург. 2 с топором и браслетом; кург. 3 с 2 топорами и 3 браслетами (ГИМ, Указатель Исторического музея, стр. 195—199); в одном из этих курганов боевой топор типа «Д»; 37 — с. Васильевское, кург. с боевым топором типа «Б» (Гос. Эрмитаж); 38 — Рацкие курганы, кург. 16 с копьем и боевым топором типа «М» (Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии, стр. 191); 39 — с. Бреслав, кург. 2 с копьем и браслетом; кург. 5 с копьем, топориком и 2 браслетами (Ф. В. Покровский. Ук. соч., стр. 177); 40 — с. Загорье (Дисненское), кург. 6 с копьем (Ф. В. Покровский. Ук. соч., стр. 170—171); возможно, кург. 3 с топором типа «Д»; 41 — с. Овиновка, большой кург., с копьем и большой кург. с боевым топором типа «Д» (Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич. Извлечение из отчета об исследованиях и раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губ. ИАК, вып. 6, СПб., 1904, стр. 4); 42 — с. Ровнущина, кург. 26 с копьем и богатым поясным набором; кург. 29 с боевым топором типа «Д» с отверстием на лезвии (Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич. Ук. соч., стр. 2, 3); 43 — с. Кубличи, кург. с копьем (И. А. Сербов. Археологические памятники Ушацкого р-на Полоцкой округи. Працы археалёгічнай камісіі, т. II, Менск. 1930, стр. 208); 44 — с. Антуши, кург. с копьем (ГИМ); 45 — с. Грехов ручей, большой кург. с боевым топором типа «Г», курган со стрелой и браслетом (И. А. Тимомиров. Дневник раскопок, произведенных в Угличском уезде на Греховом ручье. Архив ЛОИА АН СССР, 1900 г., д. 82, к. 10, стр. 24—25); 46 — дер. Кирьяново, кург. с топориком и богатым поясным набором; кург. 30 с топором и браслетом; кург. 34 с топором и длинным ножом; возможно, кург. 40 с топором (Указатель Исторического музея, стр. 213—223); 47 — дер. Жуково, кург. 6 с топором, гривной, 2 браслетами, возможно, три кургана с топорами (Указатель Исторического музея, стр. 223—239); 48 — г. Тутаев, кург. с боевым топором типа «Д» и отверстием на лезвии (И. А. Тимомиров. Евчаковское курганное кладбище (отчет о раскопках 1929 г.). Архив ЛОИА АН СССР, 1929 г., д. 223, стр. 11—12, 25: топор хранится в Ярославском областном краевед. музее); 49 — с. Харитоново, кург. с боевым топором типа «М», 2 стрелами, 1 большой янтарной бусиной (относится к числу самых маленьких курганов), хранится в Ярославском областн. краеведч. музее (см. также Е. И. Горюнова. Отчет о раскопках в Ярославской области в 1954 г., Архив ИА АН СССР, 1954 г., д. 986); 50 — с. Владимирское, кург. 3 с топором и браслетом: кург. 17 с топором и дротиком; возможно, кург. 7, 16 — с топорами (Л. К. Ивановский. Отчет о раскопке курганов в Моложском уезде Ярославской губернии. Древности, т. IX, вып. 1, М., 1887, стр. 10—11, 16—17); 51 — с. Мятино, кург. 2 с топором, 2 стрелами и браслетом (ЗРАО, т. VIII (I—II), новая серия, СПб., 1896, стр. 160—161); 52 — с. Хрепле, большой кург. 20 с копьем и боевым топором типа «Д» с длинной ручкой, кург. 5 с копьем (А. В. Арциховский. Раскопки 1929 г. в Новгородском округе, стр. 27); 53 — с. Скарятина Гора, кург. 3 с 2 копьями и боевым тэ-

пором (А. А. Слицин. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова, стр. 59); 54 — с. Ольгин Крест, кург. 7 с копьем, топором и массивным браслетом; кург. 8 с копьем и браслетом (там же, стр. 61); 55 — с. Павлов Погост, кург. 220 со стрелой и 2 массивными браслетами; кург. 221 с боевым топориком и 2 массивными браслетами (там же, стр. 90—91); 56 — с. Верхоляны, кург. 365 с копьем и массивным браслетом; кург. 369 (трупосожжение) с топором (там же, стр. 107); 57 — с. Калихновщина, кург. 271 с боевым топором и браслетом; кург. 274, 308, 350, 311 (трупосожжение) — с копьем; кург. 280 с копьем и топором; кург. 288 с копьем, топором и массивным браслетом (в этом же кургане трупосожжение со стрелой); кург. 298 с копьем и стрелой; кург. 301 с копьем и топором; кург. 310, 312 со стрелой (трупосожжения); кург. 322 с копьем, железными шпорами и обломком от удила; кург. 349 с копьем и браслетом; кург. 275 с топором и браслетом; кург. 302 с топором (там же, стр. 96—106); 58 — с. М. Каменка, кург. 230 с копьем (там же, стр. 93); 59 — с. Крапивна, кург. 406 с копьем и браслетом (там же, стр. 112—113); 60 — с. Гусева Гора; кург. 147 с дротиком, топором и браслетом (там же, стр. 84); 61 — с. Борки, кург. 216 с дротиком, браслетом, богатым поясным набором (там же, стр. 89—90); 62 — дер. Межно, кург. 10, 11 с мечом (А. А. Слицин. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского, стр. 107—108); 63 — с. Ст. Сиверская, кург. 14 с мечом и 2 браслетами (там же, стр. 106); 64 — дер. Тяглино, кург. 7 с мечом (там же, стр. 59—60); 65 — с. Смердовицы, кург. 24 с мечом (там же, стр. 90); 66 — дер. Яблоницы, кург. 9 с мечом (там же, стр. 89—90); 67 — дер. Хотыницы, кург. 11, 24, 59 с мечом (там же, стр. 94—95); 68 — дер. Мутакюля, кург. 5, 11, 17 с мечом. Браслеты найдены лишь в курганах с мечами (11, 17) (там же, стр. 57); 69 — дер. Мануйлово, кург. 4 с медной булавой и копьем (Отчет о раскопках В. Н. Глазова в 1903 г. близ д. Мануйловой Ямбургского уезда. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, СПб., 1905, стр. 139—142); 70 — с. Челмужи, кург. 2, п. 3—1, топор в чехле с костяной обоймой по лезвию, 1 серебр. полая буса, бронз. кресало в виде фигур двух борющихся медведей, фрагм. железного стержня, обмотанного серебряной проволокой, п. II с копьем и топором; кург. 4, п. 1 со стрелой и топором, п. 2 с топором и 5 поясными бляшками (Гос. Эрмитаж); 71 — с. Кузнецово, самый большой кург. с копьем (В. Н. Глазов. Отчет о раскопках, произведенных в Псковской губернии в 1901 и 1902 гг. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903); 72 — с. Пустошь Плавь, кург. 16, 19, 20 с боевыми топорами (Л. К. Ивановский. Отчет о раскопке курганов в Моложском уезде Ярославской губернии, рис. 1, 10, 12, 14, стр. 11, 17—18).

Район Владимирских курганов, раскопанных А. С. Уваровым, нанесен на карту целиком, без выделения курганных групп, поскольку коллекция А. С. Уварова, хранящаяся в ГИМ, почти целиком депаспортизована. Можно лишь сказать, что в этом районе на сельских кладбищах имеются дружинные курганы X—XI вв., подобные дружинным курганам описанных видов. В этих курганах, кроме оружия (мечи, копья, стрелы, боевые топоры), встречаются украшения (гривны, серьги, браслеты), весы с гирьками и другие предметы, позволяющие говорить о дружинном характере погребений. Владимирские курганы, как и Приладожские и курганы северо-запада Новгородской земли (раскопки Л. К. Ивановского), будут нами рассмотрены специально при конкретном изучении Новгородской и Суздальской земель X—XIII вв.

Ю. Л. ЩАПОВА

О ПРИМЕНЕНИИ КАЧЕСТВЕННОГО СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА СТЕКЛА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СТЕКЛОДЕЛИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Современная археологическая наука при изучении того или иного производства обращает все большее внимание на состав материала и технологию производственного процесса, стремясь превратить результаты физических методов исследования в источник изучения ремесла и его развития.

Широкие химико-технологические исследования древних стекол, предпринятые специалистами силикатного производства в последнее время, помогли выяснить ряд интересных особенностей древнерусского стеклоделия¹.

Доказано, что для последнего характерно производство калиево-свинцовых стекол, а также, что для производства разных видов изделий применялось стекло различного состава. Высказан ряд интересных предположений о существовании стеклоделательных мастерских разных типов, о торговле стеклянным боем, о существовании обмена техническим опытом².

Изучение особенностей форм стеклянных изделий в сочетании с технологическими особенностями их производства убедительно доказывает существование в древности самостоятельного стекольного производства на Кавказе³, в Средней Азии⁴, на Руси⁵.

Однако несмотря на то, что многие вопросы истории стеклоделия можно считать решенными, ряд важных вопросов остается еще открытым.

Так, не решен окончательно вопрос о времени появления и распространения на Руси собственного производства стеклянных изделий⁶. Хотя Византия и признается одним из возможных источников проникновения стеклоделия на Русь, окончательно этот вопрос не решен, так как принципиальное отличие византийских и древнерусских рецептов стекловарения до сих пор не получило сколько-нибудь серьезных объяснений, а разница рецептов настолько велика, что можно говорить о существовании двух различных производственных школ.

¹ М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956; Н. Н. Качалов и В. В. Варгин. Старинные русские стекла. «Стекло и керамика», 1949, № 1; их же. Исследования некоторых старинных русских стекол. ДАН СССР, т. ХСVI, № 5, 1954; Н. Н. Качалов. Стекло. Л.—М., 1959.

² М. А. Безбородов. Древнерусские стекла XI—XIII вв. — их химический состав и технология производства. Сборник научных работ Белорусского политехнического ин-та, вып. 47, Минск, 1955.

³ Н. Н. Угрелидзе. К истории производства стекла в древней Грузии. Автореферат диссертации. Тбилиси, 1955.

⁴ Е. А. Давидович. Цветное оконное стекло XV в. из Самарканда. Тр. САГУ, вып. ХСIX, 1953, стр. 143, 156.

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 397—400; М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси..., стр. 97—106.

⁶ М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси..., стр. 260.

На основании опубликованных данных решить эти вопросы нельзя в силу их количественного недостатка и широкой датировки археологических материалов.

Пути увеличения количества материалов могут быть разными. Один путь — путь широкого внедрения в практику археологического исследования современных промышленных методов исследования свойств стекла.

Работы М. А. Безбородова основаны на использовании этих методов. Однако при применении к археологическому материалу химико-технологический способ обнаруживает известные недостатки. Для анализа требуется большая навеска стекла (вес образца должен быть равен 5 г), причем образец уничтожается полностью. Исследование требует больших затрат времени и средств. Указанный способ трудно применить для исследования бус и мелких осколков других предметов. Сложность применяемой методики ограничивает возможность количественного роста материала.

За последнее время для изучения состава древнего стекла стали применять методы спектроскопических анализов. Требования малых навесок, скорость выполнения при достаточной чувствительности делают эти методы весьма перспективными в изучении истории древнего стеклоделия.

В лаборатории Польской Академии наук проводились исследования по точному спектроскопическому определению количественного содержания элементов в пробе⁷. Они дали очень ценные результаты, но методика таких исследований очень сложна и трудоемка. Н. Н. Качалов и В. В. Варгин применили для изучения состава стекла методику качественного спектрального анализа на содержание элементов, без точного определения их количественных значений⁸.

П. И. Балабан и М. К. Рахимов, анализируя глазури из гробниц Гур-Эмир и Биби-Ханым химически и спектрально, предложили для обозначения относительной величины концентраций цифровые обозначения от «1» до «5»⁹.

Еще раньше К. Зелигман и Бек применили систему буквенных обозначений очевидной разницы процентного содержания элементов в пробе. Предложено различать пять разных приблизительных количеств; «очень много», «много», «мало», «следы» и «0», означающий отсутствие элемента¹⁰.

Таким образом, известны несколько способов обозначения количественно разного содержания элементов, интересующих историков стеклоделательного ремесла, которые определяются с помощью спектрального анализа. Мы считаем наиболее удачным последний вариант. Наш способ очень близок к нему и отличается только тем, что вместо буквенных шифров применены шифры числовые, так, как у П. И. Балабана и М. К. Рахимова, с той только разницей, что «1» обозначается наибольшее содержание элемента в пробе, «2» — значительное содержание, примесь; цифрами «3» и «4» обозначается постепенно убывающее количество; цифрой «5» обозначаются следы; цифрами «5,5» — следы следов¹¹.

Одним из основных выводов, следующих из результатов химического анализа стекла, является отнесение его по составу к определенной груп-

⁷ М. А. Безбородов. Стеклоделние в древней Руси..., стр. 293.

⁸ Н. Н. Качалов и В. В. Варгин. Ук. соч.

⁹ П. И. Балабан и М. К. Рахимов. Средневековые глазури Узбекистана. «Стекло и керамика», 1955, № 5, стр. 18—20; М. А. Безбородов. Стеклоделние в древней Руси..., стр. 113—114.

¹⁰ С. I. Seligman and H. C. Beek. Far Eastern Glass Some Western Origins. The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1938, № 10, стр. 53—55.

¹¹ Система цифровых индексов или шифров в таком виде предложена сотрудниками археологической лаборатории при Ленинградском отделении ИА АН СССР.

пе стекол свинцовых или бессвинцовых натриевых, калиевых или бесщелочных, т. е. определение сочетания основных элементов стекломассы, употребленной на изготовление того или иного изделия.

Детальное рассмотрение результатов химического анализа позволяет сделать вывод, что при отнесении стекол к определенной группе можно пренебречь точностью определений процентного содержания основных стеклообразующих элементов¹².

Практически для этого оказывается достаточным определение содержания данного элемента выше или ниже какого-либо количественного предела¹³. Просмотр всех опубликованных анализов древнерусского стекла убеждает нас в справедливости нашего мнения.

Отнесение состава стекол к какой-либо группе, на основании химических анализов, опубликованных Н. Н. Качаловым и В. В. Варгиным, совпадает с делением стекол на группы, основанным на данных, полученных в результате спектрального анализа тех же стекол, во всех без исключения случаях.

Детальное совпадение результатов еще раз убеждает нас в том, что если исследователь интересуется группа, к которой относится состав того или иного древнего изделия из стекла, то от химического анализа в его полном виде можно отказаться. Правда, при таком исследовании некоторые характеристики остаются вне поля зрения (например, температура варки, «длина» стекол и некоторые другие). Но до тех пор, пока не решены вопросы первостепенной исторической важности, вопросы более детальных характеристик можно оставить без внимания.

* * *

В Лаборатории спектрального и структурного анализа кафедры археологии исторического факультета Московского университета методика качественного элементарного спектрального анализа была применена к исследованию древнерусских стекол из новгородских раскопок на Неревском конце в 1951—1955 гг.¹⁴

Для фотографирования спектра нами был использован спектрограф ИСП-22.

Проба в виде тонкого скола стекла весом не более 0,5 г без всякой предварительной обработки помещается в кратер угольного электрода. В качестве верхнего электрода берется такой же спектрально чистый уголь, заточенный на притупленный конус. После обжига, длящегося 40 сек, в течение 45 сек на диапозитивную пластинку при нормальных условиях горения дуги снимается спектр. Режим горения дуги: сила тока 6 а, аналитический промежуток 2 мм, генератор ПС-39. Для проявления пластинки применяется проявитель стандартного состава, в котором пластинка обрабатывается в течение 4 мин. Обработка в стандартном закрепителе ведется в течение 5—10 мин. Расшифровка производится на спектропроекте ПС-18 с помощью «Атласа» С. К. Калинина¹⁵.

¹² Например, при анализе двух стеклянных браслетов из Херсонеса, несмотря на значительную разницу в процентном содержании определяемого элемента (натрия анализом 108 определено 22,24%, анализом 201—12,53%), оба браслета были отнесены к типу натриево-кальциевых стекол. См. М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси..., стр. 208, табл. 26. Подобные примеры можно умножить.

¹³ В некоторых случаях хотелось бы предложить иную классификацию составов стекол по сравнению с той, которая дается М. А. Безбородовым. Например, правильнее было бы составы стекол образцов №№ 22, 110, 126 и 154 отнести к разным группам калиево-кальциевых (ан. № 22), натриево-калийно-кальциевых (ан. 110 и 126), калиево-натриево-свинцовых (ан. 154) кремнеземных стекол, а не объединять их в одну группу калиево-кальциевых стекол. См. М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси..., стр. 24—233, табл. 30 и 31.

¹⁴ Весь комплекс аналитических работ выполнен А. Н. Репиным и автором настоящей статьи.

¹⁵ С. К. Калинин, А. А. Явнелъ, Л. Э. Неймарк, А. И. Алексеева, Атлас спектральных линий для кварцевого спектрографа. М., 1952.

Как показало наблюдение спектрограмм, наиболее яркие признаки различия обнаруживаются при изучении основных компонентов стекло-массы. Как известно, стекло представляет собой сложный по составу расплав. Элементы, входящие в его состав, делятся на две группы: первая группа — главные, или стеклообразующие материалы, вторая группа — материалы вспомогательные¹⁶.

Стекла разных составов характеризуются разным сочетанием основных стеклообразующих материалов¹⁷.

Для стекол, происходящих из различных пунктов древней Руси, установлено существование следующих типов составов: стекла свинцово-кремнеземные, калиево-свинцово-кремнеземные, натриево-кальциево-кремнеземные, калиево-кальциево-кремнеземные, разные.

Основных стеклообразующих материалов пять: свинец, калий, натрий, кальций, кремний.

Определение отсутствия элемента или присутствия его в виде следов, т. е. в концентрациях, близких к 0,0001—0,001%, обозначаемой цифрами «5» и «5,5», при высокой чувствительности прибора является наиболее простой задачей. Обнаружение элемента в таких незначительных количествах или близких к ним может свидетельствовать в пользу того, что данная примесь попала в стекломассу вместе с каким-либо сырьем, а не введена в нее специально.

Цифрами «4» — «1» обозначается содержание элемента по возрастающей степени.

В результате расшифровки пластинки с применением указанных шифров составляется таблица, имеющая следующий вид (табл. 1).

Цифрой «1» свинец обозначается в том случае, когда линия λ 4057,8 Å имеет ширину 8 мм, а линия λ 2833,1 Å имеет ширину 4 мм при ширине области самопоглощения, равной 1 мм; цифрой «2» — когда линия λ 4057,8 Å имеет ширину 4 мм, а линия λ 2833,1 Å ширину 2—2,5 мм при ширине области самопоглощения, равной 0,5 мм; цифрой «3» — когда линия λ 4057,8 Å имеет ширину 4 мм, а линия λ 2833,1 Å при ширине 2 мм почти не имеет области самопоглощения; цифрой «4» — когда линия λ 4057,8 Å больше 1 мм, но меньше 1,5 мм, а линия λ 2833,1 Å равна 1 мм.

Калий обозначается цифрой «2», когда линия λ 4044,2 Å и λ 4047,2 Å сливаются в одну без промежутка; цифрой «3» — когда промежуток едва намечается; цифрой «4» — когда промежуток четко обозначен между линиями и ширина линии λ 4047,2 Å равна ширине линии λ 4045,8 Å спектра железа «Армко»¹⁸.

Натрий обозначается цифрой «2» в том случае, когда ширина линий λ 3303,0 Å и λ 3302,3 Å почти равна ширине двух линий калия λ 4047,2 Å и λ 4044,2 Å, т. е. равна 4 мм; цифрой «3» — когда ширина линий натрия приблизительно равна 3 мм; цифрой «4» — когда при ширине линий 1,5—2 мм едва заметен промежуток между линиями.

Кальций обозначается цифрой «2», когда линии λ 3933,7 Å и λ 3968,5 Å имеют ширину 2—3 мм; цифрой «3» — при ширине линии λ 3933,7 Å в 1,5 мм и ширине линии λ 3968,5 Å — 1 мм; цифрой «4» — когда линия λ 3933,7 Å равна ширине линии железа λ 3969,2 Å.

Алюминий обозначается цифрой «3», когда ширина линии λ 3961,5 Å равна ширине линии железа λ 4045,8 Å; цифрой «4» — когда та же линия равна по ширине линии железа λ 3969,2 Å или четкая, но уже нее.

¹⁶ Я. А. Школьников, Г. А. Удовенко, Б. М. Полик. Технология стекольного производства. М., 1952, стр. 10—33.

¹⁷ Терминология технологии стекла, ч. 1. Классификация стекол по их химическому составу. М., 1938.

¹⁸ Железо снимается с выдержкой 7—8 сек.

Таблица 1

№№ пл.	Паспорт, название	Цвет	Cr	K	Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Mg	Pi	As	Cd
1	Н-53 пл. 23 кв 167 перстень . . .	Сипий	5	2	3	5	5,5					3	4	2			5		1	5	2		
2	Н-53 пл. 26 кв 35 "	Густо-синий	4	4	3	2	3	3	4		5,5	2	5	3	5		5,5	5	1	3	5		
3	Н-55 пл. 20 кв 1065 "	Фиолетовый	5	2	3	5	5,5					4	5,5	3	5		5		1	5	2		
4	Н-55 пл. 14 кв. 902	Ярко-желтый	5,5	5	5	4	4		5	5,5			3					1	4	4	1	5,5	
5	Н-55 пл. 12 кв. 891 сосуд	Бесцветный	4	5,5		2	5					2		5,5				1	3	3	5,5		
6	Н-55 пл. 12 кв. 1107 осколок . . .	"	4	3	5,5	4	5		5,5			2		5				1	3	3	5,5		
7	Н-55 пл. 14 кв. 896 сосуд	Св.-коричнев.	5	2	3	2	4					2	5,5	5	4		5		1	3	5		
8	Н-54 пл. 21 кв. 836 "	Неопредел.	4	2	3	3	3	3	5,5	4				4	5,5	5		1	4	4	5,5		4
9	Н-56 пл. 24 кв. 1146Б ручка сосуда	Св.-желтый	4	4	4	3	4					2		4	5,5		5,5		1	2	5,5		
10	Н-56 пл. 20 кв. 117С сосуд	Зеленоватый	5	2	4	2	4					4	5,5	4	5		5		1	3	5		
11	Н-56 пл. 22 кв. 1203 "	Желтоватый	5,5	2	5,5	4	5		5,5			5	5	5	5,5	5,5		1	5	2	5,5		
12	Н-56 пл. 23 кв. 1214 "	"	5,5	2	5,5	4	5					5	4	5	5,5	5,5		1	5	2	5,5		
13	Н-56 яр. 24 кв. 1152 "	Голубоватый	5	5	4	3	4		5,5			2		5	5,5		3		1	2	5,5		
14	Н-51 пл. 25 кв. 21 "	Фиолетовый	5,5	2	3	4	5		5,5	5		4	5	5	5,5			1	4	4	2		
15	Н-51 пл. 23 кв. 24 "	Голубой	5,5	3	5	3	4		5,5			3	4	2			5		1	4	2		
16	Н-56 пл. 23 кв. 1194 "	Густо-синий		4	3	2	2					2	5	4	5,5		5		1	4	2		
17	Н-56 пл. 20 кв. 1246 "	Ярко-синий	5	2	3	3	5		5,5	5,5		5	4	2	5,5		5		1	5	2		
18	Н-56 пл. 13 кв. 1390 "	Зеленоватый	5,5	2		3	4		5,5	5,5		4	5	5	5,5			1	5	5	5,5		
19	Н-55 пл. 16 кв. 1215 перстень . .	Зеленый	5,5	2	5,5	4	5		5,5			4		2	5,5		5		1	4	2		
20	Н-55 пл. 24 кв. 1020 "	"	5,5		5,5	5	5		5,5		5,5	5,5	5	2	5,5			1	4	4	1		
21	Н-55 пл. 24 кв. 1095 "	"		5	5	5	5		5,5			5,5	5	3	5,5			1	4	4	1		
22	Н-56 пл. 8 кв. 1394 оконное . . .	Св.-зеленый	5,5	3	5,5	2	3		5,5	5,5		2	5	4	5,5		5,5		1	5,5	5		

Медь обозначается цифрой «2», когда ширина линии λ 3247,5 Å равна 4 мм, а ширина линии λ 3274,0 Å равна 3 мм с полутенью; цифрой «3» — когда четкие линии λ 3247,5 Å имеют ширину 2 мм и линия λ 3274,0 Å ширину 1,5 мм; цифрой «4» — когда обе линии почти равны 1 мм, а линия λ 3247,5 Å равна линии железа λ 3306,3 Å.

Олово обозначается цифрой «2» при ширине линии λ 3175,0 Å при ширине линии 3 мм (промер без полутени); цифрой «3» — когда ширина линии λ 3175,0 Å равна 2 мм; цифрой «4» — когда та же линия имеет ширину до 1 мм, линия четкая.

Марганец обозначается цифрой «3» в том случае, когда линии λ 4030,8 Å, λ 4033,1 Å, λ 4034,5 Å прикрывают друг друга; цифрой «4» — когда те же линии видны отдельно и интенсивностью равны интенсивностям линий марганца в железе.

Магний обозначается цифрой «3», когда линия λ 2852,3 Å имеет ширину 1—1,5 мм; цифрой «4» — когда эта же линия имеет 0,5—1 мм в ширину; цифрой «5» — когда та же линия, но слабая, имеет ширину около 0,5 мм.

По указанной методике съемки и расшифровки спектров нами были исследованы более 300 находок стеклянных изделий из Новгорода.

Качественные различия составов оказались очень большими, но все различия мы смогли систематизировать:

1) при наличии в составе стекла свинца, обозначенного «1», отсутствовали оба щелочных металла, а кальций присутствовал в количествах следов или следов следов; 2) при наличии в составе свинца, обозначенного через «2», как правило, обнаруживался калий в количестве порядка «2», натрий и кальций в следах; 3) в редких случаях в количестве «2» обнаруживался натрий, а калий и кальций в следах; 4) еще реже в количестве «3» обнаруживался и калий и натрий; 5) наличие натрия требовало отсутствия свинца либо присутствия его в «следах» или «в следах следов», часто с натрием связано наличие кальция в количестве «2» или «3»; 6) изредка встречается сочетание калия в количестве «2» с таким же или «3» количеством кальция. Наблюдалось также сочетание натрия «3», калий «3», кальций «2» или «3».

* * *

Для новгородских стеклянных изделий нами установлено применение шести различных типов составов стекол. Среди них следующие: свинцовые бесщелочные, калиево-свинцовые, натриево-свинцовые, калиево-натриево-свинцовые, натриево-кальциевые, калиево-кальциевые, калиево-натриево-кальциевые. Применение подобных типов стекол, кроме шестого, установлено Г. Вульфом, М. А. Безбородовым, Н. Н. Качаловым и В. В. Варгиным для стекол, происходящих из разных пунктов древней Руси¹⁹. М. А. Безбородов установил существование еще одного типа — калиево-натриево-свинцовых стекол²⁰.

После того как изделие по составу стекла было отнесено к определенному типу, следовало определение цвета изделия и его оттенка, производившееся нами по шкале цветов²¹. Из подсчета числа изделий исключались изделия одинакового основного состава, цвета (оттенка цвета) и всех микропримесей. К сожалению, для решения более интересных вопросов по истории стеклоделия — установления свит микроэлементов так, как это делается для изделий из черного металла, описываемый метод не может быть применен.

¹⁹ М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси..., стр. 239—251; Г. Вульф. Химические анализы. ИАК, вып. 7, 1906; Н. Н. Качалов и В. В. Варгин. Уж. соч.

²⁰ М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси..., стр. 195, анализ № 48.

²¹ А. С. Бондарцев. Шкала цветов М.—Л., 1954.

Железные изделия, изготовленные в условиях сыродутной техники, обладают микропримесями в чистом виде, состав которых определяется особенностями месторождений руд, и может поэтому служить надежным геохимическим индикатором.

Стекло — это сложный расплав, в состав которого входят несколько составляющих: песок, щелочи, известь, окись свинца и т. д. Каждый из этих компонентов содержит свои микропримеси, которые меняются в зависимости от источника происхождения материала. В стекло вводится краситель — как правило, окись металла, имеющая свои микропримеси. При стекловарении предполагается также перемешивание шихты со стеклянными боем для лучшего провара стекломассы. Таким образом, создается очень сложный состав микропримесей, включающий в себя иногда до 7—10 элементов. Определение микропримесей позволит лишь отличить осколки одного изделия от других или выявить среди разных изделий стекло одной варки, т. е. вышедшее из одной мастерской.

В практике археологических исследований мы уже имели дело с определением вещей, вышедших из одной мастерской, изготовленных одним мастером. Обработка материала анализов с этой целью очень трудоемка, но значение выводов, которые будут сделаны на таких объективных основаниях, трудно переоценить.

Итак, нами изучено с применением вышеописанной методики 300 изделий из стекла, происходящих из Новгорода. Преимущества новгородского материала, определяющиеся его четким хронологическим членением, дают возможность определять время находок со значительной точностью.

Это обстоятельство позволило проверить правильность выводов, сделанных ранее, и решить некоторые новые вопросы по истории стеклоделия древней Руси. Ранее было установлено, что стеклянные изделия разного назначения изготавливались из стекол разного состава. Нам же удалось установить, что стекла разного состава употреблялись на изготовление разных изделий в разное время (табл. 2). Например, изготовление перстней из многосвинцового стекла, приходящееся на XI в., совпадает по времени с изготовлением смальт того же состава, посудных стекол и отчасти браслетов.

Установлено, что новая технология производства калиево-свинцовых стекол, которые шли на изготовление перстней, посуды, оконного стекла, браслетов, бус, привесок и т. д., появляется в начале XII в.

Таким образом, перстни, посуда, смальты из многосвинцового стекла являются характерными для XI в., а те же самые изделия и браслеты, изготовленные из калиево-свинцового стекла, — для XII в. и моложе. Для указанных отрезков времени оказался характерным не только состав, но и цвет стекла. Например, для XI в. характерны перстни желтые и зеленые (со всеми оттенками цвета), зеленые сосуды, желтые, зеленые, коричневые смальты. Смальты, кроме того, бывают печеночно-красными²².

Технологическое родство всех указанных видов изделий позволяет предположить их связь с производством многосвинцовых стекол для смальт, употреблявшихся именно в XI в. на украшение внутренних пространств строящихся церквей. В XII в. украшение интерьеров мозаикой исчезает, уступая украшению их фресками²³.

Исчезновение в XII в. технологии изготовления многосвинцового стекла для указанных видов изделий связано не только с прекращением производства смальт. Другой причиной изменения технологии послужило изобретение новой технологии стекловарения, произошедшего в пределах древней Руси где-то на рубеже XI—XII вв.

Для перстней XII в. характерна другая окраска: они синие, фиолетовые, редко черные. Зеленых перстней на 41 находку калиево-свинцовых

²² Печеночно-красные изделия других категорий в Новгороде не обнаружены.

²³ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, М.—Л., 1958, стр. 405.

Таблица 2

Ярусы	Тип стекол						
	Натриево-кальцево-кремнеземные	Натриево-кальцево-кремнеземные	Калиево-кальцево-кремнеземные	Свинцово-кремнеземные	Натриево-свинцово-кремнеземные	Калиево-натриево-свинцово-кремнеземные	Калиево-свинцово-кремнеземные
1							
2							
3							
4							
5							
6							
7							
8							
9							
10							
11							
12							
13							
14							
15							
16							
17							
18							
19							
20							
21							
22							
23							
24							
25							
26							
27							
28							

перстней только 2, желтых нет вовсе. Бесцветные сосуды изредка украшены синими и фиолетовыми нитями. Позже второй половины XIII в. перстни из калиево-свинцового стекла в Новгороде не встречаются. В XIII в. встречено небольшое количество перстней, изготовленных из

многосвинцового стекла, подобного тому, которое было употреблено на их изготовление в XI в.

Сосуды калиево-свинцового стекла характерны для Новгорода XII в. Самые поздние находки их приходятся на первую четверть XIII в.; таким образом, посуда исчезает раньше, чем исчезают в Новгороде перстни и, тем более, браслеты²⁴. И перстни, и посуда калиево-свинцового стекла перестают бытовать в Новгороде в то время, когда распространение браслетов того же состава достигает наивысшего уровня, а наибольшее распространение посуды совпадает с начальным этапом распространения браслетов²⁵.

Напрашивается вывод о наличии разных источников происхождения новгородской посуды и перстней, с одной стороны, и браслетов, — с другой. Предположение о ввозе посуды из-за рубежей древней Руси отпадает в силу уже установленного характерного для древней Руси производства изделий из этого сорта стекла. Следовательно, нужно искать место их производства где-то в пределах Руси.

Сосуды аналогичной новгородским формы и состава стекла в большом количестве встречаются на южнорусских городищах, они найдены и в Киеве, в мастерских киевских стеклоделов; на остальной территории древней Руси находки их относительно редки.

Исчезновение их из новгородского культурного слоя в первой трети XIII в. заставляет предполагать, что центр производства находился на территории, подвергшейся татаро-монгольскому разорению и, в частности, в самом Киеве.

Находки изделий из натриево-кальциевого стекла составляют третью большую группу находок.

Для этих изделий, которые мы считаем привозными, можно наметить три периода существования: первый период начинается со второй половины X в. и заканчивается в середине XII в., второй — приходится на вторую половину XIII — начало XIV в., третий — на XV в.

Вещи первого периода, как правило, являются привозными из Византии, судя по многочисленным аналогиям и некоторым особенностям технологии изготовления и декора сосудов; на основании тех же признаков вещи второго периода считаются привозными из Сирии, третьего — из Западной Европы, главным образом из Северной Германии и Франции. Среди европейских вещей, очевидно, небольшая часть может принадлежать венецианским. Можно предположить, что появление на новгородском рынке продукции европейских стеклоделов связано с деятельностью ганзейских купцов.

Итак, знакомство населения древней Руси с изделиями из стекла началось с предметов развитого стеклоделия Византии и Востока. Из Византии ввозили посуду, перстни, браслеты, бусы, смальты. Украшения и посуда проникали в быт верхушки феодального общества в виде «узорочья», греческой дани или товаров восточных купцов²⁶.

Принятие христианства из Византии явилось решающим обстоятельством для истории русского стеклоделия, обусловившим его возникновение и направление его первоначального развития.

Украшение храмов цветной смальтой, как в Византии, требовало вначале ввоза «мусии»²⁷, но уже в XI в., как это установлено археологами, в Киеве было налажено производство мозаики. XI век в истории русского стеклоделия — время, когда творчески усваивается византийская технология производства стекла, постепенно изменявшаяся в новых условиях.

²⁴ Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, стр. 120—123.

²⁵ Там же.

²⁶ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ, т. 1, СПб., 1846, стр. 13, 19; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 78, 79.

²⁷ Патерик Киево-Печерского монастыря. Издание Археографической комиссии под ред. Д. И. Абрамовича, СПб., 1911.

Развитие стеклоделия шло путем постепенного перехода от варки стекла по античному рецепту, известному в Византии (на натриевой щелочи с добавлением окиси кальция), и варки смальт по византийскому рецепту (с большой примесью окиси свинца) к изготовлению стекол по другим рецептам.

Начав, видимо, с опытов частичной замены привозной золы (золы морских растений, содержащей натриевые соли)²⁸, золой растений местных пород, мастера-стеклоделы перешли к опытам более решительным, в результате чего на рубеже XI—XII вв. появляются чрезвычайно разнообразные по составу стекла, употреблявшиеся на изготовление перстней, браслетов, бус, посуды.

Только так, нам кажется, можно объяснить редкие случаи появления натриево-кальциевых и калиево-кальциевых стекол. Новгородские находки изделий этого состава одновременные с аналогичными по характеру находками в мастерской Киево-Печерской Лавры, убеждают в справедливости наших предположений.

Объединение производства разных видов изделий из разных сортов стекла в одной мастерской²⁹ обусловило знание мастерами обеих технологий, шедших из Византии, и это не могло не послужить основанием для опытов по их сочетанию. Видимо, экспериментам подобного рода и обязательно появление натриево-свинцовых смальтовых и посудных стекол, натриево-калиево-свинцовых смальт, посуды, перстней, оконного стекла и, в конце концов, появление калиево-свинцовых стекол. Весь указанный процесс изобретения новой технологии протекал довольно быстро, и к началу XII в. новый рецепт стекловарения вытеснил иные, став исключительно характерным для древнерусского стеклоделия.

Сложность этого процесса нашла свое выражение в той пестроте составов стекол конца XI в., которая стала известна благодаря сплошному спектроаналитическому исследованию хорошо датированных новгородских находок из стекла и сопоставлению наших результатов с результатами химико-технологического изучения древнерусских стеклянных изделий, проведенных М. А. Безбородовым и др.

Имевшийся до начала наших работ материал представлял собою ряд установленных фактов из истории стеклоделия, датированных суммарно XI—XIII вв. Широкая датировка не позволяла распределить материал по более узким хронологическим отрезкам, но именно такое членение материала и даст возможность решить вопросы о времени появления новой технологии и путях ее изобретения.

Очевидная простота нового рецепта, низкие температуры варки и хорошие выработочные свойства получаемой стекломассы обеспечили быстрое и широкое распространение этой технологии по всей территории древней Руси, начиная с XII в. В связи с этим надо думать, что широкое производство стеклянных браслетов, находки которых стали отличительным признаком древнерусского городского культурного слоя, начинается в самом начале XII в., так как основная масса известных нам древнерусских браслетов изготовлена из стекла калиево-свинцового.

Изготовление браслетов отличается чрезвычайной технологической простотой. Из стеклянной массы требуется вытянуть жгут, обрезать его, изогнуть по форме и отжечь. Простота изготовления стеклянного теста в сочетании с простотой технологии изготовления стеклянного браслета обеспечили широкое распространение именно этого производства, доказательством чему служат многочисленные находки мастерских по изготовлению стеклянных браслетов на территории древней Руси.

Изготовление бус предполагает знание более сложной технологии, а

²⁸ Е. В. Цинзерлинг. О золе растений, применявшейся в стекловарении XI—XVI вв. Изв. ИАТ, вып. 1, Пг., 1922; М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси..., стр. 89.

²⁹ М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 260.

именно навивку стеклянного жгута вокруг металлического или каменного стержня. Среди бус русского производства в первую очередь должны быть названы бусы зонные, винтовые, часть эллипсоидных и битрапециодных. Владение техникой вытягивания жгута и техникой навивки было характерно для стеклоделия на всей территории древней Руси в канун татаро-монгольского нашествия.

Стеклоделы киевских мастерских, кроме техники вытягивания и навивки, владели еще техникой литья стеклянной массы (для смальт), техникой дутья (для оконного стекла и посуды). Однако, судя по находкам, византийцы передали русским мастерам только часть своего искусства, оставив многое в секрете.

Таким образом, можно сделать вывод, что стеклоделие на всей территории древней Руси находилось еще на начальных этапах развития, а развитие его в Киеве в XII в. протекало при неблагоприятной политической обстановке. С начала второй половины XII в. Киев в результате феодальных усобиц был неоднократно осажден и подвергался разрушению.

Другим важным обстоятельством явилось падение Константинополя в результате разгрома его крестоносцами, сопровождавшееся вывозом ремесленников (в частности, стеклоделов) в Венецию.

Развитие древнерусского стеклоделия было насильственно прервано татаро-монгольским завоеванием Руси. Жестокому разорению, сопровождавшемуся поголовным истреблением населения, уводом ремесленников в плен и т. д. подвергся центр стеклоделия — Киев. Такая же участь постигла и многие другие города. Все это привело в состояние крайнего упадка экономику и культуру страны.

В городах, не разоренных татарами, сохранились все виды ремесел, в том числе и стеклоделие; но, поскольку это ремесло только начало развиваться, оно пришло в упадок вместе с общим (хотя и временным) упадком культуры и, постепенно деградируя, на протяжении жизни двух поколений исчезло совсем. Тем не менее, судя по новгородским находкам, интерес к этому великолепному материалу и изделиям из него не исчез.

Такова в самых общих чертах история древнерусского стеклоделия на основании комплексного исследования изделий из стекла, где одно из первых мест принадлежит спектральному изучению его состава.

Однако это не означает полного отказа в настоящее время и от анализа химического, применение которого углубляет и уточняет наше знание истории древнерусского стеклоделия.

Г. К. ВАГНЕР

К ИЗУЧЕНИЮ РЕЛЬЕФОВ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА В г. ЮРЬЕВЕ-ПОЛЬСКОМ

Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском (1230—1234) представляет собой последнее создание блестящего владими́ро-суздальского искусства. Неоднократно разрушавшийся, он дошел до нас далеко не в первоначальном виде. В 1471 г. Василий Ермолин пытался восстановить собор, находившийся в то время в руинах. Им была заново сложена почти вся южная стена и верх собора, начиная от междурусного колончатого пояса. Ранее бывшие на этих частях белокаменные рельефы вставлялись В. Ермолиным в новую кладку по существу бессистемно, лишь с сохранением геральдичности некоторых композиций¹. В результате образовалось сложное переплетение рельефов, названное Н. Н. Ворониным «каменной загадкой»².

До начала XX в. серьезных попыток реконструировать резное убранство верха собора не делалось. В 1910 г. К. К. Романов первым попытался реконструировать некоторые пластические композиции на христианские темы, находившиеся, по его мнению, в закомарах собора³. Н. Н. Воронин предложил примерную схему размещения всех выявленных композиций на фасадах собора⁴. Позже С. Г. Щербовым были определены дополнительные композиции, тоже на христианские темы⁵. На основе всех старых и новых материалов Н. Н. Воронин дал более разработанную схему размещения христианских композиций на фасадах собора⁶.

Кроме сюжетных композиций христианского характера, в декор верхних частей собора входило много рельефов с зверями, птицами, чудищами и т. д. Не вызывает сомнения, что они находились в верхних делениях фасадов собора, т. е. над колончатым поясом, сосредотачиваясь главным образом по сторонам окон⁷. Н. Н. Воронин обратил внимание на то, что некоторые рельефы со зверями входили каким-то образом в

¹ К. К. Романов. Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском. ИАК, вып. 36, СПб., 1910, стр. 71—78.

² Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 300.

³ К. К. Романов. Ук. соч., стр. 81—84; его же. К вопросу о технике выполнения рельефов собора св. Георгия в Юрьеве-Польском. *Seminarium Kondakovianum*, сб. II, Prague, 1928, стр. 159—160; его же. «Святославов крест» в г. Юрьеве-Польском. Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому. СПб., 1911, стр. 209.

⁴ Н. Н. Воронин. Владимир-суздальское зодчество XI—XIII вв. Докторская диссертация. Архив ИИМК АН СССР, ф. 1, № 359, стр. 766.

⁵ С. Г. Щербов. Белокаменные рельефы Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (XIII век). Кандидатская диссертация, ВВЛ, стр. 60—61. По мнению С. Г. Щербова, скульптурные композиции на христианские темы находились не на фасадах, а в интерьере собора, в его иконостасной стенке. Однако для подтверждения этой теории нет достаточных данных. Невысокая иконостасная преграда, по-видимому, только начала зарождаться во владими́ро-суздальских храмах, каменных же стенок в то время совсем не было (ср. В. Н. Лазарев. Два новых памятника русской станковой живописи XII—XIII вв. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 75). Если бы такая стенка существовала в Георгиевском соборе, то сведения об этом необычном явлении должны были сохраниться до 1471 г. и стать известными В. Ермолину.

⁶ Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской, стр. 308—311.

⁷ Н. Н. Воронин. Владимир-суздальское зодчество..., стр. 761; С. Г. Щербов. Белокаменные рельефы..., стр. 78; В. Н. Лазарев. Скульптура Владимир-Суздальской Руси. История русского искусства, т. I, М., 1953, стр. 434.

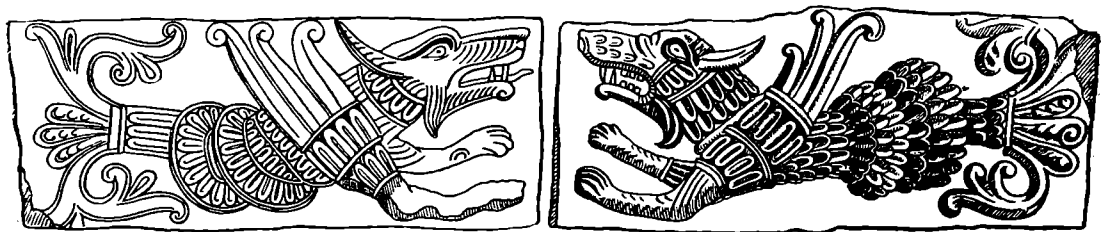

Рис. 1. Изображения драконов на восточном прясле южного фасада Георгиевского собора (1230—1234)

более сложные композиции⁸. Еще Ф. Халле отмечено, что вся резьба Георгиевского собора, в отличие от резьбы предшествовавших памятников владимиро-суздальского зодчества, была подчинена единому повествовательному замыслу⁹. Таким образом, установление первоначального положения если не всех, то хотя бы главных рельефов со зверями и чудищами Георгиевского собора может дать много нового в смысле уточнения всей архитектурно-художественной концепции, овеществленной мастерами в этом замечательном памятнике.

Определить первоначальное положение всех рельефов со зверями и чудищами трудно. В настоящей заметке делается попытка сюжетно осмыслить и определить возможное первоначальное положение двух рельефов с драконами, являющихся уникальными произведениями во всей владимиро-суздальской пластике¹⁰.

Два продолговатой формы камня с драконами (рис. 1) в настоящее время находятся в восточном делении южного фасада собора, во втором (сверху) ряду рельефов, занимая в нем крайние места, т. е. соприкасаясь с местами лопаток собора¹¹. Между драконами находится несколько камней с растительным орнаментом.

Драконы обращены головами друг к другу. Они представляют собой фантастические существа с головами и лапами собаки или волка, крыльями птицы и змеиными хвостами. Вытянутые пасти драконов оскалены, языки высунуты, уши прижаты к затылку, на шее изображены бородки. Хвосты драконов трактованы очень оригинально: они образуют двойную спираль или двойной узел, из которого торчат раздвоенные окончания хвоста в виде двух закрученных внутрь растительных побегов. Между побегими помещены трехлепестковые пальметки.

Тожественные иконографически, драконы различаются по технике исполнения. Левый дракон¹² совершенно плоский, прочерчен по контуру врезной линией; врезными же линиями намечены все детали тела вплоть до оперения крыльев и чешуи хвоста. Правый дракон¹³ пластичный, отличается большей игрой свето-тени. Его чешуя выполнена в виде ложкообразных ячеек с изломом в середине и с закруглениями на концах.

Как известно, почти вся южная стена собора была сложена В. Ермолиным заново, для чего были использованы старые квадры белого камня, в том числе и камни с рельефами. При этом на южную стену попали рельефы, находившиеся ранее на других стенах, в частности и на северной¹⁴. Н. П. Кондаков и К. К. Романов даже считали, что В. Ермолин

⁸ Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество..., стр. 768.

⁹ F. Halle. Die Bauplastik von Wladimir Susdal. Berlin, 1929, стр. 36.

¹⁰ Среди рельефов Георгиевского, а также Дмитриевского соборов встречаются чудища с змеевидными хвостами, но передняя часть их туловища изображает либо грифа, либо птицеподобное существо, поэтому они не могут быть названы драконами.

¹¹ А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1, М., 1916, табл. 22, 2. Размеры левого камня: высота 25 см, ширина 66 см; размеры правого камня: высота 24 см, ширина 64 см.

¹² А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 41, 6.

¹³ Там же, табл. 41, 7.

¹⁴ Например, изображения святых в круглых рамках.

использовал рельефы из других древних зданий г. Юрьева-Польского¹⁵.

Принадлежность рельефов с драконами Георгиевскому собору доказывается полным стилистическим сходством правого «живописного» дракона с рельефом св. Георгия, находящимся *in situ*¹⁶ в тимпане северного притвора собора¹⁷. В частности, совершенно совпадает трактовка чешуйчатого хвоста дракона и кольчуги св. Георгия. Если изображение воинской кольчуги в виде ложкообразных ячеек было довольно обычным для XI—XII вв.¹⁸, то для передачи чешуйчатости звериных туловищ было известно много других приемов¹⁹. Даже в пределах Георгиевского собора фактура туловищ остальных чудищ передана несколько иными приемами — в виде более длинных «перьев», а не ложкообразных чешуек. Правый дракон и рельеф св. Георгия резаны, вероятно, одним мастером. Левый дракон резан другим мастером. Геральдичность драконов говорит за то, что и левый дракон принадлежит собору 1230—1234 гг.

Драконы Георгиевского собора не раз привлекали к себе внимание исследователей. Н. П. Кондаков выделял драконов из всех рельефов Георгиевского собора, видел в них крокодилоподобных (!) «страшил» и считал, что они исполнены по западноевропейским шаблонам²⁰. Е. С. Медведева, наоборот, видела в драконах древнерусских Симарглов, восходящих к Сэнмурву иранского эпоса²¹. Н. Н. Воронин сопоставил драконов с Змеем-Горынычем русских сказок²². С. Г. Щербов перенес это сравнение на пару других «драконовидных» рельефов Георгиевского собора; в описываемых же драконах он тоже видит отражение иранского Сэнмурва²³.

Как видим, образ драконов довольно сложен, и его раскрытие имеет немаловажное значение для оценки степени самобытности фасадной пластики Георгиевского собора.

Образ дракона («летучего змея») известен культурам многих древних народов. Он прошел множество стадий развития от хтонических культов до пережиточного фольклора, пока не выродился в декоративный мотив²⁴. С ростом монотеистических тенденций в религиях образ змея-дракона из покровительственного и охранительного постепенно превратился в олицетворение враждебного начала²⁵. На этой почве в мировом эпосе развились различные змееборческие сюжеты, в которых образ хтонического змея-дракона приобрел отталкивающие, либо устрашающие черты²⁶. Однако даже в христианском искусстве, наряду с апокалиптическим образом дракона, продолжали жить более древние восточные политеистические его образы, связанные либо с пережиточными культами, либо с фольклором.

¹⁵ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI, СПб., 1899, стр. 43; К. К. Романов. Георгиевский собор..., стр. 71, 86—87.

¹⁶ К. К. Романов. К вопросу о технике..., стр. 157.

¹⁷ А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 34, 2.

¹⁸ Ср. трактовку кольчуг на рельефах Михайловского монастыря в Киеве (XI—XII вв.) (История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 443, рис. 221, 2).

¹⁹ В виде ногтевидных вдавлений, ромбиков, волнообразных линий и т. д.

²⁰ И. Толстой и Н. Кондаков. Ук. соч., вып. VI, стр. 47.

²¹ В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 436 (со ссылкой на Е. С. Медведеву).

²² Н. Н. Воронин. Памятники владими́ро-суздальского зодчества XI—XIII веков. М., 1945, стр. 76.

²³ С. Г. Щербов. Ук. соч., стр. 79—80 и примеч. 92.

²⁴ См. Ch. Dagemberg et Edm. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. II, Paris, 1892, стр. 404 сл.

²⁵ На материале среднеазиатской мифологии этот сложный вопрос разработан С. П. Толстовым. См. С. П. Толстов. Хорезм. М., 1948, стр. 286 сл.

²⁶ Иконография змея-дракона в христианском искусстве была предметом специальных обсуждений «отцов церкви». В первые века христианства змей изображался с четырьмя ногами. Позднее (с V в.) утвердилось мнение, что он совсем не имел ног. Ср. В. Н. Виноградский. Миниатюры Ватиканской библейской рукописи XII в. Сборник Общества древнерусского искусства. М., 1873, стр. 145. Конечно, решения церкви никогда не исполнялись художниками в точности, однако в змееборческих композициях («Чудо св. Георгия» и т. п.) в образе змея-дракона всегда подчеркивались черты «гада». Что касается образа былинного Змея-Горыныча с несколькими «хоботами» и огнедышащей пастью, то он целиком восходит к Апокалипсису.

Несмотря на то, что оба образа оказывали воздействие друг на друга и в различное время принимали различную модификацию, их всегда можно различить. В настоящей статье мы будем касаться образа дракона только в указанном политеистическом смысле.

Некоторые особенности юрьев-польских рельефов, несомненно, являются «общими» для пережиточной языческой «драконологии». Таково соединение в одном образе начал зверя, птицы и рептилии, идущее из восточной древности. Сасанидского типа крылья и закрученные в виде растительных побегов хвосты тоже были широко распространены в терминологии от Ирана до Скандинавии.

Образы зверей и чудищ, которыми украшались предметы средневекового прикладного искусства, несомненно, отразились во владими́ро-суздальской пластике²⁷, в частности в пластике того же Георгиевского собора²⁸. Однако это касается главным образом изображений, не имеющих корней в древнерусском национальном мифотворчестве.

Показательно, что изображения драконов Георгиевского собора в их конкретном облике не могут быть сведены ни к одному из известных нам образов древневосточной и средневековой «драконологии»²⁹. Прежде всего следует отказаться от сопоставления их с иранскими сэнмурвами. Сэнмурвы никогда не изображались с змеиным хвостом, с вытянутой вперед головой и с прижатыми ушами³⁰.

Также ошибочно мнение, что юрьев-польские драконы восходят к западноевропейским шаблонам крокодилоподобных «монстров». Нельзя не учитывать того, что к моменту появления драконов на фасаде Георгиевского собора христианство в Западной Европе уже насчитывало несколько веков развития. Древневосточный образ дракона не мог сохранить в западном искусстве живой связи с языческим прошлым. Хотя этот образ и существовал наряду с церковным образом библейского змея-дракона, но трактовался он очень вольно³¹. Один и тот же художественный и иконографический тип изображался то со звериной, то с птичьей головой, причем зоологически они трудно определимы³². Змеиные хвосты подобных чудищ тоже наделялись звериными или птичьими головами, что напоминает образы еще скифского искусства³³.

В некоторых, очевидно, более декоративных, нежели тематических, рельефах Георгиевского собора подобные образы нашли известное отражение³⁴. Но показательно, что они никогда не воспроизводились в своем полном «чудовищном» составе. В частности, во владими́ро-суздальской

²⁷ Н. Н. Воронин. Памятники владими́ро-суздальского зодчества..., стр. 75.

²⁸ Подробнее см. ниже.

²⁹ Сведения по средневековой (включая Восток) драконологии, разбросанные по множеству публикаций, не обобщены, и в рамках настоящей статьи не может быть дано исчерпывающего изложения вопроса.

³⁰ Ср. Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас, СПб., 1909, табл. XXII, 49; XLII, 70; XLIX, 83; L, 84; LXX, 126; LXXII, 128; CXV, 288; CXXV, 70 и др. Сэнмурва со змеиным хвостом на сасанидских штандартах нельзя принимать во внимание, так как этот змеиный хвост реконструируется по аналогии с парфянскими стягами, откуда он и был заимствован как особенность именно воинских стягов. Ср. К. В. Тревер. Серебряное навершие сасанидского штандарта. ТОВЭ, т. III, Л., 1940, стр. 174—176.

³¹ Ввиду обилия материала отметим только наиболее близкие к юрьев-польским драконам образы. На первом месте стоят резные изображения на известной «равеннской шкатулке» (рис. 2, 1—3). См. A. Holdschmidt und K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen. Berlin, т. I, 1930, табл. LXVI, a, b, c, d и др. См. также чудища на шкатулке из ризницы Вюрцбургского собора (там же, табл. LXII, a и др.). В свое время Н. Н. Воронин указал на «дракона» над порталом собора во французском городе Мансе (1097—1123, рис. 2, 4). См. Marcel Aubert. L'art français à l'époque gothique. Architecture et sculpture, т. I, табл. I.

³² Л. А. Мацулевич называл подобные существа «собако-птице-змеями» (см. Л. А. Мацулевич. Никорцинда и ее место в культуре Грузии. «Сборник Руставели», Тбилиси, 1938, стр. 60). Показательно, что М. Обер называет изображение над порталом собора г. Манса не драконом, а грифоном.

³³ Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 60.

³⁴ Ср., например, «грифоно-змея» и чудище со змеиным хвостом и с неопределимой звериной головой (А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 40, 1 и 41, 1).

пластике отсутствуют чудища, змеиные хвосты которых наделены звериной или птичьей головой. Очевидно, они были слишком чужды национальному мифотворчеству.

Во всех художественных культурах, драконология которых была связана с древним национальным эпосом, особое внимание обращалось на трактовку звериной части образа дракона, в частности его головы. По-видимому, в этом проявлялись наиболее конкретные национальные особенности мифотворчества и связанного с ним изобразительного искусства. В иконографии китайских драконов неизменно сохранялась верблюдообразная усатая голова³⁵, иранские сэнмурвы изображались с головой собаки³⁶ (рис. 2, 5, 6), причем эта голова имела свои специфические особенности³⁷; драконы в тюркском искусстве были близки к образу алигатора³⁸ (рис. 2, 7) и т. д. и т. п. Даже в скандинавской драконологии, наиболее фантастичной, образ дракона имел свои черты³⁹. Древнерусское искусство «эпохи двоеверия» не могло представлять исключения.

Существование у древних славян языческого мифа о драконе подтверждается новгородскими легендами о змее Волхове, которому поклонялись новгородцы, отождествляя его с Перуном⁴⁰.

Однако образ дракона, принятый в древнеславянском мифотворчестве, нам неизвестен. Рано встречающиеся мотивы парных силетшихся драконов⁴¹ или драконов в S-образной позе⁴², по-видимому, не отражали собственно древнеславянских представлений. Известные от более позднего времени изображения, связь которых со славянскими языческими традициями несомненна⁴³, принадлежат не к этим типам, а скорее к типу юрьев-польских драконов. В них не подчеркивались сложные изгибы туловища; драконы изображались в наиболее реалистической позе, в движении вперед. В образах драконов сказывается повествовательный момент⁴⁴. В связи с этим представляется очень интересным явно прослеживаемое на древнерусском материале стремление приблизить головы драконов к волчьим.

В изображениях драконов X—XI вв. головы еще зоологически трудно определимы. Как и в скандинавской драконологии, они похожи и на звериные, и на птичьи, и на змеиные. В звериных головах отдается пред-

³⁵ Н. И. Веселовский. Китайские символы в предметах украшения. Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому, СПб., 1911, стр. 2—3. См. также Е. Н. Chinese Dragons. The University Museum Bulletin, Philadelphia, 1934, т. 5, в. 1, стр. 29—31.

³⁶ К. В. Тревер. Сэнмурв-Паскундж, собака-птица. Л., 1937.

³⁷ К. В. Тревер. Серебряное навершие сасанидского штандарта, стр. 174—176.

³⁸ Ср. драконов на ортукидских памятниках архитектуры в Амиде, Халебе, Багдаде, на монетах ортукидов и т. д.; M a x V a n - B e g c h e m. Matériaux pour l'épigraphie et l'histoire musulmanes de Diyar-Bekr. Amida. Heidelberg, 1910, стр. 82—85, рис. 29, 30, 31 и др. Образы тюркских драконов отразились и в пластике Кавказа. Ср. А. С. Башкиров. Искусство Дагестана, М., 1931, табл. 72.

³⁹ См. Les vaisseaux vikings. Oslo, 1954 (вклейки между стр. 16 и 17). Иконография драконов в скандинавском искусстве была довольно устойчива. Ср. В. И. Сизов, Древний железный топорик из коллекций Исторического музея. МАО, т. V, М., 1897, стр. 153—158, рис. 34, 35.

⁴⁰ А. В. Марков. Из истории русского бытового эпоса. «Этнографическое обозрение», 1906, № 3—4, стр. 17—18. Былина о Добрыне-змееборце отражает уже этап борьбы христианства со старым языческим культом.

⁴¹ Например в смоленских и черниговских древностях X в.; Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 47—48.

⁴² На наконечниках ножен мечей (X—XI вв.) и на отдельных бляшках, найденных в Гнездове, Новгороде, близ Муромы и т. д. Воспроизведение см. P e t e r P a u l s e n. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, стр. 49—50; Б. А. Колчин, Топография. Стратиграфия и хронология неревского раскопа. МИА, № 55, стр. 75, рис. 17, 3.

⁴³ Ср. дракона с солярным знаком из новгородских раскопок. А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 34. Воспроизведено в статье Б. А. Колчина; Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 75, рис. 17, 1.

⁴⁴ Любопытно, что в таком же иконографическом изводе изображен дракон, иллюстрирующий вылет языческого божества из осажденной Иваном Грозным Казани. ПСРЛ, т. XIX, табл. III (миниатюра XVI в.).

Рис. 2. Изображения драконов:

1—3 на равеннской шкатулке (XII в.?): 4—над порталом собора в г. Мансе (Франция, 1097—1123 гг.); 5, 6— на сасанидских металлических изделиях; 7— над воротами Талисмана в Багдаде (1221); 8— на скобе X в. из раскопок Д. А. Авдусина в Гнездове; 9— на фрагменте деревянного сосуда X—XI вв. из раскопок А. В. Арциховского в Новгороде; 10—13— на новгородских рукописных книгах XII в.; 14— на чудском образке с Урала; 15— на западных вратах Суздальского собора (начало XIII в.)

почтение оскаленной морде с широким тупым окончанием, с маленькими закругленными ушками⁴⁵. В XII в. в книжной тератологии Новгорода некоторые драконьи головы становятся похожими на собачьи или волчьи. Пасти их удлинняются, носы заостряются, заостренные уши прижимаются к затылку⁴⁶. Это явление особенно интересно тем, что в родственной византийско-болгарской тератологии оно не наблюдается⁴⁷. В скандинавской тератологии удерживались традиционные типы драконьих голов⁴⁸.

Очевидно, такой же процесс «натурализации» происходил и во владимиро-суздальском искусстве. Головы геральдических драконовидных существ, изображенных на нижних клеймах западных врат суздальского собора⁴⁹, при известном сходстве их с головами «драконов» на некоторых «чудских образках»⁵⁰ (рис. 2, 14) заметно приближены к собачьим или, вернее, к волчьим (рис. 2, 15). Особенно характерны удлиненные челюсти и острые, прижатые к затылку уши⁵¹. Драконы Георгиевского собора представляют дальнейший шаг в этом направлении. Их сходство с волком увеличено оскалом пасти с большими клыками⁵², а также своеобразной «бородкой» у шеи и т. д.

Отмеченное нами явление вряд ли можно считать случайным. Образ волка занимал исключительное место в древнерусском мифотворчестве⁵³. В древних слоях фольклора он связывался с представлениями о неутомимости и необычайной быстроте передвижения. В этом смысле он известен в русской сказке как «крылатый» волк⁵⁴. В «Слове о полку Игореве» «Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь вльком рыскаше: из Кыева дорыскаше до кур Тмутороканя, великому Хрьсови вльком путь прерыскаше»⁵⁵. Далее герои «Слова» не раз сравниваются в своей «борзости» с серым волком. В былинах князь Вольга Святославич и Волх Всеславьевич демонстрируют свою мудрость, превращаясь в волков⁵⁶. Волки выступают также как предвестники победы над врагом⁵⁷. В последнем смысле особенно интересно то место в летописи Нестора, где описывается, как хан Боняк по волчьему вою предсказал князю Давиду победу над уграми⁵⁸. Под влиянием христианства образ волка постепенно

⁴⁵ См. рис. 2, 8, 9 настоящей работы. См. также Д. А. Авдусин. Гнездовская экспедиция. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 96, рис. 2; Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 107, рис. 39.

⁴⁶ В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени, СПб., 1887, табл. LIV, 8, 15, 21; LV, 10; LX, 22 и др. (рис. 2, 10—13 настоящей работы).

⁴⁷ В болгарской тератологии головы драконов можно назвать и звериными и змеиными и т. п. В. В. Стасов. Ук. соч., табл. II, 23; IV, 17, 18 и др.

⁴⁸ Ср. В. И. Сизов. Ук. соч., стр. 153—158, рис. 34, 35.

⁴⁹ Западные врата обычно датируются концом 20-х и 30-ми годами XIII в. В. Л. Янин предложил более раннюю их датировку рубежом XII и XIII вв. См. В. Л. Янин. К датировке врат Суздальского собора. СА, 1959, № 3, стр. 91.

⁵⁰ Ср. МАВГР, т. III, М., 1899, стр. 119, рис. 70; стр. 123, рис. 78.

⁵¹ Птичьи туловища суздальских «драконов», казалось бы, дают основание для сближения последних с сэнмурвами. Однако сэнмурвы никогда не изображались с повернутой назад головой. Предшественниками суздальских «драконов» можно считать изображения на серебряных наручах из териховского клада (см. Русские древности, вып. V, СПб., 1897, рис. 172). Здесь повернутые назад головы «драконов» зоологически еще неопределимы, но уже более похожи на звериные, нежели на птичьи. Интересно, что именно териховский тип «драконов» был очень распространен в ростовской деревянной резьбе XIX в.

⁵² Ср. Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской, стр. 314. С. Г. Щербов, сопоставивший драконов с сэнмурвом, тоже не мог не оговорить их сходства с волком.

⁵³ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, М., 1865, стр. 135 сл. Следует сказать, что в большом сводном труде А. Афанасьева совершенно не проведено историческое разграничение мифологических напластований; последние даны суммарно, что требует сугубой осторожности при пользовании материалом.

⁵⁴ А. Афанасьев. Ук. соч., стр. 738.

⁵⁵ Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950, стр. 26.

⁵⁶ Показательна принадлежность этих былин к новгородскому циклу.

⁵⁷ А. Афанасьев. Ук. соч., стр. 776.

⁵⁸ «Идушама же има, сташа ночлегу, и яко бысть полуноши, и встав Боняк отъеха

стал ассоциироваться с демонической силой, со змеями и драконами⁵⁹.

Все сказанное тесно связывает изображения волкообразных драконов Георгиевского собора с эпосом и фольклором эпохи «двоеверия»⁶⁰ и существенно выделяет их из ряда рельефов с грифонами, кентаврами, львами, слонами и т. п. Это обуславливалось, по-видимому, особым значением рельефов во всей тератологической фасадной пластике собора.

Н. Н. Воронин высказал мысль, что рельефы драконов появились на фасаде собора в связи с посвящением его св. Георгию⁶¹. Конечно, это не означает, что они должны были входить в композицию змеборства св. Георгия. Для возможности существования такой композиции нет никаких данных⁶². Однако существуют и другие мифологические связи св. Георгия с драконами. Выше мы видели, что в древнерусском фольклоре драконы ассоциировались с образом волка, что отразилось и на трактовке рассматриваемых рельефов. В древнерусских духовных стихах о Егории Храбром волки неизменно выступают как «собака небесного воеводы», т. е. как своего рода слуги Егория Храброго, исполняющие только его приказания⁶³. Естественно, таким образом, считать, что рельефы волкообразных драконов помещались на одном фасаде с рельефом св. Георгия, т. е. на северном. В пользу такого мнения говорит и то, что драконы не могли помещаться ни на южном фасаде, оформление которого было посвящено теме заступничества богородицы⁶⁴, ни на западном, все среднее деление которого было заслонено высоким притвором⁶⁵. Выше отмечалась вероятная принадлежность рельефов св. Георгия и одного из драконов одному мастеру. Рельефы, как известно, высекались на белокаменных блоках до постановки их в кладку⁶⁶, следовательно, мы вправе считать, что один и тот же мастер вместе с своим помощником⁶⁷ работал над каким-то определенным кругом рельефов, связанных либо тематически, либо по месту расположения. Поскольку рельефы с драконами не могли входить в оформление северного портала, они должны были находиться где-то поблизости.

от вой, и поча выти волчьскы, и волк отвыся ему, и начаша волци выти мнози; Боняк же приехав поведи Давыдови, яко победа ны есть на упры заутра» (ПСРЛ, т. I, стр. 115).

⁵⁹ А. Афанасьев. Ук. соч., стр. 735, 74, примеч.

⁶⁰ У нас нет еще достаточных данных, чтобы говорить о широком распространении рассмотренных образов в древнерусском прикладном искусстве. Такая постановка вопроса была бы и неправильна. Драконы Георгиевского собора были итогом творчества предшествовавших веков и к тому же изделиями не массового производства. Среди новгородских находок, датированных серединой XIII в., также встречаются изображения драконов, переключившиеся с юрьев-польскими. Таково изображение дракона на костяной пластинке из раскопок 1952 г. Длинные прижатые уши и хвост дракона в виде закрученного побега напоминают юрьев-польские рельефы. В изображении дракона с соллярным кругом (конец XIII — начало XIV в.) уже чувствуется влияние иконописи.

⁶¹ Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество, стр. 794.

⁶² Драконов два, а не один, как требуется по канонической композиции. Кроме того они изображены не в виде поражаемых чудовищ, а как бы в полете. Расположение их по бокам или внизу рельефа св. Георгия исключено, так как все камни северного притвора находятся *in situ*. Наконец, сам св. Георгий изображен не змеборцем, а демонстратором великокняжеского гербового щита.

⁶³ А. Кирпичников. Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879, стр. 148—149; А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературе. Записки Новороссийского университета, т. CXII, Одесса, 1909, стр. 307—308.

⁶⁴ Е. С. Медведева. Этюды о суздальских вратах. Диссертация, ВБЛ, стр. 44; Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество, стр. 767; его же. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской, стр. 308.

⁶⁵ Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество, стр. 758—759, 772—773. Западный притвор имел свою резьбу: внизу львы и кентавры, вверху, по-видимому, деисус.

⁶⁶ К. К. Романов. К вопросу о технике..., стр. 155—156. Имеются в виду рельефы со зверями и с изображениями человеческих фигур, но не с растительным орнаментом, высекавшимся уже по готовой стене.

⁶⁷ Наличие помощника ясно видно из того, что оба дракона выполнены в разной технике.

Наиболее вероятным участком первоначального местоположения рельефов с драконами является среднее деление второго яруса северного фасада. Оно приходится непосредственно над притвором, в тимпане портала которого помещен рельеф св. Георгия. Судя по памятникам христианской архитектуры Кавказа, геральдические змеи-драконы были связаны с проемами входа или окна⁶⁸. Исключительность юрьев-польских драконов тоже предполагает их центральное расположение на фасаде. Наконец, в пользу этого говорит вероятное расположение в центральной закомаре северного фасада композиции Распятия или «Святославова креста»⁶⁹. В древних (с IX в.) изображениях распятия у подножья креста чаще всего изображалась так называемая Адамова голова, но на ряде более поздних памятников вместо нее у подножья креста изображался дракон или два симметричных дракона как символ греха, искупленного крестной жертвой⁷⁰. Эти изображения не были распространены в памятниках собственно византийских, но особенно характерны для Афона⁷¹. Встречаются они и в Сербии⁷².

На распятии Георгиевского собора нет изображения традиционной Адамовой головы; поэтому наше предположение, что у подножья креста были драконы, вполне правдоподобно.

Распятие или «Святославов крест», по заключению К. К. Романова, состояло ранее из четырех камней. На среднем изображено распятие, на левом — богородица и св. жены, на правом — евангелист Иоанн и сотник Логин. На четвертом камне, находящемся над средним, изображена гетимасия (уготованный престол)⁷³.

«Святославов крест» имеет в высоту 198 см. Средняя закомара собора, если следовать реконструкции Д. П. Сухова⁷⁴, имела свободную площадь (от вершины закомары до перемычки окна) около 2,8 м. Таким образом, под «Святославовым крестом» имелось более чем достаточное место для размещения здесь камней с драконами. Последние примыкали, однако, не вплотную к камням с распятием, а через какой-то промежуток, заполненный камнями с растительным орнаментом.

К. К. Романов в свое время высказал мысль, что в композицию распятия могли входить изображения парящих ангелов, а также символы солнца и луны⁷⁵. Теперь сюда можем включить и изображения драконов.

Таким образом, изображения св. Георгия, святых воинов и мучеников (в аркатурном поясе собора), драконов и распятия над ними составляли круг сюжетов, объединенных общей темой победы христианства над язычеством. Однако трактовка драконов в виде фольклорных волкообразных существ говорит о том, что старые языческие представления еще не были вытеснены христианской иконографией. В этом сказалось национальное мифотворчество древнерусских мастеров, без участия которых не мыслилось создание Георгиевского собора.

⁶⁸ А. Л. Яковсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII веков. М.—Л., 1950, стр. 79—80, 102.

⁶⁹ Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество..., стр. 766—767. В более поздней работе Н. Н. Воронин склоняется к размещению «Святославова креста» на южном фасаде (Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской, стр. 308—311), трактуя этот рельеф как символ защиты княжеской власти, а вместе с ней и города. Нам думается, что эти же функции «Святославов крест» с большим основанием должен был нести именно на северном фасаде, где было изображение престола владими́ро-суздальских князей — св. Георгия.

⁷⁰ Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. Труды VIII АС, т. 1, СПб., 1892, стр. 356.

⁷¹ Там же.

⁷² П. Покрышкин. Православная церковная архитектура XII—XVIII стол. в нынешнем Сербском королевстве. СПб., 1906, табл. XLIV.

⁷³ К. К. Романов. Святославов крест..., стр. 199—207.

⁷⁴ История русской архитектуры. М., 1956, стр. 58, рис. 2.

⁷⁵ К. К. Романов. Ук. соч., стр. 210—211.

А. М. НЕГРУЛЬ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ СЕМЯН ВИНОГРАДА

Палеонтологические и археологические находки семян винограда (*Vitis*) на территории Европы и Западной Азии довольно многочисленны и представляют большой интерес для выяснения происхождения истории и путей эволюции культурного винограда.

Наиболее древней формой, близкой к современному винограду (*Vitis vinifera* L.) Евразии является *V. teutonica* A. Br., семена которого были найдены в верхнетретичных (миоценовых и отчасти плиоценовых) отложениях в Западной Европе (Франция, Швейцария, Австрия, Германия, Чехословакия) и на территории СССР: на юге Донецкого бассейна (ст. Амвросиевка), в Ростовской области (у ст. Матвеев Курган) и в бассейне Иртыша. Этот вид, описанный Александром Брауном (1852), а также в работах Ф. Кирхгеймера¹, А. Н. Криштофовича², имеет шаровидные семена 4—5 мм, с носиком в 0,5 мм, округлой халазой, расположенной по середине тела семени.

В буроугольном месторождении Веттерау в Гессене (верхний плиоцен) были найдены описанные Ф. Кирхгеймером семена лесного винограда *V. vinifera* ssp. *silvestris* Gmel., который является непосредственной исходной формой культурного европейско-азиатского винограда, сохранился после ледникового периода и до сих пор широко произрастает в бассейнах Средиземного, Черного и Каспийского морей.

Наиболее часты находки семян этого винограда в отложениях четвертичного периода. Они известны в свайных постройках оз. Бурже во Франции, оз. Нефшатель в Швейцарии, Казале в провинции Монтуа, Полада, Пуэньяно и Кагоццо в провинции Варезе в Италии, в долине Неккар у Штуттгарта в Германии и т. д. Согласно данным Е. Нейвейлера³, О. Геэра⁴, А. Штуммера⁵ эти находки, определяемые как ssp. *sivestris* Gmel., приурочены к неолиту и бронзе. По данным К. Бертша⁶, семена винограда в неолите (4000—3000 гг. до н. э.) у Штуттгарта имеют 6 мм длины и носик 1,2 мм. Описанные Е. Шимман⁷ неолитические семена из Бранденбурга тоже относятся к ssp. *sivestris* Gmel. (размер 5—5, 5—5,8 мм, носик 1—1,2 мм).

¹ F. Kirchheimer. Beiträge zur näheren Kenntnis von Vitaceen Samenformen tertiären Alters. Planta, Berlin, 1938, т. 28, кн. 4.

² А. Н. Криштофович. Палеонтологическая история винограда. Ботанический журнал СССР, М.—Л., 1938, т. 23, № 5—6; И. В. П а л и б и н. Палеонтология виноградной лозы. Ампелография СССР, т. I, 1946.

³ E. Neuweiler. Die Pflanzenreste der Pfahlbauten in Pfahlbautenbericht (Zusammenfassender Bericht). Mitteilungen der Antiquarischen Gesellschaft. Zürich, 1924, т. 29, кн. 4.

⁴ O. Heer. Die Pflanzen der Pfahlbauten. Zürich, 1865.

⁵ A. Stummer. Zur Urgeschichte der Rebe und des Weinbaues. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, XLI, 1911.

⁶ K. Bertsch. Die vorgeschichtlichen Wildreben. Fonde Deutschlands. Berichte der Deutschen Botanischen Gesellschaft, т. LVII, кн. 9, 1939.

⁷ E. Schieman. Vitis im Neolithicum der Mark Brandenburg. «Der Züchter», 1953, т. 23, терп. I—II.

Памятники критомикенской культуры убедительно свидетельствуют об использовании винограда во II тысячелетии до н. э. Мелкие семена найдены при раскопках развалин Трои (Гиссарлык) в Малой Азии, в Тиринфе (около 2000 г. до н. э.). В древнем Египте, где виноградарство было известно в 3600—2700 гг. до н. э., в царской могиле Нагады найдены обугленные остатки семян винограда.

В Западной Европе первые находки семян типичного культурного винограда (*Vitis vinifera* ssp. *sativa* D. C.) относятся к концу бронзового века (1700—1500 гг. до н. э.) в Орхомене в Беотии⁸.

Археологические находки семян винограда в СССР относятся к различным периодам, начиная от энеолита и бронзы. Упоминания о семенах винограда содержатся в работах Г. В. Григорьева⁹, М. Е. Массона¹⁰, С. Ф. Стржелецкого¹¹, Б. А. Литвинского¹², В. Ф. Гайдукевича¹³ и многих других, посвященных раскопкам на территории Средней Азии, Крыма и Кавказа.

Но эти разрозненные сведения о находках семян винограда не могли служить для достаточно глубокого анализа и обобщений. Такую возможность мы получили после того, как ряд археологов любезно предоставили в наше распоряжение свои материалы — семена винограда с указанием места находки и датировки¹⁴.

Нам известно, что собранный материал далеко не полно охватывает археологические находки семян винограда на территории СССР, но все же он позволил сделать некоторые предварительные выводы, которые в дальнейшем можно будет уточнить по мере поступления новых данных.

Семена винограда находят при раскопках в грунте, в мусорных ямах, в винодельнях, в амфорах, в глине хумов, в пожарищах. Семена, пролежавшие длительное время в земле, чернеют. Семена X—XII вв. н. э. еще сохраняют свой коричневый цвет, семена II—V вв. н. э. имеют коричневат-бурый цвет, а более древние семена приобретают уже черный цвет. Семена из амфор светлые (желтовато-коричневые) и несколько деформированы. Семена, найденные в пожарищах, обуглены и мало прочны. В некоторых случаях семена находятся в обугленных ягодах, из которых их довольно легко отделить. Вообще же, как правило, ископаемые семена винограда давностью до пяти тысяч лет сохраняются хорошо.

Специальными опытами мы установили, что при обжигании в тигле семян винограда длина их уменьшается в среднем на 0,6 мм (8—10% от всей длины), ширина — на 0,25 мм и длина носика — на 0,2 мм.

Признаки семени винограда, и прежде всего форма и размер тела и носика, расположение и форма халазы, характер впадин на брюшной стороне, оцениваются ампелографами¹⁵ как наиболее постоянные и характерные для вида и сорта винограда, однако определить сорт винограда только по признакам семени почти невозможно.

⁸ L. Levadoux. Les populations sauvages et cultivées de *Vitis vinifera* L. Annales de l'amélioration des plantes, I, 1956.

⁹ Г. В. Григорьев. Тали Барзу. ТОВЭ, 1940, т. II.

¹⁰ М. Е. Массон. К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса. Материалы ЮТАКЭ, вып. 2, М., 1951.

¹¹ С. Ф. Стржелецкий. Херсонес Таврический. Путеводитель по музею. Симферополь, 1956.

¹² Б. А. Литвинский. Намазга-Тепе (по данным раскопок 1949—1950 гг.), СЭ, 1952, № 4.

¹³ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре. МИА, № 85, 1958.

¹⁴ Пользуясь случаем выразить благодарность за представленные материалы С. П. Толстову, В. Ф. Гайдукевичу, Б. Б. Пиотровскому, А. М. Беленицкому, К. Х. Кушнаревай, А. М. Марушенко, С. Ф. Стржелецкому, И. Г. Нариманову, Д. А. Халилову, С. И. Надимашвили, Л. И. Альбауму, А. В. Кирьянову и М. М. Якубцинеру.

¹⁵ А. А. Потенция. Семена сортов винограда и их значение для классификации. Труды Бюро по прикладной ботанике, № 4, 1911; I. Androsovskiy. Die Bedeutung der Traubensamen für die Unterscheidung der Sorten der Weinrebe. Budapest, 1915; М. А. Лазаревский. Методика ампелографических описаний. Тбилиси, 1936.

Величину семени винограда определяют измерением длины и ширины. В последнее время стали широко пользоваться индексом, отношением ширины к длине семени, впервые примененным Штуммером в 1911 г. для того, чтобы показать различия между семенами дикого (*ssp. silvestris* Gmel.) и культурного (*ssp. sativa* D. C.) винограда¹⁶.

Семена видов рода *Vitis* (подрод *Euvitis*), бесспорно относящихся к древнейшим реликтовым формам, имеют, наряду с характерными видовыми различиями, и ряд общих признаков, а именно шарообразную форму, небольшой размер тела, короткий носик (до 1 мм), халазу, ясно очерченную, округлую, расположенную в центре.

Виды восточноазиатской группы имеют семена 4,2 мм (3—5 мм), виды североамериканской группы — 5,2 мм (4,5—6 мм). Типичные формы дикого европейско-азиатского винограда (*ssp. silvestris* Gmel.) очень близки к другим видам рода *Vitis* и имеют семена размером 5 мм (4—6 мм).

Основными отличительными признаками культурного европейско-азиатского винограда (*ssp. sativa* D. C.) от дикого (*ssp. silvestris* Gmel.) является удлиненная грушевидная форма тела семени, при размере 5—9 мм, сравнительно длинный носик (1—2,5 мм), халаза овальная, вдавленная, мало выделяющаяся, обычно сдвинутая к верхней части семени. Отношение ширины и длины семени (по Штуммеру) у дикого винограда 0,76—0,83, а у культурного 0,44—0,53.

Однако между культурным и диким виноградом имеются переходные промежуточные формы. Так, например, по размеру семени очень близки к дикому некоторые старые сорта винограда, что вполне понятно, если учесть их происхождение от дикого винограда.

Многочисленные старые сорта винограда *ssp. sativa* D. C. мы разбили на эколого-географические группы, которые по среднему размеру семян различаются так: сорта западноевропейской группы (*Prol. accidentalis* Negr.) — 5,8 мм, бассейна Черного моря (*Prol. pontica* Negr.) — 6,1 мм, восточные винные (*Prol. orientalis subprol. caspica* Negr.) — 6,8 мм, восточные столовые (*Subprol. antasiatica* Negr.) — 7,2 мм¹⁷.

Проведенное нами сопоставление размера семян и ягод около 200 сортов винограда разных эколого-географических групп¹⁸ показало наличие прямой зависимости между ними (см. рис. 1). Коэффициент корреляции $R=0,66 \pm 0,048$. Этот факт проливает свет на характер эволюции размера ягоды и семени винограда. Искусственный отбор сортов винограда

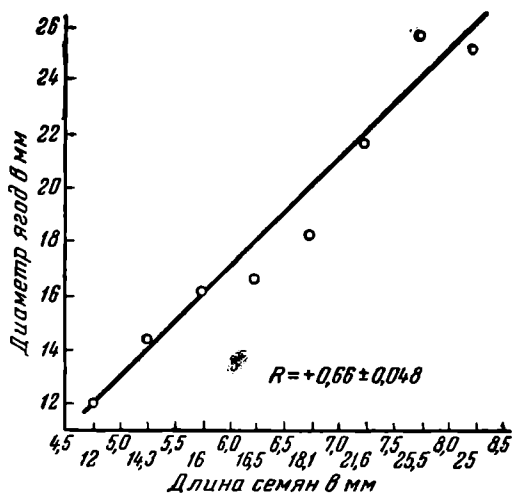

Рис. 1. Соотношение длины семян и диаметра ягод винограда

¹⁶ Z. Turkovic. *Vitis silvestris* Gmelin und dessen Beziehungen zur Kulturrebe. Weinbau und Kellerwirtschaft. Freiburg, 1954; В. К р и м п а с. *Ampélographie hellénique*, т. I, Athenes, 1943.

¹⁷ А. М. Негруль. Эволюция культурных форм винограда. Доклады АН СССР, М., 1938, т. 18, № 8; его же. Происхождение культурного винограда и его классификация. Ампеология СССР, т. I, М., 1946.

¹⁸ А. М. Негруль. Размер семян как один из признаков для определения происхождения дикорастущих и культурных форм винограда (*Vitis vinifera* L.). Делегатский съезд Всесоюзного ботанического общества, 1957. Тезисы докладов, вып. VI, Л., 1957, стр. 39.

с более крупной ягодой приводил одновременно и к увеличению размера семени. Этот процесс шел, по-видимому, постепенно. На основании установленной зависимости можно, пользуясь приведенным графиком, по размеру ископаемых семян винограда представить себе и примерный размер ягод.

Процесс эволюции размера семени и ягоды демонстрируют имеющиеся в нашем распоряжении семена ископаемого винограда.

Семена винограда, найденные в Крыму в Херсонесе (сборы С. Ф. Стржелецкого) и в Мирмекии (сборы В. Ф. Гайдукевича), датируются начиная с III—II вв. до н. э. и кончая VI—VII вв. н. э., что позволяет судить об изменениях в характере культивируемого винограда за период около тысячи лет.

Таблица 1

Место находок	Датировка	Средняя длина тела семени (в мм)	Средняя длина носика (в мм)	Тип халазы
Херсонес. Гераклейский полуостров, клер № 25, пом. Ж - 1, наскальный слой	Конец II — начало III в. до н. э.	$4,87 \pm 0,06$ (4,0 — 5,0)	$0,87 \pm 0,06$ (0,5 — 1,0)	Круглая посредине
Помещение № 15, цистерна	Вторая половина II в. до н. э.	$5,05 \pm 0,1$ (4,0 — 6,0)	$0,95 \pm 0,02$ (0,5 — 1,5)	Круглая, есть посредине, есть верхняя
Боспор. Мирмекий, участок «Л»	II в. н. э.	$5,3 \pm 0,14$ (5,0 — 6,0)	$1,03 \pm 0,12$ (0,7 — 2,0)	Овальная и округлая средняя
Херсонес. Севастополь. Северная сторона	V — VII вв. н. э.	$6,03 \pm 0,12$ (5,5 — 6,5)	$1,45 \pm 0,03$ (1,0 — 2,5)	Овальная верхняя

Семена, найденные в Херсонесе и датированные III—II вв. до н. э. (рис. 2, 1—3), представлены многочисленными образцами как из грунта, так и из амфор. Они черного цвета и большей частью имеют шаровидную или только слегка овальную форму. Величина этих семян около 5 мм (см. табл. 1), носик — около 1 мм, халаза большей частью круглая, посредине иногда сдвинутая к верхней части семени. Отношение ширины к длине семени 0,79.

Семена в Мирмекии (II в. н. э.) и в Севастополе (Сухой Док, VI—VII вв. н. э.) явно отличаются от предыдущих более крупным размером (рис. 2, 4, 5). Хотя здесь попадаются и отдельные мелкие семена (в большом количестве в Мирмекии и в меньшем — в Сухом Доке), однако преобладают семена размером 6 мм, с длинным носиком в 1—2 мм, халаза явно овальная, верхняя, отношение ширины к длине семени 0,58.

Табл. 1 показывает увеличение размера семян, следовательно, и ягод. В начале в культуре был виноград с мелкими ягодами (10—12 мм) и семенами, очень похожий на дикий *ssp. silvestris* Gmel. (рис. 2, 6), который и сейчас растет в Крыму, в частности в Коккозской долине. Это дало основание предположить¹⁹ возможность использования в начале греческой колонизации местных дикорастущих или культивируемых таврами примитивных форм винограда. Затем (в начале нашей эры) в результате отбора и завоза сортов из Греции в культуре появляется виноград с более крупными семенами и ягодами, который можно отнести к *ssp. sativa* D. C.—*gr. pontica* Negr.

В VI—VII вв. н. э. в культуре преобладают винные сорта, завезенные из Греции, некоторые из которых сохранились до сих пор и составляют основу так называемых условно «местных» сортов винограда Крыма.

В Средней Азии имеются находки семян винограда значительно более раннего времени, однако и здесь проявляется явный процесс эволюции размера семян. Особенно интересны предоставленные нам А. А. Мару-

¹⁹ А. М. Негруль. Дикорастущий виноград Крыма и связь его с культурным. Изв. Всесоюз. сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, № 1, 1958.

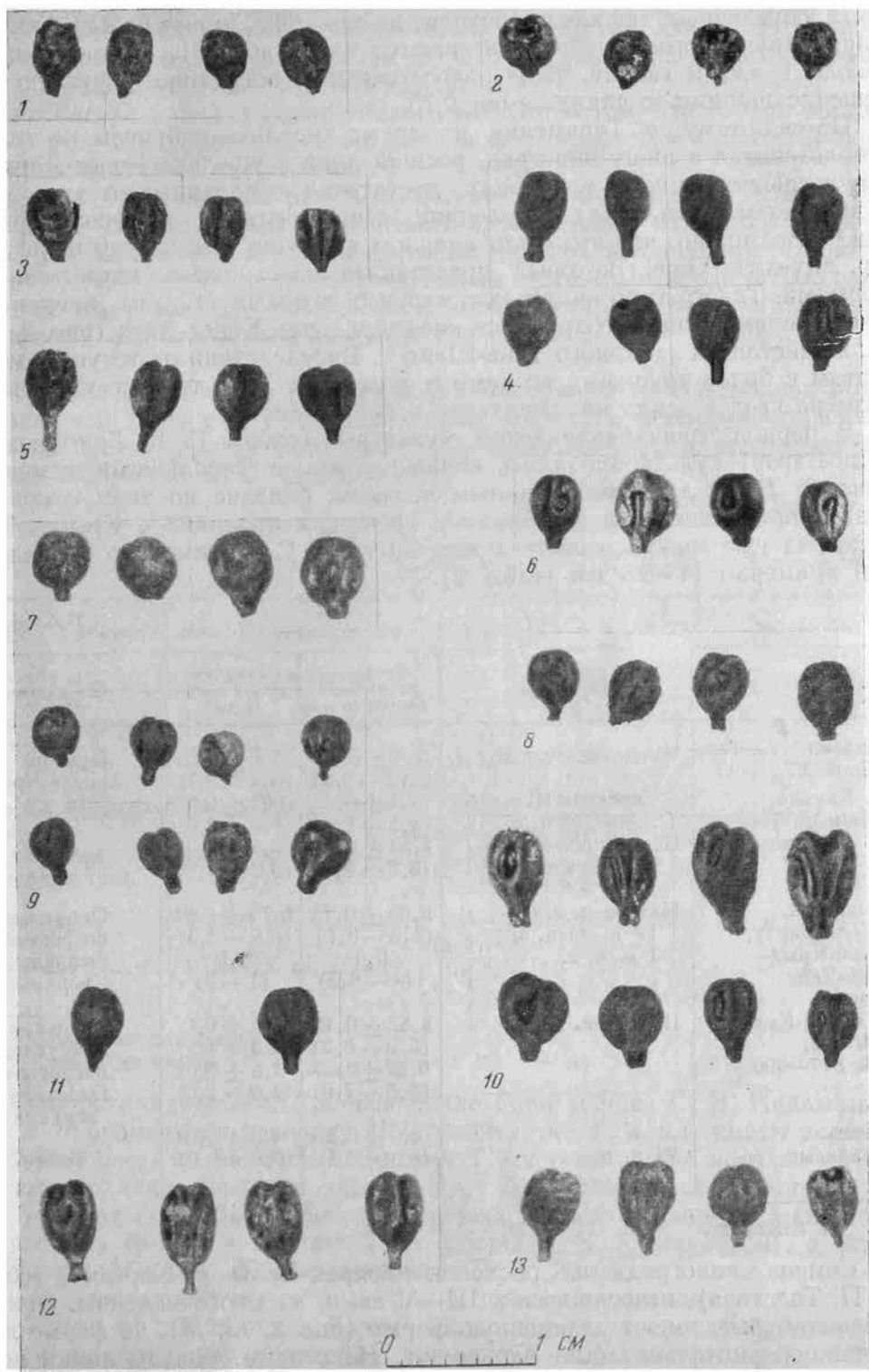

Рис. 2.

1 — Гераклея, Херсонес, наскальный слой, клер № 25, пом. Ж-1; 2 — Гераклея, Херсонес, помойка; 3 — Гераклея, Херсонес, клер № 25, пом. Л-3, осадок в кувшине; 4 — Боспор, Мирмекий; 5 — Херсонес, Севастополь, северная сторона, Сухой Док; 6 — семена винограда *V. vinifera* ssp. *silvestris* Gmel. Крым, Коккозы; 7 — Ашхабад, Ак-Тепе, слой АТ_{III}С; 8 — Ашхабад, Ак-Тепе, слой АТ_{III}С; 9 — ст. Каахка, Намазга-Тепе; 10 — семена дикорастущего винограда Копет-Дага, нижние наиболее близкие к ssp. *silvestris* Gmel.; 11 — Самарканд, Тали-Барзу; 12 — Хорезм, Топрак-Кала, № 222; 13 — Хорезм, Топрак-Кала, № 877

шенко семена из раскопок поселений эпохи энеолита и бронзы — из Ак-Тепе и Намазга-Тепе (Туркмения) (рис. 2, 7, 8, 9). Эти семена черного цвета, обугленные, так как происходят из пожарищ, имеют большей частью шаровидную форму, небольшой размер (см. табл. 2), короткий носик (около 1 мм) и халазу, чаще расположенную посередине, округлую. Отношение ширины к длине семян 0,75.

По-видимому, в Туркмении во время энеолита и бронзы не только использовался в пищу виноград, росший дико в ущельях Копет-Дага, но и культивировавшийся в районах, достаточно отдаленных от этих мест, в древнеземледельческих поселениях, основанных на лиманном орошении²⁰. Возможно, что это было началом введения в культуру винограда *ssp. silvestris* Gmel., который представлен здесь очень примитивными формами. Такого типа виноград с мелкими ягодами (10 мм) и семенами, с небольшим носиком сохранился кое-где в горах Копет-Дага (рис. 2, 10), Таджикистана и западного Тянь-Шаня²¹. Впоследствии он уступил место сортам с более крупными ягодами и семенами. Этот процесс увеличения размера ягод и семян шел медленно и постепенно.

В период греко-бактрийской культуры (сборы Г. В. Григорьева в Тали-Барзу) культивировались винные сорта с небольшими семенами (рис. 2, 11) с довольно длинным носиком, близкие по типу к сортам, культивировавшимся в это время в греческих колониях в Крыму. Этот виноград уже можно отнести к *ssp. sativa* D. C. Он имел ягоды величиной примерно 14—15 мм (табл. 2).

Таблица 2

Место находок	Датировка	Средняя длина тела семени (в мм)	Средняя длина носика (в мм)	Тип халазы
Ашхабад, Ак-Тепе Слой АТ _ш — С Ст. Каахка, Намазга-Тепе Там же	III тысячелетие до н.э.	5,0 ± 0,08 (4,5 — 5,5)	0,6 ± 0,02 (0,5 — 0,7)	Круглая посередине
	Середина III тысячелетия до н.э.	5,1 ± 0,03 (4,5 — 6,0)	0,87 ± 0,006 (0,5 — 1,0)	То же
	Первая половина II тысячелетия до н.э.*	4,32 ± 0,12 (3,5 — 5,0)	0,5 ± 0,01 (0,2 — 1,0)	» »
Самарканд, Тали-Барзу, Кой-Крылган-Тепе Хорезм, Топрак-Кала № 222, № 877—900	Начало н.э.	5,65 ± 0,11 (4,5 — 6,5)	0,75 ± 0,04 (0,5 — 1,5)	Округлая посередине, овальн., верхн.
	IV в. до н.э.	5,4 (4 — 6,5)	1,5 (1 — 2)	
	I в. н.э.			
Термез. Балалык-Тепе	III—V вв. н.э.	5,82 ± 0,13 (5,0 — 6,5)	1,05 ± 0,1 (0,5 — 1,5)	Овальная и круглая посередине Овальная верхняя
		6,57 ± 0,27 (6,0 — 7,0)	1,5 ± 0,01 (1,0 — 2,0)	
		6,0 ± 0,2 (5,0 — 6,5)	1,5 ± 0,05 (0,5 — 2,0)	
	VI в. н.э.			То же

*Из пожарищ.

Семена винограда из раскопок Топрак-Калы в Хорезме (сборы С. П. Толстова), относящиеся к III—V вв. н.э., многочисленны. Они коричнево-бурые, имеют удлиненную форму (рис. 2, 12, 13), по форме и величине сравнительно мало варьируют. Некоторые образцы имеют почти одинаковые семена, а некоторые представлены разными типами. В основном семена крупные (табл. 2), с длинным носиком, с верхней овальной халазой. Отношение ширины к длине 0,54.

²⁰ В. Ф. Гайдукевич. К истории древнего земледелия в Средней Азии. ВДИ, 1948, № 3.

²¹ П. А. Баранов, А. М. Негруль, К. И. Фролова. Дикорастущий виноград в Средней Азии. Проблемы ботаники, вып. II, 1955.

В Топрак-Кале культивировались как сортосмеси, так и чистые сорта, о чем свидетельствует характер семян из разных мест. Здесь были и винные и более крупноягодные столовые сорта, у которых семена достигали 7 мм и, следовательно, ягоды имели 18—20 мм длины. Этот виноград можно отнести к *ssp. sativa* D. C. *prol. orientalis subprol. caspica* Negr., а также *subprol. antasiatica* Negr.

Хорезмские находки семян свидетельствуют о том, что группа восточных сортов с крупными ягодами начала формироваться в Средней Азии до эпохи арабского завоевания.

Семена винограда из раскопок Балалык-Тепе в районе Термеза (из сборов Л. И. Альбаума) коричневатого-бурого цвета относятся к VI в. н. э. и представлены винными формами винограда, близкими по типу к семенам Тали-Барзу, но с более длинным носиком и верхней овальной халазой (см. табл. 2). Размер ягод этого винограда около 15—16 мм. Интересно, что эти семена найдены под полом в мезге, покрытой слоем глины.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы из Закавказья показывают, что здесь уже в бронзовом веке, наряду с семенами, относящимися по типу к дикому винограду (*ssp. silvestris* Gmel.), встречаются и семена *ssp. sativa* D. C. (табл. 3).

Таблица 3

Место находок	Датировка	Средняя длина тела семени (в мм)	Средняя длина носика (в мм)	Тип халазы
Грузия. Урбниси	Нач. III тысячелетия до н. э.	$6,4 \pm 0,14$ (5,5 — 7,0)	$1,5 \pm 0,03$ (0,75 — 2,0)	Верхняя овальная
Азербайджан. г. Казах	II тысячелетие до н. э.*	$5,1 \pm 0,13$ (5,0 — 5,5)	$1,2 \pm 0,13$ (1,0 — 2,0)	Посредине округлая
Агдам. Узерлик-Тепе, кв. 3, Ж-2 № 13, 16	Середина II тысячелетия до н. э. То же	$4,7 \pm 0,13$ (4,0 — 6,0)	$0,70 \pm 0,02$ (0,5 — 1,0)	Верхняя овальная
Армения. Кармир-Блур	I тысячелетие до н. э.*	$5,7 \pm 0,12$ (5,0 — 6,5)	$0,83 \pm 0,01$ (0,5 — 1,0)	То же
Азербайджан. Узерлик-Тепе, № 2	IV—II вв. до н. э.	$4,8 \pm 0,27$ (4,5 — 5,5)	$0,7 \pm 0,05$ (0,5 — 1,0)	» »
Мингечаур	V—VII вв. н. э.	$5,5 \pm 0,26$ (4,5 — 7,0)	$1,0 \pm 0,1$ (0,5 — 2,0)	» »
Орен-Кала	VIII—IX вв. н. э.**	$5,3 \pm 0,2$ (4,5 — 6,0)	$0,79 \pm 0,09$ (0,5 — 1,5)	» »
		$5,5 \pm 0,11$ (4,5 — 6,0)	$0,6 \pm 0,2$ (0,5 — 1,0)	» »

* Семена из пожарища.

** Семена из амфор.

Семена, найденные в Урбниси подле Гори (сборы С. И. Надимашвили) и относящиеся к энеолиту (III тысячелетие до н. э.), имеют коричнево-бурый цвет, по размеру достигают 7 мм и по длине носика — 2 мм, имеют верхнюю овальную халазу. Этот факт сам по себе заставил бы нас усомниться в правильности датировки, однако в Азербайджане семена периода бронзы в Узерлик-Тепе (сборы К. Х. Кушнаревой), а также в Казахе (сборы И. Г. Нариманова и Д. А. Халилова) тоже характеризуются довольно крупным размером и длинным носиком.

Семена из пожарища в Казахе, относящиеся к периоду бронзы, имеют с поправкой на обжигание размер 5,6—6,2 мм, при длине носика 1,0—2,0 мм. Обугленные ягоды (рис. 3, 1) имеют размер 8—9 мм. Можно предположить по семенам, что фактический размер ягод был 15—16 мм.

Семена из Узерлик-Тепе, относящиеся к периоду бронзы, варьируют по величине от мелких с коротким носиком до крупных (рис. 3, 3), достигающих 6,5 мм с носиком в 1 мм и с верхней овальной халазой. Можно предполагать, что размер ягод при этом достигал 16—18 мм.

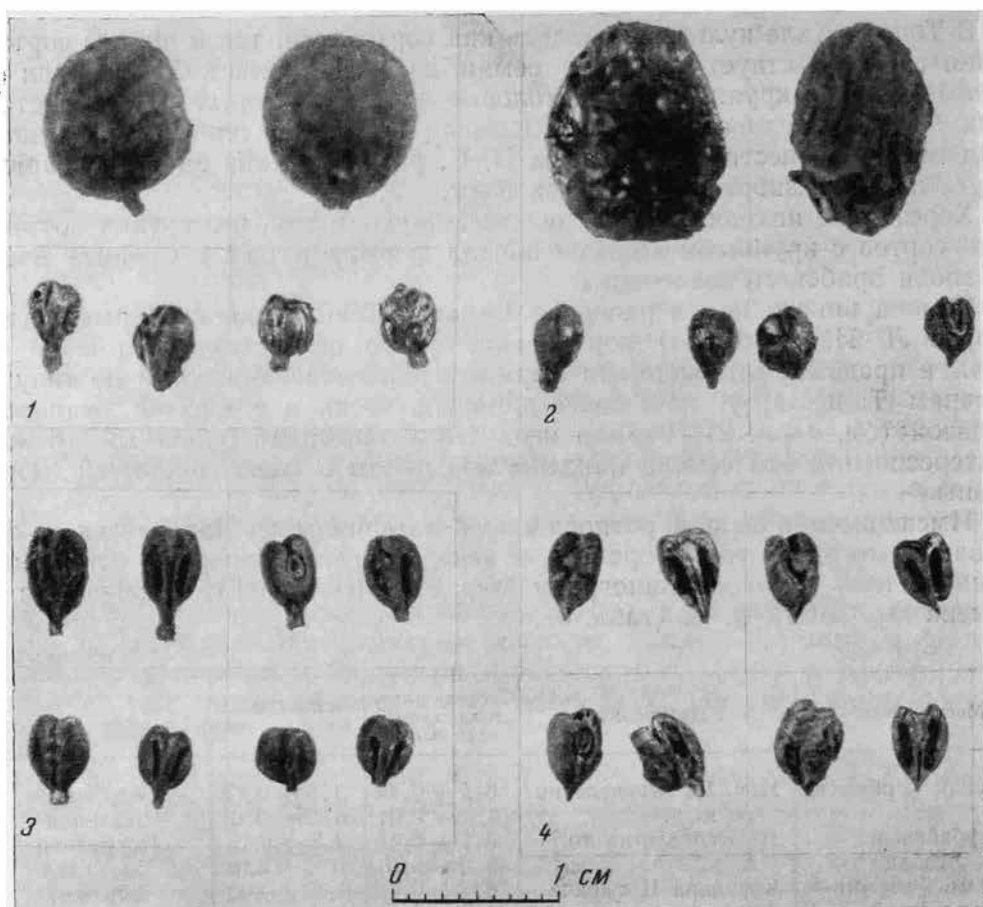

Рис. 3.

1—Азербайджан, г. Казаха, обугленные ягоды и семена из пожарища; 2 — Ереван, крепость Кармир-Блур, урартский период, обугленные ягоды и семена из пожарища; 3— Азербайджан, Агдам, Узерлик-Тепе № 2; 4— Азербайджан, Мильская степь Оран-Кала, верх № 34, низ № 37

В Кармир-Блуре (сборы Б. Б. Пиотровского) семена из пожарища урартского периода имели (с внесением поправки) 6 мм длины с носиком в 1,2 мм. Обугленные ягоды имели овальную форму (рис. 3, 2) и размер от 6 до 13 мм, фактический размер их был 10—17 мм.

Семена из Узерлик-Тепе № 2, относящиеся к IV—II вв. до н. э., крупные, очень схожие с семенами из Топрак-Калы в Хорезме. Эти находки показывают, что в Азербайджане раньше чем в Средней Азии появляется виноград с крупными семенами (до 7 мм) и длинным носиком (до 2 мм), который имеет ягоды около 18—20 мм и относится к группе восточных столовых сортов *prol. orientalis suprol. antasiatica* Negr.

Семена винограда, найденные в Мингечауре (V—VIII вв. н. э., сборы И. Г. Нариманова и Д. М. Халилова), а также в Оран-Кале (VIII—IX вв. н. э.) (см. табл. 3), показывают наличие в это время в культуре винных и столовых сортов и отсутствие каких-либо сдвигов в селекции винограда в сравнении с Узерлик-Тепе. Семена из Мингечаура имеют коричнево-бурую окраску явно винного типа. Семена Оран-Калы (рис. 3, 4) из винного осадка имеют светло-коричневый цвет и слегка деформированы.

Подводя итоги, можно сделать следующие общие выводы.

1. Палеонтологические и археологические находки семян винограда представляют большую ценность для понимания истории культуры винограда.

2. Они доказали, что в Европе и Западной Азии виноград произрастает с третичного периода и что в неолите и в период бронзы виноград

V. vinifera ssp. *silvestris* Gmel. широко использовался в пищу человеком на основе собирательства и культуры.

3. Начало культуры винограда, судя по типу семян и по месту их находок, можно отнести к энеолиту (Туркмения, Грузия).

4. В связи с народной селекцией процесс увеличения семян и, следовательно, ягод винограда шел постепенно, но неодинаково в разных местах. В Средней Азии и в Крыму почти до начала нашей эры культивировались примитивные формы винограда, близкие к дикому ssp. *silvestris* Gmel. В Закавказье, наряду с такими примитивными формами, найдены и семена с длинным носиком, относящиеся ssp. *sativa* D. С. и бытовавшие в Грузии в неолите и в Азербайджане в период бронзы. В Западной Европе такой виноград найден в конце бронзового и в начале железного веков.

5. Формы винограда с крупными ягодами и семенами (более 6,5 мм) отсутствуют в находках Западной Европы, но представлены в Азербайджане (IV—II вв. до н. э.) и в Хорезме (V—III вв. до н. э.), что доказывает происхождение этих форм в странах Передней Азии в период, предшествующий арабскому завоеванию.

6. Все эти выводы, сделанные только на основании изучения ископаемых семян винограда, в значительной степени согласуются с историческими и другими данными. Они подтверждают факт использования в пищу и введение в культуру винограда с древних времен по всему ареалу распространения дикого ssp. *silvestris* Gmel., т. е. бассейнах Средиземного, Черного и Каспийского морей от Португалии и до Туркмении; однако в странах Переднего Востока культура винограда началась несколько ранее и процесс отбора ягоды на величину в этих странах происходил быстрее.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ГОРОДЦОВА

Исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося русского ученого, доктора археологии, заслуженного деятеля науки профессора Василия Алексеевича Городцова, беззаветно отдавшего около 60 лет творческой жизни горячо любимой им археологии.

Трудно объять и всесторонне осветить в данной заметке большой и многогранный творческий путь Василия Алексеевича.

Родился он 11 марта 1860 г. в с. Дубровичи, на р. Оке, в б. Рязанской губернии. Сын многодетного сельского дьячка, Василий Алексеевич не мог получить высшего образования в условиях дореволюционной царской России. Он был отдан в Рязанскую духовную семинарию, но, не закончив ее из-за конфликта с местным архиереем, ушел в военное училище. Военная карьера, как и духовная, не прельщала его, но полученное им звание офицера давало возможность существовать и урывать часть времени на занятие любимым делом.

На окских дюнах часто можно было видеть одинокого всадника на рыжем коне, собирающего кремни и обломки глиняных сосудов. В результате этих поездок в 1889 г. в «Трудах Рязанской ученой архивной комиссии» появилась первая крупная работа Василия Алексеевича «Стоянки неолитической эпохи в окрестностях сел Шумашь, Дубровичи и др. Рязанского уезда».

Василий Алексеевич является «самородком» в полном смысле этого слова. Только благодаря своим личным качествам — талантливости, огромной работоспособности, оптимизму и неиссякаемой энергии — он смог пробиться «из низов» и завоевать себе право заниматься научной работой.

Пробыв на военной службе около 26 лет и уйдя в отставку в 1906 г., Василий Алексеевич смог, наконец, отдать себя полностью служению любимой науке. Но он не замкнулся в узкие рамки кабинетного ученого. Выйдя из народа, он нес в народ светоч знаний.

После военной службы вся его научная и педагогическая деятельность была связана с Историческим музеем (1903—1929 гг.), Московским археологическим институтом (1907—1914 гг.) и Народным университетом им. Шанявского (1915—1918 гг.). После Великой Октябрьской социалистической революции, получив звание профессора (1918 г.), Василий Алексеевич ведет педагогическую работу в 1-м МГУ и ИФЛИ им. Чернышевского. Свою научную работу он ведет в стенах Исторического музея, РАНИОН (1920—1929 гг.) и Института истории материальной культуры АН СССР (1930—1945 гг.). За свою долгую и плодотворную научную деятельность В. А. Городцов опубликовал свыше 200 научных работ по различным вопросам археологии¹.

В своих фундаментальных работах «Первобытная археология» — 1908 г., «Бытовая археология» — 1910 г. и «Археология», т. I («Каменный период») — 1923 г. Василий Алексеевич создал классификацию, в основу

¹ См. И. Ф. Колесников. Список трудов В. А. Городцова. Тр. СА РАНИОН, т. IV, М., стр. 9—20; Большая Советская Энциклопедия, т. XII, Городцов.

которой положил орудия труда, технику их выделки, человека и окружающую его природу.

Во всех своих трудах Василий Алексеевич красной нитью проводил мысль, что орудия труда являются настоящими рычагами, посредством которых человек двигает культуру вперед, к большему ее совершенствованию.

Историю человека Василий Алексеевич начинает с появления первых орудий труда. Отводя орудиям труда первенствующую роль в истории развития человечества, Василий Алексеевич разработал типологический метод, без которого немыслима классификация и изучение огромного количества предметов, добытых раскопками. Благодаря этому методу, он первым создал классификацию древностей нашей страны, не потерявшую значения и сейчас.

В последние два десятилетия своей жизни Василий Алексеевич упорно занимался изучением произведений классиков марксизма. В 1938 г. он вступил в ряды Коммунистической партии.

Научное наследие, оставленное Василием Алексеевичем Городцовым, так велико и так значительно, что невозможно охватить все те вопросы археологии, которым он посвятил свои работы. От палеолита до средневековья — вот широта диапазона научной деятельности Василия Алексеевича. И каких бы вопросов он ни касался, всюду чувствуется огромный опыт, глубина знания, интерес к описываемым явлениям и твердая фактическая база.

В основе всех работ Василия Алексеевича лежат результаты его широкой полевой деятельности. Он раскапывал различные археологические памятники и в разных частях нашего Союза. Материалы, добытые его раскопками, хранятся во многих крупных музеях нашей страны. На основании своего огромного опыта и наблюдений Василий Алексеевич создал методику полевых исследований и написал «Руководство для археологических раскопок» (М., 1914). Сам Василий Алексеевич обладал исключительной зоркостью и наблюдательностью исследователя. Он с поразительным умением мог в исследуемом памятнике видеть главное, а не второстепенное.

До сих пор многие из его методических указаний могут служить путеводной звездой для молодых исследователей. Например, выработанная им на основе многолетнего опыта и наблюдений методика исследования землянок дает возможность точного выявления формы и размеров жилищ как по горизонтали, так и по вертикали их расположения в земле. Нельзя проследить следы древнего жилища по вещам, а надо идти за изменениями наслоений, нарушенными выкопанным в древности жилищем, учил Василий Алексеевич. Оставление контрольных продольных и поперечных профилей он считал необходимым условием правильности исследования залегания жилища.

Василий Алексеевич первым из археологов открыл и описал полуподземные жилища дьяковской культуры, неолитической эпохи и жилища палеолитического человека.

Он разработал и другие приемы исследования неолитических памятников. Василий Алексеевич первым ввел сборы остеологического материала в исследовании древних памятников. Благодаря прекрасному знанию геологии, Василий Алексеевич смог исследовать и памятники палеолита. Его исследования в этой области внесли ценнейший вклад в археологическую науку. Сводная работа В. А. Городцова — первый том «Археологии» («Каменный период») — была первым обобщающим трудом по палеолиту СССР. В. А. Городцов обратил внимание и указал на отличие и своеобразие русских памятников палеолита от западноевропейских. Он исследовал и опубликовал материалы Гонцовской, Ильской, Супоневской и Тимоновской стоянок. Особого внимания заслуживают работы Василия Алексеевича о Тимоновской палеолитической стоянке (Ти-

моновская палеолитическая стоянка. Результаты археологических раскопок в 1933 году. Тр. ИАЭИА, вып. 3, 1935). По своему научному значению эта стоянка находится в одном ряду с первоклассными палеолитическими памятниками, исследованными в СССР. В 1928 г. при раскопках Тимоновской стоянки Василий Алексеевич первый в СССР открыл и исследовал искусственные палеолитические жилища — землянки и кладовые, а также характер палеолитического поселения, что явилось огромным вкладом в советскую науку о палеолите. О значении трудов Василия Алексеевича в области палеолита свидетельствует присвоение его имени одной из стоянок Костенковского комплекса.

Особенно много сделал Василий Алексеевич в области изучения памятников эпохи неолита, почти не исследованных до него.

Его первые научные шаги начались с исследования окских дюнных неолитических стоянок. В дальнейшем он открыл, раскопал и описал большое количество неолитических памятников в различных областях Восточной Европы (на Оке и Волге — под Рязанью, Ярославлем, Владимиром, Горьким; под Бахмутом, Харьковом и в других местах). На основе своих раскопок Василий Алексеевич опубликовал десятки ценнейших работ по неолиту. Как и в области палеолита, он является первооткрывателем жилищ эпохи неолита. До сих пор не утратила своего значения работа Василия Алексеевича «Русская доисторическая керамика» (Тр. XI АС, т. I, 1901, стр. 577—692). Его работы по неолиту явились первыми шагами для создания истории нашей территории в неолитическую эпоху.

Определения трех стадий неолита и их отличительные признаки, установленные Василием Алексеевичем, и сейчас кладутся в основу исследований в области неолита. Но краеугольным камнем всей научной деятельности Василия Алексеевича является его научная разработка культур эпохи бронзы (палеометалла). Своими блестящими раскопками памятников эпохи бронзы в различных частях территории Восточной Европы Василий Алексеевич опроверг долго существовавшее мнение, что на территории России не было бронзового века. В своей фундаментальной работе «Культуры бронзовой эпохи в Средней России» (1915 г.) Василий Алексеевич обобщил итоги своих открытий в области бронзового века. Он выявил целую серию культур эпохи бронзы и установил их периодизацию. Периодизация и классификация культур эпохи бронзы для юга (ямная, катакомбная, срубная) признана всеми археологами. В. А. Городцов впервые выделил культуры эпохи бронзы для лесной полосы (фатьяновская и панфиловская культуры). Намеченные им решения основных вопросов происхождения, распространения, хронологии, экономики и связей фатьяновской культуры не устарели и сейчас.

Исследования Василия Алексеевича по бронзовому веку имеют значение не только для нашей отечественной археологии, но и для зарубежной. До наших дней специалисты продолжают вести изучение памятников эпохи бронзы в намеченном Василием Алексеевичем направлении.

Василий Алексеевич наметил решение проблемы киммерийцев, выделив на нашем юге киммерийскую культуру — культуру кочевников-скотоводов XI—VIII вв. до н. э., типа гальштатской, предшествовавшей скифской культуре (К вопросу о киммерийской культуре. Тр. СА РАНИОН, т. II, 1928, стр. 46—60). Вопросы археологии скифов и античных колоний Причерноморья также нашли свое отражение в научных работах Василия Алексеевича. Раскопанное им Бельское городище обогатило археологию ценнейшими сведениями о скифах-пахарях, а исследование Частых курганов, — новыми данными об обряде захоронения скифов. Исследование Елизаветинского городища на Кубани расширило наши знания о периферийных городищах античного Причерноморья.

Василий Алексеевич опровергнул теорию об исконной культурной отсталости Кавказа. Он одним из первых установил местный характер кав-

казской металлургии. Немало сделал Василий Алексеевич и в выяснении памятников железного века (неометалла) — так называемых культур дьяковской и городецкой. Раскопав и изучив материалы ряда городищ (Старо-Каширское, Огубское, Кропотовское и др.), Василий Алексеевич установил их хронологию, которая сохраняет свое значение до сих пор, выяснил типы жилищ и характер их планировки на поселениях дьяковского типа и по-новому осветил историю этой культуры.

Финские древности также не прошли мимо зоркого взгляда Василия Алексеевича (Подболотьевский могильник VII—XI вв. близ г. Муром, Дубровичский финский могильник и др.). Значительное внимание было уделено Василием Алексеевичем и кочевническим памятникам нашего юга. Им были изданы типы погребений печенегов, торков, половцев и татар до XIV в.

Не менее важные открытия были сделаны Василием Алексеевичем и в области изучения славянских и древнерусских древностей. Особо важное значение для выяснения жизни и культуры древнерусского города имеют его раскопки городища Старой Рязани.

Василий Алексеевич живо интересовался и смежными с археологией науками — геологией, палеонтологией, палеоботаникой и пр. Им опубликовано несколько работ по нумизматике и этнографии.

Особенно интересовался Василий Алексеевич четвертичной геологией.

Василий Алексеевич был не только крупнейшим ученым, но и прекрасным педагогом. С 1907 по 1914 г. он читал лекции по археологии в Московском археологическом институте, а с 1915 по 1918 г. — в Народном университете им. Шанявского. После Великой Октябрьской социалистической революции, став профессором 1-го Московского государственного университета (с 1918 г.), он с энтузиазмом отдается педагогической деятельности и подготовке археологических кадров.

Почти до конца своих дней Василий Алексеевич был руководителем кафедры археологии 1-го МГУ и потом ИФЛИ им. Чернышевского.

Кто помнит лекции Василия Алексеевича, тот знает, как он заражал своим энтузиазмом и знаниями слушателей. В стенах университета, Исторического музея, РАНИОН и во время полевых работ Василий Алексеевич упорно, с любовью и страстью готовил новые кадры советских специалистов — археологов. Он создал свою «городцовскую школу», из которой вышло немало талантливых археологов, стоящих сейчас во главе археологической науки.

Даровитый исследователь и неутомимый педагог, Василий Алексеевич был и прекрасным пропагандистом и популяризатором своей любимой науки. Во время полевых работ он часто выступал перед крестьянами и рабочими, неся свои знания в массы.

Василий Алексеевич широко популяризировал археологию. С его именем связана целая эпоха в развитии Государственного Исторического музея, где он проработал хранителем археологического отдела с 1903 по 1929 г.

Проведя научную систематизацию огромных археологических материалов, накопившихся в хранилищах музея, он создал экспозицию открытых зал музея, показав в хронологическом порядке вещи, характеризующие историю развития человеческого общества от палеолита до русского средневековья.

Не ограничиваясь экспозицией, он пишет и издает в целях популяризации краткие путеводители по залам Исторического музея (1921, 1923 гг.).

Василий Алексеевич был крупным организатором и общественником. Он несколько лет возглавлял Археологический отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР, долгое время руководил археологической секцией РАНИОН и состоял почетным и действительным членом многих отечественных и зарубежных обществ.

Требовательный к себе и к людям, Василий Алексеевич был отзывчивым и чутким ко всему новому. Он был скромен и неприхотлив в своих личных требованиях к жизненным благам. Его трудолюбию и настойчивости можно было удивляться. В середине 30-х годов, уже на склоне своих лет, он работал месяцами по 10—14 часов в день, разбирая и систематизируя огромную коллекцию из раскопок Тимоновской стоянки.

Советское правительство высоко оценило заслуги Василия Алексеевича. Ему было присвоено высокое звание заслуженного деятеля науки. В 1944 г. он был награжден Орденом Ленина.

До последних дней своей жизни, несмотря на тяжелую болезнь, он продолжал работать над своим II томом археологии. Василий Алексеевич скончался 3 февраля 1945 г., 85 лет от роду. Он похоронен на Новодевичьем кладбище.

Образ Василия Алексеевича, крупного ученого, педагога-энтузиаста, талантливого и трудолюбивого человека, отдавшего свою жизнь служению науки, живет в сердцах советских археологов.

Д. А. Крайнов

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О В. А. ГОРОДЦОВЕ

1. И. Ф. Колесников. Список трудов В. А. Городцова. Тр. СА РАНИОН, т. IV, 1928.
2. В. М. Фриче. В. А. Городцов. Тр. СА РАНИОН, т. IV, 1928.
3. Большая Советская Энциклопедия, т. XII.— В. А. Городцов.
4. Е. И. Крупнов. О жизни и научной деятельности В. А. Городцова. СА, XXV, 1956.
5. Д. А. Крайнов. Жилища Тимоновской палеолитической стоянки. СА, XXV, 1956.
6. Е. И. Крупнов. К 50-летию юбилею научной деятельности проф. В. А. Городцова. ВДИ, 1938, № 3.
7. Е. И. Крупнов. Памяти В. А. Городцова. ВДИ, 1946, № 3.

Н. Н. ГУРИНА

НОВЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

В 1957 г. в связи с работой над решением проблемы путей проникновения древнейшего населения на территорию современной Советской Прибалтики неолитический отряд Прибалтийской экспедиции произвел обследование северной части Белорусской ССР с целью поисков там ранних памятников, предшествующих неолиту. Выбор данной территории был продиктован тем обстоятельством, что за два предшествующих года отряд закончил предварительные разведки на территории, непосредственно примыкающей к Прибалтике с востока (р. Нарва, восточное побережье Чудского и Псковского озер, р. Великая, Себежские озера) вплоть до границ Белоруссии (оз. Освей). Исследования в Псковской, б. Великолукской, Калининской и Новгородской областях за указанные два года дали весьма богатый и важный материал для изучения племенных образований в эпоху неолита на территории, примыкающей к Прибалтике с востока, и их взаимоотношений с древними прибалтийскими племенами. На основе большого нового фактического материала и привлечения ранее добытого, хранящегося в музеях, удалось выделить особую, валдайскую, неолитическую культуру, определив территорию ее распространения.

Однако новые материалы могли дать лишь негативное решение вопроса о путях первичного заселения Прибалтики, поскольку они свидетельствовали об отсутствии фактов проникновения населения в мезолитическое и раннеолитическое время в Прибалтику из областей, примыкающих к ней непосредственно с востока.

Изучение материала памятников валдайской культуры и сопоставление их с памятниками соседних территорий давало известные основания искать предшественников племен валдайской культуры на территории к юго-западу от нее, т. е. в районе Белоруссии, Десны и, возможно, Польши¹. Поэтому для решения вопроса о путях первичного заселения Прибалтики и генезиса валдайской неолитической культуры и была выбрана территория, непосредственно примыкающая к прибалтийским республикам с юга.

В Северной Белоруссии поиски памятников каменного века производились впервые. Правда, в конце XIX в. здесь была собрана коллекция каменных орудий, состоящая из шлифованных сланцевых топориков², однако она не давала никаких указаний на топографию и стратиграфические условия памятников.

Для первичного обследования нами были выбраны две области на западе и востоке Северной Белоруссии — Гродненская и Витебская. Молодеченская область обследованию не подвергалась.

¹ Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура. СА, 1958, № 3.

² Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна,

Основными участками исследования явились два главных на этой территории водных бассейна рек Немана и Западной Двины, причем бассейн последней обследовался на участке от десятого километра выше г. Полоцка до устья р. Дитвы; р. Неман обследована на всем ее течении по Гродненской области. Помимо того, поиски памятников проводились и на некоторых небольших озерах, в частности на оз. Свитезь.

На указанной территории было открыто около 40 стоянок и местонахождений каменного века.

Оставляя в стороне в данном случае стоянки эпохи неолита и раннего металла, содержащие весьма интересный материал, мы остановимся здесь лишь на мезолитических памятниках.

Отрядом открыты три мезолитические стоянки (одна из стоянок обнаружена на побережье оз. Свитезь и две — на Западной Двине, между г. Полоцком и устьем р. Дитвы), давшие большой и очень яркий материал и некоторое число местонахождений с единичными, хотя и отчетливо выраженными орудиями.

Оз. Свитезь расположено в Гродненской области, к югу от г. Новогрудок. Оно невелико, не более 1,5 км в длину и немногим более 1 км в ширину, имеет овальную форму. Мелкопесчаный характер дна прослеживается лишь по самой кромке озера, образуя как бы подводную террасу, очень отчетливо заметную по различному цвету воды; складывается впечатление, что это затопленная часть берега в результате поднятия уровня воды в озере.

На значительной части берега за сравнительно узкой песчаной полосой (не более 100—150 м), примыкающей непосредственно к озеру, поверхность понижается и превращается в слегка заболоченное пространство, поросшее ягодником. Далее за ним поднимается довольно высокая терраса.

Многочисленные отщепы кремня и кремневые орудия собраны на песчаном берегу или непосредственно в воде, причем распределение находок по участкам берега было далеко не равномерным. В основном они сосредоточивались в трех местах, тогда как на остальных участках берега находки отсутствовали. Здесь же было собрано небольшое количество поздней средневековой керамики.

Не останавливаясь на поздних, средневековых, находках, не имеющих отношения к нашей теме, обратимся к рассмотрению кремневого инвентаря.

Меловой кремень, использованный для изготовления изделий, очень хорошего качества, почти черного цвета (как мы увидим далее, совершенно сходный с кремнем, использованным для изготовления орудий на двух других мезолитических стоянках). Характерной чертой инвентаря является тщательность выделки орудий, проявляющаяся в законченности и строгой повторяемости форм и очень мелкой правильной ретуши.

Особая ценность материала стоянки оз. Свитезь заключается в серийности типов орудий, выраженных удивительно отчетливо. Наибольшую по численности группу составляют скребки, изготовленные из ножевидных пластин правильных геометрических очертаний, с ретушью на конце. Помимо того, имеется и некоторое количество округлых скребков, также очень тщательно отретушированных (рис. 1, 9 — 11, 13).

Второй, не менее, а может быть, более важной датирующей группой орудий являются наконечники стрел (за исключением одного), сделанные из правильных ножевидных пластинок, подретушированных с брюшка на конце пера и в тыльной части (рис. 1, 3—5).

Из прочих орудий следует указать пластинки с притупленным или срезанным краем (рис. 1, 7, 12), трапецию (рис. 1, 1), большое количество ножевидных пластин, краевые отщепы (рис. 1, 16), резцы (рис. 1, 6, 14, 15), призматические нуклеусы и др. Некоторыми индивидуальными чертами обладают два наконечника стрел, оба некрупного размера — один с вы-

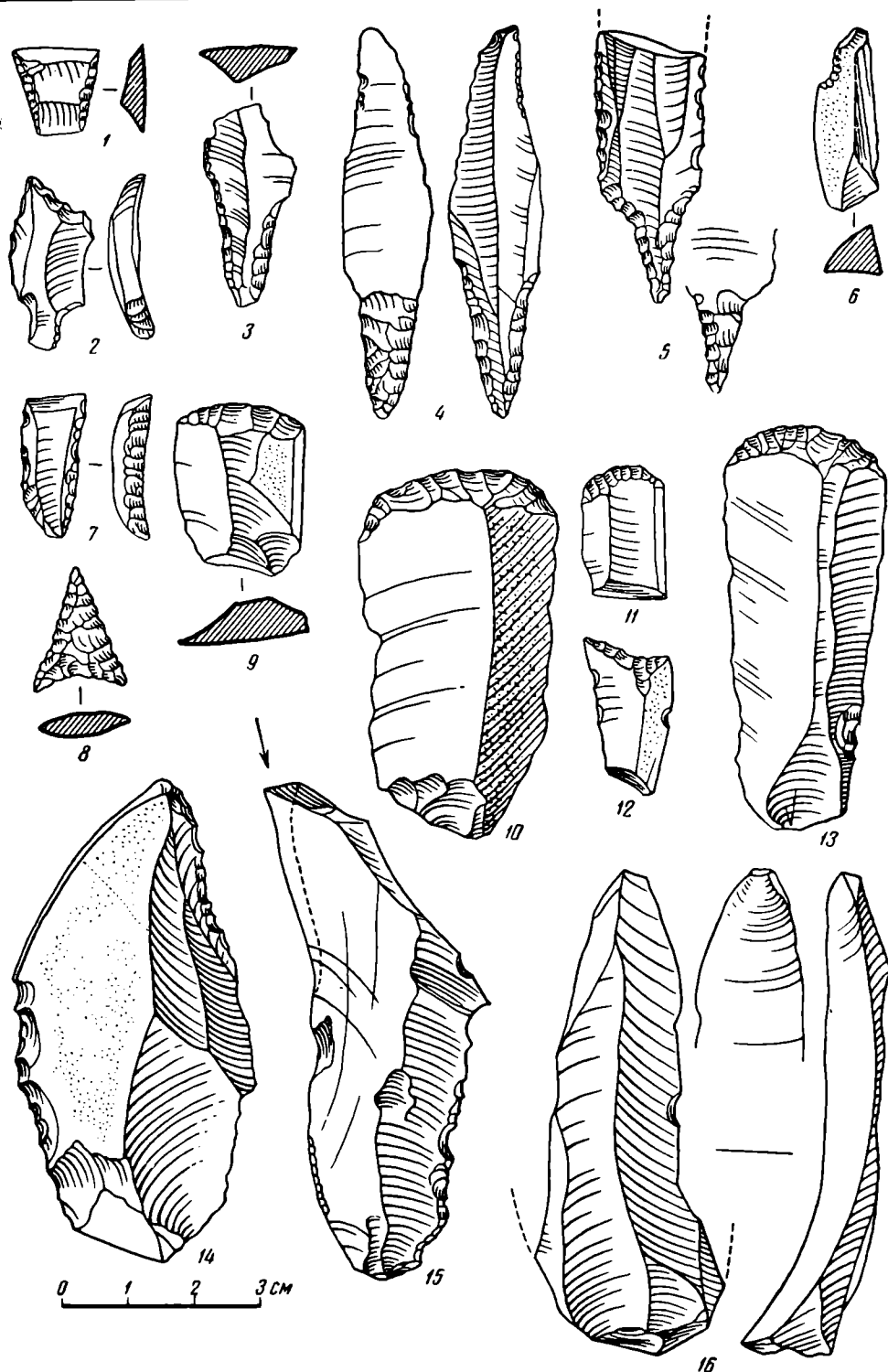

Рис. 1. Кремневый инвентарь стоянки оз. Свитезь

емкой в основании и двухсторонней обработкой (рис. 1, 8), другой — на пластинчатом отщепе неправильных очертаний (рис. 1, 2).

Оценивая весь комплекс кремневого инвентаря, найденного на оз. Свитезь, можно сделать заключение о принадлежности его к мезолитической эпохе. Об этом свидетельствуют руководящие формы орудий (концевые скребки на ножевидных пластинах, наконечники стрел на пластинах с ретушью на конце и в тыльной части, пластинки с притупленным и срезанным краем, краевые отщепы, трапеция, формы нуклеусов и др.), исключительная тщательность их изготовления и характер кремня.

Сопоставление материала оз. Свитезь с материалом мезолитических стоянок соседних территорий приводит к выводу, что в основных чертах он аналогичен материалу свидерских стоянок Польши³. Исключение составляет наконечник стрелы с двухсторонней обработкой и выемкой в основании. Не настаивая на его мезолитическом возрасте, укажем лишь на все увеличивающееся количество фактов, когда подобный тип наконечника встречается с хорошо выраженным комплексом мезолитических орудий. Примером этого являются стоянки Литвы и на р. Десне.

После очень продолжительных поисков культурного слоя нам удалось обнаружить его признаки; однако наличие крупных корней деревьев не дало возможности произвести зачистку на широкой полосе. Насколько можно судить, остатки его залегают под дерновым слоем на глубине 0,2—0,3 м от поверхности. Сам слой представляет собой желтый песок озерного происхождения. При зачистке его найдены единичные отщепы кремня и крошечные, в несколько миллиметров, фрагменты сосудов, о которых трудно сказать что-либо определенное. Углубить зачистку обреза ниже 0,60 м нельзя, так как сразу выступала вода. Очень возможно, что культурный слой, обнаруженный нами на оз. Свитезь, не является мезолитическим, а относится к раннеолитическому времени и двусторонний наконечник с выемкой может быть связан именно с ним.

Совершенно очевидно, что мезолитический слой ежегодно вымывается весенними водами озера. Сборы, сделанные нами в два приема, с месячным промежутком, показали, что за этот отрезок времени на поверхности появился новый материал. Вместе с тем отсутствие окатанности на орудиях явно говорит о том, что они не могли в течение длительного времени (не только столетий, но даже десятилетий) находиться в воде, подвергаясь ее воздействию. По-видимому, правильнее всего предположить, что мезолитический материал вымывается из слоя ежегодно и заносится затем озерным песком.

Второй мезолитический памятник, открытый в 1957 г., — стоянка у дер. Крумплево, на правом берегу Западной Двины, приблизительно 30—32 км ниже г. Полоцка, выше устья р. Дитвы. Стоянка занимала сравнительно ровную площадку высокого берега Западной Двины, отделенную от него несколькими десятками метров. Высота площадки над современным летним уровнем реки не более 6 м.

В отличие от суглинистого характера берега Западной Двины, прослеживаемого на большом пространстве, участок, занятый стоянкой, сложен из дюнного песка, налегающего на слоистые пески. Именно эта непрочность грунта послужила причиной сильного размыва берега весенними водами. В месте стоянки образовался большой котлован, нарушивший целостность памятника, вследствие чего находки оказались на дне большой промоины площадью свыше 800 м², на глубине до 2 м.

Тщательные сборы, произведенные внутри котлована (разделенного предварительно на четырехметровые квадраты), позволили выявить границу распространения находок и их известную концентрацию.

Судя по отсутствию явно выраженной окатанности предметов и хорошей сохранности средневековой керамики, следует заключить, что они попали на поверхность лишь недавно, вероятнее всего, той же весной, поскольку посевы ржи, окружающие промоину, подходят вплотную к ее краю, чего не могло бы случиться, если бы этот котлован существовал до начала обработки земли. Именно наличие посевов у самого края промоины и не позволило заложить здесь раскоп, хотя при осмотре примыкающих к ней участков поля были сделаны редкие находки каменных орудий.

Зачистка краев промоины на большом пространстве и закладка многочисленных шурфов на дне ее позволили выяснить в известной мере

³ L. Sawicki. Przemysl swiderski I stanowiska Wydmowego Swidry Wielkie I. Poznań, 1935.

стратиграфию памятника. Так оказалось, культурный слой, содержащий мезолитический комплекс находок, залегал под культурным слоем средневекового времени, который достаточно наглядно характеризует керамика, изготовленная на гончарном круге. Слой этот — гумусированный песок, окрашенный в темный цвет, лежавший непосредственно под пашенным слоем, не превышал по мощности 30—40 см. Ниже него залегал песок несколько более светлого оттенка, с мельчайшими вкраплениями угольков. После зачистки значительной площади в нем были найдены отщепы и чешуйки кремня. Средневековый материал отсутствовал⁴. Мощность данного слоя не превышала 50—55 см. Судя по характеру материала, именно его и следует считать культурным слоем мезолитической стоянки.

Ниже залегал слой песка, имеющий отчетливую слоистую структуру — чередование светло-желтых прослоек с темно-коричневыми и не содержащий находок.

Насколько удается судить, насыщенность мезолитического слоя сравнительно слабая. Этому не противоречит большое число найденного нами инвентаря, если учесть значительную площадь распространения находок в котловане и величину последнего.

Подобно стоянке оз. Свитезь, материал у дер. Крумплево имеет ярко выраженный мезолитический характер. Прежде всего оба памятника сближает тождество прекрасного темного мелового кремня, удивительная тщательность изготовления орудий (выраженная в Крумплеве с еще большей отчетливостью), а также общность ведущих форм орудий. Среди последних на стоянке у дер. Крумплево больше всего скребков, представленных тремя типами: концевыми, изготовленными из очень правильных ножевидных пластинок (рис. 2, 12, 13, 18—24), скребками округлых форм на пластинчатых отщепах (рис. 2, 11, 14, 17) и микролитовидными круглыми скребочками (рис. 2, 15, 16). Все имеющиеся наконечники стрел — на ножевидных пластинах с плоской тщательной ретушью на конце и в тыльной части со спинки или с брюшка (рис. 2, 7—10). Имеются тончайшие проколки, пластинки с притупленной спинкой и пластинки со скошенным краем (рис. 2, 1—6). Особенно много очень правильных ножевидных пластин с тщательной обработкой тончайшей ретушью по одному или двум краям.

Основные типы вещей заставляют сопоставить и данный памятник со свидерскими стоянками Польши (рис. 3, 1—15). Из числа специфических орудий, заслуживающих внимания, следует упомянуть орудия с резцовыми сколами и орудия типа *pièce écaillée*.

Никаких других форм кремневых орудий или ранней керамики не найдено, что подчеркивает целостность мезолитического комплекса и делает тем самым данный памятник весьма интересным для изучения мезолитической эпохи лесной полосы Европы.

Наконец, третьим и в известном отношении наиболее интересным памятником является вновь открытая мезолитическая стоянка у дер. Петровщина, на месте бывш. «Семенова хутора», приблизительно на расстоянии 28—30 км ниже г. Полоцка, в 2—3 км выше стоянки Крумплево, на противоположном берегу.

На месте стоянки, непосредственно у реки, берег полого спускается к воде, и над этой поймой возвышается первая надпойменная терраса, местами размытая водой и имеющая обнажения. Выше она переходит, по-видимому, во вторую надпойменную террасу, сильно заросшую лесом.

Зачистка края первой террасы на высоте 6,5 м над современным берегом Западной Двины позволила обнаружить после расчистки намытого грунта кремневые орудия, залегающие в культурном слое *in situ*. Рекогносцировочные раскопки позволили достаточно отчетливо выяснить характер данного памятника и получить весьма интересный материал.

⁴ При сборах размытого материала отмечено, что на дне котлована средневековая керамика залегала вместе с мезолитическими находками.

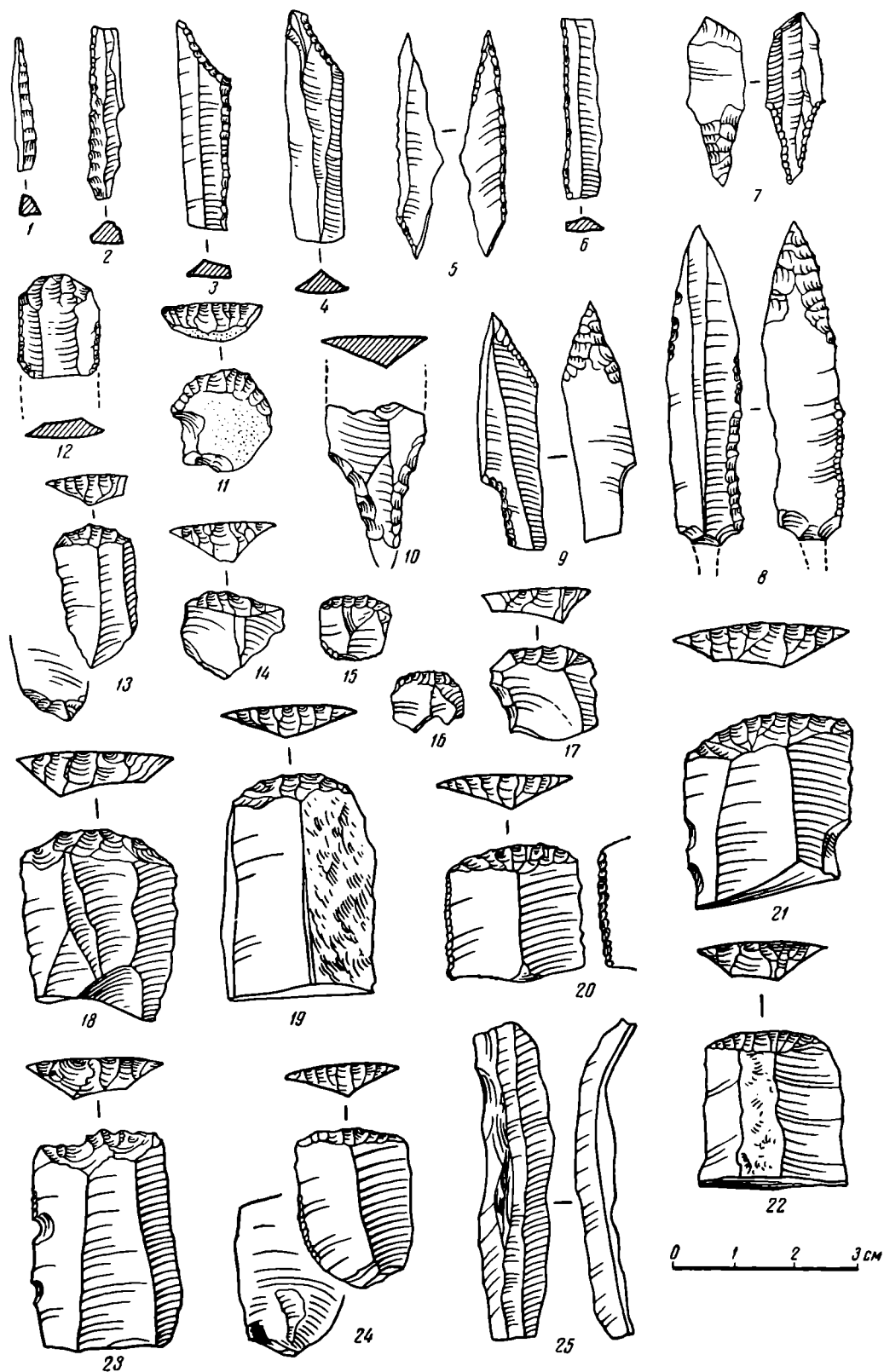

Рис. 2. Кремневый инвентарь стоянки у дер. Крумплево

Раскоп, равный 21 м^2 , был разбит вдоль берега реки, почти непосредственно по краю террасы. Помимо того, с целью выяснения распространения культурного слоя в сторону от берега была заложена трехметровая траншея, расположенная перпендикулярно к реке. Как оказалось, основная масса находок отчетливо концентрировалась на квадратах, обращен-

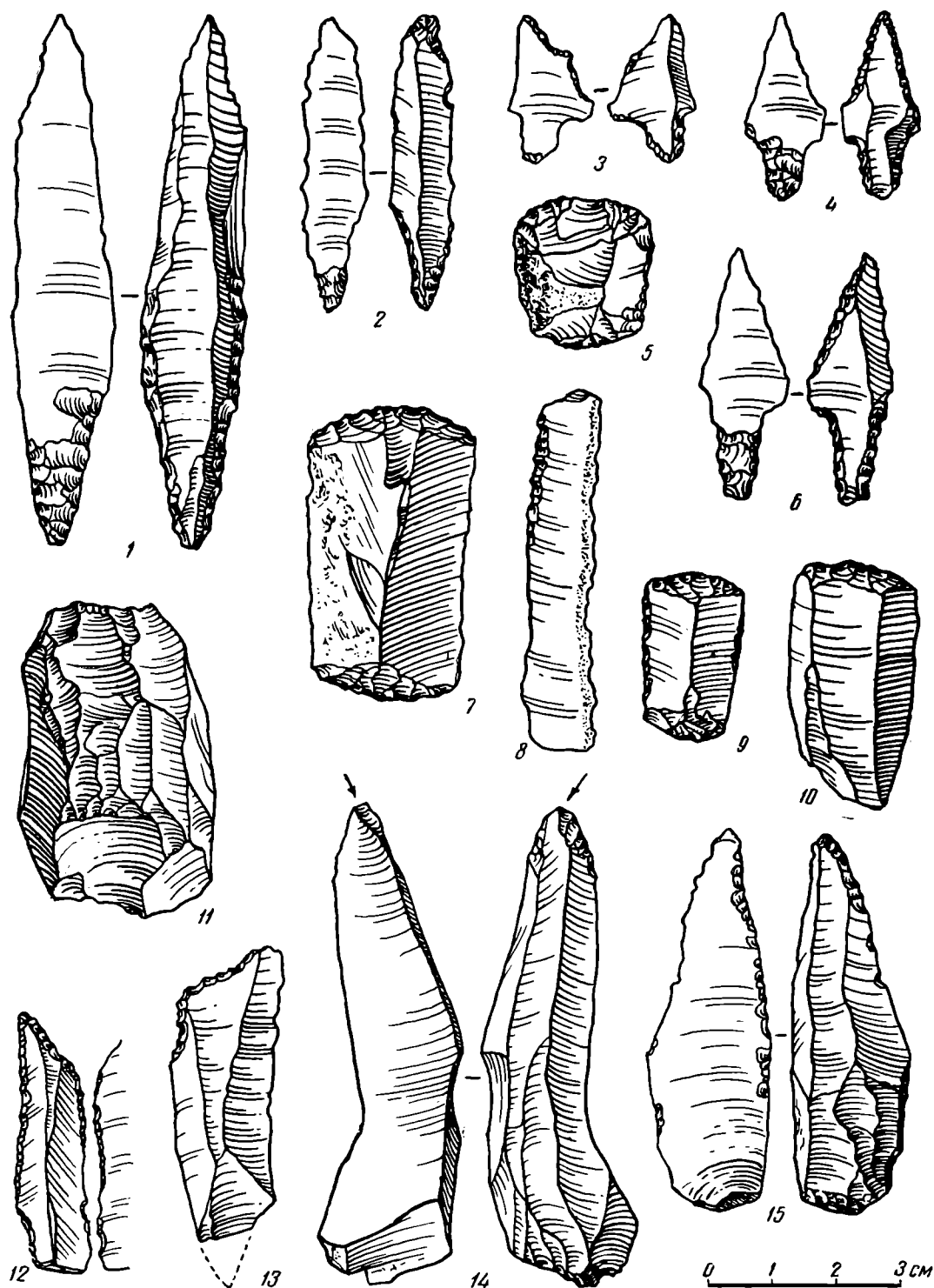

Рис. 3. Кремневый инвентарь польских свидерских стоянок (по Л. Савицкому)

ных в сторону реки. Дальше от берега находки почти исчезали. Отсюда следует вывод, что стоянка была вытянута узкой полосой вдоль берега реки и, к сожалению, в основной своей части размыта весенними водами. Протяженность стоянки, по-видимому, была значительной, поскольку отдельные чешуйки кремня удалось обнаружить и на соседних участках берега, хотя зачистка обреза не дала находок в слое.

В процессе раскопок достаточно отчетливо выявилась стратиграфия

памятника, имевшая следующий характер: растительный слой тонкий, поросший травой (не более 3—4 см); темный, гумусированный песок — культурный средневековый слой, богато насыщенный керамикой этого времени (20 см); темно-коричневый комковатый суглинок, более светлый в верхней части и значительно темнее, с большей примесью глины, в нижней — культурный слой, содержащий мезолитические находки. Мощность верхнего, более светлого горизонта суглинка равнялась 20—25 см, темного — 40 см. Таким образом, вся толща культурного слоя достигала 60 см. Непосредственно под темным суглинком залегал речной песок, довольно плотной структуры. Цвет его неодинаков. Он состоял из чередующихся светло-желтых тонких прослоек с темно-коричневыми, в нижней части его встречались довольно крупные камни, поверхность которых была слегка разрушена под действием огня или выветривания. Между камнями попадались следы мельчайших угольков в виде точек.

Подобный же слоистый песок, только лишенный камней, подстилал и мезолитический слой на соседней стоянке Крумплево.

Был произведен анализ пылицы образцов с этой стоянки, позволивший дать следующее заключение⁵. На содержание пылицы и спор была исследована толща на глубине 0,2—1,2 м. По особенностям спорово-пыльцевых комплексов она разделяется на два хорошо выраженных горизонта.

1-й горизонт (1,2—0,5 м) очень обедненный — пыльцевые зерна встречаются единично или совершенно не обнаружены. Найдены споры плаунов, папоротников и мхов, в основном тоже очень немного.

2-й горизонт (0,4—0,2 м). Пыльцы и спор выделено довольно много; вероятно, климат в это время здесь был более благоприятным.

В образцах на глубинах 0,4 и 0,5 м, т. е. на границе указанных горизонтов, содержится много спикул губок. Можно предположить, что в это время местность была залита водой.

Спорово-пыльцевые комплексы изученных образцов показывают, что климат был холоднее современного. Из широколиственных древесных пород обнаружены только пыльцевые зерна липы и лещины, растений до некоторой степени холодостойких. Теплолюбивых широколиственных древесных пород не обнаружено. В составе травянистых спектров встречены пыльцевые зерна представителей луговых ассоциаций.

В спорово-пыльцевых комплексах преобладают споры плаунов, папоротников и мхов; пыльцы древесных пород и травянистых растений очень мало. Часто встречаются недоразвитые формы.

По-видимому, климатические условия были неблагоприятными. Поэтому пыльцы продуцировалось мало. Папоротникообразные и мхи произрастали в сравнительно хороших условиях под покровом леса.

Приводим составленную таблицу пыльцевого анализа.

В сделанных выводах для нас существенным является деление нижнего слоя на два яруса и констатация холодного климата в период отложения нижнего мезолитического горизонта культурного слоя.

Находки сосредотачивались преимущественно в нижней части глинистого слоя, однако в слоистый песок они не заходили. Насыщенность культурного слоя была незначительной; находки встречались в небольшом количестве, но распределялись на квадратах, обращенных к реке относительно равномерно. На квадратах, расположенных дальше от реки (как уже указывалось), их было гораздо меньше.

Основную массу находок составляли мельчайшие чешуйки кремня и некрупные отщепы. Однако и готовых орудий было сравнительно много. Общей для них чертой, как и для орудий двух первых памятников, является использование прекрасного мелового, очень темного кремня. Техника изготовления орудий исключительно совершенна; все они обработаны тончайшей отжимной ретушью. Величина орудий очень незначительна; в

⁵ Анализы были произведены благодаря любезности инженера Л. Короткевич.

Результаты спорово-пыльцевых анализов образцов из стоянки Семенов хутор у дер. Петровщина, Витебской обл. (БССР)

№ анализа	Глубина взятия образца (в м)	Древесные породы							Недревесные растения											Папоротникообразные			Мхи		Общее количество пыльцы и спор — 100%	Общий состав пыльцы и спор				Слизили губок	Грибы — споры	Уголь					
		Picea	Pinus	Betula	Alnus	Corylus	Tilia	Salix	Cyperaceae	Gramineae	Compositae	Artemisia	Centaurea	Cirsium	Polygonum sp.	Chenopodiaceae	Ranunculus	Cruciferae	Calluna	Неопределен.	Botrychium	Lycopodium	Polypodiaceae	Sphagnum		Bryales	Древесн. породы	Недревесные растения	папоротникообр.				мхи	Единично	Много	В массе	В массе
239	0,20	3	45	4	2	1	—	—	6	1	—	1	2	—	—	—	—	—	4	—	36	37	28	128	305	55	21	73	156	51	Единично	51	В массе				
334	0,30	—	10	5	4	5	—	31	2	8	—	—	1	1	1	1	—	—	—	1	13	8	21	175	25	46	22	82	9	Немного	9	В массе					
287	0,40	—	4	2	2	4	2	5	—	1	2	—	—	4	—	—	—	—	4	2	19	8	22	102	14	16	29	43	61	Много	61	В массе					
339	0,50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	4	8	—	—	4	4	22	Много	22	Немного					
335	0,60	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40	84	7	88	222	3	—	124	95	21	Немного	21	Довольно много				
340	0,70	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	2	6	—	—	4	2	7	Единично	7	Немного					
333	0,80	—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	6	—	7	17	1	2	7	17	132	Много	132	Немного					
238	1,20	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	7	13	4	1	7	3	—	3	Немного					

полной мере их можно назвать микролитическими. Наиболее крупным является топоровидный предмет 5 см длины (рис. 4, 20) и нуклеус. Размеры других орудий, как правило, не превышают 3 см. Среди них наиболее многочисленны скребки: концевые — на тонких, правильной формы небольших ножевидных пластинах и округлые, маленькие (не более 1 см) скребки (рис. 4, 12, 15—18). Особенно велико количество ножевидных пластин, очень правильной формы, часто с притупленной спинкой или со скошенным краем. Обращают на себя особое внимание трапеция (рис. 4, 2) и две маленькие кремневые пластиночки (одна с притупленным краем), имеющие с одной стороны тончайшую пыльчатую ретушь (рис. 4, 4—4а, 5—5а), а также части наконечников стрел на тонких, некрупных ножевидных пластинах, чрезвычайно тщательно обработанных (рис. 4, 6, 7). Никаких признаков керамики не встречено.

Судя по составу инвентаря и характеру техники его изготовления, не остается сомнений в мезолитическом возрасте данной стоянки. Отчетливо выраженная общность ее в основных чертах со стоянками свидерского типа Польши заставляет отнести и ее именно к этому кругу памятников.

Нахождение культурных остатков в слое суглинка *in situ* отличает стоянку у хут. Семенова от всех ранее известных мезолитических памятников лесной полосы, носящих дюнный характер. В настоящее время его следует считать пока единственным, могущим служить своего рода «эталоном» при расчленении смешанного, как правило, материала мезолитических стоянок, найденных на дюнах.

Заслуживает внимания и близость двух мезолитических стоянок у Семенова хутора и у дер. Крумплево. Общность стратиграфии обоих памятников, расположенных на Западной Двине, выраженная в залегании мезолитического слоя на слонстых песках, может указывать на их хронологическую близость. По-видимому, этот район был заселен в одно время, после освобождения его из-под воды. Вероятнее всего, стоянки возникли непосредственно на песчаном берегу Западной Двины, имевшей до того большую ширину, о чем могут свидетельствовать отложенные ею слоистые пески. Стоянки были недолговременными и не занимали большой площади.

В последующее время не наблюдалось больших разливов реки (берега, по-видимому, покрылись лесом), поскольку культурный слой не был размыв.

Новые памятники позволяют сделать и другие выводы. Бесспорно, что территория современной Северной Белоруссии (во всяком случае, западный и восточный ее районы) была обитаема в эпоху мезолита. Таким образом, она составляет недостававшее прежде звено, связывающее теперь мезолитические памятники Польши и Литвы. Вместе с тем находки на Западной Двине, своим верховьем близко смыкающейся с верховьем Волги, позволяют перекинуть мост от мезолитических памятников запада на восток, к мезолитическим памятникам Верхнего Поволжья и Оки (Скнятино, Елин Бор и др.). Такое заключение можно вывести из общности всех этих стоянок с мезолитическими стоянками свидерского типа в Польше.

Однако вместе с явными чертами сходства наших и свидерских памятников отмечаются некоторые индивидуальные особенности инвентаря вновь открытых мезолитических стоянок Северной Белоруссии. Белорусские стоянки имеют, прежде всего, заметно более микролитоидный характер — наличие мельчайших скребочков, пилочек, острий и проколов, пластинок с притупленной спинкой, пластинок со срезанным краем и, наконец, хотя и очень редко, трапеции. Все эти черты отличают их в известной степени и от мезолитических стоянок соседних территорий — Литвы⁶ и Верхней Волги⁷. Важно отметить, что наиболее западная из наших стоянок —

⁶ Р. Яблонские т.е. Мезолит Литвы. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 40—52.

⁷ П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, 1950, стр. 15—25.

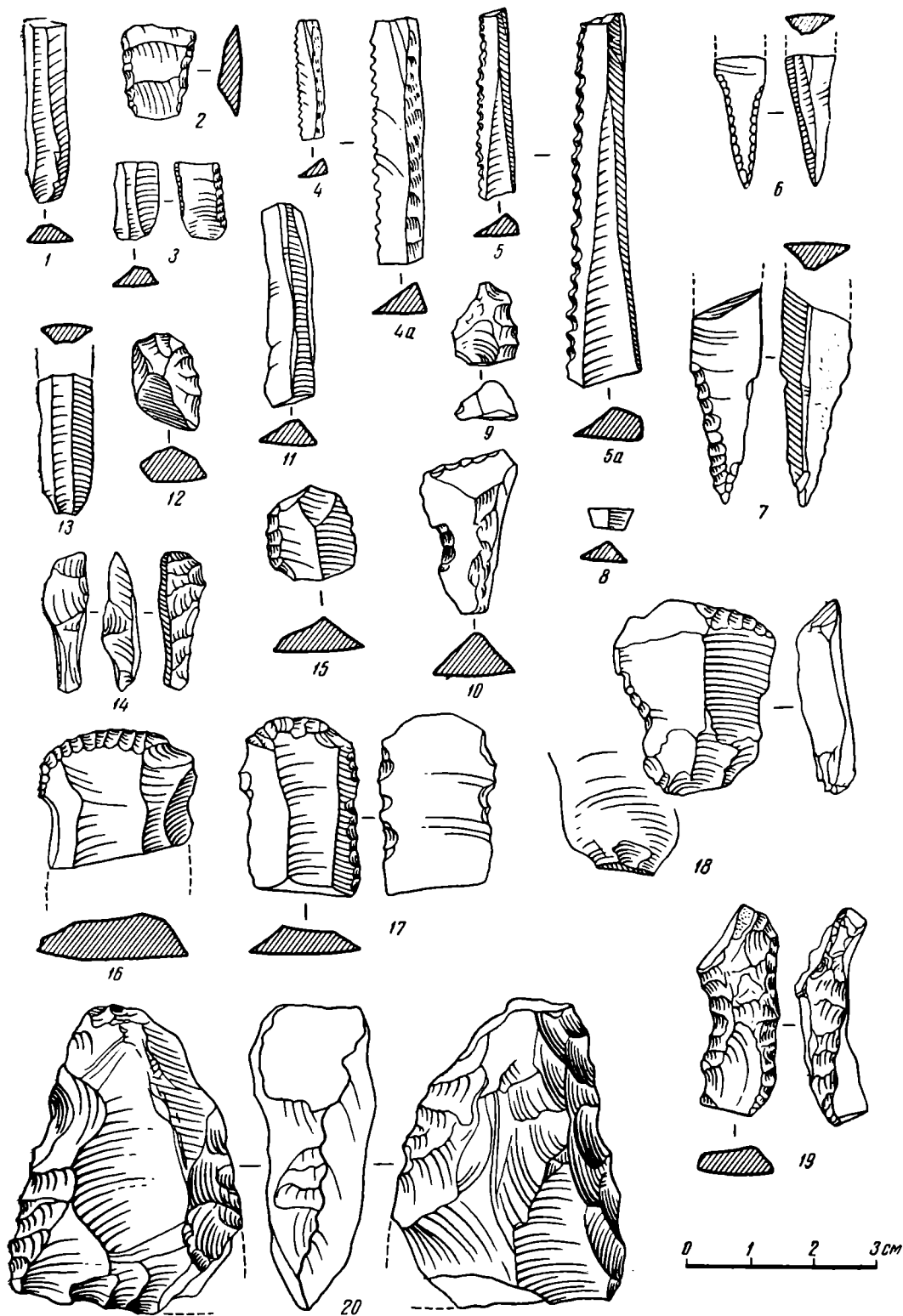

Рис. 4. Кремневый инвентарь стоянки у хут. Семенова, близ дер. Папортное

на оз. Свитезь — ближе всего к польским. Индивидуальные особенности стоянок (при наличии общего сходства) должны свидетельствовать о том, что племена, продвинувшиеся на территорию современной Северной Белоруссии, по-видимому, с запада и юга, выработали постепенно новые типы и формы орудий, отвечающие, несомненно, каким-то новым потребностям хозяйства. Таким образом сформировалась мезолитическая культура этой

территории, носящая отчетливо выраженный микролитовидный характер. С этой точки зрения, по-видимому, несколько более поздний возраст стоянок Крумплево и Семенова хутора по сравнению со стоянкой оз. Свистеть находит свое объяснение.

Большой интерес представляет небольшая стоянка на оз. Белые Струги, расположенном в непосредственной близости от р. Великой в Псковской области, обнаруженная А. Щеголевым. На побережье небольшого оз. Белые Струги, связанного р. Струглицей с р. Великой, обнаружено несколько местонахождений дюнного характера, давших различный по времени материал. Среди них по характеру своего инвентаря выделяется стоянка № 3. Наряду со средневековой керамикой (XIII—XV вв.) она содержит отщепы кремня, крошечные кремневые чешуйки и несколько десятков кремневых орудий. Общей для них ясно выраженной чертой являлся малый размер и исключительная тщательность изготовления. Среди орудий имеется некоторое количество мелких скребков на концах правильных ножевидных пластин, крошечные круглые скребочки, несколько тонких острий и одно трапециевидное орудие. Весь инвентарь в целом совсем не типичен для неолитических стоянок этого района.

Сопоставление его с материалом вновь открытых стоянок показывает большое сходство как в типах орудий, так и в технике их изготовления. По-видимому, эти стоянки также следует отнести к эпохе мезолита, но несколько к более поздней фазе его развития, что вполне логично, если считать, что продвижение сюда древнего населения происходило с юга и юго-запада.

Материал с новых мезолитических стоянок (скребки на правильных ножевидных пластинках, острия с резцовыми сколами, пластинки со срезанным краем, пластинки с притупленной спинкой, орудия типа *pièce écaillee* и некоторые другие) не может не обратить нашего внимания еще на одно обстоятельство — на сходство в ряде случаев как в форме орудий, так и особенно в технике их изготовления с верхнепалеолитическими орудиями Русской равнины, в частности со стоянками Костенковско-Боршевского района (например, Костенки IV)⁸.

Не решая в данной статье вопроса о причинах этого сходства, мы хотим лишь обратить на него внимание. Не исключена, однако, возможность, что здесь имеет место не простое совпадение. Допустимо высказать предположение о возможности генетического родства мезолитического населения Северной Белоруссии с позднепалеолитическим населением Средне-Русской равнины. Может быть, несколько смело и преждевременно, но вместе с тем вполне возможно предположить, что прошлое мезолитического населения рассмотренного нами района надо искать не только на Западе — на территории Польши, но и к юго-востоку от нее, чему как будто бы не противоречат и выводы антропологов.

Однако этот вопрос может быть решен лишь после получения серии новых фактов, собранных дальнейшими специальными исследованиями на обширной территории, лежащей к юго-востоку от Белоруссии.

Наконец, новый материал, открытый на Западной Двине, интересен еще и наличием в нем общих черт с материалом стоянок валдайской культуры. В начале статьи мы приводили высказанные нами ранее предположения об истоках валдайской культуры на территории, лежащей от нее к юго-западу. Сходство ведущих форм орудий этой культуры с орудиями мезолитических стоянок, открытых в Северной Белоруссии и, в особенности, на Западной Двине (Крумплево и Семенов хутор), в верхнем течении которой расположено большое количество валдайских стоянок, подкрепляет теоретические предположения реальными фактами. Следует надеяться, что и для решения этого вопроса последующие исследования дадут необходимый материал.

⁸ А. Н. Роговчев. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. МИА, № 45, 1955.

К. Х. КУШНАРЕВА

ТАЗАКЕНДСКИЙ МОГИЛЬНИК В АРМЕНИИ

Ценные материалы, добытые в свое время на Кавказе членами Археологической комиссии и Московского археологического общества, хранятся в музеях нашей страны. Большая часть этих материалов, не опубликованная до сих пор, продолжает оставаться неизвестной. Нередко препятствием к изучению того или иного комплекса служит оторванность самих вещей от сопровождавших их документов, так как оба названных центральных учреждения, сохраняя в своих архивах всю документацию, направляли присланные археологические материалы в различные музеи. Известен не один случай, когда предметы из одного и того же памятника, из одного и того же комплекса разобщены по разным музеям.

К числу именно таких материалов, почти не опубликованных до настоящего времени, но постоянно упоминаемых в литературе как имеющие большое значение, относятся материалы из могильника в Армении, именуемого по-разному — Тазакенд, Кизил-Кала, Гая-Хараба.

Могильник этот подвергался раскопкам трижды, тремя различными лицами. Вся документация раскопок хранится в архиве ИА АН СССР. Однако вещи рассредоточены в трех музеях в разных городах — в Гос. Историческом музее (Москва), в Гос. музее Грузии (Тбилиси) и в Институте антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград).

Тазакендский могильник получил известность благодаря находке в ряде погребений расписной керамики, сравнительно редкой для Закавказья¹.

Могильник расположен в 12 км к северу от Еревана, на правом берегу р. Занги (новое название реки — Раздан), напротив Канакира, северо-западнее с. Тазакенд (рис. 1); рядом с могильником находилось ныне не существующее село Гая-Хараба. Это был огромный некрополь, насчитывающий несколько сот погребений. В западной части могильник перерезают развалины древней крепости Кизил-Кала; нижние ряды кладки стен, состоящие из громадных каменных глыб, относятся скорее всего к периоду возникновения здесь могильника.

Большая часть погребений находилась под небольшими каменными насыпями. Раскопками установлено, что здесь было два типа погребений: 1) более древние — грунтовые, перекрытые массивными туфовыми плитами; в могилах этого типа была исключительно красная керамика с черной росписью, относящаяся к периоду средней бронзы; 2) поздние — погребения, выложенные с боков и перекрытые сверху каменными плитами; в этих

¹ П. С. Уварова. Коллекции Кавказского Музея. Археология, т. V, Тифлис, 1902, стр. 119, 122; А. С. Некоторые закавказские могильники. ИАК, вып. 29, 1909; А. А. Z a k a r o v. Etudes sur l'archéologie de l'Asie Mineure. Revue hittite et asiatique. Paris, 1931; St. P r z w o r s k i. Zagadnienie wplywow Bliskiego Wschodu w kulturze Fatjynowskie j Rosji Srodkowej. Swiatowit, т. XVI, 1933, стр. 26; Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 33; е го же. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 6; Б. Б. П и о т р о в с к и й. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 48; F. H a n ç a r. Die bemalte Keramik Transkaukasiens im Lichte neuer Funde. Archiv für Orientforschung, т. XIV, тетр. 5—6, 1944, стр. 293.

Рис. 1. План местности около с. Тазакенд (по П. В. Чарковскому)

могилах находились черно- и серолощенные сосуды и бронзовые предметы, характерные для эпохи поздней бронзы и раннего железа.

История раскопок этого памятника весьма интересна. В 1896 г. служивший на Кавказе полковник П. В. Чарковский, получив разрешение Археологической комиссии, раскопал там 22 погребения. Отчет им представлен не был. Пересланный в Комиссию дневник в настоящее время хранится в архиве ИА АН СССР². Материалы из раскопок были отправлены в Кавказский музей (ныне Гос. музей Грузии)³. В Музее Грузии хранится также

² Архив ИИМК, ф. I, дело № 140/1896, л. 7.

³ П. С. Уварова. Ук. соч., №№ 2680—2754.

купленная Б. А. Куфтиным в Киеве ранее неизвестная личная коллекция П. В. Чарковского, состоящая из сосудов и бронзовых изделий из Эриванской губернии. В числе 350 предметов этой коллекции имеется пять красных расписных сосудов, идентичных открытым в тазакендском могильнике и происходящих, несомненно, оттуда же⁴.

В 1903 г. Московское археологическое общество поручило своему члену архиепископу М. Сумбатянцу провести раскопки в районе крепости Кизил-Калы. Последний препоручил работы М. Захарьянцу — человеку, совершенно несведущему в археологии. Раскопав 17 могил на том же могильнике, где производил раскопки П. В. Чарковский, М. Захарьянц лишь несколько предметов прислал в Московское археологическое общество. Большую часть вещей, в том числе и 25 глиняных сосудов, он продал Археологической комиссии⁵. Отчет, присланный М. Захарьянцем в Археологическую комиссию, был составлен неграмотно, по памяти, и свидетельствовал о низком уровне проведенных им работ.

С целью проверки на месте раскопок М. Захарьянца, а также исследования этого интересного могильника Археологическая комиссия в 1904 г. направила в Кизил-Калу Э. Рёслера⁶.

Обследовав могильник, Э. Рёслер сообщил, что к моменту его приезда почти все могилы оказались разграбленными. Ему удалось раскопать 28 оставшихся могил. Отчет о раскопках им представлен не был. В делах Археологической комиссии сохранился лишь дневник его раскопок на немецком языке, написанный чрезвычайно небрежно и заключающий в себе лишь очень отрывочные данные о каждой могиле⁷. Присланные вещи были переданы вскоре Комиссией в Этнографический музей, где они хранятся и поныне⁸.

В 1934 г. место раскопок обследовал Б. Б. Пиотровский, изучавший материал из Кизил-Калы по архивным данным. Им впервые и была установлена идентичность могильника, раскапывавшегося П. В. Чарковским и М. Захарьянцем⁹.

Далее мы приводим все имеющиеся в архиве материалы, касающиеся ранних могил, сопровождаемых расписной керамикой.

Из 22 курганов, исследованных П. В. Чарковским, четыре (№№ 1, 2, 13, 14) заключали грунтовые погребения.

К у р г а н № 1¹⁰. Под небольшой насыпью из камней находилась прямоугольная грунтовая могила, перекрытая тремя туфовыми глыбами. Дно могилы — туфовая скала. Ориентировка север — юг. Размеры могилы: длина — 1,8 м, ширина — 0,98 м, глубина 0,9 м. Костяк не сохранился. В северной и центральной части стояли четыре сосуда. Все сосуды имеют красную лощеную поверхность, поверх которой наносилась черной краской роспись. Один из них, сломанный, был оставлен на месте. Остальные три: 1) горшок с сильно раздутым туловом и низким венчиком украшен в верхней части двумя рядами ромбовидных изображений, состоящих из параллельных линий (рис. 2, 12); 2) кувшин с несколько расширяющимся в средней части туловом и вытянутым широким горлом, украшен в верхней части двумя поясами, заполненными косой штрихов-

⁴ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 6, прим. 31. По-видимому, Б. А. Куфтиным был приобретен не дневник, а копия дневника Чарковского, так как дневник его хранится в фонде Археологической комиссии (Архив ИА АН СССР, ф. I, дело № 140/1896, л. 7).

⁵ Архив ИА АН СССР, ф. I, дело № 241/1895, л. 28. Позднее часть этих предметов была опубликована А. А. Спицыным. А. С. Ук. соч., рис. 1—22.

⁶ Архив ИА АН СССР, ф. I, дело № 122/1904, л. 39; ОАК за 1904 г., стр. 98—99. Архив ИА АН СССР, ф. I, дело № 34/1905, л. 53.

⁷ Архив ИА АН СССР, ф. I, дело № 122/1904. Дневник Э. Рёслера, стр. 102—106, 114, 116.

⁸ Музей антропологии и этнографии АН СССР, археологический отдел, инв. 2049, №№ 178—224.

⁹ Приношу глубокую благодарность Б. Б. Пиотровскому, сообщившему мне важные сведения относительно публикуемого материала.

¹⁰ Архив ИА АН СССР, дело № 140/1896. Дневник П. В. Чарковского, стр. 12.

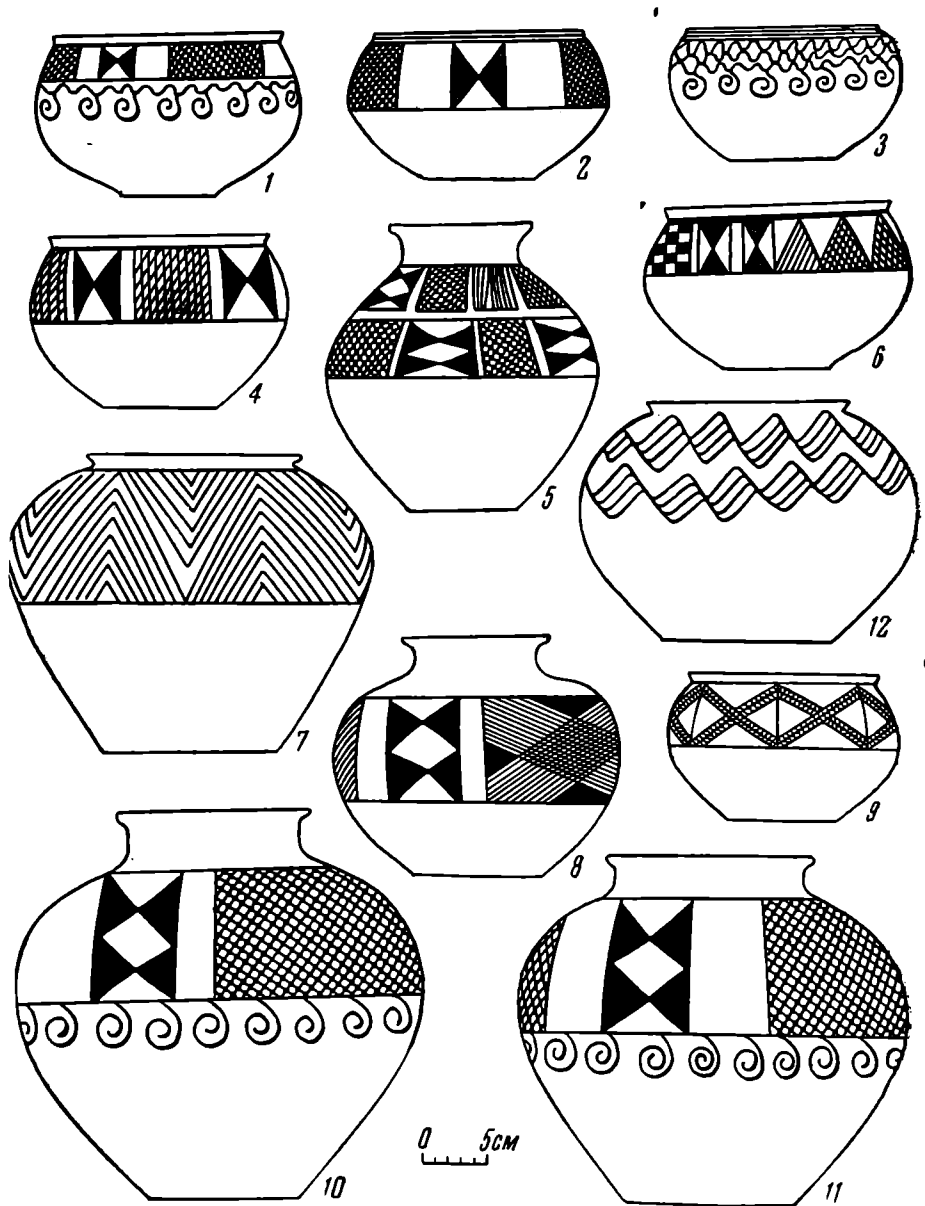

Рис. 2. Сосуды из Тазакендского могильника (раскопки П. В. Чарковского)

1—3, 10, 11 — из кург. № 2; 4, 7 — из кург. № 14; 5, 8, 12 — из кург. № 1; 6 — из кург. № 13

кой и соединяющимися вершинами парными треугольниками (рис. 2, 5); 3) кувшин с округлым туловом и широким горлом; украшен в средней части широким поясом из косых параллельных и пересекающихся линий, а также парными треугольниками, соединяющимися вершинами (рис. 2, 8).

Курган № 2¹¹. Курганная насыпь и форма могилы аналогичны кургану № 1. Ориентировка могилы север — юг. Размеры могилы: длина — 1,8 м, ширина — 0,71 м, глубина — 0,65 м. Костяк не сохранился. В средней части могилы вдоль длинной ее оси стояло шесть сосудов: 1) кувшин с вздутым в верхней части туловом и широким прямым горлом; верхняя половина украшена широким поясом из прямоугольников, заштрихованных косой сеткой и соединяющихся вершинами парных треугольников; ниже — крупные завитки (рис. 2, 10); 2) аналогичный кувшин (рис. 2, 11); 3) глубокая чаша, украшенная поясом из прямоугольников, заштрихован-

¹¹ Архив ИА АН СССР, дело № 140/1896. Дневник П. В. Чарковского, стр. 13.

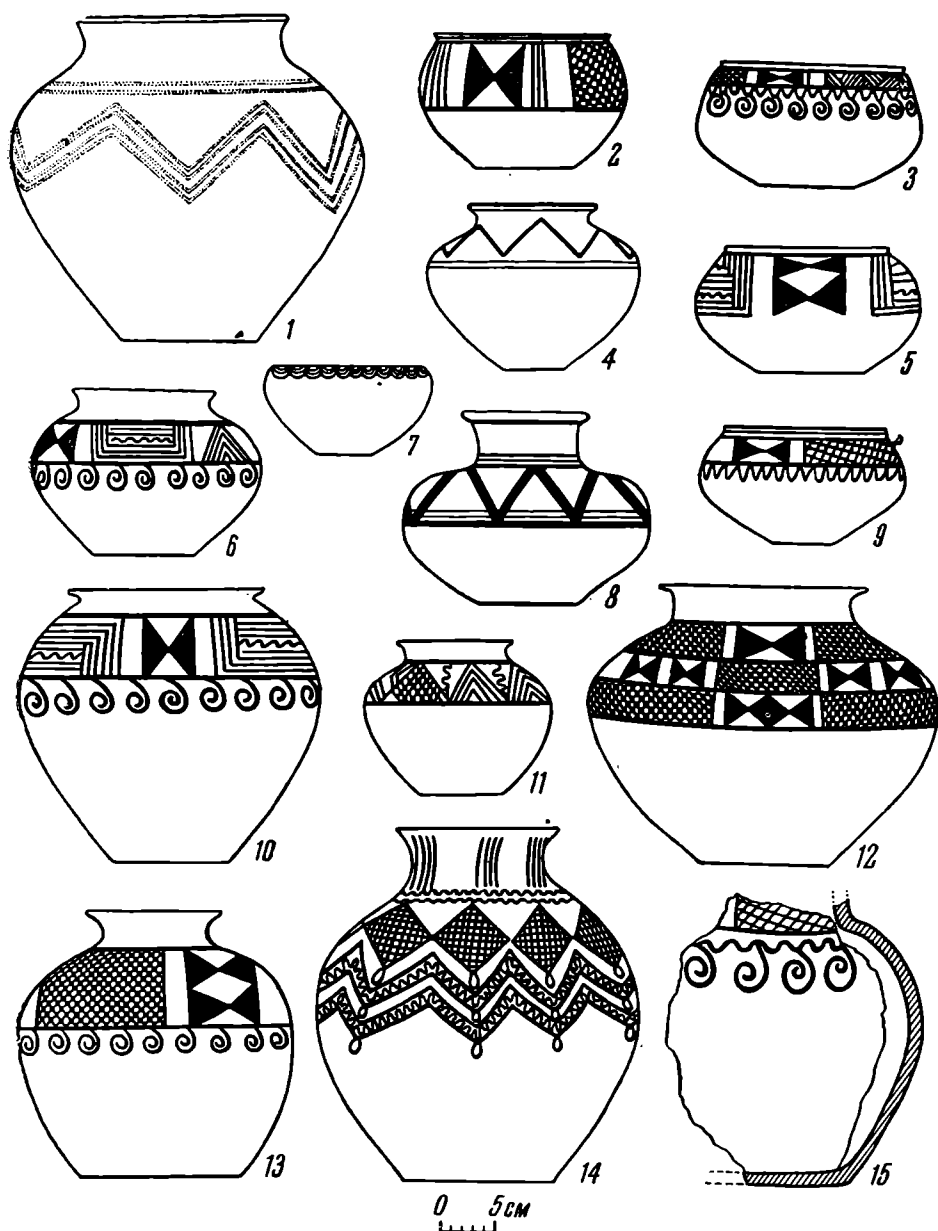

Рис. 3. Сосуды из Тазакендского могильника

1, 2, 7, 12, 13 — из личной коллекции П. В. Чарковского; 3, 5, 6, 9—11 — из раскопок М. Захарьянца; 4, 8, 14, 15 — из раскопок Э. Рёслера

ных косой сеткой, и парными треугольниками с соединяющимися вершинами; ниже — зигзагообразная линия и крупные завитки (рис. 2, 1); 4) аналогичная чаша с более широким поясом без зигзагообразной линии и завитков (рис. 2, 2); 5) глубокая чаша, украшенная тремя зигзагообразными линиями и завитками (рис. 2, 3); 6) глубокая чаша, украшенная поясом из двух пересекающихся ломаных линий, образующих кресты и ромбы (рис. 2, 9).

Курган № 13¹². Под курганной насыпью находилась грунтовая могила, перекрытая массивной глыбой туфа. Дно могилы — туфовая скала. Размеры могилы: длина — 1,8 м, ширина — 0,7 м, глубина — 0,8 м. Остатки костей показывают положение скелета головой на север. В центральной части могилы находились два сосуда, в том числе глубокая чаша, украшенная поясом из заштрихованных треугольников, шашечного

¹² Дело АК № 140/1896. Дневник П. В. Чарковского, стр. 34.

орнамента и соединяющихся вершинами парных треугольников (рис. 2, б). Другой сосуд, сломанный, был оставлен на месте.

Курган № 14¹³. Под небольшой курганной насыпью находилась прямоугольная могила, покрытая пятью туфовыми глыбами. Дно могилы — туфовая скала. Ориентировка север — юг. Размеры могилы: длина — 1,8 м, ширина — 0,8 м, глубина — 0,8 м. В могиле лежал скелет головой на север (кости очень плохой сохранности). В северной половине стояли три сосуда, один из них, сломанный, был оставлен на месте. Остальные два следующие: 1) горшок с сильно вздутым туловом и низким горлом, украшенный в верхней половине поясом из вписанных друг в друга углов (рис. 2, 7); 2) глубокая чаша, аналогичная чаше № 4 из второго кургана (рис. 2, 4).

В составе личной коллекции П. В. Чарковского, хранящейся в Гос. музее Грузии и происходящей, несомненно, из того же могильника, наряду с большим количеством сосудов и бронзовых предметов, относящихся ко второму типу могил, имеется несколько сосудов, несомненно происходящих из ранних грунтовых погребений. К этим сосудам относятся: 1) кувшин, аналогичный №№ 1 и 2 из второго кургана (рис. 3, 13); 2) небольшой кувшин с резко расширяющимся в верхней трети туловом и широким горлом; украшен в верхней части широким тройным поясом из чередующихся соединенных попарно треугольников и вытянутых прямоугольников, заштрихованных кривой сеткой (рис. 3, 12); 3) глубокая чаша, аналогичная №№ 4 и 2 из второго и четырнадцатого курганов (рис. 3, 2); 4) небольшая плоская фляга красного цвета; 5) миниатюрная чаша, украшенная в верхней части вписанными друг в друга полукругами (рис. 3, 7); 6) крупный горшок с вздутым туловом и широким горлом; поверхность черная лощеная; верхняя половина украшена двойным горизонтальным поясом и четырьмя параллельными зигзагообразными линиями, нанесенными пунктирным штампом (рис. 3, 1).

В описании раскопок, сделанном по памяти, уже после работ, М. Захарьянц делит исследованные им 17 могил на два типа¹⁴: обложенные каменными плитами и вырытые в грунте (№№ 3, 4, 9, 15). Описания каждой могилы он не приводит. В двух могилах (№№ 4 и 15), по его сведениям, были найдены расписные сосуды: в № 4 — три сосуда, а в № 15 — один. Относительно характера сосудов в погребениях №№ 3 и 9 Захарьянц ничего не пишет. В описи же, хранящейся в архиве, значится всего восемь красных сосудов.

Ниже приводим описание сосудов из раскопок М. Захарьянца, хранящихся в Гос. Историческом музее в Москве.

1. Горшок с округлым туловом и низким горлом. Украшен в верхней части поясом из вписанных друг в друга прямоугольников и соединенных вершинами попарно треугольников; ниже расположены спирали (рис. 3, 10)¹⁵.

2. Небольшой кувшин с широким горлом. Верхняя часть украшена поясом из заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вверх; между ними изображения змей (рис. 3, 11)¹⁶.

3. Небольшой горшок, украшенный в верхней части поясом, состоящим из вписанных друг в друга прямоугольников и треугольников, соединенных вершинами попарно; ниже — завитки (рис. 3, 6).

4. Глубокая чаша, аналогичная № 3 из второго кургана П. В. Чарковского (рис. 3, 3).

5. Глубокая чаша, аналогичная предыдущей, но без завитков (рис. 3, 9).

Из 28 курганов, исследованных Э. Рёслером, три имели грунтовые могилы, содержавшие красные сосуды.

¹³ Дело АК № 140/1896. Дневник П. В. Чарковского, стр. 36.

¹⁴ Архив ИА АН СССР, дело № 241/1895, л. 40.

¹⁵ А. С. Ук. соч., рис. 19.

¹⁶ Там же, рис. 22.

Курган № 24¹⁷. Под насыпью из камней находилась прямоугольная грунтовая могила, прикрытая крупными туфовыми плитами. Длина плит достигала почти 2 м. Костяк не сохранился. В могиле находилось два сосуда: 1) небольшой кувшин, с широким приплюснутым сверху туловом и высоким прямым горлом; верхняя часть украшена широкой зигзагообразной линией; высота — 18 см (рис. 3, 8); 2) небольшой горшок с вздутым в верхней трети туловом. Верхняя часть украшена тонкой зигзагообразной линией (рис. 3, 4).

Курган № 27¹⁸. Под насыпью из камней находилась могила, ориентированная север — юг, прикрытая тремя туфовыми глыбами. В центре могилы находился костяк, лежавший на боку, с подогнутыми ногами; около головы стоял раздавленный красный сосуд, верхняя часть которого украшена косой сеткой и спиралью под ней (рис. 2, 15); в могиле найдены 18 бусин и клык кабана.

Курган № 28¹⁹. Под округлой каменной насыпью, окруженной крупными вертикально поставленными камнями, находилась грунтовая могила, прикрытая крупными туфовыми глыбами. Ориентировка могилы север-северо-запад — юг-юго-восток. Скелет почти полностью исчез. В южной части могилы стоял крупный красноглиняный кувшин с округлым в верхней трети туловом и прямым горлом. Горло украшено вертикальными штрихами, ниже — неправильные квадраты, покрытые сеткой, под ними двойная зигзагообразная линия (рис. 3, 14).

Таковы все известные данные о наиболее древних погребениях Тазакендского могильника. В количественном отношении погребений, относящихся ко второму этапу существования могильника, т. е. к периоду поздней бронзы и началу железа, значительно больше. Однако публикация их не представляет столь живого интереса, ибо памятники этого периода на территории Закавказья достаточно хорошо изучены и датированы.

Будучи сходными по своему внешнему виду (характер и размеры курганных насыпей, массивные туфовые плиты, перекрывающие могилы) с позднейшими, древние могилы отличаются от последних отсутствием каменной обкладки стен. Для них характерна неглубокая грунтовая яма прямоугольной формы и почти полное разрушение костяка за исключением кургана № 27, раскопанного Э. Рёслером. Если в поздних могилах, наряду с большим количеством сосудов, почти в каждой могиле находились бронзовые предметы, то в древних, кроме нескольких сосудов, ничего обнаружено не было. Все сосуды красные с черной росписью. Единственное исключение составляет один чернолощенный сосуд с пунктирным орнаментом, происходящий из личной коллекции П. В. Чарковского (рис. 3, 1). Последний хорошо сопоставляется с чернолощенной посудой Триалети, Узерлик-Тепе, Муханнат-Тапа, сосуществующей с расписной, и относится, несомненно, к инвентарю могилы древнего типа.

Все сосуды вылеплены от руки, имеют красную обмазку, поверх которой нанесена черная роспись. По своим формам расписная керамика делится на три типа: небольшие глубокие чаши (рис. 2, 1—4, 6, 9 и рис. 3, 2, 3, 5, 7, 9), широкогорлые кувшины различных размеров (рис. 2, 5, 8, 10, 11 и рис. 3, 1, 4, 8, 12, 13, 14), горшки с сильно вздутым туловом (рис. 2, 7, 12 и рис. 3, 10).

Среди орнаментальных мотивов здесь преобладают пояса, заполненные сетчатыми прямоугольниками, сходящимися вершинами парными треугольниками («двойные секиры»), шахматным узором, параллельными углами и треугольниками; на ряде чаш под орнаментальным поясом расположены спиральные завитки. По характеру орнаментации особняком стоит несколько сосудов: это крупный круглый горшок, украшенный двумя рядами ромбовидных фигур, состоящих из параллельных линий (рис. 2,

¹⁷ Архив ИА АН СССР, дело № 122/1904. Дневник Э. Рёслера, стр. 102.

¹⁸ Там же, стр. 103—104, 114.

¹⁹ Там же, стр. 105—106, 116.

12), небольшая чаша, украшенная под венчиком вписанными друг в друга полукругами (рис. 3, 7), два небольших кувшина, украшенных зигзагообразной линией (рис. 3, 4, 8), и, наконец, крупный кувшин, украшенный сетчатыми квадратами и двойной зигзагообразной линией под ними (рис. 3, 14).

Не исключена возможность, что наблюдаемые различия в орнаментации сосудов могут служить показателем их разновременности. Нет сомнения в том, что такой огромный могильник должен был разрастаться постепенно.

Тазакендская расписная керамика неоднократно обращала на себя внимание исследователей. С. Пшеворский, имея тогда в своем распоряжении еще очень ограниченный материал из Закавказья²⁰ и опираясь главным образом на известные памятники с расписной керамикой из Передней и Средней Азии, высказал ошибочный, с точки зрения современных знаний, взгляд, что закавказская расписная керамика происходит от переднеазиатской. На основании сходства некоторых технических приемов формовки сосудов (а также мотивов росписи) он связывает монохромную керамику тазакендского типа с керамикой Сузы I и датирует обе группы началом III тысячелетия до н. э. Первоначальным центром распространения закавказской и сузской керамики Пшеворский предлагает считать область Северного Ирана²¹.

Мнение Пшеворского о происхождении закавказской расписной керамики, а также предложенная им датировка были опровергнуты в ряде последующих работ²². Накопленный с тех пор большой археологический материал позволяет считать монохромную расписную керамику местным культурным достижением, уходящим корнями в период ранней бронзы и отчасти даже энеолита.

Археологические работы, проводившиеся в течение последних 25 лет на Кавказе, открыли большое число памятников с расписной керамикой, среди которых, помимо многих могильников, насчитывается уже несколько поселений. Сюда же относятся и богатые Триалетские и Кироваканский курганы.

Большое число расписных сосудов, происходящих из различных мест Закавказья, но, к сожалению, не всегда точно документированных, хранится в музеях Армении, Грузии, Азербайджана, Нахичеванской АССР, а также в Гос. Эрмитаже и Гос. Историческом музее. Публикация этих материалов представила бы несомненный интерес для затронутой нами темы.

В настоящий момент на территории Закавказья насчитывается свыше 40 пунктов с монохромной расписной керамикой. Ареал ее распространения на сегодняшний день ограничивается Мильской степью на Востоке (Узерлик-Тепе, Расул-Тепе, Геок-Тепе), территорией Юго-Осетии на северо-западе (с. Приневи) и районами Эчмиадзина и Нахичевани на юге, где найдено большое количество памятников с расписной керамикой. И, наконец, самой западной находкой ее будет исследованный в 1900 г. Э. Рёслером курган у с. Малый Паргет в Карсской области²³.

Наиболее важным этапом в изучении культуры расписной керамики явилось исследование Б. А. Куфтиным больших Триалетских курганов²⁴, которые позволили Б. А. Куфтину по-новому обосновать проблему происхождения и датировки закавказской расписной керамики в целом.

²⁰ St. Przeworski. Ук. соч., стр. 31, карта.

²¹ Там же, стр. 26—32.

²² Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры..., стр. 33; его же. Археологические раскопки в Триалети, стр. 4—10; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 48.

²³ Дело АК, № 244/1899, л. 84; Zeitschrift für Ethnologie. Berlin, 1902; Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, стр. 233.

²⁴ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 78—105.

Б. А. Куфтин, основываясь на значительном, по сравнению с памятниками поздней бронзы, архаизме всего комплекса триалетских находок, а также учитывая такие твердо датированные в Передней Азии предметы, как втульчатые копья, счел возможным датировать Триалетские курганы второй четвертью — серединой II тысячелетия до н. э.

Таким образом, вся закавказская расписная керамика получила новую хронологическую опору.

В специальной статье, посвященной дате Триалетских курганов. К. Шеффер, опираясь на неприведенные Б. А. Куфтиным аналогии втульчатому копью из пятнадцатого кургана, считает возможным датировать эти курганы, а следовательно, и расписную закавказскую керамику временем от 1550 до 1400 гг. до н. э.²⁵ Ф. Ганчар, относит тазакендскую керамику условно к концу III тысячелетия до н. э.²⁶ В работах Б. Б. Пиотровского, которому принадлежит исследование богатого погребения того же времени в Кировакане, памятники этой культуры датируются второй половиной II тысячелетия до н. э.²⁷

Специально останавливаясь в своей книге на Тазакендском могильнике с его бедными рядовыми погребениями и сопоставляя их с пышными захоронениями вождей в Триалети и в Кировакане, Б. Б. Пиотровский говорит о далеко зашедшей уже в тот период имущественной дифференциации. Сделанный им на основании общего характера памятников этого времени, а также на основании датировки нижних рядов кладки крепости Кизил-Кала у Тазакендского могильника серединой II тысячелетия до н. э. вывод о том, что в этот период в связи с усилившимися столкновениями между отдельными племенами поселения принимают вид укрепленных городищ, целиком подтвердился недавними исследованиями в Азербайджане.

При раскопках одного из древних поселений на холме Узерлик-Тепе (около Агдама), относящегося к тому же периоду и характеризующегося расписной монокромной керамикой, была открыта мощная оборонительная стена из сырцовых кирпичей, огибавшая в древности все поселение²⁸. Любопытно, что более древнее поселение на этом же холме, в котором еще полностью отсутствует расписная посуда, имело открытый, незащищенный характер²⁹.

Возвращаясь к вопросу о датировке памятников с керамикой тазакендского типа, необходимо привести имеющиеся в настоящее время новые стратиграфические данные с поселений Кюль-Тепе и Узерлик-Тепе в Азербайджане, исследованных за последние несколько лет. Напомним также, что в раскопанном в 1937 г. поселении Муханнат-Тапа, около Еревана, слой с расписной посудой залегал ниже урартского слоя и выше слоя с характерной энеолитической керамикой³⁰. Аналогичная картина перекрытия энеолитического слоя слоем с фрагментами расписной монокромной керамики была выявлена на одном из участков в Бешташенской крепости, в Триалети³¹.

Недавно полученные данные при раскопках Кюль-Тепе в Нахичеванской АССР дают ту же картину³². Здесь над мощным девятиметровым

²⁵ С. F. A. Schaeffer. La date des kourganes de Trialeti. *Antiquity*, № 68, 1943.

²⁶ Ф. Ганчар. Ук. соч.

²⁷ Б. Б. Пиотровский. Новая страница древнейшей истории Кавказа. Изв. Арм. ФАН СССР, № 1, 1943, стр. 60; его же. Археология Закавказья, стр. 43.

²⁸ К. Х. Кушнарева. Раскопки на холме Узерлик-Тепе. КСИИМК, вып. 69, 1957; ее же. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама. МИА, № 67.

²⁹ Ее же. Отчет о раскопках поселений Узерлик-Тепе в 1956 г. Архив ИА АН СССР.

³⁰ Е. А. Байбуртян. Проблема крашеной керамики в Армении. Вестник Ин-та истории и литературы АрмССР, вып. II, Ереван, 1937, стр. 268—308; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 44.

³¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 109.

³² О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-тепе. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 396, рис. 16, 8; его же. К изучению холма Кюль-тепе. Тр. Института истории и философии АН АзССР, т. IX, Баку, 1950.

слоем энеолита, покрывает слой с единичными фрагментами красной керамики, расписанной черной краской. Выше лежали слои тоже с расписной, но уже более поздней, полихромной керамикой.

Большой и интересный материал, позволяющий наметить основные черты хозяйственной жизни обитателей Закавказья в эпоху расцвета здесь расписной керамики, был получен во время раскопок 1954—1956 гг. на поселении Узерлик-Тепе, в Мильской степи. Здесь раскопками установлено, что поселение с расписной керамикой возникло на более древнем поселении, с своеобразной бурой и черной лощеной керамикой, украшенной врезным орнаментом³³. Последняя, отличаясь некоторыми признаками (отсутствие полушаровидных ручек, «розовой подкладки» и пр.) от керамики классического закавказского энеолита, несет, однако, на себе все традиции: миниатюрность форм, черная лощеная поверхность, врезной орнамент. В свою очередь чернолощенная, а также расписная керамика, сосуществующие во втором, верхнем, слое, имеют общие черты, главным образом в схеме орнамента с керамикой нижнего слоя: и здесь и там повторяется мотив аркообразных фигур и ломаных линий. только на древней керамике они выполнены врезной техникой, а на последующей — пунктирным штампом и росписью.

В настоящий момент остается открытым вопрос, является ли керамика нижнего слоя Узерлик-Тепе своеобразным, впервые открытым, восточным вариантом закавказской энеолитической культуры или относится к периоду ранней бронзы, пока очень слабо намечающемуся в археологических памятниках Кавказа. И в том и в другом случае датировка нижнего слоя определяется рубежом III—II тысячелетия до н. э.

Крайне интересно в этой связи будет упоминание о находках в двух пунктах Грузии, в Озни (Триалети) и Квацхелеби (Урбниси) двух крупных грушеобразных энеолитических сосудов с характерными полушаровидными ручками, покрытых в верхней части красной краской. Оба сосуда находились в хорошо датирующихся энеолитических слоях. Наличие примитивной раскраски на энеолитических сосудах, а также широко применявшийся уже в ту эпоху в некоторых местах Закавказья способ ангобирования сосудов красной краской (Квацхелеби, Озни, Гудаберджа и др.) создает предпосылки для расцвета на местной основе в эпоху средней бронзы великолепной расписной керамики.

Таким образом, стратиграфические данные с известных поселений позволяют проследить залегание слоев с расписной керамикой на позднеэнеолитических слоях, датировка которых не выходит, по всей вероятности, за пределы III — самого начала II тысячелетия до н. э. Соответственно и датировка памятников с монохромной расписной керамикой, бытовавшей в Закавказье несколько столетий, должна быть отнесена к первой половине II тысячелетия до н. э.

Большое разнообразие или, если можно так сказать, разнотильность расписной керамики является, безусловно, показателем ее разновременности. Значительная толщина культурных слоев с расписной керамикой на упомянутых поселениях, а также наличие более древних и более поздних курганов в Триалети указывают на хронологический диапазон существования этой керамики в течение нескольких столетий.

Дальнейшие усилия археологов должны быть направлены на поиски хронологических и локальных вариантов этой культуры.

Мы уже отмечали, что древнейшая часть Тазакендского могильника создавалась, очевидно, постепенно. Для большинства сосудов характерны украшения с парными треугольниками и концевой спиралью (рис. 2, 1—6, 8, 10—11 и рис. 3, 2, 3, 5, 6, 9—15). Именно эта керамика, как полагал в свое время Б. А. Куфтин, больше всего тяготеет к древним южным (эламским) образцам, где мотив парных треугольников или «двойных

³³ К. Х. Кушнарёва. Отчет о раскопках на поселении Узерлик-тепе в 1956 г

секир» являлся излюбленным³⁴. Эта группа расписной керамики производит, на первый взгляд, впечатление наиболее древней.

«Керамика из Кизил-Кала («Тазакенд») на р. Занге, с ее типичной орнаментацией двойными секирами, остается... пока несколько изолированным вариантом, не выявляющим широкого распространения и сколько-нибудь определенных стратиграфических отношений к слою ранних циклопических крепостей», — пишет Б. А. Куфтин³⁵. Однако оба эти положения нуждаются в коррективах. Сбор материалов показал, что древняя посуда Тазакендского могильника далеко не изолирована, хотя все сделанные находки действительно тяготеют к южным районам Закавказья и сосредоточены главным образом в Армении. Один из сосудов тазакендского типа с «двойными секирами» и спиральными завитками происходит с Армавирского холма³⁶. Несколько сосудов, близких древним тазакендским, хранятся в Гос. историческом музее Армении; все они найдены случайно при строительных работах. К ним принадлежат грубые лепные горшки и чаши с косой сеткой, «двойными секирами», шашками и вписанными друг в друга углами, происходящие, очевидно, из могильника в с. Элар, Котайкского района³⁷, а также горшок с аналогичной росписью неизвестного происхождения³⁸. За пределами Армении один сосуд с «двойными секирами» и косой сеткой был обнаружен при строительных работах в г. Рустави³⁹.

Что касается других орнаментальных мотивов на тазакендской посуде, то они находят себе некоторые аналогии. Так, мотив вписанных друг в друга полукругов, встретившийся только на одной чаше нашего могильника (рис. 3, 7) воспроизведен на одной из триалетских чаш⁴⁰, а также в ряде сосудов Гос. музея Армении — двух сосудах из Эчмиадзинской коллекции и одного — неизвестного происхождения⁴¹.

Сосуд с двумя рядами ромбовидных фигур близок по орнаменту фрагментам керамики из поселений Муханнат-Тапа и Узерлик-Тепе⁴², а также случайно найденным сосудам из с. Гедак-Булак (Басаргичарский район) и из Эчмиадзинской коллекции⁴³. Крупный богато орнаментированный кувшин из кургана № 27 (рис. 3, 14), также уникальный в нашем могильнике, близок по отдельным деталям орнамента ряду известных сосудов, из которых назовем в первую очередь триалетские «гидрии»⁴⁴, а также сосуды с. Агавнатун (Эчмиадзинский район), с. Элар и из Эчмиадзинского фонда⁴⁵.

Что касается соотношения ранних циклопических крепостей с расписной керамикой, то оно прекрасно прослеживается на примере самого Тазакендского могильника, где нижние ряды кладки крепости непосредственно связываются с самим кладбищем.

³⁴ J. de Morgan. Délégation en Perse, т. XIII. Recherches archéologiques, Paris, 191, табл. IV, 1, 2; V, 9; VI, 1, 2, 4, 5; VII, 2—4, 7; VIII, 1, 2, 6; IX, 2; XXVII, 6; XXX, 7.

³⁵ Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры, стр. 34.

³⁶ De Baye. Note sur des poteries, rapportées du Caucase. Mémoires de la Société nationale des antiquaires de France, т. LX, Paris, 1899, рис. 1.

³⁷ Гос. музей Армении, инв. № 1813/11—15.

³⁸ Гос. музей Армении, инв. № 422.

³⁹ Г. А. Ломтатидзе. Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави. Материалы по археологии Грузии и Кавказа, I, Тбилиси, 1955, табл. XV.

⁴⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. LXXXI.

⁴¹ Гос. музей Армении, инв. № 556/7, 9; ГИМ, инв. № 1910.

⁴² Гос. музей Армении, инв. № 284; К. Х. Кушнарева. Поселение эпохи ранней бронзы на холме Узерлик-тепе..., МИА, № 67.

⁴³ Гос. музей Армении, инв. № 1556; Там же, инв. № 556/4.

⁴⁴ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. LXXXI, LXXXII, LXXXIII.

⁴⁵ Гос. музей Армении, экспозиция; Там же, инв. № 1805/33; Там же, инв. № 556/18.

Г. А. МАКСИМЕНКОВ

БРОНЗОВЫЕ КЕЛЬТЫ КРАСНОЯРСКО-АНГАРСКИХ ТИПОВ

Наши знания о культуре эпохи бронзы лесостепной и лесной полосы Красноярского края совершенно недостаточны. Богатая памятниками минусинская котловина отвлекала внимание исследователей, рабставших на Енисее, от более северных районов края. В результате минусинские степи изучены в археологическом отношении хорошо, а район Красноярска по сравнению с ними — плохо. Однако в этом районе было в свое время обнаружено значительное количество различных бронзовых вещей, характеризующих местную культуру эпохи поздней бронзы. Впервые изучением этих вещей занимался Г. Мерхарт¹, который выделил из большого количества кельтов, найденных на Енисее, группу безушковых с геометрическим орнаментом и отметил, что в районе Красноярска культура эпохи поздней бронзы несколько отличается от минусинской культуры. Изучая кельты с геометрическим орнаментом, Г. Мерхарт пришел к выводу, что они не имеют связи с минусинскими и что, чем восточнее, тем более эти кельты видоизменяются, они становятся больше по размерам и у них появляется новый орнамент. Отсюда он делает заключение, что истоки происхождения кельтов с геометрическим орнаментом надо искать на Западе. Г. Мерхарт связывает происхождение геометрического стиля с сейминской культурой и с Венгрией, но на территории Красноярска геометрический орнамент относится к более позднему времени.

Красноярские кельты он считает синхронными ананьинской культуре. Однако не все выводы Г. Мерхарта можно считать верными, особенно по вопросу о происхождении и развитии кельтов с геометрическим орнаментом.

В настоящей статье автор стремится по-иному осветить вопрос о развитии и распространении кельтов. При изучении кельтов было произведено картографирование находок и применен корреляционный метод для выяснения относительной хронологии отдельных групп предметов.

Материалом для настоящей статьи послужили 75 кельтов и одна литейная форма. Этот материал многочисленнее, чем тот, который был использован Г. Мерхартом².

Несмотря на довольно большое количество кельтов, едва ли можно указать хотя бы два одинаковых. В каждом из них заключено очень много индивидуальных черт не только в орнаменте, который очень сильно варьирует, но даже в форме. Однако их все же можно объединить в несколько групп. Основанием для отнесения кельта к той или иной группе является резкое отличие формы кельта, встречающееся на нескольких экземплярах. Хотя приводимые ниже группы кельтов достаточно четко отличаются одна от другой, все же в каждой из них встречаются экзем-

¹ G. Merhart. *Bronzezeit am Jenissei*. Wien, 1926.

² Рассматриваемые кельты хранятся в Эрмитаже (коллекция Лопатина), в МАЭ. в Красноярском и Минусинском музеях; часть кельтов взята из работы Г. Мерхарта. Последние кельты в основном из Канского и Енисейского музеев.

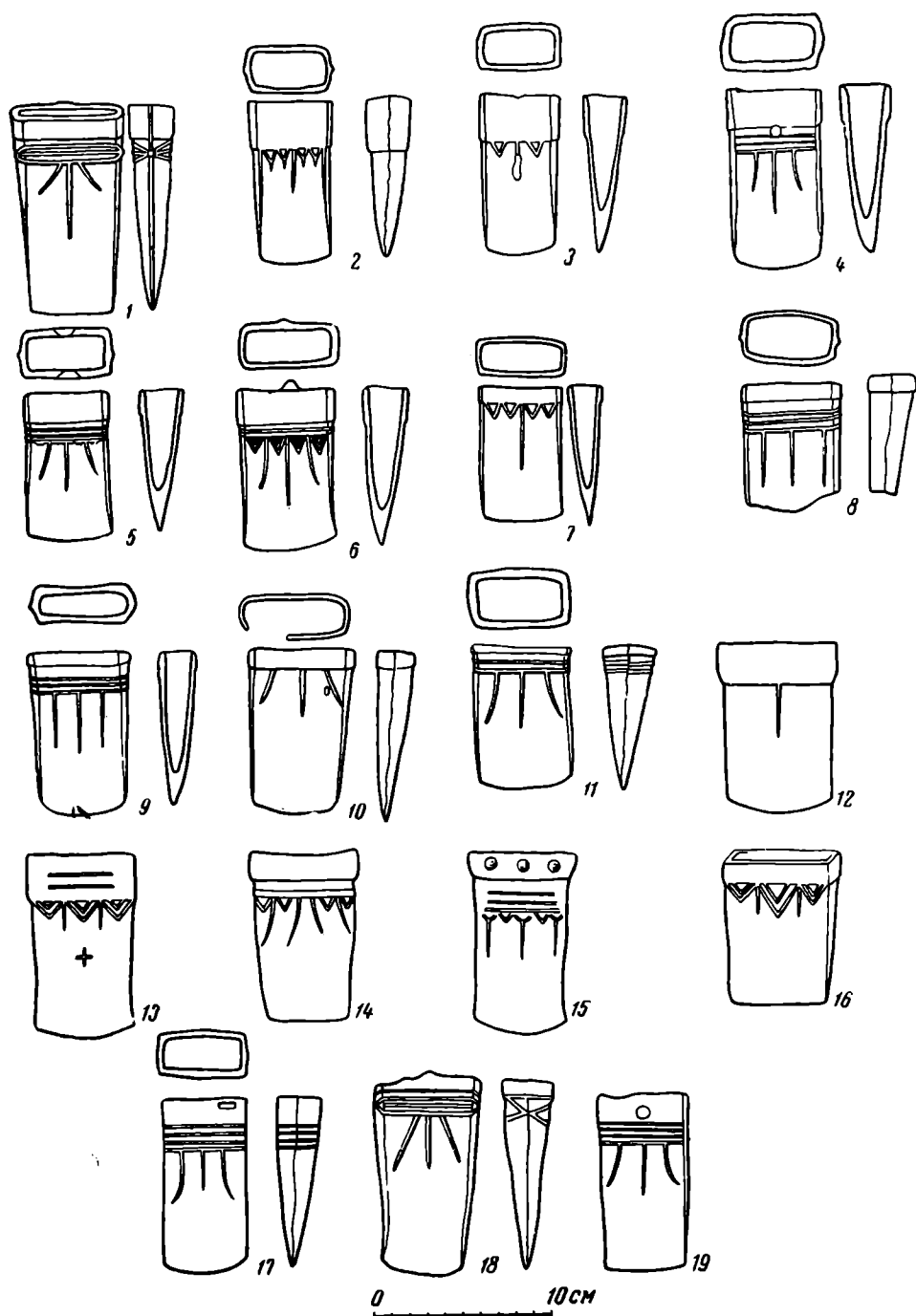

Рис. 1. Кельты первой формы

1 — р. Чадобец; 2, 3 — с. Чадобец; 4 — с. Гатово; 5, 6, 9, 17 — точное местонахождение неизвестно; 7 — окрестность г. Красноярска; 8 — б. Енисейская губерния; 10 — с. Новоселово; 11 — с. Частоостровское; 12 — с. Тасеевское; 13 — окрестности г. Канска; 14 — дер. Ачинская; 15 — с. Верхний Аюнаш; 16 — с. Торгашино; 18 — дер. Займская; 19 — с. Заледеево на р. Чадобец

пляры, которые являются как бы переходными формами от одной группы к другой.

Первая группа включает 16 кельтов (рис. 1, 1—16). Все они имеют характерный признак — выступающую за плоскость сторон кельта муфту по краю втулки. Кельты имеют широкие щеки с параллельными или немного суживающимися к лезвию краями. К этой же форме (рис. 1, 17, 19), видимо, должны относиться два кельта переходной формы, у ко-

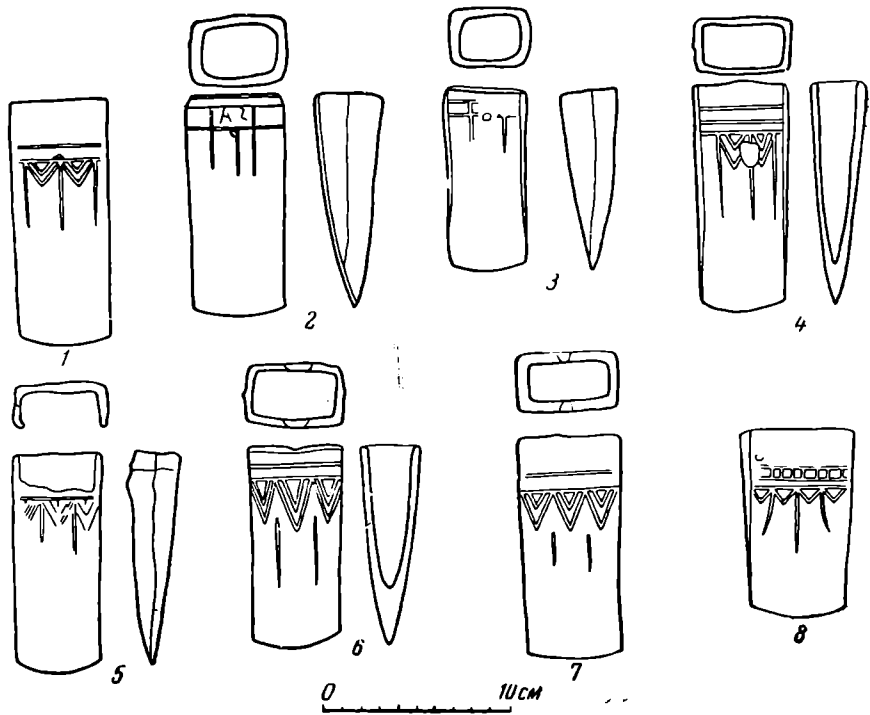

Рис. 2. Кельты второй формы

1 — с. Ульжуколь; 2 — с. Манса; 3 — дер. Бедоба, р. Чадобец; 4 — Красноярский округ; 5, 6 — точное местонахождение неизвестно; 7 — б. Красноярский уезд; 8 — с. Бузуново

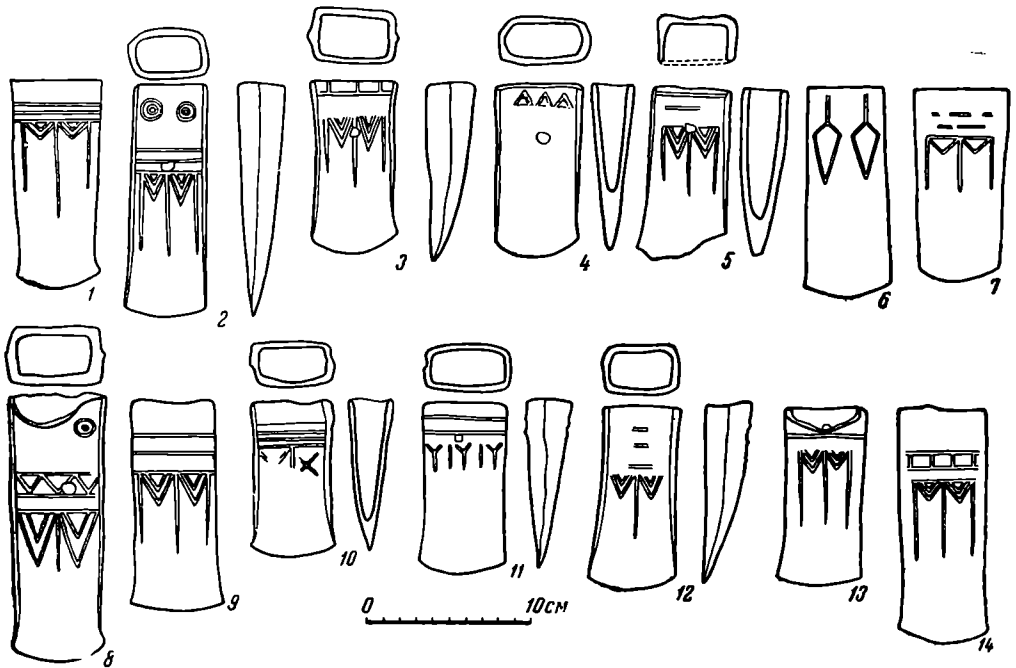

Рис. 3. Кельты третьей формы

1 — Ольгинский шурф; 2, 5, 8, 10, 11 — точное местонахождение неизвестно; 3 — дер. Бедоба, р. Чадобец; 4 — берег р. Кана, ниже г. Канска; 6 — р. Ангара; 7 — р. Курейка; 9 — с. Кашино-Шиверское; 12 — Чуно-Ангарье; 13 — дер. Глиненная; 14 — Канский уезд

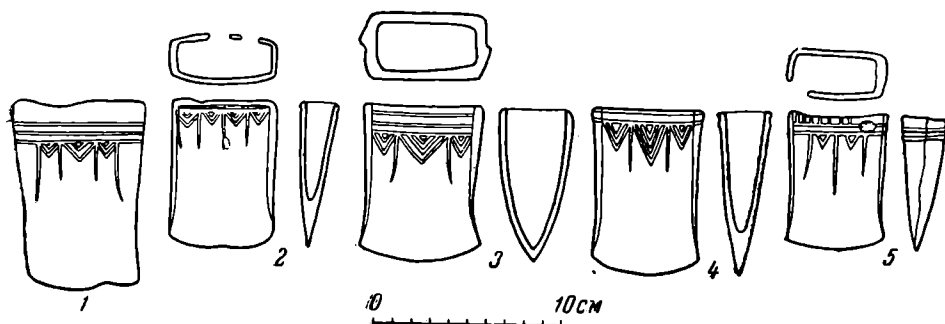

Рис. 4. Кельты четвертой формы

1 — дер. Сретенка; 2 — с. Частоостровское; 3 — с. Тунка; 4 — точное местонахождение неизвестно; 5 — с. Торгашино

торых размеры соответствуют основной группе. Муфты у этих кельтов уже нет, но на месте, где должна быть ее нижняя граница, идет четвертая горизонтальная черта, выше которой имеется свободное поле, равное по ширине средней величине муфты кельтов этой группы. Кроме того, орнамент этих кельтов соответствует орнаменту, встреченному только на кельтах первой группы.

Вторая группа (рис. 2, 1—8) состоит из восьми кельтов. При отсутствии муфты эта группа выделяется удлиненной формой с параллельными сторонами.

Третья группа (рис. 3, 1—14) состоит из 14 кельтов. Основным признаком этой группы является закругленное, в некоторых случаях даже секирообразное лезвие. Все кельты имеют удлиненные пропорции.

Четвертая группа включает шесть кельтов (рис. 4, 1—5). Они имеют невысокое широкое тело с закругленным и несколько расширяющимся лезвием.

Пятая группа (рис. 5, 1—9) состоит из девяти кельтов, небольших размеров. Боковые стенки их немного суживаются к лезвию.

Шестая группа (рис. 6, 1—9) состоит из девяти кельтов, сходных с кельтами пятой группы. Они имеют параллельные боковые грани и почти прямое лезвие.

Седьмая группа (рис. 7, 1—4) состоит из четырех кельтов, по внешнему виду похожих на кельты пятой и шестой групп, но имеющих подобие муфты. Муфта здесь в отличие от первой группы, не выходит за плоскость стенок кельта. Она образована углублением, отделяющим ее от щеки кельта.

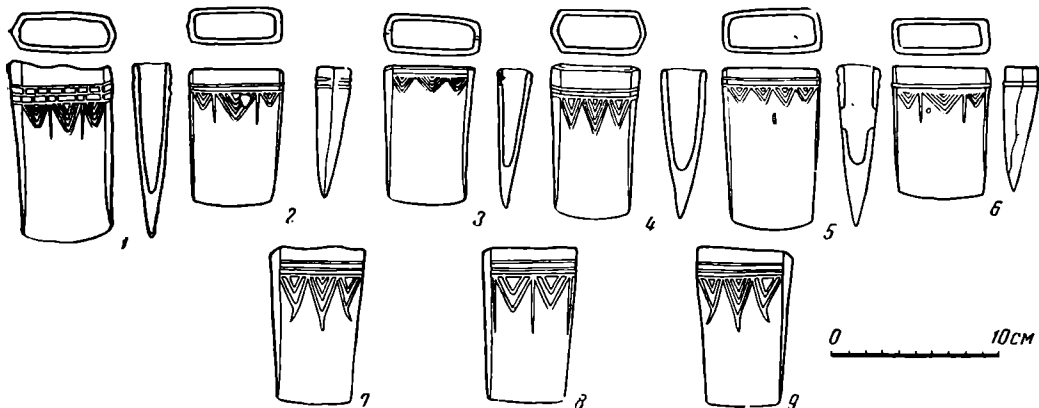

Рис. 5. Кельты пятой формы

1, 5 — точное местонахождение неизвестно; 2 — г. Красноярск; 3 — дер. Худогово; 4 — с. Есаульское; 6 — с. Торгашино; 7—9 — дер. Верхнее Метляево

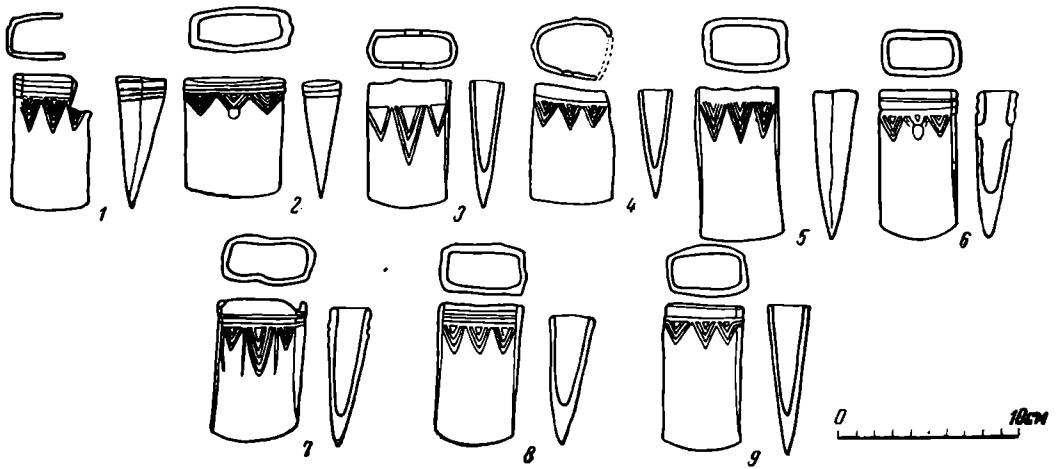

Рис. 6. Кельты шестой формы

1 — с. Казас; 2 — с. Шошино; 3—5, 8 — точное местонахождение неизвестно; 6 — с. Коркино; 7 — с. Солонцы; 9 — с. Частоостровское

Восьмая группа (рис. 8, 1—9) состоит из восьми кельтов и одной литейной формы. Кельты отличаются от других своими размерами и пропорциями. Это самые большие кельты, с параллельными или слегка суживающимися к лезвию боковыми стенками.

Переходя к описанию орнаментов, встреченных на кельтах, нужно в первую очередь отметить, что почти все они носят индивидуальный характер. На 75 кельтах насчитывается 57 вариантов орнамента. Однако даже среди этого многообразия можно отметить десять видов, которые встречаются на нескольких кельтах (от двух до пяти), различной формы и различаются между собой в отдельных деталях.

Все разнообразие орнаментов создается тремя основными элементами, четырьмя дополнительными и семью индивидуальными. Основными элементами признаны те, которые встречаются в том или ином сочетании на всех кельтах, дополнительными — которые встречаются несколько раз, индивидуальными — которые встречаются только на одном экземпляре.

Основные элементы орнамента: пояски — горизонтальные рельефные полосы, идущие по верхней части тела кельта; разделители — свисающие вниз рельефные вертикальные полосы; шевроны — рельефные углы, обращенные вершиной вниз. В чистом виде эти элементы встречаются редко, в большинстве же случаев отмечаются их сочетания по два элемента или все три вместе. На всех без исключения кельтах отмечается хотя бы один из основных элементов.

К дополнительным элементам относится лесенка: два верхних валика соединены короткими вертикальными линиями. Лесенка встречена на

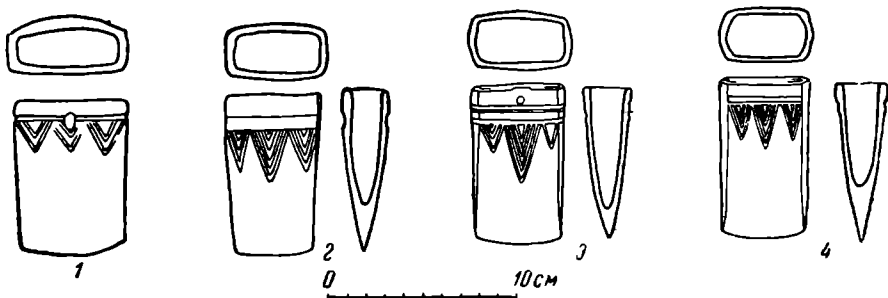

Рис. 7. Кельты седьмой формы

1 — Саянтуй, могила № 10; 2, 4 — точное местонахождение неизвестно; 3 — с. Зыково

четырёх кельтах (рис. 2, 8; рис. 3, 3 и 14; рис. 4, 1). Вторым связанным с основными орнаментами элементом — это зигзаг. В этом случае пояски связаны не вертикальными полосами, а ломаной линией. Этот элемент орнамента встречен на трёх кельтах (рис. 3, 8; рис. 8, 2 и 4). К элементам, не связанным с основными, относятся глазки, которые располагаются выше валиков; таких кельтов — пять (рис. 3, 2, 8; рис. 8, 1, 8, 9). Имеется также орнамент в виде кругов, помещённых под валиками, от каждо-

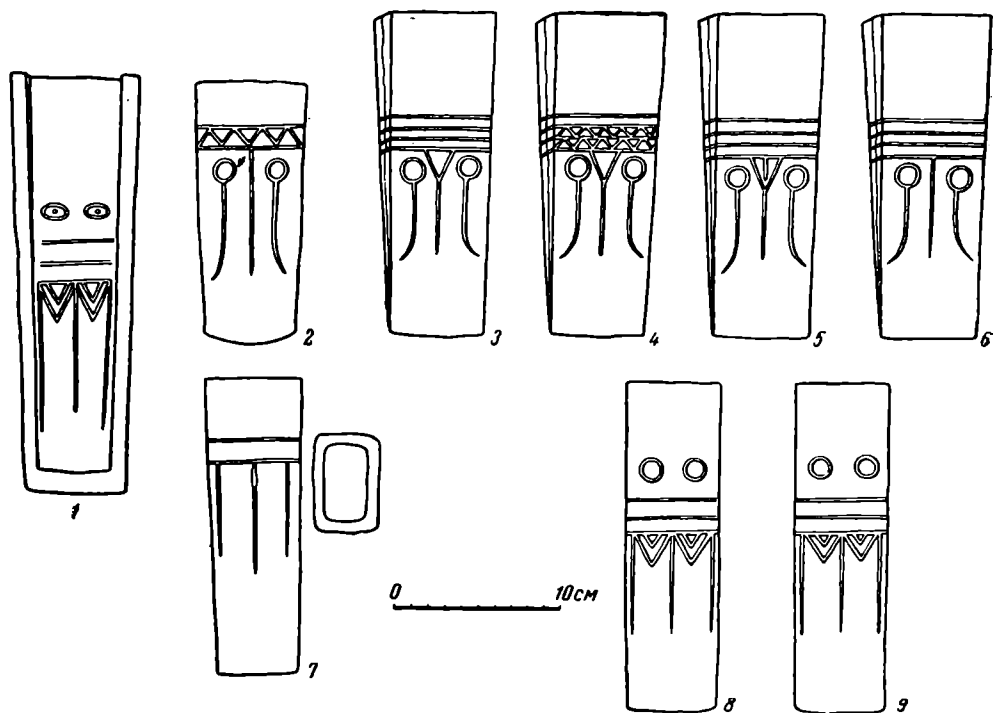

Рис. 8. Кельты восьмой формы

1 — дер. Соколовка; 2 — точное местонахождение неизвестно; 3—6 — дер. Верхнее Метляево; 7 — Минусинский район; 8, 9 — берег р. Витим у устья р. Прониной

го круга идет вертикальная линия, нижний конец которой отклоняется в сторону. Этот орнамент встречен на пяти кельтах, из них на четырех происходящих с р. Ангары³ (рис. 8, 2—6).

К индивидуальным элементам орнамента относятся следующие узоры. рисунок из трех поясков и трех разделителей (пояски связаны в узел на коротких гранях, а разделители выходят из одной точки, находящейся в центре нижнего пояска (рис. 1, 1); крестик с двумя поясками, тремя шевронами и с двумя разделителями (рис. 1, 13); мелкие зубцы на нижнем пояске (рис. 1, 5). Следует отметить также мотивы из двух висящих ромбов (рис. 3, 6), из трех треугольников (рис. 3, 4) и т. п. (см., например, рис. 5, 7, 9). Сюда же должен быть отнесен орнамент, состоящий из трех выпуклых бугорков на муфте, под которыми находятся три пояска, два шеврона по одному углу и три полукруга со свисающими от них прямыми линиями (рис. 1, 15), а также орнамент из двух валиков, трех уобразных шевронов и двух необычно коротких разделителей (рис. 3, 11).

Для изучения кельтов необходимо все орнаменты свести в несколько групп. Таких групп можно наметить семь основных и семь дополнительных. Для того чтобы яснее представить, что включают в себя основные

³ Г. П. Сосновский. Заметки по археологии Прибайкалья. ИВСОПГО, 1926, т. 51, стр. 145.

1																																																																																																					

Рис. 9 Распределение кельтов с геометрическим орнаментом на корреляционном поле с разнообразными вариантами орнаментов

группы орнаментов, приведена развернутая таблица (рис. 9), в верхнем горизонтальном ряду которой помещены основные группы орнаментов, а во втором горизонтальном ряду — различные варианты орнаментов. Но эта таблица не дает возможности связать формы кельтов с определенными орнаментами и тем самым выделить относительные хронологические группы.

На обобщающей таблице (рис. 10) видно, что почти каждой форме кельта соответствует определенный вид орнамента. На поле таблицы образуются четыре группы сочетаний орнамента с формой кельта; соответствие их между собой указывает на их генетическую связь. Если определить время существования крайних групп, то в этом случае можно

1																																																																																																					

Рис. 10. Распределение кельтов с геометрическим орнаментом на корреляционном поле с обобщенными орнаментами (левая часть таблицы — основные орнаменты, средняя — дополнительные, правая — индивидуальные)

говорить о хронологической последовательности и установить общий путь развития.

Первая форма кельтов с муфтами имеет связи с кельтами карасукского времени. В первую очередь нужно отметить кельт, найденный на р. Чадобец (рис. 1, 1). Плоская шестигранная форма этого кельта, сходящаяся в одну точку валики и выступ в месте соединения валиков характерны для кельтов карасукского времени. Второй кельт (рис. 1, 15) имеет три полусферовидных выступа на втулке. Этот элемент орнамента встречается только на кельтах карасукского времени⁴.

На кельтах других форм никаких следов карасукского орнамента нет. Это указывает на то, что первая форма по времени близка к карасукской культуре.

Время пятой формы определяется совместным нахождением в Верхне-Метляевском кладе трех кельтов этой группы и кельта IV типа (по классификации М. П. Грязнова), который относится ко второй стадии минусинской курганной культуры⁵.

Среди кельтов седьмой формы есть один, происходящий из плиточной могилы у с. Саянтуй. Время плиточных могил Г. П. Сосновским определено VI—III вв. до н. э., но могила № 10, где был найден кельт, по мнению исследователя, должна относиться к начальному периоду этой даты⁶. Следовательно, можно предположить что пятая, шестая и седьмая формы кельтов, которые образуют третью группу сочетаний на корреляционном поле, должны относиться ко II стадии тагарской культуры (по С. В. Киселеву).

Вторая группа сочетаний, в которую входят вторая, третья и четвертая формы кельтов, занимает промежуточное положение между первой и второй группами. Если первая группа сочетаний, в которую входит первая форма кельтов, по времени должна соответствовать переходному периоду от карасукской культуры к тагарской и, может быть, к началу первой стадии, а третья группа сочетаний соответствует II стадии тагарской культуры, то вторая группа сочетаний должна относиться в основном по времени к I стадии тагарской культуры.

Четвертая группа сочетаний, не связанная непосредственно с тремя другими группами сочетаний, должна, по всей видимости, относиться к тому же времени, что и вторая, так как только в третьей группе есть три кельта с орнаментом, подобным орнаменту, характерному для восьмой группы кельтов.

Следовательно, метод корреляции дает возможность установить, что не все кельты одновременны, что они развиваются и изменяются на всем протяжении своего существования. Особенно ясно это видно на изменениях орнаментов: первоначально они простые и состоят из двух элементов, затем идет усложнение — орнаменты состоят из трех элементов, затем они опять упрощаются, постепенно исчезают разделители. Эти изменения соответствуют трем хронологическим этапам, указывающим на последовательность развития.

Изучение кельтов с геометрическим орнаментом показывает, что они различаются не только хронологически, но и территориально. Это ясно видно на карте размещения находок.

Кельты первой формы (рис. 11, 1) найдены в районе Красноярска, в районе Канска, по нижнему течению Ангары, т. е. почти на всей территории распространения кельтов с геометрическим орнаментом. Кельты второй формы (рис. 11, 2) имеют точно такое же распространение, как и кельты первой формы. Кельты третьей формы (рис. 11, 3) найдены только по нижнему течению Ангары и в районе Канска, в то время как

⁴ G. Meinhart. Ук. соч., стр. 87, рис. 50.

⁵ М. П. Грязнов. Древняя бронза минусинских степей. Тр. ОИПК, т. I, 1941, стр. 265.

⁶ Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. Тр. ОИПК, т. I, стр. 308.

из района Красноярска неизвестно ни одного кельта этой формы. Четвертая форма кельтов (рис. 11, 4) распространена в районах Красноярска и Канска. Пятая, шестая и седьмая формы кельтов (рис. 11, 5) происходят только из района Красноярска. Кельты восьмой формы (рис. 12, 6) найдены на верхнем течении Ангары и на Витиме, севернее Бодайбо⁷.

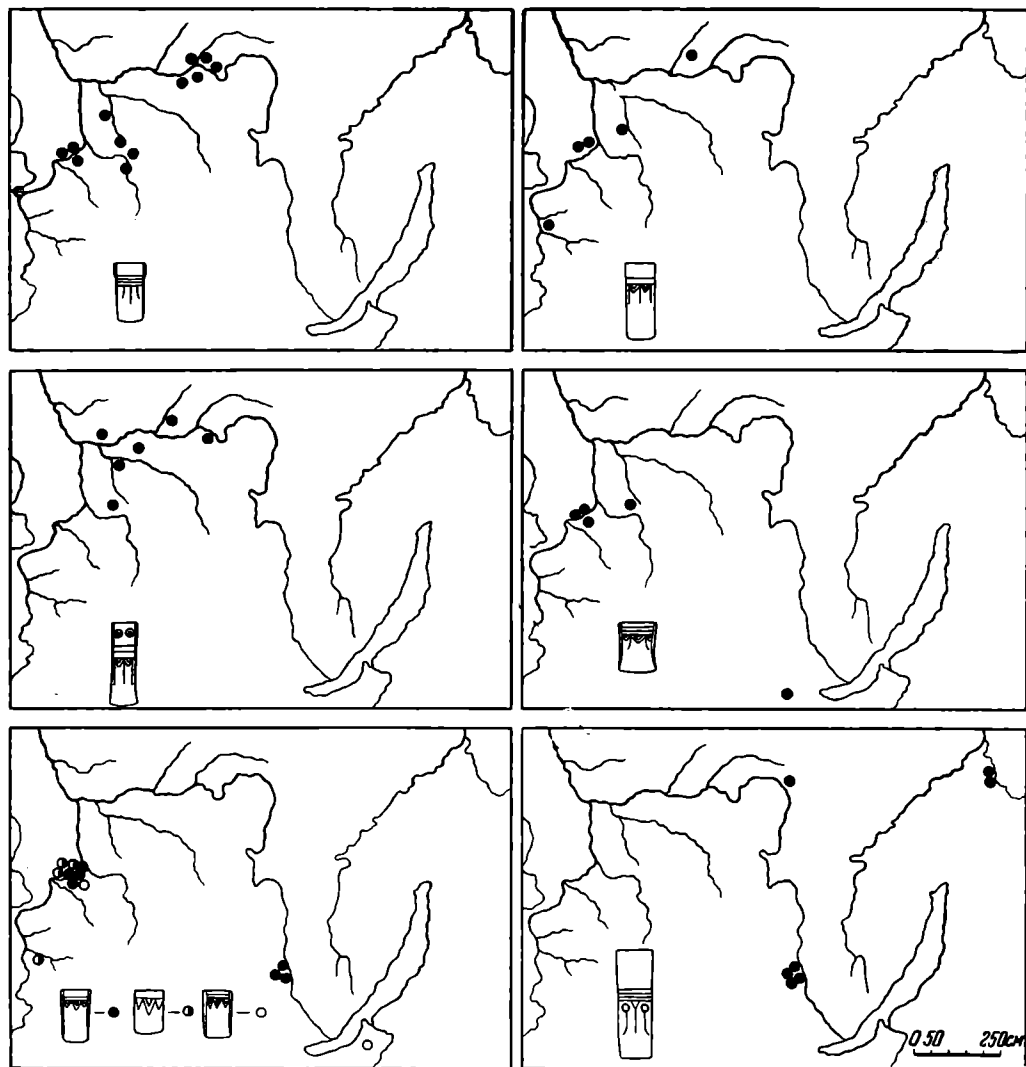

Рис. 11. Распространение отдельных форм кельтов с геометрическим орнаментом

Таким образом, выясняется, что среди кельтов с геометрическим орнаментом имеются не только хронологические отличия, но и отличия территориальные, которые позволяют выделить следующие районы распространения кельтов с геометрическим орнаментом: район Красноярска, район Чуно-Ангарья, район Верхней Ангары и район Канска.

В районе Красноярска, как было указано выше, найдены не все типы кельтов; однако кельты, происходящие из этого района, дают все этапы их развития, полученные на корреляционном поле. Все они характеризуются небольшими размерами, независимо от того, к какой группе принадлежат. Исключение составляют только два кельта второй формы. Кельты из района Красноярска представлены собственно топорами; все они шестигранные в сечении, за исключением одного; кроме того, существует два четырехгранных. Остальные кельты — тесла.

⁷ Отчет ВСОИРГО за 1911 г., стр. 166.

Как уже указывалось, кельты можно датировать по орнаменту. На кельтах из Красноярска можно проследить развитие формы (рис. 12). Один из этих кельтов (рис. 1, 16) связывается с двумя кельтами пятой формы (рис. 5, 2, 6) своим орнаментом и формой. Эти два кельта относятся ко второму хронологическому периоду, но в пятой форме есть кель-

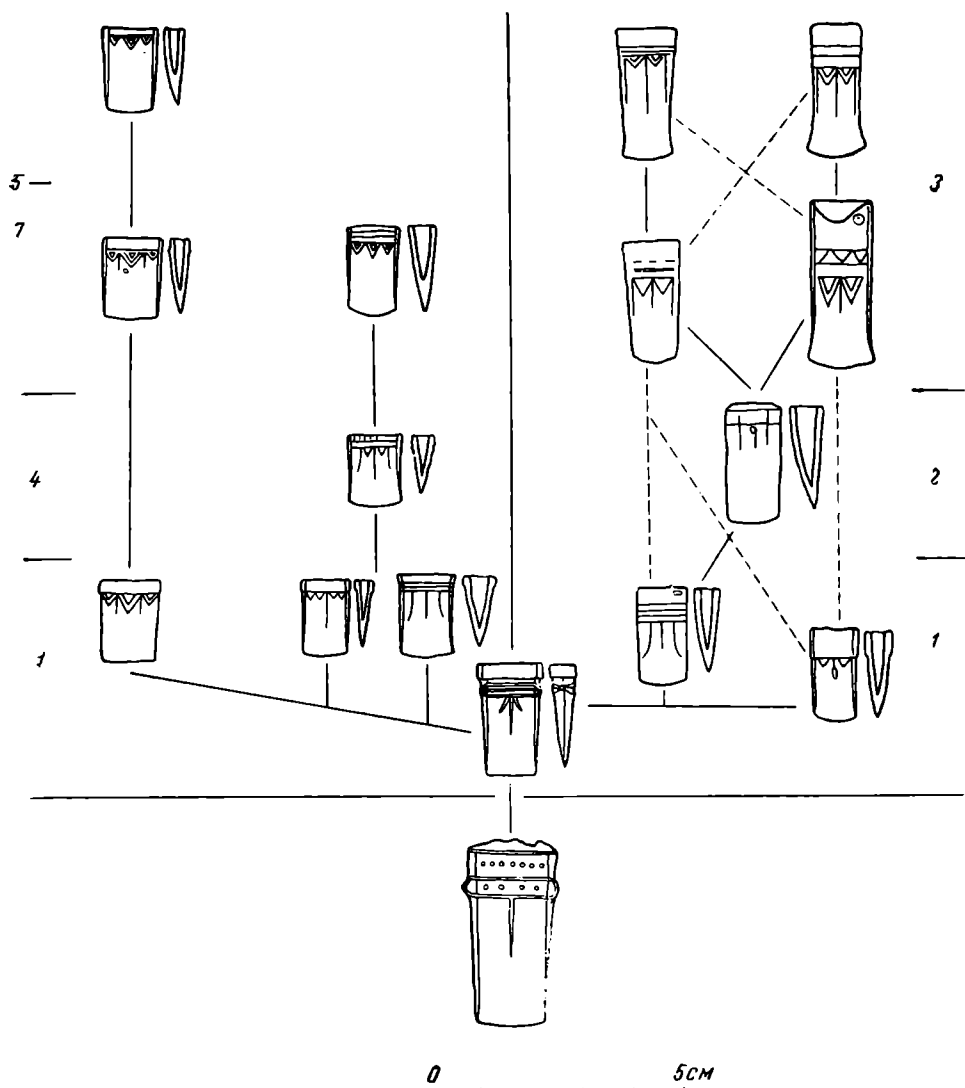

Рис. 12. Схема развития топоров с геометрическим орнаментом (левая часть таблицы — р-н Красноярска, правая — р-н Чуно-Ангарья, штрихом показано развитие орнамента)

ты и более поздние, имеющие связь с шестой формой. Кельты первой формы (рис. 1, 7 и 11) связаны характером орнамента с кельтом четвертой формы (рис. 4, 5) и далее через кельт той же формы (рис. 2, 2) с кельтами шестой формы.

Указанные переходы дают возможность установить только общую тенденцию развития кельтов на территории рассматриваемого района, но не конкретные их видоизменения, так как для этого нет достаточного материала. В районе Красноярска отсутствует стремление к увеличению формы кельта, что наиболее ярко подчеркивается разновидностью двух кельтов второй формы (рис. 2, 4 и 7), которые не находят непосредственной связи с другими кельтами района Красноярска, за исключением орнамента; но это связь хронологическая, а не эволюционная. Кельты

этого района изменяются, но изменение состоит в вариации пропорций кельта и их отдельных частей.

Устойчивость формы кельта и наличие только в этом районе орнамента, состоящего из поясков и шевронов или просто шевронов, позволяет рассматривать эти кельты как особый тип.

Из междуречья Чуны и нижнего течения Ангары от ее правого притока р. Чадобец до устья и части р. Енисея в районе Енисейска происходят 17 экземпляров кельтов: пять кельтов первой формы (причем два из них — переходного вида), два кельта — второй формы и остальные третьей. Два кельта переходного вида первой формы связывают ее с кельтами второй формы. Вторая форма связана с третьей тем, что среди кельтов третьей формы есть отдельные экземпляры с параллельными боковыми гранями; кроме того, переходные кельты второй и третьей форм, насколько можно об этом судить, представлены теслами. В сечении кельты второй и третьей форм четырехугольные.

Кельты первой формы происходят все с р. Чадобец и представлены тремя топорами с шестигранным сечением втулки и одним теслом с четырехгранным сечением.

Кельты третьей формы представлены однородной серией не только по форме (тесло с закругленным лезвием), но и по орнаменту. Шесть кельтов, происходящих из этого района, имеют орнамент в виде одного, двух или трех поясков, трех разделителей, между которыми расположены два шеврона по два угла; два кельта имеют по три пояска, один разделитель и два шеврона по два угла. Один кельт имеет три пояска, три разделителя и два шеврона по одному углу. На двух кельтах имеются еще глазки. Характерной чертой кельтов третьей формы является то, что между верхним краем кельта и орнаментом имеется свободное поле в 1—2 см шириной. Впервые такое поле появляется на переходных видах кельтов и соответствует средней ширине муфты кельтов первой формы.

Можно детально проследить образование наиболее характерного орнамента кельтов третьей формы (рис. 12). Исходными орнаментами нужно считать орнаменты на тесле первой формы (рис. 1, 3) и на двух топорах переходного вида (рис. 1, 17, 18). На тесле орнамент состоит из одного разделителя и двух шевронов по одному углу по его сторонам; на переходных видах кельтов — из четырех поясков и трех разделителей. Слияние исходных орнаментов приводит к образованию двух видов. Первый представлен на рис. 3, 8, 12; он состоит из трех поясков, одного разделителя и двух шевронов по два угла; второй (рис. 3, 7) состоит из трех поясков, трех разделителей и двух шевронов по одному углу. Два последних орнамента образуют наиболее характерный для третьей формы вид орнамента, состоящий из поясков (от одного до трех), трех разделителей и двух шевронов между ними, по два угла в каждом (рис. 3, 1 и 9).

Таким образом, на территории Чуно-Ангарья образуется не только особый тип кельтов, но и характерный орнамент, который развивается от простого к сложному. Это позволяет считать кельты с наиболее сложным орнаментом внутри этого типа более поздними по сравнению с другими.

Между Красноярским районом и Чуно-Ангарьем расположена Канская лесостепь, с территории которой происходит восемь экземпляров кельтов; пять из них относятся к первой форме; один ко второй, один к четвертой и два к третьей. Большинство кельтов первой формы, имеющих указание на место находки, происходит из этого района. Эти кельты, за исключением одного, имеют некоторое своеобразие. Оно состоит в том, что втулка выделена очень резко и сильно выступает за плоскости; они более широки, чем все остальные кельты первой формы; орнаменты их необычны (рис. 1, 12—15). К ним по своему характеру примыкает кельт из Торгашино (рис. 1, 16).

В отличие от ранее рассмотренных районов, в районе Канска проследить развитие форм и орнаментов не удастся. Если кельты второй (рис. 2, 1) и третьей (рис. 3, 14) форм с этой территории дают превосходный пример развития третьей формы из второй — пример более яркий, чем удалось показать на кельтах Чуно-Ангарья, то непосредственной связи между первой и второй формами кельтов этой территории найти нельзя. Некоторая связь может быть проведена только между кельтом первой формы (рис. 1, 13) и кельтом четвертой формы (рис. 4, 1), но и то с большой осторожностью. Кельты третьей формы Канского района различны. Один из них (рис. 3, 4) является, пожалуй, самым нехарактерным из всех кельтов этой формы.

Таким образом, на территории Канского района нельзя проследить развитие кельтов, но все-таки можно говорить о какой-то местной традиции кельтов первой формы. Наличие кельтов второй и третьей форм говорит о связях с северным районом. Кельт первой формы (рис. 1, 4) указывает на связи с северным и с красноярским районом, а кельт четвертой формы — с красноярским районом. Быть может, район Канска является промежуточным, связующим звеном между Красноярским и Чуно-Ангарским районами. Это подтверждает мнение Г. Мерхарта, который считает, что не Енисей, а реки Кан и Усолька являлись связующим звеном между зоной Красноярска и Нижней Ангарой⁸.

Бассейн Верхней Ангары представлен совершенно своеобразным типом кельтов как по форме, так и по орнаменту. К нему относятся, во-первых, четыре кельта восьмой формы, в виде больших клиньев, во-вторых, три кельта пятой формы, также клинообразных, но небольших размеров. Кроме того, есть один кельт седьмой формы и один пятой.

Орнамент части кельтов восьмой формы состоит из поясков, в большинстве случаев трех, под которыми идет разделитель. По обе стороны разделителя расположены по одному кругу, от которого вниз идет изогнутая линия, нижний конец ее подходит к боковой грани кельта. У четырех кельтов разделитель в своей верхней части раздваивается и образует вилку, с помощью которой он присоединяется к валику⁹.

Кроме описанного, на кельтах с р. Витим¹⁰ (рис. 8, 8, 9) имеется орнамент, полностью соответствующий орнаменту некоторых кельтов третьей формы (рис. 3, 2, 8). Этот орнамент состоит из трех поясков, трех разделителей и двух шевронов между ними, по два угла в каждом. Над всем этим орнаментом расположены два глазка. На одном из кельтов пятой формы нанесен орнамент, подобный только что описанному, но на нем отсутствуют глазки, а сам кельт, хотя и сохраняет клиновидную форму, но примерно в два раза короче, и орнамент на нем начинается на 1 см ниже верхнего края. Два других кельта пятой формы по размеру полностью соответствуют третьему, но их орнамент существенно отличается как от уже описанного, так и от всех других кельтов этой формы висящими и изогнутыми концами шевронов. Кельты четвертой и седьмой форм этого района соответствуют кельтам этих форм из других районов. Кельты Верхней Ангары представлены уже готовыми, вполне сформировавшимися формами, истоки которых неясны, но можно предположить, что они отражают какие-то древние местные традиции.

Уже из самой таблицы видны некоторые локальные отличия. Обособленное положение четвертой группы сочетаний отражает различие в кельтах, происходящих с Верхней Ангары и с Витима. Кельты восьмой формы хронологически соответствуют кельтам третьей формы, так как только в этих группах есть одинаковые орнаменты. Но часть кельтов восьмой формы современна двум кельтам пятой формы; это следует из

⁸ G. Merhart. Ук. соч., стр. 45.

⁹ Фотархив ЛОИА АН СССР, 0748, 16.

¹⁰ Отчет ВСОИРГО за 1911 г., стр. 166; А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943, стр. 45.

того, что они были найдены вместе в Верхнеметляевском кладе. Таким образом, часть кельтов пятой формы соответствует в хронологическом отношении кельтам третьей формы. Это же видно и из таблицы.

Третья форма кельтов является локальным вариантом, характерным только для Нижней Ангары. На этой территории, как уже указывалось, не только образуется своеобразный тип кельта, но и происходит развитие простого орнамента к более сложному. Отсутствие на территории Нижней Ангары орнамента, состоящего из поясков и шевронов или только из шевронов, подчеркивает своеобразие этой группы кельтов. Возможно, что кельты этой формы имеют наиболее сложный орнамент, соответствующий в хронологическом отношении кельтам пятой формы. Это не противоречит общему выводу о хронологической последовательности отдельных форм кельтов.

Распространение кельтов с геометрическим орнаментом охватывает область лесостепи и лесов от Красноярска на юге до р. Пит на севере, от р. Енисея — на западе до оз. Байкал — на востоке. На всей этой территории в эпоху сложения тагарской культуры вырабатываются особые традиции в изготовлении бронзовых кельтов и в их орнаментации. Первоначально (насколько об этом можно судить по внешнему виду кельтов из районов Красноярска, Канска и Нижней Ангары) они выглядят довольно однородно, но со временем вырабатываются локальные традиции, которые приводят к образованию типов орудий, характерных для каждого отдельного района ¹¹ (рис. 12).

Изучение кельтов с геометрическим орнаментом показало, что не все выводы Г. Мерхарта — первого исследователя этих кельтов — являются правильными. Он совершенно прав в своем утверждении, что кельты этого типа не связаны своим происхождением с минусинскими кельтами; однако его мнение, что они заимствованы с запада и что их развитие идет с запада на восток, неверно.

Г. Мерхарт ищет формальные аналогии далеко на западе, где также был распространен геометрический орнамент (Восточная Европа). Однако на огромной территории от Венгрии до Красноярска существовали своеобразные культуры, не имеющие ничего общего с культурой района Красноярска. Естественно, что если бы Г. Мерхарт был прав в своем утверждении о западном происхождении кельтов, то в ближайших к Красноярску районах (лежащих на запад от него) были бы известны прототипы красноярских кельтов с геометрическим орнаментом. В действительности же этого нет. Более того, западносибирские кельты, изученные В. Н. Чернецовым ¹² представлены весьма своеобразной серией и не являются прототипами более восточных кельтов. Происхождение изучаемых кельтов нужно искать в местных формах кельтов карасукского времени.

Г. Мерхарт дал общий очерк развития кельтов, но не выделил отдельные местные их варианты, отчего его схема развития кельтов с тенденцией к увеличению их размеров, распространяющейся в направлении с запада на восток не отражает существа процесса. Самое название — красноярские топоры — не может быть признано обоснованным.

Говоря о кельтах лесостепной и лесной полосы, нельзя обойти молчанием кельты минусинских форм, происходящие из тех же районов, что и кельты с геометрическим орнаментом.

К северу от минусинских степей, в лесостепной зоне, было найдено 34 экземпляра топоров и 27 экземпляров тесел характерных минусин-

¹¹ Красноярские и чуно-ангарские типы кельтов представлены не только топорами, но и теслами. Последние, сохраняя все характерные черты того типа, к которому они принадлежат, являются специализированными, приспособленными для определенных работ формами орудий.

¹² В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов. КСИИМК. вып. XVI, 1947, стр. 65.

ских форм. Минусинские кельты были изучены М. П. Грязновым¹³, который выделил два типа топоров (II и IV типы, по его классификации) и тесла (V тип), отнесенные им к минусинской (тагарской) курганной культуре. По типам кельты, происходящие из района Красноярска, распределяются следующим образом: III тип представлен 15 экземплярами, из них 14 происходит из района Красноярска и один — из района Канска; IV тип включает 19 экземпляров, из них 15 — из района Красноярска и четыре — из района Канска. Тесла V типа имеют в своем составе ранние экземпляры с петелькой на спинке; 20 из них происходят из района Красноярска и один — из района Канска; поздние, с ушками на боковых гранях или без них, представлены шестью экземплярами, происходящими из района Красноярска.

Распространение в одних и тех же районах кельтов с геометрическим орнаментом и минусинских топоров свидетельствует о связях минусинской культуры с этими более северными районами. Наибольшее количество находок минусинских топоров относится к первой половине существования тагарской культуры (III тип топоров и тесла V типа с ушком на спинке), во второй половине тагарской культуры связи, видимо, несколько ослабевают, так как минусинские топоры этого времени представлены меньшим количеством находок. Кроме того, среди находок топоров IV типа можно выделить топоры с птичьими ушками, которые более характерны для севера, чем для юга. Эти кельты по сравнению с обычными топорами IV типа менее массивны, без резких граней, с закругленными углами. В сечении они либо овальные, либо четырехугольные, но в последнем случае углы сглажены. Эти кельты отличаются от минусинских IV типа тремя основными признаками: во-первых, все они имеют ушки в виде стилизованных птичьих голов; во-вторых, на большей части кельтов отсутствует орнамент (исключение составляют только два кельта); в-третьих, по краю втулки, за исключением двух кельтов, у всех идет довольно широкий, выступающий за плоскость щеки кельта пояса муфта. Обычная ширина пояса равна половине длины ушка, но иногда он бывает и шире.

Кельтов с указанными тремя признаками известно 16 экземпляров: семь из них происходят из минусинских степей (Быскар¹⁴, Жигалка¹⁵, Шошино¹⁶, Нижний Кужебар¹⁷ и два без точного указания места¹⁸), восемь — из округа Красноярска (Кардачино¹⁹, Таскина²⁰, Базанха²¹, Серебрякова²², Шульково²³, Коркина²⁴ и один без точного указания места²⁵), один — из Канского округа²⁶ и два неизвестного происхождения²⁷.

Несмотря на то, что на долю степной части Красноярского края приходится почти половина всех кельтов этого типа, их процент в общем количестве кельтов невелик — они составляют только около 2% всех разнообразных типов кельтов и тесел, происходящих из степей, в то время как в лесной полосе они составляют 11% общего количества мину-

¹³ М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 237.

¹⁴ Минусинский музей, инв. № 146.

¹⁵ Там же, инв. № 143.

¹⁶ Там же, инв. № 144.

¹⁷ Красноярский музей, инв. № 331, 833.

¹⁸ Там же, инв. № 131, 894; Минусинский музей, инв. № 145.

¹⁹ Гос. Эрмитаж, кол. 5531, № 75.

²⁰ Там же, кол. 5531, № 86.

²¹ Там же, кол. 6531, № 84.

²² Там же, кол. 5531, № 77.

²³ Там же, кол. 5531, № 83.

²⁴ Там же, кол. 5544, № 1.

²⁵ Там же, кол. 5531, № 104.

²⁶ Там же, кол. 5531, № 81.

²⁷ Там же, кол. 5531, № 82 и кол. 1136, № 80.

синских типов орудий. Если же взять только кельты IV типа лесной полосы, не учитывая тесел, то их процент возрастет до 28.

В минусинских степях места находок кельтов с птичьими ушками расположены далеко одно от другого; в районе же Красноярска они составляют компактную группу. Процентное соотношение кельтов и характер их распространения свидетельствует о том, что эти кельты являются более характерными не для степей, а для лесной полосы, где в силу некоторой отдаленности от основной области тагарской культуры вырабатывается новый вид топоров на основе минусинских прототипов, но имеющий своеобразные черты.

Распространение минусинских форм на территории распространения кельтов с геометрическим орнаментом не везде одинаково. С территории Красноярска происходит 89% всех находок топоров минусинских форм к северу от минусинских степей, из района Канска — 11%, а из более северных районов неизвестно ни одного экземпляра. Район Красноярска является пограничным районом между тагарской культурой и областью геометрических кельтов, поэтому неудивительно, что именно здесь находится наибольшее количество минусинских бронз.

Распространение в районе Красноярска минусинских форм топоров, сосуществующих наряду с местными формами и не оказывающих на них влияния, говорит о параллельности их развития. Этот параллелизм существовал и в более раннее время. Карасукские топоры севера и юга резко различаются между собой и являются исходными формами для образования более поздних. Северные карасукские кельты — предшественники кельтов с геометрическим орнаментом, а южные — предшественники минусинских.

В районе Канска характер проявления черт минусинской культуры совсем иной. Уже указывалось, что этот район является промежуточным между районом Нижней Ангары и Красноярском. Здесь почти в одинаковой мере сильны влияния соседей. Об этом же свидетельствуют и находки минусинских форм орудий, попавших сюда, видимо, из района Красноярска. В районе Канска не выработались свои специфические формы орудий, хотя тенденция к их образованию и в ранний период наблюдается.

Район Нижней Ангары развивался параллельно с красноярским; тут довольно рано вырабатываются свои формы орудий, весьма специализированные. Здесь совсем не чувствуется связей с южными культурами, но зато ясно видна связь с районами р. Витим, Верхней Ангары и Прибайкалья. Так же, как красноярский район является пограничным с южными культурами, Нижняя Ангара служит пограничным районом с более восточными культурами.

В заключение нашего исследования целесообразно поставить вопрос: не являются ли лесостепная и лесная зоны Красноярского края особой областью культуры, отличной по своему характеру и происхождению от тагарской культуры. В настоящее время ответить на этот вопрос трудно, так как кельты сами по себе представлены только случайными находками. Кроме того, в области распространения кельтов с геометрическим орнаментом не были не только раскопаны, но даже выявлены археологические памятники, синхронные тагарской культуре, но отличные от нее. Впрочем, последнее во многом зависит от того, что лесостепная и лесная зоны Красноярского края почти совсем не изучены.

Б. В. ТЕХОВ

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В с. ТЛИ

В 1957 г. археологическая экспедиция Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР продолжала свои работы в верхней части бассейна р. Большой Лиахви, начатые в 1955 г. совместно с Институтом истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР. Раскопки велись на древнем могильнике с. Тли, расположенном на южной стороне Главного Кавказского хребта, в ущелье Тлидон, притока Большой Лиахви.

Экспедиция открыла в 1957 г. на участке, известном в археологической литературе как «участок Маргиевых»¹, 21 погребение².

Погребения первого (верхнего) слоя были одиночные, без сопровождающего инвентаря; костяки лежали в скорченном положении на правом боку (погр. №№ 9, 10). Костяки погребений второго слоя лежали также в скорченном положении на правом боку. Они сопровождались единичными железными или бронзовыми предметами (погр. №№ 11, 12, 13). Все погребения были засыпаны каменными глыбами наподобие погребений Квасатальского могильника эпохи бронзы³. Для нас более интересным является третий, т. е. нижний слой, который, как и первые два слоя, был сплошь засыпан рваными каменными глыбами. На каменной насыпи обнаружены бронзовая сечка и бронзовая поясная пряжка кобанского типа, а также около десяти крупных лошадиных зубов.

Из всех вскрытых нами в 1957 г. погребений мы охарактеризовали те, которые более или менее сближают материалы Тлийского могильника с кобанской культурой. Весь материал, к сожалению, еще не обработан.

Среди открытых в Тлийском могильнике в 1957 г. погребений одно (№ 29) оказалось с наиболее архаичным инвентарем. Оно было засыпано крупными глыбами из рваного камня, среди которых найдены бронзовые предметы: браслет (диаметр 5,7 см) с разомкнутыми концами, массивный проволочный крючок с двусторонне завернутыми спиралями (длиной 13 см), игла (длиной 8 см), фигурка сидящего голубя (длина 4,3 см) и др. (рис. 1, 1—4).

На глубине 1,5 м от поверхности земли были обнаружены раздавленный камнями костяк в сопровождении бронзовых изделий и множества фрагментов чернолощеной керамики. Могильное сооружение имело форму продолговатого каменного ящика. Он состоял из маленьких каменных плит, без перекрытия. Сохранившиеся в погребении кости говорили о том, что скелет не был сильно скорчен. Подобные могилы были нами вскрыты здесь в 1958 г. Найденные во всех этих погребениях материалы (трубчатообушный топор, плоские кинжальные клинки, архаичные наконечники копий с раскрытой трубкой и пр.) го-

¹ См. Отчет В. И. Долбежева. Архив ЛОИА АН СССР, ф. № 1, д. 39.

² Еще в 1955 г. на Тлийском могильнике нами было вскрыто восемь погребений. См. Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна (древний могильник в с. Тли). Сталинир, 1957.

³ О. М. Джапаридзе. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 24.

воят о ранней дате этих погребений. Эти каменные ящики, так же как и каменные ящики раннекобанского периода⁴, предназначались для одиночных захоронений. Некоторые костяки в каменных ящиках Тлийского могильника лежали вытянуто на спине.

Таким образом, форма могильных сооружений как погр. № 29, так и вновь нами вскрытых в 1958 г. погребений, находит точную аналогию в Северной Осетии (Загли Барзонд, Фаскау, Верхняя Рутха) в Кабарде⁵ и пр.

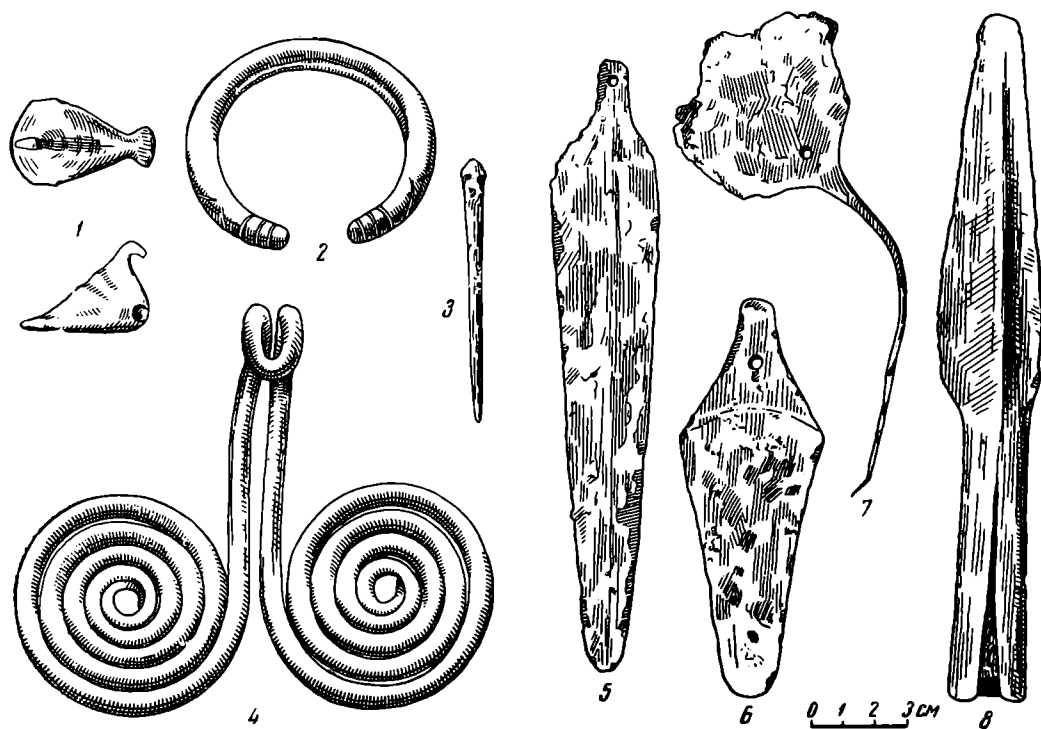

Рис. 1. Бронзовые предметы из погр. № 29

1—4 — находки из насыпи; 5—8 — находки при костяках

Из бронзовых предметов погр. № 29 особенно интересны плоские кинжальные клинки (рис. 1, 5, 6), один из них найден на ножных костях. Оба кинжала имеют маленький черенок с отверстием.

Аналогичные кинжалы характерны для эпохи средней бронзы и известны из коллективных погребений Квасатали⁶, Нули⁷, Самтавро⁸. Подобные кинжальчики имеются также в кумбултских материалах⁹. Разница только в том, что на черенках последних кинжалов отверстие отсутствует.

Вместе с кинжалами в погребении обнаружено бронзовое копье с раскрытой ступкой, имеющей два отверстия (рис. 1, 8). Подобные наконечники копий были обнаружены еще в 1955 г. в погребении № 1¹⁰.

⁴ Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА; 1957, № 1, стр. 69.

⁵ Там же, стр. 68.

⁶ О. М. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 24, рис. 2, 1; рис. 4, 5.

⁷ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 33, табл. XVIII.

⁸ Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.), стр. 111, рис. 16, табл. XVI, 21, 1962, 2764, $\frac{20-05}{4}$.

⁹ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900, табл. XCV, 10.

¹⁰ Б. В. Техов. Ук. соч., стр. 68, 69, табл. I, 4, 5.

Одно такое копье из с. Стырфаз хранится в Юго-Осетинском государственном музее краеведения¹¹.

Наконечники копий аналогичного типа были обнаружены в коллективных погребениях Квасатели¹², Нули¹³, Ожора¹⁴, Самтавро¹⁵ и др. Они часто попадают в погребальных комплексах конца среднебронзовой эпохи и почти все изготовлены приемами одной и той же техники, с применением специальных приспособлений. В горных районах Внутренней Картли, Западной Грузии и Северного Кавказа подобные наконечники копий после эпохи средней бронзы не встречаются.

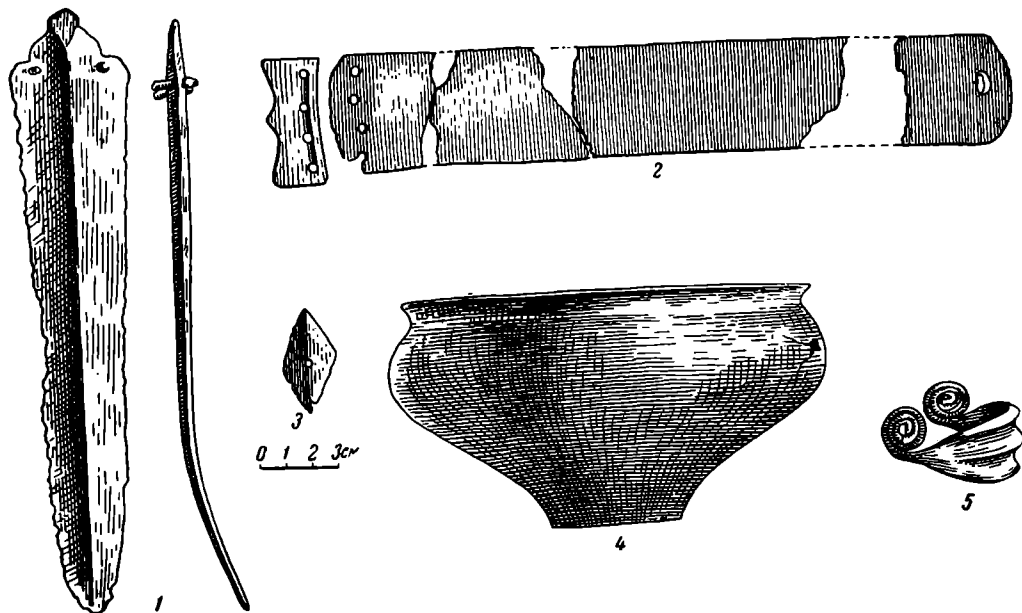

Рис. 2. Бронзовые предметы из погр. № 14

Погр. № 14. Могильная яма была обставлена по краям камнями. В ней обнаружены четыре костяка. Первый костяк, ориентированный на северо-восток, лежал на большой каменной плите в скорченном положении. Череп был раздавлен камнями. Около черепа человека на камнях найден череп барана. Около груди костяка стоял бронзовый открытый сосуд с широким горлом, чуть отогнутым наружу венчиком и узким дном (рис. 2, 4). По своей форме он похож на глиняные горшки эпохи поздней бронзы. При костяке найден пластинчатый браслет с граненой поверхностью и с суживающимися и завернутыми в спираль концами (рис. 2, 5). Подобные браслеты в Юго-Осетии нередки. Они очень характерны для кобанского периода эпохи поздней бронзы¹⁶ и встречались в большом количестве как в Кобане¹⁷, так и в других районах Северного Кавказа¹⁸. Они встречаются также в Западной Грузии (в Абхазии)¹⁹, но реже, чем на Центральном Кавказе.

¹¹ Б. А. Куфтин. Ук. соч., табл. XXXII.

¹² О. М. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 24, рис. 2, 6—8.

¹³ Б. А. Куфтин. Ук. соч., табл. XVIII, 3; см. Т. Н. Чубинишвили. Ук. соч., стр. 51.

¹⁴ Т. Н. Чубинишвили. Ук. соч., стр. 51.

¹⁵ Там же, табл. XVI, H—48, 915, 1213, 6269.

¹⁶ Б. В. Техов. Ук. соч., стр. 26, табл. XIX, 6.

¹⁷ П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXX, 4, 5.

¹⁸ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, № 85, серия исторических наук, вып. 13, табл. VIII-Б, табл. IX-А, 29; табл. X-А, 17; см. Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 101, рис. 23, 2; А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. МИА, № 23, 1951, стр. 82, рис. 5, 6.

¹⁹ М. М. Трапш. Куланурхский древний могильник (Автореферат канд. диссертации). Сухуми, 1951, стр. 13.

Кроме того, при первом костяке найдены бусы из красного сердолика, столь распространенные в могильниках позднебронзовой эпохи Закавказья и Северного Кавказа. Костяк был опоясан пластинчатым поясом (рис. 2, 2).

Под большой каменной плитой был обнаружен второй костяк, который лежал также в скорченном положении, лицом к западу. Около черепа находился бронзовый кинжал с выступающим срединным ребром и с двумя гвоздями от рукоятки (рис. 2, 1). Этот кинжал близок к пла-

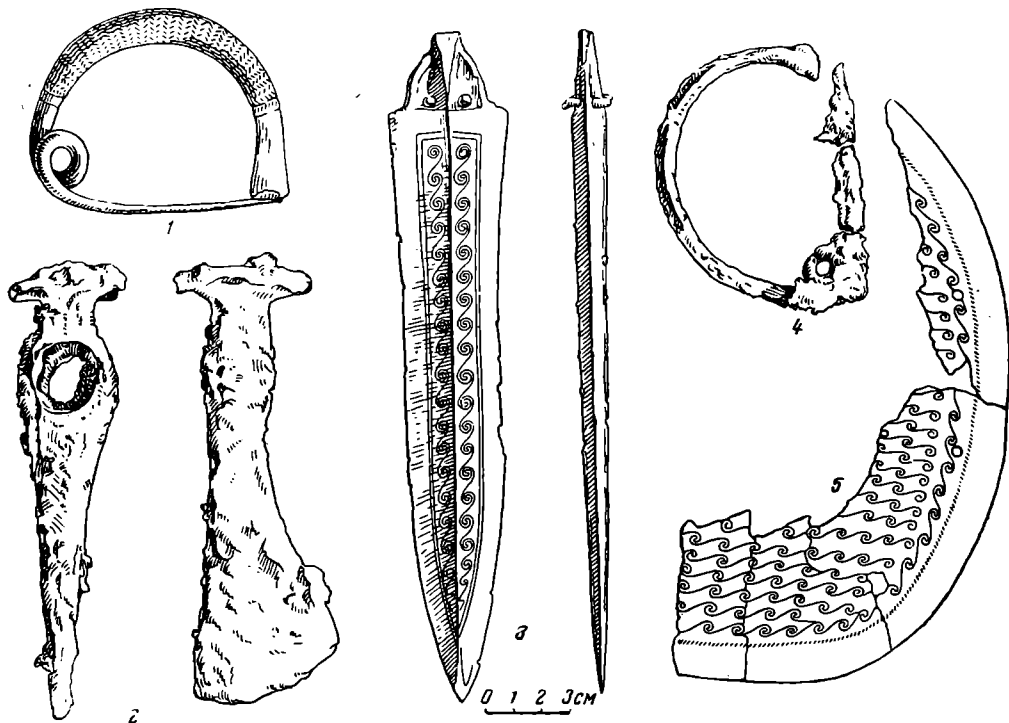

Рис. 3. Предметы из погр. № 15

1 — бронзовая фибула; 2 — железный топор; 3 — бронзовый кинжал; 4 — железная фибула
5 — обломок бронзового пояса

мевидным кинжалам эпохи поздней бронзы и находит себе аналогии в других позднебронзовых могильниках Юго-Осетии²⁰, в Раче²¹, на Северном Кавказе — в каменном ящике № 9 у с. Каменноостского²².

К востоку от каменной плиты был обнаружен череп третьего костяка. Большая часть костяка помешалась под плитой.

Четвертый череп находился в южной части могилы, у ног первого скелета. При нем найдены сердоликовые и пастовые бусы, бронзовые ромбовидные пластинчатые бляшки (рис. 2, 3) и кусочек бронзового шлака. В погребении было очень много углей. По инвентарю погребение можно датировать X—IX вв. до н. э.

Погр. № 15 содержало два костяка, лежавших друг на друге на правом боку, с сильно согнутыми ногами. Ориентировка костяков северо-восточная. В погребении найдена миска из тонкой листовой бронзы, очень плохой сохранности.

На шейных костях верхнего костяка обнаружены сердоликовые бусы, а на груди — железная дугообразная фибула (рис. 3, 4). Аналогичная фибула из бронзы с украшенной елочками дужкой (рис. 3, 1) най-

²⁰ Коллекции Юго-Осетинского музея краеведения.

²¹ Б. А. Куфтин. Ук. соч., табл. XXIX.

²² К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, № 23, стр. 135, рис. 13.

дена на груди нижнего костяка. Перед головами костяков стоял лезвием вниз железный топор с молоточным обухом и круглым отверстием с остатками деревянной рукоятки (рис. 3, 2). Под черепом верхнего костяка найдены кольцевидные металлические серьги и три просверленные подвески из раковины каури.

Второй костяк был опоясан широким (20 см) бронзовым пластинчатым поясом, украшенным параллельно расположенными рядами спиральных завитков (рис. 3, 5). По орнаментации он очень похож на кобанские²³ и на пояс из погребения в Маралин-Дереси²⁴, с той только разницей, что на последних, кроме геометрического орнамента, имеются изображения фантастических животных. На тазовых костях скелета лежал бронзовый кинжал с острым срединным ребром и с таким же орнаментом из спиральных завитков, как на поясе (рис. 3, 3). Кинжал имеет треугольный стержень для насадки рукоятки, на нем сохранились гвоздики, которыми клинок скреплялся с рукояткой. Верхний костяк, по всей вероятности, был женским, а нижний — мужским.

Погр. № 16 содержало два скорченных на правом боку костяка ориентированных на север. На груди одного из них найдена дугообразная фибула с елочным орнаментом (рис. 4, 1), кобанского типа²⁵. Подобные дугообразные одночленные фибулы с тонкой проволочной простой и витой дужкой встречались в погребениях нижнего яруса Самтаврского могильника²⁶. Эти фибулы с тонкой проволочной дужкой продолжали бытовать и в позднекобанский период. Они часто встречаются в материалах северного кладбища Кобана²⁷, в склепах Верхней Рутхи²⁸. Аналогичные дугообразные фибулы вместе с другими бронзовыми предметами найдены в «кувшинных» погребениях в с. Приморском²⁹ и др. В погребении был найден бронзовый кинжал, отлитый вместе с рукояткой. Кинжал очень изящный, пламевидной формы, с острым срединным ребром (рис. 4, 3). Ручка в середине чуть расширена и имеет маленькие выступы. На клинке кинжала сохранились остатки ножен и сломанная колесовидная ажурная бляшка, прикрепленная, по-видимому, к ножнам (рис. 4, 4). Между кинжалом и фибулой найдены две бронзовые пуговицы с петлями на тыльной стороне. Подобные пуговицы были очень распространены в позднебронзовую эпоху в Закавказье и на Северном Кавказе. Что же касается бронзового кинжала, то он, насколько нам известно, является уникальной находкой на территории Юго-Осетии. Кинжалы близкой формы встречаются в Кобанском могильнике³⁰.

При этом же костяке найдены два бронзовых топора кобанского типа. Оба топора — с гранеными обухами и овальными проухами. Первый топор (рис. 5, 1) более массивный, богато орнаментированный. Топор, по классификации П. С. Уваровой, относится к типу «б»³¹ и очень характерен для кобанской бронзы. По классификации О. М. Джапаридзе, этот топор относится ко II типу. Он хорошо представлен в Мегрелии, Сванетии, Лечхуми³². Топоры этого типа встречены и в кладе бронзовых предметов из с. Сурмуши³³. Этот тип топора, как указывает

²³ П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 36, рис. 39 и 40; табл. XXXVII, 2; см. R. Virchow. Über die kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus. Berlin, 1895, табл. IV, 17 и 18.

²⁴ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. I. Тбилиси, 1941, стр. 51, рис. 49.

²⁵ П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXX, 2; табл. XXXI, 7; табл. XXXII, 3.

²⁶ См. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 70, рис. 74, б.

²⁷ Е. П. Алексеева. Ук. ссч., табл. III, 3.

²⁸ Там же, табл. VIII-Б, 22; табл. IX-А, 9; табл. X-В, 6.

²⁹ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, табл. X, а.

³⁰ П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXIX, 1.

³¹ Там же, стр. 15, табл. IV, 3; табл. V, 3, 4.

³² О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 285.

³³ Там же, стр. 286, рис. 2.

Рис. 4. Предметы из погр. № 16

1—4, 6—10 — бронзовые предметы; 5 — железный кияжал

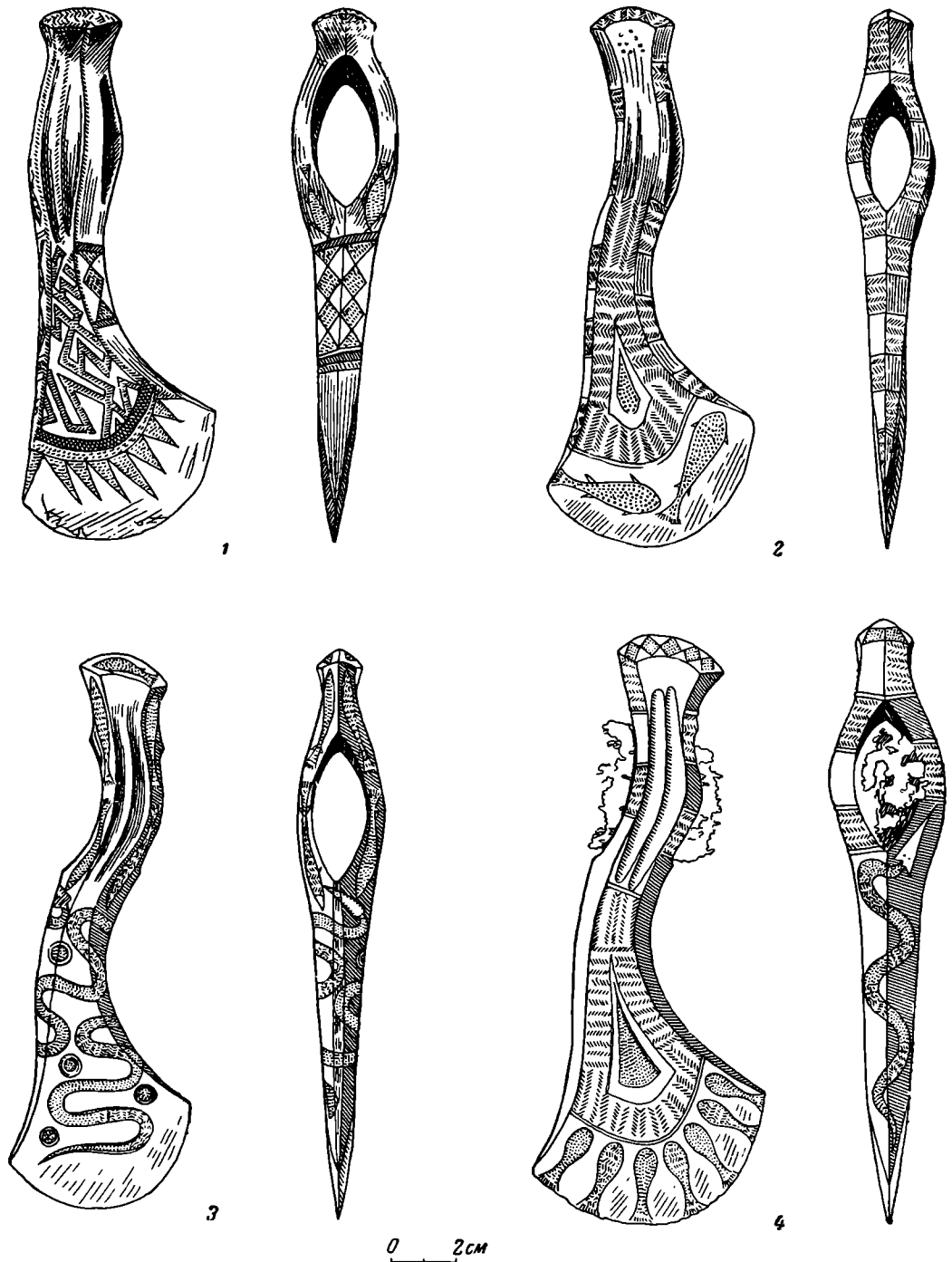

Рис. 5. Бронзовые топоры

1, 2 — из погр. № 16; 3, 4 — из погр. № 18

Е. И. Крупнов³⁴ почти одинаково распространен на территории как прикубанской и кобанской, так и колхидской культур. Найденные на территории Южной Осетии подобные топоры имеют несколько иной орнамент. Они разукрашены изображениями фантастических животных, оленей, змей и т. д. Так, бронзовый топор из с. Цоиси украшен шнуровидным орнаментом по обушной части, прекрасно гравированными изображениями оленя на обеих сторонах лезвия и изображениями змей —

³⁴ Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 63.

вдоль верхних граней³⁵. Такую орнаментацию имеют и кобанские топоры³⁶. На кобанских топорах рассматриваемого типа большей частью изображены фантастические собаки³⁷ и очень редко — олень и другие животные. Второй топор (рис. 5, 2), дважды изогнутый, со слабо заметными гранями на обушной части. Молоточная часть обуха расширена, приподнята кверху и покрыта елочным орнаментом. Такой же орнамент покрывает и всю остальную часть топора. На обеих сторонах асимметричного закругленного лезвия изображено по две фигурки рыб, следующих друг за другом. На лезвии топора нет никаких следов употребления. Топор, по всей вероятности, был боевым. Сравнение рассмотренного нами второго топора из погр. № 16 с кобанскими топорами обнаруживает их полную тождественность. Топор, по классификации П. С. Уваровой, относится к типу «а»³⁸, по классификации О. М. Джапаридзе, — к III типу³⁹ и является характерным только для кобанской культуры. Некоторые кобанские топоры III типа орнаментированы также зигзагами, спиральными завитками, ломаными линиями, косыми крестами, квадратами. Аналогичные топоры известны из Западной Грузии, но в меньшем количестве⁴⁰. Имеются они и в Цхинвальском кладе вместе с топорами II типа⁴¹. Здесь же с бронзовыми топорами обнаружены два бронзовых браслета. Один из них — с разомкнутыми концами, другой — с заходящими друг на друга концами (рис. 4, 7, 8). В погр. № 16 найдена также бронзовая поясная пряжка почти прямоугольной формы, с восемью отверстиями для скрепления с поясом и с сильно загнутым внутрь крюком (рис. 4, 10). Поверхность пряжки покрыта очень тонким геометрическим орнаментом. Загнутый внутрь крюк пряжки вдевался, по-видимому, в самый пояс, так как находящиеся в погребениях Тлийского могильника концы пластинчатых поясов имеют только по одному отверстию. Подобные пряжки в большом количестве известны из Кобанского могильника⁴², с той только разницей, что кобанские пряжки более длинные и большей частью инкрустированы железом, а орнамент, наряду с разными геометрическими фигурами, изображает животных (оленя, собаку⁴³, змею, рыб)⁴⁴. Очень интересно, что в Тлийском могильнике инкрустация совершенно не встречается, а целые предметы из железа встречаются в достаточном количестве.

Второй костяк погр. № 16 — очень крупный, лучшей сохранности. На шейных костях была обнаружена бронзовая дугообразная фибула с тонкой проволочной дужкой (рис. 4, 2). Дуговая часть фибулы украшена маленькими кружочками и елочкой. Она очень похожа как на самтаврские⁴⁵, так и на кобанские бронзовые фибулы⁴⁶. Около пояса костяка лежал массивный железный кинжал, с маленьким черенком с одним отверстием для скрепления рукоятки (рис. 4, 5). У ножных костей найден обломок колечка из тонкой бронзовой проволоки. У левого плеча скелета обнаружен железный топор с остатками деревянной рукоятки (рис. 6). Топор повторяет форму найденных там же бронзовых топоров,

³⁵ Коллекция Юго-Осетинского обл. музея краеведения, инв. № 1019/827. См. Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция..., стр. 27.

³⁶ П. С. Уварова. Ук. соч., табл. IV, 3; табл. VII, 1.

³⁷ Там же, табл. V, 3, 4; табл. VII, 4; табл. VIII, 1, 2.

³⁸ Там же, стр. 15, 18, 19, рис. 15.

³⁹ О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии, стр. 285; F. Haug. Beile aus Koban in der Sammlung Kaukasischer Altertümer. Wiener prähistorische Zeitschrift, XXI, 1934.

⁴⁰ О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии, стр. 285; см. Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 63.

⁴¹ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция, стр. 19, рис. 1.

⁴² П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XIV, 2—7; табл. XV—XXI.

⁴³ Там же, табл. XV, 4; табл. XVI, 2, 3; табл. XVII, 4; табл. XIX, 1—3; табл. XX, 1, 4; табл. XXIV, 2; табл. XXV, 4.

⁴⁴ Там же, табл. XIV, 6; табл. XVI, 4; табл. XIX, 4.

⁴⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 70.

⁴⁶ П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXXI, 6; табл. XXXII, 1, 3.

только молоточная часть обуха у железного топора толще и шире, чем у бронзовых. Костяк был опоясан широким бронзовым пластинчатым поясом, по наружной поверхности которого проходило свыше девяти параллельных граней (рис. 4, 6). На внутренней поверхности пояса сохранились остатки подкладки. Ширина пояса — 10 см. На одном конце пояса найдена бронзовая пряжка с восемью отверстиями для скрепления с поясом (рис. 4, 9). В пяти отверстиях сохранились маленькие бронзовые колечки. Наружная поверхность пряжки украшена геометрическим орнаментом из косых крестиков.

По форме и орнаментации пряжка сходна с кобанскими⁴⁷, но отличается меньшим размером. Под берцовыми костями первого скелета найдена бронзовая ситула, почти наполовину раздавленная камнями, с одной ручкой, изображающей стилизованную головку животного (рис. 7, 1). Дно ситулы скреплено со стенками при помощи заклепок. По тулову ситулы проходят вертикальные штрихи. Подобная бронзовая ситула с литой, грубо отделанной ручкой, известна из Верхней Рутхи⁴⁸. Такие ситулы, по-видимому, служили кружками для питья.

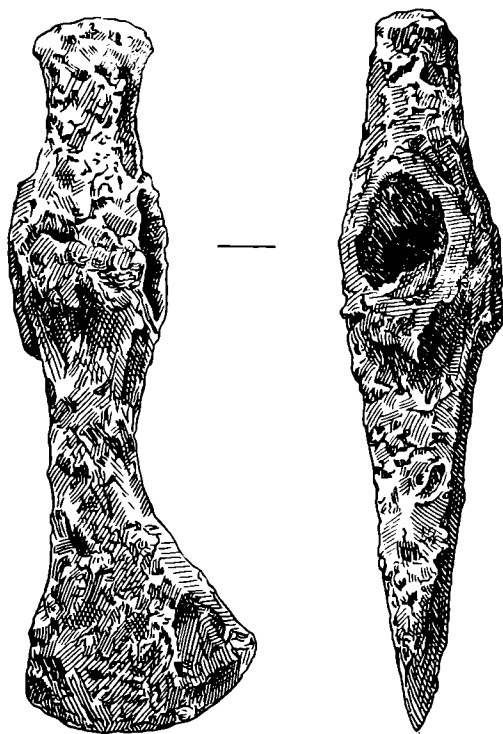

Рис. 6. Железный топор из погр. № 16

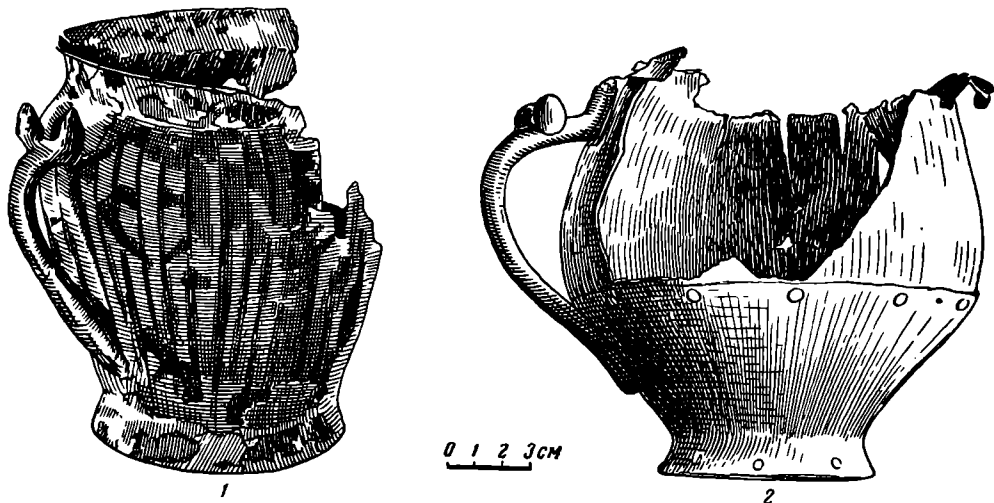

Рис. 7. Бронзовые ситулы

1 — из погр. № 16; 2 — из погр. № 18

Погр. № 17 обнаружено на расстоянии 1,5 м от погр. № 16, на глубине 3,40 м от поверхности. Размер могильной ямы (1 × 0,9 м). В погребении оказались два костяка, лежавших на правом боку, в сильно скорченном положении. Первый костяк, по всей вероятности, был муж-

⁴⁷ П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XIV, 4; табл. XV, 2.

⁴⁸ Там же, стр. 241, рис. 196.

ским. Костяк сопровождала глиняная безручная чернолощенная банка с широким биконическим туловом, невысоким чуть отогнутым наружу венчиком и узким дном, украшенным мелкими насечками.

У локтевых костей скелета найдена бронзовая дугообразная фибула кобанского типа⁴⁹. Толстая дужка фибулы орнаментирована елочками. Под ребрами мужского костяка найден хорошо патинизированный бронзовый кинжал с широким срединным ребром. Кинжал имеет треугольный черенок с двумя отверстиями для прикрепления рукояти. В отверстиях сохранились гвоздики. Длина кинжала — 25,5 см, ширина — 4,2 см.

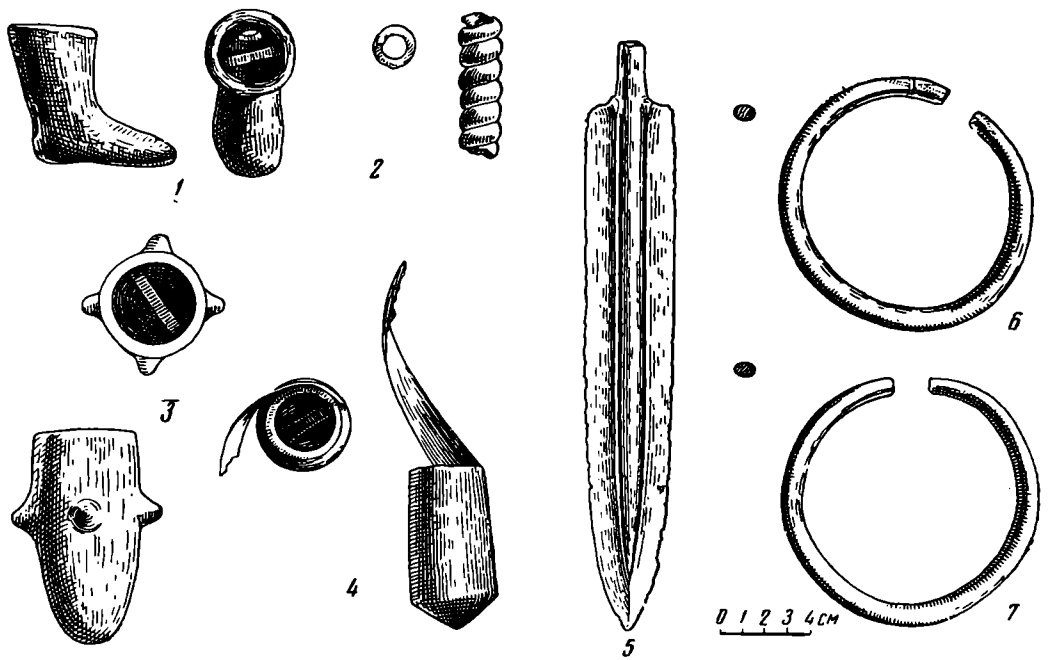

Рис. 8. Бронзовые предметы из погр. № 18

1 — подвеска в виде сапога; 2 — спиральная пронизь; 3, 4 — подвески; 5 — кинжал; 6, 7 — браслеты

У женского костяка найден глиняный чернолощенный сосуд с одной ручкой, на верхней части которой прилеплены два валика. На шейных костях скелета найдены бусы из красного сердолика, на тазовых костях — бронзовая подвеска в виде бараньей головы с длинными закрученными трижды рогами, украшенными елочными нарезками. Между рогами имеется петля для подвешивания.

Инвентарь рассмотренного погребения находит себе близкие аналогии в Раче⁵⁰ и в Кобани⁵¹.

Погр. № 18, как и все другие, ориентировано на север. Оно было засыпано каменными глыбами. Размер могильной ямы 1,5 × 1,05 м. В погребении оказались два костяка. На черепе одного из костяков найдены бронзовые ромбовидные бляшки с отверстиями в центре. У черепа лежал бронзовый топор, изогнутый дважды, с граненым обухом и овальным проухом (рис. 5, 3). На молоточной части обуха изображены рыбы. Такими же изображениями рыб украшена лобная часть вокруг проуха. На обеих сторонах лезвия изображены змеи и солнце. Змеи имеют треугольные головки, напоминающие наконечники стрел. На лезвии нет следов употребления. Топор относится к III типу (по классификации

⁴⁹ П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXX, 2; табл. XXXII, 3.

⁵⁰ Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.), табл. XI, 1.

⁵¹ П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XII, 2; табл. XXXV, 3.

О. М. Джапаридзе)⁵² и к типу «а» (по Уваровой)⁵³, хорошо представленному в Кобанском могильнике, и является наиболее характерным для кобанской культуры⁵⁴. В Западной Грузии упомянутый топор известен из Лечхуми, в кладах Ладжобисдзири, Сурмуши, Цагери и пр.⁵⁵. В погребении обнаружен второй такой же топор с остатками деревянной рукоятки в овальном отверстии обушной части (рис. 5, 4).

Говоря об аналогичных топорах Кобанского могильника, следует отметить, что они инкрустированы железом и, кроме изображений змеи и рыб, на них имеются изображения фантастических животных⁵⁶.

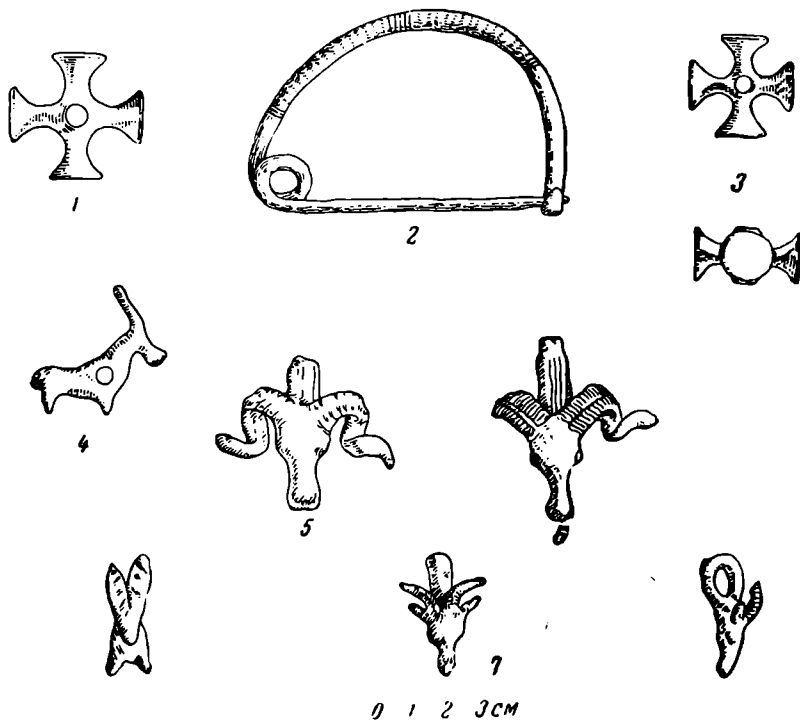

Рис. 9. Бронзовые украшения из погр. № 23

В погребении на левой ключице второго костяка найдены бронзовые ромбовидные бляшки с отверстиями в центральной части. Эти бляшки чуть больших размеров, чем найденные в погр. № 6 Глийского могильника в 1955 г.⁵⁷. На шее костяка обнаружены хорошо отшлифованные двусторонне просверленные бусы различного размера из красного сердолика. Костяк был опоясан узким бронзовым пластинчатым поясом, на одном конце которого была пряжка с четырьмя отверстиями и с хорошо загнутым крючком. Размер пряжки $4,5 \times 2$ см. Подобная пряжка с семью отверстиями, большего размера (длина $11 \times 2,5$ см) была найдена под ромбовидными бляшками. Поверхность пряжки украшена елочным орнаментом. Между плечевой костью и ключицей найдена бронзовая подвеска в форме сапога, над пяточной частью которой имеется отверстие с петлей (рис. 8, 1). Там же обнаружены и подвески другой формы (рис. 8, 3, 4) и спиральная пронизь (рис. 8, 2). На ножных костях скелета найдены бронзовые браслеты из толстой круглого сечения проволоки, с несомкнутыми украшенными пунктиром концами (рис. 8, 6, 7). Подоб-

⁵² О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии, стр. 285.

⁵³ П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 18, рис. 15; табл. III, 1, 2.

⁵⁴ Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 73.

⁵⁵ О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии, стр. 286.

⁵⁶ П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 18, рис. 14; табл. V, 1—4; табл. VIII, 1.

⁵⁷ Б. В. Техов. Ук. соч., стр. 112, табл. VII, 2.

ные браслеты были обнаружены в погр. № 6 Глийского могильника в 1955 г.⁵⁸ В большом количестве имеются они в материалах Мцхета⁵⁹, в материалах из Кобанского могильника⁶⁰. Большой частью это — кольца с разомкнутыми концами. На расстоянии 0,35 м от черепа костяка найдена бронзовая ситула небольшого размера, состоящая из двух пластинок, склепанных в центральной части тулова и с одной стилизованной ручкой (рис. 7, 2). Дно ситулы изготовлено отдельно, а потом склепано с донной частью стенок ситулы. Под одним из костяков найден бронзовый кинжал (рис. 8, 5).

Интересный инвентарь оказался в семейном погребении № 23, содержавшем три костяка — детский, женский и мужской. Детский ко-

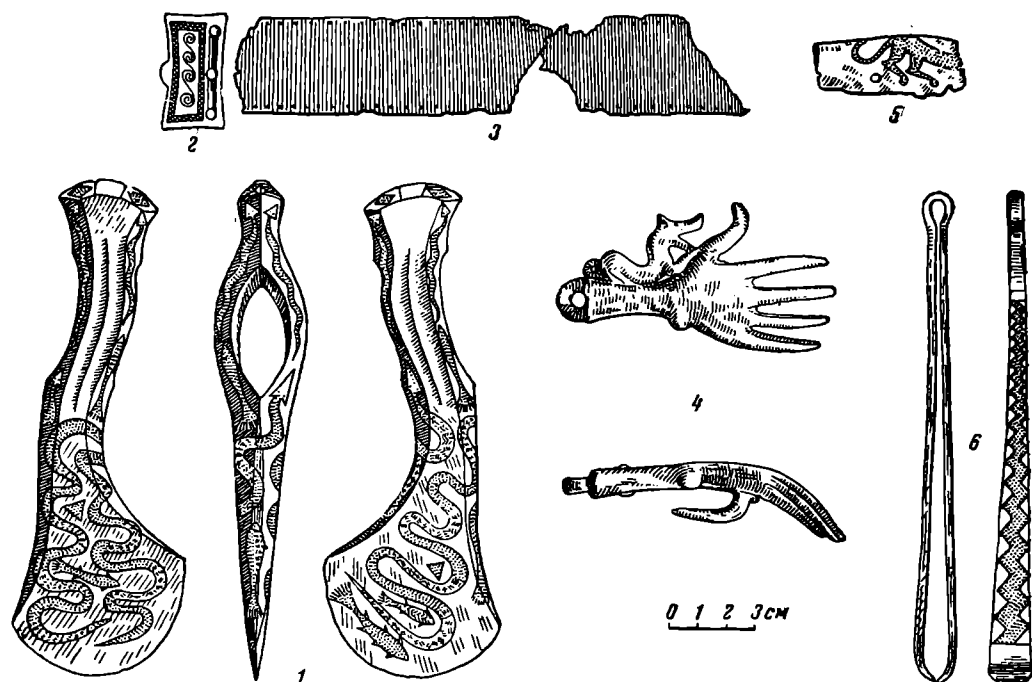

Рис. 10. Бронзовые предметы из погр. № 23

стяк сохранился плохо. У черепа найдена бронзовая подвеска в виде козьей головы (рис. 9, 7), на шейных позвонках — круглые пастовые бусы белого цвета. Между берцовой костью детского и тазовой костью женского скелетов найдены две крестовидные подвески с остатками узкого ремня в отверстиях, которыми, по-видимому, они прикреплялись к одежде, как пуговицы (рис. 9, 3). У ног детского скелета стоял небольшой бронзовый сосуд с двумя маленькими ушками и соединяющей их проволочной ручкой. Подобный бронзовый сосуд был обнаружен здесь еще в 1955 г. в погр. № 6⁶¹.

Женский костяк сопровождали бронзовые украшения: спиральные трубочки, подвески в виде бараньих голов кобанского типа (рис. 9, 5, 6), а также пастовые бусы и пр. У ног обнаружено железное массивное втульчатое копьё с широкой листовидной частью и второй предмет, по-видимому, тоже наконечник копья, с маленькой листовидной частью.

Мужской костяк лежал в более скорченном положении, на правом боку. На черепе его обнаружены ромбовидные пластинчатые бляшки с отверстиями, у черепа — бронзовая фигура рогатого животного, по-види-

⁵⁸ Б. В. Техов. Ук. соч., стр. 79, табл. VIII, 3, 14.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 59, табл. XXXIII, 9, 10; см. E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, т. II, Paris — Lyon, 1885, рис. 9.

⁶¹ Б. В. Техов. Ук. соч., стр. 125.

мому, дикой козы (рис. 9, 4), а у рта лежала дугообразная бронзовая фибула (рис. 9, 2).

У позвонков был найден бронзовый топор с овальным отверстием и с граненой обушной частью (рис. 10, 1). Лезвийные части топора украшены изображениями змей, треугольников и рыб⁶². Под топором найден кусок бронзовой пластинки (от пояса?), на котором имеется изображение задней половины какого-то хищного животного (рис. 10, 5).

На бедренных костях обнаружены два бронзовых кинжала. Клинки пламевидные, обычного для Тлийского могильника типа. Они находят близкие аналогии и в других могильниках эпохи поздней бронзы Юго-Осетии, Грузии, Северного Кавказа и Закавказья в целом.

Рис. 11. Погребение в каменном ящике

Наиболее интересной оказалась найденная при мужском костяке бронзовая пряжка в виде правой руки с развернутыми пальцами и с фигуркой сидящей собаки (рис. 10, 4). Не совсем точные аналогии ей можно привести только из кобанского могильника, где некоторые пряжки вместо пяти имеют по шесть пальцев⁶³. Костяк был опоясан узким бронзовым пластинчатым поясом, на обоих концах которого имеется пунктирный орнамент. На конце одного из фрагментов пояса найдена пряжка с тремя отверстиями и со спиральным орнаментом (рис. 10, 2, 3). Рядом с поясом обнаружен орнаментированный бронзовый пинцет⁶⁴. Аналогичные пинцеты были очень распространены на Кавказе в эпоху поздней бронзы.

Среди вскрытых в 1957 г. погребений только одно оказалось в каменном ящике. В ящике, сложенном из плоских рваных плит (рис. 11), обнаружен костяк ребенка лет 13—14. Он лежал на правом боку в согнутом положении, на трех продолговатых плитах, составлявших пол могилы. Перед костяком стояли глиняная миска и одноручная глиняная кружка с выпуклым туловом и узким дном (рис. 12, 3, 4). Оба сосуда

⁶² П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 15, рис. 10; стр. 20, рис. 23, 25; табл. III, 1, 3; табл. XIV, 6, табл. XIX, 4.

⁶³ Там же, табл. XXV, 6; табл. XXIX, 7, 8.

⁶⁴ Подобный предмет см. Б. В. Тихонов. Ук. соч., стр. 124, табл. VIII, 8.

изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученной и обожженной глины. Аналогичные глиняные сосуды в большом количестве обнаружены в Самтаврском могильнике⁶⁵. Под ребрами костяка лежал массивный бронзовый кинжал, который имел, по-видимому, деревянную или костяную ручку с бронзовой пластинкой, прибитой к кончику ручки тремя бронзовыми гвоздями с цилиндрическими головками. Подобные

гвозди с пластинкой имеются в собрании А. С. Уварова из Кобана⁶⁶. На шейных костях найдены мелкие бусы из красного сердолика, у груди дугообразная фибула чисто кобанского типа.

Недалеко от каменного ящика обнаружено погребение маленького ребенка с бронзовым инвентарем и остатками какого-то деревянного предмета. Костяк, по всей вероятности, лежал на правом боку. Его сопровождали: бронзовый топор колхидского типа с клиновидным обухом и с полукруглым лезвием (рис. 13, 1), бронзовая миска (рис. 13, 5), шейная гривна из тонкой бронзовой проволоки (рис. 13, 4), два бронзовых браслета (один с разомкнутыми концами, а второй — с сомкнутыми концами; рис. 13, 2, 3), а также два маленьких кусочка шлака (один бронзовый, другой — железный). Подобные детские погребения обнаружены в Самтаврском могильнике⁶⁷.

Во всех погребениях в большом количестве встречались остатки угля, которые, по всей вероятности, связаны с разжиганием костра при похоронах умершего. В погребениях обнаружены остатки костей как крупного, так и мелкого рогатого скота и лошади.

Кроме остатков животных, в тлийских погребениях обнаружены их многочисленные изображения.

Рис. 12. Предметы из погребения в каменном ящике

1 — бронзовый кинжал; 2 — бронзовая фибула; 3, 4 — глиняные сосуды

Все это указывает на то, что в конце II и в первой половине I тысячелетия до н. э. племена, обитавшие в верховье Большой Лиахви занимались скотоводством. Эти бронзовые подвески могут быть связаны также и с культом животных; у горных племен особенно популярен был культ барана.

* * *

Как уже отмечалось выше, в погр. № 29 обнаружены бронзовые предметы, отличающиеся от материалов всех других погребений. В ту эпоху, когда бытовали плоские кинжалы с маленьким черенком и с от-

⁶⁵ Т. Н. Чубинишвили. Ук. соч., стр. 68.

⁶⁶ П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXXIII, 12.

⁶⁷ Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие грунтовые погребения Самтаврского могильника. ҚСИИМҚ, вып. XLXI, 1952, стр. 56.

верстием в нем, наконечники копий с раскрытой втулкой, булавки с дисковидными головками, культурные связи горной полосы территории современной Юго-Осетии с другими районами Закавказья прослеживались меньше, нежели в конце II тысячелетия до н. э. В середине II тысячелетия до н. э. на обширной территории Шида Картли и Грузии вообще были в употреблении подобные кинжальные клинки и наконечники копий. В эпоху поздней бронзы в верховье р. Большой Лиахви матерьяльная культура принимает северо-кавказскую форму. Все материалы, открытые в 1957 г. в погребениях с. Тли, несут яркие черты кобанской культуры (топоры, кинжальные клинки, дугообразные фибулы, подвески в виде бараньих и козьих голов, пряжки, пояса).

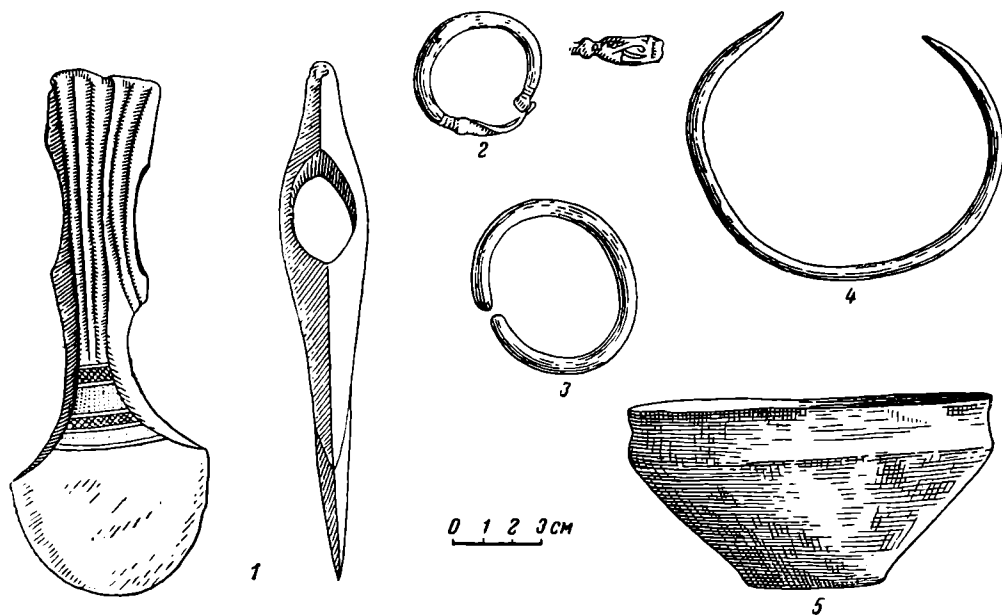

Рис. 13. Бронзовые предметы из детского погребения

В отличие от кобанских погребений, в тлийских найдены железные предметы хорошо оформившихся типов (топоры, наконечники копий, фибулы, кинжалы и пр.). Железо в Кобане встречается только в виде инкрустации: по-видимому, оно было более редким металлом, чем в районе Тли. В последнем железная индустрия, по всей вероятности, была более развита, и, возможно, отсюда продукция шла на северные склоны Главного Кавказского хребта. Материал тлийских погребений может быть датирован тем же периодом, каким датируются аналогичные материалы из Кобанского могильника и из Западной Грузии. Нам кажется, что рассмотренные выше комплексы датируются VIII—VII вв. I тысячелетия до н. э., когда изделия развивающейся металлургии железа приняли готовые формы бронзовых вещей. Что же касается погр. № 29, то оно датируется более ранним периодом — приблизительно XIV в. до н. э.

В результате рассмотрения всех комплексов тлийских погребений мы приходим к заключению, что в конце II и начале I тысячелетия до н. э. горную полосу современной Юго-Осетии населяли племена, имевшие единую культуру с племенами, оставившими кобанский могильник. С другой стороны, прослеживаются определенные связи с племенами горных и равнинных районов Восточной и Западной Грузии вообще.

Надо отметить, что наиболее типичной формой тлийских погребений является обложенная каменными плитами или булыжником могила, как

в Кобане⁶⁸, которая была предназначена не для одного покойника (как это характерно для Самтаврского могильника⁶⁹), а для двух и более покойников. Если в Самтаврском и в других могильниках Грузии эпохи поздней бронзы глиняная посуда встречается в большом количестве, то в тлийских погребениях, наоборот, больше встречается металлическая посуда, находящая аналогии в могильнике у с. Геби (Западная Грузия), в Жемталинском кладе⁷⁰ и пр.

В середине II тысячелетия до н. э. металлическая посуда была не очень характерна для горных районов. Но на рубеже II и I тысячелетий до н. э., когда металлургия бронзы достигла своего расцвета, расширилось и производство металлической посуды. Хорошей иллюстрацией этого могут послужить тлийские погребения. В погр. № 29 обнаружено несколько глиняных сосудов, в то время как в других погребениях, глиняная посуда встречалась реже металлической.

В Самтаврском могильнике, как это отмечает А. Н. Каландадзе⁷¹, на правом боку погребались мужчины, а на левом — женщины. В Тлийском же могильнике все костяки как мужские, так и женские лежали на правом боку (за исключением детского скелета в погр. № 24).

На основе изучения материала из тлийских погребений мы приходим к выводу, что в конце бронзовой и в начале железной эпохи кобанская культура бытовала и на южном склоне Главного Кавказского хребта⁷². Племена, населявшие оба склона хребта, были генетически связаны между собой. Они имели также культурные связи с другими соседними районами Северного Кавказа и Закавказья.

⁶⁸ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 110, рис. 26.

⁶⁹ Т. Н. Чубинишвили. Древние грунтовые погребения Самтаврского могильника, стр. 55.

⁷⁰ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 109—110.

⁷¹ Полевые дневники А. Н. Каландадзе. Архив Ин-та истории АН ГрузССР; см. также Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие грунтовые погребения Самтаврского могильника, стр. 55.

⁷² Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 60; см. также Б. В. Техов. Ук. соч., стр. 149.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

О МОНЕТАХ С НАДПИСЬЮ ΕΜΙΝΑΚΟ

Ольвийские монеты с приведенной в заглавии надписью известны нумизматам около 90 лет, однако в научной литературе нет ни одной специально посвященной им работы. Между тем уточнение времени выпуска этих древнейших серебряных (и вообще чеканенных) монет Ольвии представляет существенный интерес для истории денежного обращения в городе, а разъяснение некоторых особенностей помещенных на них изображений проливает свет на характер взаимоотношений между ольвиополитами и соседними племенами. Ввиду этого нам представляется целесообразным пересмотреть материал, относящийся к указанным монетам.

Монеты с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ были впервые опубликованы в 1870 г. Ф. А. Струве, который привел в своей статье обширную выписку из письма от не назвавшего себя, к сожалению, корреспондента, снабдив ее краткими примечаниями. Согласно цитированному Ф. А. Струве письму, одна монета поступила в 1869 г. в коллекцию известного одесского любителя Ю. Х. Лемме; она была найдена в Ольвии и автор письма готов был признать ее ольвийское происхождение. Ф. А. Струве добавил к этому, что вторую монету того же сорта, также найденную в Ольвии, он видел в собрании А. Е. Люценко в Керчи; однако от отнесения монет к Ольвии он воздержался и подчеркнул их близость к известным фасосским тетрадрахмам¹. В. Френер, составлявший аукционный каталог собрания Лемме, поместил описание занимающей нас монеты между монетами синдов, Колхиды и царей Боспора и отнес ее «к Боспору Киммерийскому или к соседним странам»². Б. В. Кёне в свою очередь заметил, что хотя монета из коллекции Лемме и была найдена в Ольвии, но по своему стилю она не имеет аналогий среди ольвийских монет³. Наконец, А. Заллет, неоднократно возвращавшийся к монете из коллекции Лемме, сравнивал ее сначала с монетами Фив и Гераклеи Вифинской⁴, а затем — с монетами Северной Греции, Фракии или Македонии, специально подчеркивая при этом сходство с монетами Дикеи⁵. В дальнейшем в зарубежной литературе закрепилось отнесение этих монет к Фракии⁶; до конца XIX в. так считали и русские нумизматы⁷.

¹ Th. Struwe. Pontische Briefe. RM, NF, т. XXV, 1870, стр. 366—368.

² W. F(röhner). Catalogue des médailles du Bosphore Cimmérien, formant la collection de Jules Lemme à Odessa. Paris, 1872, стр. 29.

³ B. von Köhne. BBMSW, т. VI, № 18, 1871—1873, стр. 347.

⁴ A. von Sallet. Die Münzen der Chersonesus in der Krim. ZfN, т. I, 1874, стр. 21—22.

⁵ A. von Sallet. Zur griechischen Numismatik. ZfN, т. III, 1876, стр. 133—134.

⁶ F. Imhoof-Blumer. Porträtköpfe auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierteter Völker. Leipzig, 1885, стр. 17; B. V. Head. Historia numorum. Oxford, 1911, стр. 283; E. Babelon. Traité des monnaies grecques et romaines, ч. II, т. 3, Paris, 1914, стлб. 227—228, пр. 3; P. Gardner. A History of Ancient Coinage. Oxford, 1918, стр. 272; G. F. Hill. Greek Coins Acquired by the British Museum in 1925. NC, 5 серия, т. VI, 1926, стр. 117; Н. А. Мушмов. Монетите на тракийските царе. ГПНБМ за 1925 г., Пловдив, 1927, стр. 205, 250; САН, Plates, т. III, 1930, стр. 18.

⁷ А. В. Орешников. Описание древнегреческих монет, принадлежащих Москов-

В начале текущего столетия количество монет с надписью ЕМІNAKO значительно увеличилось: небольшой клад их был найден при не совсем ясных обстоятельствах «в одной гробнице в Ольвии в присутствии курьера Е. В.» (т. е. А. М. Романова)⁸. По другим данным, монеты находились в «кувшинчике», который остался, к сожалению, неописанным⁹. Весь клад поступил в коллекцию «высочайшего» любителя, а затем (к величайшему ущербу для науки) разошелся по иностранным собраниям. Одна монета, впрочем, была подарена в Одесский музей¹⁰, другая — в Эрмитаж¹¹. Добавим, что экземпляр, некогда принадлежавший А. Е. Люценко и Московскому университету, сейчас хранится в ГМИИ¹². Помимо указанных трех монет, изученных в оригиналах¹³, известны по описаниям и репродукциям еще экземпляры Парижского собрания (ранее Лемме)¹⁴, Британского музея¹⁵ и коллекции Р. Джемсона¹⁶ из упомянутой находки; еще одна монета оттуда же издана А. Н. Зографом без указания веса и места хранения¹⁷; наконец, еще одна монета неизвестного происхождения и сильно потерявшая в весе была издана в 90-х годах XIX в. в виде плохого рисунка¹⁸.

Так как все известные монеты с надписью ЕМІNAKO происходят из Ольвии¹⁹, то русские и советские нумизматы пришли к заключению об их ольвийском происхождении, причем А. Л. Бертъе-Делагард обратил внимание на то, что эгинская система, по которой чеканены эти монеты, не пользовалась распространением во Фракии²⁰; в сводке А. Л. Бертъе-Де-

скому университету. М., 1891, стр. 15. Ср. письмо А. Л. Бертъе-Делагарда А. В. Орешникову от 1 декабря 1899 г. (Архив ГИМ, фонд 136, д. 8, л. 54—55), где он пишет: «Я никак не могу примириться с мыслью, что они чеканены в Ольвии; стиль совершенно не ольвийский — разве допустить, что матрицы резаны не в Ольвии или каким-нибудь особенным мастером; во всем остальном эти монеты возможны и в Ольвии, хотя все же им скорее всего найдется место во Фракии».

⁸ Э. Р. Штерн. Археологические новинки. ЗООИД, т. XXV, 1904, стр. 54 (протоколы).

⁹ А. Л. Бертъе-Делагард. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в пол. IV в. до н. э. НС, т. I, 1911, стр. 58, примеч. 2; его же. Материалы для весовых исследований монетных систем Сарматии и Тавриды. НС, т. II, 1913, стр. 127, примеч. 2.

¹⁰ Э. Р. Штерн. Ук. соч., стр. 46; ср. Отчет ООИД, за 1902 г. Одесса, 1903, стр. 17 (ср. табл. I, 4); вес 11,74 г.

¹¹ Монета плохой сохранности, вес 11,17 г.

¹² А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 15, № 115, табл. I, 9; F. Schlessinger. Katalog № 11, Sammlung aus ausländischem Museumsbesitz, 2 раздел, Antike, Berlin, 1934, стр. 9, № 139, табл. 6, 139 = табл. I, 1; вес 10,24 г.

¹³ Пользуясь случаем выразить искреннюю признательность дирекции и научным сотрудникам ГЭ, ГИМ, ГМИИ и ОГАМ, предоставившим нам возможность изучить эти редкие монеты. Л. Н. Казаменова сообщила нам, что еще одна монета недавно обнаружена в фондах ГИМ; происхождение ее неизвестно, вес 7,85 г (сохр. плохая).

¹⁴ Th. Struwe. Ук. соч., стр. 367, рис. 2 = W. Fröhner. Ук. соч., стр. 28—29, № 185, табл. I, 185 = ZfN, т. I, 1874, стр. 21, 284 = ZfN, т. III, 1876, стр. 133, № 4, табл. III, 4; V. Duguy. Histoire du Grecs. Нов. изд., т. III, стр. 436, рис.; E. H. Mips. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 487 = рис. 2 (по Дюрю); ср. рис. 3, 1 (ab.); вес 11,73 г.

¹⁵ G. F. Hill. Ук. соч., стр. 117, № 2, табл. V, 2; Н. А. Мушмов. Ук. соч., стр. 205, № 27, табл. I, 27; САН, Plates, т. III, 1930, стр. 18—19, рис. 1, 3 (по НС); вес (по НС) 11, 58 г.

¹⁶ Collection R. Jameson. Suite des monnaies grecques antiques et imperiales romaines. Paris, 1932, т. IV, стр. 59, № 2536, табл. СXXXIV, 2536 = рис. 1, 2; вес 11,31 г.

¹⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXXII, 1; его же. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья. АГСП, т. I, 1955, стр. 151, рис. 5, 1.

¹⁸ С. А. Цыбульский. Греческие монеты. СПб, 1894, стр. 20—21, № 80, рис. в тексте. Вес 8,48 г. Автор называет монету драхмой.

¹⁹ С. А. Цыбульский называет монету ольвийской, а так как в 1894 г. монеты Эминака согласно относили к Фракии, то это может рассматриваться как доказательство того, что и этот экземпляр был найден в Ольвии.

²⁰ А. Л. Бертъе-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 58—59, примеч. 2; его же. Материалы..., стр. 127, примеч. 2; А. В. Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИРАИМК, т. I, 1921, стр. 223—225; А. Н. Зограф. К вопросу об изображении стрельбы из лука на монетах Ольвии и Херсонеса. «Сборник

Рис. 1. Монеты с надписью ЕМИНАКО и аналогии к ним

Рис. 2. Монета с надписью
ЕМИНАКО

лагарда приведены веса 18 экземпляров, не оставляющие никаких сомнений относительно того, что перед нами действительно статеры эгинской системы: наибольший вес составляет 11,74 г, наименьший (не считая двух явно маловесных и поврежденных монет) — 11,7 г, что дает средний вес — 11,43 г²¹. Тому же А. Л. Бертье-Делагарду принадлежит и наблюдение о том, что многие из этих статеров «изрядно пострадали»; из этого он с полным основанием заключал, что они находились в обращении немалое время²². О том же свидетельствует, пожалуй, и находка занимающих нас монет в виде клада; значение этого обстоятельства следует подчеркнуть, так как находки ольвийского серебра в виде кладов неизвестны и даже давшие огромное количество монет раскопки агоры не дали пока ни одного клада серебряных монет.

Изображения на монетах, являющихся предметом настоящей статьи, часто описывались весьма неточно²³, хотя уже А. Заллет дал правильное описание²⁴. На лицевой их стороне представлен обнаженный Геракл с накинутой на голову и плечи львиной шкурой; он опустил на правое колено и сгибает правой рукой лук, пропущенный под левое бедро и упирающийся в правое; в левой руке Геракл держит свободный конец тетивы и готовится закрепить его, согнув деревянную часть лука; в поле перед изображением помещена надпись EMINAKO. На обороте в отчетливо вдавленном квадрате изображено окруженное примыкающими к ободу точками колесо с четырьмя спицами; в углах поля расположено четыре обращенных влево дельфина. Следует добавить, что изображение Геракла и надпись заключены в точечный круг; на одесском экземпляре этот круг составлен даже, собственно, не из точек, а из чередующихся горизонтальных и вертикальных черточек. Лицевые стороны известных нам монет биты четырьмя различными штемпелями (рис. 1, 1—4; рис. 2); о штемпелях оборотных сторон судить трудно.

Ученых прошлого столетия занимал в первую очередь вопрос о значении загадочной надписи. В. Френер высказал по этому поводу два предположения: с одной стороны, он указал на географические имена, близкие по характеру: упоминаемый Птолемеем *Εἰμινακίον* в Южной Далмации и *Viminacium* в Верхней Мёзии; с другой, он предложил разделить надпись и читать «EM» и «NAKO», т. е. *εἰμὶ Νάκω*, видя в «Нако» начало имени города, где были выпущены монеты²⁵. Хотя такого названия В. Френер и не смог указать, но его смелая гипотеза была поддержана Б. В. Кёне²⁶. В архаическом монетном деле греков примеры такого рода надписей на монетах имеются²⁷; однако А. Заллет решительно отказался усматривать в данном случае «говорящую монету» и объяснил надпись EMINAKO по аналогии с известными легендами на монетах фракийских династов СПАРАДОКО, МНТОКО, АМАДОКО, САРАТОКО и т. д.²⁸. К этому следует добавить, что все надписи такого рода, на чем

статей в честь акад. С. И. Жебелева». Л., 1926, стр. 149—151; его же. Античные монеты, стр. 125—126; ср. Е. Н. Миппс. Ук. соч., стр. 487 (ср. стр. 458, 485).

²¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 62, № 2.

²² Там же, стр. 127, примеч. 2; ср. цитированное выше (примеч. 7) письмо А. В. Орешникову: «Эминаки все плоховатой сохранности и даже большей частью вовсе стертые; значит, были изрядно в обращении».

²³ Даже А. В. Орешников усмотрел на монете «пускающего из лука стрелу» Геракла (см. «Описание древнегреческих монет Московского ун-та», стр. 15, № 115) и повторил это ошибочное описание в 1921 г. (ИРАИМК, т. I, стр. 225).

²⁴ A. von Sallet. Die Münzen der Chersonesus in der Krim, стр. 21: «Biegt mit Gewalt den Bogen zusammen, um die Ochse der Sehne an den Bogen festzuschlingen»; ср. его же. Zur griechischen Numismatik, стр. 133.

²⁵ W. Fröhner. Ук. соч., стр. 28—29; ср. Ptolemaei Geogr., II, 16, 12.

²⁶ B. von Köhne. Ук. соч., стр. 347.

²⁷ A. von Sallet. Redende Münzen. ZfN, т. I, 1874, стр. 278—285; E. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. I, стлб. 57—66.

²⁸ A. von Sallet. Die Münzen der Chersonesus in der Krim, стр. 21—22; его же. Redende Münzen, стр. 284; его же. Zur griechischen Numismatik, стр. 133—134; B. V. Head. Ук. соч., стр. 282—283.

бы они ни были нанесены, всегда имеют на первом месте собственное имя, а не глагол²⁹ и таким образом мы должны видеть в надписи родительный на «о» от личного имени Ἐμίνᾱκος (Эминак).

Нельзя не заметить, что и такое понимание надписи не разрешает всех спорных и сложных вопросов, связанных с монетами. Видеть в Эминаке просто монетного магистрата (да еще «с очевидностью», как пишет А. В. Орешников³⁰) невозможно из-за явно негреческого характера имени (по мнению Э. Миннза, скорее ирано-скифского, чем фракийского³¹). Между тем эпиграфические документы Ольвии VI—I вв. до н. э., сохранившие преимущественно имена представителей того слоя ольвиополитов, из которых пополнялись ряды магистратов, содержат крайне незначительное число негреческих имен³². В силу этого вызывает известные сомнения возможность того, что Эминак мог достигнуть такого высокого общественного положения, чтобы его именем были отмечены первые выпуски ольвийского серебра и вообще чеканной монеты³³. Кроме того, магистратские имена выписываются с такой полнотой значительно позднее того времени, к которому большинство исследователей относит эти загадочные стaterы. Наконец, на последних отсутствует и обычный в городах фракийского побережья предлог ἐπὶ при имени магистрата. С другой стороны, у нас нет никаких оснований истолковывать имя Эминака как «название неизвестной династии ольвийских тиранов»³⁴ или как имя «неизвестного нам властителя Ольвии»³⁵. В силу этого А. Н. Зограф высказал предположение иного рода: по аналогии с позднейшими монетами скифских царей, комбинирующими эмблемы города с царскими, и в монетах Эминака он склоняется видеть «соединение не чуждых Ольвии изображений колеса и дельфинов... с именем и эмблемой какого-либо варварского династа»³⁶, предшественника Скилура, Фарзоя и Иненсимея. При этом возникают, правда, новые вопросы: можно ли переносить отношения, существовавшие в период упадка и ослабления Ольвии, с одной стороны, и несомненного существования скифской государственности, с другой, на такую раннюю эпоху; и затем: имеет ли изображение Геракла такие черты, чтобы его можно было считать негреческим символом, гербом местного династа? Отсюда вытекает необходимость уточнить прежде всего время монет, а затем разобрать вопрос о характере и особенностях помещенных на них изображений.

Первые исследователи высказывались о хронологии монет Эминака довольно неопределенно, хотя и подчеркивали их несомненную древ-

²⁹ A. von Sallet. Redende Münzen, стр. 278 сл. К приводимым автором примерам следует присоединить архаическое ольвийское надгробие (IOSPE, I², № 215) и ряд граффити (см. И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, №№ 7, 24, 26, 48, 76).

³⁰ А. В. Орешников. Этюды по нумизматике..., стр. 225. А. Н. Зограф в одном случае пишет — «имя заведовавшего выпуском монеты магистрата», а в другом — «магистратское имя», но ставит знак вопроса (А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 126; его же. Денежное обращение..., стр. 150).

³¹ E. N. Minns. Ук. соч., стр. 487. Суффикс -ακος или -ακης считают скифским (см., например, В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 221 сл.; L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, стр. 195), но он не был чужд и фракийской ономастологии.

³² Т. Н. Книпович. Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических памятников. МИА, № 50, 1956, стр. 119 сл.

³³ Нельзя, однако, не подчеркнуть, что на ольвийских ассах встречается столь же необъяснимое с точки зрения греческой ономастики сокращение ΑΡΙΧ, которое, как показывают литые рыбки, следует также рассматривать как генитив ΑΡΙΧΟ от имени ΑΡΙΧΟΣ. Аналогию этим именам дают надписи ΠΟΡΝΑΧΟ, ΛΟΧΟ и ΛΥΚΟ на драгоценных предметах из Куль-Обы и Солохи или ΣΚΥΘΟΔΟΚΟ из Арабаджийской могилы в Болгарии.

³⁴ С. А. Цыбульский. Ук. соч., стр. 21.

³⁵ Э. Р. Штерн. Ук. соч., стр. 54.

³⁶ А. Н. Зограф. К вопросу об изображении..., стр. 151. Ср. E. N. Minns. Ук. соч., стр. 487; Collection R. Jameson. т. IV, стр. 59.

ность³⁷. Э. Р. Штерн относил их к V или IV в. до н. э.³⁸, Ф. Имхоф-Блумер, Б. В. Хэд, А. В. Орешников и Н. А. Мушмов — просто к V в. до н. э.³⁹, Р. Джемсон — ко времени около 480 г.⁴⁰. В 1956 г. мы высказали соображения в пользу отнесения этих статов к середине V в. до н. э.⁴¹. А. Н. Зограф относит их в одном случае просто к V в., в другом — ко второй половине V в. и в третьем — ко времени около 475 г. до н. э.⁴². А. Л. Бертъе-Делагард таким же образом ставит монеты Эминака в одном месте в конце V в. до н. э., а в другом — в конце V или в начале IV⁴³: Э. Миннз и Дж. Хилл пишут «конец V в.»⁴⁴; наконец, в каталоге фирмы Шлессингер находим дату «около 350 г. до н. э.»⁴⁵. Какое же из этих определений соответствует действительности?

Еще Б. В. Кёне и А. Заллет обратили внимание на то, что стиль монет Эминака имеет очень мало общих черт со стилем ольвийских монет⁴⁶. А. Н. Зограф также отмечает их «одинокое положение с точки зрения фактуры» и указывает на отсутствие убедительных аналогий «с технической стороны»⁴⁷. К этому можно добавить, что точечный круг появляется на монетах Ольвии не ранее второй половины III в. до н. э. и становится обязательным элементом монетных типов только в послегетское время. Но отсутствие черт, сближающих монеты Эминака с монетами города, представится вполне естественным, если принять во внимание, что перед нами первая попытка ольвийских монетчиков, выпускавших прежде лишь литые медные монеты (кстати сказать, также лишенные аналогий и стоящие особняком во всем греческом монетном деле), перейти к чекану обычного серебра. Поэтому и при определении даты монет Эминака приходится исходить не из сравнения их с монетами Ольвии, а из сравнения с монетами метрополии, что, естественно, намного увеличивает сложность задачи.

Чтобы сразу покончить с фактурой занимающей нас серии, необходимо отметить, что перед нами в общем памятник еще достаточно архаического облика; четко вдавленный квадрат оборотных сторон монет Эминака своей глубиной и почти незакругленными углами свидетельствует о второй половине V в. до н. э. и заставляет даже предпочесть первые десятилетия этой половины⁴⁸; точечный круг также находит себе аналогии на ранних монетах Фракии⁴⁹. Однако анализ изображений на обеих сторонах этих статов указывает, напротив, на последние десятилетия V в. до н. э.

Изображение воина, сгибающего свой лук перед стрельбой, известно на вазах (см., например, рис. 3, 3 и рис. 4, 2), но принадлежит к числу

³⁷ Th. Struwe. Ук. соч., стр. 367 («guter Zeit»); A. von Sallet. Die Münzen der Chersonesus in der Krim, стр. 21; его же. Zur griechischen Numismatik, стр. 133 («alterthümlich»); его же. Redende Münzen, стр. 284 («archaisch»); ср. W. Fröhner. Ук. соч., стр. 28—29.

³⁸ Э. Р. Штерн. Ук. соч., стр. 54.

³⁹ F. Imhoof-Blumer. Ук. соч., стр. 17; B. V. Head. Historia numorum, стр. 283; А. В. Орешников. Этюды по нумизматике..., стр. 223; Н. А. Мушмов. Ук. соч., стр. 205 и 250.

⁴⁰ Collection R. Jameson, т. IV, стр. 59.

⁴¹ П. О. Карышковский. Из истории монетного дела и денежного обращения Ольвии в V—III в. до н. э. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья». М., 1959, стр. 221, 223, 237; K. Dittlich. Antike Münzen aus Olbia und Pantikapaum. Prag, 1959, стр. 14.

⁴² А. Н. Зограф. К вопросу об изображении..., стр. 150; Его же. Античные монеты, стр. 125—126; его же. Денежное обращение..., стр. 150.

⁴³ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы..., стр. 62 и 96; ср. его же. Относительная стоимость..., стр. 58, прим. 2.

⁴⁴ E. H. Minns. Ук. соч., стр. 487; G. F. Hill. Ук. соч., стр. 117.

⁴⁵ F. Schlessinger. Ук. соч., стр. 9.

⁴⁶ B. von Köhne. Ук. соч., стр. 347; A. von Sallet. Zur griechischen Numismatik, стр. 133—134.

⁴⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 126.

⁴⁸ Особенно показательны сравнение с хорошо изученными с точки зрения абсолютной и относительной хронологии сериями Эноса, Фасоса, Лариссы и Элиды.

⁴⁹ E. Vabelon. Ук. соч., ч. II, т. I, табл. XLIV—LVII.

редких монетных типов. Ранее всего мы находим представленного в таком виде Геракла на серебряных статерах Фив, которые датируются 446—426 гг. (рис. 1, 5—7; рис. 3, 4)⁵⁰. Лаконофильствующие аристократы, вставшие после битвы при Коронее во главе Беотийского союза, помещали

Рис. 3. Изображения лучников, закрепляющих тетиву на луке

1 — на монете Эминака; 2 — на сосуде из Куль-Обы; 3 — на греческой вазе из Лувра; 4 — на монете Фив

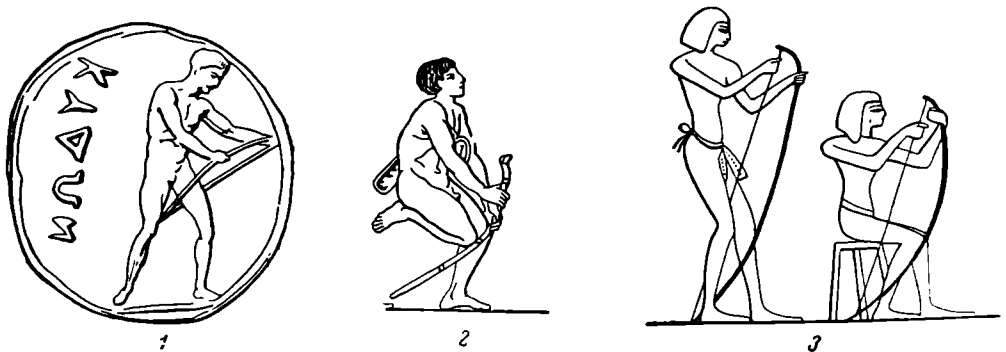

Рис. 4. Изображения лучников, закрепляющих тетиву на луке

1 — на монете Кидонии; 2 — на греческой вазе из Неаполитанского музея; 3 — на древнеегипетском рельефе

на своих монетах целый ряд изображений дорийского героя; мы находим на статерах этих лет не только обычного впоследствии Геракла-змееборца⁵¹, но и идущего Геракла⁵², Геракла, вступившего в спор с Аполлоном

⁵⁰ F. Imhoof-Blumer. Die Münzkunde Boeotiens. NZ, т. IX, 1877, стр. 37—39, табл. II, В. V. Head. Catalogue of the British Museum. Central Greece etc. London, 1884, стр. 70—72, табл. XII; его же. Historia numorum, стр. 349—350; E. V. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. 3, стлб. 225—236, табл. СХСІХ—СС.

⁵¹ E. V. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. 3, табл. СХСІХ, 29.

⁵² Там же, СХСІХ, 19; В. V. Head. Catalogue of the British Museum. Central Greece, табл. XII, 1.

из-за треножника⁵³, Геракла, пускающего стрелу из лука (рис. 1, 14)⁵⁴, наконец, героя, сгибающего свой лук стоя⁵⁵ или опустившись на колено⁵⁶. Однако несмотря на общность сюжета, отмеченную еще А. Заллетом, Геракл на монетах Ольвии значительно отличается от изображений на фиванских статерах; беотийский Геракл всегда представлен в героической наготе; иногда его атрибутом служит палица (рис. 1, 5 и 7), иногда она отсутствует (рис. 1, 6). На голове и плечах ольвийского Геракла всегда наброшена львиная шкура, и он всегда лишен палицы (рис. 1, 1—4). На статерах Фив Геракл наклоняется вперед только в тех случаях, когда он сгибает лук стоя (рис. 1, 5); в тех же случаях, когда он изображен опустившимся на колено, корпус его выпрямлен и даже отведен назад (рис. 1, 6—7). На монетах Эминака коленопреклоненный Геракл всегда низко склонен над луком (рис. 1, 1—4; рис. 2). Наконец, хотя монеты Ольвии и очень хороши по исполнению, но все же они значительно уступают фиванским статерам, в которых справедливо видят замечательные образцы монетной пластики, находившейся под непосредственным воздействием Мирона и других великих мастеров середины V в. до н. э.⁵⁷ Не приходится и сомневаться, что ольвийские статеры совершенно самостоятельны, и из сравнения их со статерами Беотии можно вывести лишь то заключение, что они несколько моложе последних.

Другим случаем, когда на греческих монетах представлен воин, сгибающий свой лук, являются серебряные статеры и драхмы Кидонии на Крите, которые относятся к 400—360 гг. до н. э. (рис. 1, 8; ср. также рис. 4, 1)⁵⁸. Герой-эпоним Кидон представлен здесь всегда в полный рост, лук его имеет иную форму (перед нами прямой критский лук из одного куска дерева, в отличие от изогнутого скифского лука, составленного из нескольких древесных пород и роговых пластин⁵⁹), и само сгибание лука производится другим приемом (ср. рис. 3, 1—4; рис. 4, 1). О какой-либо стилистической связи критских монет со статерами Эминака говорить не приходится; причем кидонские монеты, судя по их фактуре и свободному стилю изображений, должны быть отделены от ольвийских некоторым промежутком времени.

Если, таким образом, монеты, совпадающие по содержанию изображений со статерами Эминака, не дают для них точных аналогий по стилю, то общая трактовка опустившейся на колено мужской фигуры находит очень близкие параллели на кизикских электровых монетах (рис. 1, 9—11) и на тесно связанных с кизикинами синдских диоболах (рис. 1, 12). На кизикинах начала V в. до н. э. (группа II В—С, по Г. Фритце) фигура коленопреклоненного воина с луком еще в значительной мере связана архаической схемой «бега на коленях»: (Knielauf)⁶⁰; влияние этой схемы заметно и на серии статеров третьей четверти V в. до н. э., которую

⁵³ E. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. 3, табл. CXCIX, 27—28; B. V. Head. CBM, табл. XII, 6.

⁵⁴ E. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. 3, табл. CXCIX, 24; B. V. Head. CBM, табл. XII, 4.

⁵⁵ E. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. 3, табл. CXCIX, 25—26; B. V. Head. CBM, табл. XII, 5.

⁵⁶ E. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. 3, табл. CXCIX, 20—23; B. V. Head. CBM, табл. XII, 2, 3.

⁵⁷ A. von Sallet. Erwerbungen des Königlichen Münzkabinetts in den Jahren 1890—1897. ZfN, т. XXI, 1898, стр. 204—205; B. V. Head. Historia numorum, стр. 249; E. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. 3, стлб. 231—236; K. Regling. Die antike Münze als Kunstwerk. Berlin, 1924, стр. 69—71.

⁵⁸ J. N. Svoronos. Numismatique de la Crète ancienne, т. I, Maçon, 1890, стр. 100—102, табл. IX; E. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. 3, стлб. 1023—1027, табл. CCLX—CCLXI.

⁵⁹ A. Schauberg. Bogen und Bogenschütze bei den Griechen. Erlangen, 1910, стр. 5, 6, 68 сл., 102 сл., 108 сл.; R. du Bois-Reymond. Bogen und Bogenschießen auf griechischen Münzen. ZfN, т. XXXV, 1925, стр. 242—244.

⁶⁰ H. Fritze. Die Elektronprägung von Kyzikos. «Nomisma», т. VII, 1912, стр. 4, 7, 19—20, 22—27, табл. IV, 1 (ср. табл. IV, 7—9); K. Regling. Ук. соч., стр. 24—25.

Г. Фритце относил еще ко второй, а К. Реглинг и Д. Б. Шелов — уже к третьей группе кизикинов⁶¹. Только на кизикских монетах второй половины V в. до н. э. (группа III А—В по Г. Фритце) появляется более свободная трактовка ног, приближающаяся к изображению Геракла на статерах Эминака (рис. 1, 9—11)⁶². К этому же времени — примерно к 30-м годам V в. до н. э. — должна быть отнесена и синдская монета (рис. 1, 12), копирующая изображение коленопреклоненного воина на кизикинах⁶³. Однако ни на кизикских, ни на синдских монетах нам не удалось подметить такую передачу согнутой и опущенной коленом на землю ноги, какая представлена на статерах Эминака. Смелая постановка этой ноги, при которой бедро совершенно закрывает голень и ступню, вряд ли вообще возможна на монетах столь отдаленной области ранее последних десятилетий V в. до н. э., т. е. до того времени, когда пример фриз Парфенона с их ракурсными фигурами прочно вошел в художественное сознание монетных мастеров⁶⁴.

Сравнивая монеты Эминака с монетами других центров, можно еще более уточнить дату их выпуска. Уже Ф. А. Струве сравнивал ольвийские статеры с известными монетами Фасоса, на которых представлен стреляющий Геракл (рис. 1, 15)⁶⁵. Говорить о точном соответствии типа не приходится, но такое сравнение не только закономерно, но и продуктивно, так как монеты Фасоса датируются в настоящее время вполне точно. А. Б. Уэст разделил их на пять групп, самая ранняя из которых относится к 411—390 гг. до н. э. (с вероятным перерывом в 408—404 гг. до н. э., когда мощь Афин у северных берегов Эгейского моря была временно восстановлена), а последующие соответственно датируются 390—380, 380—370, 370—350 и 350—340 гг. до н. э. Монеты первой группы имеют на обороте еще вполне четко вдавленный квадрат⁶⁶, на монетах второй и третьей групп резкость его очертаний начинает смягчаться, углы округляются⁶⁷; на монетах четвертой группы перед нами всегда круглое,

⁶¹ H. Fritze. Ук. соч., стр. 9, №№ 116—118, табл. IV, 2—4; K. Regling. Уч. соч., стр. 71; его же. Der griechische Goldschatz von Prinkipo. ZfN, т. XLI, 1931, стр. 9, № 21; Д. Б. Шелов. Монеты синдов. КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр. 115.

⁶² H. Fritze. Ук. соч., стр. 10, 30—31, табл. IV, 33, 35—36; табл. V, 9—10, 20—21.

⁶³ А. В. Орешников (см. А. В. Орешников. Этюды по нумизматике. ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 124—125) правильно считает эти диоболы с подражательными типами первым выпуском монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ и указывает, что источником заимствования для типа аверса послужили кизикины. К такому заключению пришел вполне самостоятельно и М. И. Ростовцев (М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 446, примеч. 2); ср. замечания Д. Б. Шелова (Д. Б. Шелов. Монеты синдов, стр. 114—115). В. П. Шилов (В. П. Шилов. Синдские монеты. СА, XV, 1951, стр. 210—211) вообще отрицает стилистическую связь между кизикскими и синдскими монетами и заимствование типов Кизика на Боспоре. Такая точка зрения понятна только как реакция против не совсем удачного выражения А. В. Орешникова, который пишет, что изображение на синдском диоболе «рабски скопировано» с кизикина. Необходимую поправку внес, однако, еще А. Н. Зограф (см. А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 169). Заметим попутно, что В. П. Шилов совершенно напрасно говорит по поводу упоминавшихся выше фиванских статеров, что тип «натягивающего лук» Геракла «чрезвычайно распространен» в Ионии; напротив, этот мотив известен только в Фивах и на монетах Эминака (на Крите представлен в сходном положении не Геракл, а Кидон). Даже пускающий стрелу из лука Геракл совершенно отсутствует на монетах Ионии в V в. до н. э. (до появления этого типа на золоте и серебре Фасоса можно указать Геракла-стрелка лишь на монетах Фив, Преса на Крите и Коринфа; в последнем случае в виде магистратского символа). Наконец, на синдских и кизикских монетах воин занят совсем другим делом; он не натягивает тетиву на лук, а проверяет прямизну стрелы, как перс или скиф на известном перстне Афинада.

⁶⁴ Впрочем, монетное дело Великой Греции дает редкие примеры такого рода уже значительно раньше. См., например, сатира на монетах сицилийского Наксоса. См. В. V. Head. Historia numorum, стр. 160; K. Regling. Ук. соч., стр. 69, табл. XVII, 395; XXVI, 562—563; Ch. Seltman. Greek Coins. London, 1953, стр. 126—127; 132—133, табл. XXV, 9 (ок. 460 до н. э.).

⁶⁵ Th. Struwe. Ук. соч., стр. 368; E. Vabelon. Ук. соч., ч. II, т. 4, вып. 2, стлб. 715—722, табл. CCCXXII—CCCXXIII; A. B. West. Fifth and Fourth Century Gold Coins from Thracian Coast. NNM, № 40, 1929, стр. 12—54, табл. II—VI.

⁶⁶ А. В. West. Ук. соч., стр. 29—36, табл. II, 1—11; табл. III, 12—13.

⁶⁷ Там же, стр. 37—41, табл. III, 14—22, табл. IV, 23—31.

слегка вдавленное поле с заключенным в линейную рамку изображением Геракла (рис. 1, 15)⁶⁸, наконец, на последней группе фасосских монет поле оборотной стороны становится совершенно плоским⁶⁹. Подобная эволюция прослеживается в это же время в Лариссе⁷⁰ и в других центрах. Сопоставление с монетами Эминака приводит к выводу, что последние современны самым ранним из монет Фасоса или даже старше их, т. е. должны быть отнесены к концу предпоследнего десятилетия V в. до н. э.

Обращаясь к изображениям на реверсе ольвийских статеров, мы встречаем наиболее близкие аналогии на монетах Мелоса (рис. 1, 18) и Калхедона (рис. 1, 19—20), отчасти также Месембрии (рис. 1, 21—22). Многочисленные изображения колес на монетах других греческих городов⁷¹ отличаются тем, что колесо представлено с гладким ободом, тогда как на статерах Эминака и на монетах Мелоса, Калхедона и Месембрии особо выделена сакральная значимость изображения: вокруг обода поставлены точки или штрихи. Эти точки не являются только орнаментальным мотивом, они со всей определенностью характеризуют колесо как священный *ρόμβος*, *τροχός* или *τροχίσκος*, символ солнца⁷². Такое солярное колесо может быть иногда охарактеризовано одними концами выступающих за обод спиц, как это сделано на уникальном афинском статере первой половины VI в. до н. э. (рис. 1, 13)⁷³, но чаще, как на чернофигурных вазах, вокруг колеса расположены точки (Мелос, Калхедон) или штрихи, представляющие собой деградированные солнечные лучи (Месембрия)⁷⁴.

Колесо на статерах Эминака отличается, однако, и от наиболее близких к нему изображений: от мелосского колеса его отличают и общие пропорции, и то, что на статерах Мелоса точки отделены от обода значительным промежутком (рис. 1, 18). Калхедонское колесо и по пропорциям и по расположению точек чрезвычайно тесно примыкает к ольвийскому, однако на монетах Калхедона примыкающие к ободу концы спиц неизменно снабжаются распорками, передающими реальный облик древнейшего деревянного колеса (рис. 1, 19—20)⁷⁵. Наконец, колесо на монетах Месембрии отличается формой спиц и наличием уже не точек, а штрихов, имитирующих солнечные лучи (рис. 1, 21—22).

Монеты Мелоса с изображением колеса относятся к V в. до н. э.; они, во всяком случае, старше 416 г., когда остров был завоеван афинянами. Судя по тому, что на мелосских статерах изображению обычного колеса с четырьмя спицами предшествует изображение архаических колес с не пересекающимися в центре спицами, этот тип развивался здесь постепенно в первой половине V в.; монеты Мелоса следует, таким образом, считать более ранними, чем статеры Эминака⁷⁶. Что касается монет Калхедона с

⁶⁸ Там же, стр. 41—43, табл. IV, 32, V, 33—40.

⁶⁹ Там же, стр. 44—45, табл. V, 42—45; VI, 46—47.

⁷⁰ F. Heggman p. Die Silbermünzen von Larissa. ZfN, т. XXXV, 1925, стр. 36, сл., табл. IV—VIII.

⁷¹ Оставляя в стороне Сицилию и Италию, мы находим в V—IV вв. до н. э. изображения колес на монетах Ихн, Аканфа, Лариссы, Фер, Флиунта, Гаргары, Мирлен, критской Элеферны, Камира на Родосе и Саламина на Кипре. В VI в. оно фигурирует еще во многих других центрах.

⁷² A. B. Cook. Zeus, т. I, Cambridge, 1914, стр. 197—291. Автор указывает литературу вопроса (ср. J. G. Frazer. The Golden Bough, т. I, London, 1911, стр. 334), но обещанный Куком экскурс об изображениях колес на греческих монетах остался, к сожалению, ненаписанным (ср. A. B. Cook. Zeus, т. II, 1925, Введение, стр. VIII).

⁷³ Ch. T. Seltman. Athens, its History and Coinage. Cambridge, 1924, стр. 34—35.

⁷⁴ A. Baldwin. Symbolism on Greek Coins. AJN, т. XLIX, 1915, стр. 167—168; ср. A. B. Cook. Zeus, т. I, стр. 254—255.

⁷⁵ H. L. Lorimer. The Country Cart of Ancient Greece. JHS, т. XXIII, 1903, стр. 132—151.

⁷⁶ E. Vabelon. Ук. соч., ч. II, т. 3, стлб. 847—868, табл. CCXLI; R. Jameson. Une trouvaille des statères de Mélos. RN, 4 серия, т. XII, 1908, стр. 301—310; его же. La trouvaille de Milo. RN, 4 серия, т. XIII, 1909, стр. 188—208; B. V. Head. Historia numorum. стр. 486—487.

типами Калхаса и колеса, то прекращение их выпуска также устанавливается с достаточной точностью, поскольку после распада Афинского морского союза калхедоняне чеканили известное серебро архаического облика, вероятно, под влиянием Кизика. Поэтому монеты с колесом были чеканены прежде 412 г. и уж наверняка прежде 405 г. до н. э. Однако начальная дата этих монет определяется по-разному, то временем около 480 г., то просто серединой V в. Наиболее вероятно, на наш взгляд, точка зрения П. Гарднера, который датирует указанные монеты второй половиной V в. до н. э.⁷⁷ Наконец, монеты Месембрии, колонии калхедонян, которая, несомненно, усвоила монетный тип метрополии, должны быть позже 40-х годов V в., к которым Т. Герасимов с полным основанием относит чрезвычайно редкие серебряные монеты с изображением Паллады. Учитывая схематизм месембрийских колес и палеографические особенности надписей на них, мы бы не рискнули считать их более ранними, чем последнее десятилетие V в. до н. э., об этом же говорит и родосская система, по которой чеканились эти монеты⁷⁸. Если добавить, что среди монет Калхедона имеется очень немногочисленная группа таких, на которых колесо представлено уже без точек (есть все основания относить эту группу к тому краткому промежутку, когда победы Алкивиада на краткий срок снова укрепили позиции афинян в проливах, окончательно подорванные битвой при Эгоспотамах)⁷⁹, то статеры Эминака должны найти себе место несколько ранее, т. е. в конце предпоследнего десятилетия V в. до н. э.

Сравнение монет Эминака с монетами других греческих центров приводит нас разными путями к одной и той же дате. Окончательную уверенность в правильности этого вывода дают еще такие соображения. Монеты Мелоса, Калхедона, Месембрии, а также чеканенные в конце V в. до н. э. монеты Аканфа, Мирлеи, Гаргары и других городов имеют между спицами колеса начальные буквы соответствующих названий — МАΛΙ, ΚΑΛΧ, ΜΕΤΑ, ΑΚΑΝ, ΜΥΡΑ, ΓΑΡ и т. п.⁸⁰ Этот прием был известен и в Ольвии, где на ранних литых монетах, которые следует признать более древними, чем статеры Эминака, размещены буквы ΠΑΥΣ и ΑΡΙΧ⁸¹. Однако на интересующих нас статерах пространство внутри колеса осталось незаполненным; зато в углах вдавленного квадрата помещены отлично выполненные дельфины (рис. 1, 1—4). Связь этих животных с Аполлоном объясняет размещение их вокруг солярного колеса⁸². Но нас в данном случае занимает другое: единственным известным нам примером заполнения углов квадратного поля, в центре которого изображено колесо, являются драхмы Флиунта, относящиеся к 430—360 гг. до н. э., причем наиболее близкие фактурные и стилистические параллели прослеживаются на драмах

⁷⁷ P. Gardner. Ук. соч., стр. 268; ср. W. H. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, т. I, вып. 2, Paris, 1908, стр. 289—291; E. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. 2, стлб. 1494—1496; B. V. Head. Historia numorum, стр. 511.

⁷⁸ Т. Герасимов. Неизданные автономные монеты от Месембрии на Черном море. ИБНМ, т. I, 1950, стр. 23—32, табл. III (особенно № 1); ср. B. V. Head. Historia numorum, стр. 278.

⁷⁹ E. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. 2, табл. CLXXXI, 11, 13; ср. W. H. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Ук. соч., т. I, вып. 2, табл. XLV, 13, 15.

⁸⁰ E. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. 4, вып. 3, табл. CCCXIX, 18, 19; т. 2, табл. CLXIII, 11; W. H. Waddington. E. Babelon, Th. Reinach, Ук. соч., т. I, вып. 2, табл. XXXVII, 4, 5.

⁸¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXX, 3, 4; табл. XXXI, 2, 3. О датировке ассов см. П. И. Карышковский. Ольвийські аси. Праці ОДУ, т. 149, серія історичних наук, вып. 7, 1959, стр. 47—69.

⁸² Дельфины, помещенные между спицами колеса на монетах Тарента (рис. 1, 16), являются, быть может, лишь декоративными изображениями; об этом позволяют думать шарики или зерна, находящиеся между спицами на монетах Сиракуз и Гелы (см. E. Babelon. Ук. соч., ч. II, т. 1, табл. LXV, 5, 6; LXXVI, 22, 25; G. Macdonald. Catalogue of the Greek Coins in the Hunterian Collection, т. I, Glasgow, 1899, табл. XIII, 14).

второй группы, начало которой приходится на последние годы V в. до н. э.⁸³

Некоторые данные для датировки занимающих нас монет предоставляет, наконец, и помещенная на них надпись⁸⁴. Наиболее близкие аналогии к ней дают имена фракийских династов. Самый ранний из них, Спарадок, был братом умершего в 424 г. до н. э. Ситалка; Меток, которого Ксенофонт называет Медоком (Anab., VII, 2,32; 3,16; 7,3; 7,11; Hell., IV, 8,26), и известный только по монетам Саратов жили на рубеже V и IV вв. до н. э. Прочие фракийские властители, чеканившие монеты со своими именами, относятся уже к более поздним временам⁸⁵. С другой стороны, палеографические признаки надписи также ведут к рубежу V и IV вв. Это относится к обоим вариантам начертания имени EMINAKO; в одном случае оно написано мелкими четкими буквами (рис. 1, 3, 4; рис. 2), в другом — более вытянутыми и неуверенными (рис. 1, 1, 2), но равные горизонтальные черты в букве E, скошенные линии буквы M, слегка укороченная правая гаста буквы N, особенности начертания буквы K — все указывает на время, близкое к рубежу V и IV вв. до н. э.

Подведем некоторые итоги. Серебряные статеры эгинской системы, обращавшиеся в Ольвии в течение продолжительного времени, по своей фактуре, техническим признакам, по характеру и стилю помещенных на них изображений, по содержанию и палеографическим признакам надписи EMINAKO, в которой следует видеть родительный падеж от личного имени 'Εμίνακος, — словом, по всем своим особенностям должны быть отнесены к концу предпоследнего или к началу последнего десятилетия V в. до н. э., т. е. ко времени около 410 г. Таким образом, они следуют за литыми медными монетами с сокращениями личных имен ΠΑΥΣ и ΑΡΙΧ и предшествуют тем литым монетам, на которых выставлено имя города. О положении Ольвии в это время известно слишком мало, чтобы можно было установить, был ли Эминак городским магистратом, как его предшественники, писавшие на монетах Παυσ[ανίας] и 'Αριχ[ός], или правителем какого-либо из окружавших Ольвию племен; но на статерах с его именем мы находим комбинацию изображений, подтверждающую второе из высказанных предположений.

В самом деле, если изображения на реверсе монет Эминака, несомненно, указывают на Ольвию⁸⁶, то чем можно объяснить столь раннее появление на монетах ионийского города изображения Геракла, героя и покровителя дорийцев? В Фивах, например, выпуск упомянутой выше серии с подвигами Геракла вполне понятен, так как там он, подобно Афине и одновременно Тесею в Афинах, был божественным покровителем и древнейшим правителем города, который в Илиаде (II, XIX, 199) назван даже его родиной⁸⁷. Равным образом и Фасос рассматривал Геракла, наряду с Дионисом, как божественного стража города; само изображение Геракла-стрелка на фасосских монетах представляет редкий и разительный пример точного воспроизведения резчиками штемпелей апотропаического релье-

⁸³ На этих монетах размещено окончание надписи ΣΙΩΝ, начало которой (т. е. ΦΛΕΙΑ-) находится на аверсе; V a b e l o n. Ук. соч., ч. II, т. 3, стлб. 507—516, табл. ССХVIII, 22, 23, 28—30; В. V. H e a d. Historia numorum, стр. 408—409.

⁸⁴ Дж. Хилл усматривает на изданном им экземпляре (рис. 1, 3) следы еще одной надписи в обрезе; изучение всей серии монет Эминака не оставляет сомнений, что английский нумизмат оказался жертвой недоразумения.

⁸⁵ E. V a b e l o n. Ук. соч., ч. II, т. 4, вып. 4, стлб. 825—870; В. V. H e a d. Historia numorum, стр. 282—286. Ср. В. Д о б р у с к и. Исторически поглядъ върху нумизматики на тракийските царе. СНУНК, т. XIV, 1897, стр. 555—633; Н. А. М у ш м о в. Ук. соч., стр. 195—256.

⁸⁶ Изображение колеса составляет тип первых серий ольвийской литой меди (А. Н. З о г р а ф. Античные монеты, табл. XXX, 3, 4; XXXI, 2, 3). На монетах с именем ΠΑΥΣ дельфин представлен на аверсе у лица Афины, чем подчеркивается его священный характер; на последующих сериях литой меди орел и дельфин переходят на обратную сторону. Литые ольвийские дельфины общеизвестны.

⁸⁷ O. G r u p p e. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, т. I, München, 1906, стр. 484—486; е г о ж е. Herakles. RE, прилож. III, 1918, стлб. 931—940.

фа, стоявшего в древности над городскими воротами⁸⁸. Кроме того, в обоих случаях выбор Геракла в качестве монетного типа был связан с антиафинской и лаконофильской политикой беотийских и фасосских аристократов⁸⁹. В Ольвии, в отличие от этих центров, культ Геракла никогда не занимал центрального места; эпиграфически он засвидетельствован лишь на рубеже IV—III вв. до н. э.⁹⁰ Монеты с изображением Геракла, если не говорить о статерах Эминака, появляются еще позже надписей, причем голова героя в львиной шкуре скопирована с известных монет Александра Македонского⁹¹; имена Гераклид, Гераклий, Гераклит и т. п., столь частые в Херсонесе, среди ольвиополитов почти не имели распространения⁹².

Между тем на монетах Эминака не только представлен Геракл — изображение львиной шкуры не оставляет места для сомнений относительно этого, — но подчеркнута сакральный характер изображений на оборотной стороне заставляет подозревать, что и на главной, лицевой стороне помещен священный символ. Трудность его истолкования возрастает, если принять во внимание, что сгибание лука само по себе не играет в греческих мифах и культовых легендах о Геракле сколько-нибудь существенной роли⁹³, и за исключением упоминавшихся выше фиванских статеров (рис. 1, 5—7) этот сюжет не нашел отражения ни на монетах, ни вообще в греческом искусстве⁹⁴. Однако в Фивах это изображение является лишь одним из многих в ряду посвященных Гераклу, что лишает его той исключительности, которая присуща типу сгибающего лук Геракла на монетах Ольвии.

Объяснение изображения на статерах Эминака становится возможным, если учесть, что в Северном Причерноморье греческие мифы о Геракле уже рано встретились и чрезвычайно тесно переплелись с местными религиозными и эпическими преданиями о герое, в котором скифы видели своего родоначальника⁹⁵. Здесь не место для анализа скифских этногонических легенд в целом, тем более, что такой анализ уже не раз производился⁹⁶. Следует, однако, напомнить некоторые черты того варианта этих легенд, который дважды охарактеризован Геродотом как «рассказ населяющих Понт эллинов»⁹⁷. В этом предании говорится, как известно, о том, что Геракл со стадом похищенных у Гериона коров попал в Скифию и тут встретил в Гилее змееногую богиню, в которой давно и с полным основанием видят местное хтоническое божество⁹⁸. Богиня, которую Геродот на-

⁸⁸ A. Joubin. Relief archaïque de Thasos. BCH, т. XVIII, 1894, стр. 63—69, табл. XVI; ср. А. В. West. Ук. соч., стр. 17—18, 53—54 (указана литература вопроса).

⁸⁹ С. Я. Лурье. Беотийский союз. СПб, 1914, стр. 28—35; ср. А. В. West. Ук. соч., стр. 181—183.

⁹⁰ IOSPE, т. I², №№ 179, 186, 188.

⁹¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIII, 5, 6 и 12—14.

⁹² До гетского разгрома всего два имени (Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 139, № 71 и стр. 149, № 221) и немногим больше в римское время.

⁹³ O. Gruppe. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, т. I, стр. 450—451; его же. Herakles, стлб. 909—1122.

⁹⁴ A. Furtwängler. Herakles in der Kunst. ALGRM, т. II, отд. 2, 1886—1890, стр. 2135—2252; В. Pick. Thrakische Münzbilder. JDAI, т. XIII (1898), 1899, стр. 140—145; R. Bräuer. Die Heraklestaten auf antiken Münzen. ZfN, т. XXVIII, 1910, стр. 35—112.

⁹⁵ Б. Н. Граков. Скифский Геракл, КСИИМК, вып. XXIV, 1950, стр. 7—18; Ср. Н. В. Пятыйшева. О культе Геракла в Херсонесе. ВДИ, 1948, № 2, стр. 197—204.

⁹⁶ Из многочисленных работ, частично указанных в следующих примечаниях, выделяются труды С. А. Жебелева (С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 29 сл., 331 сл.) и В. Али (W. Aly. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot. Göttingen, 1921, стр. 113 сл.), а также книга В. П. Клингера (В. П. Клингер. Сказочные мотивы в истории Геродота, Киев, 1903, стр. 103 сл.).

⁹⁷ Her., IV, 8—10; ср. W. Aly. Ук. соч., стр. 120 сл.; см. также Б. В. Варнеке. Легенды про прохождения скитів. ЗІФВ, № 76, 1928, стр. 133—135.

⁹⁸ Эту змееногую богиню часто изображали на различных предметах, которые были найдены в скифских курганах (см. например, ОАК, за 1865 г., стр. 70, табл. 3; ОАК за 1891 г., стр. 56, рис. 35; ОАК за 1912 г., стр. 84, рис. 58; ср. ДБК, табл. XX, 8), в Херсонесе (см. Н. В. Пятыйшева. Култ греко-скифо-таврского божества в Херсонесе.

зывает *μυξοπαρθένος*, захватила его коней и согласилась вернуть их лишь после того, как Геракл вступил с ней в брак. От этого брака родилось трое сыновей, из которых младший унаследовал скифскую землю; от него произошли «οἱ ἀεὶ βασιλῆες γινόμενοι Σκυθῶων», разумеется, не цари в смысле правящей династии, но все царские скифы⁹⁹.

Этногоническая легенда, которую Геродот противопоставляет собственно скифскому рассказу о рождении Таргитая от Зевса и дочери бога реки Борисфена¹⁰⁰, была записана им со слов «населяющих Понт эллинов» и является, по всей вероятности, ольвийской переработкой скифских преданий¹⁰¹. Пребывание Геродота в Ольвии не вызывает в настоящее время сомнений¹⁰², а точная локализация этого мифологического эпизода в Гилее, священном месте ольвиополитов¹⁰³, полностью соответствует такому предположению¹⁰⁴. Но в этом ольвийском варианте этногонической ле-

ВДИ, 1947, № 3, стр. 212—218) и на Боспоре (см. например, М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 233). О ее значении см. L. Peller. Griechische Mythologie, т. I, обработ. C. Robert. Berlin, 1894, стр. 475—476.

⁹⁹ С. А. Жебелев (см. С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 333—334) и М. И. Ростовцев (М. И. Ростовцев. Эллинизация и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 74) видят в эпониме скифов родоначальника «династии местных царей». Правильное понимание текста обосновал Ф. Г. Мищенко (Ф. Г. Мищенко. Легенды о царских скифах у Геродота. ЖМНП, ч. 243, 1886, январь, стр. 39—47).

¹⁰⁰ Объединение обеих версий в одну легенду (или их исходную форму?) находим у Диодора (Diod., II, 43, 1—3), согласно которому эпоним и родоначальник скифов рожден от брака Зевса со змееногим хтоническим божеством. К этому варианту относится, надо полагать, и парижская камея (см. Escher. Echydna. RE, т. V, стр. 1919).

¹⁰¹ Так считал и С. А. Жебелев (С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 333).

¹⁰² С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 314—322. История греческой литературы, т. II. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек и Ф. А. Петровского. М., 1955, стр. 57—58; F. Jacoby. Herodotos. RE, Прилож. II, 1913, стр. 256—259; Ph. E. Legrand. Herodote. Paris, 1955, стр. 24, 28.

¹⁰³ IOSPE, т. 1², № 34; М. М. Кубланов. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические праздники. МИРА, т. I, 1957, стр. 227—228; ср. Kiessling. Nulaja. RE, т. IX, стлб. 107.

¹⁰⁴ М. И. Артамонов вполне обоснованно видит в двух версиях этногонической легенды у Геродота рассказы земледельческих и кочевых скифов (М. И. Артамонов. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. УЗЛГУ, № 95, 1946, стр. 94—95). С. П. Толстов (см. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 294—296) показал связь этих легенд с религиозными и эпическими преданиями народов Средней Азии. Фридендер, однако, считал этот рассказ родосским, Группе—гераклеийским. В последнее время на Западе получил распространение взгляд Э. Маса, который считает ольвийскую версию скифского этногонического предания пересказом восходящего к Гекатею рассказа о происхождении кельтов, изложенного Парфеном (Parth., Eroth. path., 30; ср. Etym. Magn., s. v. Kelttoi; см. E. Maass. Die Griechen in Südgallien. JÖAI, т. IX, кн. 1, 1906, стр. 159—164). К Масу присоединились Группе (O. Gruppe. Herakles, стлб. 957), Шерлинг (Scherling. Muxorathenos, RE, т. XV, стлб. 2240—2241) и др. Трудно отрицать сходство между этими легендами. Но в рассказе о происхождении кельтов утрачены два несомненно первоначальных момента: родоначальница кельтов—просто девушка, к тому же красавица, а не змееногое хтоническое чудовище, и рождает она единственного сына (последнее, впрочем, налицо и в версии Диодора, II, 43, 3). Таким образом, в пользу первоначальности кельтского этногонического предания остаются лишь географические аргументы. Они, однако, не представляются нам решающими, так как хотя царство Герииона обычно помещали на дальнем Западе, за Геракловыми столпами, но существовали и иные версии мифа о Гериионе, помещавшие его в других странах (см. W. Drexler. Geryoneus. ALGRM, т. I, стр. 1630—1638; Weisker. Geryoneus. RE, т. VII, 1912, стлб. 1286—1296). Еще средневековый схоласт правильно разъяснил, что «Евксинский Понт казался древним, вследствие незнакомства с ним, самым большим из морей, и отправлявшиеся туда казались едущими на край света, как и едущие за Геракловы столпы» (Eustath. Thess. SC, т. I, стр. 191). К тому же в изложении Геродота, проявлявшего особенный интерес ко всему, связанному с Гераклом (это обстоятельство проявляется в целом ряде упоминаний о нем и вполне понятно, так как близкий родственник и соратник Геродота в борьбе против галикарнасского тирана Лигдамида, поэт Паниасид, был автором большой эпической поэмы о подвигах Геракла, см. Suidas, s. v. Rapusis), явно совмещаются разные представления о стране Герииона, который живет ἔξω τοῦ Πόντου и одновременно ἔξω Ἠρακλέων στῆλῶν ἐπὶ τῷ Ὀχεανῷ. О подвигах Геракла на северных берегах Понта существовало немало легенд, и О. Группе вряд ли прав, когда дает им весьма низкую оценку («ziemlich wertlos»). (O. Gruppe. Herakles, стлб. 956—957).

генды как раз налицо такой момент, который объясняет смысл и характер изображения на статерах Эминака.

В самом деле, что следует считать самым существенным в ольвийской версии легенды? С точки зрения греков, конечно, происхождение «царских» скифов от Геракла, героя, в многогранном образе которого выступает в этой связи на первый план победоносная борьба со стихийными силами природы¹⁰⁵. Но для скифов, в среде которых зародилось ядро этой легенды, главным представлялось, вполне естественно, то испытание, в результате которого их эпоним и родоначальник, младший из сыновей, рожденных местным хтоническим божеством от священного сожительства с Гераклом-Таргитаем, вышел победителем из состязания со старшими братьями. Сакральный характер этого состязания подчеркивается всей терминологией Геродота¹⁰⁶. Но в чем же состоял завет Геракла?

Испытание, назначенное Гераклом сыновьям, состоит из двух самостоятельных задач. «Посмотри,— сказал он матери своих детей,— который из них натянет вот так этот лук и опоясается по-моему этим поясом, и тому предоставь для жительства эту землю» (Н е г., IV, 9). В начале следующей главы говорится, что Геракл продемонстрировал и то, и другое: «натянул один из луков — до тех пор он носил два — и показал способ опоясывания». (Н е г., IV, 10)¹⁰⁷. Не будет ли слишком смелым предположение, что на статерах Эминака, которые лишь несколькими десятилетиями отделены от вероятной даты пребывания Геродота на берегах Гипанида, представлен Геракл, показывающий способ натягивания лука?

Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, следует заметить, что согнуть и привести в боевую готовность дальнобойный лук, составленный из нескольких сортов дерева и роговых пластин, является делом нелегким даже для физически сильного мужчины¹⁰⁸. Поэтому и в греческом, и в древнеиндийском эпосе испытание зрелости и подготовленности воина включает наряду со стрельбой в цель и сгибание лука, и закрепление на нем тетивы¹⁰⁹. У скифов был именно такой лук¹¹⁰, а о том, что таков был и лук ольвиополитов, свидетельствует выстрел Анаксагора, так как пустить стрелу на 521,6 м из несоставного деревянного лука невозможно¹¹¹. Чтобы согнуть такой лук (держат его постоянно в напряженном состоянии нельзя во избежание деформации дерева и растягивания тетивы¹¹²), у

¹⁰⁵ Б. В. Варнеке. Ук. соч., стр. 134.

¹⁰⁶ М. Ф. Болтенко в своей неизданной работе «Легенды о происхождении скифов» (стр. 66) пишет по этому поводу следующее: «В этой стрельбе из лука, носящей характер состязания, в тексте Геродота ἀεθλον не вполне точно переводится Ф. Мищенко, В. Клиггером и Е. Бессмертным словом «задача»; мы имеем здесь дело со специальными терминами: τὰ προκείμενα — назначение, установленное в законах; законами же устанавливались и состязания, имевшие сакрально-культурное значение... Это подтверждается и употреблением слова ἐπιτέλεσαντα, которое русские переводчики передают как «исполнив (задачу)»; мы переводим: «исполнив завет», так как дополнением к нему может быть только взятое из рассказа о старших братьях τὸν προκείμενον ἀεθλον. Глагол ἐπιτελεῖν употребляется, когда говорят о богослужении, жертвоприношении, исполнении обета, праздниках с дополнением ἄγωνα, т. е. синонима нашего ἔεθλον». Однако у Геродота однажды говорится о вырубке и корчевании кустарников персами по приказу Кира: ἐπιτελεσάντων δὲ τῶν Περσέων τὸν προκείμενον ἀεθλον» (Н е г., I, 126).

¹⁰⁷ О последнем см. А. П. Манцевич. О скифских поясах. СА, т. VII, 1941, стр. 19 сл.

¹⁰⁸ Ср. замечания Р. Дюбуа-Реймона, который занимался этим спортом более двадцати лет (R. du Bois-Reymond. Bogen und Bogenschiessen auf griechischen Münzen. ZfN, т. XXXV, 1925, стр. 244—245); A. Schauberg. Ук. соч., стр. 7—11.

¹⁰⁹ Ср. рассказ об испытании женихов в «Одиссее» (O d., XIX—XXI) и о сваямваре Кришны в «Адипарве» (См. Махабхарата. Адипарва, кн. I, гл. 176—179, пер. под ред. А. П. Бараникова. М.—Л., 1950, стр. 469—475).

¹¹⁰ A. Saglio. Arcus. DAGR, т. I, 1877, стлб. 388—391; W. Gaerte, B. Meissner. Bogen. RV, т. II, 1925, стр. 49—55; A. Schauberg. Ук. соч., стр. 102—108; Б. М. Граков. Скифы. Київ, 1947, стр. 68.

¹¹¹ IOSPE, I², № 195; E. von Stern. Der Pfeilschuß des Olbiopoliten Anaxagoras. JÖAI, т. IV, кн. 1, 1901, стр. 54—61.

¹¹² Геродот пишет по этому поводу: «Владеющие луком натягивают тетиву, когда имеют нужду в луке, и отпускают ее, когда лук более не нужен; если бы тетива оста-

древних существовало несколько способов. На статерах Эминака представлен тот, который, по мнению современного спортсмена, является наиболее удобным: древко упирается сверху в бедро полусогнутой или согнутой правой ноги, затем проходит под левой ногой, и стрелок, сгибая его правой рукой на себя, одновременно набрасывает левой рукой свободный конец тетивы, снабженный специальной петлей, на имеющийся для этого крючок или зарубку на теле лука¹¹³. Так натягивает свой лук варвар на луврской вазе (рис. 3, 3) и, что особенно важно, скиф на куль-обском сосуде (рис. 3, 2)¹¹⁴. Точно таким же приемом натягивает лук и Геракл на фиванском статере (рис. 3, 4)¹¹⁵. Другой способ, соответствующий легкому луку из одного куска дерева, представлен на монетах Кидонии; Кидон упирается концом древка в тыльную часть левой ноги и сгибает лук от себя через правое бедро, держа его за середину (рис. 4, 1)¹¹⁶. Если учесть, что автор специального трактата о стрельбе из лука, Неотел, живший в эллинистическое время, различал две манеры натягивания тетивы при стрельбе, критскую и скифскую¹¹⁷, можно предположить, что различие в способе сгибания лука, засвидетельствованное монетами Ольвии и Кидонии, также соответствует скифской и критской практике.

О том, что умелому, быстрому и правильному сгибанию лука придавалось в древности большое значение, свидетельствуют многочисленные примеры. Оставляя в данном случае в стороне рассказы о женихах Пенелопы и о состязании соискателей руки Кришны, укажем лишь два особенно близко связанных с занимающей нас темой. Геродот, сообщая о намерении Камбиза покорить эфиопов, говорит, что царь последних передал персидскому владыке свой лук со словами, что персы лишь тогда могут надеяться завоевать Эфиопию, когда будут «натягивать такой величины луки с такой же легкостью, как натягиваю я». При этом Геродот добавляет, что он отпустил тетиву (буквально «ослабил лук», ἀνεῖς τὸ τόξον) и вручил свой лук послан; из этого следует, что испытание представлялось Геродоту именно в виде сгибания лука и закрепления на нем тетивы.

Используя мотив сопоставления сравнительной мощи народов при посредстве лука в рассказе об эфиопах, Геродот не приводит его при описании похода Дария в Скифию. Однако Ктесий повторяет весь эпизод применительно к скифам: царь последних, по его словам, обменялся с Дарием луками, причем скифский оказался более тугим, «поэтому Дарий обратился в бегство»¹¹⁸.

валась натянутой все время, лук лопнул бы» (Нег., II, 173,2). Показательность этого объяснения увеличивается тем, что произносящий выписанные слова Амасис имеет в виду фигуральное значение этого примера. Ср. *Lucorhg. Alex., vers. 917* и комментарий Цеца к этому стиху.

¹¹³ R. du Bois-Reymond. Ук. соч., стр. 244—245; A. Schaumburg. Ук. соч., стр. 106; E. S. Morse. *Ancient and Modern Methods of Arrow-Release. EIB, 1885, № 10—12, стр. 114 сл.*

¹¹⁴ На наш взгляд, с этим сюжетом следует связывать и одну из групп на серебряном сосуде из Воронежских курганов (М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. МАР, № 34, 1914, стр. 85—86, табл. I, 1): бородатый скиф, лук которого находится в горите, висящем у его пояса, передает другой лук безбородому скифу, сидящему против него; этот второй лук натянут; очевидно, старый опытный воин только что показал способ натягивания лука и теперь возвращает несколько смущенному юноше его оружие. М. И. Ростовцев (там же, стр. 83—84) подчеркивает культовое назначение как воронежского, так и куль-обского сосудов.

¹¹⁵ В связи с этим следует, быть может, предпочесть тот вариант мифа, согласно которому Геракл был обучен стрельбе из лука не критянином Алконом, а скифом Тевтаром, как это передают схолиасты (SC, т. I, стр. 355, 394, 397, 400, 406).

¹¹⁶ Египетские воины натягивают свои луки, уперев их конец в землю (рис. 4, 3): ваза Неаполитанского музея показывает эфеба, сгибающего лук с помощью колена (рис. 4, 2), как это делает Эрот у Овидия (Amores, I, 1, 23).

¹¹⁷ «Критяне тянут тетиву по направлению к груди... скифы не к груди, а к плечу». Отрывок сохранен схолиастами, составлявшими комментарий к «Илиаде» (SC, т. I, стр. 302). О способах натягивания лука при стрельбе см. R. du Bois-Reymond, Ук. соч., стр. 246—249; A. Schaumburg. Ук. соч., стр. 11—18.

¹¹⁸ Ktesios. Фрагм. 29, § 16, (SC, т. I, стр. 354). Этнографические параллели см. E. von Stegl. Ук. соч., стр. 57 сл.

Но если с точки зрения реального содержания скифской этногонической легенды ничто не мешает видеть в изображении на статерах Эминака один из центральных эпизодов того варианта этой легенды, который был, как можно думать, записан со слов ольвиополитов, то нет ли против этого возражений с точки зрения употребляемой Геродотом терминологии? Русские переводчики (И. И. Мартынов, Ф. Г. Мищенко, В. П. Клиnger, Е. А. Бессмертный, а также М. Ф. Болтенко в своем, к сожалению, неопубликованном переводе) в обоих случаях передают соответствующие греческие выражения словами «натягивать лук». Это, несомненно, правильно; однако русскому обороту присуща некоторая двусмысленность, так как он вызывает прежде всего представление о стрелке, натягивающем лук с уже приставленной к тетиве стрелой¹¹⁹. Но текст Геродота не оставляет места для сомнений. Он пишет один раз (Нег., IV, 9, 10) «τὸδε τὸ τόξον ὡς διατεινόμενον», а несколькими строками ниже (Нег., IV, 10, 1) «τὸν μὲν δὴ εἰρούσαντα τῷ τόξῳ τὸ ἕτερον». Διατείνω в таком контексте должно означать не столько «натягивать» лук (хотя, разумеется, τείνω — «тяну»), сколько приводить в готовность, держать наготове. Геродот употребляет этот же глагол в другом месте по отношению к стрелам (Нег., IX, 18): «καὶ δὴ διατεινόντο τὰ βέελα ὡς ἀπήσοντες». Такое значение может быть подтверждено примерами из других авторов¹²⁰. Ἐρώω (у Геродота ионийская форма εἰρώω) по отношению к луку значит «натягивать, напрягать», причем и здесь речь идет не о натягивании лука как о начальном моменте выстрела, а о приведении его в боевую готовность¹²¹. Библейские тексты также отчетливо различают «натягивание» лука от стрельбы в точном смысле¹²². Да и странно было бы, говоря вообще, видеть испытание зрелости воина¹²³ в бесполезном растягивании согнутого предварительно кем-то другим лука: напомним, что и женихи Пенелопы, и соискатели руки Кришны потерпели неудачу уже при попытке натянуть лук, и до состязания в стрельбе дело у них так и не дошло¹²⁴.

На основании всего изложенного мы приходим к выводу, что на статерах Эминака изображена центральная сцена из скифской этногонической легенды — Геракл, показывающий способ натягивания лука. Следует ли на этом основании видеть в Эминаке скифского царя, возводившего свой род к Таргитаю-Гераклу, или ольвийского гражданина негреческого происхождения, решить с полной уверенностью нельзя. Однако при любом истолковании этнической и социальной принад-

¹¹⁹ В «Слове о полку Игореве» (М. — Л., 1950, стр. 12) автор, желая показать полную подготовленность стрелков к бою, говорит: «Луци у них напяржени, тули отворени», но для современной речи перевод «напярж лук» звучит неестественно.

¹²⁰ Например, Xen., Inst. Cyri, 1, 4, 23: διατεινόμενοι οἱ μὲν τὰ παλτά, οἱ δὲ τὰ τόξα. ἔστασαν: ср. Метог., IV, 2, 22; Herodias, Hist., II, 5, 3; «τὰ δόρατα διατεινόμενοι». У Гомера в тех случаях, когда говорится о «натягивании» лука в смысле его сгибания и закрепления тетивы, применяется глагол ἐντανύω = ἐντείνω (Od., XIX, 577, 587; XXI, 75, 92, 114, 127, 150, 185, 247, 286, 309, 315, 326, 328, 338, 403, 407); иногда используется глагол τανύω = τείνω (ср. Od., XXI, 111, 128, 174, 254, 409, 426). Однако в тех случаях, когда натягивание завершается выстрелом, употребляется глагол ἔλω (Ilias, IV, 122; XI, 587; Od. XXI, 419), Геродот применяет ἐντείνω не только в узком, но и в более широком смысле, ср. Нег., V, 55; VIII, 117; IX, 106 — и II, 173.

¹²¹ В среднем залоге ἐρώω равнозначно у Гомера с ἐντείνω; ср., например, Od., XXI, 125.

¹²² Ср., например, Пс. 7, 13—14: «Он... напрягает свой лук и направляет его, готовит для него сосуды смерти, стрелы свои делает палачами». См. также Пс. 10, 2: «Нечестивые натянули лук, стрелу свою приложили к тетиве, чтобы стрелять во тьме в праведных». Ср. Исаия, V, 25—30. О «направлении» лука см. разъяснение у Р. Дюбуа-Реймона (R. du Bois-Reymond. Ук. соч., стр. 245—246).

¹²³ В кельтской этногонической легенде (см. выше, примеч. 104) единственный сын Геракла натягивает отцовский лук (черта, заметим попутно, вряд ли свойственная историческим кельтам) именно для доказательства своей возмужалости; мотив священного состязания братьев здесь отсутствует.

¹²⁴ Ср. XXI песнь «Одиссеи» и главы 176—179 «Адипарвы».

лежности носителя этого негреческого имени самый факт помещения на обращавшихся в Ольвии монетах изображения, столь тесно связанного с верованиями и священными преданиями скифов, является не лишним значения свидетельством о продолжающемся сближении ольвио-политов с местными племенами,— или, точнее выражаясь, с их верхними слоями. И если Анахарсис и Скил погибли в результате своей приверженности к религии и культуре ионийских пришельцев¹²⁵, то серебряные монеты, обращавшиеся в Ольвии на рубеже V—IV вв. до н. э., свидетельствуют о том, что и эллины не были чужды и враждебны по отношению к религиозным и эпическим преданиям местного населения.

¹²⁵ О реальности Анахарсиса судить трудно, но то, что Скил является реально существовавшим лицом, доказывается находкой перстня с его именем как раз там, где он погиб согласно данным Геродота (Н е г., IV, 78—80; V. С а п а г а с h e, Monetele scitilor din Dobrogea. SCIV, т. I, № 1, 1950, стр. 216—217). Возможно, что один из «беломраморных» сфинксов, украшавших, по Геродоту, дом Скила в Ольвии, хранится сейчас в Одесском музее. Протокол 195 заседания ООИД, от 26 ноября 1880 г., XII-в, стр. 5; ср. Е. О k s m a n. Antike Sculpturen in Odessa. AA, 1928, № 1/2, стр. 87—88, рис. 6—8.

М. А. ТИХАНОВА

ЛАСКОВСКИЙ КЛАД¹

Среди монетно-вещевых кладов юго-запада нашей страны, содержащих бытовые предметы и римские монеты, особо интересен клад, случайно обнаруженный еще в начале XVII в. (в 1610 г.) на правобережье Западного Буга. Клад этот был найден во время пахоты в с. Ласкове² крестьянином местного землевладельца. Тотчас же купленный у находчика клад этот довольно скоро исчез, но о покупке его и о праве владельца земли на эту находку возникло целое судебное делопроизводство, которое и сохранило нам описание клада и некоторые любопытные подробности о нем.

На рубеже XIX—XX вв. архивные данные об этой находке привлекли внимание Е. И. де Витте, которая в 1900 г. опубликовала документы, касающиеся клада, и сделала попытку, правда мало удачную, определить состав клада и установить его дату³.

Согласно описи-реестру на польском языке, клад составляли: «серебряная чарка; два предмета наподобие раков, усаженные гранатовыми камнями; четыре позолоченные бляхи, четыре серебряных крестика; четыре золотых червонца, больших, наподобие португалов, с ушками; два червонца, золотых значительно меньших, также с ушками; один червонец золотой, наподобие головки святого Иоанна, с ушком»⁴. В документах имеются сведения и о весе части предметов, и об общей стоимости находки. Так, в решении Владимирского земского суда, от 4 февраля 1621 г., который признал право на клад за владельцем Ласкова⁵, названы: «...речи: сребра, клейнотов, то ест: чарку сребрную, мающую ваги в себе гривен десет сребра албо и болшей; итем две стуце сребрные, нахшталт раков, золотом поволоканые

¹ См. М. А. Тиханова. Забытый памятник (Волынский клад 1610 г.). Рефераты научно-иссл. работ за 1945 г., Отд. ИФАН СССР, 1947, стр. 81.

² С. Ласков (Ласків) расположено в 10 км к юго-западу от г. Владимира-Волынского, на притоке Западного Буга р. Студянке (или Студинке; см. В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Тр. XI АС, М., 1901, стр. 61).

³ Е. И. де Витте. Археологическая находка в селе Ласкове Владимиро-Волынского уезда в 1610 г. ЧИОНЛ, кн. XIV, вып. 1, Киев, 1900, стр. 86—101.

⁴ Народное название серебряных римских монет, вероятно, денариев, но возможно и более мелких единиц (квинариев и сестерциев). Широко распространенное вплоть до настоящего времени на Подолии и Волыни, а также и в Польше, оно засвидетельствовано впервые письменными источниками еще в начале XVI в.—Матвеем из Мехова, в его «Трактате о двух Сарматиях», впервые опубликованном в 1517 г. Говоря о приходе алан после довольно длительных скитаний в Польшу, или Вандалию, как он ее называет, Меховский сообщает: «С собой туда они принесли (как я сужу по некоторым признакам) громадную массу серебрянников с изображением императора Адриана, как показывает титул и подпись. Такие монеты и в наши дни попадают у поляков по течению вод, по дождевым промоинам и в земле, при обработке полей; поселяне называют их денариями св. Иоанна Крестителя, так как тисненное на них изображение головы и шеи напоминает голову св. Иоанна на блюде». См. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.—Л., 1936, стр. 75 и 155.

⁵ Чисто номинально: клад уже раньше находился в руках князя Януша Острожского, который в 1620 г. умер; дальнейшая судьба клада неизвестна.

и камнями к гранатами осажены — на каждой ступе до двудесту и чотырох камени (разрядка моя.— М. Т.); итем чотыри бляхи сребреные, золотистые, маючие ваги гривен пят; итем чотыри крижички сребреные, маючие ваги гривен три; итем чотыри червонные золотые, на кшталт португгалов, з ушьками, которые важили по дванадцати червонных золотых; итем два червонные золотые меньшие, такъже з ушками, могучи ваги мети по осми червонных золотых; один червонный золотый накшталт головки светого Яна, з маленьким ушком, маючи в себе ваги чотыри червонные золотые»⁶. Находка была оценена в 1000 польских золотых⁷.

Е. И. де Витте определяла золотые с ушками для подвешивания, согласно заключению проф. В. Б. Антоновича, как римские императорские монеты, «вещи же, имевшие подобие раков, усажены гранатовыми камнями» — предположительно, как «готские фибулы I—II вв. н. э.»⁸. В этом определении она ссылалась на мнение П. С. Уваровой, высказанное при чтении доклада, и на заметку А. А. Спицына «По поводу готских фибул, которым усвоится звериный орнамент и гранатовая инкрустация»⁹. В итоге же Е. И. де Витте полагала, что клад состоял из предметов «частью древности римской и готской, частью древности русской (между XI—XIII вв.)»¹⁰.

Определение де Витте состава клада, как видим, не точно, датировки же просто неверны.

Статья де Витте не привлекла к себе внимания. И после ее появления Ласковский клад долгое время оставался вне поля зрения исследователей, как археологов, так и нумизматов. Упоминаний о нем не встречается ни в зарубежной, ни в русской литературе. Он отсутствует в сводке К. Маевского, опиравшегося в отношении Волыни прежде всего на данные археологической карты Волынской губернии В. Б. Антоновича, в которой Ласковский клад, естественно, не отмечен¹¹. Не упоминается Ласковский клад и в первой статье М. Ю. Брайчевского, посвященной находкам римских монет на территории Украины¹². Пропустил его в первой своей сводке кладов римских монет и В. В. Кропоткин¹³. В советской литературе можно отметить отдельные, очень редкие упоминания о Ласковском кладе: О. В. Фенин¹⁴, М. Ю. Брайчевский¹⁵, В. В. Кропоткин¹⁶.

Не останавливаясь на определении достоинств золотых Ласковского клада (очевидно, они представляли четыре медальона в 9 солидов каждый, два медальона в 6 солидов¹⁷ и один медальон в 3 солида), остановимся на их датировке.

⁶ Е. И. де Витте. Ук. соч., стр. 92, примеч.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 100.

⁹ Имеется, очевидно, в виду заметка А. А. Спицына «К вопросу о происхождении так называемых готских фибул». ЗРАО, т. XI, 1—2, СПб, 1899, стр. 385—387.

¹⁰ Е. И. де Витте. Ук. соч., стр. 100.

¹¹ К. M a j e w s k i. Importy rzymskie an ziemiach słowańskich. Wrocław, 1949.

¹² М. Ю. Брайчевський. Знахідки римських монет на території УРСР, Археологія, VIII, стр. 93—101.

¹³ В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 243—281.

¹⁴ О. В. Фенин. Знахідки римських монет у Прикарпатті. Археологія, V, 1951, стр. 100, примеч. 5. В беглом упоминании здесь высказывается предположение, что медальоны Ласковского клада были «золотыми монетами — солидами, использованными в качестве украшений».

¹⁵ М. Ю. Брайчевський. Археологічні свідчення участі східні слов'ян у політичних подіях римської історії III—IV ст. ст. н. е. Археологія, VIII, стр. 47—48. Опираясь на рукопись одного украинского нумизмата, М. Ю. Брайчевский определяет семь золотых Ласковского клада, как медальоны IV в., номиналом в 9, 6 и 3 солида.

¹⁶ В. В. Кропоткин. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 175. В этой сводке Ласковский клад фигурирует, как находка семи позднеимперских золотых медальонов IV в.

¹⁷ В настоящее время число примеров находок медальонов в 6 солидов можно было бы увеличить.

Мы склонны видеть в них не просто медальоны римских императоров IV в.¹⁸, а медальоны отдаленных преемников Константина I. Основанием для такого предположения является тот факт, что в пределах относительно узкой территории — Вольты, Южная Польша и Северная Трансильвания — известен целый ряд находок медальонов императоров второй половины IV в.¹⁹. Иовиана (363—364 гг.) — один экземпляр²⁰ в Борочицах Берестечковского района Вольтинской области²¹, Валентиниана I (364—375 гг.) — один экземпляр из знаменитого трансильванского клада Силадь-Шомлио²², второй, видимо, из клада в Недзьерове под Калишем²³; Валента (364—378 гг.) — девять экземпляров, разных размеров. Один из последних (находящийся в Венском музее) происходит из одной старой венгерской находки²⁴, семь — из клада в Силадь-Шомлио²⁵ и один экземпляр из неизвестного монетного клада, обнаруженного в конце 1927 г. на пограничье Польши и России. Последний вскоре (1928 г.) поступил в Берлинский Мюнц-кабинет²⁶. Он является, согласно предположению (очень убедительному) А. Альфольди, также варварским подражанием; отлит в одной форме с вышеупомянутым медальоном Валента из клада в Силадь-Шомлио. Что касается самого клада, то А. Альфольди предполагает, что клад этот, в составе которого, по словам продававшего его лица, «были позднеимперские медальоны и простые золотые монеты (солиды) IV в. и, быть может, совершенно стершиеся серебряные денарии I—II вв. н. э., даже вместе с германскими золотыми брактеатами, служившими украшениями», мог быть составной частью Калишского или Борочицкого клада²⁷. Нам такое предположение представляется мало вероятным.

Последним в этой группе следует назвать медальон императора Грациана (375—383 гг.) из того же клада в Силадь-Шомлио²⁸.

Все сказанное заставляет нас предполагать более позднюю дату медальонов Ласковского клада, чем время Константина I и его ближайших преемников, и отодвигать ее во вторую половину, точнее в третью четверть IV в., не продвигая ее, однако, слишком далеко, в V в. Датировке V в. противоречили бы те серебряные предметы, которые составляли вещевую часть Ласковского клада и были с ними, как и в Силадь-Шомлио, в общем синхронны²⁹. Не исключено, что среди медальонов

¹⁸ Ср. М. Ю. Брайтчевский. Ук. соч., стр. 48 и его же. Римська монета на території України. Киев, 1959, стр. 125, № 71.

¹⁹ См. A. Alföldi. Materialien zur Klassifizierung der gleichzeitigen Nachahmungen von römischen Münzen aus Ungarn und den Nachbarländern. III. Nachahmungen römischer Goldmedaillons als germanischer Halsschmuck. Numismatikai Közlöny, XXVIII—XXIX, 1929—1930. Budapest, 1933, стр. 10—25; Nándor Fettich. Der zweite Schatz von Szilágy — Somlyó. Archaeologia Hungarica, VIII, Budapest, 1932, стр. 47—51. Ernst Petersen. Ein neues Schatzfund aus der Völkerwanderungszeit. IPEK, 1930, стр. 55—56.

²⁰ Чеканен в Константинополе.

²¹ См. М. А. Тиханова. Борочицкий клад. СА, XXV, 1956, стр. 30—31 и рис. 2. Напомним, что в непосредственной близости от Борочиц, в 2 км от последних, в с. Красове найден золотой солид императора Юлиана (361—363 гг.). См. М. А. Тиханова. Борочицкий клад, стр. 308.

²² Чеканен в Фессалониках. См. N. Fettich. Ук. соч., стр. 47.

²³ Чеканен в Фессалониках, о чем говорит легенда, внизу на обресе поля оборотной стороны TESOB. Вес 28,8 г. См. A. Alföldi. Ук. соч., стр. 12, № 2, табл. III-a, 10.

²⁴ Вес 178,9 г. См. A. Alföldi. Ук. соч., стр. 12—13.

²⁵ Два из них — варварские подражания. См. A. Alföldi. Ук. соч., стр. 11, 13—17, табл. II, 2 и III, 1. Вес первого из них 219,49 г, второго — 412,72 г. Остальные чеканены — два в Фессалониках, два — в Риме и один — в Антиохии, на императорских монетных дворах. См. N. Fettich. Ук. соч., стр. 47—50 и A. Alföldi. Ук. соч., стр. 11—17.

²⁶ Вес медальона 242,49 г. См. A. Alföldi. Ук. соч., табл. II, 1, стр. 12 (№ 4) и 13—17; E. Petersen. Ук. соч., стр. 57.

²⁷ A. Alföldi. Ук. соч., стр. 12, № 4.

²⁸ Чеканен в Риме. См. A. Alföldi. Ук. соч., стр. 11 и табл. III, 2; также N. Fettich. Ук. соч., стр. 50, об обрамлении этого медальона см. М. А. Тиханова. Борочицкий клад, стр. 310, примеч. 1.

²⁹ М. А. Тиханова. Борочицкий клад, стр. 308.

Ласковского клада могли быть и литые, т. е. «варварского» изготовления экземпляры.

Что касается вещевой части клада, то ни у кого не вызывали сомнения серебряные, обложенные золотом предметы наподобие раков, украшенные гранатами. А. Т. Смиленко (Брайчевская)³⁰ и М. Ю. Брайчевский³¹ видели в них серебряные позолоченные, украшенные гранатами фибулы IV в. Оба последних автора сопоставляют ласковские фибулы с причерноморскими изделиями, украшенными полихромной инкрустацией, в первую очередь с типичным их образцом — Нежинской фибулой³². А. Т. Брайчевская специально подчеркивает близкое сходство этой последней (а опосредствованно и ласковских фибул) с керченскими. Других предметов из Ласковского клада А. Т. Брайчевская не касается; М. Ю. Брайчевский же относится к возможности их определения более чем скептически. «Большинство вещей, которые входили в состав клада, а именно: чаша, крестики и пластинки не поддаются определению — их описание очень невыразительно и не дает материала для исследования и даже для догадки»³³. Нам представляется, что почти все предметы клада вполне поддаются определению и прекрасно увязываются с нумизматической частью клада.

Обратимся пока к фибулам. Если определение предметов «наподобие раков» как двупластинчатых или двущитковых фибул с полукруглой головкой и ромбической ножкой, украшенных гранатами, совершенно правильно, то сближение их с Нежинской фибулой³⁴ (или фибулами — их две, но изобразительно она фигурирует всегда одна) неосновательно.

Нежинские фибулы существенно отличны от северочерноморских, специально керченских. Серебряные, обтянутые толстым листком золота, украшенные вставками гранатов, нежинские фибулы имеют весьма своеобразную округло-овальную головку или верхний щиток, совершенно не встречающийся в керченских образцах таких изделий, но известный на западе (Г. Ф. Корзухина). Нежинская фибула больше всего напоминает золотую фибулу из Зандерумгаарда (о. Фюн), найденную вместе с бронзовым сосудиком типа Нептоог и с фибулами с обернутой ножкой³⁵.

Какими же были фибулы Ласковского клада?

В дошедших до нас судебных документах, указаны такие детали, которые позволяют, как нам кажется, ответить на этот вопрос довольно точно. В них говорится, что предметы «наподобие раков», серебряные, обтянутые золотом, усажены 24 камешками гранатовыми.

Среди достаточно многочисленных двущитковых фибул с полукруглой головкой с выступами и с вытянутой ромбической ножкой, украшен-

³⁰ А. Т. Смиленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. Археологія, VI, 1952, стр. 68; е е же. Деякі археологічні дані про торгівлю древніх слов'ян з кримськими містами. Археологія, т. X, 1957, стр. 117. В первой своей статье А. Т. Брайчевская указывает, что в составе Ласковского клада кроме двух фибул и серебряной чаши было найдено семь позднееримских медальонов IV в. (стр. 68 и 71).

³¹ М. Ю. Брайчевский. Археологічні свідчення, стр. 47—48.

³² Там же.

³³ Там же. Единственно, в чем можно согласиться с М. Ю. Брайчевским, это в том, что наличие в кладах крестиков не указывает на его христианский характер и тем более не является доказательством его поздней датировки.

³⁴ И. И. Голстой и Н. П. Кондаков. Русские древности, вып. III, СПб., 1890, стр. 148, рис. 175; Микола Макаренко. Ніженська фібула. «Збірник на пошану М. С. Грушевського», Київ, 1928, стр. 31—43, рис. 1—3; Л. А. Мациулевич. Серебряная чаша из Керчи, Л., 1926, стр. 41. То же повторил в своей работе «Древние русы» и Б. А. Рыбаков (СА, XVII, 1953, стр. 57, рис. 5).

³⁵ См. N. A b e r g. Vorgeschiedliche Kulturkreise in Europa. Bilderatlas mit Erläuterungen, Kopenhagen, табл. XXXVI, 29. Ранее она была опубликована Гремплером (см. Dr. G r e m p l e r. Der Fund von Sackrau, Braunschweig, 1887, табл. V, 10) в качестве параллели к фибулам из 1-го погребения в самом Закжове (Сакрау). Близкая серебряная фибула известна в Рьогнехьой. См. N. A b e r g. Ук. соч., табл. XXXVI, 47.

ных гранатами, есть и золотые ³⁶, но их мало. Значительно больше фибул серебряных, обтянутых золотым листком и украшенных гранатами (или алмадинами), а иногда также и единичными вставками из зеленой пасты или стекла. Таково большинство фибул из того же Силадь-Шомлио ³⁷, из очень близкого к нему погребения в Унтерзибенбрунн (Австрия) ³⁸, из Рабапордань (Венгрия, ком. Шопрон) ³⁹ и др. У большего числа этих фибул, различных по размерам (в Силадь-Шомлио размеры

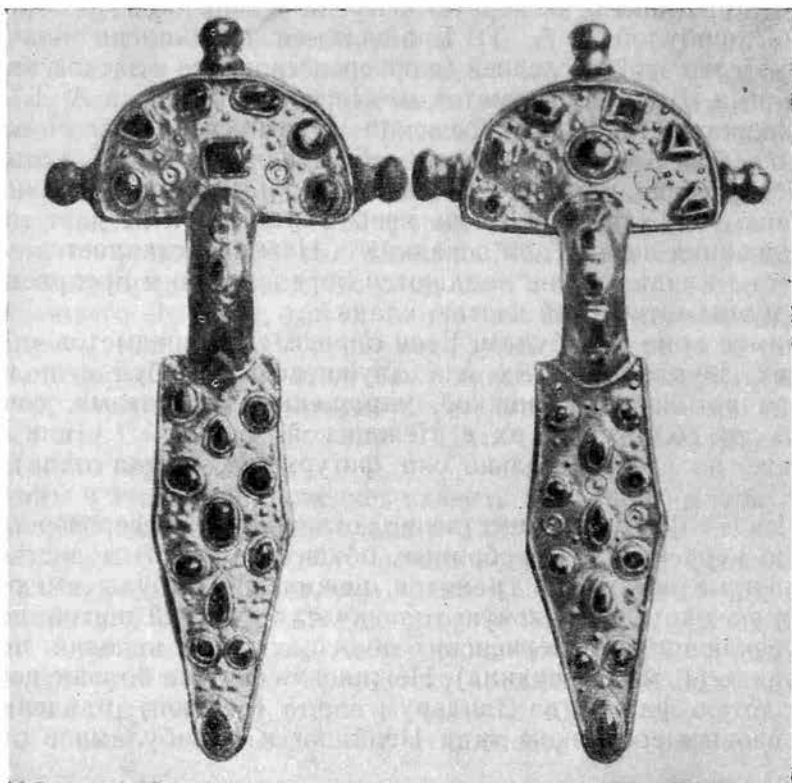

Рис. 1. Рабапордань, Венгрия. Фибулы из погребения

эти колеблются от 12,7 до 24,5 см, в Круглице длина их 18,5 см), число вставок из гранатов, зеленого стекла, а иногда и сердоликов (единично и из хрусталя) — очень велико, достигая до 44, 48 и даже 56 штук ⁴⁰.

Но среди этих фибул встречаются и такие, поверхность которых украшена 24 камнями. Таковы очень близкие по типу и по времени к фибулам из Силадь-Шомлио и Унтерзибенбрунн две фибулы из погребения в Рабапордань (рис. 1). Фибулы эти серебряные, обтянутые листком золота, с полукруглой головкой с тремя выступами. Размеры их 12,5 и 12,7 см. Игла и пружина у них тоже серебряные. Украшающие их камни, как и в Силадь-Шомлио, видимо, пиропы. Особенностью этих фибул является то, что камни в них — полукруглые, конусовидные,

³⁶ Например, пара фибул во втором кладе Силадь-Шомлио, который мы особенно часто вспоминали в связи с монетной частью Ласковского клада. См. N. Fettich. Ук. соч., табл. VIII.

³⁷ Там же, табл. IX, сл.

³⁸ W. Kubitschek. Grabfunde in Untersiebenbrunn (auf dem Marchfeld). Jahrbuch für Altertumskunde, т. V, Wien, 1911, табл. 1.

³⁹ Ferdinand Fettich. Über die Erforschung der Völkerwanderungszeit in Ungarn. JPEK, 1926, стр. 267, табл. 19; A. Alföldi. Ук. соч., табл. X, XI.

⁴⁰ Например, в фибулах в Унтерзибенбрунн, при длине фибул в 15 см и ширине 5,6 см, вставок из гранатов имеется — на головке 18, на ножке — 22, на дужке — 14. На Керченских фибулах, наоборот, их мало и самые фибулы очень невелики, длина — 7—8 см. См., например, М. Макаренко. Ук. соч., стр. 36, рис. 4—5.

иногда плоские и даже специально отшлифованные, положены на подкладке из листка бронзы, а не золота⁴¹. Вместе с фибулами в погребении найдены серебряные изделия: браслет, топорovidные подвески⁴², зубочистка, пинцет и копоушка, серебряные граненые и янтарные бусы, много колец с обмотанными концами⁴³ и золотая цепь с листовидными

Рис. 2. Эран, Франция. Фибулы из погребения.

подвесками. Ф. Феттих датирует Рабапордань временем не ранее середины третьей четверти IV в.⁴⁴, А. Альфöldи, так же как и Силадь-Шомлио, около 400 г.⁴⁵

Вторую аналогичную или, во всяком случае, близкую пару фибул мы находим на далеком западе, в современной Нормандии, в погребении, видимо, женском, у с. Эран, близ г. Кана. Фибулы здесь также парные и соединены серебряной цепочкой (рис. 2). Размер их 15,5 см.

Фибулы из Эрана, как и венгерские, — серебряные. Они обтянуты листком золота и украшены гранатами (или альмандинами) в виде треугольников, прямоугольников и ромбов. Их тоже 24 — семь на головке, восемь на дужке и девять на ножке. Правда, эранские фибулы еще дополнительно украшены вставками из зеленого стекла, по одной на ножке

⁴¹ Находка хранится в Будапеште, в Национальном музее Венгрии. Опубликована впервые, как уже говорилось, в год ее открытия Ф. Феттихом (F. Fettich. *Über die Erforschung...*, стр. 267, табл. 19). Публикация А. Альфöldи повторная, но более детальная (A. Alföldi. *Ук. соч.*, стр. 37, 72, 73, табл. X—XI).

⁴² Ср. топорovidные подвески в погребении в Борохтянской Ольшанке в Среднем Поднепровье. См. А. А. Спицын. *Поля погребальных урн*. СА, X, 1948, рис. 6.

⁴³ F. Fettich. *Über die Erforschung...*, табл. 19.

⁴⁴ F. Fettich. *Der Zweite Schatz...*, стр. 70, примеч. 3.

⁴⁵ A. Alföldi. *Ук. соч.*, стр. 73.

и на головке, и одним кабошоном из сердолика на ножке. Головка фибул, видимо, имела первоначально пять выступов, из которых в настоящее время сохранился только один ⁴⁶.

Без сомнения, нормандские фибулы не тождественны с венгерскими, хотя и принадлежат к одной группе; они отличаются от первых более

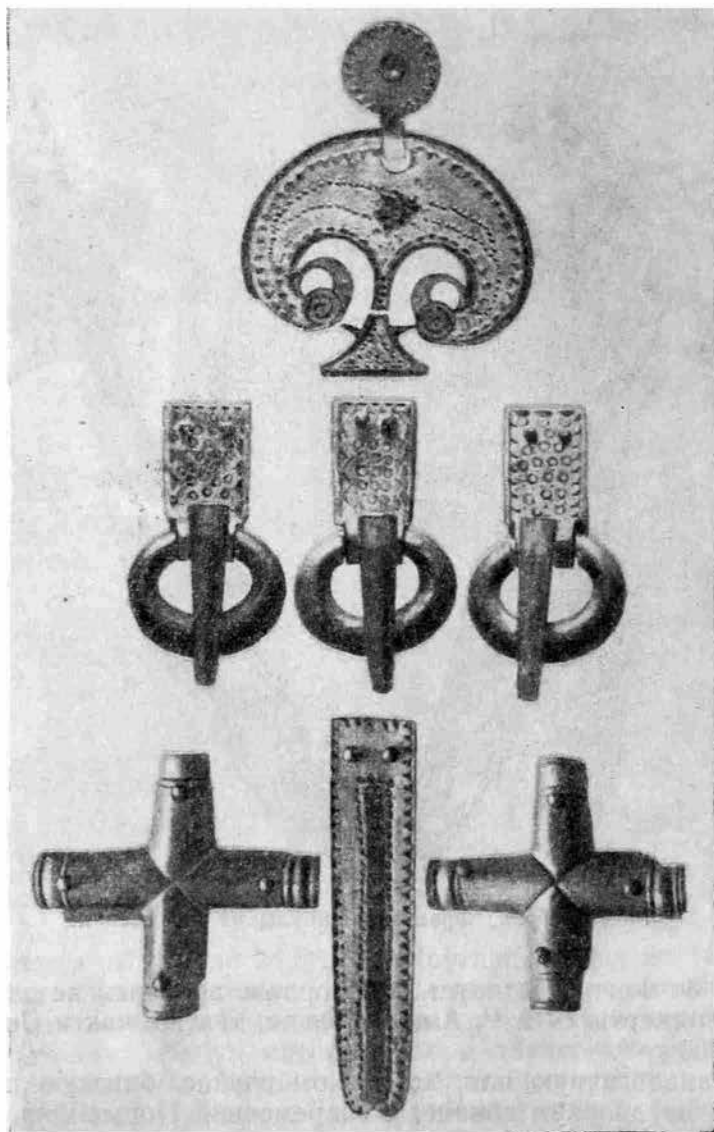

Рис. 3. Якушовицы, Польша. Серебряные накладки из погребения

вытянутой ножкой и формой камней, что, может быть, указывает на их несколько более позднюю дату. Опубликовавшие их исследователи сближают их с группой Силадь-Шомлю, в том числе и с фибулами Рабапордань, и видят в них, по нашему мнению, справедливо работу понтийских мастеров, быть может, пришлых ⁴⁷.

Итак, нам кажется, что фибулы Ласковского клада были того же типа, что и только что рассмотренные нами венгерская и западная пара фибул, но к какой из двух пар они были ближе, решить не в наших

⁴⁶ E. Salin et Lefranc Le Nord, Le trésor d'Airan en Calvados. Monuments Piot, 43, Paris, 1949. Наш рисунок 2 воспроизводит частично табл. XIV, 1.

⁴⁷ Ср. напр., М. А. Тиханова. Борчицкий клад, стр. 312, 314.

силах. Правда, остальные находки клада говорят как будто бы за вторую, нормандскую пару.

Достаточно ясными представляются нам и другие предметы, входившие в состав Ласковского клада. Так, вряд ли можно сомневаться в том, что упоминаемые в документах серебряные крестики и серебряные позолоченные бляхи — это части набора украшений конской сбруи, довольно обычные в находках конца IV — начала V в.⁴⁸

Все эти образцы иного типа, чем те серебряные крестики, которые были в составе Ласковского клада. Последние, надо полагать, наиболее близки накладкам из богатого воинского погребения, случайно обнаруженного в 1913 г. в Якушовицах Пинчувского округа Келецкого воеводства (Польша), где наряду с золотым оружием были найдены части серебряной конской уезды — крестовидные накладки, размером 3 × 3 см (рис. 3)⁴⁹. Н. Оберг видел в Якушовицах готский памятник гуннского времени (конец IV в.). — набор его конской уезды с вышеупомянутыми северчерноморскими находками (Здвиженское, Новогригорьевка). Венгерские исследователи (Д. Ласло и И. Хаматта) усматривают в Якушовицком погребении памятник гуннский, но конский серебряный его убор признают не гуннским, а явно южнорусским. Датируют же они погребение не концом IV в., а началом V в. (Д. Ласло), или даже второй четвертью V в. (430—450 гг. — по И. Хаматта).

Что касается серебряных позолоченных блях, упомянутых в реестре, то, как нам кажется, это тоже части конского набора, видимо, того типа, что и найденные под Ровно, или находившиеся в собрании Ханенко⁵⁰; их вряд ли следует отделять от крестиков, — видимо, они составляли с ними одно целое.

Труднее всего определить, какова та серебряная чарка или чаша в составе Ласковского клада, о которой известен только ее вес — очень большой, «гривен десет сребра албо и болшей»⁵¹. В синхронных находках как Восточной, так и Центральной Европы примеров подобных памятников относительно очень немного. Например, А. Т. Браичевская в обеих своих статьях, касающихся южного импорта и связей лесостепи с крымскими городами, не смогла назвать ни одной серебряной чаши⁵².

Не исключено, правда, что это могла быть чаша-тазик с ободком из крупных горошин типа керченских из склепа Гордиковых⁵³ или склепа № 145⁵⁴ или однотипного с ними склепа в Сулино, Донской области⁵⁵. Еще более вероятно и другое — что это была чаша, подобная той, кото-

⁴⁸ Например, накладка из Здвиженска Новогригорьевского у. Ставропольской губ. (см. Н. П. Кондаков. Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения. ИЭ, СПб., 1891, стр. 267); бляхи из VIII кург. в Новогригорьевке (см. Д. Я. Самоковсов. Основание хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892, стр. XXX—XXXI, табл. IX, 17. ОАК за 1883—1884 гг., стр. 211, А. Alföldi. Ук. соч., табл. XXII, 17, ср. также Т. Н. Минаева. Погребение с сожжением близ гор. Покровска, УЗСГУ, т. VI, 1927, стр. 94, табл. III, 21); бляхи из кургана под Ревно (см. Каталог Выставки XI-го Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899, стр. 82, № 147, и стр. 155, № 551).

⁴⁹ N. Aberg. Till belysande av de gotiska kultur anslaget i Mellaneuropa ock Skandinavien. Fornvännen, 1936, стр. 264—277, табл. III, 24, 25. Наш рис. 3 воспроизводит таблицу III Н. Оберга; ср. Gy. Laszlo. The Significance, of the Hungolden Bow. Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, т. I, вып. 1—2, 1951, табл. XIX, 9—10. Специальный экскурс посвящен погребению в Якушовицах. См. также J. Harmatta. The Golden Bow of the Hun. Там же, стр. 106—112, 134, 148—149. Гуннские элементы видит в Якушовицком готском погребении и Ю. Костжевский. См. J. Kostrzewski. Pradzieje Polski. Poznań, 1949, стр. 219, 221, 222.

⁵⁰ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, Киев, 1901, стр. 22, табл. XI, 288—290.

⁵¹ Е. И. де Витте. Ук. соч., стр. 92.

⁵² А. Т. Смиленко. Ук. соч.; А. Т. Браичевська. Ук. соч.

⁵³ Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 18, 23, 28 и табл. II, 1.

⁵⁴ Там же, стр. 19, 23, 28 и табл. II, 2.

⁵⁵ Там же, стр. 24, 26.

рая входила в состав 1-го погребения в Закжове (Сакрау)⁵⁶, напоминающая по своей форме бронзовый котелок из погребения в Рудке⁵⁷.

Несомненно одно, что это не могла быть литая, украшенная рельефными изображениями, двуручная чаша, типа чаши из Островян (Остропатака)⁵⁸ или также сплошь покрытая рельефным узором чаша, как литые чаши из могильника в Леуне (Мерзербург)⁵⁹, ибо об этом, вероятно, было бы упомянуто в реестре. Не мог это быть, очевидно, и большой кубок, частично позолоченный и украшенный сценой звериного гона по верхнему наружному краю, как кубки в погребениях с о. Зеланд⁶⁰.

Все сказанное заставляет нас видеть в Ласковском кладе находку, синхронную с Борочицкой, и относить зарытие ее к рубежу IV—V вв. или к началу V в.⁶¹

В рамках настоящей статьи мы не касаемся вопроса об исторической значимости Ласковского клада. Общие наши соображения мы высказали, говоря о Борочицком кладе⁶², в развернутом же виде они могут явиться предметом специального рассмотрения⁶³.

⁵⁶ Н. J. Eggers. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951, Tafeln und Karten, табл. 60.

⁵⁷ М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 191, рис. 17, 13; ср. Н. J. Eggers. Ук. соч., табл. 7, 62.

⁵⁸ Там же, табл. 14, 169.

⁵⁹ Там же, табл. 14, 179, а также N. Åberg. Bilderatlas, табл. XXXIII, 5.

⁶⁰ Н. J. Eggers. Ук. соч., табл. 14, 177; N. Åberg. Ук. соч., табл. XXXV, 2, XXXVI, 22, а также J. Fettich. Der Schildbuckel von Negpalu. Acta Archaeologica, I, København, 1930.

⁶¹ М. А. Тиханова. Борочицкий клад, стр. 308. В. В. Кропоткин относит зарытие обоих кладов (Ласковского и Борочицкого), так же как и Нежинского, ко времени несколько более раннему. См. В. В. Кропоткин. Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. СА, 1958, № 2, стр. 282.

⁶² М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 308—317.

⁶³ Нельзя, однако, не заметить, что высказанное в печати предположение о возможности видеть на Волини в районе концентрации римских медальонов (в кладах в Борочицах, в Бранах и в Ласкове; см. А. Т. Смиленко. Деякі датовані речі..., стр. 68), один из центров группировки раннеславянских дружин, не подтверждается археологическими данными. Проведенная в 1958 г. Днестровско-Волинской экспедицией под руководством автора разведка по р. Липе, где расположены и Борочицы, и Браны, показала полное отсутствие поселений I тысячелетия н. э.

Н. Д. МЕЦ

СРЕБРЕНИКИ ИЗ с. МИТЬКОВКИ

Второе столетие в русской нумизматической литературе обсуждается вопрос о монетах великого княжества Киевского. Несмотря на тщательные и интенсивные исследования, многое еще пока остается неясным. В данном случае трудно говорить о неправильности методики обработки материала или о недостаточно внимательном отношении к предмету. Причина кроется скорее в самом материале, в сравнительной малочисленности его при плохом качестве монет, изучение которых осложняется особенностями денежного обращения на территории древней Руси. Это придает большое значение каждой новой находке сребреников, особенно если они представлены не единичными экземплярами и, тем более, если монеты найдены в комплексе с другим материалом.

Именно такова описываемая нами митьковская находка. Она состоит из 13 сребреников, 8 восточных монет и брактеатообразных подвесок, а также из большого количества бус, височных колец, гривен, браслетов, бубенчиков и других вещей. Все эти предметы когда-то составляли комплексы погребальных радимических украшений, но к моменту поступления в Гос. Исторический музей были перемешаны и потеряли паспорта находок. Курганы, из которых они происходят, расположены близ с. Митьковка Климовского района Брянской области. В течение ряда лет их раскапывали ученики местной школы, но они сохранились только благодаря внимательному отношению к ним заведующего местным клубом А. В. Мацуева, собравшего и передавшего найденные предметы Брянскому музею. В 1955 г. монеты были переданы в Гос. Исторический музей. Подробное изложение истории классификаций и датировки сребреников в целом даны в работе В. Л. Янина о денежно-весовых системах домонгольской Руси¹. Мы не будем останавливаться в связи с этим на всей историографии. Напомним только две господствующие системы классификации сребреников: А. В. Орешникова² и И. И. Толстого³.

И. И. Толстой считал первым князем, чеканившим монеты на Руси, Владимира Святославича (988—1015 гг.) и распределял сребреники между ним, его сыновьями Святополком (1015—1018 гг.) и Ярославом Мудрым (1019—1055 гг.). А. В. Орешников начало чеканки монет на Руси приписывал инициативе Ярослава Мудрого, а расцвет чеканки относил ко времени Владимира Мономаха (1078—1125 гг.). Кроме монет с именем Святополка, определяемых им как монеты Святополка Изяславича (1093—1112 гг.), А. В. Орешников выделяет монеты с именем Петра и Дмитрия, чеканенные, по его мнению, князьями Изяславом Яросла-

¹ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

² А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. ИАН СССР, отд. гуманитарных наук, 1930, № 3, стр. 87—112; его же. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936.

³ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты в к. Киевского. СПб., 1882; его же. Древнейшие русские монеты X—XI вв. ЗРАО, т. VI, нов. сер., СПб., 1893, стр. 310—368.

вичем (1054—1078 гг.) и его сыном Ярополком Изяславичем Вышегородским (1077—1078 гг.)⁴.

Правильность взглядов исследователей или их ошибки мы разберем в каждом отдельном случае.

В описании каждой монеты мы придерживаемся терминологии А. В. Орешникова. Монеты распределяются на группы в основном по схеме И. И. Толстого, но каждая отдельная группа озаглавлена не именем предполагаемого князя (например, «Монеты Владимира Святославича»), а именем, проставленным на монете (например, «Монеты с именем князя Владимира»).

Монеты с именем князя Владимира

Тип I.

1. Л. с. Изображение князя впрямь, по-видимому, сидящего; на голове шапка из бус, увенчанная крестом, с перпендулиями по сторонам; правой рукой держит крест на длинном древке. Над левым плечом — родовой знак. Надпись справа налево, вершинами букв к центру. Начало ее стерто, сохранились буквы (табл. 1, 1). Линейный и бусинный ободки.

О. с. Погрудное изображение Христа с евангелием, в крещатом венце, впрямь. По сторонам имя Христа под титулом, вершинами букв к центру. Линейный и бусинный ободки (рис. 1, 1).

Вес 2,04 г. Монета дважды пробита; в одной дырочке напай; кусочек края обломан. Монета того же штампа была найдена в киевском кладе, издана И. И. Толстым в статье «Древнейшие русские монеты X—XI вв.», табл. XII, 17, 18.

2. Л. с. Изображение князя подобно изображению на предыдущей монете. Круговая надпись вершинами букв к центру сохранилась только слева (табл. 1, 2). Линейный и бусинный ободки.

О. с. Подобна предыдущей (рис. 1, 2).

Вес 2,25 г. Пробита, края обломаны. Сходна с монетой из Киевского клада (см. И. И. Толстой. Древнейшие монеты X—XI вв., табл. XII, 17, 18), но отличается незначительным изменением рисунка.

3. Л. с. Изображение князя подобно изображению на предыдущей монете. Круговая надпись справа налево, вершинами букв к центру; сохранилась только справа (табл. 1, 3). Линейный и бусинный ободки.

О. с. Подобная предыдущей, но буквы в имени Христа расставлены иначе. Линейный и бусинный ободки (рис. 1, 3).

Вес 1,97 г. Около $\frac{1}{4}$ монеты обломано. К монете штифтом приделано медное ушко. Сходна с изданной И. И. Толстым на табл. 15, 4, но на л. с. буква «р» вырезана в другую сторону; на о. с. евангелие ближе к левому плечу, что среди других изданных монет не наблюдается⁵.

Тип II.

4. Л. с. Грубое изображение князя впрямь, по-видимому, сидящего; сидение характеризуется двумя полукружками с боков, изображающими концы подушки. На голове шапка из бус, по сторонам перпендулии; вокруг головы — нимб. Черты лица и нос изображены прямыми линиями, глаза и рот — точками. Длинные вислые усы. На князе одежда вроде плаща, на котором горизонтальная полоса из линии между двумя рядами точек. На груди крест с бусами на концах и в середине. Правой рукой держит крест на длинном древке, левая на груди. Низ монеты стерт. Следы круговой надписи слева (табл. 1, 4). Двойной бусинный ободок.

О. с. Родовой знак в виде трезубца, как на монетах I типа, возле плеча князя. Следы круговой надписи (табл. 1, 5). Двойной бусинный ободок (рис. 1, 4).

⁴ А. В. Орешников. Денежные знаки..., стр. 28—43.

⁵ См. И. И. Толстой. Ук. соч., таблицы.

Вес 2,90 г. Монета обломана. Имеет медное на штифте ушко.

5. Л. с. Изображение князя подобно изображению на предыдущей монете, но с округло-покатыми плечами и большой головой. На груди точка. Надпись не сохранилась. Следы бусинного ободка.

О . с. Родовой знак. Слева направо сохранились буквы круговой надписи (табл. 1, 6). Двойной бусинный ободок (рис. 1, 5).

Вес 2,54 г. Монета пробита, с бронзовым колечком; по краям разрушена.

6. Л. с. Подобна предыдущей. Слева от князя надпись (табл. 1, 7). Справа надпись стерта. Бусинный ободок.

О. с. Родовой знак. Буквы круговой надписи (табл. 1, 8). Бусинный ободок (рис. 1, 6). Вес 1,72 г. В середине кусок монеты выкрошился; с боку она пробита; с бронзовым колечком.

7. Л. с. Подобна предыдущей. Круговая надпись, слева (табл. 1, 9); справа (табл. 1, 10). Двойной бусинный ободок.

О. с. Родовой знак. Слева направо надпись (табл. 1, 11). Двойной бусинный ободок (рис. 1, 7).

Вес 3,52 г. Монета с бронзовой петлей на штифте. Хорошей сохранности.

8. Л. с. Подобна предыдущей. Справа следы надписи (табл. 1, 12). Бусинный ободок.

О. с. Родовой знак. Следы надписи слева (табл. 1, 13). Бусинный ободок (рис. 1, 8).

Вес 2,60 г. Монета пробита, с бронзовым колечком. Сходная была найдена в Нежинском кладе и издана И. И. Толстым под № 25 (табл. 6, 2), возможно одного штампа с нашей (см. И. И. Толстой. Древнейшие монеты в. к. Киевского).

Все описанные монеты (№№ 4—8) сходны между собой и относятся к так называемому типу «без кольчуги». Особенно близки четыре последние (№№ 5—8). Помимо того, что все они относятся к этому типу, их объединяет рисунок плаща с тремя полосками внизу: две бусинных и одна линейная внутри; две петли подушки трона, а также замена буквы «М» в надписи буквой или титлом (рис. 1, 5—8). Кроме того, слева на лицевой стороне имя князя обозначено только тремя буквами. Подобные монеты изданы И. И. Толстым под № 22 (табл. 10, 11) и № 25 (табл. 6, 2). Последняя происходит из Нежинского клада⁶.

Если чтение надписей на монетах I типа не вызывает сомнения, то далеко не так обстоит дело с монетами II типа. На монетах Владимира II мы имеем, безусловно, искаженные надписи, сделанные рукой малоискусного резчика; с этим согласны все исследователи. Не вызывает сомнения также чтение надписи оборотной стороны: «а се его сребро». По-другому обстоит дело с надписями лицевой стороны; каждый автор читает их по-своему.

Я. Я. Волошинский, первый давший описание сребреников Владимира II типа, считал, что на лицевой стороне выгравировано имя Ярослава⁷.

Мнение Я. Я. Волошинского было подвергнуто исчерпывающей критике И. И. Толстым, доказавшим, что на разбираемых сребрениках следует читать: «Владимир на столе».

Критика И. И. Толстого, однако, не убедила А. В. Орешникова, предположившего, что на лицевой стороне написано два слова: «Владимир» и «Переяславль». Первое, как считал он, заключается только в трех буквах надписи, расположенных слева от князя: «ВАД». Другое слово начинается с двух пар вертикальных черточек по обеим сторонам нимба; за ними следует буква, похожая на «М», при ближайшем рассмотрении имеющая сходство с иотированным «А», которым резчик хотел передать

⁶ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты в. к. Киевского, стр. 18.

⁷ Я. Я. Волошинский. Описание древнейших русских монет. Киев, 1853, стр. 9.

звук «Я». Ею и идущими далее «Р», «А», «С», «Р», «Л» и крестиком, как заключает А. В. Орешников, «резчик хотел изобразить «Переяславль», так как элементы имени города имеются во второй половине надписи, с которой в целом виде мастер не мог справиться»⁸. Беспрецедентность помещения названия города на монете объяснить А. В. Орешников не смог, что признает и сам⁹.

Чтобы доказать ошибочность высказывания А. В. Орешникова, не нужно привлекать новые типы монет. Обратимся к разобранным им же надписям.

Поставив буквы надписи в строку, не разбивая на слова, получим: «ВАДИМРЛСРЛ+». Первое слово, без сомнения, кончается на букве «Р» и читается как «Владимир». На наш взгляд, это настолько очевидно, что не требует доказательств, если, конечно, не заменять буквы, проставленные на монете, другими.

Оставшуюся часть надписи — «ЛСРЛ+» — И. И. Толстой читает как «на столе». Крест на конце ее обозначает букву «Е», судя по тому, что такая замена проведена еще в одном месте, в надписи на оборотной стороне монеты этого же типа, в слове «сребро». Оно написано через крестик: «СР+БРО». Чтение в нем крестика как «Е» не вызывает сомнения¹⁰. Буква «Н» в начале опущена.

Повторность надписи во многих экземплярах с одними и теми же элементами¹¹ не позволяет не согласиться с расшифровкой ее И. И. Толстым.

Если мы допустим предположение, что буква «Р» произошла от слияния «Т» и «О», чтение надписи станет еще яснее.

Монеты с именем Владимир III и IV типа в митьковской находке отсутствуют.

Монеты с именем Святополка

Чтение надписей на монетах этого типа не вызывает сомнений. На лицевой стороне читается: «Святополк на столе»; на оборотной: «а се его сребро».

9. Л. с. Изображение великого князя, сидящего впрямь, вокруг головы нимб, на голове шапка с препендулиями. Правой рукой держит крест на древке. Слева сохранились буквы надписи (табл. 1, 14). Двойной бусинный ободок.

О. с. Родовой знак в виде двузубца; левый зубец оканчивается крестом; между зубцами подобие креста (табл. 1, 15). Справа надпись (табл. 1, 16). Поверх букв набит двойной бусинный ободок (рис. 1, 9).

Вес 2,24 г. Края монеты обломаны. К монете приделано медное ушко. Сходные монеты были найдены в Нежинском кладе и изданы И. И. Толстым под № 94 (табл. 3, 13 и табл. 6, 11).

10. Л. с. Подобна предыдущей. Справа следы надписи (табл. 1, 17). Двойной бусинный ободок.

О. с. Родовой знак. Следы двойного бусинного ободка (рис. 1, 10).

Вес 2,78 г. Потерта; к монете приделано ушко. Монета того же штампа встречена в Нежинском кладе (см. И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты в. к. Киевского, № 99, табл. 3, 4, 16, а также на табл. 9, 11; его же. Древнейшие русские монеты X—XI вв., табл. XIII, 19, 20).

⁸ А. В. Орешников. Денежные знаки..., стр. 72—73.

⁹ Там же. Б. А. Романов высказывал сомнения в принадлежности сребреников II типа Владимиру, правда не приводя по этому поводу со своей стороны никакой аргументации (см. Б. А. Романов. Деньги и денежное обращение. История культуры Древней Руси, т. I, М.—Л., 1948, стр. 387).

¹⁰ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты X—XI вв., стр. 355—356; его же. Древнерусские монеты в. к. Киевского, стр. 29—30.

¹¹ Н. Чернев. Заметки о древнерусских монетах. СПб., 1888, табл. № 4.

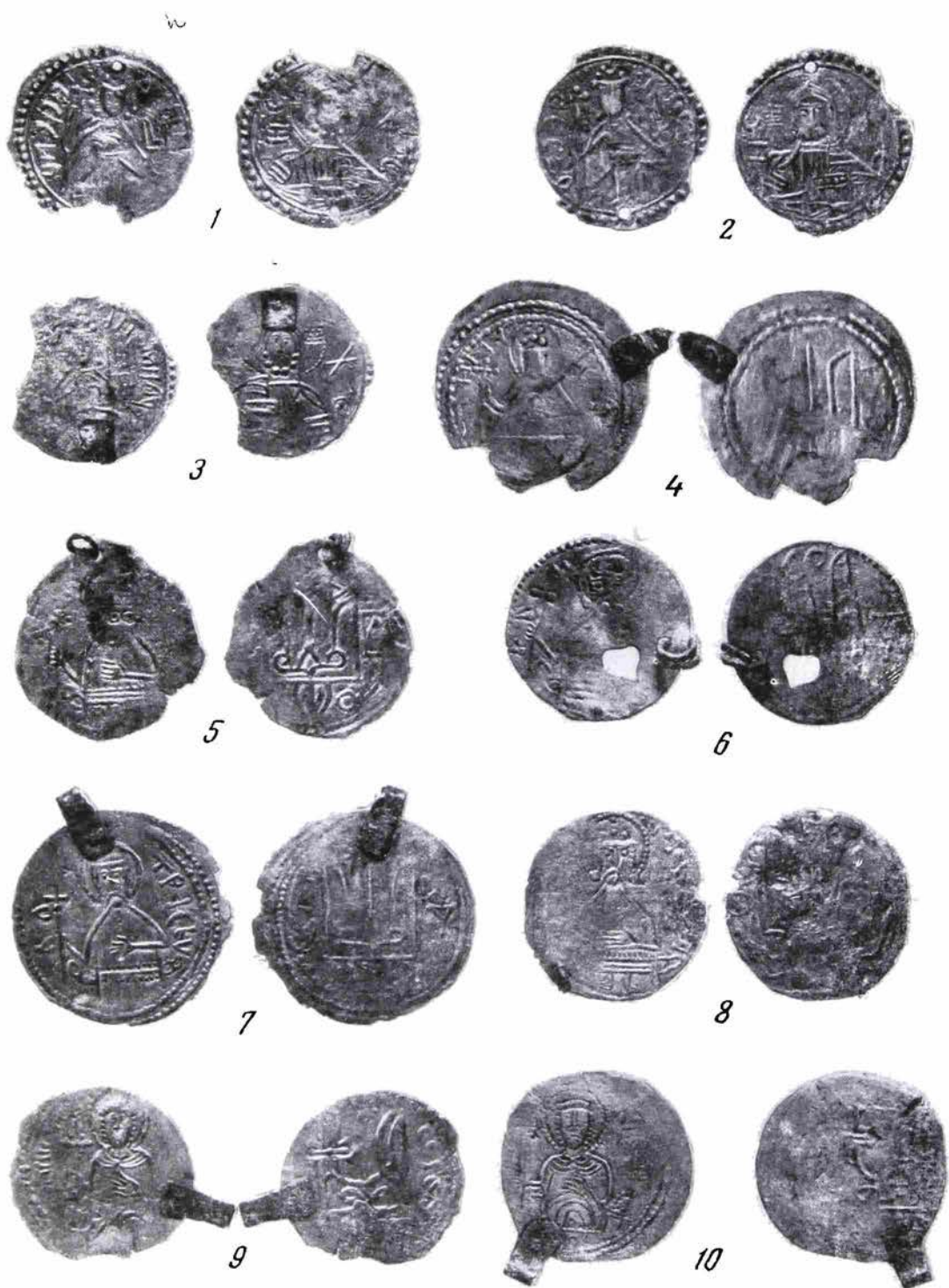

Рис. 1. Сребреники из с. Митьковки
 1—3 — Владимира I типа; 4—8 — Владимира II типа; 9, 10 — Святополка

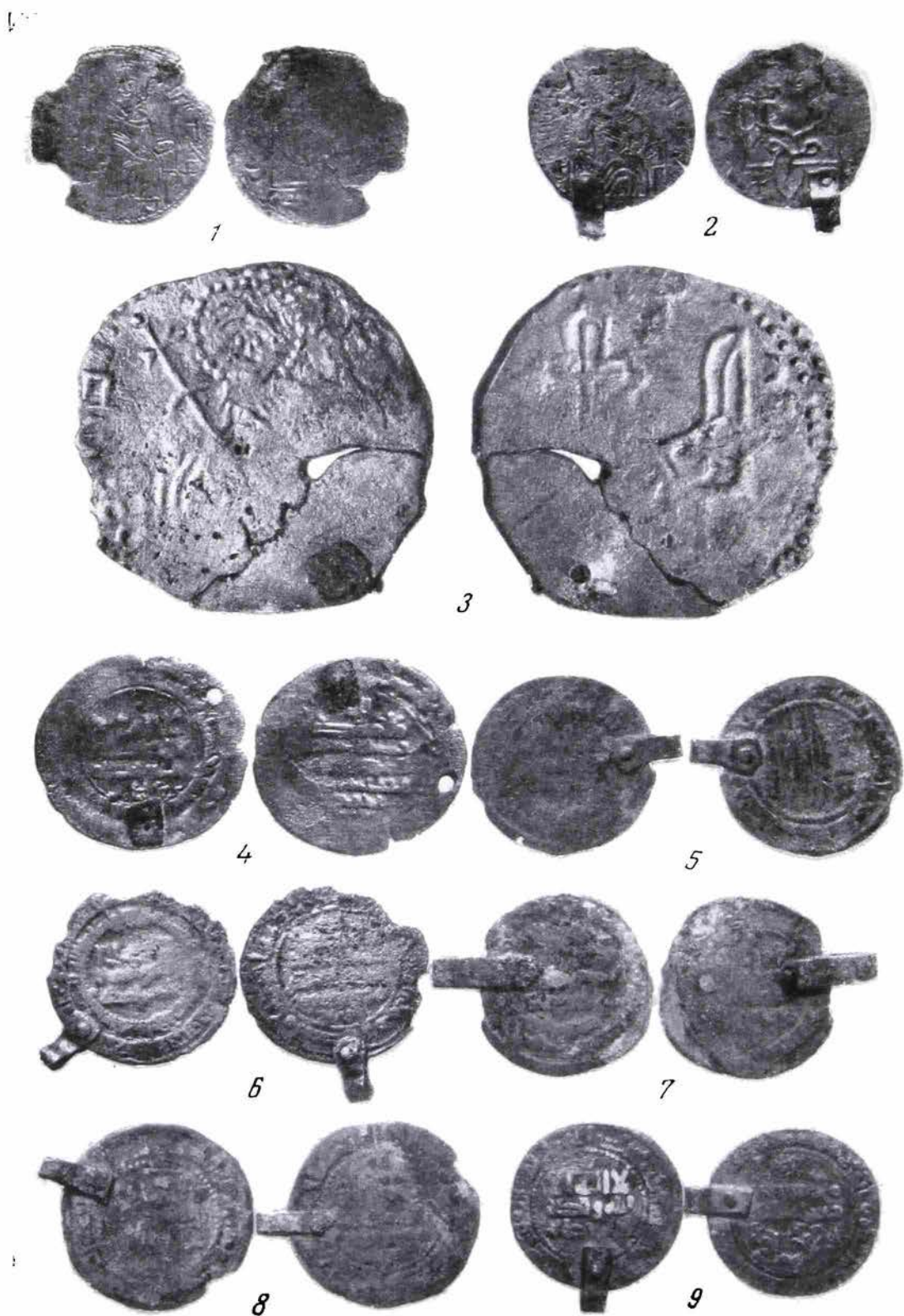

Рис. 2. Сребреники из с. Митьковки

1, 2 — Святополка; 3 — с именем «Петра» (микроснимок); 4 — сасанидский дирхем; 5—9 — сасанидские фелсы

11. Л. с. Подобна предыдущей. Слева от князя следы надписи (табл. 1, 18); справа (табл. 1, 19). Двойной бусинный ободок.

О. с. Родовой знак. Сохранилось начало надписи (табл. 1, 20). Бусинный ободок (рис. 2, 1).

Вес 1,89 г. Монета обломана. Сходна с изданной И. И. Толстым под № 91 (табл. 3, 4, 10, из Нежинского клада).

12. Л. с. Подобна предыдущей. Надпись слева (табл. 1, 21), справа (табл. 1, 22). Бусинный ободок (рис. 2, 2).

О. с. Родовой знак. Сохранились буквы надписи. Слева (табл. 1, 23), справа (табл. 1, 24). Бусинный ободок.

Вес 1,965 г. К монете припаяно медное ушко. Сходный экземпляр был найден в Нежинском клада (см. И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты в. к. Киевского, № 84, табл. 3, 4, 7).

Монеты с именем «Петр»

(по И. И. Толстому — Ярослав I тип)

Монеты, отнесенные И. И. Толстым к Ярославу I и II типа, представляют наиболее слабое место его классификации. В свое время Н. Чернев¹², Н. И. Петров¹³ и А. В. Орешников¹⁴ прочли на монете имя «Петрос», т. е. «совершенно правильную греческую форму имени Петр»¹⁵.

Находка сребреника этого типа в с. Митьковке со всей наглядностью подтверждает правильность чтения надписи как «Петрос». Она хорошо читается на лицевой стороне, так же ясно виден конец ее на оборотной.

13. Л. с. Изображение впрямь апостола Петра — по-видимому, сидящего, с округлой бородой; вокруг головы нимб. Правой рукой держит крест на длинном древке, прижатый к плечу, концы креста раздвоены. Левая рука на груди. Слева хорошо видна надпись (табл. 1, 25); буква «Р» вынесена вправо, между «Т» и «О». Следы ободка из бус.

О. с. Родовой знак, сходен со знаком на монете с именем Святополка, но между концами зубцов, вместо креста — значок в форме якоря с одним крючком. Справа (табл. 1, 26) — следы надписи «ПЭТРОС», идущей снизу вверх. Хорошо видны буквы «РОС». Двойной бусинный ободок (рис. 2, 3).

Вес 2,60 г. Монета потертая, с дыркой посередине. Сходна с монетой Нежинского клада, изданной И. И. Толстым (см. Древнейшие русские монеты в. к. Киевского, под № 102 на табл. 3, 4, 17).

Монету с новым именем, казалось бы, должен был чеканить новый князь, что и признано было исследователями. Однако в последние годы иной взгляд высказал В. Л. Янин. На основании скудости сведений о христианских княжеских именах и отсутствия принципиальной разницы, с его точки зрения, между княжескими знаками на монете Святополка и монетах с именем «Петр» он высказался за принадлежность последних Святополку. Имя «Петр» В. Л. Янин предложил считать христианским именем Святополка Окаянного¹⁶.

Между тем родовые знаки на монетах, относимых И. И. Толстым к Святополку и Ярославу I—II типов, не только отличаются друг от друга, но их изменения влекут за собой изменения других компонентов, составляющих содержание изображения на монете.

Каждому имени на монете — Святополку, Петру, Дмитрию (Ярославу II типа¹⁷) — соответствует определенный значок между зубцами зна-

¹² Н. Чернев. Ук. соч., стр. 42.

¹³ Н. И. Петров. Монеты великого князя Ярослава Ярославича. Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 109—115.

¹⁴ А. В. Орешников. Денежные знаки..., стр. 53—62.

¹⁵ Н. Чернев. Ук. соч., стр. 42.

¹⁶ В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 166.

¹⁷ Чтение надписи «Дмитрий» нам приходится принимать условно, так как после описания ее А. В. Орешниковым не встречено новых экземпляров монет этого типа, которые могли бы подтвердить или опровергнуть его мнение.

Таблица 1

1	ΑΗΝ...Δ ΣΕΕΒΟ	16	ΣΕΡΕΒΡΟ
2	ΣΕΕΒΟ	17	ΝΙ(ΙΙ)Θ
3	ΒΗΥΗΩ. ΗΡ	18	ΓΟΓ
4	ΠΗΜΑΙΣ	19	ΝΠ(ΤΟ)Ι
5	Γ Ρ Γ)	20	Ϡ)ΣΕ Ρ
6	СЪ ІВДТО	21	С(П)ПЛЪ
7	Р В ІІ	22	ΨΙΣΤΟϠ
8	І СР РТО	23	С(І)
9	ВРА	24	ΕΡΕ
10	ΤΡΑΕΒΥ	25	Τ Ε Γ ΟΡ С
11	ΕΤΕΕΤ ΒΒΥ	26	ΟΡ ε
12	ΙΙΤΡΕСΙΗ	27	✠
13	С П(Ϡ) Ϡ	28	⚓
14	ϠΟΠΗΠΠ	29	☾
15	✠		

ка: Святополку — крест (табл. 1, 27), Петру — «якорь» (табл. 1, 28), Дмитрию — полумесяц (табл. 1, 29)¹⁸. Изменение имени и родового знака влечет за собой и изменение изображения святого на монете¹⁹.

Все это повторяется от монеты к монете. Экземпляр монеты с именем Петра из митьковской находки подтверждает эту закономерность. Это говорит о том, что значки между концами двузубца не случайный орнаментальный мотив. Их рисунок связан с определенными именами и изображениями и принадлежит только этим определенным именам, а следовательно, и различным князьям, носившим эти имена.

Кроме изложенного, в подтверждение нашего мнения напомним об имевшем место случае замены на монете языческого имени князя христианином. Речь идет о монете Владимира с именем «Василий»²⁰. Других изменений нет, и знак и изображение святого остаются прежними.

¹⁸ А. В. Орешников. Денежные знаки..., стр. 28—43, табл. 1.

¹⁹ Там же, стр. 53—62.

²⁰ И. И. Толстой. Древнейшие монеты в. к. Киевского, № 82, табл. 3, 4, 5; табл. 6, 9.

В XI в. имело место более или менее определенное сочетание имен языческих и христианских независимо от даты рождения (в дальнейшем оно давалось по ней). Так, например, традиционным является наименование Владимира — Василием, Юрия — Георгием. Имеется христианское имя и для Святополка — Михаил. Михаилом был назван Святополк Изяславич²¹. Вероятнее всего предположить и у Святополка это же имя (а не «Петр»).

В Митьковке, таким образом, были найдены монеты, на которых значились имена «Владимир», «Святополк» и «Петр». Какие князья Владимир, Петр и Святополк чеканили их — зависит от датировки монет.

Археологическая экспедиция, организованная ГИМ в 1956 г., на месте находки собрала мало дополнительных сведений. Все курганы оказались уже разрытыми местными жителями; удалось выяснить только некоторые детали обряда погребения.

Выяснилось, что сребреники и восточные монеты были найдены не только в разных погребениях, но и в разных курганных группах, отстоящих друг от друга на расстоянии не менее 1,5 км.

Все найденные здесь арабские монеты принадлежали династии Саманидов. Из шести целых монет только одна оказалась серебряным дирхемом Абдалмелика (350 г. х. = 961—962 г. н. э.), чеканенным в Шаше (рис. 2, 4). Остальные монеты были медными.

1. Рис. 2, 5. Фелс Нуха I ибн-Насра (331—343 гг. х. = 942—954); чеканен в Насрабаде. Год сбит (может быть, 336 или 340—341 гг. х. = 947/8 или 951—953 гг.).

2—3. Рис. 2, 6, 7. Фелсы Мансура I ибн-Нуха (350—366 г. х. = 961—976 гг.); чеканены в Фергане, в 358 г. х. = 968/969 гг.

4. Рис. 2, 8. Его же. Чеканен в Бухаре, в 36 (?) 5 г. х. = 975/976 гг.

5. Рис. 2, 9. Нуха II ибн-Мансура (366—387 гг. х. = 976—997 гг.); чеканен в Бухаре, в 375 г. х. = 985/986 г.²²

Эти данные говорят о возможности датировки курганов с арабскими монетами последней четвертью X в. Между тем, судя по обряду погребения, они относятся к более позднему времени, чем курганная группа, в которой были найдены сребреники. В этой последней, наряду с труположением, имеются курганы, в которых наблюдается обряд полного трупосожжения. Экспедицией²³ были обнаружены два таких кургана меньшего размера, чем остальные, с мощным зольным слоем. Золы с остатками древесного угля были заполнены рвы курганов. По мнению Б. А. Рыбакова²⁴, X в. был временем угасания этого обряда.

Курганов с полным трупосожжением в курганной группе с арабскими монетами обнаружено не было.

Это указывает на то, что курганы с сребрениками более ранние, чем курганы с восточными монетами, хотя младшая монета среди этих последних имеет дату — 973 г. С другой стороны, курганы с сребрениками не могут быть датированы, по тем же данным, ранее первой половины XI в. Такая датировка противоречит обычным представлениям о взаимодатировке восточных монет с сребрениками, появившимися, как показывают исследования, после прекращения подвоза дирхемов²⁵. Приходится допустить, что восточные монеты были зарыты в курганы значительно позже помеченной на них даты.

Если мы обратимся к составу находки, то найдем объяснение, почему так произошло. Вспомним, среди монет только одна была серебряная, остальные пять — медные. Находка медных монет на территории древней

²¹ ПСРЛ, т. III, СПб., 1843, 2, 1, 120; т. II, СПб., 1843, 288; т. VII, СПб., 1856, 21; II, 4, 289, т. VII, СПб., 1856, 23.

²² Монеты определены научн. сотрудником Отдела нумизматики ГИМ С. А. Яниной.

²³ Работы проводились под руководством автора настоящей статьи.

²⁴ Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы, т. III, Менск, 1932, стр. 83.

²⁵ В. Л. Янин. Ук. соч.

Руси — большая редкость. А. Марковым зарегистрирован только один такой случай — в кладе, найденном в Киеве близ Кирилловского монастыря в 1845 г.²⁶ Он состоял из 200 медных арабских монет различных династий. Любопытно, что составлявшие его монеты имели даты с 765 по 1253/4 г. Такая датировка указывает на то, что монеты были завезены на Русь после того, как прекратился подвоз серебра. Вспомним, что самые поздние дирхемы, найденные на Руси, датируются 1014—1015 гг.²⁷

Несмотря на то, что митьковские фелсы несут на себе даты последней четверти X в., их появление на Руси можно объяснить только теми же причинами, что и появление медных монет Киевского клада. Как мы видели, археологические данные целиком подтверждают такое объяснение.

Отнесение курганов с сребрениками к ранним радимическим указывает на правильность датировок сребреников И. И. Толстым. Между тем состав монет находки не соответствует схеме-классификации этого исследователя.

До настоящего времени мы имели три различные группы сребреников, совместно в находках не встречавшихся. 1-я группа — сребреники и златники Владимира I типа. 2-я группа — монеты Ярослава III и IV типов, так называемые подражания. В 3-ю группу входили все прочие монеты: Владимира II, III, IV типов, Святополка, Ярослава I и II типов²⁸. Первые происходят из Киева²⁹; вторые встречаются в Новгородской области и на Западе³⁰; третьи составляли, как известно, Нежинский клад³¹, в котором не было найдено ни одной монеты первых двух групп, так же как в первых не встречались монеты Нежинского клада.

По обособленности находок, перечекамкам и другим данным, монеты Владимира I типа И. И. Толстой считал наиболее ранними³². По его мнению Святополк чеканил монеты после Владимира Святославича³³.

Этому построению противоречит состав митьковской находки, в которой имеются монеты Владимира как I, так и II типов; отсутствуют совершенно монеты Владимира III и IV типа и, напротив, имеются монеты Святополка и Петра (Ярослав, тип I), т. е. ранее обособленные типы перемешаны, без хронологической последовательности. Сведем для наглядности схемы И. И. Толстого в таблицу и отметим на ней монеты из Митьковки.

988 г.	1000—1015 гг.				1015—1018 гг.		1019—1055 гг.			
Владимир Святославич	Владимир Святославич				Святополк		Ярослав Мудрый			
I тип	II тип	III тип	IV тип	Ранние	Поздние	I тип	II тип	III тип	IV тип	
+	+	—	—	+	—	+	—	—	—	

Как видно из этой схемы, в митьковскую находку вошли ранние и поздние монеты и полностью выпали промежуточные. Кроме монет Владимира III и IV типов, нет среди монет Святополка типов, хотя бы сходных с монетой, связывающей его чекан с чеканом Владимира. Такое несоответствие, конечно, не могло быть случайным: III и IV типы монет Владимира слишком широко распространены, и их отсутствие, когда пред-

²⁶ А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, стр. 13, № 72.

²⁷ В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 70.

²⁸ Там же, стр. 162—171.

²⁹ А. А. Ильин. Топография кладов древнерусских монет X—XI вв. Л., 1924, стр. 12, № 8.

³⁰ Там же, №№ 13, 14, 17, 18 (за № 5 найдена в Киеве, сомнительного происхождения), 25—27, 33—36.

³¹ Там же, № 22.

³² И. И. Толстой. Древнейшие монеты в. к. Киевского, стр. 187—194.

³³ Там же.

ставлены экземпляры большей редкости, заставляет нас осторожнее относиться к схеме И. И. Толстого.

Другое положение наблюдается при сопоставлении состава митьковской находки со схемой-классификацией сребреников А. В. Орешникова.

1054 г.	1054—1078 гг.	1078—1093 гг.	1093—1112 гг.	1113—1125 гг.
Ярослав Мудрый (Ярослав, тип III)	Изяслав, Ярополк (Ярослав, тип I—II)		Святополк Ранние + Поздние — + Владимир Мономах тип II	
—	+	тип I +	тип II +	тип III—IV —

По этой схеме дата митьковских монет ограничена. В рамках этой датировки представлены все чеканившиеся типы монет, без пробелов. Выясняется, почему монеты с надписью «Святополк» встретились с монетами Владимира I и II типов, когда III и IV типы еще отсутствуют; становится ясным также отсутствие поздних монет Святополка. Как они, так и монеты Владимира III и IV типов еще не чеканились. Схема А. В. Орешникова дает митьковской находке четкую дату — рубеж XI—XII вв.

Однако датировка отдельных типов монет по кладам и другим данным не позволяет нам ограничиться приведенными сопоставлениями. Прежде всего, сами Митьковские курганы, как мы отмечали выше, датируются вернее всего временем не позднее первой половины XI в. и никак не началом XII в. Монеты Владимира всех четырех типов встречены в кладах. Подробное выяснение их датировки было убедительно проведено в свое время Н. П. Бауэром³⁴. Сребреники Владимира этими кладами датируются не позднее 30-х годов XI в. Кроме кладов, это же время определяют находки монет Владимира совместно с дирхемом X в., в кургане у с. Липино, Курской области³⁵ с западноевропейской монетой XI в. в Ляплевском могильнике³⁶ и др. Эти данные говорят о принадлежности монет с именем Владимира — Владимиру Святославичу (988—1015 гг.). Из остальных монет датировку имеют только монеты с именем «Димитрий» — Ярослава II типа и монеты Ярослава III—IV типов. Монеты так называемого II типа Ярослава были встречены в кладе у с. Денисы³⁷; Н. П. Бауэр их датирует 1010 г. Монеты Ярослава III и IV типов найдены в кладах, как бы завершающих серию кладов с сребрениками, что должно указывать на позднюю их чеканку по сравнению с предыдущими монетами.

В датированных кладах не встречены сребреники Святополка и Ярослава I типа (с именем «Петр»). Дата их бытования устанавливается только на основании датировки других сребреников так же, как это было при датировке монет митьковской находки.

Перечисленные данные не позволяют нам признать правильность схемы-классификации древнейших русских монет, созданной А. В. Орешниковым; они приближаются к датировке И. И. Толстого. В то же время митьковская находка вступает в противоречие и со схемой И. И. Толстого, разделявшего весь древнерусский чекан между Владимиром Святославичем, Святополком и Ярославом. С одной стороны, этому способствуют монеты, чеканенные от имени других князей; с другой — некоторые типы монет с именем Святополка, оказавшиеся чеканенными до монет Владимира III—IV типов.

Объяснить состав митьковской находки, не выходя из хронологических рамок сребреников, установленных в свое время И. И. Толстым и под-

³⁴ Н. П. Бауэр. Ук. соч., стр. 306—312.

³⁵ Б. Л. Янин. Ук. соч., стр. 168.

³⁶ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве. СА, VI, 1940, стр. 231.

³⁷ А. А. Ильин. Ук. соч., № 20.

твержденных дальнейшими исследованиями, нам представляется возможным только допустив одновременность чеканки монет Владимиром Свято-славичем и его сыновьями. Только при этом положении могли встретиться вместе монеты Святополка, Петра и Владимира I—II типов без III—IV.

Для выяснения вопроса, которого из сыновей Владимира скрывает имя Петр, пока мы не имеем достаточных данных.

В заключение попытаемся уточнить датировки митьковской находки. Для этого проследим по нижеследующей схеме, как укладывается ее материал среди датированных и недатированных древнерусских монет.

Тип монет	Датированные находки		Недатированные находки		
	Клады	Денисы 1010 г. (Б)	Киев	Митьковка	Нежин
Владимир, тип I	Молодинский клад (№ 21)*— 1016—1017 гг. (Т), 1010 г. (Б)**, кур- ганы у села Вотня (№ 15)—976—997 гг.	—	+	+	—
Владимир, тип II	Ленчицкий клад (№ 3)— 1020—1025 гг. (Б., Т.) Шваан-Маклембургский клад (№ 28)—1025 г. (Б) 1030 г. (Т)	+	—	+	+
Владимир, тип III	Поречский клад (№ 16)— 1020 г. (Б)—1025 г. (Т)	+	—	—	+
Владимир, тип IV	—	+	—	—	+
Святополк (ранние)	—	—	—	+	+
Святополк (позд- ные)	—	—	—	—	+
Ярослав („Петр“), тип I	—	—	—	+	+
Ярослав („Дмит- рий“), тип II	—	+	—	—	+
Ярослав, тип III	Клад из Равиче (№ 30)— 1040 г. (Б)	—	—	—	—
Ярослав, тип IV	Клад из Ромсдале (№ 34)— 1025 г. (Б)	—	—	—	—

* Номера в скобках соответствуют номерам, под которыми зарегистрированы клад в сводке А. А. Ильина.

** Буквами обозначены авторы датировок: Б — Бауэр, Т — Толстой.

Сравнительный анализ кладов позволяет выяснить их очередность. Наиболее ранний, как известно, клад Киевский, с монетами Владимира I типа. Наиболее поздним представляется нам Нежинский клад. В последний вошли все типы монет, кроме наиболее ранних, Владимира I типа. К нему примыкает клад из с. Денисы, в котором нет монет Владимира I типа, но присутствуют все остальные.

Митьковская находка, безусловно, более ранняя, чем два вышеназванных клада. Дату клада в с. Денисы Н. П. Бауэр определяет 1010 г.³⁸ Можно считать, что Нежинский клад был зарыт после смерти Владимира, когда еще могли чеканиться поздние монеты Святополка.

В Киевском кладе имеются только монеты Владимира I типа. В. Л. Янин считает правильным отнести их чеканку к годам, непосредственно следующим за введением христианства, а возобновление чекана (типы II—IV) — к началу XI в.³⁹

Так как митьковская находка содержит и монеты Владимира I типа, и первые его монеты, выпущенные после возобновления чекана, то, нам кажется, будет правильным датировать ее первыми годами XI в.

³⁸ Н. П. Бауэр. Ук. соч., стр. 306—307.

³⁹ В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 168—169.

О. Х. ХАЛПАХЧЬЯН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БАНИ АРМЕНИИ

Средневековые бани Армении, как и бани стран Востока, занимали видное место среди современных им гражданских общественных сооружений. Они выделялись спецификой своего назначения, особенностями санитарно-технического оборудования и архитектурного выполнения.

Современное назначение бани не исчерпывает тех функций, которые в прошлом выполняли эти сооружения. В банях часто встречались знакомые, сопровождавшие процесс омовения тела отдыхом и дружеской беседой. Здесь же состязались в показе мастерства игры в нарды или шахматы, заключались торговые сделки¹.

В средние века высокопоставленные феодалы вместе со своими знатными гостями во время отдыха после мытья часто смотрели представления артистов и клоунов. Скелет такого изуродованного с детства клоуна, горбатого, с искаженным, по определению И. Орбели, вечно смеющимся лицом, а также кости петуха, «неразлучного спутника шутов и Востока и Запада», были обнаружены под полом купального зала бани XI—XII вв. в крепости князей Пахлавуни — Амберд².

Баню нередко возводили над горячими, обычно лечебными источниками³. Такова баня Эрзерума (древний Карин), возведенная из тесаного камня одновременно с основанием города в конце IV в. н. э.⁴ Бани Бруссы, воздвигнутые над минеральными источниками, известны главным образом как исцеляющие кожные заболевания⁵, а функционирующие несколько столетий горячие серные бани Тбилиси — как излечивающие от различных простуд.

В летописях, изобилующих сведениями о строительстве различных культовых сооружений, к сожалению, почти ничего не говорится о гражданских постройках, в том числе и о банях. Из всех ранних историков лишь историк V в. Моисей Хоренский упоминает о постройке бани⁶. Аналогичные упоминания имеются и у более поздних историков — Ж. Шардена, И. Шопена, С. Джалаляна, Г. Алишана, из которых лишь последний кратко описывает баню и прилагает эскиз плана⁷.

Многочисленные памятники армянской эпиграфики также почти ничего не сообщают о банях. Исключение составляет надпись церкви Григория

¹ И. А. Орбели. Баня и скоморох XII в. Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, стр. 159.

² И. А. Орбели. Ук. соч., стр. 166—168.

³ В лечебных целях употреблялись также различные мази. При раскопках бани Амберда в комнате истопника обнаружены были три массивные бронзовые ступки, служившие для обработки снадобий, входивших в состав притираний и мазей, употреблявшихся при купании. См. И. А. Орбели. Ук. соч., стр. 164—165.

⁴ Моисей Хоренский. История Армении. М., 1893, стр. 200 (на арм. яз.).

⁵ K. Klinghardt. Türkische Bäder. Stuttgart, 1929, стр. 5.

⁶ Моисей Хоренский. Ук. соч., кн. I, гл. 16; кн. III, гл. 53.

⁷ Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. «Кавказский вестник», Тифлис, 1901, стр. 243—291; И. Шопен. Исторический памятник состояния Армянской области. СПб., 1852, стр. 865—867; С. Джалалян. Путешествие в Великую Армению. Тифлис, 1842, т. 1, стр. 121 (на арм. яз.); Г. Алишан. Ширак. Венеция, 1891, стр. 81 (на арм. яз.), и др.

в Ани о пожертвовании данной церкви ее патроном Тиграном Оненцем своей фамильной бани⁸.

В настоящее время далеко не все древние армянские бани выявлены, и лишь некоторые более или менее подробно изучены. Начало изучению положили раскопки Ани. Вскрытые здесь в последних годах XIX в. и позднее в Звартноце, Амберде, Двине, а также обследованные в Татеве и в некоторых других местах бани были описаны различными авторами⁹. Тем не менее не все известные памятники подробно обмерены и описаны, до сих пор нет обобщающей работы, всесторонне характеризующей архитектуру этих сооружений.

В Армении бани имелись во всех дворцах, крепостях, городах и относительно многолюдных поселениях. Особенно много бань было в городе Ани в эпоху его расцвета (X—XIII вв.). Еще не законченные раскопки открыли здесь, кроме дворцовой, пять других бань, из которых одна находилась за городскими стенами. В Лори-Берде, в пределах крепостных стен было три бани. Французский путешественник Ж. Шарден, посетивший Ереван в 1673 г., видел здесь множество бань. По его описанию, баня устраивалась даже в шатре наместника, выезжавшего в летнее время на эйлаги (горные пастбища)¹⁰.

Бани предназначались для индивидуального и общественного пользования. Первые располагались в резиденциях крупных феодалов (светских и духовных). Предназначенные для ограниченного круга лиц, они имели небольшие по размеру комнаты, составлявшие часть дворцового комплекса. Примером являются бани дворцов Двина (VI—VII вв.), Ани (XI—XII вв.). Баня в замке князей Багратуни в Магасберде (X в.) находилась в нижнем этаже центральной башни, имевшей внутренний световой дворик. Бани общественного пользования помещались в гуще жилой застройки, например бани Ани (городские, XII—XIII вв.), крепости Лори-Берд (XI—XII вв.), или на краю поселений, как в Аракелоце (XII—XIII вв.) и Иджеване (XIII в.). Баня у восточной стены крепости Амберда обслуживала также и население крепости.

Часто бани строились вблизи караван-сараев — мест остановки и торговли проезжих купцов и путешественников. В исключительных случаях бани возводились изолированно, вдали от жилища. К подобным можно отнести баню Татева (XVII—XVIII вв.), помещенную в саду, за крепостной оградой монастыря.

Армянские бани обычно имели одно отделение, которым попеременно пользовались мужчины и женщины. Кроме бань с одним отделением, известны примеры «двойных» бань; например, в банях дворцов Двина и Ани имеются два изолированных отделения — мужское и женское. В бане патриаршего дворца в Звартноце (середина VII в.) меньшее отделение, видимо, предназначалось для привилегированных лиц, а большее — для рядовых служителей.

На территории Армении бани возводились со времен глубокой древности. В легенде о построении города Вана (центр урартского государства с IX в. до н. э.), упоминаемой Моисеем Хоренским, имеется указание о возведении бани: «Посреди города на надлежащих местах строит чудесные бани»¹¹.

Архитектура и техническое устройство бань рабовладельческого периода почти неизвестны. Нет сомнений, что раскопки древних армянских

⁸ К. Костанянц. Летопись на камнях. СПб., 1913, стр. 59 (на арм. яз.).

⁹ Н. Я. Марр. Ани. М.—Л., 1934, стр. 66—71; И. А. Орбели. Ук. соч.; Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946; Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры. Ереван, ч. I, 1942, стр. 375; ч. II, 1948, стр. 92 (на арм. яз.); К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952, стр. 136—138 (на арм. яз.); А. Л. Якобсон. Татевский монастырь. СА, IX, 1947; О. Егязарян. Иджеванский район, Ереван, 1947.

¹⁰ Путешествие кавалера Шардена..., стр. 243, 291.

¹¹ Моисей Хоренский. Ук. соч., кн. I, гл. 16.

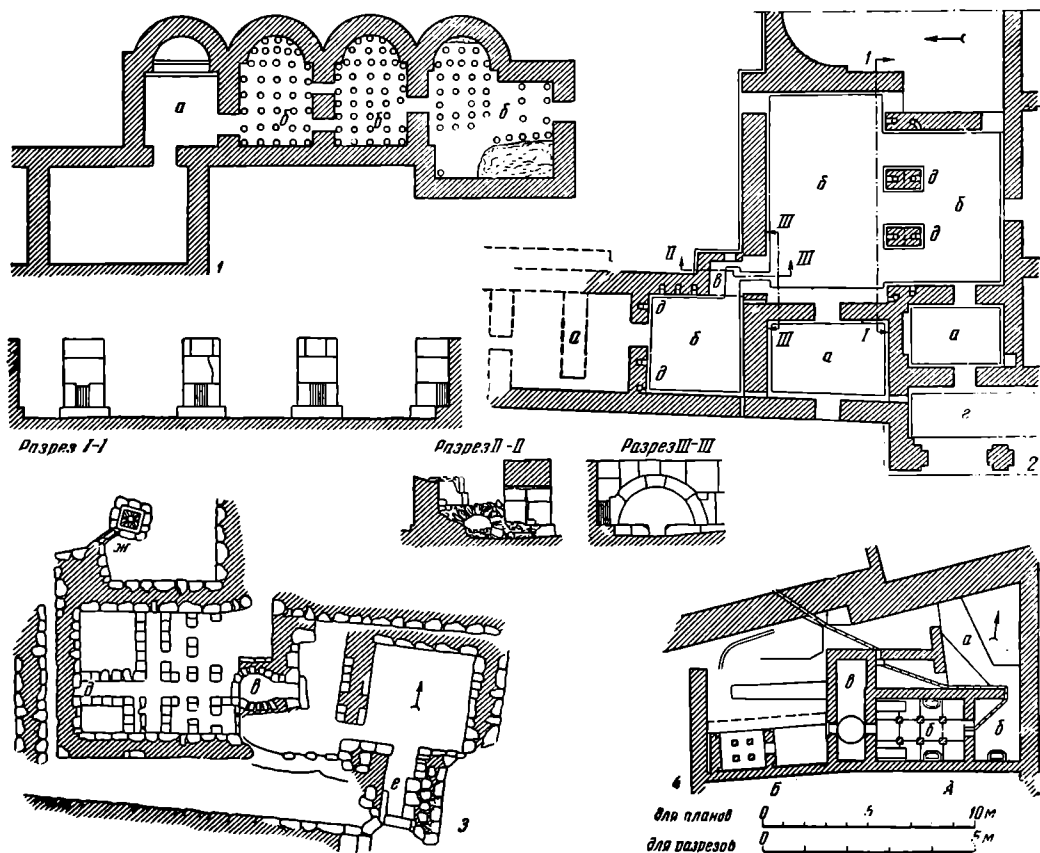

Рис. 1. Бани

1 — крепость Гарни (II в.), план; 2 — патриарший дворец в Звартноце (середина VII в.), план и разрезы I—I, II—II, III—III; 3 — цитадель Двина (VI—VII вв.), план; 4 — дворец Багратидов в цитадели Ани (XI—XII вв.), план. А — мужское отделение; Б — женское отделение; а — раздевальня; б — купальный зал; в — топочное отделение; г — галерея; д — дымоход; е — водохранилище; ж — поглощающий колодец

столиц — Тигранакерта, Арташата, Армавира — восполняют этот пробел. Единственным примером этого периода являются обнаруженные в 1953 г. Б. Аракелянном остатки бани крепости Гарни, находящиеся к северо-западу от языческого храма. Сооруженное из неотесанных камней на известковом растворе здание включало не менее пяти последовательно расположенных прямоугольных помещений, из которых четыре имели на торцах выступающие наружу абсидальные завершения (рис. 1, 1). В некоторых абсидах уровень пола был ниже, здесь, вероятно, находились небольшие бассейны. Полы бани были выложены из двух рядов крупных обожженных кирпичей ($64 \times 66 \times 6$ см и $64 \times 66 \times 4$ см), залитых сверху известковым раствором (толщиной 7 см), с полированной поверхностью. Полы опирались на круглые (диаметр от 19 до 25 см) кирпичные столбики и обогревались снизу горячим воздухом с дымом, поступавшим в подпольное пространство из топки. Стены сохранились местами до высоты 2—2,5 м. Некоторое представление об отделке интерьера дают уцелевшие в отдельных помещениях полы с остатками каменной мозаики. Особый интерес представляет мозаика пола, по-видимому, раздевальни (первого открытого квадратного помещения), датируемая II—III вв. н. э.¹² Мозаика содержит изображения на фоне моря различных морских существ и богов.

¹² Б. Н. Аракелян н. О новооткрытой мозаике в Гарни. ИАНА, 1954, Серия общественных наук, № 7, стр. 111—118; его же. Мозаика из Гарни. ВДИ, 1956, № 1, стр. 143—156.

Бани феодального периода известны в большом количестве, но они обычно плохой сохранности, хотя более поздние бани (XVII—XIX вв.) Еревана и Александрополя функционировали почти вплоть до нашего времени.

Водоснабжение средневековых армянских бань осуществлялось специальными трубопроводами, составленными из гончарных труб диаметром 6—10 см, соединенных раструбами. В Ани, Лори-Берде и других городах такие трубопроводы подавали воду от городских или крепостных водохранилищ. Известны также примеры водоснабжения прямо из каптажного сооружения. По описанию О. Егиазаряна, трубопровод бани Аракелоц соединял ее с источником, находящимся под горой, расположенной севернее поселения¹³. При сооружении бани вблизи источника (баня близ Иджевана на левом берегу р. Агстев) вода бралась непосредственно из этого источника.

Нередко для обеспечения бесперебойного снабжения бани водой сооружалось специальное водохранилище, из которого вода разводилась гончарными трубами по помещениям и поступала в резервуар для подогрева. Такие водохранилища имели бани цитадели Двина и Ани, малая¹⁴ баня Лори-Берда. Баню Амберда обслуживало водохранилище дворца. В редких случаях подача воды производилась открытыми каналами-арыками, как в банях Еревана, возведенных в XVIII—XIX вв.

Котлы для нагревания воды обычно были медными. Они замуровывались в полу камеры, расположенной над топкой (бани цитадели Ани и крепости Амберд). Как установлено И. А. Орбели, в Амберде несколько ранее роль котла выполняла сама камера, стены которой были тщательно покрыты водонепроницаемой штукатуркой, а в пол над топкой заделан металлический лист¹⁵. Подобное устройство имели многие другие бани, как средневековые, так и более поздние, относящиеся к рубежу нашего столетия, например бани Ахалциха, Еревана, Александрополя.

Подача горячей воды в купальный зал производилась гончарными, реже железными трубами, помещаемыми заподлицо в толще стены. В большой бане Лори-Берда гончарные трубы для горячей и холодной воды расположены горизонтально, непосредственно друг над другом. Внутренний диаметр — в среднем 6 см, длина звеньев 42 см. Такое же сечение имели и железные трубы, известные в Армении с VI—VII в. Железные трубы бань Двина и Ани представляют собой отдельные, короткие (длиной около 50 см) звенья, соединявшиеся, как и гончарные, растром. Железные трубы бани Амберда сделаны из скатанных в трубку кованых полос, соединявшихся между собой при помощи железных же муфт. Концы водопроводных труб запирались крапами. Втулки от таких двух бронзовых крапов найдены при раскопках помещения слугителя бани Амберда¹⁶.

В местах, где брали воду, непосредственно под крапами стояли небольшие каменные ванны (чань), в которых охлаждали горячую воду до нужной температуры. Воду из чанов брали ковшиками, медными или деревянными. Величина и форма ванн различная. В бане дворца Багратидов в Ани они имеют форму прямоугольника с двумя срезанными углами; длина — в пределах одного метра. Форма ванны большой бани в Лори-Берде прямоугольная; размеры — внешние — 1,24 × 0,90 × 0,35 м, внутренние — 0,9 × 0,6 × 0,23 м, что составляет емкость 0,13 м³, вполне достаточную для мытья двух-трех человек (рис. 2). Верхняя часть ванны орнаментирована. В одном из углов дна имеется отверстие для спуска воды.

¹³ О. Егиазарян. Ук. соч., стр. 41.

¹⁴ Условно названа нами так же, как и другая «большая» для отличия их друг от друга. Обе бани изучены нами в 1954 г.

¹⁵ И. А. Орбели. Ук. соч., стр. 164.

¹⁶ Там же, стр. 160.

Кроме подачи горячей воды трубопроводами в Армении практиковался и другой прием. Горячую воду черпали специальными ковшами непосредственно из резервуара для подогрева, через окошко в разделительной стене. Трудно сказать, как давно стали практиковать этот менее гигиеничный способ, имевший, так же как и обогрев воды с помощью металлического листа, широкое распространение в соседних странах (Грузии, Азер-

Рис. 2. Большая баня в Лори-Берде (XI—XII вв.). Каменная ванна

байджане, Турции, Иране), в странах Средней Азии и на Крымском полуострове¹⁷. В Армении окошки для черпания горячей воды имелись в банях Амберда, Татева, большой бани Лори-Берда и в большинстве ереванских бань.

Большое внимание уделялось очистке резервуаров для холодной и горячей воды от заиливания. Для очистки верхняя часть имела отверстия, через которые человек мог проникнуть внутрь, а в нижней части — сливные трубы для спуска воды.

Удаление сточных вод происходило по канализационным трубопроводам, составленным из проходящих под полом гончарных труб, достаточных по своему сечению для пропуска расходуемой в бане воды. В банях цитаделей Двина и Ани внутренний диаметр труб равен 15 см. Полы купальных зал делались наклонными, со стоком к сливному отверстию, помещаемому в одном из углов. Место сброса воды зависело от топографии местности. В бане цитадели Ани отводная канализационная труба, проходя под полом малого купального зала, раздевальни, прихожей и прорезая древнюю стену дворца, сбрасывала воду по скату холма. В банях Амберда, Лори-Берда отвод доведен до края обрыва ущелья. В цитадели Двина отработанная вода сливалась в поглощающий колодец, расположенный рядом с баней, а в бане близ Иджевана — в р. Агстев. Кроме канализационных трубопроводов, устраивали также сточные канавы. В Ереване такая канава функционировала до 30-х годов XX в., т. е. времени сооружения городской канализации.

¹⁷ Л. Мусхелишвили. Раскопки в Дманиси. СА, VI, 1940; М. Алиев. Баня Гаджи-хамам. «Памятники архитектуры Азербайджана», М.—Баку, 1946; В. Л. Воронин и А. Об узбекских банях. СЭ, 1951, № 2; А. Л. Якобсон. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. СА, VIII, 1946.

Отапливались бани местным топливом: кизяком, хворостом, соломой, рисовой шелухой, реже дровами. Большая зольность и малая теплоотдача большинства видов топлива требовали устройства большого топочного помещения, фактически занимавшего ту же площадь, что и расположенный над ним резервуар для горячей воды. Устье печи, как правило, располагалось на фасаде здания и оформлялось в виде арочного проема.

Рис. 3. Баня в цитадели Двина (VI—VII вв.), Подпольное пространство купального зала

В большинстве случаев пол топочного помещения занижался в сравнении с общим уровнем пола. В бане дворца Багратидов в Ани топочное помещение, очевидно, располагалось в полуподвале.

Пол и стены купального зала обогрелись горячим воздухом, смешанным с дымом,— способ, известный в Армении со времен рабовладельческого периода (баня крепости Гарни). Через отверстия в боковой стене раскаленные газы поступали из топки в подпол купального зала, а затем через трубы, заложенные в стенках, выходили наружу, обогревая таким образом и пол, и стены.

Для образования подпола пол купального зала выкладывался из каменных плит, опиравшихся на выступы стен и столбики, число которых определялось размерами плит и величиной помещения. Сечение столбиков зависело от их высоты и качества материала, из которого они изготовлялись. В бане цитадели Двина выложенные из жженого кирпича столбики имели сечение $22 \times 22 \times 5$ см (рис. 3), а в бане дворца Багратидов в Ани каменные столбики при том же сечении имели метровую высоту.

Расположение и число дымоходов различно; обычно — два-три, максимальное количество — 14 — зафиксировано в бане дворца католикоса в Звартноце. Дымоходы составлялись из гончарных труб диаметром 10—14 см, соединявшихся друг с другом раструбами. В бане Двина дымоход выложен из лекального кирпича; в банях Лори-Берда — из грубо отесанного мелкого камня.

Для предохранения подпола от проникновения воды из моечного помещения пол и стены последнего оштукатуривались водонепроницаемым раствором. В него входили гаж, известь и различные гидравлические добавки, включающие также туфовый песок. Для большей водонепроницае-

мости штукатурку полировали до блеска. Штукатуркой аналогичного состава покрывали также стены и дно резервуаров для холодной и горячей воды.

Очистка дымоходов и подпольных пространств от сажи производилась регулярно. Дымоходы обычно очищались снизу, у начала, где находились смотровые окошки, из которых выбиралась сажа. В бане Звартноца такие прямоугольные окошки, закрывавшиеся съемными камнями, имеют значительные размеры (в среднем 32×55 см, рис. 4). Сложнее обстояло дело

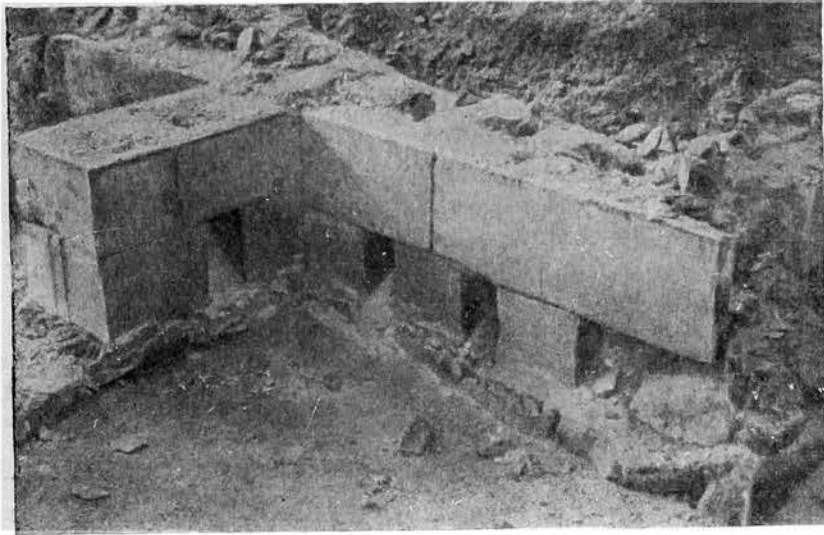

Рис. 4. Баня патриаршего дворца в Звартноце (середина VII в.). Дымоходы в стенах малого купального зала

с очисткой подполья. Из-за его малой высоты для очистки от накопившейся сажи приходилось местами приподнимать плиты полов. Поэтому в некоторых банях высота подполья была рассчитана на непосредственную чистку его человеком. Примером может служить баня дворца Багратидов в Ани, где подполье купального зала для мужчин имело высоту более 1 м.

Помещения освещались отверстиями в сводах и куполах. В небольших помещениях (Амберд, купальный зал Татева) предусматривалось по одному световому проему; в больших — несколько. В купальном зале большой бани Лори-Берда в одном куполе было три, в другом — семь, а в третьем девять световых проемов. Проемы имели круглую или звездчатую шести- и восьмигранную форму. Чем заполнялись и как предохранялись от проникновения атмосферных осадков световые проемы в средние века — неизвестно. В банях XVIII—XIX вв. они были закрыты двойными стеклами. В редких случаях окна помещались в стенах, как, например, в раздевальне бани Татева, освещаемой маленьким щелевидным окном, расположенным на продольном фасаде.

Вентиляция, очевидно, осуществлялась через те же световые проемы. Кроме них, иногда делались и вентиляционные каналы, служившие отдушниками, регулирующими паронасыщенность и температуру помещения. Три таких канала имеется в купальном зале бани Татева. Вентиляционные каналы начинаются на отметке пяты сводчатого покрытия и поднимаются несколько наклонно вверх, на крышу. Выполнены они из гончарных труб диаметром 6 см.

Основным материалом при строительстве бань служили базальт (бани Амберда, Лори-Берда), туф (бани Звартноца, Ани), песчаник (бани Аракелоца, близ Иджевана). В большинстве случаев камень добывался по-

близости. Камни употреблялись в виде хорошо отесанных квадров. Величина варьировалась в пределах 40—60 см по ширине и высоте. Встречаются, впрочем, камни и меньших и значительно больших размеров, как, например, в бане дворца Звартноц, стены которой выполнены из довольно крупных квадров красного туфа, размером до $1,40 \times 1,65 \times 0,50$ м. Грубая отеска или околка камня применялась реже. Сравнительно редок был и красный обожженный кирпич. Его обычные размеры — $22 \times 22 \times 5$ см (бани Двина, Еревана).

Кладка из чисто отесанного камня велась рядами относительно равной высоты (бани Звартноца, Ани, Амберда, Александраполя). Лицевые поверхности составлялись из каменных блоков, тщательно пригнанных друг к другу всухую. Промежуток между установленными лицевыми камнями заполняла забутовка, составленная из извести, песка и каменного боя, получаемого при отеске камня. Кладка стен из грубо околотого камня (бани Лори-Берда, Татева), иногда в сочетании с кирпичом (бани Аракелоца, близ Иджевана), велась на известковом растворе.

Толщина наружных стен достигала 1 м, внутренних, как правило, несколько меньше. Такая толщина была вполне достаточна как для прочности сооружения, так и для длительного сохранения тепла в помещениях. Со временем под действием повышенной, насыщенной паром температуры помещения известковый раствор приобретал особую прочность, которая превращала каменную кладку в монолитную массу. Примером может служить одна из бань города Александраполя, во время разборки которой в 1950 г., по свидетельству архитектора Р. Каспарова, легче было разрушить камни кладки, чем отделить их от раствора.

Проемы в стенах и углы стен из грубо околотого камня укреплялись более или менее крупными тесаными камнями. Перемычки — плоские (из цельных камней) или арочные.

Сводчатые покрытия выполнены с особой тщательностью. Своды имеют чаще всего полуциркульное (бани дворца Багратидов в Ани, Лори-Берда, Татева), реже стрельчатое (городская баня Ани) очертания. Практиковались своды и иной формы, как, например, сомкнутый шестигранный свод купального зала бани близ Иджевана. Кладка сводов из чисто отесанных камней велась насухо по кружалам, параллельными рядами. Своды из грубо околотого камня (бани Лори-Берда, Татева) и из кирпича (баня близ Иджевана) выкладывались на известковом растворе. Толщина сводов небольшая 15—25 см.

Купола также очерчивались по циркульной кривой (бани Амберда, Лори-Берда). Для сохранения небольшой высоты помещения, купола возводились без барабанов и имели иногда приплюснутую форму, известную на примере куполов бани на 16-й улице в Александраполе. Переход от квадрата подкупольного плана к куполу осуществлялся коническими или сферическими парусами. Конические паруса — тромпы бани Амберда выполнены из цельных камней. Сферические паруса большой бани Лори-Берда выложены, как и купола, из грубо околотого камня на известковом растворе.

Особое внимание уделялось конструкции топочного помещения, подверженного разрушительному действию огня. Стены и сводчатое перекрытие выкладывались из более огнеупорного камня, обычно базальта, и независимо от стен здания, что позволяло в случае необходимости быстро производить ремонт (рис. 5).

Планировка армянских бань, по имеющимся данным, оставалась устойчивой на протяжении не менее полутора тысяч лет. Обязательными помещениями были раздевальня, купальный зал, топочное отделение, непосредственно над которым помещался резервуар для горячей воды. Существовали и второстепенные — дополнительный купальный зал, передняя, комната истопника и др.

Основные помещения обязательно располагались в определенном по-

рядке: раздевальня, купальный зал, топка с котлом горячей воды. Второстепенные помещения располагались в соответствующей их назначению зависимости от основных.

Изученные бани можно разделить на следующие группы: встроенные и отдельно стоящие (простые и сложные).

Встроенные бани существовали во дворцах цитаделей Двина и Ани, Звартноца, замка крепости Магасберда. Они были рассчитаны исключи-

Рис. 5. Баня патриаршего дворца в Звартноце. Деталь топочной камеры

тельно на обслуживание обитателей замка, в основном феодала и его приближенных. Поскольку количество посетителей было невелико, бани работали не ежедневно, а в определенные дни недели. Особенностью встроенных бань является наличие двух независимых отделений, что давало возможность одновременно пользоваться банями людям различного пола или сословия, и позволяло экономить дефицитное в Армении топливо.

В комплексе дворца бани располагались обычно рядом с жилыми комнатами. Баня патриаршего дворца в Звартноце, занимавшая его восточную часть, расположена позади жилых помещений, с которыми она сообщалась открытой арочной галереей (рис. 1, 2). Во дворце Багратидов в цитадели Ани связь бани с жилыми комнатами осуществлялась через внутренний коридор (рис. 1, 4).

Конфигурация плана встроенных бань, как правило, асимметрична и зависит от формы и расположения примыкающих помещений. Характерным примером могут служить бани патриаршего дворца в Звартноце и дворца Багратидов в цитадели Ани. В центре помещается топочная камера, по сторонам которой расположены купальные залы со своими раздевальнями; вокруг них сгруппированы вспомогательные помещения. Планы помещений выдерживались в четких геометрических формах, в большинстве прямоугольной конфигурации, наиболее приемлемой и выгодной для выполнения сводчатых перекрытий. В редких случаях принималась иная, например косоугольная конфигурация, осуществленная в раздевальне мужского отделения бани дворца Багратидов в Ани. Соотношение площадей купального зала и раздевальни непостоянно. Так, например, в мужском отделении бани дворца Багратидов и в отделении малого купального зала бани патриаршего дворца в Звартноце размеры площадей купальных зал и их раздевален почти равны, тогда как площадь

большого купального зала бани в Звартноце в 2,5 раза больше, чем площадь его раздевален. Такая разница объясняется тем, что в первых двух случаях купальные залы предназначались для высокопоставленных особ, для чего при залах предусмотрены были просторные раздевални, без сомнения комфортабельно оборудованные для отдыха после купания. В третьем случае купальный зал обслуживал рядовых служащих, отчего раздевални, не рассчитанные на длительное пребывание, имеют минимальные размеры.

Характерной особенностью большого купального зала патриаршего дворца в Звартноце является разбивка его на две части, объединенные тремя проемами; раздевалня также состоит из двух несвязанных комнат. Отсутствие дымоходов в стенах западной половины купального зала и вертикальный шов в пилонах его интерьера дают основание предполагать, что эта часть была переоборудована под баню в последующее время.

К сожалению, большие разрушения наиболее ранней из известных бань феодального периода, бани дворца цитадели Двина, дают возможность представить только примерный план бани, т. е. местоположение топки, двух отделений, водохранилища и поглощающего колодца (рис. 1, 3).

Отдельно стоящие бани разделяются на простые и сложные. Простые бани, располагавшиеся, как правило, в малонаселенных местах, известны на примерах бань крепости Амберд, поселений Аракепец и Иджеван, монастыря Татев, Гюнейванка (рис. 6, 1—4). Они состоят из раздевални, купального зала и топочного отделения. Размеры первых двух помещений (в среднем 10—15 м²), были достаточны для обслуживания небольшого количества посетителей.

Простые бани имеют предельно четкую композицию. Помещения расположены последовательно друг за другом. Их очертания обычно прямоугольные, реже — квадратные. Перекрытие в виде цилиндрического свода или купола, как в бане крепости Амберда (наиболее древнем из известных нам примеров данного типа). Исключение составляет баня Иджевана, в настоящее время разрушенная разливом реки (рис. 6, 4). Ее купальный зал отличается редкой для подобных помещений шестиугольной формой, осложненной тремя прямоугольными, одной полуциркулярной и одной шестигранной нишами; покрытие представляло собой сомкнутый шестигранный свод со световым отверстием в вершине. Топочное отделение бани Иджевана также имело редкую для подобных помещений круглую форму. Своеобразная форма этой бани была обусловлена изгибом берега реки и наличием ранее построенных сооружений.

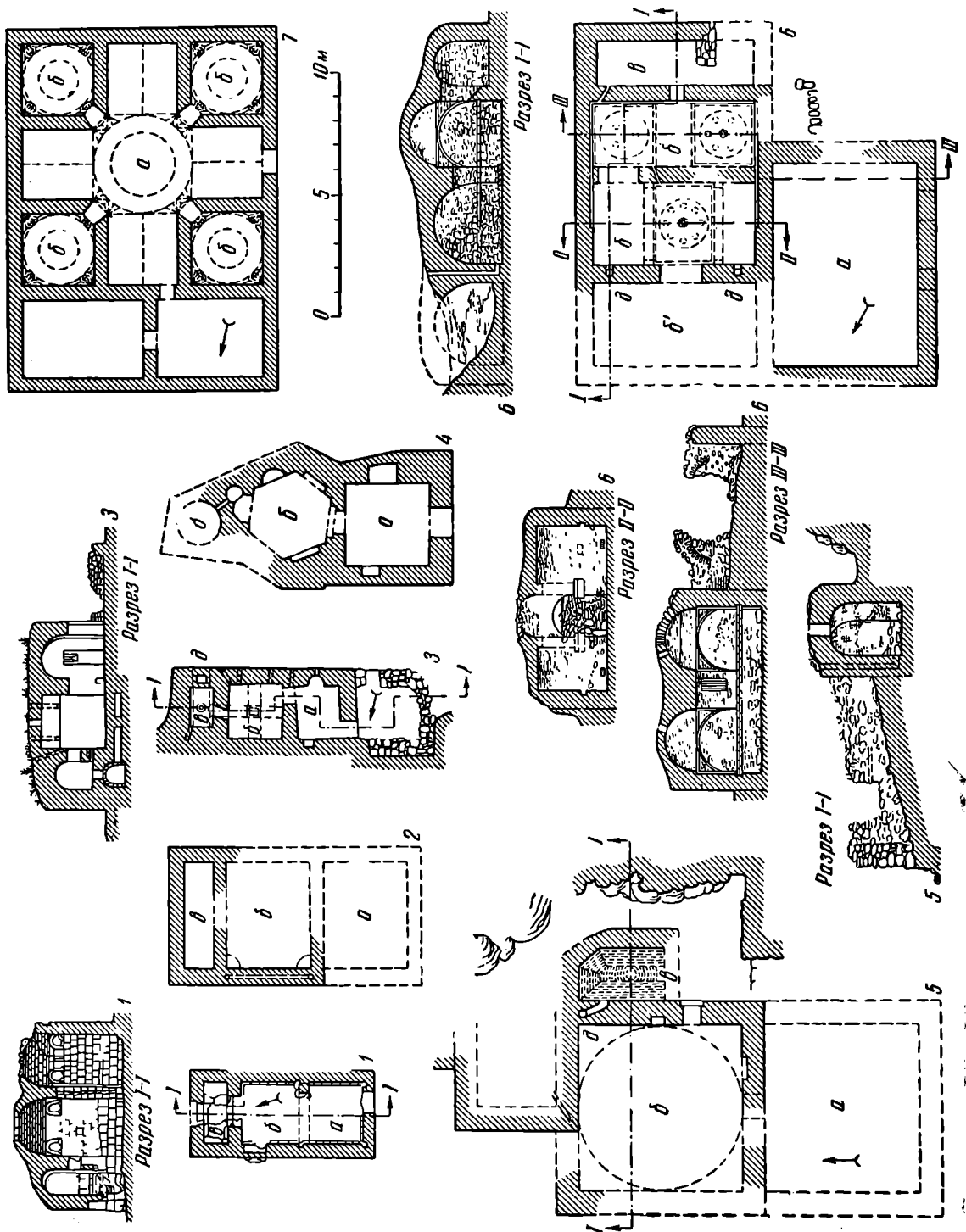
Основные помещения — купальный зал и раздевалня, как правило, равновелики по площади, что также свидетельствует о непродолжительном пребывании посетителей. В стенах основных помещений устраивались небольшие ниши (во встроенных банях их не обнаружено). В купальном зале бани Амберда в такой нише помещался каменный чан для разведения горячей воды до нужной температуры, а в раздевалнях бань Иджевана и Татева подобные ниши предназначались для светильников и, возможно, мелкого ходового инвентаря (ковшики для черпания воды, деревянная банная обувь и т. п.).

В бане Амберда с северной стороны имелась двухэтажная деревянная пристройка. Ее верх предназначался для служащих бани; низ являлся рабочим местом истопника, где хранился также небольшой запас топлива. Возможно, подобные пристройки имели и другие бани простого типа.

К типу простых бань можно отнести малую баню Лори-Берда, помещенную на крутом скате юго-западного края городища, возле устья р. Мисхана (рис. 6, 5). Судя по сохранившимся частям и прослежи-

Рис. 6. Бани

1 — Амберд (XI—XII вв.), план, разрез I—I; 2 — Аракелотц (XII—XIII вв.), план; 3 — Татев (XVII—XVIII вв.) план, разрез I—I; 4 — Иджеван (XIII в.), план; 5 — Лори-Берд, малая баня (XI—XII вв.), план, разрез I—I; 6 — Лори-Берд, большая баня (XI—XII вв.), план, разрез I—I; 7 — баня «рода Онеца» в Ани (XII—XIII вв.), план. а — раздевальня; б — купальный зал; в — топочное отделение; д — дымоходы

ваемым на поверхности земли очертаниям стен, баня состояла из раздевальни, купального зала и топочного отделения. Купальный зал, почти квадратный в плане, покрывался куполом. На южной и восточной стенах сохранились небольшие ниши и двери, из которых восточная — более позднего происхождения. Топочное отделение небольшое, перекрыто зеркальным сводом, имеет неправильную форму из-за подходящего вплотную массива скалы. Особенностью плана является расположение топочного отделения поперек оси раздевальни — купальный зал. Продолжение этой оси занимало, видимо, водохранилище, поскольку здесь примерно по середине стены обнаружен нами гончарный трубопровод, перерезающий стену под углом в 45° .

Особенности плана простых бань отмечены в сооружениях некоторых сопредельных стран, в частности Грузии и Азербайджана, а также Крымского полуострова. Бани, обнаруженные раскопками в крепости средневекового города Дманиси (Грузия) и в Херсонесе (Крым), полностью повторяют тип Амбердской бани¹⁸.

Некоторое отличие представляют бани Нардарана и Кюраханы (Азербайджан), которые характерны вытянутой формой помещений, расположенных на одной оси и примыкающих друг к другу длинными сторонами¹⁹.

Сложные бани, сохранившиеся в большем количестве, чем простые, строились в крупных поселениях — городах Лори-Берде, Ани, Александрополе, Ереване и др. Появление этих бань было обусловлено ростом городского населения. Бани работали ежедневно. Рассчитанные на обслуживание значительного количества посетителей, бани состояли из комплекса больших и малых по площади помещений. В отличие от простых бань, сложные бани не имели строго установленной композиционной схемы плана.

Примером сравнительно несложной по плану бани может служить большая баня, расположенная в центре городища Лори-Берда. Она состояла из раздевальни, комнаты отдыха, купального зала и топочного отделения (рис. 6, б). Купальный зал разделялся внутренней стеной на две части, перекрытые цилиндрическими сводами и куполами. Разделительная стена не только облегчала конструкцию перекрытия, но и поддерживала различную температуру в отдельных частях зала. В топочном отделении помещались резервуары для холодной и горячей воды. Судя по сохранившейся гончарной трубе, пересекающей толщу внутренней стены несколько под углом, резервуар для холодной воды помещался в глубине топочного помещения, что имело место и в бане дворца Багратидов в Ани. Резервуар для горячей воды находился над топкой, примерно в том месте, где имеется прямоугольный проем во внутренней стене, прорубленной позднее, очевидно, в связи с переоборудованием бани. Через этот проем черпали воду, для удобства чего нижняя часть проема ввиду большой толщины стены имеет понижение в сторону топки.

В отличие от простых бань, большая баня Лори-Берда имеет изломанную (в форме буквы «Г») конфигурацию плана, так как раздевальня расположена сбоку от главной осевой линии. Общая площадь раздевальни и комнаты отдыха, помещений, рассчитанных на длительное пребывание посетителей, в полтора раза превышает площадь купального зала, что не имело места в ранее рассмотренных банях.

Совершенно иное композиционное решение имеет городская баня Ани (конец XII — начало XIII вв.), известная под названием «бани рода Оненца», находящаяся вблизи крепостной стены у края ущелья

¹⁸ Л. Мусхелишвили. Ук. соч., стр. 270—276; А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 273.

¹⁹ М. А. Усейнов. Памятники азербайджанского зодчества. М., 1951, стр. 89—90.

р. Ахурьян²⁰. Характерной особенностью ее является крестообразная конфигурация плана раздевальни, в результате чего большой по площади купальный зал оказался раздробленным на несколько мелких изолированных помещений (рис. 6, 7). Вход с запада вел в раздевальню, перекрытую в центре куполом, а в ответвлениях — цилиндрическими сводами. Между ветвями креста находились небольшие квадратные купальные залы, возможно, с различной температурой, перекрытые куполами на парусах, украшенных сталактитами. С севера примыкали два про-

Рис. 7. Баня в Амберде. Общий вид с северо-запада

сторных помещения (очевидно, подсобного назначения), в которых, возможно, находились топка с котлом горячей воды и хранилище холодной воды. Тип бани рода Оненца, осуществленный также в бане Ахалциха, характерен для бань сопредельных стран (Азербайджана, Ирана, Турции), стран Средней Азии и Болгар на Волге²¹.

Городские бани Еревана и Александрополя, возведенные в более поздние времена, составляют отдельные группы сложных бань, имеющие свои индивидуальные особенности, но связанные, однако, по своей композиции с банями периода X—XIII вв.

Архитектурные особенности армянских бань на протяжении всей истории их строительства были тесно связаны с требованиями наиболее экономного как строительного, так и эксплуатационного решения этих сооружений. В особенности большое внимание уделялось вопросу экономного расходования топлива, весьма дефицитного в условиях Армении. Должное внимание уделялось концентрации помещений с высокой температурой вокруг топочной камеры с резервуаром горячей воды, что в особенности выдерживалось в «двойных» банях. Высота помещений «для тепла» в маленьких банях не превышала 2,5—3,5 м до шельги купола, в больших несколько увеличивалась. Дверные проемы редко нанизывались на одну ось, что препятствовало прямому доступу

²⁰ И. А. Орбели. Путеводитель по городищу Ани. СПб., 1910, стр. 44.

²¹ М. А. Усейнов. Ук. соч., стр. 90—91; В. Л. Воронина. Ук. соч.; А. П. Смирнов. Баня XIV в. в Великих Болгарах. ҚСЙИМҚ, вып. VI, 1940; О. С. Хованская. Бани города Болгары, МИА, № 42, 1954.

Рис. 8. Интерьер купального зала большой бани Лори-Берда. Реконструкция автора

холодного воздуха в удаленные от входа помещения с повышенной температурой. Подобные мероприятия в совокупности с толстыми стенами и подпольной отопительной системой, частично обогревавшей и стены, содействовали сохранению тепла в здании в течение продолжительного времени. В связи с этим отпадала необходимость заглубления армянских бань в землю, как это практиковалось в других странах, особенно мусульманских. Исключение составляют бани Еревана периода XVIII—XIX вв., в планировке и строительстве которых нашли отражение некоторые иранские традиции.

Простые и сложные бани своим внешним обликом отличались от других современных им гражданских общественных сооружений. Стены из чисто отесанного или грубо околотого камня завершались по верху небольшим карнизом-полочкой (рис. 7). Окон в стенах, как правило, не было. Дверные проемы обрамлялись крупными камнями и перекрывались арочкой с углубленным в толщу стены тимпаном из цельного

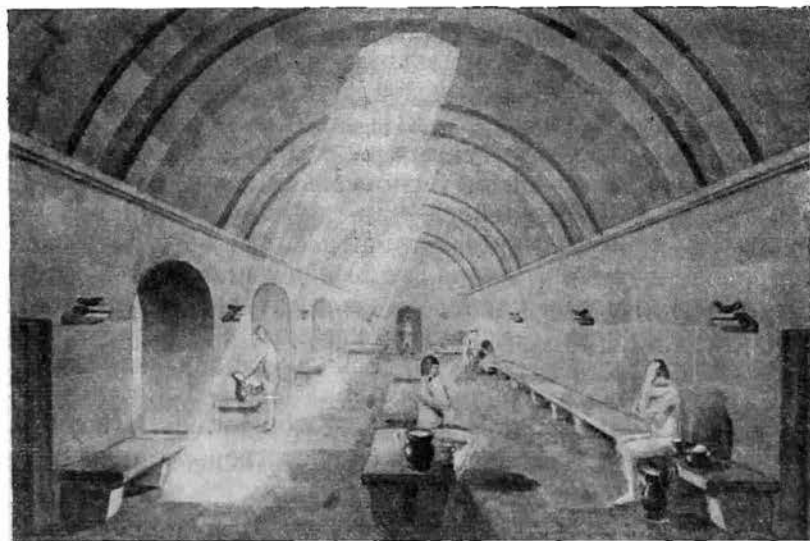

Рис. 9. Интерьер большого купального зала бани патриаршего дворца в Звартноце. Реконструкция автора.

камня. В XVIII—XIX вв. входы в банях Еревана решались в виде выдвинутого вперед портала с глубокой арочной нишей, оживлявшей внешний облик здания игрой света и тени. Здания покрывались сводами и куполами, которые придавали баням своеобразный облик.

Архитектурное убранство интерьеров зависело от назначения бань. Наиболее выразительными были основные помещения — раздевальня и купальный зал. Своему воздействию на зрителя они обязаны не декорировкой, а гармоничной согласованностью объемных масс интерьера с конструктивными формами. Квадратные помещения перекрывались куполами, основанными на конических (Амберд) или сферических (большая баня Лори-Берда) парусах. Прямоугольные помещения имели цилиндрические своды или при более крупных размерах сочетание свода и купола. По форме покрытия интересно перекрытие купального зала большой бани Лори-Берда, восточная половина которого перекрыта двумя куполами с цилиндрическим сводом посередине, а западная — одним куполом с двумя цилиндрическими сводами по сторонам (рис. 8). Интересную форму покрытия имел большой купальный зал бани патриаршего дворца в Звартноце. Судя по нашей реконструкции, выполненной на основании сохранившихся частей и по аналогии с распространенной формой подобных покрытий этого времени, зал имел сводчатое покрытие, поддерживавшееся спаренными подпружными арками, опиравшимися на карниз небольшого выноса. Равномерно освещающие помещение световые проемы располагались в шельге свода (рис. 9).

В интерьерах купальных зал обогашение убранства достигалось также полировкой и окрашиванием штукатурки в различные тона. В купальном зале дворца Багратидов в Ани штукатурка была окрашена в красный цвет, а в купальном зале бани Амберда по фону белой штукатурки была нанесена красной краской прямоугольная сетка, придавшая интерьеру живописное оформление.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ
НОВЫЕ НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ

Берестяные грамоты, найденные в Новгороде в 1951—1955 гг. (№ 1—194), полностью изданы в 1953—1958 гг.¹ Они при этом воспроизведены в фототипиях (без какой бы то ни было ретуши), а также в прорисях, снабжены комментариями, палеографическими и историческими.

В 1956 г. при раскопках Новгородской экспедиции были найдены грамоты № 195—249. Осенью того же года С. Н. Орлов, наблюдая за строительными работами, нашел грамоту № 250. В 1957 г. при раскопках Новгородской экспедиции найдены грамоты № 251—318. Избранные грамоты 1956 и 1957 гг. изданы мною в прорисях и с историческими комментариями². Ю. С. Елисеев издал с моего разрешения грамоту № 292, написанную на нерусском языке русскими буквами; он определил язык (карельский) и дал полный перевод³.

В 1958 г. найдены при раскопках экспедиции грамоты № 319—354. Осенью того же года М. Х. Алешковский нашел при раскопках грамоты № 355 и 356. Весной 1959 г. С. Н. Орлов нашел грамоту № 357. При раскопках экспедиции в 1959 г. найдены грамоты № 358—374. Осенью 1959 г. С. Н. Орлов нашел грамоту № 375.

Кроме берестяных грамот, в 1957 г. была найдена единственная в своем роде свинцовая грамота. Она, конечно, не была включена в нумерацию бересты. В настоящей статье она издается.

Все прориси новгородских грамот за девять лет (1951—1959 гг.) изготовил М. Н. Кислов.

Эта статья посвящена в основном публикации избранных грамот 1958 и 1959 гг. Но, помимо того, здесь публикуются некоторые грамоты 1956 и 1957 гг., из числа не попавших в первую публикацию.

В транскрипции здесь производится замена букв, отсутствующих в современном алфавите. При полной публикации я этого никогда не делаю, но при предварительной публикации это допустимо и позволяет издать большее количество грамот. Прориси прилагаются, и там можно прочесть подлинные буквы. Титла по тем же причинам раскрыты, а фразы разделены на слова. Палеографии за недостатком места не касаюсь, но палеографические даты, как всегда, совпадали со стратиграфическими, что подробно показано при полных изданиях грамот 1951—1955 гг.

Грамота № 235 найдена в 19 ярусе, в слое начала XII в. Это начало письма. Текст: «Отъ Судише къ Нажиру. Се Жядъке, пославъ ябетника дова, и пограбила мя въ братни долгъ. А я...о...о цене Жядку. А възборони ему отине п... е на мя опас...еду в...».

¹ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953 и 1954 гг.). М., 1958; и х же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.

² А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА, 1957, № 3; е го же. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2.

³ Ю. С. Елисеев. Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков. ИАН СССР, отделение литературы и языка, т. XVIII, вып. 1, 1959.

+0ТЪ СХА НШЕ:КЗНД)КНУХ:СЖАА ЗКЕП О... АВЗ:АБЕ
 ТНН КАА... ВАНПУГ... БННДМР:ВЗБ)АТНННД)АГБ
 АА... НЕНТ:К... АА... В... Б... Д... О... Н... Н... Е... Н... А... Ш...
 ОТННТП
 СДХВ

Рис. 1. Грамота № 235

ОУПТННД СНД ОУЭТД ЛБ НОУ ПУНННТБ Т АЕТНРЕГО.ЛА
 МДАДЭ РУБЛБМНКУА ННБ УЛБКУБ.СТЕ... НАСАД
 КОНЕВД)ХД БД ДХД ОУК АБН АНО СД ОУБНН...
 ВУРЕВ Д СНАННД БД КД ГД ЛУ.Д ОУЗ АЛБ ТОБ Д Р Д.Н Д.И
 КН АЕ ВБ СНО ННОБЗБ ЛОПНБ.ЛО НБ.ОУГЮ ВН РЕВ Д СНА ОУТ ОГОЖБ
 Ж АББ АНО СД ПРН РЕХ Д ДШБ СЕБН Л Д КШ Д НБ НУЛБ К Д БЗ АЛБ.
 ТОБ Д А ДН ДЕ. РУБЛЕ Б Д А Л О Т К У.Н Д Т Д И Х Ж Б.К О Н Е В Д И Х Д. В О Д Д А
 Х Д ОУ П У Н Д У А ОУБ Д А Р М Н Н Д. С Н Д В З А Л Б И Л Е Н Д О У Д А Д Б Д.

Рис. 2. Грамота № 249

Судиша — уменьшительное имя. В Новгородской летописи встречены имена Судила и Судимир, а также княжеское имя Судислав. Имя Нажир встречено в Ипатьевской летописи и в Русской Правде. Имя Жадок («Жядъке») для древней Руси ново.

Слово «ябетник» встречено в Русской Правде, но контекст там не позволяет истолковать термин. Ябетники просто названы между купчинами и мечниками при перечислении разных званий. Восходит этот текст к XI в. (Краткая Правда, статья 1). В I Новгородской летописи под 1218 г. упомянут «Моисеица бириць ябетничъ» (ПСРЛ, III, 36), т. е. бирюч ябетника Моисеича. В 1475 г., по словам Симеоновской летописи, Иван III «всех людей обидных судил с бояры и с ябедники» (ПСРЛ, XVIII, 251). Судебные служащие никогда не были популярны, поэтому современное значение слова «ябедник» возникло закономерно. Грамота теперь подтверждает судебно-исполнительские функции ябетников в XII в.

Жадок послал двух ябетников. «Дова» — два. «Пограбила» — двойственное число. Ябетники пограбили автора письма «въ братни долгъ», т. е. конфисковали часть его имущества в уплату долга его брата. «Възборони» — возборони, запрети. «Отине» — отцовское.

Грамота № 249 найдена в 5 или 6 ярусе, в слое первой половины XV в. или рубежа XIV—XV вв. Это отрывок большого официального письма. Текст: «У Питина сына, у Игале и у Миките третьего л...на 14 рубле Миккулинь человекъ Стеньна...Коневыхъ Водахъ у Жябия Носа уби...нась...вуева сына и Кавкагалу. А узяле товара на 10 рублевъ. Киреевъ сыно ино взе лопинь. Лоне у Гювиева сына у того жь Жябея Носа приехавше Севилакшане 8 человекъ взяле товара на 5 рублевъ и лотку. На тых жь Коневахъ Водахъ у Мундуя у Вармина сына взяле 10 лендомъ рыбъ...».

Рассматриваемая грамота найдена вместе с грамотой № 248 (изданной ранее), что надо отметить, поскольку по содержанию они однородны: это жалобы карел Новгороду на грабежи, производимые пришельцами из Шведской Финляндии.

Название Коневы Воды истолковал А. И. Попов, к которому я обратился за консультацией. Он ответил мне: «Коневы Воды — новгородская передача названия одного из плес озера Сайма в Финляндии; по-фински это плесо зовется Ori-vesi, что буквально соответствует указанному новгородскому переводу. По-фински oги значит конь, vesi — вода. Гювиев, несомненно, карел (карело-финское huvä — добрый, хороший), равно как и Мундуй Вармин (vagta — верный, надежный). Коневы Воды, по писцовым книгам, находились в Ильинском Иломанском погосте».

Носами назывались мысы, морские и озерные. Озерный мыс мог быть назван Жабьим Носом по сходству с жабой или по обилию жаб. Севилакшане приходили на озеро из ближайших земель. Текст Ореховского мира 1323 г. упоминает «Севилакшю». И. П. Шаскольский объясняет это название: «Саволак — земли между озером Сайма и Финским заливом»⁴. Земли принадлежали Швеции. Слово «лендома» непонятно. «Лоне» — в прошлом году.

«Лопинь» — лопарь, т. е. саами. Лопари жили, конечно, в основном севернее, но в средние века отдельные их поселения далеко заходили на юг, как в Финляндии, так и в России, доходя до областей, с которыми связана грамота⁵.

Грамота № 276 найдена в 8 ярусе, в слое середины XIV в. Это начало письма: «Поклоно от Одрея ко Василию и ко Сидру. Была жалоба передо вами и попъеми...». Над первой строкой после имени автора мелкими буквами вписано: «со братию». В письме оставлены необычно большие поля.

«Поклоно» — поклон. «Передо» — перед. В именах Андрея и Сидора пропущено по одной букве. «Попъеми» — творительный падеж множе-

⁴ И. П. Шаскольский. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950, стр. 16 и 19.

⁵ Н. Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890, стр. 17—20.

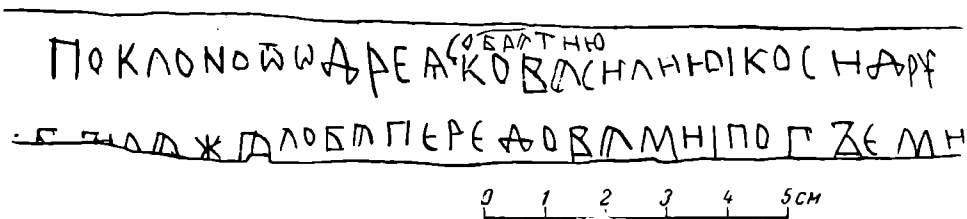

Рис. 3. Грамота № 276

ственного числа от слова «поп». В духовной грамоте Ивана Калиты (около 1339 г.) сказано: «а что моих поясов серебряных, а то роздать по попяам»⁶.

Василий и Сидор, вероятно, уличанские должностные лица. Жалоба была принесена перед ними и попами. Слово «поп» применялось к белому духовенству, приходскому. Священник был у себя в приходе небольшой властью, связанной в Новгороде, конечно, с уличными выборными властями. Городская церковь во все времена на Руси имела, как правило, не одного попа, а двух, если не больше.

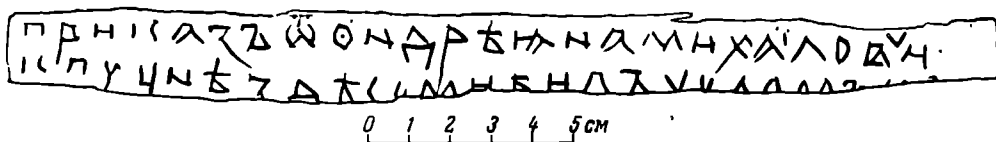

Рис 4. Грамота № 303

Грамота № 303 найдена в 3 или 4 ярусе, в слое конца или середины XV в. Это начало документа. Текст: «Приказъ от Ондреяна Михайловичи к Пуцне. Здесе ми билъ челомъ...». Уже изданы грамоты № 93, 134, 144 и 259, тоже начинающиеся словом «приказъ». Этот новый для науки тип древнерусского документа стал известен благодаря бересте. Об авторе данного приказа Ондреяне Михайловиче речь будет ниже. Пуцна, вероятно, ключник. Здесь цоканье. Имя Пучня встречено в новгородских писцовых книгах. Ондреян Михайлович удовлетворяет чье-то челобитье.

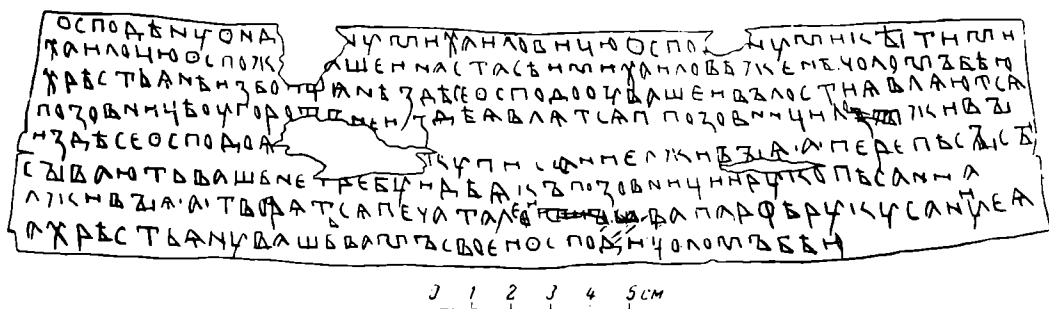

Рис. 5. Грамота № 307

Грамота № 307 найдена в 3 или 4 ярусе, в слое конца или середины XV в. Это письмо, сохранившееся почти целиком. Оторваны небольшие куски, но эти пропуски восстанавливаются по контексту. Текст: «Осподену Онд...ну Михайловицю, оспод-ну Микыти Михайлоцю, оспоже нашеи Настасеи Михайлове жене чоломъ бею хрестьяне избоишане. Здесе, осподо, у вашей вълости являютя позовниче у Горотъне, и zde являютя про-

⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.—Л., 1950, стр. 10.

зовници ложивьи. Здесе, осподо, я...куписание лживья. А перепесысысывають вашь не требу. И деякъ позовниции, рукопесаниа лживьяа творятсья. Печатале. И ва Парфе рукусаниуея. А хрестьяну вашь вамъ, своеи осподи, цоломъ бею».

Первый пропуск (три буквы) легко восполняется «рея» (через ять). Письмо адресовано «Ондреяну» (первому адресату), что подтверждается грамотой № 303, найденной в том же квадрате и ярусе. Второй пропуск (восемь букв) восполняется: «влятсья ру»; можно читать: «являтсья рукописание».

Автором был человек, не очень привыкший писать. Длинные слова его затрудняли. Слово «рукописание» он трижды написал различно (один раз с пропуском букв). В слове «переписывают» он трижды написал слог «сы». Отражением новгородского диалекта являются замены «и» на ять (в словах «осподину, переписывают, дяк, рукописания»). Встречены и другие обычные замены букв: «ложивьи» — лживые («о» заменяет «ъ»), «вълости» — волости, «вашь» — ваше. «Не требу» можно перевести «неправильно».

Перевод: «Господину Адриану Михайловичу, господину Никите Михайловичу, госпоже нашей Настасье, Михайловой жене, челом бьют крестьяне избоищане. Здесь, господа, в вашей волости являются позовники в Городне, и здесь являются позовники лживые. Здесь, господа, являются рукописания лживые. А переписывают ваше имущество неправильно. И дяк позовничий. Рукописания лживые творятсья. Запечатал. И в Парфе рукописания. А крестьяне ваши вам, своим господам, челом бьют».

Это челобитье найдено на том же участке, где и семь челобитий, адресованных Михаилу Юрьевичу, сыну посадника Юрия Онцифоровича (часть их издана). Естественно предположить, что Ондреян и Микыта (Адриан и Никита) были его сыновьями, а Настасья его вдовой. Грамота в таком случае относится ко времени не позже середины XV в.

Новгородские бояре семидесятых годов XV в. (т. е. времени падения Новгорода) все известны нам поименно по Софийской летописи и по писцовым книгам⁷. Там нет ни Адриана Михайловича, ни Никиты Михайловича. Они, вероятно, умерли раньше.

В летописях они вообще не упоминаются. Их отец там назван, их дед и прадед были посадниками так же, как дед и прадед их прадеда Онцифора. Можно предположить, таким образом, что этот знаменитый род, двести лет игравший большую политическую роль, захудал к середине XV в. Его длинное родословие до находки рассматриваемой грамоты приходилось заканчивать Михаилом Юрьевичем.

Коллективными авторами письма являются «хрестьяне избоищане». Починок Избоища описан в писцовой книге Шелонской пятины. Горотня и Парфа тоже, очевидно, имена селений. Деревни с именем Городня встречены в писцовых книгах много раз, в том числе в той же книге. Село Парфино на реке Ловать (ныне поселок городского типа Парфино Старорусского района Новгородской области) описано в той же книге Шелонской пятины. В книге названы и бывшие (до конфискации) владельцы всех этих селений, но они ни по отчествам, ни иным способом уже не могут быть связаны с адресатами грамоты.

Надо разобрать все случаи употребления в источниках слова «позовник». Случаев этих не так много. Статья 25 Псковской Судной Грамоты гласит: «А которой позовник поидет исца звати на суд, и тои позваньи не поидет на погост к церкви позывницы чести или стулитсья от позывницы, ино позывница прочести на погосте пред попом». Здесь «позовник» — пристав, а «позывница» — повестка. В Яжелбицком договоре 1456 г. Новгорода с Василием II сказано: «А позов по волостем по новгородским

⁷ А. В. Арциховский. К истории Новгорода. Исторические записки, сб. 2, М., 1938, стр. 112—117.

позывати позовником князеи великих да новгородским». В договоре 1471 г. с Иваном III это повторено почти дословно. Таким образом, позовник был лицом судебной администрации, судебным приставом. Лишь в Новгородской Судной Грамоте значение этого слова не столь ясно: «А примут позовника в селе, а почнут над ним силу деять, ино дать в позовниково место грамота бесудная племеннику его или другу». Здесь можно спорить, кем считать позовника: приставом или истцом. Во всяком случае для нашей грамоты подходит лишь основное значение этого слова.

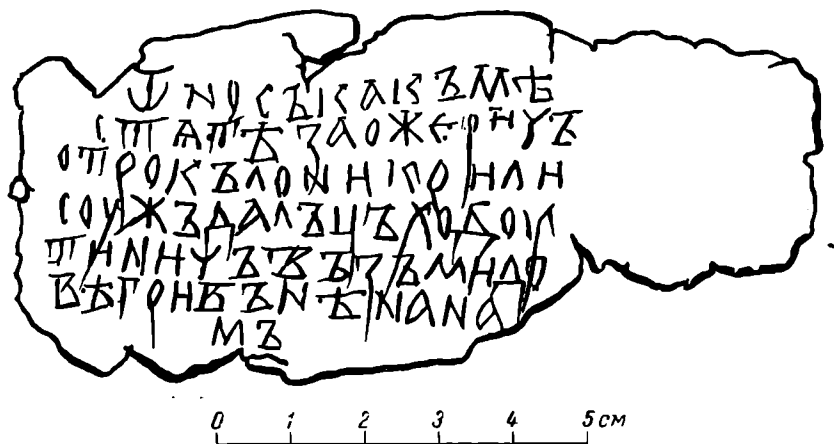

Рис. 6. Свинцовая грамота

В волости, принадлежащей сыновьям и вдове Михаила Юрьевича, появились, по словам крестьян, позовники лживые, т. е. самозванные. С ними был дьяк позовничий. Эта должность в других источниках не упоминается. Слово «печатале» говорит о применении печатей, очевидно, ради вымогательства. Два раза сказано про лживые рукописания этих позовников. В феодальное время люди, имевшие печати и умевшие писать официальные документы, могли стать опасными вымогателями. Здесь они выехали на промысел целым коллективом, взяв с собой дьяка.

Во всяком случае появление лживых позовников, как, впрочем, и настоящих, было большой неприятностью для крестьян. Это влекло за собой новые поборы, помимо боярских. Крестьяне вынуждены просить защиты у новгородских бояр, своих вотчинников.

Свинцовая грамота, упомянутая в начале этой статьи, найдена в 20 или 21 ярусе, в слое рубежа XI—XII вв. или конца XI в. Это плоская, гладкая и тонкая свинцовая пластинка неправильной формы, на которой острым (явно железным) орудием процарапано письмо. Текст: «От Носька къ Местяте. Заожеричъ отрокъ лони крили сужьдалъць Ходутиничъ. Възми дове гривъне на намъ». Форма некоторых букв на первый взгляд противоречит стратиграфической дате (на бересте таких несоответствий не бывает). Но здесь надо учесть трудности процарапывания по металлу, что привело к деформации этих букв.

«Заожеричъ» — не имя и не отчество. Упомянутый здесь отрок, надо полагать, происходил из Заозерья, т. е. с южного берега Ильменя. «Лони» — в прошлом году. «Крили» — крыли. «Сужьдалъць» — суздалец. Средняя Россия в Новгородской летописи постоянно называется Суздальской землей, а жители ее — суздальцами. «Ходутиничъ» — отчество. Имя Ходута неизвестно, но вождь вятичей Ходота упомянут в поучении Мономаха. Конечно, это имя могло бытовать не только у вятичей. От мужских имен с окончанием на «а» в Новгородской летописи образуются имена с окончаниями на «инич»: Кузьминич, Лазутинич, Лукинич, Манускинич, Милятинич, Мирошкинич. Мишинич, Нездинич, Прибышинич и т. д.

Рис. 7. Грамота № 332

«Възми дове гривъне» — возьми две гривны. «На намъ» — вероятно, описка, вместо «на насъ» или «намъ», но смысл в обоих случаях один и тот же.

Что же крыли в прошлом году заозерич отрок и суздалец Ходутинич? Надо полагать, они крыли свинцом крышу церкви или другого каменного здания. Поэтому и письмо написано на свинце. Носок посылает Местяте образец материала, вероятно, в связи с предполагаемыми новыми работами. Трудно думать, что письмо просто написано на случайном подручном материале. Свинец для этого стоил слишком дорого. Свинец не имеет примесей. Спектральный анализ произведен в лаборатории кафедры археологии МГУ.

Под 1151 г. Первая Новгородская летопись говорит: «архиепископ Нифонт поби святую Софию свиньцемъ всю прямъ». Имеются и более поздние подобные новгородские летописные известия, не только для Софийского собора, но также для соборов Юрьева и Антонова монастырей. Покрытие столь больших зданий было сложным предприятием и заносилось в летопись. Крыть меньшие здания было легче.

Грамота № 332 найдена в 15 или 16 ярусе, в слое рубежа XII—XIII вв. или второй половины XII в. Она исписана с обеих сторон (почерки разные), но связному чтению не поддается из-за сильных разрывов. Тем не менее обе стороны интересны.

На внутренней стороне бересты можно прочесть только отдельные слова, но эта сторона ценна обилием больших юсов. Эта архаическая буква встречена уже в восьми грамотах, но в рассматриваемой грамоте особенно часто: шесть раз.

На внешней стороне четко читается только первая строка: «От Кюрьяка къ Вышене. Оже князь поиде, присъли Ивана Хрушки». Однако более интересна вторая строка, содержащая номенклатуру оружия: «...мъ, и бръне, и щить, и копье, а воронья въ Икъвъ пряп...». Перед броней, по видимому, был назван шлем. «Воронья», очевидно, означает вороного коня. Третья строка еще отрывочнее: «...тъ въ бъръ... не поидеть...». Текст слишком плохо сохранился для комментариев, но перед нами, как видно, отрывок переписки новгородских воинов.

Грамота № 335 найдена в 19 ярусе, в слое начала XII в. Это отрывок письма. Текст: «...ные добро же. Мени же ми кълътъке цетыри, по полу-гривне кълътъкъ золотыхъ, а за тобою 12 куне робыхъ ве...тими веверичами шело...».

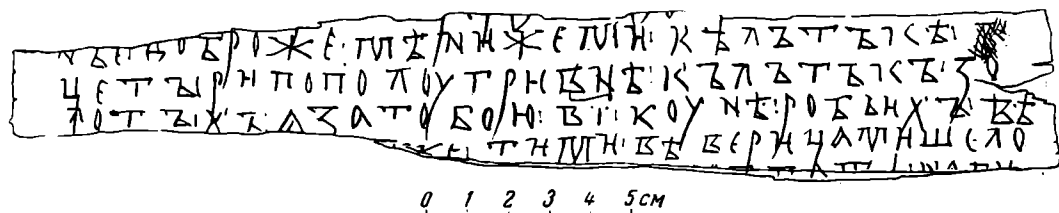

Рис. 8. Грамота № 335

«Мени» (через ять), вероятно, означает «выменяй». «Кълтъке» (на конце ять), несомненно, «колтки», «кълтъкъ» — «колток». «12 куне робыхъ» — надо полагать, стоимость рабыни (как известно, в древней Руси «холоп» — название раба, а «роба» — название рабыни). Веверицы — мелкие денежные единицы.

Грамота интересна тем, что в ней упомянуты колтки. До ее находки самые ранние упоминания этих украшений относились к XV в. Новгородец Федор Остафьевич в 1435 г. писал: «А что перстень и колтки золотые, а то Офимьино»⁸. Князь Михаил Андреевич Верейский около 1486 г. писал: «дал дочери своей... колтки золоты с яхонты»⁹. Этот термин неоднократно упоминается затем в документах XVI—XVII вв., цитируемых И. Е. Забелиным.

В нашу археологическую терминологию прочно вошла другая форма этого слова — «колт». Почин положил И. Е. Забелин, цитировавший документ XVII в.: «серьги колты золоты с финифты сенчеты, в них по четыре

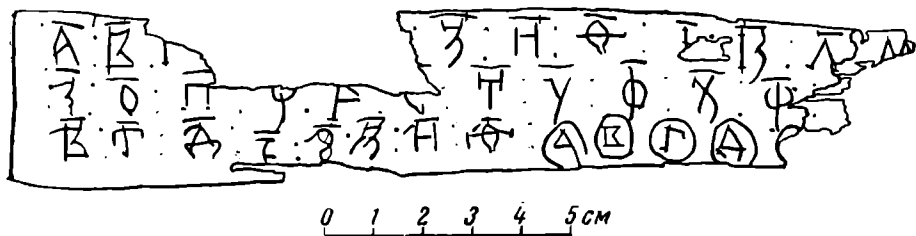

Рис. 9. Грамота № 342

камени червчатых, да по три лазоревых, да по два зеленых»¹⁰. Судя по подобным описаниям, «колтки» и «колты» были синонимами. Но слово «колты» (более удобное) И. Е. Забелин сделал термином в 1853 г., а в 1869 г. дал полное определение¹¹. Закрепил этот термин в науке Н. П. Кондаков, употребивший его при описании знаменитых русских домонгольских привесок с перегородчатými эмальями¹². Самое слово «колты», «колтки», по объяснению И. В. Ягича, имеет славянское русское происхождение¹³.

В найденной теперь грамоте оно употреблено на 300 с лишним лет раньше, чем в древнейшем, известном до сих пор тексте. Это письмо написано тогда, когда широко бытовали домонгольские колты. Известные нам экземпляры в большинстве своем сделаны даже позднее. Термин употреблялся до сих пор археологами условно, поскольку слово можно было считать позднейшим (Н. П. Кондаков делал такие оговорки). В нашей грамоте речь идет о золотых колтках. В русских кладах XIII в., кроме эмалевых золотых колтов, встречаются и другие золотые серьги (зерненные и сканные). Но генетическая связь эмалевых колтов с колтами московского времени доказана И. Е. Забелиным и Н. П. Кондаковым. Теперь, когда мы знаем, что слово бытовало в XII в., наше обычное археологическое словоупотребление становится оправданным.

Грамота № 342 найдена в 10 ярусе, в слое рубежа XIII—XIV вв. Это перечень русских цифр. Они снабжены титлами и разделены двоеточиями. Часть цифр уничтожена разрывами, но большинство сохранилось. Текст первых двух строк: «: 1 : 2 : 3... : 7 : 8 : 9 : 10 : 20 : 30 : 40... : 60 : 70 : 80 : 90 : 100 : 200 : 300 : 400 : 500 : 600 : 700:...». Третья строка содержит тысячи и десятки тысяч. Знаки тысяч, вместо перечеркнутой линии слева внизу, име-

⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.—Л., 1949, стр. 171.

⁹ Духовные и договорные грамоты..., стр. 312.

¹⁰ И. Е. Забелин. О металлическом производстве в России до конца XVII века. Записки археологического общества, т. 5, СПб., 1853, стр. 104.

¹¹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царств. М., 1869, стр. 608—609.

¹² Н. П. Кондаков. История и памятники византийской эмали. СПб., 1892, стр. 310, 324—326.

¹³ Там же, стр. 325.

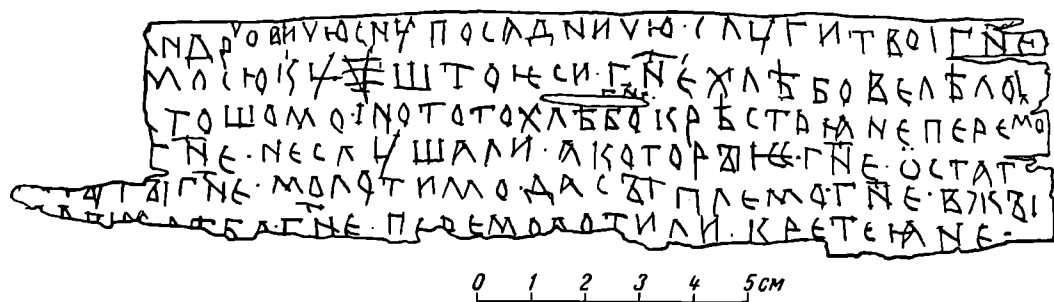

Рис. 10. Грамота № 352

ют прикрепленный к букве хвостик слева вверху. Текст здесь: «2000 : 3000 : 4000 : 5000 : 6000 : 7000 : 8000 : 9000 :». Далее идут десятки тысяч в кружочках, они не имеют ни титлов, ни двоеточий. Текст: «10 000 20 000 30 000 40 000». Кружочек от 50 000 виден, но дальше следует разрыв, несколько цифр могло еще уместиться.

В. Н. Щепкин писал: «В кириллице десятки тысяч или по старой терминологии тьмы в позднейших грамматических сочинениях (XV—XVII вв.) изображаются теми же знаками, что и единицы, но только в кругах»¹⁴. В рассматриваемой грамоте употреблен тот же способ, однако она значительно старше. Написана она, очевидно, в связи с изучением арифметики.

Грамота № 352 найдена в 3 ярусе, в слое конца XV в. Это письмо, от которого оторваны начальные части всех строк. Текст: «...андровичю, сну посадничю, слуги твои, господине, ...мосюку, што еси, господине, хлебо велело...тошомо, ино то то хлебо, господине, крестьяне перемо...господине, не слушали, а которые, господине, остат...ыты, господине, молотимо, да сыплемо, господине, в жы...ы хлеба, господине, перемолотили кретеяне».

Буква «о», как обычно, заменяет «ъ» (слова «хлеб», «велел», «тот», «молотим», «сыпдем»). Письмо написано боярскими слугами. Они сообщают господину о ходе обмолота и о каком-то случае крестьянского неповиновения. Адресат назван сыном посадничьим. Это почетное звание было уже встречено в изданной грамоте № 301. Судя по употреблению звания, грамота № 352 написана не позже 70-х годов XV в.

Посадника, который был отцом адресата, звали Александром. Несколько новгородских посадников носили это имя, но здесь, судя по дате грамоты, речь идет о позднейшем из них, Александре Самсонове.

Грамота № 358 найдена в 8 или 9 ярусе, в слое середины или первой половины XIV в. Это начало письма. Текст: «Поклонъ оспожѣ матери. Послалъ есмь с посадничимъ Мануиломъ 20 белъ к тебе, а ты Нестере Прочиця къ пришли ко мни, грамоту с кимъ будешь послалъ. А в Торжокъ прихавъ кони корми добрымъ синомъ. К житници свои замокъ приложи. А на гумни стои, коли молотять. А кони корми овсомъ при...и, а в ми..., а в...ере миръ и овесъ также. А сказываи, кому надоби рож ли или о...».

Замены ятя на «и» являются отражением новгородского диалекта (в словах «прихавъ», «сеном», «гумне» и др.). «Прочиця», вероятно, сокращенное отчество Нестора Прокофьевича. Предлог «к» по ошибке повторен («къ» и «ко»). Хозяйственные распоряжения в особых комментариях не нуждаются. Любопытно, что деньги (20 бел) были пересланы с посадничьим Мануилом, т. е., по-видимому, с казенным курьером.

Грамота № 361 найдена в 6 ярусе, в слое рубежа XIV—XV вв. Это целое письмо. Текст: «Поклонъ от Шижнянъ Побратиловиць господину Якову. Поеди, господине, по свою верешъ дать, господине, негнее. А нынеца есме, господине, погибли, верешъ позябля, сеяти, господине, нечего,

¹⁴ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 139—140.

ПРОСЛОНЪ (СПЖМТ) РИ ПОСЛАЛЪ ЖСМЪ СПОСА ДА НИ ЧИ МЪ МАНУ Ч Л О МЪ И С Е Т А Ь И С Т О Б Е А Т Т И Н К Т Ж Р У К
БОУИЧАКЪ ПА И ШЛА И КО М Н И Г Д А М О Т У (К И МЪ В А К ШЪ П О С Л А ЛЪ В Т А Р А К О КЪ П Р И Х А ВЪ И К О Н И К О Р М И А Р Б А Д Ы
МЪ С И Н О МЪ И С) К И Т Н И Ц И С В О И З А М О КЪ П Д И Л О Ж И А Н А Г У М И С Т О И С О Л И М О Л О ТЪ Т Ъ С И К О Н И К О Р М И К А В О У К М И И Ч И О
В Р М И Д И В Е С Т И Т Ъ Т А К О Т К Е А С И К А ЗЪ В А Н И С О М У Ч Е С А Л А А В А Р М И К

0 1 2 3 4 5 см

Рис. 11. Грамота № 358

П О І С Л О Н Ъ Б Ш И Ж Н Я Н Ъ П О В Р А Т И Л О В И Ч Ъ
Г Н У Ч А К О В У П О К Е Д А Г Н Ъ П О С В О П В Е Р Е Ш Ъ Д А Т Ъ
Г Н Ъ Е Н Е Г Н Ъ Г Е А Н Ъ В И Н Е Ц А П Е С И М У Т Н Е П О Г Н Б Л И
В Е Р Е Ш Ъ П О З А Б Л А С Т Я Т И Г Н Е К Е У К Р У А К
С Т Н Т А І С О Ж Е Н Е У Е Г О ВЪ І Г Н Ъ Е П Р О М Е Ж Ю С О В О
Ю Н С П Р А ВЪ І Н Е У У И Н И Т К А МЪ П Р О М Е Ж Ю В А
МЪ Г Л И

0 1 2 3 4 5 см

Рис. 12. Грамота № 361

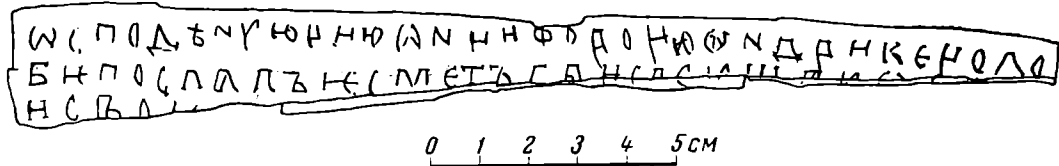

Рис. 13. Грамота № 362

а ести такоже нечего. Вы, господине, промежу собою исправы не учините, а мѣ промежу вами погибли».

А. И. Попов написал мне по поводу этой грамоты: «Шижня — река, приток Паши. Шиженский погост находился в 27 верстах от Тихвина. Погостом Спасским на Шижне он назван в писцовой книге 1583 г.»

Побратиловичей А. И. Попов считает жителями деревни Побратилово или Братилово. Во всяком случае это крестьяне, а Яков их господин.

Слово «верешь» в древнерусских текстах обычно означает хлебные всходы. Всходы эти у шижнян померзли. Они просят у господина «негнее». В словаре Срезневского есть слово «негнеяи», негниющий. По-видимому, здесь напоминание, что зерна для нового посева не должны быть гнилыми.

В последней фразе намек на какие-то раздоры между феодалами. Здесь условное предложение. Перед «вы» опущено «если». Слово «если» в подобных предложениях опускалось часто, да и теперь иногда опускается. Второе лицо «вы» говорит о нескольких или двух господах. Из-за несогласий между господами крестьяне, по их словам, погибнут.

Грамота № 362 найдена в 5 или 6 ярусе, в слое первой половины XV в. или рубежа XIV—XV вв. Это начало письма. Текст: «Осподену Юрию Онцифороцю Ондрике цело бе. Послалъ есме ть...и сво...». Грамота из-за разрыва бессодержательна, но все-таки заслуживает внимания, поскольку это уже третье челобитие, адресованное посаднику Юрию Онцифоровичу. Его имя и отчество значились в адресах грамот № 94 и 167. Умер этот посадник в 1417 г. «Ондрике» — Ондрик, уменьшительное имя Андрея.

Грамота № 363 найдена в 5 или 6 ярусе, в слое первой половины XV в. или рубежа XIV—XV вв. Это целое письмо. Текст: «Поклонъ от Смена к невестьке мое. Аже будешь не поминала, ино у тебе солоду было, а солодь ржаный в потклете, и ты возми. Колобью, а муке колко надобъ, и ты испеки в меру. А мясо на сеньнике. А цто рубль дать Игнату, и ты даи».

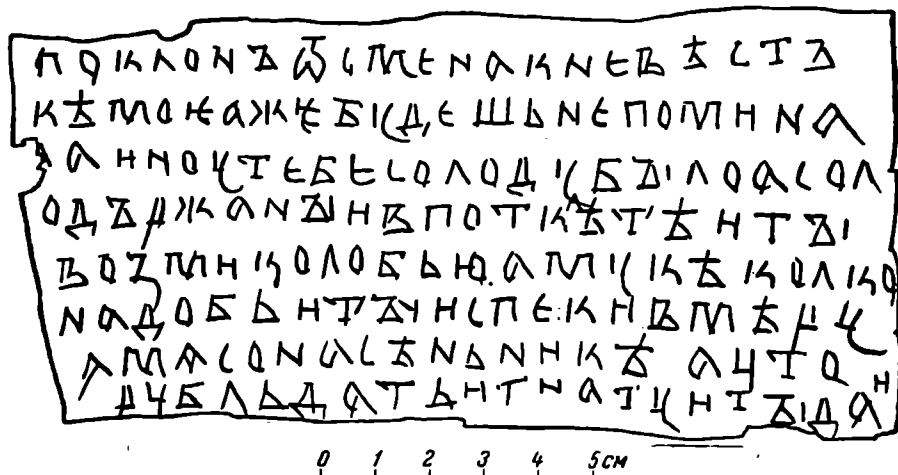

Рис. 14. Грамота № 363

«Смена» — Семена (обычная в Новгороде форма этого имени). «Мое» — моей. «Аже будешь не поминала» — если ты не помнишь. «Ино», означает то или (здесь лучше перевести) так. «В потклете» — в подклете, т. е. в нижнем этаже. Судя по раскопкам, новгородские дома в большинстве своем были двухэтажными. «Колобью» надо испечь. Слово «колоб», «колобок» дожило донныне в ряде диалектов. Словарь Даля дает значения: «круглый хлебец, толстая лепешка» и т. д. Невестка должна испечь колоб и не жалеть на него муки. Свекор пишет невестке, начинает с поклона и дает ряд мелких хозяйственных распоряжений.

Грамота № 364 найдена в своеобразных условиях. Она была завернута в вышеописанную грамоту № 363. Несомненно они были потеряны вместе. Написаны они одним почерком. Автор их один и тот же Семен, но адресаты

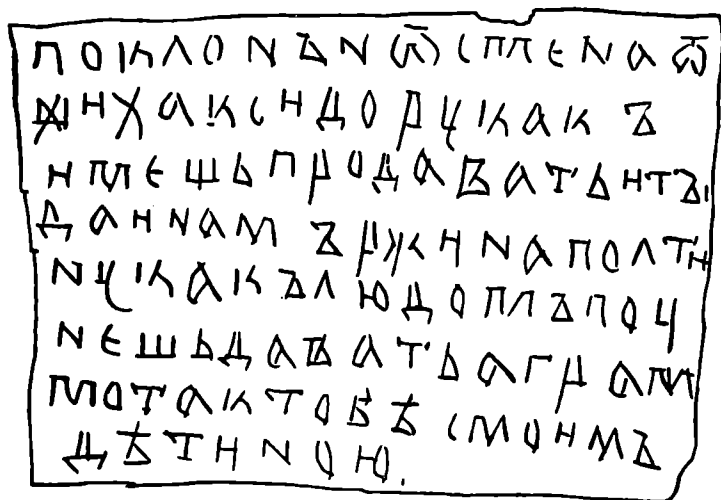

Рис. 15. Грамота № 364

разные. Грамота № 364 тоже является целым письмом. Текст: «Поклонън от Смена от Миха к Сидору. Какъ имешь продавать, и ты даи намъ ржи на полтину, какъ людомъ поцнешь давать, а грамота к тебе с моимъ детиною».

Грамота понятна. Многие горожане, конечно, питались покупным хлебом. Семен написал одновременно два письма: одно своей невестке, другое Сидору (землевладельцу или купцу, продававшему хлеб). Оба письма он послал со своим детиною. Детины их потерял и найти не сумел (так невестка колоб и не испекла), а мы через пять с половиной веков нашли.

Грамота № 366 найдена в 8 ярусе, в слое середины XIV в. Это целый документ. Текст: «Съ урядеся Яковъ съ Гюрьгьмо и съ Харетономъ по бьсудьной грамоте, цто былъ возялъ Гюрьге грамоту в ызьежьной пышьнеце, а Харетоно во проторехо своихъ. И возя Гюрьге за вьсь то рубль и тре гревоны и коробью пышьнеце. А Харетонъ возя дьсять локоть сукона и гревону. А боль нь надобе Гюрьгю не Харетону до Якова, не Якову до Гюрьгя не до Харитона. А на то рядьце и послусе Давыдь Лукенъ сынъ, Сьтъпанъ Таишень».

Здесь много обычных новгородских замен «и» на ять (в словах «урядися», «Харитон», «Гюрьги», «пшенице», «своих», «три», «гривны», «ни», «Лукин» и др.). «Съ» — «се», «Гюрьгьмо» — Гюрьгем. «Гюрьги» — обычная древнерусская форма имени «Юрий», для данного времени уже архаичная (тогда писали «Юрьи»). «Бьсудьной» — бессудной. «Возялъ» —

взял. «Ызъезъной» — изъезженной. «Харетоно» — Харитон. «Проторехо» — проторях. «Возя» — взя, взял. «Всь» — все. «Гревоны» — гривны. «Пышьнеце» — пшеницы. «Дьсять» — десять. «Боль» — боле, более. «Нь» — не.

Особо надо остановиться на словах «рядьце» и «послусе». Здесь ять тоже заменяет «и». «Рядьци» — множественное число от слова «рядьць», рядец. Это слово имело разные значения. В смысле «свидетель при совершении акта» оно известно только в новгородских владениях (преимущественно на Двине). Представлено оно только в частных актах. Этимология ясна: от «ряд», договор. Встречаются три формулировки: «а на то

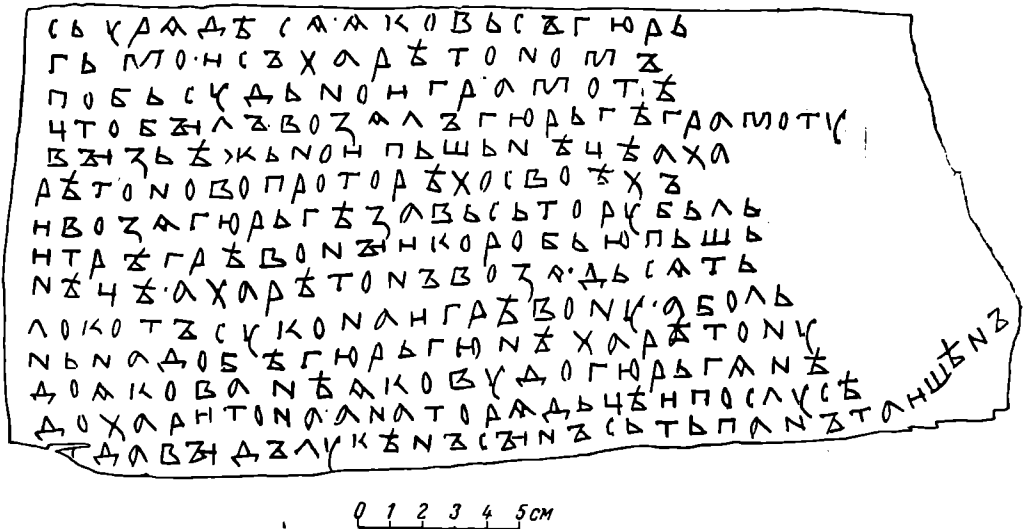

Рис. 16. Грамота № 366

рядци», «а на то рядци с обе половине», «а на то рядци и послуси». За этими словами всегда следуют имена¹⁵. Термин «послух», свидетель, часто встречается во всех русских землях, в том числе в Новгородской. В новгородских (главным образом тоже в двинских) частных актах «послуси» или «послухи» (обе формы обычны) упоминаются еще чаще, чем «рядци» («а на то послуси», «а на то послухи», иногда тоже с добавлением «с обе половине»).

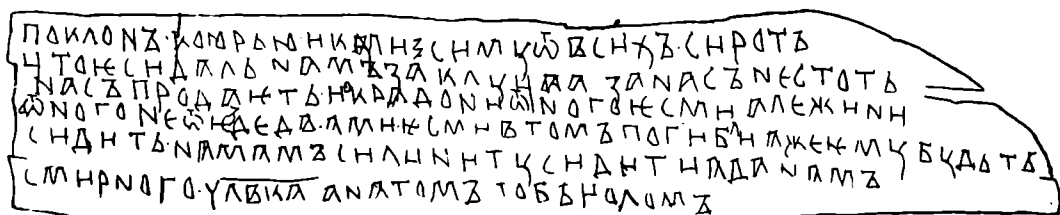
Перевод: «Это договорился Яков с Юрием и с Харитоном по бессудной грамоте; Юрий взял грамоту по делу об изъезженной пшенице, а Харитон о своих убытках. И взял Юрий за все то рубль и три гривны и коробью пшеницы. А Харитон взял десять локтей сукна и гривну. А более не надо ничего ни Юрию, ни Харитону от Якова, ни Якову от Юрия и Харитона. А на то рядцы и послухи Давыд Лукин сын и Степан Тайшин».

Рассматриваемый документ является актом взыскания по бессудной грамоте. Подобные акты не были до сих пор известны, и самый характер этого взыскания не был до этой находки ясен.

Вообще бессудные грамоты в источниках упоминаются часто. На новгородской бересте они упомянуты четыре раза. Они охарактеризованы многими исследователями. Приведу одно из определений: «на неявившегося ответчика выдавалась истцу бессудная грамота, по которой ответчик обвиняем был без суда»¹⁶. В разных выражениях подобные опре-

¹⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 181, 187, 188, 192, 194, 226, 238, 245, 254, 263, 276, 280, 291.

¹⁶ М. М. Михайлов. История образования развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 г. СПб., 1848, стр. 80.

0 1 2 3 4 СМ

Рис. 17. Грамота № 370

деления дают и другие авторы¹⁷. Наиболее точную формулировку дал недавно Л. Ю. Черепнин: «Правая грамота, выдаваемая судьей одной из сторон без судебного разбирательства, на основании того только, что другая сторона уклонилась от явки в суд в назначенный срок, носила название бессудной грамоты»¹⁸.

Древнейшее упоминание о бессудной грамоте содержится в новгородской берестяной грамоте № 137, уже изданной (бессодержательный отрывок, 10-й ярус, рубеж XIII—XIV вв.). До этой находки древнейшим упоминанием была одна из статей Двинской Уставной Грамоты 1397 г.: «А кто на кого челом бьет, дворяне и подвоиские позовут к суду, а он не станет у суда, и на того наместники дадут грамоту правую бессудную». Здесь способ взыскания предполагается известным, равно как и в других законодательных актах, упоминающих бессудные грамоты: в Псковской и Новгородской Судных Грамотах, в Судебниках 1497, 1550 и 1589 гг.

Способ взыскания не выясняется и подлинными архивными бессудными грамотами, хотя они дошли до нас в некотором количестве. В изданных экземплярах речь идет о спорных землях (без точных границ)¹⁹, о рыбных ловлях²⁰, о сопротивлении истцу²¹, о самовольном покосе²². Все это московские акты XV—XVI вв. Во всех случаях в постановлении речь идет просто о выдаче бессудной грамоты истцу или, вследствие неявки истца, ответчику (есть и такие случаи). Получатель грамоты знал, что он должен был с нею делать, но историки этого не знают.

Ответ на этот вопрос (по крайней мере, для Новгорода XIV в.) наконец-то дала рассматриваемая грамота. Юрий получил бессудную грамоту на Якова в изъезженной пшенице (очевидно, кони Якова изъездили пшеницу Юрия), а Харитон — во проторях своих, т. е. в разных убытках (слово «протори» дожило в судебной терминологии до XIX в.). Оба истца получили тем самым права на имущество Якова, не явившегося к суду. Но неправильно было бы думать, что они могли самовольно распоряжаться этим имуществом. Составлен был особый акт, нами теперь найденный. Поименованные рядцы-послухи были, очевидно, третейскими судьями, проверявшими соразмерность взыскания. Юрий взял рубль, 3 гривны и коробью пшеницы. Для уплаты за изъезженную пшеницу это по тому времени дорого, но Яков расплачивался и за неявку. Харитон взял 10 локтей сукна и гривну. От дальнейших претензий они отказались

¹⁷ С. Г. Саларев. Описание разного рода российских грамот. Вестник Европы, М., 1819, ч. 103, стр. 285—286; И. Д. Беляев. Списки судные и докладные и грамоты правые и бессудные. Архив историко-юридических сведений. Книга 2, М., 1855, стр. 116, 119, 121; Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв. Московского Архива Министерства юстиции. М., 1883, стр. 34; Н. И. Ланге. Древнее русское уголовное судопроизводство. СПб., 1884, стр. 187.

¹⁸ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. II, М., 1951, стр. 231.

¹⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв., т. I, М., 1952, стр. 238, т. II, М., 1958, стр. 102.

²⁰ Д. М. Мейчик. Ук. соч., стр. 102—104.

²¹ Н. И. Ланге. Ук. соч., стр. 187—189.

²² Акты социально-экономической истории..., том I, стр. 362.

по тому же акту, равно как и ответчик. Имена рядцов служили гарантией, поэтому документ можно было писать и на бересте.

Грамота № 370 найдена в 7 ярусе, в слое второй половины XIV в. Это целое письмо. Текст: «Поклонъ ко Юрью и к Микссиму от всихъ сироть. Цто еси даль намъ за клуцка за насъ не стоть, насъ продаетъ, и окрадо-ни от ного есми. А лежини от ного, не отезде да. А ми есми в томъ погиб-ли. Аже ему будеть сидить, намамъ сили ниту сидити. А да намъ смирного человека. А на томъ тебе цоломъ».

В письме много ошибок. Имя Максима написано через «и», вместо «а», и при сочетании «кси» и «с». «Клуцка» означает ключника, «стоть» — стоит. «Намамъ» — нам (повторение слога). Надо еще отметить новгородскую замену ятя на «и» (в словах «всех», «сидеть», «нету»).

Перевод: «Поклон к Юрию и к Максиму от всех сирот. Что ты дал нам за ключника, он за нас не стоит, нас продает, и мы им ограблены. Мы из-за него неподвижны, не разрешает выездов. Из-за него мы погибаем. Если он будет сидеть, нам силы нет сидеть. Дай нам смирного человека. А на том тебе челом».

Перед нами жалоба крестьян господам на ключника (или, точнее говоря, на человека, которого господин дал им за ключника). «Сироты» одно из названий новгородских крестьян. Ключник, по словам авторов письма: 1) не стоит за них, 2) продает их (т. е., вероятно, конфискует их имущество), 3) обкрадывает их. Четвертое обвинение не столь ясно, но, по-видимому, он не дает им разрешений на выезды. Слово «лежини» не вполне понятно, но, надо думать, это «лежни». Лежнями в современных диалектах называются ленивые, неподвижные люди. Крестьяне стали лежнями, потому что ключник «не отезде да», т. е., надо полагать, не дает отъездов, нужных им для хозяйственных дел. Затем, после слов о своей гибели, крестьяне явно угрожают своим уходом. Уход был извечным способом крестьянского сопротивления. Характерно, что новый ключник, которого они просят, должен быть смирным человеком.

Особо стоит разобрать вопрос об адресатах этого письма. Их двое, Юрий и Максим. Летопись сохранила нам имена двух братьев, Юрия Онцифоровича и Максима Онцифоровича. Юрий Онцифорович — известный посадник, участник многих исторических событий, упоминается с 1376 по 1417 г.; берестяные грамоты, адресованные ему, известны. Максим Онцифорович упоминается в летописи только под 1375 г., когда он «с бояры», т. е. во главе группы бояр, был послан в Москву для переговоров с митрополитом. Совпадение редкого отчества позволяет считать Юрия и Максима братьями. Это сыновья Онцифора Лукинича, одного из самых ярких деятелей новгородской истории (берестяная грамота, адресованная посаднику Онцифору, тоже найдена).

И вот оба имени встретились вместе в заголовке грамоты. Стратиграфическая дата соответствует времени жизни обоих братьев. Место находки недалеко отстоит от места находки грамот, содержащих имя и отчество первого брата.

Четыре грамоты, присланные просто Максиму, были найдены в 8 ярусе и относятся к середине XIV в. Это грамоты № 91, 271, 272 и 279, все они изданы. Стратиграфия и топография этих писем в свете новой находки позволяют считать адресата Максимом Онцифоровичем. Тот Максим, у которого его друг Яков просил «чтения доброго» (т. е. интересную книгу), тот Максим, который занимал должность сотского, был сыном Онцифора.

Авторами древнерусских пергаменных и бумажных документов, сохранившихся в архивах, являются феодалы, крупные и мелкие. Среди авторов берестяных грамот имеются крестьяне. Некоторые берестяные документы составлены коллективами крестьян. Подобные коллективные ходатайства уже неоднократно опубликованы, в том числе и в настоящей статье. Прямые протесты против разных форм феодальной эксплуатации содержатся в некоторых опубликованных грамотах, в том числе в грамоте № 370.

В. П. ЛЕВЕНОК

НАДГРОБИЯ КНЯЗЕЙ ТРУБЕЦКИХ

Здание бывшего Троицкого собора в городе Трубчевске, Брянской области, является архитектурным комплексом построек различного времени. Древнейшая часть собора полностью закрыта поздними пристройками; наиболее обширным было строительство купцов Саввиных в XVIII в. В 1824 г. здесь же была построена каменная колокольня; в 1910 г.— Нилковский придел.

Древнейшая часть здания, существовавшая уже в XIV в., использовалась в качестве фамильной усыпальницы князей Трубецких, местных феодалов, потомков Гедимины. Усыпальница представляет собой небольшую одноэтажную, квадратную в плане, кирпичную камеру с круглым опорным столпом в центре, на который четырьмя парусами опирается сводчатое перекрытие потолка. Стены до 2 м толщиной. Юго-восточная сторона имеет три окна, значительно расширенных в позднейшее время. В юго-западной стене — дверь и заложное окно; в северо-западной стене, внутри помещения, — полукруглая ниша с узким окошком посредине. В северо-восточной стене две двери соединяют эту камеру с алтарем. Снаружи юго-восточной и юго-западной стен сохранились следы наружной галереи. С северо-западной стороны прослеживаются остатки древнейшего здания, позднее сломанного. Снаружи на ныне закрытых стенах древнейшей части здания сохранились фрагменты фресок. Алтарь ориентирован на северо-восток (рис. 1).

Все надгробные плиты усыпальницы, кроме плиты № 6, вделанной в нишу, уложены в уровень с полом, выстланным крупным кирпичом, но ориентированы различно. Все плиты вытесаны из белого плотного камня. Плиты № 1 и 2 находятся в алтаре, остальные — в основной камере усыпальницы (рис. 1). Плиты № 1, 2, 5—10 — с надписями, остальные без них. Плиты № 5 и 14 вывернуты грабителями. Рядом с плитой № 14 лежит плита № 15, ранее лежавшая снаружи у северо-западной стены собора, рядом с большой кварцитной плитой без надписи. Плиты публикуются впервые.

Плита № 1 (58 × 49 см) является древнейшей (рис. 2). Углы ее правой стороны оббиты, и вся правая сторона сильно истерта. Сохранившаяся тяга левой стороны указывает на пропорции плиты, близкие к квадрату. Орнамент — клинчатая насечка, обычная для надгробий XV — начала XVI в., которая около середины XVI в. сменяется жгутовым.

Текст изучаемой плиты гласит ¹:

ЛЕ(ТА) 7028 | ГЕНВАР(Я) В 5 Д(ЕНЬ) ПРЕСТА... Б | Б(О)ЖИИ
КНЯЗ(Ь) (И)ВА(Н)... | ТРУБ(ЕЦКОЙ)

Размеры настоящей статьи не позволяют автору дать подробного па-
леографического анализа и поэтому приходится ограничиться только лишь
некоторыми замечаниями. Буквы, пропущенные или утраченные в текстах
оригиналов, в нашей транскрипции поставлены в скобках. В первой стро-

¹ Тексты плит даются в современной транскрипции.

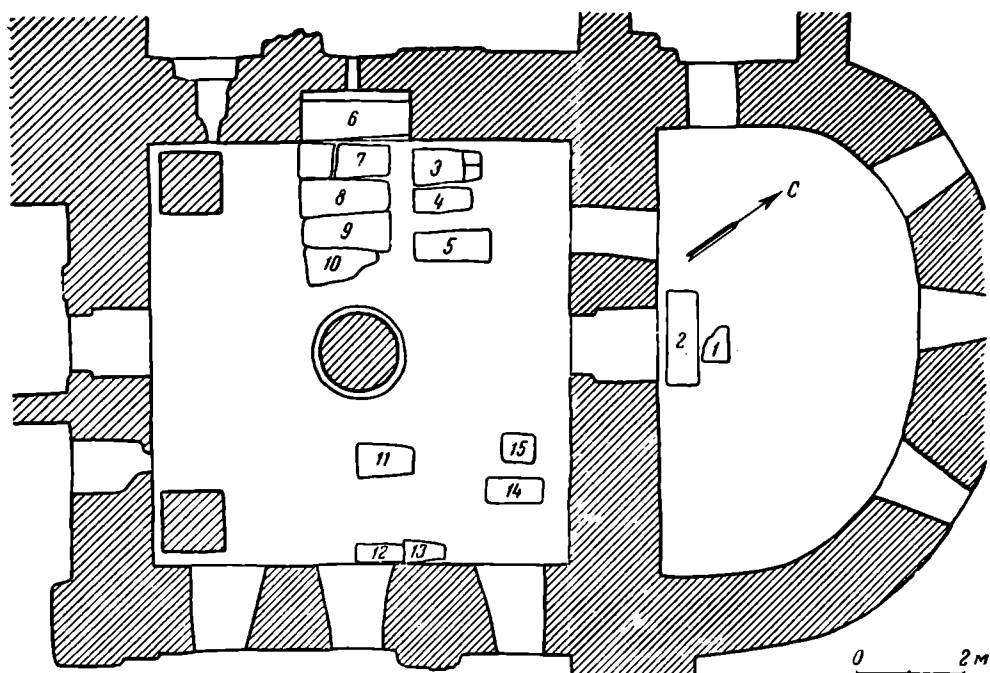

Рис. 1. План усыпальницы кн. Трубецких (цифрами обозначены надгробные плиты)

ке ранним признаком является отсутствие на носу буквы «земля» знака тысяч. Правая сторона строки состоит из двух цифр — «К» и «И» (28), разделенных точкой. Во второй строке обычные лигатура, выносы, подчинения и соподчинения. Буква «аз» имеет архаичное начертание. В третьей строке буква «Й» дана не обычными для надписей XVI—XVII вв. двумя наклонными черточками над строкой, а точкой, что также является архаизмом. Имя князя трудночитаемо.

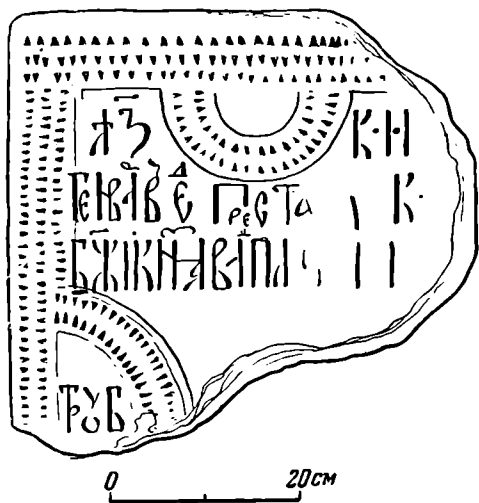

Рис. 2. Надгробная плита № 1

Кому принадлежало это надгробие? В единственном описании рода князей Трубецких² надгробие № 1, как трудночитаемое, не упоминается. Судя по дате и читаемому имени «Иван», нагробие скорее всего могло принадлежать кн. Ивану Семеновичу или кн. Ивану Юрьевичу³ в шестом поколении от Гедимины. Оба умерли до рождения Ивана Грозного.

Плита № 2 (201 × 73 см) положена в алтаре усыпальницы, поперек царских врат, рядом с плитой № 1 (рис. 3). Ориентация необычная, юго-восток — северо-запад. Изъянами испорчены середина рамы левой стороны, нижняя строка надписи, основания тяг и верх нижнего клейма. Орнамент рамы, клейм и тяг жгутовой; в центре верхнего клейма «кру-

² Е. Э. Трубецкая. Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891.

³ Родословный порядковый № 9 или 10 (см. Е. Э. Трубецкая, Ук. соч., стр. 2, 3).

Рис. 3. Надгробная плита № 2

Рис. 4. Надгробная плита № 5

тящаяся» розетка. Весь облик надгробия, композиция украшений и надписи характерны для XVI—XVII вв. Плита имеет надпись в шесть строк:

ЛЕТ(А) 7074 ГЕНВА | РЯ В 20 Д(Е)Н(Ь) ПРЕСТАВИС РАБОЖИ
КНЯЗЬ | СЕМЕН ИВАНОВИЧ ТРУБЕЦКОЙ | ВО ИНОЦЕХ
СЕРАПИОН СКИМНИК | НА ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА
НАШЕГО ЕУ | ФИМ... ЕЛ. КАГО

Текст содержит обычные лигатуры, надстрочные титла, уменьшенные или усеченные буквы, связанные слова. На плите заметны линии разметки строк.

О погребенном здесь князе Семене Ивановиче Трубецком известно, что он носил название «персидского принца» и служил при Московском дворе. В 1535 г. получил звание боярина. Был наместником костромским, а затем калужским. Царь Иван IV назначил его воеводой в Коломне⁴.

⁴ Е. Э. Трубецкая. Ук. соч., стр. 3, 4, 53.

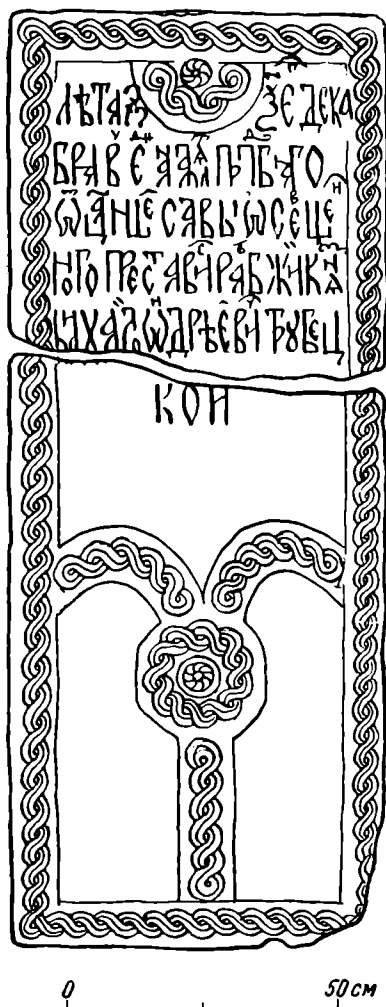

Рис. 5. Надгробная плита № 7

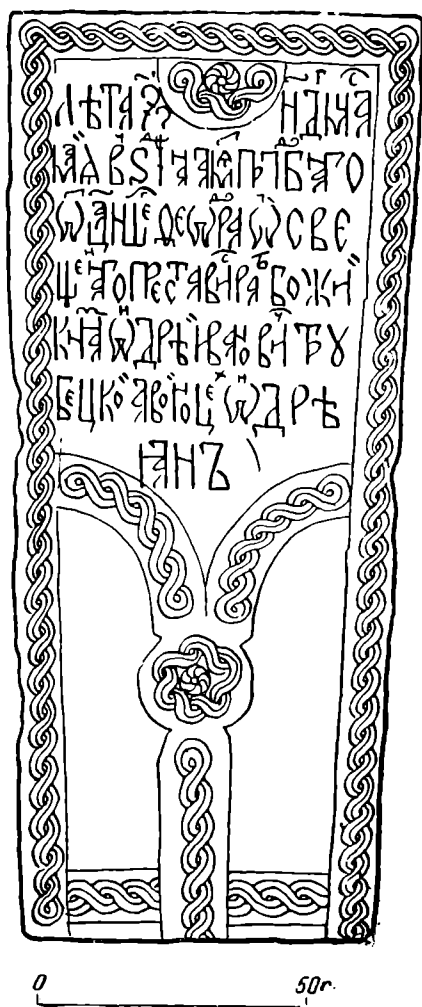

Рис. 6. Надгробная плита № 8

В одиннадцатом поколении его прямым потомком был декабрист С. П. Трубецкой.

Плиты № 3 и 4 имеют орнаментальные жгутовые рамы, но надписей на них нет.

Плита № 5 (175 × 70 см) ориентирована на северо-восток (рис. 4). Орнамент жгутовой. Композиция текста и украшений аналогичны таковым на вышеописанной плите № 2. Плита датирована 1561 годом и поэтому, естественно, на ней наблюдается сочетание исчезающих архаических признаков (знак тысяч без поперечных черточек), наряду с признаками нарождающихся графических элементов (отсутствие нештамбового «аз», полное написание слова ЛЕТА). Не делая пословного анализа, укажем на написание буквы «аз» в слове «ВАСИЛЕЙ». Приводим текст плиты:

ЛЕТА 7069го М(ЕСЯ)ЦА | МА(И)Я В(Ъ) 9 Д(Е)Н(Ь) НА ПАМЯТ(Ь)
ПРИНЕСЕ | НИЕ МОЩЕ(И) ИЖ(Е) ВО С(ВЯ)ТЫХ ОТЦА НА | ШЕГО
НИКОЛЫ ПРЕСТАВИС(Я) | РАБ БОЖИ(И) КНЯЗ(Ь) ВАСИЛЕИ
АНДРЕЕВИЧ ТРУБЕЦКОИ

Этот князь — потомок Гедимины в восьмом поколении. Упоминается в 1549 г. четвертым головой государева полка в шведском походе. Через год он воевода правой руки в Калуге. В 1554 г. стоит семнадцатым бояри-

ном в свадебном поезде Казанского царя Симеона. Через год он вернулся в Калугу воеводой сторожевого полка. Затем перешел на воеводство в Пронск, а в 1558 г. в старую вотчину — Трубчевск. Пробыв здесь год, он является уже брянским наместником. Умер 9 мая 1561 г. Погребен в Трубчевске.

Плита № 6 среди княжеских надгробий имеет самую позднюю дату и поэтому рассмотрена будет в конце.

Плита № 7 (176 × 72 см) врыта в пол в переломленном виде (если не лопнула уже находясь в полу, что менее вероятно; рис. 5). Это первая плита у ниши северо-западной стены. У нее сбит правый нижний угол. Ее декоративное убранство такое же, как и у большинства надгробий XVI в. Ориентирована на юго-запад. Надпись на плите состоит из шести строк вязи:

ЛЕТА 7065го ДЕКА | БРЯ В 5 Д(Е)Н(Ь) НА ПАМЯТЬ ПР(Е)П(О)-
ДОБНАГО | ОТЦА Н(А)ШЕ(ГО) САВ(В)Ы ОСВЕЩЕН | НОГО
ПРЕСТАВИС РАБ Б(О)ЖИИ КНЯЗ(Ь) | МИХАЙЛО ОНДРЕЕВИЧ
ТРУБЕЦ | КОИ

Дата — 1557 г. Князь Михаил Андреевич Трубецкой — потомок Гедимины в восьмом колене. В 1536 г. был в Рязани «за городом» воеводой, а затем наместником⁵. В 1541 г. ходил на Оку против крымских татар. В 1544 г. был воеводой сторожевого полка в Коломне, затем в Калуге и Туле. В Шведском походе 1549 г. был головою в государевом полку. В 1555 г. назначен головою Большого полка в Калуге⁶.

Плита № 8 (175 × 72 см) — вторая от ниши на полу (рис. 6). Ориентирована на юго-запад. Орнамент рамы, тяг и клейм жгутовой. Жгут левой стороны рамы не переходит на нижнюю сторону, а заканчивается внизу. Справа жгут уходит по прямой линии в обрез плиты. Уходит в обрез также и жгут основания тяг. Нижняя сторона рамы не могла оставаться незавершенной и поэтому внизу двумя кусками вставлен завершающий низ плиты жгутовой орнамент. Нарисованы и вырезаны эти вставки небрежно или неумело, — по-видимому, не тем мастером, который вырезал орнамент всей плиты, а другим лицом. Текст состоит из семи строк вязи:

ЛЕТА 7054го М(Е)СЯЦА | МАИЯ В 16 Д(Е)Н(Ь) НА ПАМЯТЬ
ПР(Е)П(О)ДОБНАГО | ОТЦА Н(А)ШЕГО ФЕОДОРА ОСВЕ | ЩЕННА-
ГО ПРЕСТАВИС РАБ БОЖИИ | КНЯЗЬ ОНДРЕИ ИВАНОВИЧ
ТРУ | БЕЦКОЙ А ВО ИНОЦЕХ ОНДРЕ | ЯН

Погребенный здесь в 1546 г. князь Андрей Иванович Трубецкой, потомок Гедимины в седьмом колене и предок декабриста С. П. Трубецкого в десятом поколении, умер, когда Ивану Грозному было 13 лет. Он известен тем, что, подвергаясь преследованиям со стороны польских католиков, предпочел покинуть свой удел, чем перейти в католицизм. В 1500 г. он перешел на сторону Москвы и передал Ивану III свой удел. В 1508 г. он был послан на встречу кн. Глинских и в этом же году отправлен в Литву воеводой во главе русского войска. В 1535 г. был воеводой в Брянске и Почепе. Он участвовал в походах, был наместником трубчевским и воеводой в походах на Полоцк и Могилев. Кн. Андрей Иванович был не только последним удельным князем Трубчевским, но и вообще последним представителем удельной системы в России, и год его смерти знаменует конец этой системы⁷.

Плита № 9 (176 × 72 см; рис. 7) — третья в ряду от стены с нишей. Орнамент рамы, клейм и тяг выполнен с достаточным мастерством, но ее

⁵ Моск. Главн. Архив МИД. Портфель Миллера. № 285—IV, тетрадь 8, стр. 254.

⁶ Е. Э. Трубецкая я. Ук. соч., стр. 64.

⁷ Там же, стр. 50.

Рис. 7. Надгробная плита № 9

Рис. 8. Надгробная плита № 10

текст, состоящий всего из трех строк с небольшим, выполнен рукой неопытного мастера. Он гласит:

ЛѢТА 7049го ДѢКА | БРЯ В 30 Д(Е)Н(Ь) ПРѢСТАВИСЯ РАБ ВО
ЖИИ | КНЯЗ ФЕДАР ИВАНОВИЧ ТРУБЕ | ЦКОИ

В слове «ЛѢТА» буква «аз», в дате — буквы «земля», «мыслете» и «фита» высечены аляповато, излишне крупно и неумело. В этих последних буквах первой строки ширина и глубина вырезки в камне мачт и наклонных к ним неодинакова. Во второй строке лигатура «ря» скомпонована так, как этого не делали опытные камнерезы. В предлоге «В» мастер, вырубив мачту, «забыл» закончить букву. Буквенное выражение числа 40 и буква «люди» выполнены как рукописные того времени. Во второй строке странно соподчинены буквы «слово», «юс малый», «рцы» и «аз». Слово «БОЖИИ», ошибочно написано как «ВОЖИИ». Имя «Ф е д а р» — через «а». Отчество «Иванович» — также через «а». В этом слове лигатура «АН» вырезана так, как это не делалось московскими мастерами того времени, т. е. левая мачта буквы «наш» без надобности не доведена до низа строки. Над основным текстом плиты, по обе стороны верхнего клейма, начерпана вторая дата: «ЛѢТА 7130 ГО П». Основная дата плиты — 1541 г.

Плита № 10 (143 × 62 см) в раме, клеймах и тягах украшена хорошо выполненным жгутовым орнаментом, но по краям она изрядно обита

(рис. 8). Левый нижний угол обломан. Левый край истерт. На этой плите, как и на плите № 9, наряду с мастерским выполнением украшений, техническое выполнение текста низкого качества. Имеются неправильности и в грамматическом отношении:

ЛЕТА 7046 АВГУСТА | В 31 Д(Е)Н(Ь) ПРЕСТАВИСЯ РАБ БОЖИИ |
КНЯЗЬ ИВАН ИВАНОВИЧ ТРУ | БЕЦКОЙ

В слове «ЛЕТА» буквы «люди» и «ять» недописаны. Титло над семеркой протянуто в виде бесформенной черты. Над второй половиной даты, наоборот, скобка титла вырублена преувеличенно резко. Можно думать, что резчик, получив замечание в отношении первого титла, переусердствовал, выполняя второе. Под этой скобкой вместо должествующего быть здесь слога «ГО», поставлен значок в виде арабской семерки. В слове «АВГУСТА» буква «с» дана над строкой без титла, что на других надгробиях не наблюдается. Формула «ПРЕСТАВИС» также дана с окончанием «ся». Здесь странно слигированы буквы «твердо» и «аз» в лигатуре «та». Отчество «ИВАНОВИЧ», как и на плите № 9, вырезано через «а».

Плита № 6, самая большая (212×74), мастерски обработана и лучше всех сохранившаяся, находится в нише северо-западной стены (рис. 9). Плита имеет наиболее позднюю дату всех княжеских надгробий — 1602 г.

На плите написано:

ЛЕТ (А) 7110 го ГЕНВА | РЯ В 5 Д (Е) (Н) (Ь)
ПРЕСТАВС РАБ БОЖИИ КНЯЗЬ |
ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ТРУ | БЕЦКОЙ
А ВО ИНОЦЕХ ФЕОДО | СЕИ СКИМНИК

О кн. Федоре Михайловиче Трубецком известно, что он «играл выдающуюся роль при Иване Грозном, Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. Во время войн с Польшей и Крымом неоднократно начальствовал русскими войсками, а в эпоху отсутствия царя оставался в Москве блюстителем царского престола»⁸.

Плита № 11 — без надписи и орнамента.

Плита № 12 — малая (64 × 36 см) без надписи. Украшена клинчатым орнаментом в обычной композиции для XV—начала XVI вв. (рис. 10).

Плита № 13 — малая (66 × 35 см) и тоже без надписи. Интересна сочетанием рамы со жгутовым орнаментом с клеймами, выполненными более ранним способом клинчатой насечки, причем композиция тяг не завер-

Рис. 9. Надгробная плита № 6

⁸ Е. Э. Трубецкая. Ук. соч., стр. 56.

шена (рис. 10). Указанные признаки позволяют датировать это погребение 20—30-ми годами XVI в.

Плита № 14 — со жгутовой рамой без надписи.

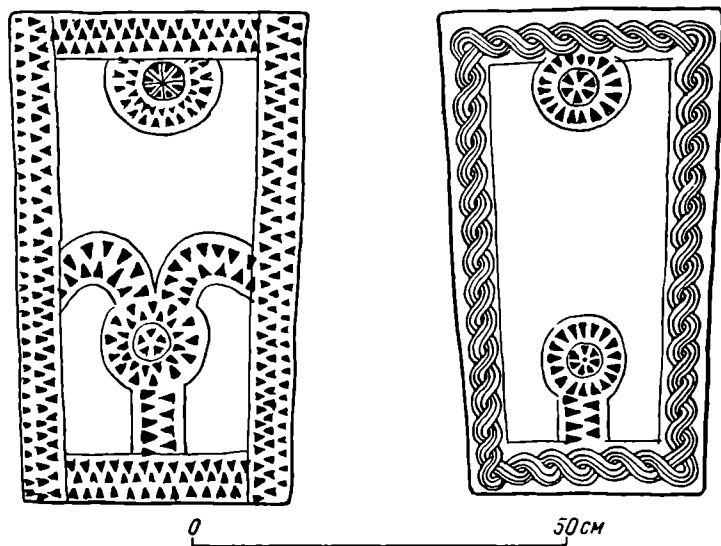

Рис. 10. Надгробные плиты № 12 и 13

Плита № 15 относится не к княжескому погребению. Ранее она лежала у северо-западной наружной стены собора. Это половина большой плиты обычного надгробия XVI в., с более поздней надписью XVII в. на торцевой узкой стороне ее:

ЛЕТА 7110 ФЕВРАЛЯ В 5 Д(Е)Н(Ь) ПРЕСТАВИСЯ РАБА БОЖИЯ
ИРИНА АКСЕНТЬЕВА ДОЧЬ ЖЕНА ТРУБЧЕСКОГО ЖИТЕЛЯ
ГРИГОРЬЯ ВАСИЛЬЕВА СЫНА БИРЮКОВА НА ПАМЯТЬ...

Это единственная не княжеская плита с надписью и к тому же женское надгробие. Слова вырезаны очень четко и отдельно кириллицей, но не вязью.

* * *

Палеографический анализ надгробий (кроме сильно отличающейся плиты № 1, плит без надписей и плиты № 15) позволяет все плиты, имеющие надписи, разделить на две группы. В первую группу войдут надгробия №№ 2, 5, 6, 7, 8, во вторую — №№ 9 и 10. Украшения и тексты надгробий первой группы выполнены уверенной рукой опытного камнереза. Стиль букв, особенности графики, язык их формул — московский, XVI в. Все плиты белокаменные. Но белого камня в крае нет, и несомненным является то, что их в Трубчевск доставили, скорее всего, из Москвы. Кроме плит с надписями, выполненными, по-видимому, в Москве по заказу, в Трубчевск транспортировались также орнаментированные плиты без надписей, для неизвестного будущего покойника из княжеского рода. Такие «заготовки» в ту эпоху были делом обычным. В случае кончины женщины из княжеского рода плиты клались без надписей.

Плиты второй группы — №№ 9 и 10 — при профессиональном выполнении декоративного их оформления (рама, клейма, тяги), в графике надпи-

сей резко различаются от надгробий первой группы. Надписи плит №№ 9 и 10 выполнены рукой человека мало искусного в камнерезном деле. В текстах этих плит запечатлелись диалектологические особенности творца этих надписей. Если на плитах первой группы №№ 2, 5, 6, 7, 8 окончание слова «Преставис» дано твердое, то на плитах второй группы — №№ 9 и 10 — оно в обоих случаях имеет мягкое окончание — «П р е с т а в и с я». На плите № 6 первой группы имя Федор написано через букву «о». На плите же № 9 второй группы это же имя написано в акающей фонетике — «Ф е д а р». На плитах первой группы, №№ 2 и 8, отчество «И в а н о в и ч» дано в окаяющей северорусской фонетике. Этими же диалектологическими особенностями отличаются слова «О н д р е е в и ч» на плите № 7 и «О н д р е й» и «О н д р е я н» на плите № 8. На плитах второй группы, №№ 9 и 10, дана акающая юго-западная диалектологическая окраска отчеству Иванавич.

Приведенные замечания позволяют предположить, что надгробия первой группы резаны в Москве профессиональными белокаменщиками по заказам из Трубецка, куда они затем и транспортировались. Но для могил князей Ивана Ивановича и Федора Ивановича, скончавшихся в 1539 и 1541 гг., плиты, по-видимому, не были заказаны в Москве. Для этой цели были использованы плиты, ранее завезенные в Трубецк без надписей. Написание текстов на них было поручено неизвестному местному грамотею.

Незначительность отрезка времени, протекшего между кончинами упомянутых князей, единство почерка и фонетики текстов плит №№ 9 и 10, при учете беспокойной обстановки в русско-литовской окраине того времени (в частности, «прихода» на московские южные окраины крымского хана Саип-Гирея в 1541 г.)⁹, затруднявшей доставку плит из Москвы, подтверждают вероятность приведенных соображений.

⁹ М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев. История СССР с древнейших времен до 1861 года. М., 1948, т. I, стр. 120.

ЗАМЕТКИ

Р. В. НИКОЛАЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА СЕВЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Северная часть Красноярского края в археологическом отношении изучена очень слабо. Известны немногочисленные находки 1921 г. А. Я. Тугаринова со стоянки близ устья р. Подкаменной Тунгуски¹. По сведениям В. Н. Чернецова, памятники, подобные обнаруженным им на полуострове Ямал, встречаются к востоку до устья р. Хатанги². Если говорить о бассейне нижнего течения Енисея, то можно упомянуть также о нефритовых топорах, найденных И. Д. Черским в 1876 г. на р. Нижней Тунгуске³. Кроме того, в музеях Красноярского края имеются отдельные случайные находки, происходящие из районов к северу от устья р. Ангары. Поэтому каждая находка с севера Красноярского края заслуживает изучения.

В настоящей статье дается подробное описание вещей, собранных А. Я. Тугариновым в 1921 г. на р. Подкаменной Тунгуске и до настоящего времени оставшихся неопубликованными, а также сообщается о некоторых предметах, случайно найденных в 1952—1953 гг. в окрестностях дер. Сухая Тунгуска (Туруханский район) и в г. Енисейске.

Стоянка в устье р. Подкаменной Тунгуски открыта А. Я. Тугариновым во время экспедиции музея Приенисейского края в 1921 г. для комплексного изучения реки и прилежащих местностей. В своем предварительном отчете автор дает чрезвычайно краткое описание стоянки и собранного инвентаря. Считаю возможным привести это описание полностью.

«4—8-ое (августа.— *Р. Н.*) экскурсия в окрестностях (дер. Подкаменной Тунгуски.— *Р. Н.*). На берегу Катанги (р. Подкаменной Тунгуски.— *Р. Н.*) сейчас же за деревней обнаружена стоянка. На границе песков и почвенного горизонта найдены черепки и шлаки. У местного жителя Алексева, толкового любознательного крестьянина, оказалось несколько вещей, найденных здесь же: тесло ангарского типа и материала, небольшой шаровидный отбойник и полушаровидная галька с высечкой для привязывания. Металлических предметов, говорят, не находили»⁴.

В Красноярском краевом музее имеются следующие вещи из коллекции А. Я. Тугаринова. Тесло полированное, из светло-серой яшмы (инв. № 136-1), наиболее близкое по типу к серовским теслам⁵. Тесло полированное, из темно-серой яшмы (инв. № 136-2); это типичное исаковское тесло⁶.

¹ А. Я. Тугаринов. Предварительный отчет экспедиции на р. Подкаменную Тунгуску (Катангу) в 1921 г. ИКОРГО, т. III, вып. 2, 1924, стр. 28—29.

² В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 20.

³ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 37.

⁴ А. Я. Тугаринов. Ук. соч., стр. 28—29.

⁵ А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 202, 203 и рис. 43.

⁶ Там же, стр. 175, 176 и рис. 26.

Две ножевидные пластинки (инв. № 134-а — 28).

Два обломка каменных орудий (инв. № 134-а — 29), из которых первый определен предположительно А. Я. Тугариновым как обломок скребка, второй — как обломок остроконечника⁷.

259 обломков глиняного сосуда (инв. № 134-а — 27), найденного на глубине 0,40—0,50 м. Плечо довольно выпуклое, венчик слегка отогнут наружу; диаметр венчика — 22 см, толщина стенки — 0,4 см. Сосуд украшен по венчику двумя рядами круглых вдавлений, стенки имеют зигзагообразный орнамент из четырех параллельных полос. Орнамент венчика имеет аналогию в серовском сосуде со стоянки Аталанга на Илеме⁸, а зигзагообразный — в области южных культур Хакасско-Минусинской котловины⁹. Кроме того, имеются семь фрагментов стенок другого сосуда без орнамента, толщиной 0,3 см (инв. № 134-а — 30).

Можно предполагать, что стоянка является многослойной и содержит в себе памятники как неолитические, так и эпохи металла. Однако несомненно, что типы тесел и орнамент венчика сосуда указывают на связь с неолитическими культурами Прибайкалья.

Неолитические находки в г. Енисейске до последнего времени были неизвестны. В коллекциях Енисейского районного музея основную массу каменных орудий составляют изделия со стоянок Чадобец, Кежма и Заледеево на Ангаре.

В 1953 г. в Енисейске при постройке механических мастерских сплавной конторы на берегу Енисея случайно было выкопано в земле китойское орудие, известное в литературе под названием «топора с закраинами» (рис. 1, 2). находка была передана строителями в Енисейский музей (инв. № 294). По словам рабочих, ими были также обнаружены человеческие черепа. Весьма возможно, что земляными работами здесь был затронут неолитический могильник.

В том же 1953 г. в Енисейске, на ул. Кирова в районе дома № 21, также случайно было выкопано каменное орудие, напоминающее по внешнему виду глазковские топоры¹⁰. Эта находка тоже поступила в Енисейский музей (инв. № 3579). Таким образом, и здесь мы сталкиваемся с орудиями, типичными для прибайкальского неолита.

Находки на Подкаменной Тунгуске и в г. Енисейске подтверждают теорию А. П. Окладникова, включившего в область распространения выделен-

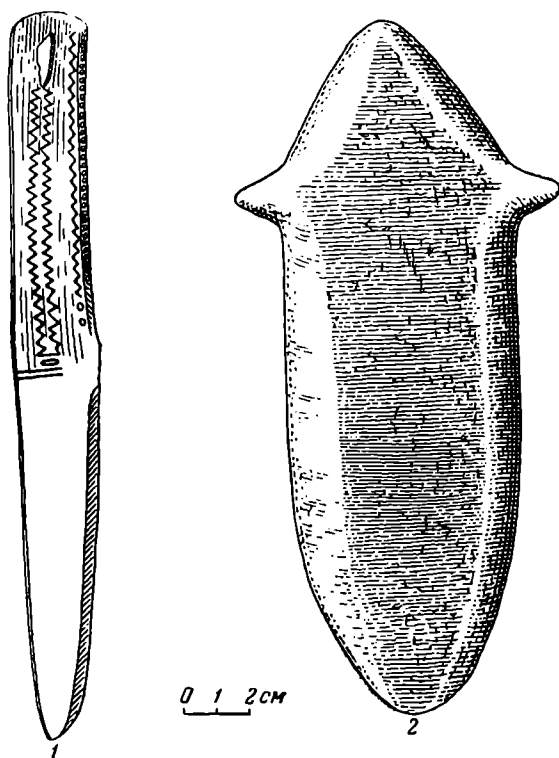

Рис. 1.

1 — бронзовый нож из дер. Сухая Тунгуска; 2 — каменный «топор с закраинами» из г. Енисейска

⁷ Картошка археологических коллекций Красноярского музея.

⁸ А. П. Окладников. Ук. соч., рис. 61, 2.

⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. VIII, 9, 12; табл. X; табл. XLIV, 6, 7.

¹⁰ А. П. Окладников. Ук. соч., рис. 38.

ной им центральной для Сибири байкальской культуры бассейн Среднего Енисея (в том числе Подкаменную Тунгуску), а также территорию к западу от него вплоть до Оби¹¹. Китайские «топоры с закраинами» известны в Приобье¹². Одна каменная рыба серовского типа найдена в Барабинской степи¹³. В этой связи неолитические находки прибайкальского типа в Енисейске и на Подкаменной Тунгуске вполне закономерны.

В 1952 г. в окрестностях дер. Сухая Тунгуска колхозницей был найден бронзовый нож (рис. 1, 1) и передан в Красноярский краевой музей. Находка сделана, как значится в инвентарной книге, на берегу Енисея, в 1 км выше деревни, на поверхности песка. Нож массивный, почти прямой; рукоять не имеет навершия и снабжена продолговатым петлеобразным отверстием. Рукоять почти одинаковой длины с клинком, отделена от него двумя незавершенными поперечными прямыми линиями орнамента. На грани рукояти и клинка на обушке есть едва заметный изгиб. В самом низу обушок имеет дуговидный изгиб; такой же, но в большей степени изгиб имеет лезвие ножа. Рукоять ножа украшена рядом округлых и подчетырехугольных выпуклостей, идущих сверху вниз вдоль края рукояти, одной прямой и тремя зигзагообразными линиями. Орнаментирован нож лишь с одной стороны.

Казалось бы, по внешним признакам нож из Сухой Тунгуски ближе всего стоит к тагарским змейчатообушковым однопетельным ножам¹⁴. Однако слабый изгиб обушка на грани клинка и рукояти и длина рукояти, составляющей почти половину всего ножа, заставляют вспомнить о карасукских образцах¹⁵. За карасукскую датировку ножа говорит также и его массивность. А. П. Окладников отмечает тяготение таежных литейщиков этого времени к вещам больших размеров¹⁶. Зигзагообразный орнамент встречается как на карасукских, так и на тагарских ножах и кинжалах, но орнамент в виде выпуклых точек часто встречается именно на карасукских ножах и кельтах¹⁷.

Находка бронзового ножа карасукского типа в Сухой Тунгуске заставляет вспомнить об этнографических параллелях карасукской культуре, прослеженных Б. О. Долгих у энцев и нганасанов. Исследуя каменные обрядовые сооружения названных народностей, Б. О. Долгих отмечает, что именно в карасукской культуре мы находим широкое использование каменных плит для сооружения погребальных камер, устройства оград и т. п. Характерные для карасука лапчатые подвески, лишь несколько видоизменившись, и сейчас служат украшением у нганасанов и энцев. Находят аналогии в карасуке и другие украшения и предметы быта энцев и нганасанов (нагрудные медные пластинки, игольники и др.).

Дочь нганасана Нгамо Турдагина еще в 1948 г. употребляла для кройки шкур нож с характерным для карасукской культуры коленчатым изгибом. Карасукские каменные изваяния, по мнению Б. О. Долгих, находят себе параллель в каменных «болванах» нганасанов¹⁸.

Находка ножа из Сухой Тунгуски, таким образом, еще раз подтверждает связь культуры южных самоедских предков нганасанов и энцев с древними культурами Хакасско-Минусинской котловины.

¹¹ А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники по этнографии Сибири и Дальнего Востока. КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 6, 7.

¹² В. П. Чернецов. Ук. соч., стр. 22.

¹³ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 14.

¹⁴ Там же, табл. XXIII, 21.

¹⁵ С. В. Киселев. Монголия в древности. ИАН, серия истории и философии, 1947, т. IV, № 4, стр. 359, рис. 2, г; Э. Р. Рыгдылон. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска. КСИИМК, вып. 60, 1955, рис. 53, 3, 14, рис. 56, 5, 6.

¹⁶ А. П. Окладников. Археология и основные вопросы древней истории Якутии. КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 75.

¹⁷ Н. Л. Членова. Бронзовый меч из Минусинской котловины. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 138.

¹⁸ Б. О. Долгих. Обрядовые сооружения нганасанов и энцев. КСИЭ, XIII, 1951, стр. 13, 14.

А. Н. ЩЕГЛОВ

ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА КОМИЧЕСКОГО АКТЕРА ИЗ ГЛУБОКОЙ ПРИСТАНИ

Одной из наиболее выразительных сюжетных групп терракотовых статуэток является многочисленная группа, изображающая актеров древней комедии в различных ролях. Появившись вслед за расцветом классической комедии в V в. до н. э., терракотовые статуэтки комических актеров наибольшее распространение получили в следующем, IV в. до н. э.¹

К этой же группе статуэток можно отнести типологически близкую к ней серию терракот, обычно трактуемых как изображение «педагога с учеником». Публикуемая статуэтка относится к этой серии терракот.

Статуэтка² найдена случайно в 1950 г. на поселении Глубокая Пристань, расположенном на северном берегу Днепровского лимана, приблизительно в 40 км от Ольвии. Глина в изломе светло-серая, прочная, без примесей; сохранилась только передняя часть статуэтки. Высота — 6,4 см (рис. 1, 1).

Актер изображен стоящим, опершись на правую ногу; колено левой ноги, чуть ослабленной, слегка выдвинуто вперед. Стопы не сохранились. На нем надета бородатая комическая маска обычного типа — с широким оскалом рта, пухлыми щеками, широким приплюснутым носом, выступающим вперед лбом с нависшими надбровными дугами, под которыми прячутся маленькие заплывшие глаза. В левой руке актер держит младенца в островерхом головном уборе, придерживая его и прижимая к себе правой рукой. На актере накинут гиматий, который, покрывая голову и левую сторону фигуры (руку и младенца), опускается на бедра двумя складками.

С правой стороны гиматий, оставляя открытым слегка обозначенное ухо, обертывает бок и подчеркнута большой живот. Край гиматия придерживается левой рукой.

Наиболее близкой аналогией нашей терракоте является статуэтка в коллекции Гос. Эрмитажа, происходящая, по-видимому, из Керчи³. Глина красная. Высота — 6,9 см. Сохранилась тоже только передняя часть (рис. 1, 2).

Формы для обеих статуэток, по-видимому, сняты с одного оригинала, но терракота из Глубокой Пристанни изготовлена по повторной (может быть, многократно повторной) форме; это видно по различному составу глины статуэток и нечетким очертаниям в передаче общих контуров и деталей — бороды, головы младенца, складок одежды и др. Обе статуэтки восходят к распространенному аттическому типу актеров древней комедии⁴ и могут быть датированы не позднее первой половины IV в. до н. э.

Стилистически и композиционно близкой им является статуэтка старухи с младенцем на руках из Метрополитанского музея, изданная М. Бибер⁵. Резкие черты лица, подчеркнута провалившийся рот с выступающим вперед подбородком, угловатое сухое тело, прослеживающееся под хитоном, сближают ее с изображением кормилицы Геракла на вазе Пистоксена⁶.

¹ А. Перелольская. К проблеме реализма в греческом искусстве V в. до н. э. «Искусство», 1936, № 1, стр. 156.

² Гос. Эрмитаж, инв. № Г-2719.

³ Из собрания Новикова. Гос. Эрмитаж, инв. № Г-1167.

⁴ F. Winter. Die Typen der Figürlichen Terrakotten, т. II, Berlin — Stuttgart, 1903, стр. 425, рис. 11.

⁵ M. Bieber. The History of the Greek and Roman Theatre. Princeton, 1939, стр. 86, рис. 122.

⁶ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 191; J. Veazley. Attische Vasenmaler des rotfiguren Stils. Tübingen, 1925, стр. 259, рис. 1.

Близкими по своей композиции статуэтке из Глубокой Пристани являются фигурки стоящих актеров, изданные А. Н. Деревицким⁷ и в «Древностях Восточной Киммерийского»⁸.

Сложившийся силенообразный тип маски делается общим для изображения актеров, играющих самые разнообразнейшие роли. Широко распространен он и в Северном Причерноморье⁹. Позднее этот тип переходит и на другие жанровые статуэтки; он встречается, например, в группах сидящего «педагога с учеником»¹⁰.

Рис. 1. Терракотовые статуэтки

1 — из Глубокой Пристани; 2 — из собрания Новикова (Пантикапей)

Публикуемая терракота может быть сопоставлена с группой силена с младенцем Дионисом на руках из комплекса терракот кургана Большая Близница на Тамани¹¹, а также со статуэтками, найденными в Крыму¹² и хранящимися в Британском музее¹³. Находки статуэток этой серии известны в Киренаике, на Крите¹⁴ и Мелосе¹⁵. Группа близка статуэткам из Глубокой Пристани и собрания Новикова и тоже обычно трактуется как изображение актера древней комедии, играющего роль «педагога с учеником».

⁷ А. Н. Деревицкий. Несколько греческих статуэток из собрания Одесского общества истории и древностей и А. И. Нелидова. ЗООИД, т. XVIII, 1895, табл. II, 9.

⁸ ДБК, Атлас, табл. LXII, 10.

⁹ М. А. Наливкина. Терракоты Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, стр. 333, рис. 6, 1; А. Н. Деревицкий. Ук. соч., табл. II, 2, 9; А. Н. Деревицкий, А. А. Павловский, Э. Р. Штерн. Терракоты Одесского музея, вып. I. Одесса, 1897, табл. XIV, 4; ДБК, Атлас, табл. LXII, 10; М. М. Худяк. Терракоты. Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 101, рис. 20; Л. М. Славин. Основные итоги Ольвийской экспедиции 1954 г. КСИА, вып. 5, 1955, стр. 39, рис. 4; ср. также F. Winter. Ук. соч., стр. 414—431.

¹⁰ A Guide to the Exhibition Illustrating Greek and Roman Life. London, 1908, стр. 185, рис. 192.

¹¹ ОАК за 1869 г., табл. II, 1.

¹² ОАК за 1868 г., табл. III, 1.

¹³ H. V. Walters. Catalogue of the Terrakottas in the Department of Greek and Roman Antiquities of British Museum. London, 1903, С. 74, табл. XXXIV.

¹⁴ F. Winter. Ук. соч., стр. 400, рис. 3.

¹⁵ H. V. Walters. Ук. соч., стр. 196.

В последнее время А. А. Передольской, в связи с исследованиями комплекса терракотовых статуэток из Большой Близницы, было выдвинуто предположение о связи данной группы с хтоническим культом кабиров¹⁶.

По-видимому, на близость культов Диониса и самофракийских богов указывает конический головной убор младенца на терракоте из Глубокой Пристани, характерный для изображений кабиров¹⁷. Эти культы, тесно переплетаясь между собой и с другими мистериальными культурами (Деметры, Кибелы), персонифицировали производящие силы природы и имели земледельческий характер.

Несмотря на общую близость группы типа Большой Близницы с публикуемой статуэткой комического актера, выражающуюся в общей сюжетной трактовке и почти одинаковой компоновке, между ними и последней существует ряд отличий. Они прослеживаются в деталях и в более тщательной моделировке фигурок типа Большой Близницы. У терракот первого типа (Большой Близницы) в правой руке, согнутой в локтевом суставе на уровне бедра, зажата виноградная кисть; у терракот второго типа правая рука придерживает младенца. Гиматий на статуэтке из Глубокой Пристани, как и на фигурках стоящих актеров, изданных Э. Р. Штерном¹⁸ и в Древностях Боспора Киммерийского¹⁹, покрывает фигуру с головой, но зато, как и на группе из Большой Близницы, окутывает живот, свисая несколькими складками у левого бедра.

Верхняя половина фигуры силен в терракотах первой группы одета в козлиную шкуру, вывернутую шерстью наружу. Такая же шкура прослеживается и на лучше сохранившейся статуэтке из собрания Новикова.

Наиболее существенные отличия этих групп видны в трактовке головы стоящей фигуры и в изображении младенца. В группе типа Большой Близницы голова старого бородатого силен дана без каких-либо признаков карикатуризации. Голова фигуры из Глубокой Пристани воспроизводит, напротив, обычную силенообразную маску комического актера. Такой тип изображения силенов характерен для IV в. до н. э.; известен он и в мраморном рельефе Северного Причерноморья²⁰.

Никаких черт гротескности не носит на терракотах первой группы и изображение обнаженного младенца. В группе из Глубокой Пристани младенец показан в виде туго запеленутого свертка в коническом головном уборе. По всей вероятности, это кукла, которую актер, исполняющий роль, держит в руках во время представления.

В целом группа из Глубокой Пристани, по сравнению с терракотой из Большой Близницы, более суммарна.

В обеих группах сюжет, по-видимому, один — силен с младенцем Дионисом на руках²¹. Судя по характеру изображения, группа из Большой Близницы, вероятно, не является изображением актера и имеет только вотивное значение; публикуемая терракота представляет актера, высту-

¹⁶ А. А. Передольская. Художественно-историческое значение терракот из кургана Большая Близница. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 71.

¹⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 170, табл. XXXIX, 43—45.

¹⁸ А. Н. Деревницкий, А. А. Павловский, Э. Р. Штерн. Терракоты Одесского музея, вып. I, Одесса, 1897, табл. XIV, 4.

¹⁹ ДБК, Атлас, табл. LXII, 10.

²⁰ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 162; см. также В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 17, рис. 7. Одежда комического актера в роли силен на стеле из Пантикапея соответствует одежде на терракотовых статуэтках — лохматая козлиная шкура, поверх которой накинута гиматий.

²¹ Для статуэток типа Большой Близницы такую трактовку в свое время дали Стефани (ОАК за 1869 г.) и Уолтерс (Н. В. Walters. Ук. соч., стр. 196).

пающего в роли одного из персонажей комедии дионисийского круга, т. е. носит несколько жанровый характер. Это не исключает возможности употребления статуэток типа Глубокой Пристани в ритуальном значении, так как граница между жанровыми и вотивными изображениями в данном случае стирается.

Таким образом, перед нами две, по-видимому, синхронные серии терракотовых групп.

Возможно, что образ силена, укачивающего младенца-бога, представленный в терракоте²², восходит к какой-нибудь популярной скульптурной группе. Этот образ прослеживается в эллинистической статуарной скульптуре III в. до н. э.²³

Земледельческий культ Диониса получил особенно широкое распространение в Северном Причерноморье, и в частности в Ольвии²⁴, а вместе с ним, естественно, пользовались большой популярностью и боже-ства этого круга. Это получило свое отражение в посвячительных надписях²⁵, скульптуре и терракоте²⁶. Нам известны празднования в Ольвии дионисий²⁷ и вакханалий²⁸. В жанровых статуэтках нашли свое отражение персонажи этих празднеств. Жанровая «терракотовая статуэтка, дешевая и понятная, была чрезвычайно популярна среди широких масс городского населения»²⁹.

Весьма любопытен сам факт находки статуэтки на поселении Глубокая Пристань. Это поселение располагается в зоне, где Геродот³⁰ локализует каллипидов, или эллинов-скифов.

Исследования, проведенные за последние годы на периферии Ольвии, показывают, что каллипиды являлись местным племенем, воспринявшим ряд черт эллинского быта³¹.

В процессе смешения двух культур — местной и греческой — несомненно происходила и ассимиляция местными племенами наиболее близких им, в частности аграрных, культов. С этой точки зрения, жанровая терракота, изображающая актера в роли силена, возможно, могла в данном случае иметь ритуальное значение.

²² По сообщению Ф. М. Штительман, в Киевском музее западного и восточного искусства хранится фитурный сосуд, изображающий этот же сюжет.

²³ Группы Ватиканского и Луврского музеев. Реплика II в. в Гос. Эрмитаже. См. Музей древней скульптуры. СПб., 1901, № 291.

²⁴ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 16 сл.

²⁵ В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. ИАК, вып. 18, 1906, стр. 108, № 13.

²⁶ М. А. Наливкина. Ук. соч., стр. 335 сл.

²⁷ IOSPE, I², № 25.

²⁸ Herod., IV, 79.

²⁹ М. М. Кобылина. Терракоты Фанагории местного производства. ВДИ, 1949, № 2, стр. 107.

³⁰ Herod., IV, 17.

³¹ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, стр. 53 сл.; С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, № 50, 1956, стр. 251; Ф. М. Штительман. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. МИА, № 50, стр. 255—272.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

ЧЕТВЕРТАЯ НАДПИСЬ ПОСИДЕЯ ИЗ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

В 1958 г. при раскопках в северо-западной части городища Неаполя скифского, на участке Д¹, нами был найден расколотый на две части мраморный постамент для статуи.

Одна из частей постамента (меньшая) обнаружена на глубине 0,40 м от современной поверхности, другая — на глубине 0,20 м, на расстоянии около 10 м от первой. Обе части оказались в более позднем слое, чем тот, с которым может быть связан постамент, — рядом с остатками кладок II—III вв. н. э.

Постамент сохранился почти полностью, отбита лишь незначительная часть. Размеры его — 0,50 × 0,50 × 0,24 м. Квадр хорошо отесан со всех сторон. Мрамор серый, с желтой патиной.

На верхней плоскости постамента (рис. 1) имеются углубления для установки статуи: продолговатое — для правой ноги, круглое — для передней части стопы отставленной назад левой ноги, маленькое прямоугольное — для копья или жезла, который статуя держала в левой руке². Судя по размеру углубления для правой ноги (17,5 см), статуя была сделана примерно в ²/₃ натуральной величины.

На одной из боковых сторон постамента, в верхней ее части, вырезана трехстрочная греческая надпись (рис. 2, 1). Высота букв — 1,5—2,5 см. Наибольшей высоты достигают буквы третьей строки. Буквы ровные, тщательно вырезанные; прямые линии имеют апексы. По палеографическим признакам надпись датируется II в. до н. э.

Надпись сохранилась почти полностью. Восстановление нескольких недостающих и поврежденных букв и чтение надписи не вызывают никаких сомнений:

Ρ[ό]δοι
Ποσιδέ[α]ς Ποσιδέ[α]ς
γ[α]ρ[ε] [σ]τ[ή]ρι[σ]τ[η]

На противоположной боковой стороне постамента небрежно вырезаны рисунки не вполне ясного значения, возможно связанные с культом плодородия (рис. 2, 2). Судя по самим рисункам, по расположению их ближе к нижней плоскости постамента, а также по окатанности граней

Рис. 1. Верхняя плоскость постамента с углублениями для статуи

¹ Раскопки проводились Скифским отрядом Крымской экспедиции ИИМК АН СССР и ГИМ. Начальник отряда — А. Н. Карасев. Находки переданы в ГИМ.

² Углубление для правой ноги статуи имеет длину 17,5 см, среднюю ширину 6,3 см и глубину основной части 0,4—1,1 см. В нем на расстоянии 3,5 см от его переднего края сделана почти круглая ямка, 4 × 4,6 см, глубиной от дна основного углубления 1,1 см. Дно ямки неровное.

Углубление для левой ноги почти круглое, 4,6 × 5,2 см, глубина 1,7 см. Дно неровное, края сглажены.

Углубление для копья или жезла прямоугольное, книзу суживается. Длина его 2,1 см, ширина 1,5 см, глубина 1,6 см.

нижней части камня, рисунки были нанесены на перевернутый (скорее всего, на бок) постамент, после того как с него была снята статуя, и относятся ко вторичному использованию камня в более поздний период.

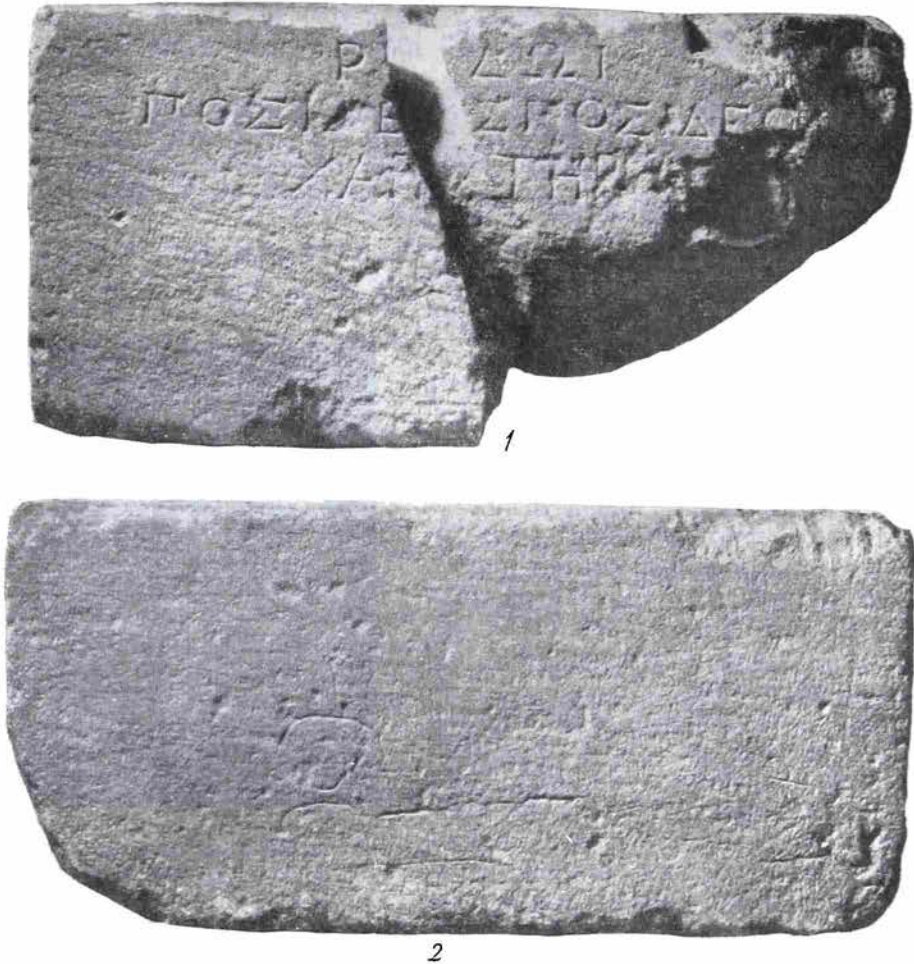

Рис. 2. Боковые стороны постамента

1 — передняя сторона с греческой надписью; 2 — задняя сторона со скифскими рисунками (при том же положении постамента)

Публикуемая надпись — уже четвертая надпись с именем Посидея сына Посидея, найденная в Неаполе. Первые три надписи с его именем были найдены здесь более ста лет тому назад (в 1827 г.— И. П. Бла-рамбергом и в 1853 г.— А. С. Уваровым³). Все эти надписи начертаны на постаментах от не дошедших до нас статуй и содержат посвящения от Посидея сына Посидея различным богам: Зевсу Атабирию⁴, Афине Линдии⁵ и Ахиллу владыке острова⁶.

Первые две надписи абсолютно тождественны найденной нами надписи по формуле. В третьей упоминается о победе Посидея над пиратствующими сатархеями.

³ И. П. Бла-рамберг. О положении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбоном. ИТУАК, № 7, 1889, стр. 61 и таблица в конце книги; А. С. Уваров. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя. Пропилеи, кн. IV, М., 1854, стр. 526, 527; Извлечение из отчета об археологических разысканиях в 1853 году. СПб., 1855, стр. 133, 134, рис. 50.

⁴ IOSPE, I², № 670.

⁵ IOSPE, I², № 671.

⁶ IOSPE, I², № 672.

Еще одна посвяtitельная надпись Посидея сына Посидея была найдена в Ольвии в 1873 г.⁷ Эта надпись посвящена Афродите Евплии и также тождественна нашей по формуле⁸.

В. В. Латышев, с большим вниманием отнесшийся к надписям Посидея, считал возможным связывать их с одним и тем же лицом и относить ко времени царствования Скилура⁹ (2-я пол. II в. до н. э.¹⁰).

Тому же Посидею сыну Посидея принадлежит, судя по всему, и публикуемая надпись. Надо полагать, что она, так же как приведенные выше надписи Посидея, аналогичные по формуле, и как другие греческие посвяtitельные надписи, была посвящена божеству. В слове Ῥόδωι следует видеть имя богини, олицетворявшей остров Родос.

Перевод надписи: «(Богине) Родос Посидей (сын) Посидея (посвятил) благодарственное приношение».

Имена почитавшихся на Родосе богов Зевса Атабирия и Афины Линдии, содержащиеся в надписях Посидея сына Посидея, найденных в 1827 г. И. П. Бларамбергом, уже тогда дали основание последнему считать Посидея родосцем¹¹. Это мнение было в свое время поддержано П. Беккером, затем В. В. Латышевым и недавно — П. О. Карышковским¹².

Посвяtitельная надпись Посидея Ахиллу владыке острова связана с культом Ахилла Понтарха, распространенным на северном побережье Черного моря. Главным святилищем этого культа был о. Левка; большую роль культ Ахилла Понтарха играл и в Ольвии¹³.

Афродита Евплия (Εὐπλοία), которой была посвящена найденная в Ольвии надпись Посидея, почиталась в Книде¹⁴.

Весьма интересна трактовка В. В. Латышевым двух найденных в Ольвии декретов, каждый из которых издан в честь ольвийского гражданина¹⁵. Один декрет издан тенедосцами, другой — косцами. Обе надписи сохранились плохо. В одном из декретов восстанавливается отчество ольвийского гражданина — Ποσιδέου, а имя его не сохранилось. В другом сохранилось имя Ποσιδέος и предположительно восстанавливается то же отчество. В. В. Латышев датирует оба декрета II в. до н. э. и предполагает, что они могли быть изданы в честь того же Посидея сына Посидея, который посвящал статуи богам в Ольвии и Неаполе. Считая Посидея родосцем, получившим ольвийское гражданство¹⁶, В. В. Латышев находит вполне естественным, что Посидей мог охотно оказывать услуги приезжавшим в Ольвию иностранцам, тем более что жители Коса были соседями его далекой родины.

В связи с вопросом о происхождении Посидея сына Посидея интересно также, что имя Ποσιδέος, кроме Неаполя скифского и Ольвии, засвидетельствовано только в городах Малой Азии и на прилегающих островах¹⁷. Оно часто встречается на синопских амфорных клеймах.

⁷ IOSPE, I², № 168.

⁸ Написание отчества Посидея в ольвийской надписи Ποσιδείου

⁹ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 133.

¹⁰ Там же, стр. 131.

¹¹ И. П. Бларамберг. Ук. соч., стр. 61 и 65.

¹² P. Becker. Die Herakleotische Halbinsel in archäologischer Beziehung. Leipzig. 1856, стр. 41 сл.; В. В. Латышев. Ук. соч. стр. 132; IOSPE, I², стр. 503, 504; П. И. Карышковский. З історії зовнішньополітичних зв'язків Ольвії. Ольвія та Родос. Матеріали з археології Північного Причорномор'я, вып. 2, Одесса, 1959, стр. 72, 73.

¹³ G. M. Hirst. The Cults of Olbia. Перевод — «Ольвийские культы». ИАК, вып. 27, 1908, стр. 79, сл.; И. Голстой. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Птрг., 1918, стр. 41 сл.

¹⁴ Paus. I, 1, 3; G. M. Hirst. Ук. соч., стр. 107—109.

¹⁵ В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 134; IOSPE, I², №№ 77, 78.

¹⁶ В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 133; ср. его же. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, т. I, 1921, стр. 20.

¹⁷ Т. Н. Книпочич. Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. МИА, № 50, 1956, прил. I, № 143.

Вновь открытая надпись уже совершенно бесспорно связывает Посидея сына Посидея с Родосом.

Мы имеем многочисленные археологические свидетельства о торговле крымских скифов с Родосом в III — начале I в. до н. э. Родосское вино широко импортировалось в Неаполь. Родосские амфоры преобладают над другими группами керамической тары эллинистического времени, а клейма на ручках этих амфор составляют подавляющее большинство среди всех найденных в Неаполе клейм¹⁸. Родосские амфорные клейма обнаружены, кроме Неаполя, еще на двух скифских городищах Центрального Крыма — Красном (Кермен-Кыр)¹⁹ и Добром (Мамут-Султан)²⁰.

Посидей сын Посидея был, безусловно, одним из выдающихся людей своего времени. Он имел большие заслуги перед скифским государством и занимал там почетное положение²¹. Из девяти надписей, найденных на Неаполе за все время его исследования²², четыре принадлежат Посидею. Очевидно, он был крупным купцом, располагавшим большими средствами; об этом свидетельствуют поставленные им статуи. Профессию купца он успешно сочетал с профессией моряка, что было обычно в древнем мире. Если о том, что Посидей, переселившись с Родоса в Ольвию, а затем — в Неаполь²³, вел торговые операции между этими пунктами, мы можем только предполагать, то о его успешных военно-морских операциях прямо говорит одна из его ранее найденных вышеупомянутых надписей²⁴. Возможно, Посидей состоял на службе у скифского царя Скилура²⁵.

Находка четвертого мраморного постамента с посвянительной надписью Посидея на Неаполе вносит новые немаловажные черты в характеристику города. Первые три постамента, а также постамент статуи Скилура, обнаруженные более ста лет тому назад, находились все в южной части городища, в районе южной оборонительной стены²⁶. Здесь же были открыты в 1949 г. архитектурные остатки, обломок мраморного постамента с посвящением Евмена Деметре, обломки мраморных и бронзовых статуй, свидетельствующие о важнейшем значении и парадном характере этого участка города²⁷.

Четвертая же надпись Посидея найдена в противоположной, северо-западной части городища. В сочетании с раскрытым здесь в 1955—1957 гг. большим общественным зданием с фресками («А»), основание которого относится ко II в. до н. э., и обнаруженными в 1958 г. стенами-

¹⁸ И. Б. Зеест. К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора. МИА, № 33, 1954, стр. 72.

¹⁹ О. Д. Дашевская. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 114; Ю. С. Крушкол. Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху. ВДИ, 1957, № 4, стр. 112—114. Под употребляемым Ю. С. Крушкол несуществующим названием «Шарликият» скрывается городище Красное, или Кермен-Кыр, расположенное около бывш. дер. Сарайлы-Кият (ныне — совхоз «Красный»).

²⁰ О. Д. Дашевская. Скифские городища Крыма. Канд. диссертация. М., 1954, стр. 219.

²¹ Э. И. Соломоник. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. Сб. «Археология и история Боспора», I, Симферополь, 1952, стр. 120, 123.

²² IOSPE, I², №№ 668—673; Э. И. Соломоник. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса. СА, XXVIII, 1958, стр. 308—313.

²³ См. В. В. Латышев. Исследования..., стр. 133; IOSPE, I², стр. 504.

²⁴ IOSPE, I², № 672; см. Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 27.

²⁵ М. Ростовцев. Новая книга о Белом острове и Таврике. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 190.

²⁶ П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.). Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 71.

²⁷ А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя скифского. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 168, 169; его же. Раскопки Неаполя скифского в 1950 г. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 82.

оградами, выделявшими какой-то особый район города²⁸, находка постаментов привлекает к северному участку городища не меньшее внимание, чем к южному.

Что же касается вторичного использования постаментов, то нанесенные на них рисунки следует рассматривать параллельно с граффити, начерченными на оштукатуренных стенах здания «А» в поздний период его существования (II в. н. э.)

²⁸ А. Н. Карасев. Отчеты о работах Скифского отряда Крымской экспедиции ИИМК АН СССР и ГИМ за 1955—1958 гг. Архив ИА АН СССР, №№ 1182, 1364, 1667, 1797.

Э. А. СЫМОНОВИЧ, К. В. ГОЛЕНКО

МОНЕТЫ ИЗ НЕКРОПОЛЯ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

Работами 1956—1957 гг. на восточном участке некрополя Неаполя скифского вскрыто 77 могил, содержащих около 300 погребений. Погребенных сопровождал обильный инвентарь, состоявший главным образом из посуды, украшений и частей одежды захороненных. Раскопками удалось установить бытовое назначение и хронологию ряда вещей. В числе интересных и важных для датировки находок оказались пробитые и сильно окисленные медные монеты. Они обнаружены в двух могилах, причем в одном случае монет было две, в другом — три¹.

Несмотря на плохую сохранность, эти монеты заслуживают внимательного исследования уже потому, что до их находки отдельные типы могил восточного участка некрополя Неаполя датировались в основном по находкам фибул и античной посуды.

В одном случае две монеты найдены в могиле № 35 (погр. № 2—4 в большом земляном склепе). Обе монеты обнаружены у ступней костяка. Это обстоятельство, а также наличие отверстий в монетах дают основание утверждать, что они использовались в качестве украшений или застежек обуви. Эти монеты пробиты четырехгранным в сечении орудием. Неразношенность отверстий говорит о том, что они не употреблялись (или мало употреблялись) в качестве украшения при жизни погребенного.

Первая монета (рис. 1, 1) очень сильно окислена. Вес 11,50 г. На лицевой ее стороне едва различимо изображение головы вправо, тип оборотной стороны совершенно неясен. Столь плохая сохранность не позволила бы определить (и, таким образом, датировать) тип этой монеты, если бы не наличие надчеканок в виде восьмилучевой звезды на обеих сторонах монеты.

Подобным образом на Боспоре надчеканивался ряд оболлов: Асандра времени его архонтства², несколько более поздние пантикапейские оболочки³, один тип херсонесских монет⁴ и так называемые анонимные оболочки⁵, чеканенные на Боспоре в конце правления Митридата VI⁶.

¹ При исследовании краев кургана, расположенного на территории могильника, были обнаружены еще три медные монеты. Две из них, пробитые подобно нашим монетам, неопределимы; третья — херсонесская, II—III вв. н. э. Сведения об этих находках любезно сообщил нам начальник Тавро-Скифской экспедиции П. Н. Шульц.

² См., например, П. Бурачко в. Общий каталог монет. Одесса, 1884, табл. XXV, 46.

³ См., например, Х. Х. Гиль. Новые приобретения моего собрания. ЗРАО, т. V, табл. V, 34.

⁴ См., например, А. Орешников в. Монеты Херсонеса Таврического. Нумизматический сборник, т. II, М., 1913, стр. 36, рис. 12.

⁵ A. Sibirskij. Catalogue des médailles du Bosphore Cimmérien. SPb., 1859, табл. X, 90.

⁶ Столь необычная поздняя датировка этих монет будет обоснована в другой работе.

Несмотря на то, что неясное изображение головы на нашей монете одинаково близко типу всех указанных монет, мы почти с полной уверенностью можем предположить, что перед нами архонтский обол Асандра. Мотивом для подобного определения служит единственно то обстоятельство, что многие (если не большинство) из оболов Асандра, являющиеся одним из наиболее распространенных видов боспорской монеты, надчеканены, в то время как другие монеты, имеющие подобные надчеканки, исключительно редки. Так, из многочисленных анонимных оболов

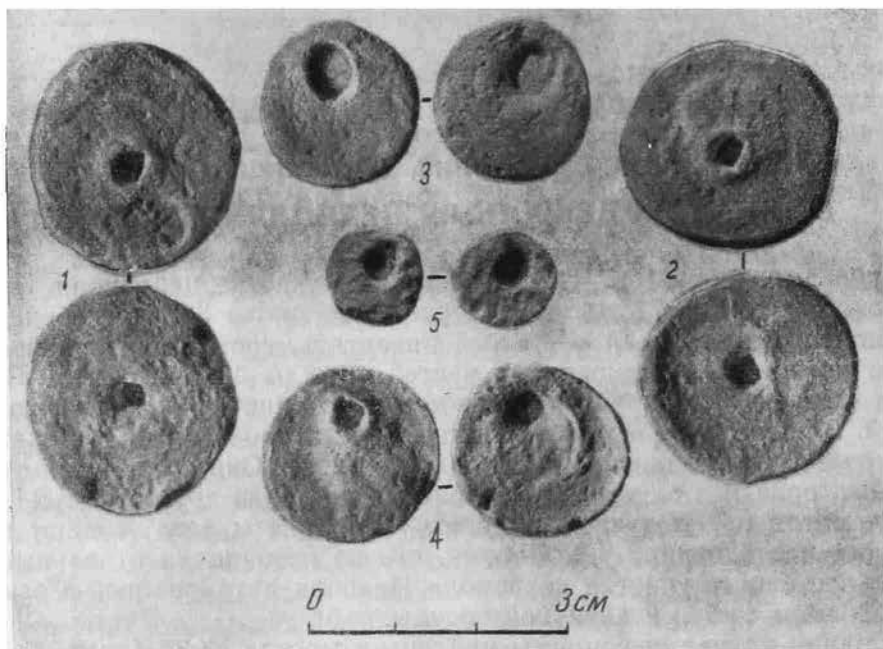

Рис. 1. Монеты из некрополя Неаполя скифского

известен только один надчеканенный экземпляр. Херсонесские монеты, по-видимому, представлены лишь двумя экземплярами с надчеканкой. Из трех известных пантикапейских оболов два надчеканены. Независимо от правильности определения нашей монеты из погребения время ее надчеканки может быть определено достаточно точно. Надчеканка асандровских архонтских оболов произведена сразу же или в самые ближайшие годы после принятия Асандром царского титула, т. е. после 43 г. до н. э.

Вторая монета из того же погребения (рис. 1, 2), будучи лучшей сохранности, легко определяется как херсонесский тетрассарий типа:

Л. ст. Голова городского божества Херсонас (?) в венке вправо, по сторонам от нее оливковая ветвь и лира.

Об. ст. Дева во весь рост, идущая вправо, с дротиком в правой поднятой руке и луком в левой⁷. Вес 9,32 г.

Эти сравнительно редкие монеты имеют дату чекана, не сохранившуюся, к сожалению, на нашем экземпляре. Время выпуска монет этого типа ограничено 79—96 годами⁸, точно совпадающими с годами правления Тита и Домициана.

При датировке погребения следует учитывать тот факт, что херсонесские тетрассарии этой категории имели длительное обращение. Результа-

⁷ См. П. Бурачков. Ук. соч., табл. XVI, 99, 100, 107.

⁸ А. Бертъе-Делагард. Надпись времени императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса. ЗООИД, т. XVI, 1893, стр. 66; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 157.

том этого явилась чрезвычайно сильная потертость большинства подобных монет, снабженных впоследствии надчеканкой. Отсутствие последней на нашем экземпляре, а также хорошая сохранность тех мест монеты, которые не разрушены окислами, указывают, что монета не имела продолжительного обращения.

Таким образом, могилу № 35 нужно датировать примерно рубежом I—II вв. н. э.

В другом случае три монеты найдены также в большом земляном склепе (могила № 75), содержащем 29 захоронений, среди скопления костей более ранних погребений, потревоженных при последующем использовании склепа.

Одна из этих монет (рис. 1, 3) представляет собой совершенно стертый кружок с отверстием у края. Вес 3,75 г. Ровно сглаженная поверхность, а также сильно разное отверстие указывают на длительную ее употребление в качестве подвески. Каких-либо следов изображений на монете уловить не удалось, но признаки фактуры дают основание датировать ее примерно второй половиной I в. до н. э.—первой половиной I в. н. э. Судя по размеру монетного кружка, перед нами скорее херсонесская монета, чем боспорская.

Вторая монета из склепа (рис. 1, 4) несколько лучшей сохранности. Вес 4,17 г. На ее лицевой стороне различимо изображение головы вправо, на обратной — венка. Распространенность подобного типа среди греческих монет не позволяет, к сожалению, точно определить центр чеканки нашего экземпляра. Однако можно определенно утверждать, что она выпущена вне пределов Северного Причерноморья. Кроме того, эту монету нельзя относить к чекану городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI, монеты которых очень часты среди находок в Херсонесе и на Боспоре.

Фактурные признаки этой монеты позволяют датировать ее примерно концом I в. до н. э.—самым началом I в. н. э.

Третья — маленькая монетка (рис. 1, 5), не сохранившая следов изображений, с непропорционально большим отверстием. Вес 0,91 г. Ввиду плохой сохранности определить ее не представляется возможным. Однако, если допустить ее северопричерноморское происхождение (что более всего вероятно), то сам размер монеты может указывать относительные хронологические рамки ее выпуска, довольно ранние — IV—II вв. до н. э.⁹

Устанавливая дату захоронений, приходится учитывать запоздание с использованием монетного кружка, потерявшего, видимо, уже номинальную ценность и применявшегося в качестве подвесок и украшений обуви. Тем не менее дата могилы № 35 — рубеж I—II вв. н. э. — хорошо согласуется с другими находками из этого склепа, а в могиле № 75 найдены вещи более раннего времени, соответствующие нумизматическим материалам. Подобное использование монет в качестве украшений обуви в поздних подбойных захоронениях некрополя пока не отмечено. Пробитые монеты-украшения связаны все с земляными склепами. Они уточняют датировку земляных склепов, предшествовавших подбойным могилам, а затем сосуществовавших с ними. Ранние земляные склепы могильника датируются II—I вв. до н. э. и, как это доказывают описанные находки, продолжали существовать, по крайней мере, в I в. н. э.

Помимо важного значения этих монет для датировки погребений Неаполя скифского, они дают возможность сделать и наблюдения иного порядка, правда в самой общей форме.

Так, наличие отверстий на всех издаваемых монетах указывает, что к моменту захоронения эти монеты использовались только для бытовых

⁹ См. П. Бурачков. Ук. соч., табл. XIV, 26, 27; табл. XV, 70—73, 76, 77 — Херсонес; табл. XX, 90—93; табл. XXI, 114—117, 136, 137; табл. XXII, 176, 177 — Боспор.

целей. Крайняя редкость монет с отверстиями говорит об эпизодичности этого явления.

Сопоставление монет из Неаполя и многочисленных монет из погребений соседних Херсонеса и Боспора, где они всегда обнаруживаются в руке или во рту погребенного, т. е. в качестве «обола мертвых», позволяет констатировать различное использование монет при погребении, что лишнее раз подчеркивает разный характер обряда погребения у скифов Крыма и населения греческих городов. Кроме того, если учесть редкость находок монет в Неаполе и то обстоятельство, что оболы Асандра (рис. 1, 1) не выходили, по-видимому, за пределы Боспора, а монеты типа, изображенного на рис. 1, 2, 4, исключительно редки в североприморских находках, то все это может служить новым подтверждением слабой развитости денежного обращения в среде скифов Неаполя.

М. А. НАЛИВКИНА

МРАМОРНЫЙ СВЕТИЛЬНИК ИЗ ТИРИТАКИ

В 1957 г. Тиритакский отряд Боспорской (советско-польской) экспедиции ИИМК АН СССР возобновил прерванные в 1952 г. раскопки боспорского города Тиритаки (в 11 км к югу от г. Керчи)¹. Небольшому исследованию подверглась юго-западная часть северо-восточного участка городища (XXI), к югу от оборонительной стены с башней, открытых раскопками 1951—1952 гг. На глубине 1 м и ниже после расчистки большого завала из камней выявлена часть дома III—IV вв. н. э., примыкавшего к оборонительной стене с юга, т. е. со стороны города².

Одной из задач отряда было исследование разведочной траншеи к югу от оборонительной стены и к северу от открытого в 1957 г. входа в дом III—IV вв. н. э., ниже его порога, для выяснения последовательности культурных наслоений в данном месте с глубины 4 м от современной поверхности городища до материка, наличие которого установлено здесь на глубине 5 м³.

Среди небольшого количества находок самой интересной оказался мраморный светильник, обнаруженный на 0,50 м ниже порога дома III—IV вв. н. э., на глубине 4,45 м от современной поверхности (рис. 1, а, б, в)⁴.

¹ Начальник экспедиции В. Ф. Гайдукевич, начальник отряда — М. А. Наливкина, лаборант — С. П. Борисковская.

² См. В. Ф. Гайдукевич. Отчет Боспорской (советско-польской) экспедиции за 1957 г. Архив ИА АН СССР, д. № 1666. Время постройки дома (III—IV вв. н. э.) подтверждается всем комплексом находок, в том числе и монетами. Одна монета — боспорского царя II—III вв. н. э., вторая — Инифимея (А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XLIX, 14). Монеты определены Л. Н. Беловой.

³ Исследование разведочной траншеи и ямы (№ 15) в восточной части траншей показало, что под слоем III—IV вв. н. э. (самым мощным слоем Тиритаки) имеются следы жизни города в эллинистическое время.

⁴ Л-57/63. Фото М. Г. Агаронян. При углублении в траншею вместе со светильником встречены две амфорные ручки с клеймами: родосская и синопская II—I вв. до н. э. В выявленной в траншее яме № 45, по составу находок относящейся к эллинистическому времени, вместе с находкой обломка «мегарской» чаши II в. до н. э., боспорского производства, был найден красноглиняный расписной кувшин, по форме близкий типу лагиноса, с профилированным венчиком и с плоской реберчатой ручкой (рис. 2). Роспись выполнена светлой кремовой краской по красной обмозке сосуда. По технике выделки и росписи данный сосуд близок расписной керамике эллинистического времени, находимой при раскопках многих античных городов нашего Юга и во многих других местах античного мира. См. Э. Р. Штерн. К вопросу об эллинистической керамике. ЗООИД, т. XXVIII, 1910, стр. 158 сл.; J. Boehlau. Griechische Altertümer südrussischen Fun-

Светильник сделан из белого мрамора, по-видимому, пеннеллийского. Поверхность мрамора гладко отполирована и покрыта желтоватой патинной. Светильник сохранился не полностью: утрачены ручка, украшение над ней и части рельефного украшения по краю ручки. Края розжков темного повреждены (по-видимому, из-за горения фитиля). Высота све-

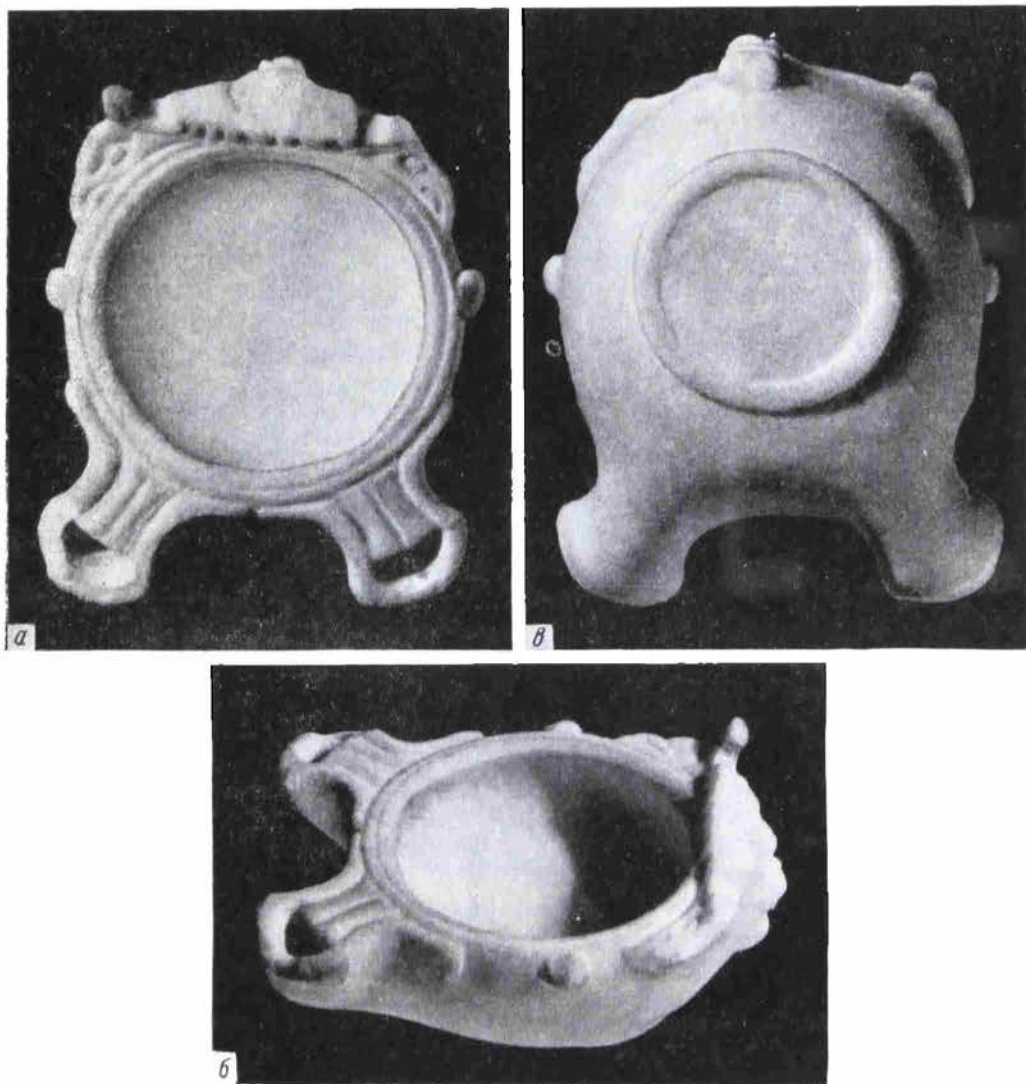

Рис. 1. Мраморный светильник. Тиритакка

тильника — 3,3 см, ширина 7,2 см, длина 9,5 см. На дне светильника — кольцевая обводка диаметром 4 см. Бросается в глаза некоторая асимметрия в расположении боковых выступов и в расположении орнамента по обе стороны от украшения ручки. Толщина кольцевой подставки не одинакова на всем протяжении кольца.

Светильник, несомненно, привозной. Такой вывод можно сделать по характеру мрамора и его обработки. Светильник круглый, открытый, с

dorts aus dem Besitze Vogel. Cassel, 1908, табл. VI, 21 (русск.); Т. Н. Клипович. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья. СА, VII, 1941, стр. 140 сл. В 1958 г. в Паутыканее при раскопках цистерны М. М. Кобылиной были обнаружены обломки сосудов, аналогичных тиритакскому. Судя по составу находок в яме, засыпь ее датируется I в. до н. э.

двумя полукруглыми рожками, с волютами и своеобразно трактованными (в виде продольных желобков) мостиками, соединяющими открытое вместилище с отверстиями рожков.

Открытое круглое вместилище обрамлено двумя валиками — широким внутренним и узким внешним. Против рожков сделаны круглая маленькая ручка (сохранилось основание ручки) и над ней — рельефное украшение в виде листа или акротерия с широким основанием, сужи-

Рис. 2. Расписной кувшин из ямы эллинистического времени. Тиритака

вающимся кверху. По обе стороны украшения ручки находились два гладко просверленных отверстия (сохранились нижние полукружия от этих отверстий). За отверстиями по слегка загнутому внутрь краю вместилища расположены схематично изображенные головы орла. Строгие пропорции круглого открытого мраморного светильника хорошо гармонируют с не менее строгим простым плоскостно трактованным орнаментом.

Среди небольшого числа мраморных светильников из находок в различных местах античного мира, сведения о которых мы находим в статье Дж. Бизли⁵, мне не удалось найти не только близкой, но даже и отдаленной аналогии мраморному светильнику из Тиритаки.

⁵ J. D. Beazley. A Marble Lamp. JHS, т. IX, 1940, стр. 22, табл. V—VII. В данной статье автор свел воедино мраморные светильники полукруглой и круглой формы из находок в разных местах островной Греции и Италии. Он пришел к выводу, что эти светильники относятся к VII—VI вв. до н. э. Их изготовляли в одном центре, а именно на о. Паросе (Эгейское море).

В качестве наиболее поздних античных мраморных светильников Дж. Бизли приводит два мраморных светильника. Один из них происходит из находок или покупок в Александрии⁶, а второй — из находок в Самофракии. Дж. Бизли относит их к эллинистическому времени⁷. В 1955 г. среди светильников, найденных на агоре о. Фасоса, был встречен большой мраморный светильник римского времени с тремя рожками⁸.

В полном соответствии с разработанной в настоящее время классификацией античных глиняных светильников, мраморный светильник из Тиритаки находит себе близкие (но не полные) аналогии среди глиняных светильников с волютами и с украшением на ручке, относящихся к рубежу нашей эры и I в. н. э. По способу обработки светильник из Тиритаки близок к аналогичным светильникам из бронзы; во всяком случае, следы подражания бронзовым изделиям наблюдаются во всей отделке мраморного светильника из Тиритаки. Из глиняных светильников наиболее близкими нашему являются светильники типа 36, по классификации З. Лешке⁹, и IV типа каталога Ниссена¹⁰. Светильник из Тиритаки близок и коринфским светильникам, систематизированным С. Брониром¹¹. Эта последняя классификация наиболее полно разработана. Светильники указанного типа исследователи относят ко времени Августа или Тиберия (63 г. до н. э.—37 г. н. э.). В каталоге светильников Государственного Эрмитажа светильники с украшением на ручке датируются временем первых императоров и бытуют до конца I в. н. э.¹² Характерной чертой указанных типов светильников является богато декорированная ручка.

Загнутые внутрь и слегка нависающие над открытым вместилищем края тиритакского мраморного светильника и два выступа по краям сближают его с позднеэллинистическими типами глиняных светильников (тип XIX Коринфа). Этот тип развивается параллельно с типом двурожковых светильников с округлыми, а иногда и угловатой формы рожками и с более развитыми волютами, чем у тиритакского, где волюты едва намечены. Украшение на ручке у тиритакского мраморного светильника своим основанием покоится на краю светильника, против рожков. У светильников, приводимых в качестве аналогий, имеется переход (шейка), соединяющий край светильника с украшением ручки. Открытая форма тиритакского светильника была продиктована не только его материалом, но и бытовавшими в то время художественными вкусами.

Таким образом, все черты мраморного светильника из Тиритаки указывают на время его изготовления, т. е. на рубеж I в. до н. э.—I в. н. э., время Августа или Тиберия.

Для определения места изготовления светильника данных пока недостаточно.

Мраморный светильник из Тиритаки ценен своей оригинальностью и художественным выполнением. Строгие украшения светильника свиде-

⁶ H. B. Walters. Catalogue of the Greek and Roman Lamps in the British Museum. London, 1914, стр. 22, рис. 21, 127.

⁷ См. K. Lehmann-Hartleben. Preliminary Report on the Second Campaign of Excavation in Samothrace. AJA, 1940, № 3, стр. 341, рис. 19.

⁸ Ch. Dunant. Les fouilles de Thasos en 1955. Agora IX. Petits objets. BCH, LXXX, 1956, стр. 425. Автор заметки указывает только инвентарный номер (№ 1436) данного светильника, а воспроизведения его не дает.

⁹ S. Loeschke. Keramische Funde in Haltern. Mittheilungen der Altertumskommission für Westfalen, т. V, 1909, стр. 209, тип. 36.

¹⁰ C. A. Niessen. Beschreibung römischer Altertümer. Cöln, 1911, стр. 89, тип IV; его же. Vindonissa. Zürich, 1919, стр. 222, тип III.

¹¹ O. Groner. Terracotta Lamps. Corinth, т. IV, ч. II, Howard Univ. Press, 1930, стр. 73, тип XXI.

¹² О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники. СПБ., 1914, табл. XVII—XXI и XXII (лампа из Керчи).

тельствуют о том, что он имел не бытовой, а культовый или посвященный характер. Светильник этот стоял либо в нише богатого склепа, либо в святилище и, судя по хорошей сохранности, зажигался не так уже часто. Наличие ручки говорит о том, что данный светильник был переносным. Предполагать крышку, какая имела у светильников из металла, нет оснований.

Не являлся ли найденный светильник принадлежностью домашнего святилища богатого жителя Тиритакки, в доме которого стояла и мраморная статуэтка Диониса¹³, найденная в 1937 г.?

Мраморный светильник из Тиритакки — первая находка мраморного светильника указанного времени не только в Причерноморье, но и в античном Средиземноморье.

¹³ Е. В. Ернштедт. Статуэтка Диониса из Тиритакки. СА, VII, 1941, стр. 174, рис. 1 и 2.

В. В. БОРИСОВА

КАМЕЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ САТИРА И МЕНАДЫ

При раскопках склепа, обнаруженного в Херсонесе в 1955 г. примерно в 60 м к юго-западу от башни Зенона, был найден бронзовый перстень с камеей¹. В погребениях херсонесского некрополя и раньше находили резные камни. Однако большинство из них утратило научную паспортизацию, вследствие чего установление их происхождения вызывает определенные трудности.

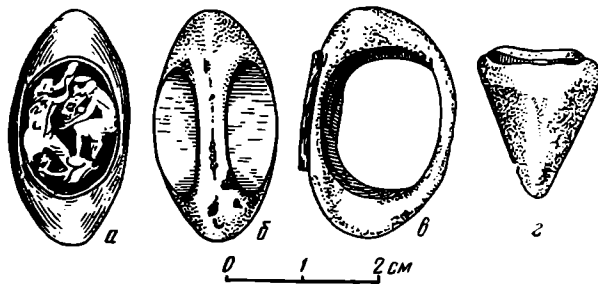

Рис. 1. Перстень из Херсонеса с изображением сатира и менады

Перстень найден на фаланге пальца правой руки костяка нижнего яруса захоронений. Форма перстня эллиптическая. Обруч его плоский внутри и выпуклый снаружи, с очень толстыми, выдающимися плечиками. Размеры перстня 2,3×3,5 см (рис. 1). Он отлит из бронзы и позолочен. Бронза изъедена патиной, отчего позолота во многих местах порвана окислом. Перстни такой формы датируются концом II—III в. н. э.; в это время они были широко распространены не только на территории Римской империи и на ее окраинах (например, в Рейнской области)², но встречены и в Северном Причерноморье, и даже в Закавказье³. Оче-

¹ Хранится в Херсонесском гос. историко-археологическом музее. Инв. № 27/36436—55.

² F. Henkel. Die Römischen Fingerlinge der Rheinlande. Berlin, 1913, №№ 424, 427, 1384; F. M. Mashall. Catalogue of the Fingerings, Greek, Etruscan and Roman. London, 1907, № 188.

³ М. И. Максимов. Геммы из некрополя Мцхеты — Самтавро (раскопки 1938—1939 гг.). ВГМГ, т. XVI-B, 1950, стр. 258, рис. 9.

видно, эта своего рода мода пользовалась успехом, хотя для ношения такая форма перстня мало удобна.

Камень вставлен в овальное гнездо перстня. Она выполнена из стеклянной пасты, имитирующей двухслойный сардоникс. Фон ее темный, местами белесоватый, вследствие иризации стекла. Изображение всей сцены исполнено в молочно-белом цвете. Поверхность изображения производит впечатление полированной, чего нельзя сказать о фоне. Возможно, это произошло оттого, что темная паста фона подверглась большей иризации. Литик имеет форму правильного овала размером 2,1 × 1,5 см.

В противоположность настоящим резным камням, камей-литик — изделие весьма непрочное. Она дошла до нас не в полной сохранности. Сильно повреждена часть мужской фигуры, детали ее лица и часть торса женской фигуры. По всей камее видны трещины.

На камее воспроизведена сцена с двумя действующими лицами (рис. 2 и 3). Сюжет, изображенный на литике, восходит к кругу Диониса, а его персонажами являются сатир и менада. Обе фигуры изображены в профиль. Слева сидит на скале или каком-то предмете, закрытом звериной шкурой, полуобнаженная менада. В правой руке она держит ритон, из которого пьет; левой, слегка откинувшись, опирается на сиденье. Правая нога несколько выдвинута вперед, левая отставлена назад. Покрывало, перекинутое через левое плечо, прикрывает бедра и ноги. Правая сторона торса обнажена. Напротив менады сидит, опираясь левой ногой на спину пантеры или барса (?), обнаженная фигура сатира. Через левую его ногу перекинута, по-видимому, небрида. В правой руке он держит гроздь винограда, в левой — ритон. Впечатление такое, что виноград он давит, а в подставленный под гроздь сосуд собирает сок.

Рис. 3. Камень с изображением сатира и менады (увеличена; прорись выполнена С. К. Себекиным)

Рис. 2. Камень с изображением сатира и менады (увеличена)

Аналогичное изображение сатира и менады приведено С. Рейнаком на расписной вазе более раннего времени⁴. Правда, роспись дает несколько другую композицию группы.

Различные сцены, изображающие Диониса и его спутников, нашли свое отражение во многих памятниках изобразительного искусства. Варианты таких компози-

⁴ S. Reinach *Repertoire des vases peints*, т. II, Paris, 1924, стр. 179.

ций встречаются и на произведениях античной глиптики. Можно думать, что наш литик, воспроизводя одну из таких сцен, является копией с резного камня. Изготовление копий с резных камней известно давно. Сложная техника резьбы, особенно — камей, заставляла прибегать к производству имитаций, иногда весьма искусных, материалами для которых чаще всего служили стекловидные сплавы. Не исключено, что наша камея была изготовлена в самом Херсонесе. Существование камнерезных мастерских на Боспоре можно считать установленным⁵. Надо полагать, что они были и в Херсонесе.

Как уже было сказано, наш перстень относится к концу II—III в. Этой дате не противоречат и другие, весьма многочисленные, находки в склепе. Это в основном глиняная посуда и светильники. Меньше изделий из стекла. Много всевозможных украшений, а также херсонесских монет эпохи элвтерии и монет римских императоров. Большинство монет датируется III в. н. э.; исключение составляют две монеты — I и начала II в. н. э., которые могут привлекаться для датировки склепа только как *terminus post quem*⁶.

Среди находок в склепе перстень с камеей выделяется. Сюжет литика необычен и отличается от ряда резных камней примерно того же времени⁷. Содержание изображенной на нашей камее вакхической сцены могло быть заимствовано из какого-либо памятника изобразительного искусства. В данном случае им мог быть архитектурный рельеф, бронзовый или керамический рельеф типа рельефа с изображением Омфалы и Геракла⁸ или роспись вазы.

⁵ М. И. Максимова. Боспорская камнерезная мастерская. СА, 1957, № 4; е е же. Резные камни. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955.

⁶ Всего в склепе найдено 26 монет, из них 17 херсонесских и 9 римских, в том числе монеты Тита и Адриана. Определение монет сделано А. М. Гилевич.

⁷ М. И. Максимова. Ук. сочинения; М. Н. Лордкипанидзе. Геммы Государственного музея Грузии. I. Каталог гемм, найденных в Самтаврском могильнике (1940—41 и 1946—48 гг.). Тбилиси, 1954 (на груз. яз.); A. Furtwängler. Die antiken Gemmen. Leipzig, 1900.

⁸ В. К. Мальмберг. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг. МАР, № 7, 1892, стр. 4, табл. I.

А. В. БОДЯНСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ДНЕПРОВСКОМ НАДПОРОЖЬЕ

В ходе работ по археологическому обследованию Днепровского Надпорожья в последние годы мною выявлен ряд памятников, относящихся к III—VIII вв. н. э. Наиболее интересные из них — поселения у Звонецкого порога, у балки Яцевой и на о. Кизлевом.

Поселение у Звонецкого порога находится в 2 км к югу от с. Майорки, на правом склоне балки Звонецкой. В результате размыва склона обнажились каменные основания стен двух жилищ прямоугольной формы. Размеры одного из них 11 × 7 м; рядом с жилищем обнаружен каменный очаг. От основания второго жилища уцелел лишь один угол, где находился развал глинобитной печи.

При расчистке жилищ найдены обломки лепных сосудов, в том числе сковородок с невысоким бортиком. Кроме керамики, обнаружены сле-

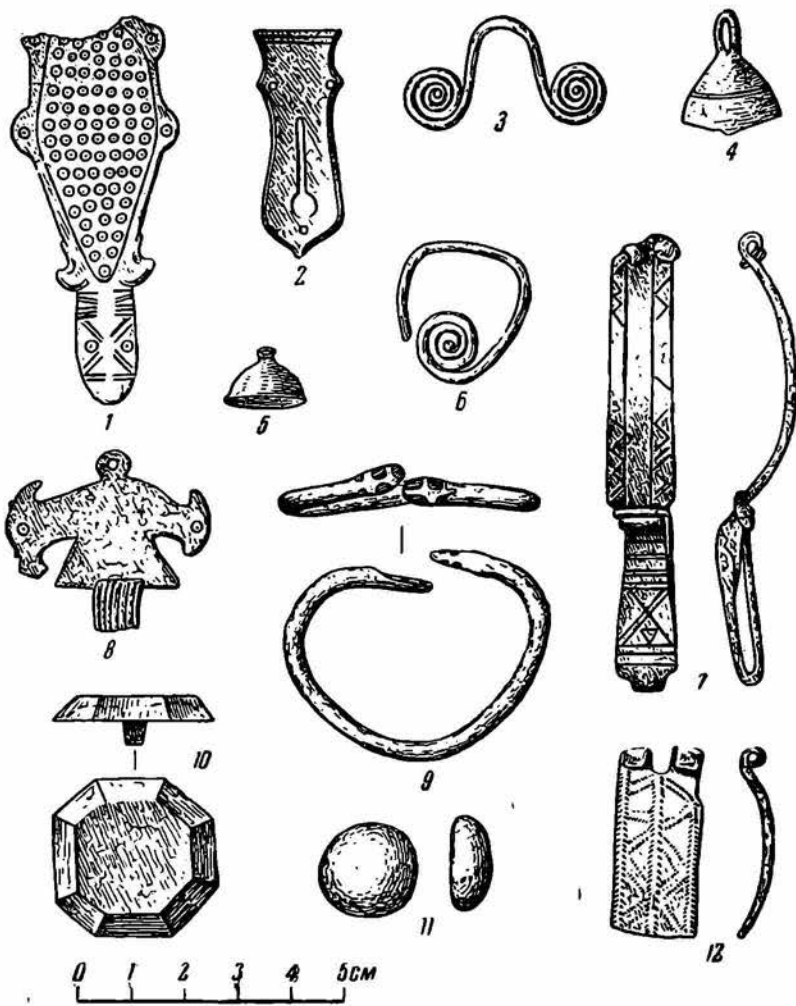

Рис. 1. Вещи, найденные на поселениях у Звонешкого порога (1—4, 6, 7, 9, 10) и у балки Яцевой (5, 8, 11, 12)

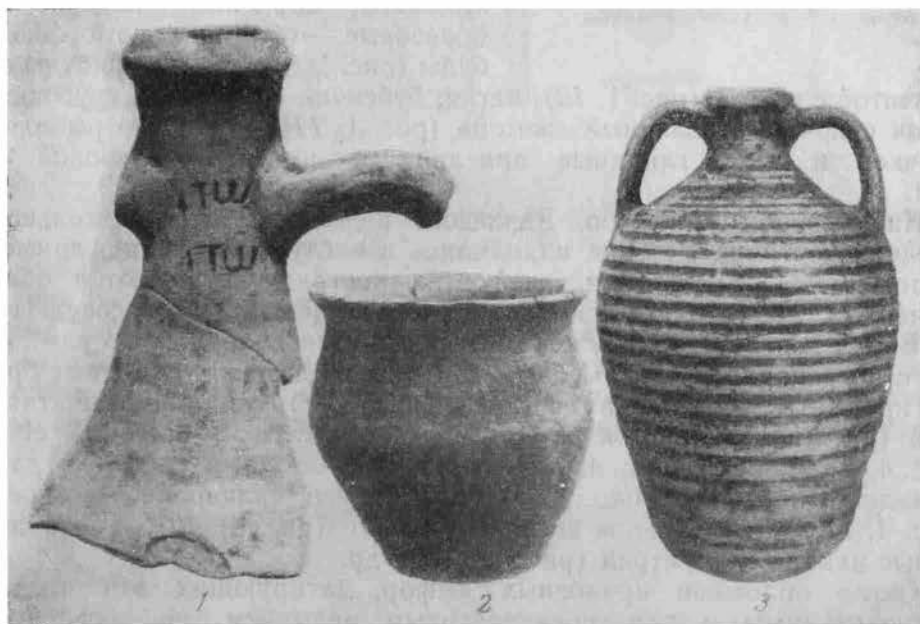

Рис. 2. Сосуды из поселений у балки Яцевой (1) и на о. Кизлевом (2, 3)

дующие предметы: часть бронзовой пальчатой фибулы с кружковым орнаментом (рис. 1, 1), бронзовый наконечник ремня с прорезью (рис. 1, 2), бронзовый бубенчик (рис. 1, 4) и железный нож. Рядом с жилищами найдены обломки аналогичной посуды, а также бронзовая узкопластинчатая фибула с орнаментом (рис. 1, 7), двуспиральное височное кольцо (рис. 1, 3), бронзовый браслет со сплюснутыми концами (рис. 1, 9), односпиральное бронзовое височное кольцо (рис. 1, 6), бронзовая восьмигранная бляшка (рис. 1, 10) и глиняное биконическое пряслице.

Рис. 3. Вещи, найденные у балки Яцевой

1 — серебряная бляшка; 2 — железное тесло; 3 — железные ножницы

стинчатой спинкой (рис. 1, 12), петля, бубенчик (рис. 1, 5), трубочка, обрывок цепочки; стеклянный «жетон» (рис. 1, 11); несколько рыболовных крючков и нож; глиняные пряслица и обрывок бронзовой кольчуги.

На северном склоне о. Кизлевого водой размыто несколько небольших кострищ. Все они находились в неглубоких ямках, диаметром около 0,5 м. Среди золы и углей этих кострищ встречаются обломки лепных сосудов. В одном из кострищ найден целый лепной сосуд (рис. 2, 2). Возле кострищ обнаружено много обломков лепной посуды, в том числе и сковородок с невысоким бортиком. Здесь же найдены: бронзовые предметы: зооморфная фибула (рис. 4, 1), узкопластинчатая фибула (рис. 4, 2), обломок пластинчатой фибулы с широкой спинкой (рис. 4, 3), бляшка (рис. 4, 12), наконечник от пояса (рис. 4, 8), трапецевидная подвеска (рис. 4, 5), браслет со сплюснутыми концами (рис. 4, 7), двуспиральное височное кольцо (рис. 4, 10), а также железные наконечники стрел (рис. 4, 6, 9) и др.

Кроме обломков привозных амфор, датирующих эти поселения позднеантичным и раннесредневековым временем, на поселении на р. Вильнеше найдена боспорская монета Рискупорида III, относящаяся к 226—228 гг. н. э. Следует также упомянуть, что на поселении

Поселение у балки Яцевой, расположенное на склоне левого берега Днепра, сильно размыто водами. Во время обследования этого поселения открыты остатки нескольких жилищ. В двух из них найдены развалы каменных печей, в остальных — глинобитные. В заполнении жилищ встречаются обломки лепной посуды того же типа, что и на вышеописанном поселении. Возле жилищ обнаружена сероглиняная керамика черняховского типа и обломки узкогорлых светлоглиняных амфор II—III вв. н. э.; на горле одной из этих амфор имеется дважды отпечатанное английское клеймо (рис. 2, 1). К тому же времени относятся найденные на поселении серебряная бляшка (рис. 3, 1), железное тесло (рис. 3, 2) и железные ножницы (рис. 3, 3).

К более позднему времени (VI—VIII вв. н. э.) относится красноглиняная реберчатая амфора (рис. 2, 3) и обломки сероглиняной посуды салтовомаяцкого типа, а также следующие предметы, найденные на поселении: бронзовые — обломок зооморфной фибулы (рис. 1, 8), обломок фибулы с пла-

черняховского типа в с. Никольском в свое время была найдена боспорская монета Фофорса (279—308 гг.).

Лепная керамика с вышеописанных поселений Надпорожья аналогична керамике из Луки-Райковецкой и ряда поселений, открытых в

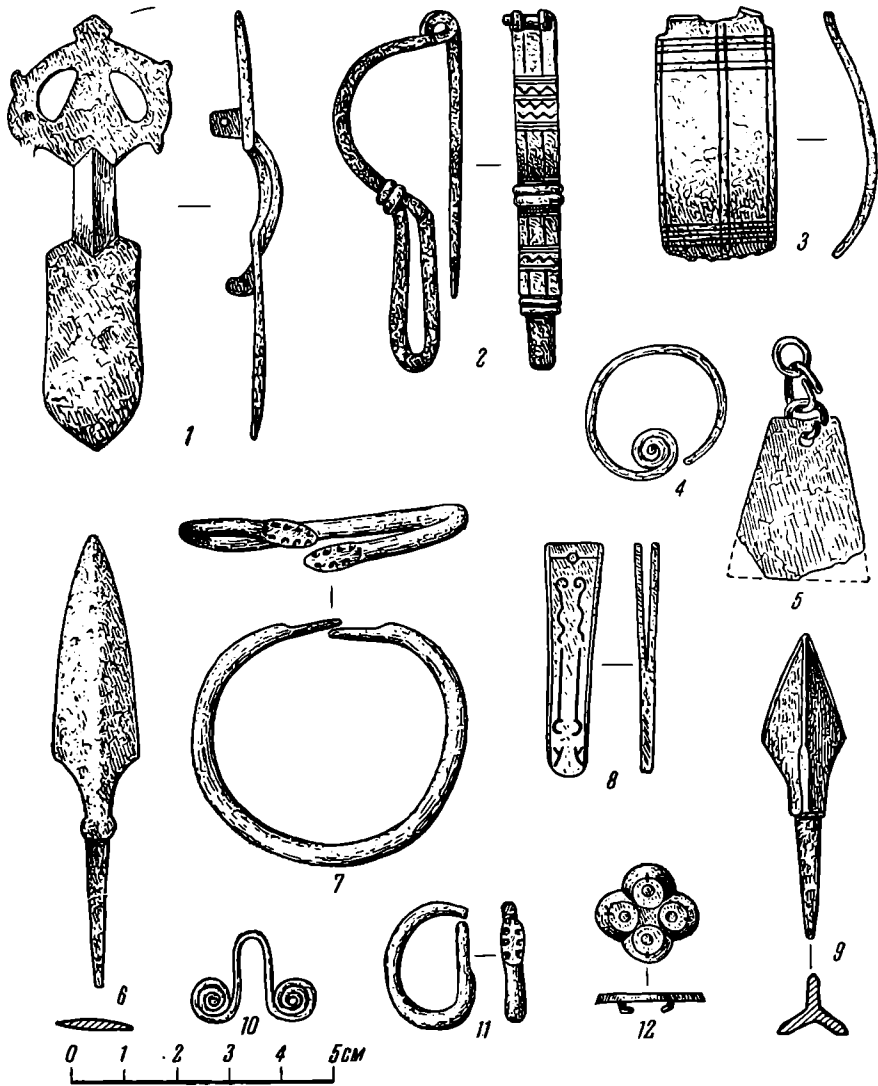

Рис. 4. Вещи, найденные на о. Кизлевом

последние годы в Поросье (Сахновка и др.). Находки пальчатых и зооморфных фибул и других хорошо датированных изделий VI—VII вв. н. э. на обследованных в Надпорожье поселениях позволяют более точно датировать жилые сооружения и керамический комплекс этих интереснейших поселений, а также уточнить датировку более северных памятников с аналогичной керамикой.

Б. Я. СТАВИСКИЙ

САМАРКАНДСКИЕ ЧЕРНИЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ IX—X вв.
В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

Среди неопубликованных предметов среднеазиатских собраний Государственного Эрмитажа имеется группа средневековых чернильных приборов. Каждый такой прибор состоит из стеклянной чернильницы (или чернильниц) и алебастровой (ганчевой) подставки. Чернильницы представляют собой небольшие цилиндрические баночки (диаметром в

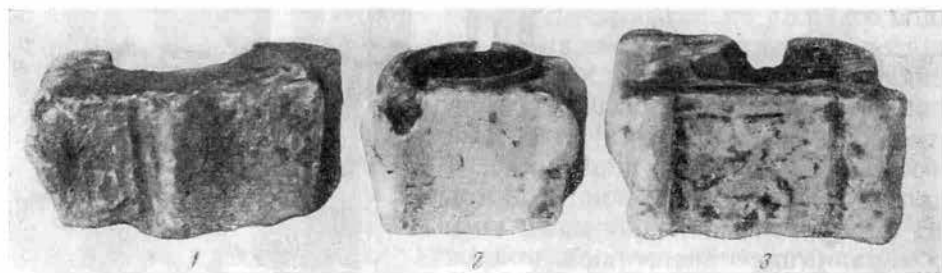

Рис. 1. Приборы с одной чернильницей

4,4—5 см и высотой 3,5—4,5 см) с прямыми стенками и вогнутым дном. Подставки имеют вид плиток, квадратных или прямоугольных в плане, с гнездами для чернильниц. Чернильницы, таким образом, были утоплены внутрь подставок. Боковые стенки подставок со всех четырех сторон украшены колонками и штампованным орнаментом, состоящим

Рис. 2. Прибор с двумя чернильницами

из геометрических и растительных узоров или из стилизованных арабских надписей. Отсутствие орнамента на верхней поверхности объясняется, по-видимому, тем, что чернильные приборы имели крышки.

В Эрмитаже хранятся пятнадцать чернильных приборов такого типа: девять — с одной, три — с двумя, один — с тремя и два — с четырьмя стеклянными чернильницами. Приборы с одной чернильницей (рис. 1) ¹ имеют квадратную в плане подставку площадью от 5,5 × 5,5 до 8,5 × 8,5 см при высоте от 4 до 7,5 см. Подставки с двумя черниль-

¹ Инв. №№ Афр-2495, Афр-5430, А-865, СА-1413—1415, 1417, 1418, 1420.

ницами (рис. 2 и 3, 1)² прямоугольны; длина одной из них — 16,5 см при ширине около 9 см и высоте 5,8 см; длина второй — 15,0 см, ширина — 6,5 см, высота — 4,5 см; ширина третьей — 8,0 см, высота — 5,5 см (прибор фрагментирован и определить длину его подставки не удастся). Прибор с тремя чернильницами³ по форме и размерам сходен с предыдущими: длина его — 16,5 см, ширина — 7,4 см, высота — 5,5 см. Приборы с четырьмя чернильницами (рис. 3, 2; рис. 4)⁴ немногим крупнее: длина одного из них — 16 см, ширина — 15,5 см, высота — 6 см, высота второго (фрагментированного) — около 7 см.

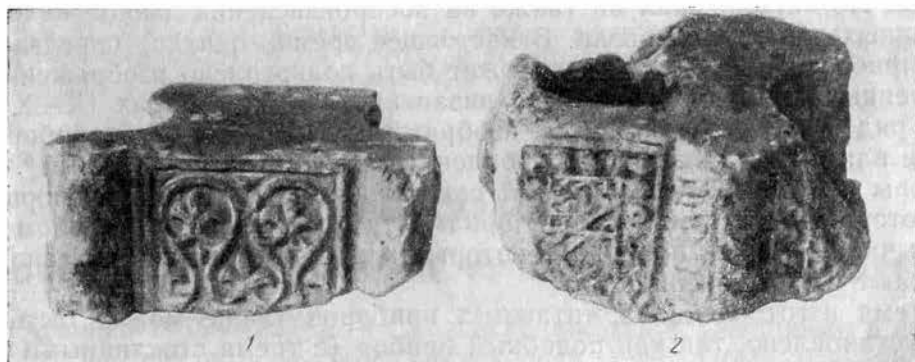

Рис. 3

1 — прибор с двумя чернильницами; 2 — прибор с четырьмя чернильницами

Рис. 4. Прибор с четырьмя чернильницами

Чернильный прибор Афр-5430 найден при раскопках В. В. Бартольда на городище древнего Самарканда — Афрасиабе в 1904 г. Из Самарканда, из местности Ходжи-Юсуф, происходит также прибор Афр-2495 (из коллекции М. В. Столярова). Оттуда же поступили, вероятно, и еще пять чернильных приборов эмиyajного собрания: А-852, А-853 и А-865 — из коллекции Мирзы Бухарина и СА-9768 и СА-13287 — из коллекции Н. И. Веселовского (обе эти коллекции, как известно, в основной своей части собраны в Самарканде). Труднее судить о происхождении приборов СА-1413 — СА-1420 из коллекции Б. Н. Кастальского, собиравав-

² Инв. №№ А-853, СА-1416 и СА-13287.

³ Инв. № СА-1419.

⁴ Инв. №№ А-852 и СА-9768.

щего вещи как в Самарканде, так и во многих других пунктах среднеазиатского междуречья.

Чернильные приборы рассматриваемого типа в археологии Средней Азии известны уже давно. Еще В. Л. Вяткин в своей брошюре, посвященной раскопкам на Афрасиабе, кратко сообщал о находках таких предметов, определяя их как чернильницы. Отметив, что ему попадались алебастровые подставки с разным числом стеклянных баночек (до пяти), В. Л. Вяткин высказал предположение, что в них наливались чернила разных цветов⁵. К сожалению, никаких обоснований определения этих предметов как чернильниц В. Л. Вяткин в своей брошюре не привел. Не опубликовал он также ни воспроизведений своих находок, ни данных для их датировки. В настоящее время, однако, определение этих приборов как чернильных может быть подкреплено изображениями письменных принадлежностей на византийских миниатюрах IX—X вв., где в ряде случаев евангелисты изображены с чернильными приборами в виде плиточных подставок с утопленными в них чернильницами⁶. Эти приборы несколько отличаются от самаркандских по своим пропорциям и по отсутствию штампованного орнамента на стенках, но в целом они чрезвычайно близки приборам, которые мы рассматриваем, и ясно показывают их назначение.

Время изготовления эрмитажных приборов также может быть теперь установлено, так как подобный прибор (с тремя стеклянными чернильницами) был найден на Афрасиабе А. И. Тереножкиным в помещении, четко датированном, помимо керамических находок, тремя хорошо сохранившимися медными монетами Исмаила ибн-Ахмеда Самани самаркандского чекана 894—896 гг. и несколькими саманидскими монетами худшей сохранности первой половины X в.⁷

Таким образом, рассматриваемые нами предметы действительно могут быть определены как чернильные приборы, изготовленные в Самарканде в IX—X вв. Не исключено, конечно, что приборы такого типа могли бытовать здесь и немного позднее, например в XI в., хотя для XI—XII вв., по-видимому, более характерны круглые керамические чернильницы, переносные металлические и керамические калямданы и небольшие стеклянные чернильницы, типологические предшественники так называемых чернильниц-невывливаек.

Довольно больше число самаркандских чернильных приборов (помимо Эрмитажа, такие приборы хранятся также в собраниях Музея истории культуры и искусства Узбекской ССР в г. Самарканде) еще раз свидетельствует о широком распространении грамотности в городах Средней Азии IX—X вв. и о высоком уровне среднеазиатской городской культуры той эпохи.

В заключение следует отметить, что хотя все известные сейчас чернильные приборы рассматриваемого нами типа происходят, вероятно, из Самарканда, подобные предметы бытовали, по-видимому, и в более западных — иранских областях. Во всяком случае, в американских собраниях известны два таких прибора, один из которых (в частной коллекции Р. В. Смита) куплен в Тегеране; данными о происхождении второго прибора, хранящегося в собрании Музея стекла в Корнинге, мы не располагаем⁸.

⁵ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1926, стр. 62.

⁶ K. Weitzmann. Die Byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. Berlin, 1935, табл. V, XIV, LXX, LXXX; №№ 22, 24, 71, 73, 74, 414, 492.

⁷ А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 4, стр. 134—135; ср. его же. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 166, рис. 72, 3.

⁸ Glass from the Ancient World. The Ray Winfield Smith Collection. A Special Exhibition 1957, Corning. New York, 1957, стр. 233, № 257.

Сходные чернильные приборы, как уже отмечалось выше, употреблялись в IX—X вв. и в Византии, что позволяет предполагать широкое распространение таких приборов в IX—X вв. по всему Ближнему и Среднему Востоку.

Интересно отметить, что изображения письменных приборов подобных типов встречаются не только на некоторых византийских памятниках более позднего времени (до конца XIII в. включительно)⁹, но и на древнерусских «царских вратах» XIII—XIV вв. (из коллекции Н. П. Лихачева)¹⁰.

⁹ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, М., 1948, табл. 1556, 251, 256, 257, 258.

¹⁰ Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас, ч. I, СПб., 1906, табл. СXLII, № 254. Указанием на этот памятник я обязан А. С. Косцовой.

Д. А. АВДУСИН

МНОГОЦВЕТНЫЕ ПОЛИВНЫЕ РУЧКИ НОЖЕЙ ИЗ СМОЛЕНСКА

Раскопки 1955—1957 гг. в Смоленске явились крупнейшими в истории археологических исследований этого города. Раскоп был заложен почти напротив Днепровских ворот крепостной стены — главного въезда в город с севера, на углу улицы Соболева и улицы Соборная Гора, по восточной стороне последней, и имел размеры 16 × 18 м. Толщина культурного слоя в некоторых местах раскопа превышала 7 м. Раскопки дали обильный и важный материал по истории Смоленска, особенно XII—XIV вв.

Из вещей, найденных в районе вскрытой раскопками усадьбы XII—XV вв., обращают на себя внимание две поливные прямоугольные призмы (рис. 1), размерами 32 × 19 × 13 мм и 25 × 18 × 13 мм. Они сделаны из хорошего глиняного теста, имеющего после обжига розоватый цвет. Один край каждой призмы обломан, другой же целый, что доказывает заходящая на него полива.

Полива покрывает боковые стенки призм и, может быть, покрывала несохранившиеся концы. Слой поливы тонкий, ровный, стекловидный, с характерными трещинами, образовавшимися от времени. Он идентичен поливе многоцветных майолик и домонгольской посуды.

На обеих призмах рисунок в виде волнистых линий неровной ширины белого, желтого и зеленого цвета по коричневому фону. В одном случае рисунок родствен скобчатому рисунку киевских поливных изделий. Здесь применен обычный прием вытягивания узора каким-нибудь острием, благодаря чему этот рисунок напоминает изображение павлинов с распущенными хвостами. На другой призме вытягивания линий не произведено, и они расположены беспорядочно. В обоих случаях закономерность чередования цветов не улавливается.

Сквозь каждую призму проходит прямоугольное отверстие. На сохранившемся основании призмы оно шире, на обломанном — уже. На призме со скобчатым орнаментом выходное (узкое) отверстие расположено асимметрично. В эти отверстия, несомненно, входил черенок какого-то инструмента, и, таким образом, найденные призмы представляют собой рукоятки. Их нарядность свидетельствует о том, что они рассчитаны на показ. Можно думать, что эти рукоятки столовых ножей, употреблявшихся на пирах. Их первоначальная длина должна была достигать 70—80 мм.

Подобные рукоятки до смоленских находок не были известны, но поливные изделия вообще нередки в Смоленске. При раскопках 1951—1957 гг. неоднократно встречены домонгольские квадратные декоративные плитки, имеющие следы зеленой глазури. Известна в Смоленске и домонгольская поливная посуда. Видимо, в Смоленске существовало и производство стек-

ла, о чем говорит особое обилие обломков стеклянных браслетов (их только в 1957 г. найдено около 2 500), среди которых встречены браслеты красного стекла. Браслеты этого цвета — находка очень редкая, в других городах они неизвестны. А. Г. Векслером опубликован полихромный изразец из собрания Смоленского областного краеведческого музея¹. На этом изразце имеется эмаль красного цвета, не наблюдавшегося ранее на других изделиях этого типа². Таким образом, вряд ли приходится сомневаться в существовании в Смоленске XII—XIII вв. производства поливных изделий. Но сходство найденных рукоятей по технике изготовления, по рисунку и даже по обжигу с киевскими изделиями этого типа заставляет колебаться в решении вопроса о месте изготовления публикуемых в этой статье находок.

Насаживались рукояти на нож, конечно, еще до их обжига, и эту насадку производил не мастер-ножовщик, а мастер, изготавливавший поливные изделия. Другие ножи, найденные при раскопках с рукоятками, имеют либо деревянные, либо костяные ручки, которые, в свою очередь, встречаются и без ножей. Эти ручки часто имеют богатую орнаментацию, которая выполнена, видимо, опять-таки не ножовщиком. Можно думать, что кузнец-ножовщик либо кооперировался с костерезом или иным мастером, изготавливавшим рукояти, либо сбывал свои изделия без рукоятей. Последнее вряд ли было правилом, так как потребителю всегда удобнее купить вещь в собранном виде, готовую к работе.

Уникальность глиняных рукоятей объясняется их хрупкостью, из-за которой производство не могло быть массовым.

¹ А. Г. Векслер. Майоликовая плитка из собрания Смоленского музея. СА, 1959, № 3, стр. 226—227.

² См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 259—363.

Н. Н. ДРОЧЕНИНА, Б. А. РЫБАКОВ

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА ИЗ ВИТЕБСКА

При земляных работах в Витебске на площади Свободы 20 августа 1959 г. рабочий Е. Н. Фролов нашел берестяную грамоту и передал ее в Витебский краеведческий музей.

Найдена грамота в культурном слое XI—XVII вв., содержащем много древних бревен, щепы и некоторое количество керамики (меньше, чем обычно в культурном слое). Глубина залегания грамоты — около 3—4 м от поверхности современного асфальта.

Применительно к древней топографии Витебска место находки грамоты относится к средней части так называемого Нижнего Замка, являвшегося, очевидно, посадом Верхнего Замка, расположенного рядом.

* * *

Грамота написана на куске бересты хорошей сохранности размером 17 × 4,5 см, для письма использована внутренняя сторона (см. рис. 1, фото)¹. Текст состоит из шести строк и написан очень четко и ясно. Палеографически большинство признаков указывает на конец XIII в., но есть признаки и XIV в.: начертания букв А, В, Е, И, Т, встречаемые как в XIII в., так и в рукописях 1301, 1304, 1307, 1309, 1317, 1326 и даже 1344 гг.² Очевидно, грамоту надо датировать рубежом XIII и XIV вв. К сожалению, стратиграфически дата не определяется.

¹ В Мескье, в лаборатории Института археологии АН СССР специалист по консервации новгородских грамот А. В. Кирьянов обработал бересту, и она выставлена в залах Витебского краеведческого музея. Прорись сделана Г. К. Вагнером.

² См. Я. И. Трусов и ч. Изборник 1905 г. Вып. I, СПб., 1905, листы VIII и IX.

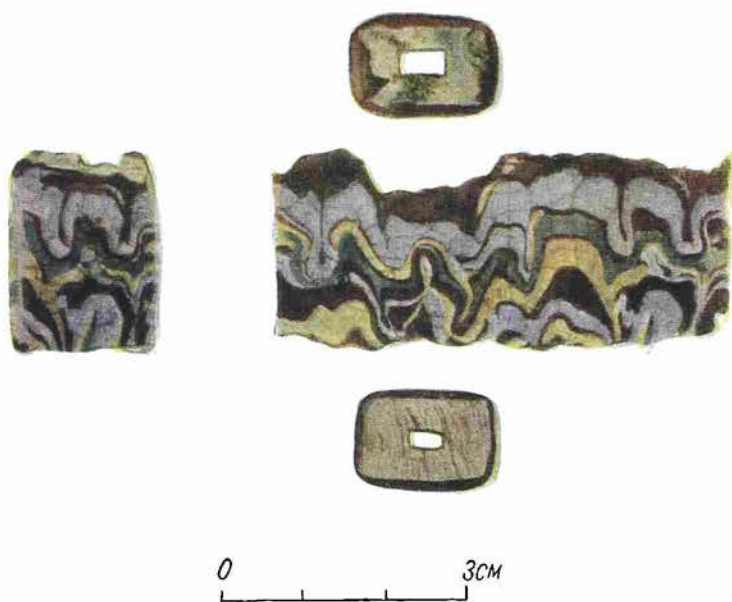

Рис. 1. Поливные ручки ножей

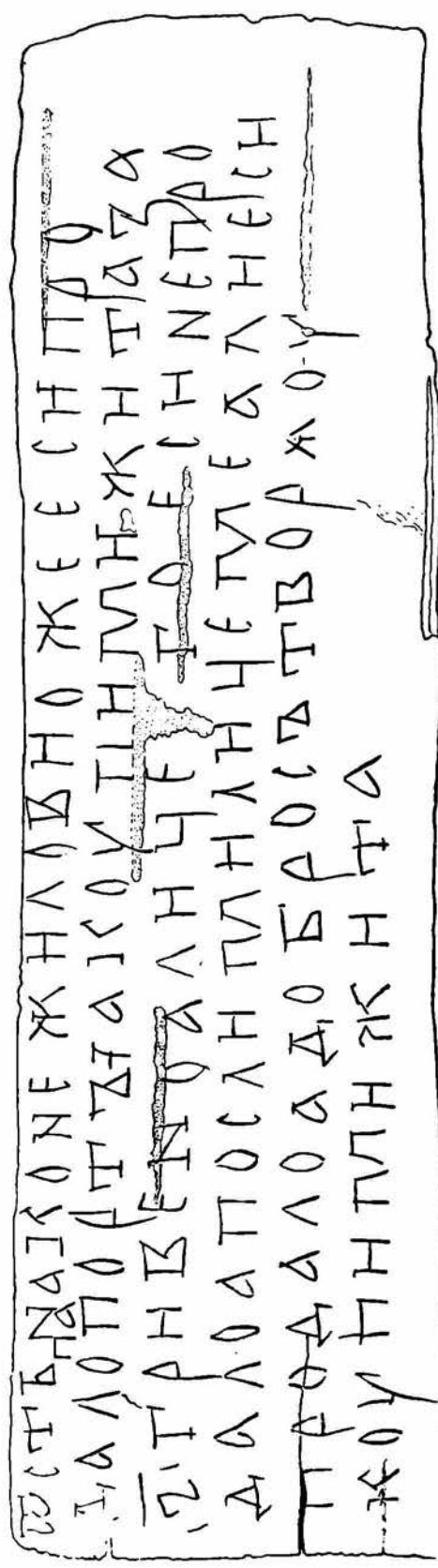
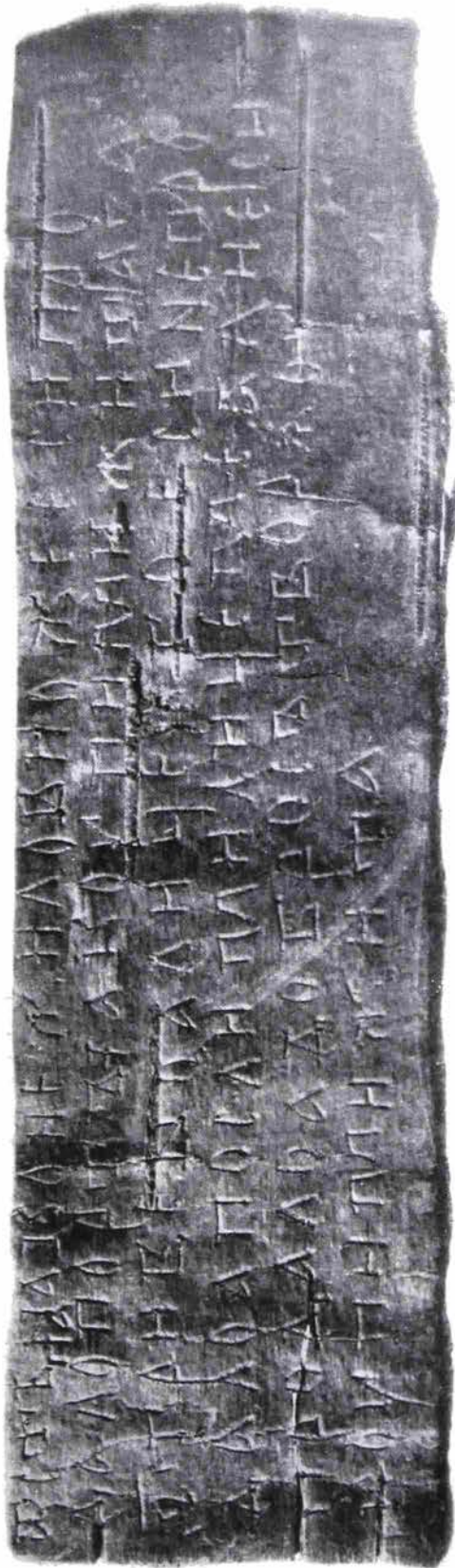

Рис. 1. Берестяная грамота из Витебска (фото и прорись)

В. Б. ВИЛИНБАХОВ

К ИСТОРИИ ОГНЕВОГО ОРУЖИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Первое знакомство русских с действием «огневого оружия»¹, согласно летописным источникам, имело место уже в X в., когда в 941 г. у берегов Малой Азии флот князя Игоря был сожжен византийцами с помощью «греческого огня»². Дальнейшие сообщения, однако, ничего не говорят о том, что русские делали попытки использовать подобное оружие в военных действиях. Такое положение, видимо, прежде всего объясняется тем, что в период X—XIII вв. тактика осадной борьбы в древней Руси так же, как и в других странах Европы, была развита слабо. Летописи совершенно определенно указывают, что на прямой штурм городов в X—XII вв. решались в редких случаях, по-видимому, тогда, когда в городе был малочисленный гарнизон³.

В пределах современной территории нашей Родины первый достоверно установленный случай применения «огневого оружия» относится к 1184—1185 гг., когда половцы во время своих столкновений с русскими применяли подобные средства, о чем сообщается в древнейших летописных сводах и в «Слове о полку Игореве». Ипатьевская летопись рассказывает о том, как в 1184 г. «пошел бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончак, со множеством половец, на Русь, пахупся яко хотя пленити грады рускые и пожещи огньм; бяше бо обрел мужа такового бесурмнина, иже стреляше живым огньм, бяху жу у них тузи луци самострельны, едва 50 мвж; можайшей напращи...»⁴. В. Н. Татищев дополняет это известие рядом подробностей, взятых, видимо, из не сохранившихся до наших дней источников⁵. Певец «Слова» в следующих словах повествует об «огневом оружии» хана Кончака:

«О, далече зайде сокол, птиц-бья, к морю!
А Игорева храброго плъку не кресити!
За ним кликну Карна и Жля,
поскочи по Руской земли,
смагу людемъ мычючи въ пламене розе»⁶.

Характер сообщений источников не оставляет сомнений в том, что половцы располагали какими-то средствами «огневой борьбы», вероятно, до этого сравнительно редко применявшимися в этом географическом районе. Наряду с этим, свидетельства источников не дают прямых сведений о характере и способах применения этого оружия. Только с помощью изучения сравнительного материала, известного в Византии и Китае, можно составить некоторое представление об «огневом оружии», бывшем в распоряжении половцев в конце XII в.

В связи с этим несомненный интерес представляет вопрос о том, откуда у сравнительно отсталых кочевников-половцев могло появиться столь совершенное по тем временам оружие. По этому вопросу рядом исследователей были высказаны различные предположения, большая часть кото-

¹ Под термином «огневое оружие» понимается оружие, действие которого основано на огнеметных и взрывных свойствах первоначальной пороховой смеси.

² Повесть временных лет, т. I, М., 1950, стр. 33.

³ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М., 1956, стр. 150.

⁴ ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 128—129.

⁵ «Хан Кончак имел мужа, умеющего стрелять огнем и зажигать грады, у коего были самострельные луки так велики, что едва восемь человек могли натягивать, и укреплены были на волю великом. Сим он мог бросать каменя в середину града в подъем человеку и для металла огня имел особый малейший, но вельми хитро сделанный» (В. Н. Татищев. История Российская с древнейших времен, т. III, СПб., 1774, стр. 259).

⁶ Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950, стр. 17.

рых сводится к тому, что «бесурменин», знавший секрет изготовления «живого огня», происходил из Средней Азии⁷.

В конце XII — начале XIII в. половецкие степи жили интенсивной торговой жизнью. Через половецкие земли из Крыма торговые дороги шли в разные стороны: «на север — в русские княжества, на северо-восток — в глубь половецких степей и через них в Булгар и, наконец, вокруг северного берега Каспийского моря в Хорезм и дальше на восток»⁸. Обширные торговые связи половецких степей как с Востоком, так и с Малой Азией допускают возможность проникновения «огневых средств» борьбы обоими этими путями.

Согласно работам современных китайских историков, порох был изобретен в Китае в 682 г.⁹ Для военных целей новое изобретение было применено во время династии Тан (X в.)¹⁰ в виде оружия, носившего название «фэйхо» («летающий огонь»). Исходя из трактата по военному делу, написанного Сюй Туном, это оружие было двух видов: пороховые заряды метавшиеся при помощи катапульт, и зажигательные стрелы. Известно, что впервые оба эти вида оружия были применены в 975 г. В 1126 г. начали применяться «огненные громовые сосуды», явившиеся в Китае первым оружием, в котором использовалась взрывная сила пороха. Примерно в это же время (1132 г.) было изобретено ствольное огнеметное оружие «хоцян», состоявшее из бамбуковой трубки, наполненной порохом. О наличии таких средств борьбы в странах Средней Азии мы не имеем никаких известий. Сообщения о применении в этом районе огневого оружия относятся к началу XIII в. и упоминают лишь зажигательные сосуды, наполненные нефтью («карурэ») ¹¹.

С применением селитры связано появление такого нового средства огневой борьбы, как «греческий огонь». Ни одно открытие не произвело столь сильного впечатления на современников и не оставило такого резонанса в истории. Исторические свидетельства относят появление в Византии «греческого огня» ко второй половине VII в. Константин Багрянородный в своем сочинении «De administrando imperio» говорит: «Должно знать, что при Константине, сыне Константина, называвшегося также Погонатом, некто Каллиник, перебежавший к Ромеям из Иллиополя, приготовил выбрасываемый из сифонов жидкий огонь, сжегши которым у Кизика флот сарацинов, Ромеи одержали победу»¹². Более полные сведения о «греческом огне» дает трактат по тактике императора Льва Философа (886—911 гг.)¹³.

Время появления «греческого огня» примыкает к эпохе крупных сдвигов на Ближнем Востоке. Арабские завоевания в Средиземноморье создают угрозу империи, нарушают ее экономические интересы, ставят под удар ее морское господство. Развитие производительных сил Византии надолго обеспечило ей возможность оставаться единственным обладателем нового средства борьбы. Состав «греческого огня», как известно, являлся строго охраняемой государственной тайной, но, несмотря на это, начиная с XII в., он получает распространение на всей территории Малой Азии. Имеются данные, позволяющие говорить о том, что на Арабском

⁷ См., например, Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. III, СПб., 1842, стр. 41; А. Ю. Якубовский. Рассказ Ибн-аль-Биби о походе малоазийских турок на Судан, чоловцев и русских в начале XIII в. Византийский временник, т. XXV, 1927, стр. 69.

⁸ А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 67.

⁹ Фэн Цзя-шэн. Изобретение пороха в Китае и его проникновение на Запад. Шанхай, 1954, хронологич. табл. (на кит. яз.).

¹⁰ Чжоу Вэй. Очерки по истории китайского оружия. Пекин, 1957, стр. 234 (на кит. яз.).

¹¹ См. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М., 1952, стр. 201, 206, 208, 216.

¹² Константин Багрянородный. О народах. СПб., 1899, стр. 175.

¹³ Joly de Maizey. Institutions militaires de l'empereur Léon le Philosophe. Paris. 1788, т. II, стр. 137, 159, 160, 287.

Востоке в XII в., или даже, возможно, несколько ранее, хорошо были знакомы с пороховыми смесями¹⁴.

Рецептуры позднейшего состава «греческого огня» приводятся в известном труде Марка Грека «Liber ignium ad comburendos hostes» (IX в.) наглядно доказывают, что в нем содержались основные составные части пороха¹⁵. Бесспорным документом, определяющим «греческий огонь» как взрывчатый, зажигательный состав, является миниатюра византийского кодекса XI в.¹⁶ Не подлежит сомнению также и то, что в XII в. византийцы были знакомы с взрывными свойствами пороха. Так, византийский историк Никита Акоминат пишет о метании «жидкого огня, который дремал в закрытых сосудах, взрывался и палил все предметы, которых достигал»¹⁷. Насколько известно, «греческий огонь» применялся либо в сифонах, специально приспособленных для огнеметания, либо в бомбах, где использовалась взрывная сила пороха.

Следовательно, к концу XII в. развитие «огневых средств» борьбы в Византии и Китае достигло в целом приблизительно одного уровня и по характеру применявшихся видов оружия было в основном идентичным.

Известным указанием на характер «огневого оружия» хана Кончака могут являться упоминаемые в «Слове о полку Игореве» шерешеры. Автор повести, обращаясь к князю Глебу Владимировичу, говорит: «Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрелти, удалыми сыны Глебовы»¹⁸.

Что представляют собой эти шерешеры? Этот вопрос имеет длинную историю. Его исследовали П. М. Мелиоранский¹⁹, А. С. Орлов²⁰, В. Ф. Ржига²¹, В. Г. Федоров²² и др. «Для нас совершенно несомненно,— пишет П. М. Мелиоранский,— что прототип слова «шерешир» есть персидское слово «тир-и-черх» — стрела или снаряд черха, т. е. особого рода катапульта в виде громадного самострела, из которого пускали и огромные металлические стрелы, и, что для нас особенно важно, металлические сосуды или трубки, наполненные горящими или взрывчатыми смесями, различные виды которых были известны на Востоке и в Византии даже гораздо раньше XII в. по рождеству Христову»²³. А. С. Орлов и В. Г. Федоров предполагают, что слово «шерешир», скорее всего, произошло от греческого слова «сарисса», «сариссари» и означает «дротики-ракеты, устроенные подобно фейерверочным ракетам»²⁴.

Словарь Бурхат Кати (составлен по различным более древним источникам в 1651—1652 гг., автор Мухаммед-Хусейн ибн-Халаф) дает такое объяснение термина «тир-и-черх»: «Это предмет вроде воздушной стрелы, который делают из железа; внутренность его наполняют порохом и, зажегши, мечут на врага»²⁵. В турецкой обработке этого же словаря сказано еще яснее: это — «сделанная из железа продолговатая трубка в виде воздушной ракеты, внутренность которой наполняют порохом и которую в качестве метательного снаряда бросают на войне на врагов».

¹⁴ M. Berthelot. La chimie au moyen âge, т. II, Paris, 1895, стр. 198.

¹⁵ Там же, т. I, стр. 108.

¹⁶ Аноним Византийский. Инструкции по полиоркетике. ВДИ, 1940, № 3/4, стр. 453, рис. 22.

¹⁷ M. Berthelot. Les compositions incendiaires dans l'antiquité et au moyen âge. Paris, 1891, стр. 501.

¹⁸ Слово о полку Игореве, стр. 22.

¹⁹ П. М. Мелиоранский. Турецкие элементы в «Слове о полку Игореве». Изв. Отд. русск. яз. и словесности АН, т. VII, 1902, кн. 2, стр. 273—302.

²⁰ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М., 1946, стр. 114.

²¹ В. Ф. Ржига. Восток в «Слове о полку Игореве». Сб. статей «Слово о полку Игореве». М., 1947.

²² В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956.

²³ П. М. Мелиоранский. Ук. соч., стр. 296.

²⁴ В. Г. Федоров. Ук. соч., стр. 116.

²⁵ Ch. Rien. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. London, 1923, т. II, стр. 500.

Оружие подобного вида, насколько известно, применялось лишь в странах Малой Азии, поскольку китайские источники ничего об этом не говорят.

Следовательно, если допустить, что в «Слове о полку Игореве» речь идет о шереширах (тир-и-черх), захваченных князем Глебом у половцев в 1184 г., то это весьма убедительно свидетельствует о том, что «огневое оружие» было получено ханом Кончаком не из Средней Азии, а из Малой Азии, через Кавказ или Черноморское побережье.

В пользу этого предположения в известной мере говорят следующие факты.

Основная торговля половцев в конце XII — начале XIII в. шла через крымский город Судак, который в это время даже платил им регулярную дань. Об этом имеются многочисленные свидетельства в арабских и иных источниках. Так, о торговом значении Судака несколько позднее Рубрук писал: «Туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию»²⁶. Насколько важна эта торговля, видно также из данных Ибн-ал-Асира, который под 602 г. х. (1205 г.) рассказывает следующее: «Гиас-ад-Дин, Хосроу-шах, владетель города Ар-Рума собрался в поход против города Трапезунта... Прекратилась по этой причине дорога из стран Рума (Малой Азии.— В. В.), Руси и кипчаков и других как сухопутная, так и морская»²⁷.

В самом начале XIII в. при нападении малоазийских турок на Судак, согласно рассказу Ибн-ал-Биби, жители города «сражались нефтью, черхами и (разрядка моя.— В. В.), стрелами и камнями»²⁸.

Показания Ибн-ал-Биби о наличии у жителей Судака тир-и-черхов (шереширов) делают весьма правдоподобной гипотезу, что именно отсюда половцы и получили «огневое оружие», при помощи которого намеревались «пленить грады русские и пожести огнем». Исходя из этого предположения, мы можем попытаться представить себе характер оружия, бывшего у половцев в конце XII в.

Метание небольших разрывных снарядов производилось повсюду на Востоке и при помощи больших станковых арбалетов-балестр, снабженных механическим приспособлением для натягивания тетивы²⁹. Огромные арбалеты с давних времен широко применялись на Востоке. Интересные образцы подобного оружия имеются в Военно-историческом музее в Париже. Там, в частности, хранятся два лука от балестр «для метания греческого огня»³⁰. О самострелах «для метания нефти» упоминает в летописи Рукнеддин Байбарс³¹. Скорее всего, подобные самострелы (балестры), предназначенные для метания снарядов с пороховым составом или зажигательных стрел, и были в 1184 г. в половецких войсках хана Кончака.

Вторым видом «огневого оружия» половцев, о котором упоминается в «Слове о полку Игореве», видимо, могли быть сифоны с «греческим огнем». О конструкции подобных сифонов в настоящее время можно судить только гадательно. В общих чертах они, вероятно, были в известной степени похожи на конструкции вкладных камер пушек XIV—XV вв.

В научной литературе до настоящего времени господствует мнение о том, что «огневое оружие», попавшее в руки русских в 1184 г., в дальней-

²⁶ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 88.

²⁷ А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 65—66.

²⁸ Там же, стр. 57.

²⁹ В. В. Арендт. Греческий огонь. Архив истории науки и техники, вып. 9, 1936, стр. 194.

³⁰ L. Robert. Le musée d'artillerie en 1881. Paris, 1881, т. III, стр. 377.

³¹ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, М., 1884, стр. 100.

шем не было ими использовано при военных действиях³². Подобный вывод, однако, не отвечает действительному положению вещей. Дошедшие до нас источники сохранили некоторые известия о дальнейшей судьбе «огневого оружия», захваченного в 1184 г.

Так, летописи, рассказывая о походе 1220 г. на болгарский город Ошель, сообщают, что «князь же Святослав пришед к городу и наряди люди вперед со огнем и с секирами, и за ними стрельцы и копейники, и приступи ко граду»³³. Лаконичность этого сообщения, правда, не дает возможности определить характер примененного русскими «огня» и дает полное право различно толковать это место летописного рассказа. Но если, параллельно с летописными известиями, обратиться к «Истории» В. Н. Татищева, то в ней мы найдем весьма интересные подробности, относящиеся к походу на Ошель.

По описанию В. Н. Татищева, «князь Святослав рассудя, что трудно в одном месте одолеть, развел войска кругом града и велел им на три места приступить, послав наперед пехоту с секирами и огнем, а за ними стрельцов, копейщиков, со стрелами и самострелы великие мечущие великие камене и огонь, и был бой великий»³⁴.

Несмотря на то, что вопрос об источниках, которыми пользовался В. Н. Татищев, до сего времени остается открытым, так как его «История» еще не была подвергнута тщательному изучению, приводимые им сообщения заслуживают внимания, поскольку «История государства Российского» является для нас «единственным историческим источником в тех частях, где В. Н. Татищев сохранил нам записи, сделанные на основании исчезнувших документов»³⁵.

Возвращаясь к известию В. Н. Татищева о применении русскими под Ошелем «великих самострелов», следует сопоставить этот текст с приводимым им же сообщением о захваченных в 1184 г. у хана Кончака осадных машинах. В обоих случаях речь идет о «великих самострелах», которые могли метать «камень» и «огонь». Достоверность известий, приводимых В. Н. Татищевым, не вызывает сомнений, поскольку известие 1184 г. полностью подтверждается летописными текстами, а сообщение 1220 г. также, правда, косвенным образом, имеет свое отражение в летописных источниках. Помимо этого, описываемые В. Н. Татищевым осадные машины полностью отвечают действительному состоянию военной техники в Византии и в арабских странах. Это тем более важно, что при том уровне научных знаний, который существовал в начале XVIII в., В. Н. Татищев не мог что-либо знать о подобных осадных машинах.

Исходя из всего вышеизложенного, следует считать, что известие В. Н. Татищева о наличии у русских во время осады Ошеля в 1220 г. «великих самострелов», метавших «живой огонь», основано на свидетельстве не сохранившихся до наших дней летописей, а не является плодом авторской фантазии. Можно считать установленным, что «живой огонь», попавший в руки к русским в 1184 г., употреблялся в последующих военных действиях. Наличие в распоряжении русских князей на рубеже XII и XIII вв. «греческого огня», представлявшего собой первоначальную пороховую смесь, в известной степени делает возможным предположение, что именно подобные составы и были обозначены в Новгородском словаре 1282 г. термином «порох»³⁶.

³² См. В. Г. Федоров. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М., 1949, стр. 45; А. Н. Кирпичников. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия. СА, 1957, № 3, стр. 61.

³³ ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 127.

³⁴ В. Н. Татищев. История государства Российского, кн. III, СПб., 1774, стр. 419.

³⁵ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I, М., 1940, стр. 6—7.

³⁶ И. Сахаров. Сказания русского народа, ч. II, СПб., 1849, стр. 200.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ю. В. КУХАРЕНКО

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

На рубеже и в начале нашей эры на обширной территории Восточной Европы, от Буга на западе и до Сейма на востоке, от верховьев Днепра на севере и почти до причерноморских степей на юге, широкое распространение получили памятники так называемой зарубинецкой культуры¹. Известно более сотни поселений и могильников этой культуры, но лишь немногие из них подвергались исследованиям. Это обстоятельство весьма затрудняет решение многих вопросов, связанных с зарубинецкой культурой, и, прежде всего, решение вопроса об ее этнической принадлежности, происхождении и дальнейшей судьбе.

Почти все наши исследователи признают зарубинецкую культуру славянской. Впервые эта мысль была высказана открывшим эту культуру В. В. Хвойкой и с тех пор прочно укрепилась в науке. Но если славянская принадлежность зарубинецкой культуры признается всеми советскими археологами, то в вопросе о ее происхождении нет единого мнения. Одни исследователи считают, например, что основой, на которой сложилась зарубинецкая культура и с которой она генетически увязывается, является скифская культура местных племен, населявших Среднее Приднепровье в предзарубинецкое время (П. Д. Либеров²). Другие, отрицая скифское наследие, выводят зарубинецкую культуру из так называемой подгорцевско-милоградской культуры (В. Н. Даниленко³). Третьи полагают, что зарубинецкая культура сложилась на основе нескольких отличных друг от друга культур (Е. В. Махно⁴). В последнее время, после известных работ А. И. Тереножкина по поводу генезиса белогрудовской культуры, некоторые исследователи склоняются к мысли, что зарубинецкая культура «сложилась в области Среднего Приднепровья и что большую роль при этом сыграли культурно-этнические элементы западного происхождения, восходящие к эпохе поздней бронзы»⁵. Под западными культурно-этническими элементами здесь понимается западное, точнее тшинецко-комаровское, происхождение так называемой белогрудовской культуры, от которой якобы намечается прямая линия развития к культуре чернолесской, затем к культуре больших городищ Среднего Приднепровья, относящихся к скифскому времени, и, наконец, к культуре зарубинецкой⁶.

Общим для всех этих точек зрения является безусловное признание того факта, что зарубинецкая культура как таковая сложилась в области Среднего Приднепровья на местной основе, и происхождение ее, следовательно, не было вызвано каким-либо продвижением на эту территорию населения из других мест⁷. С этим никак нельзя согла-

¹ В. В. Хвойка. Поля погребений в среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2. СПб. 1901, стр. 172—190; е го же. Древние обитатели среднего Приднепровья. Киев, 1913; А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 55—64; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953; Е. В. Махно. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Приднепровье. СА, XXIII, 1955, стр. 81—100.

² П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 75—84.

³ В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Подесья УССР. Доклады VI научной конференции ИА АН УССР. Киев, 1953, стр. 197—208.

⁴ Е. В. Махно. Ук. соч., стр. 98—99.

⁵ П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. М., 1958, стр. 33.

⁶ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 30.

⁷ М. И. Артамонов, который когда-то допускал, что в сложении культуры полей погребений на территории Среднего Приднепровья принимал участие какой-то совершенно новый здесь этно-культурный элемент (см. М. И. Артамонов. Венеды, негры и будины в славянском этногенезе. Вестник ЛГУ, 1946, № 2, стр. 83), позже пришел к выводу о том, что нет никаких оснований для гипотезы о появлении славян (в данном случае зарубинецких племен) в Приднепровье в результате переселения (см. М. И. Артамонов. Происхождение славян. Л., 1950, стр. 46).

ситься. Зарубинецкая культура не сложилась и не могла сложиться в области Среднего Приднепровья, где она генетически не увязывается ни с одной из культур предшествовавшего ей времени. Культура эта сложилась в западных районах Припятского Полесья и Волыни в результате проникновения туда венедских племен с северо-запада, из Поморья. Появление памятников зарубинецкой культуры в Приднепровье является результатом переселения туда зарубинецких племен из более западных областей.

Как известно, в территориальном отношении памятники зарубинецкой культуры в той или иной мере перекрывают памятники различных предшествовавших им по времени культур (рис. 1). Днепровская группа памятников, например, распростра-

Рис. 1. Культуры, предшествовавшие зарубинецкой

1 — поморская, 2 — скифская, 3 — подгорцевская, милоградская, культура городищ со штрихованной керамикой. (Пунктиром указаны границы распространения памятников зарубинецкой культуры)

на территории, занятой до этого скифскими племенами на юге и какими-то балтийскими племенами, известным нам по так называемой подгорцевско-милоградской культуре — на севере. Культура и тех и других племен резко отлична от культуры зарубинецкой, равным образом как отлична и их этническая принадлежность. Для скифов Среднего Приднепровья, или «местных племен со скифской культурой» (как их в последнее время принято называть), характерны курганные захоронения с труположением в ямах и деревянных срубках, коллективные захоронения, погребения воинов и т. д. Трупосожжения встречаются редко и главным образом на правобережье Днепра. К концу скифского времени общее количество погребений с трупосожжением несколько возрастает, не получая, однако, сколько-нибудь широкого распространения. Весьма характерны вещи, найденные в погребениях и на поселениях. Помимо лошених сосудов, широко распространены сосуды с характерным наленным валиком, покрытым «защипом», и сосуды с так называемым жемчужным орнаментом, оригинальное скифское вооружение, украшения в зверином стиле, конское снаряжение и т. д. Памятники подгорцевско-милоградской культуры менее изучены, чем скифские. Но и те материалы, которыми мы располагаем, вполне достаточны для того, чтобы убедиться, насколько они отличны от памятников зарубинецкой культуры. У подгорцевских племен, например, как и у скифов, господствовал обычай погребать несожженных покойников⁸. Среди сосудов, найденных в погребениях и на поселениях, много горшков с яйцевидным туловом, круглым дном и высоким, слегка отогнутым венчиком, ниже которого нанесен жемчужный или накольчатый орнамент. Таков же в основном орнамент и на наиболее распространенных сосудах — плоскодонных горшках и мисках. Весьма характерны предметы украшений: ажурные бляшки-подвески, булавки с ажурной головкой, звездчатые серьги и т. д.⁹ Очень близки подгорцевским и родственные с ними памятники милоградского типа. В настоящее время известно довольно много милоградских поселений, представленных городищами, в том числе и так называемыми болотными¹⁰. На них обнаружены остатки наземных или слегка углубленных в землю жилищ столбовой конструкции с каменными очагами внутри. У некоторых жилищ имеются характерные боковые выступы или же небольшие пристройки. Во всех случаях перекрытия построек поддерживались большим столбом, врытым в пол в центральной части жилища. Своих покойников милоградские племена не сжигали и хоронили в курганах¹¹, хотя можно полагать, что им был известен и обряд трупосожжения. Особенно интересны в этой связи остатки большого нежилого сооружения, обнаруженные за валом одного из городищ (Горошков) и напоминающего известный «домик мертвых» в Березняках. Весьма характерны глиняные изделия, обнаруженные на милоградских городищах: шаровидной или яйцевидной формы горшки, украшенные по шейке или венчику пальцевыми или ямочными вдавлениями, многочисленные пряслица, различные фигурные грузики и изделия животного и т. д.

И скифские и подгорцевско-милоградские памятники доживают в Приднепровье вплоть до появления там памятников зарубинецкой культуры. Что общего между ними и последними? Только редкие случаи находок в погребениях и на поселениях зарубинецкой культуры отдельных сосудов, орнаментированных в скифском стиле, или еще

⁸ А. П. Савчук. Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине, КСИА, вып. 1, 1952, стр. 56—58.

⁹ В. Н. Даниленко. Ук. соч., стр. 197—208.

¹⁰ О. Н. Дельникова. Памятники раннего железного века Верхнего Приднепровья, КСИА, вып. 7, 1957, стр. 46—48.

¹¹ Курганный могильник возле дер. Дубой. Раскопки автора.

более редкие случаи находок круглодонных сосудов, напоминающих по форме подгорцевско-милоградские. Может быть, скифским же наследием следует объяснять и наличие на зарубинецком могильнике в Корчеватом нескольких погребений с труположением. Впрочем, этот факт с тем же успехом может быть объяснен близким соседством сарматских племен, поселившихся в Приднепровье в то время¹². Во всем остальном, притом, в главности погребального обряда, устройстве жилищ и характере поделок, состав инвентаря и основные типы вещей) памятники зарубинецкой культуры резко отличны от памятников, известных здесь же в предшествовавшее время.

Не менее отличны от зарубинецких и памятники юхновского типа, предшествовавшие зарубинецким в бассейне Десны. В настоящее время известны только городища юхновского типа, на многих из которых, как и на милоградских, располагаются зарубинецкие поселения. Жилища юхновской культуры представляют собой небольшие наземные сооружения овально-удлиненной в плане формы со стенами, сооруженными из ряда кольев, переплетенных прутьями, и обмазанными глиной¹³. Глиняные сосуды представлены горшками со слабо отогнутыми венчиками, украшенными по плечикам или шейке рядом вдавлений, сделанных концом круглой палочки. Встречается также насечка или ногтевой зажим по краю венчика. Много и других изделий из глины: «рогатые» кирпичи, различные грузила, погремушки, пряслица и т. д. Широко распространены поделки из кости: стрелы, мотыги, шилья, иголки и т. д. Нетрудно убедиться, что все это ничего общего с памятниками зарубинецкой культуры не имеет.

Совсем иная картина наблюдается в западных районах распространения памятников зарубинецкой культуры, на территории Западного Полесья и северо-западной части Волыни. В предзарубинецкое время там встречаются две группы памятников, и обе они, как увидим ниже, весьма близки к зарубинецким. Пока что эти группы известны нам главным образом по могильникам, так как поселения не изучались. Могильники бескурганые и, как правило, содержат только погребения с трупосожжением. Древнейшая группа этих памятников открыта сравнительно недавно и пока что представлена лишь четырьмя могильниками: Могиляны, Бильче, Дроздов, Луцк-Гнидава¹⁴. На всех этих могильниках были обнаружены погребения с трупосожжением в урнах. Урны, а также и остальные сосуды — лепные. Среди них весьма характерны высокие тюльпановидные горшки и небольшие кружки с ушком. Подобные сосуды характерны и для более поздних зарубинецких погребений. Интересно, что позднее в Могилянах появляются именно зарубинецкие погребения. Вторая, более поздняя группа памятников (IV—II вв. до н. э.) представлена так называемыми подклёшевыми могильниками¹⁵ и связанными с ними поселениями (Ратайчицы, Тростяница, Владычицы, Скорбичи, Головно, Забороль и т. д.)¹⁶. Погребения, вскрытые на этих могильниках, более разнообразны, чем на могильниках первой группы. Кроме погребений в урнах встречаются и ямные, в том числе и захоронения с остатками погребального костра. Часть погребений находилась в каменных ящиках или же была обставлена отдельными камнями. Много лепных глиняных сосудов — лощенных и нелощенных. Среди последних весьма характерны сосуды с очень бугристой поверхностью. Сами могильники нередко располагаются группами по три-четыре в одном месте; на расстоянии 1—2 км друг от друга.

Между этими памятниками и появившимися им на смену зарубинецкими наблюдаются определенные связующие элементы. Причем элементы эти совсем иного порядка, чем это наблюдалось в восточных районах распространения зарубинецкой культуры. Речь идет не о единичных случаях находок на зарубинецких могильниках и поселениях скифских, подгорцевско-милоградских или юхновских сосудов, о чем говорилось выше. Перед нами непрерывность развития погребального обряда, массовое распространение тех же самых вещей и т. д. На зарубинецких могильниках, как и на предшествующих им здесь могильниках, безраздельно господствует трупосожжение. И те и другие могильники бескурганые. Зарубинецкие могильники, как и подклёшевые, зачастую располагаются группами, в непосредственной близости друг от друга. Иногда зарубинецкие могильники возникают на месте старых, дозарубинецких могильников. Погребения на зарубинецких могильниках нередко находятся в длинных ямах наподобие ям, в которых сооружались каменные ящики на подклёшевых могильниках и так же ориентированных. Более того, на зарубинецких могильниках имеются случаи прямой имитации подклёшевых каменных ящиков. Так, в одном из погребений на могильнике Велемичи II поgre-

¹² К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1955, стр. 209 сл.

¹³ В. П. Левенко. Городища юхновской культуры. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 49—53.

¹⁴ Опубликованы только материалы из Могилян (см. М. Ю. Смышко. Погребения раннежелезного века в с. Могиляны, Ровенской области. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 54—57). Материалы из остальных могильников хранятся в фондах Луцкого музея.

¹⁵ Подклёшевые могильники получили свое название от больших сосудов в виде клёша, которыми накрывали сверху погребальную урну. Распространены главным образом в Повисленье. В нашей литературе такие могильники иногда называют подколпачными. Правильнее, однако, придерживаться уже установленной уже польской терминологии, тем более что и в русском языке слово «клёш» имеется.

¹⁶ Z otchłani wieków, Rok XII, Poznań, 1937, стр. 168—170; I. Kostzewski. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów Prehistoriąziem Polskich. Kraków, 1939—1948, стр. 297.

бальная яма по краям была обставлена черепками от большого разбитого глиняного сосуда, такого же как и сосуды из подклёшевых погребений и поселений (рис. 2, б). Другие сосуды в погребении — типично зарубинецкие.

Среди глиняных сосудов, обнаруженных в зарубинецких погребениях и на поселениях Западного Полесья, вообще много сосудов тех же типов, что и сосуды из подклёшевых погребений (ср. рис. 2—4). Прежде всего это касается сосудов с очень бугристой поверхностью. На зарубинецких поселениях такие сосуды составляют около 20%. Одинаковы и некоторые типы лошенных сосудов, например большие урны (рис. 4), горшки (рис. 2, 1—6, 9; рис. 3, 2, 3, 6—11), миски, плоские круглые крышки и т. д. Даже столь

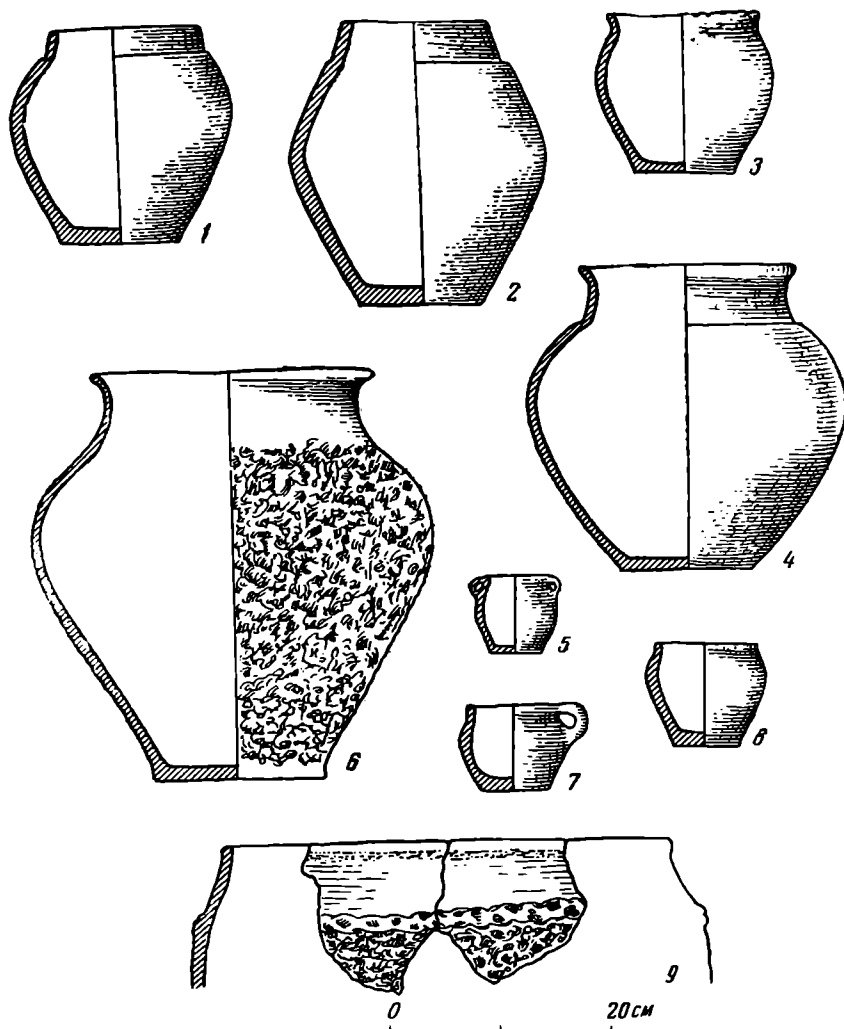

Рис. 2. Глиняные сосуды из погребений зарубинецкой культуры районов Полесья (по материалам раскопок автора)

характерные для зарубинецких погребений небольшие кружки с ушком изредка встречаются и в подклёшевых погребениях (рис. 3, 1). Наблюдается преемственность и в орнаментации сосудов: глубокие бороздчатые расчесы по поверхности в одинаковой мере свойственны и подклёшевым и зарубинецким сосудам. То же самое относится и к небольшим пальцевым вдавлениям по плечикам или краю венчика, слабо выраженным валикам и т. д. Характер поселений и типы жилищ у зарубинецких племен Западного Полесья также одинаковы с поселениями и жилищами населения подклёшевых поселений: это небольшие селища с прямоугольными постройками столбовой конструкции.

Указанные аналогии не следует рассматривать как следствие простых заимствований. И не только потому, что это далеко не единичные случаи и наблюдаются они не только в районах непосредственного контакта между подклёшевыми и зарубинецкими племенами (Западное Полесье), но и далеко на востоке — на Днепре и даже на Сейме. Дело в том, что при более внимательном изучении материалов мы видим картину постепенного распространения одних типов вещей и отмирание других. Столь характерные,

например, для зарубинецкой культуры кружки в подклёшевых погребениях встречаются только в порядке исключения, широкое распространение они получают позже. В то же время типичные для подклёшевых погребений лощеные урны и горшки встречаются только в ранних зарубинецких погребениях, а позже они постепенно выходят из употребления, уступая место другим формам. И только сосуды с очень бугристой поверхностью в одинаковой мере свойственны как тем, так и другим памятникам. В погребальном обряде также наблюдается картина постепенного развития и изменений. Захоронения в урнах, столь характерные для подклёшевых погребений, встречаются еще и на зарубинецких могильниках, но опять-таки главным образом только в ранних погребениях; по-

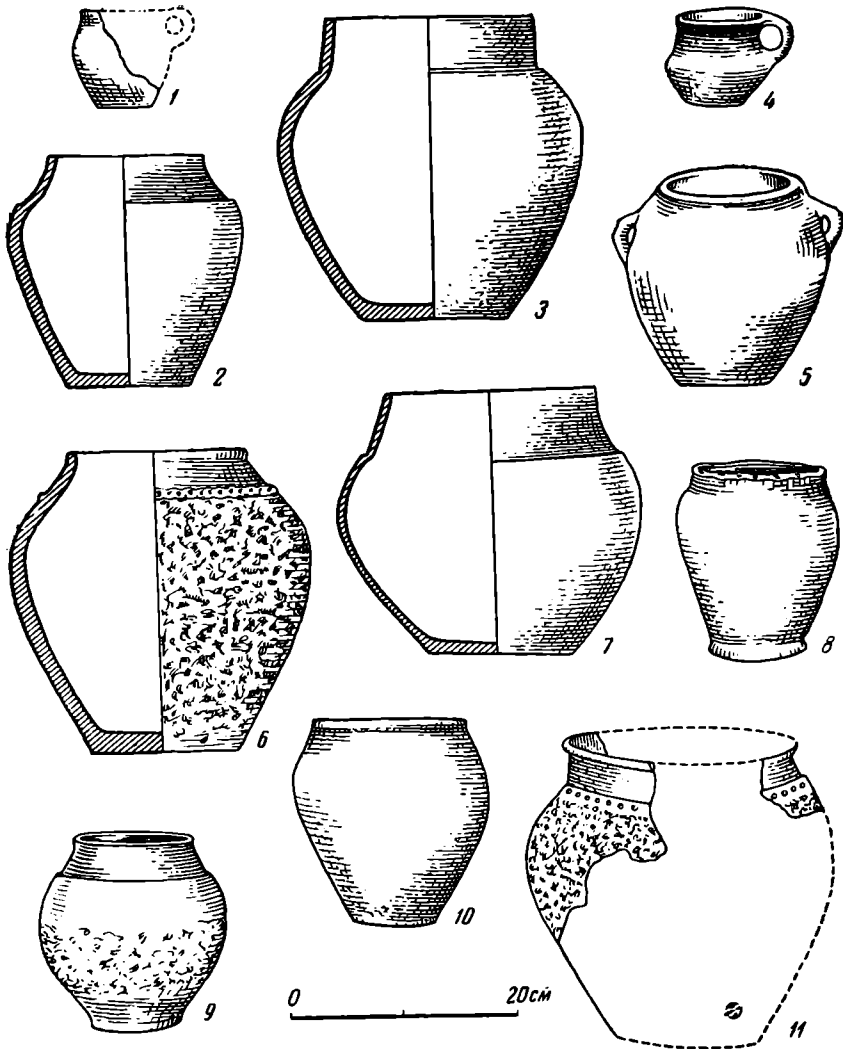

Рис. 3. Глиняные сосуды из погребений и поселений поморской культуры Полесья и Повисленья (по Я. К. Лука, А. Липинской, С. Носеку и автору)

степеню их вытесняют захоронения ямные. В то же время ямные погребения, которые появляются на подклёшевых могильниках, в зарубинецкое время становятся господствующими. Еще отчетливее это прослеживается на изменениях характера кладки каменных ящиков. Вначале стенки ящиков сплошные, в поздних подклёшевых погребениях камни стоят лишь по углам ямы, и появляются ямы совсем без камней, а на зарубинецких могильниках мы наблюдаем уже лишь своеобразные имитации стенок ящиков и ям.

Из всего сказанного становится очевидным, что только в районах Западного Полесья и Волыни зарубинецкие памятники генетически и без какого-либо хронологического разрыва увязываются с более ранними памятниками. Во всех остальных районах распространения зарубинецкой культуры подобной связи не наблюдается. Неслучайно, что именно в области Западного Полесья мы встречаем наиболее ранние могильники и поселения зарубинецкой культуры. На этих могильниках и поселениях найдены ранние типы фибул, неизвестные на зарубинецких памятниках Приднепровья. Так, при моих раскопках в одном из погребений на могильнике в Черске Маневичского района Волын-

ской области (р. Стырь) был обнаружен обломок железной раннелатенской фибулы (рис. 5, 4). Остальные фибулы этого могильника — среднелатенские и представлены простейшими проволочными формами. Других, более поздних фибул здесь нет. В погребениях других зарубинецких могильников этого района также встречаются ранние варианты латенских фибул. Например, на могильнике в дер. Воронино, возле Турова, найдена бронзовая проволочная фибула с восьмеркообразной спинкой (рис. 5, 2), а в одном из погребений могильника в дер. Велемичи у Давид-Городка — проволочная фибула с двумя шариками на спинке (рис. 5, 1). В этом же погребении, кстати сказать, найден обломок кельтского графитованного сосуда.

Рис. 4. Глиняные сосуды из могильника поморской культуры в Головно (1) и из могильника зарубинецкой культуры в Велемичах (2, 3) (по материалам раскопок автора)

Фибулу из Черска, поскольку от нее сохранился лишь обломок, трудно датировать точно. Учитывая, однако, характер конца приемника этой фибулы можно полагать, что она относится к концу III, а скорее всего ко II в. до н. э.¹⁷ Остальные из указанных выше фибул, безусловно, относятся ко II в. до н. э.¹⁸ Об этом свидетельствуют не только многочисленные аналогии, но и упомянутая уже находка в Велемичах кельтского графитованного сосуда. Ни на одном из зарубинецких памятников Приднепровья подобных фибул нет. Известная раннелатенская фибула из Залесья была найдена в кельтском сосуде и, по-видимому, никакого отношения к интересующим нас памятникам не имеет¹⁹. Две раннелатенские фибулы из Липлявы найдены в кладе вместе с более поздними вещами и если и относятся к зарубинецкой культуре, то к поздним ее памятникам²⁰. Не имеют никакого отношения к зарубинецкой культуре и две проволочные фибулы с восьмеркообразной спинкой из с. Войковцы. Они обнаружены в позднескифском кургане вместе с другими вещами, характерными для подобных погребений²¹. В позднескифских погребениях Приднепровья изредка вообще попадаются ранние варианты ла-

¹⁷ Целая фибула с подобным же приемником обнаружена автором данной статьи в одном из погребений на подклёшевом могильнике Головно, в том же районе Полесья.

¹⁸ J. Filip. *Keltové ve střední Evropě*. Praha, 1956, стр. 99, рис. 30.

¹⁹ Н. Беляшевский. Поле погребальных урн эпохи la-Tène в Радомишльском у., Киевской губ. АЛЮР за 1904 г., стр. 17.

²⁰ В. П. Петров. Культура полів поховань на Україні. Архив ИА АН УССР, ф. 12, д. 96, табл. 11.

²¹ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1900, табл. XLIV, 355—356. При описании таблиц ошибочно указано место находки: Прусы вместо Войковцы (см. извлечения из раскопок С. А. Мазараки; там же, стр. 8—9).

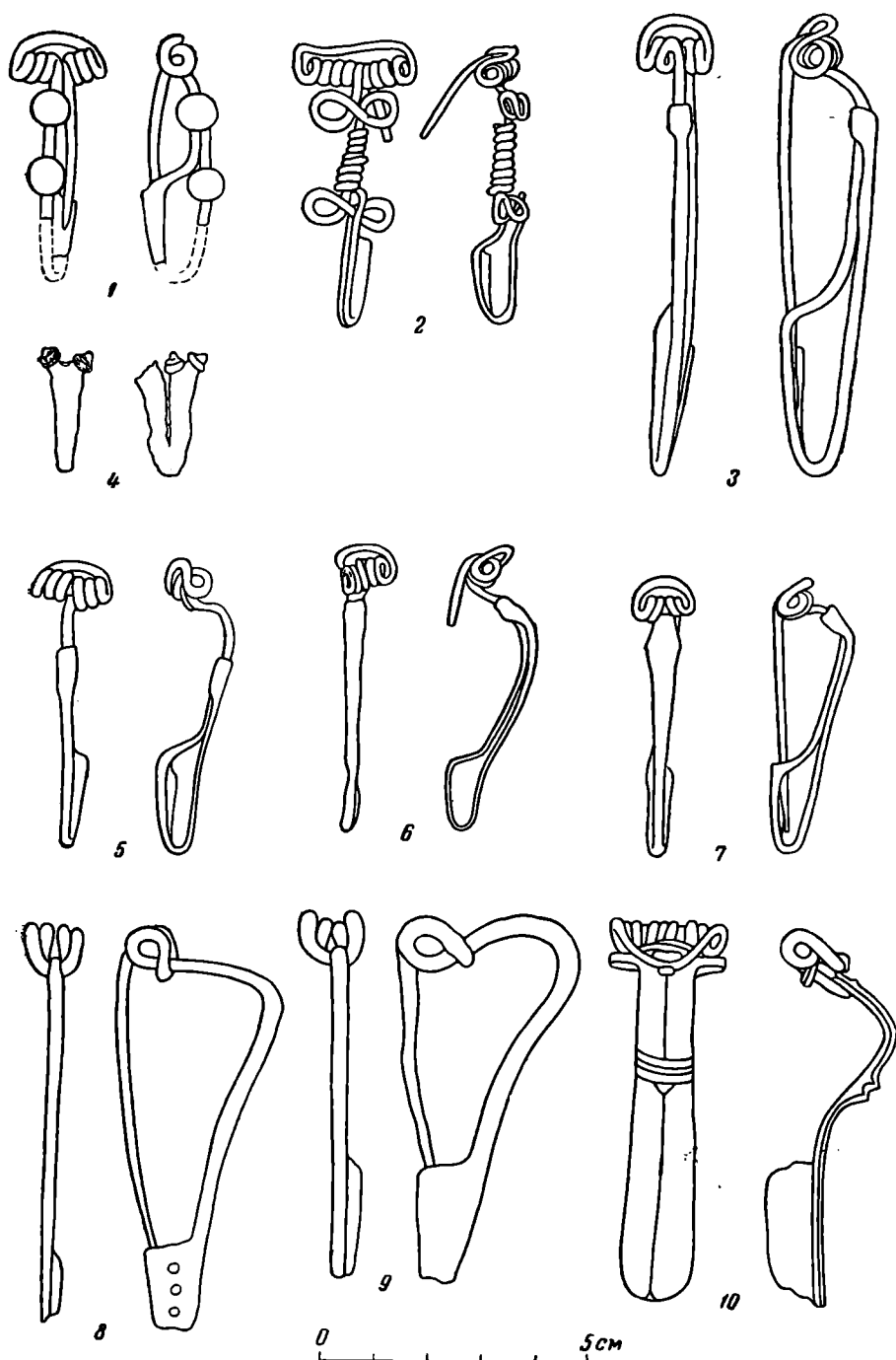

Рис. 5. Наиболее ранние варианты фибул из погребений различных групп зарубинецкой культуры

тенских фибул (Медведовка, Каменка, Марицын), но их совершенно нет на зарубинецких памятниках. И это вполне естественно, поскольку памятники зарубинецкой культуры появляются там не ранее I в. до н. э., когда в быту находились уже другие, более развитые формы латенских фибул. В нашей литературе прочно утвердилось ошибочное мнение о том, что наиболее ранние памятники зарубинецкой культуры на территории Среднего Приднепровья появляются во II и даже в III в. до н. э.²² В качестве доказательства обычно ссылаются на фибулы среднелатенской схемы, находки обломков амфор, амфоровидный сосуд из одного погребения Корчеватовского могильника, известный «канфаровидный» сосуд из Субботова и бронзовый наконечник стрелы скифского типа, найденный на поселении в Табаевке²³. Разберемся в этом.

²² В свое время автор также придерживался этого ошибочного мнения.

²³ Е. В. Махио. Ук. соч., стр. 97.

Как уже упоминалось, на зарубинецких памятниках Среднего Приднепровья нет типологически ранних форм среднелатенских фибул (одиночные случайные находки, не связанные с определенными зарубинецкими комплексами, конечно, не могут приниматься во внимание). Наиболее ранние типы среднелатенских фибул здесь типологически более поздние, чем фибулы из памятников Западного Полесья, и являются производными от простейших проволочных форм. Это фибулы с проволочной, чаще со слегка расширенной спинкой и узкой пластинчатой ножкой (рис. 5, 5—7). Две такие фибулы найдены на Зарубинецком, одна на Чаплинском и шесть на Корчеватовском могильниках. Как видим, подобных фибул совсем немного, и они, несомненно, более поздние, чем упомянутые выше фибулы из зарубинецких могильников Западного Полесья²⁴. Наиболее распространенными в Среднем Приднепровье, как и вообще на территории, занятой памятниками зарубинецкой культуры, являются фибулы с загнутым на спинку и расплюснутым в треугольную пластинку концом ножки. Спинка у таких фибул также расплюснута. Типологически эти фибулы еще более поздние и появляются не ранее I в. до н. э. Об этом, кстати сказать, свидетельствует и находка подобной фибулы в одном из погребений мавзолея Неаполя скифского, датированном именно этим временем²⁵. На многих же приднепровских поселениях и могильниках, особенно южных, вообще нет фибул среднелатенской схемы. Наиболее ранние варианты фибул там представлены фибулами начала нашей эры (Пироговка, Сахновка, Субботов и др.).

То, что сказано здесь о датировке ранних вариантов фибул, вполне подтверждается и другими вещами, найденными на зарубинецких поселениях и могильниках Среднего Приднепровья. Так, во время раскопок на поселении Пилипенкова Гора возле Канева²⁶ и на горе Киселевке в Киеве²⁷ были обнаружены обломки светлоглиняных амфор с двухствольными ручками, датирующиеся I в. до н. э.—I в. н. э.²⁸ Фрагменты подобных же амфор были найдены автором во время раскопок на поселении Гончариха возле с. Сахновки Корсунь-Шевченковского района. К еще более позднему времени относится лепной амфоровидный сосуд из Корчеватовского могильника, ошибочно определяемый И. М. Самойловским, а вслед за ним и Е. В. Махно, как подражание фазосским амфорам и поэтому датированный III—II вв. до н. э.²⁹ По форме, не говоря уже о технике выделки, этот сосуд ничего общего с фазосскими амфорами не имеет. Лепные амфоровидные сосуды изредка встречаются на нашем Юге, например в Илурате, в первые века нашей эры³⁰. В Приднепровье же амфоры, лишь отдаленно напоминающие по форме сосуд из Корчеватого, но гончарные, были известны в скифских погребениях конца VI и V в. до н. э.³¹ Упомянутый выше сосуд из Корчеватого, вероятно, является подражанием амфорам с горлом-раструбом, относящимся к первым векам нашей эры, судя по находкам в Илурате³².

Неубедительна и ссылка Е. В. Махно на так называемый канфаровидный сосуд, происходящий из могильника в Субботове и относящийся якобы к III в. до н. э.³³ По форме и технике выделки этот сосуд так же мало похож на античный канфар, как и упомянутая уже корчеватовская находка на фазосскую амфору. К тому же найден он был вместе с позднелатенским, а может быть, даже более поздним бронзовым сосудом³⁴. Подобные бронзовые сосуды хорошо известны, например, по находкам на территории Польши в погребениях, хорошо датированных римскими импортными изделиями I и даже II в. н. э.³⁵ На территории СССР близкие по форме латенские сосуды также датируются более поздним временем, чем это предполагает Е. В. Махно по отношению к находкам из Субботова³⁶. Последующие находки на этом же могильнике импортных вещей римского времени, в том числе и фибулы первых веков нашей эры, подтверждают сказанное.

²⁴ В Повисленье, например, подобные фибулы появляются не ранее I в. до н. э. Передки случаи находок их вместе с провинциально-римскими фибулами и другими римскими импортными вещами I в. н. э. См. J. Kostrzewski. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit. т. I. Leipzig, 1919, стр. 16—19.

²⁵ Н. Н. Погребова. Погребения мавзолея Неаполя скифского. Архив Крымского отдела ИА АН УССР, рис. 9.

²⁶ В. А. Богусевич. Канівська археологічна експедиція. АП, т. III, 1952, стр. 144, табл. I, рис. 3.

²⁷ А. М. Шовкопляс. Керамический комплекс с горы Киселевки в Киеве. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 101.

²⁸ О датировке подобных амфор см. И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, стр. 106—116.

²⁹ I. Самойловський. Корчеватовський могильник. Археологія, т. I, 1947, стр. 108, рис. 8.

³⁰ Е. Г. Кастанян. Лепная керамика Илурата. МИА, № 85, 1959, стр. 273—276.

³¹ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III, Спб., 1901, стр. 80, рис. 21.

³² В. Ф. Гайдужевич. Илурат. МИА, № 85, 1958, стр. 37, рис. 21.

³³ Е. В. Махно. Ук. соч. стр. 96, 97, рис. 8.

³⁴ ОАК за 1911 г., стр. 81, рис. 118.

³⁵ L. Lesiejewicz. Nowy grób z importami rzymskimi w Łęgu Pickarskim, pow. Turek. Archeologia, VII, Warszawa, 1957, стр. 103, рис. 2—3.

³⁶ Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, 1959, № 1, стр. 39.

Наконец, совсем нельзя согласиться с датировкой «древнейшего славянского поселения» возле Табаевки на Черниговщине³⁷. Там, на очень небольшом пространстве, под насыпью одного из славянских курганов Д. И. Блифельд обнаружил остатки позднескифского, а не зарубинецкого поселения. Об этом более чем убедительно говорят материалы, опубликованные самим Д. И. Блифельдом, в том числе и наконечник стрелы, на который ссылается Е. В. Махно. Среди обломков глиняных сосудов, найденных на этом поселении, имеется и несколько обломков зарубинецких лощеных мисок. Подобные находки изредка встречаются в верхних слоях и других предзарубинецких поселений, в том числе и скифских (Басовка, например). И никто до сих пор не датировал их скифским временем, поскольку совершенно очевидно, что они относятся к иному, стратиграфически более позднему напластованию. И если бы Д. И. Блифельд вскрыл большую площадь, чем пространство, занятое насыпью небольшого кургана, он, безусловно, убедился бы в этом.

Зарубинецкие памятники в бассейне Десны, в том числе и упомянутое поселение возле Табаевки, вообще являются самыми поздними. Все они датируются временем не ранее I в. н. э. Об этом лучше всего свидетельствуют фибулы I—II вв., найденные во время раскопок деснинских поселений (рис. 5, 8—10)³⁸. О позднем появлении на Десне зарубинецких поселений и о функционировании их еще в черняховское время, т. е. уже после II в. н. э., говорят и керамические находки. На деснинских поселениях нередко встречаются лепные сосуды, по форме и орнаментации подражающие гончарным черняховским сосудам. Так, среди лепных сосудов из Харьевского поселения, как это неоднократно отмечал исследователь этого поселения Д. Т. Березовец, имеются и сосуды, нижняя часть поверхности которых покрыта своеобразными углублениями, имитирующими обычные на черняховских сосудах ямки от выпадания зерен кварца³⁹. На поселениях у г. Почепа встречаются лепные лощеные миски с характерной для черняховских сосудов орнаментацией фасетками по ребру⁴⁰. Лепной чернолощенный сосуд, напоминающий по форме черняховские сосуды, найден и в разрушенном погребении на могильнике у с. Разлеты и т. д.

Таким образом, мы видим, что наиболее ранние памятники зарубинецкой культуры известны в районах Западного Полесья во II в. до н. э. На более восточных территориях памятники эти появляются позже: в Приднепровье не ранее I в. до н. э., а далее к северо-востоку, на Десне и Сейме, еще позже, уже в I в. н. э. Нами подчеркивалось также, что только в районах Западного Полесья мы имеем ту местную основу, на которой возникла зарубинецкая культура. Не будет ошибкой поэтому утверждать, что появление этой культуры в других местах объясняется переселением туда зарубинецких племен из Западного Полесья. В противном случае невозможно объяснить, почему в Приднепровье на основе столь различных и этнически чуждых культур, притом как-то вдруг, возникла одна общая зарубинецкая культура, не похожая ни на одну из предшествовавших ей. Никакие изменения в хозяйственном, культурном и общественном отношениях сами по себе не могли повлечь за собой столь резкие и существенные перемены. Какая, скажем, могла быть связь между переменами в экономическом укладе жизни и теми или иными изменениями в приемах орнаментации сосудов, в столь резкой перемене погребальных обычаев и т. д. Допустим, что такая взаимосвязь имела место. Тогда непонятно, почему зарубинецкая культура появилась лишь на части территории, занимаемой до этого скифами, подгорцевскими, милоградскими и другими племенами, а не повсюду, где они обитали. Подобных вопросов много, и ответить на них в положительном смысле невозможно. Значительно легче, а главное, вполне логично поэтому допустить, что если на основе столь различных составных частей могло возникнуть что-то общее, связующее их воедино, то это общее было привнесено сюда извне. В данном случае этим общим связующим элементом и явились венедские племена, переселившиеся в Приднепровье из более западных районов.

Эта точка зрения, впрочем, не нова. Подобные предположения о расселении славян (правда, без увязки с определенной археологической культурой) выдвигались в русской дореволюционной науке, а в последнее время высказываются некоторыми польскими археологами. Среди советских археологов, на наш взгляд, близок к этой точке зрения М. И. Артамонов в той части его концепции, где он касается проблемы происхождения венедов вообще⁴¹. По мнению М. И. Артамонова, венеды (в собственном смысле этого слова) являлись носителями так называемой культуры лицевых урн, или поморской, возникшей в качестве особого явления на Кашубской возвышенности на основе древней лужицкой культуры. Постоянная экспансия поморской культуры вверх по Висле, на Варту и Среднюю Одру, хорошо прослеживаемая археологи-

³⁷ Д. И. Бл и ф е л ь д. Древнейшее славянское поселение на Черниговщине. КСИА, вып. I, 1952, стр. 53—55.

³⁸ Поселения возле Почепа и Синькова. Неопубликованные материалы из раскопок Ф. М. Заверняева и А. К. Амброза.

³⁹ Д. Т. Б е р е з о в е ц. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП, т. V, 1955, стр. 62—63, рис. 16.

⁴⁰ Ф. М. З а в е р н я е в. Археологические находки возле г. Почеп. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 144, рис. 63, 2.

⁴¹ М. И. А р т а м о н о в. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе. Вестник ЛГУ, № 2, 1946, стр. 70—81.

чески, сопровождалась слиянием ее носителей с собственно лужицким населением этих областей, что привело к образованию культуры подклёшевых погребений, а затем — пшеворской. Последняя в большей своей части уже хорошо увязывается с исторически известными венетами (рис. 6).

В свете полевых исследований последних лет становится все более очевидным, что экспансия поморских венетов привела не только к возникновению пшеворской культуры в Повисленье, но в конечном итоге явилась основным фактором в формировании зарубинецкой культуры на огромных пространствах к востоку от Вислы. Подобно тому, как это имело место в Повисленье, где венеды осели среди родственных им лужицких племен, так и на территории Западного Полесья они попали в среду, давно уже нахо-

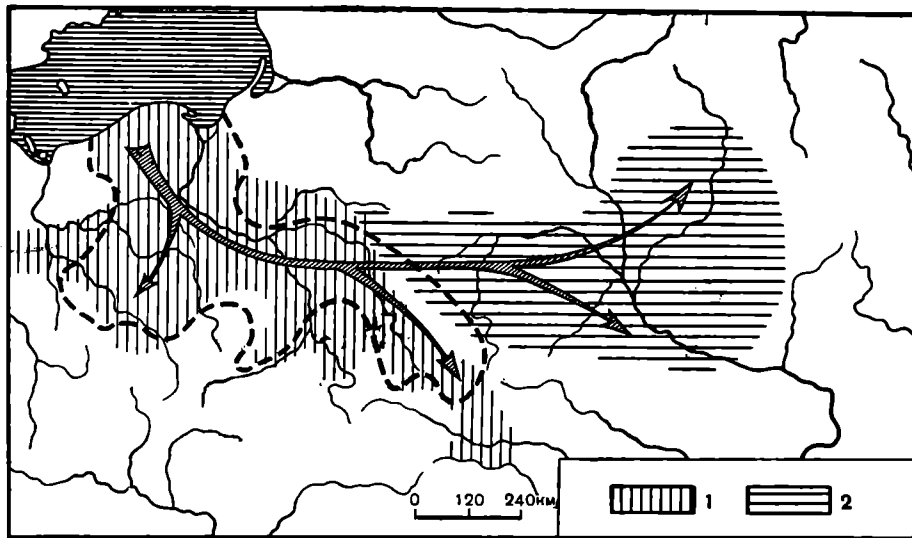

Рис. 6. Расселение славян в начале нашей эры

1 — пшеворская и оксывская культуры; 2 — зарубинецкая культура (пунктиром указан район распространения памятников поморской культуры в предшествовавшее время)

дившуюся в сфере влияния лужицкой культуры и воспринявшую многие элементы последней. Здесь давно уже господствовал тот же в основном погребальный обряд, что и у лужицких племен. Наряду с чисто лужицкими поселениями и могильниками (Млынище, Вербень, Горохово, Головно и т. д.)⁴² тут известны бескурганые могильники с трупосожжением, в погребениях которых мы находим сосуды и другие вещи, очень близкие лужицким (Луцк, Бильче, Могиляны), а отдельные находки различных лужицких изделий доходят до Горыни. Проникновение сюда поморских венетов, о чем свидетельствуют их поселения и могильники (Ратайчицы, Тростяница, Владычицы, Скорбичи, Головно, Зимно и т. д.), привело примерно к тем же результатам, что и в Повисленье: возникла очень близкая к пшеворской и родственная ей зарубинецкая культура, культура восточных венедских племен (рис. 6).

В этой культуре, особенно в наиболее ранних ее западных памятниках, сохранились старые погребальные традиции, издавна характерные как для местных племен, так и для пришельцев-венетов. Здесь находят множество бронзовых булавок, точно таких же, как булавки из лужицких погребений и булавки, изображенные на урнах поморских венетов. Сходна и керамика: сосуды, напоминающие тюльпановидные горшки, большое количество небольших кружек и т. д. В то же время ребристые сосуды, столь характерные для памятников более восточных районов, в западных памятниках зарубинецкой культуры, так же как и у поморских венетов, почти не встречаются. То же новое, что отличает вещи из зарубинецких погребений Западного Полесья от вещей из предшествовавших им здесь погребений, следует объяснять процессом изменения во времени и нивелирующим воздействием культуры кельтов, а позже — воздействием провинциально-римской культуры.

Из всего сказанного выше явствует также, что зарубинецкие племена фактически продолжали экспансию к востоку, начатую их предшественниками. Процесс расширения территории этих племен был ускорен начавшимся переселением народов. Подобно бастарнам, прорвавшимся в то время в низовья Дуная, зарубинецкие племена про-

⁴² I. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Prehistoria ziem Polskich Kraków, 1939—1948, стр. 271—272. В. И. Канивец. Памятники лужицкой культуры на территории западных областей Украины. КСИА, вып. 2, 1953, стр. 44—45.

двигаются к востоку и выходят на Днепр, где оседают на местах, занимаемых до этого различными скифскими и балтийскими племенами. Часть местного населения при этом, по-видимому, была уничтожена, часть изгнана, оставшееся же население вынуждено было подчиниться пришельцам и воспринять их культуру и обычаи. Но и пришельцы при этом, естественно, подверглись некоторой «варваризации» со стороны местного населения. Об этом свидетельствуют немногочисленные случаи находок местной посуды на зарубинецких поселениях и могильниках Приднепровья, а также случаи захоронений с трупоположением, о которых говорилось выше. Этим же фактом воздействия местной среды во многих случаях объясняется и наличие локальных особенностей в различных группах памятников зарубинецкой культуры.

В начале нашей эры процесс расширения зарубинецкими племенами своей территории принимает более широкий характер. Именно в это время они спускаются вниз по Днепру и оседают на Тясмине, о чем свидетельствует известный могильник в Субботове. По-видимому, тогда же имела место попытка зарубинецких племен занять часть территории своих северных балтийских соседей, известных нам по городищам с так называемой штрихованной керамикой. Об этом говорят факты появления далеко на севере типично зарубинецких вещей (Слободка возле Борисова). Попытка эта, впрочем, не увенчалась успехом, так как в последующее за этим время на этой территории примерно вплоть до IX—X вв. н. э. нам неизвестны славянские древности, а поселения древних балтийских племен по-прежнему заняты своими обитателями.

По-иному происходило продвижение зарубинецких племен в среду древнебалтийского населения, обитавшего на левобережье Верхнего Приднепровья. В силу неизвестных нам обстоятельств сопротивление пришельцам здесь было менее сильным, чем на скифо-сарматском Юге или древнелитовском Севере. Это привело к прочному оседанию на этой территории зарубинецких племен и постепенному ассимилированию ими местного населения. Уже в I в. н. э. зарубинецкие племена поселяются по берегам р. Сожа, где они (как это имело место несколько раньше на Днепре) оседают на старых милоградских городищах (Шепетовичи, Вороновка, Старое Село). К этому же и к несколько более позднему времени относится появление ряда поселений, открытых в последние годы по берегам рек Судости и Десны (Почеп, Синьково, Хотылево и т. д.). В это время появляются зарубинецкие поселения и на Сейме (Пересыпки, Харьевка, Калиши и др.). Волна этого колонизационного потока докатилась и до верховьев Днепра, в районы, населенные финно-угорскими племенами, где возле дер. Намыкары обнаружен зарубинецкий могильник.⁴³

Продвижение зарубинецких племен, как видим, в разных направлениях и в разное время происходило по-разному. В одних случаях этим племенам удалось прочно осесть на новых местах, сохранить в целостности свой уклад жизни, в других — они встретили сильное сопротивление и постепенно сами восприняли культуру и обычаи местного населения. Так было, например, при продвижении к югу, в среду скифского в своей основе населения, хотя и сильно ослабленного нашествием сарматов, но стоявшего по развитию своей экономической, общественной и культурной жизни несравненно выше пришельцев. И если в I в. н. э. зарубинецким племенам удалось дойти до Тясмины и осесть на его берегах, то уже в конце II в. мы наблюдаем здесь иную картину. И на Тясмине, и в несколько более северных районах Среднего Приднепровья, занимаемых до этого зарубинецкими племенами, поселения последних прекращают свое функционирование. Их место занимают памятники так называемой черняховской культуры, культуры, по-видимому, чуждой зарубинецким племенам как по своему происхождению, так и по этнической принадлежности. Южная часть зарубинецких племен с их примитивным образом жизни и натуральным характером производства, попав, таким образом, в среду населения, в своем развитии дошедшего уже до образования государства со всеми вытекающими отсюда последствиями и давно уже пользовавшегося достижениями высокой античной культуры, как бы растворилась в этой среде, восприняв все основные особенности ее культуры и быта.

Изоляция от южных центров античной цивилизации, постоянная угроза со стороны южных соседей весьма отрицательно сказались на развитии экономики и культуры зарубинецких племен. С другой стороны, это способствовало упрочению связей с родственными пшеворскими племенами Повисленья, поселения которых доходили вплоть до верховьев Южного Буга (Громовка, Великая Тернава)⁴³. Неслучайно среди керамики из полесских памятников зарубинецкой культуры довольно много сосудов пшеворского или же близкого к ним типа. Находки отдельных вещей пшеворского характера, главным образом керамики, известны и далее к востоку, в Приднепровье (Пуховка, Вишенки) и даже в низовьях Сейма (Пересыпки).

Примерно в III в. н. э. (а в районах Западного Полесья — несколько раньше) поселения и могильники зарубинецкой культуры прекращают свое функционирование. Дальнейшая судьба населения, оставившего их нам, неизвестна. В IV—VI вв. н. э. лишь кое-где прослеживаются своеобразные отзвуки зарубинецкой культуры, причем не там, где раньше была распространена эта культура, а в более северных районах, т. е. у балтийских и финно-угорских народов, что особенно интересно. Я имею в виду находки отдельных, совершенно зарубинецких по форме и технике выделки сосудов

⁴³ А. Спицын. Памятники латенской культуры в России. ИАК, вып. 12, 1904, стр. 78—86.

в ятвяжских погребениях⁴⁴, находки сосудов, очень близких к зарубинецким на могильниках и поселениях того времени в Литве⁴⁵, и в погребениях финно-угорских племен в бассейне Оки⁴⁶. Может быть, в этом же плане следует рассматривать чернолощенные сосуды из погребений типа Шаньково-Почепок, хотя по форме они резко отличны.

В VI—VII вв. в западных районах территории, где когда-то были распространены памятники зарубинецкой культуры, появляются уже несомненно славянские могильники и поселения с керамикой так называемого пражского типа. Между этими памятниками и зарубинецкими имеется хронологический разрыв примерно в три столетия. Может быть, именно поэтому пока что памятники пражского типа генетически не увязываются с зарубинецкими, хотя предполагать наличие такой связи, как мне кажется, имеются некоторые основания⁴⁷.

⁴⁴ Например, на могильнике возле с. Бельвиново на Сувальщизне (Польша). Раскопки М. Качинского. Материалы не опубликованы.

⁴⁵ Могильники и поселения у сс. Вершвай, Норуйшай, Возгелий, Ауштадварис и т. д. Материалы Каунасского и Вильнюсского музеев.

⁴⁶ А. Е. Алихова. Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 39, рис. 7, 5.

⁴⁷ По утверждениям польских исследователей, на территории Повисленья, где также известны памятники пражского типа, между этими последними и позднепшеворскими памятниками наблюдается прямая генетическая преемственность (См. K. Jażdżewski. Uwagi o chronologii ceramiki zachodniosłowiańskiej, z wczesnego średniowiecza. Przegląd archeologiczny, т. X, Poznań — Wrocław, 1958, стр. 153). Поскольку же пшеворская и зарубинецкая культуры родственны между собой и происхождения их едино, можно полагать, что со временем и у нас будут найдены недостающие связующие звенья между зарубинецкой культурой и памятниками пражского типа.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ И КРАЕВЕДУ

О. Н. БАДЕР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МУЗЕЙНЫЕ СОБРАНИЯ г. ПЕРМИ И ГОРОДОВ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

1

Исследования советских археологов показали, что уральская земля хранит не только огромные природные богатства, но и богатейшие памятники многосторонней деятельности населения Урала, его истории с древнейших времен.

До войны исследования археологических памятников Урала производились преимущественно научными организациями Москвы и Ленинграда, вследствие чего и материалы сосредоточивались в центральных музеях. После войны основная роль перешла к уральским организациям, широко поставленные раскопки которых дали обильный материал. Так был организован музей археологии Западного Урала при Пермском государственном университете, открытый 9 июня 1954 г.

Открытие университетского музея археологии было ознаменовано расширенной двухдневной археологической сессией ученого совета историко-филологического факультета, непосредственным продолжением которой на третий день явилась расширенная сессия ученого совета Пермского областного музея¹, посвященная открытию новой экспозиции отдела археологии музея, а на четвертый день — большая экскурсия в район крупнейших послевоенных раскопок в низовьях р. Чусовой². В этом съезде, вылившемся по существу во второе уральское археологическое совещание, приняли участие археологи, уральские инспектора по охране памятников, краеведы и музейные работники многих городов Приуралья, Зауралья и Западной Сибири (Сыктывкара, Кирова, Советска, Ижевска, Сарапула, Перми, Чердыни, Кунгура, Свердловска, Тагила, Невьянска, Серова, Кургана, Оренбурга, Орска, Челябинска, Омска и др.). Были заслушаны итоговые доклады об археологических исследованиях послевоенных лет, о результатах палеоботанических, палеозоологических (ихтиологических), геологических, минералогических, петрографических и химических исследований археологических материалов Пермского университета, доклад о выполнении пятилетнего плана работ, намеченного первым уральским археологическим совещанием, об охране археологических памятников, об археологических работах музеев Урала и смежных областей.

Музей археологии Пермского университета³ размещен в широком коридоре историко-филологического факультета в 13 специально построенных больших пристенных и четырех подоконных витринах (рис. 1, 2). Экспозиция последовательно характеризует все основные этапы ранней истории населения Прикамья, начиная с первоначального заселения его неандертальцами в середине четвертичной геологической эпохи и кончая русскими памятниками XVI—XVII вв.

Экспозиция построена не на отдельных случайных находках, а на крупных комплексах с основных новых памятников, исследованных за последние годы Камской археологической экспедицией университета. Для каменной, бронзовой и железной эпох применен разный фон на планшетах: желтый, красный и синий. Помимо иллюстраций, освещающих детали стратиграфии, жилищ и других бытовых остатков, техники изготовления и применения орудий труда, экспозиция каждого памятника включает красочные этюды маслом, написанные на памятниках в поле (рис. 2). Над витринами размещено несколько картин и панно. Среди них большая, нарисованная с натуры при раскопках стоянки Талицкого картина «Из тьмы тысячелетий» (рис. 1), два панно с неолитическими и ананьинско-гладеновскими наскальными рисунками Писаного Камня, панорама археологических памятников низовьев Чусовой и др. Особый интерес представляют две большие

¹ Л. Г. Дворсон. Археологическое совещание. Сб. «На Западном Урале». Пермь, 1956.

² А. Д. Вечтомов. Сессия ученого совета историко-филологического факультета, посвященная открытию университетского музея археологии Прикамья. Уч. зап. Пермского ун-та, т. XI, вып. 3, 1956, стр. 133.

³ О. Н. Бадер. Музей археологии Прикамья при Пермском государственном университете (К открытию музея 9 июня 1954 г.). Уч. зап. Пермского ун-та, т. XI, вып. 3, стр. 127.

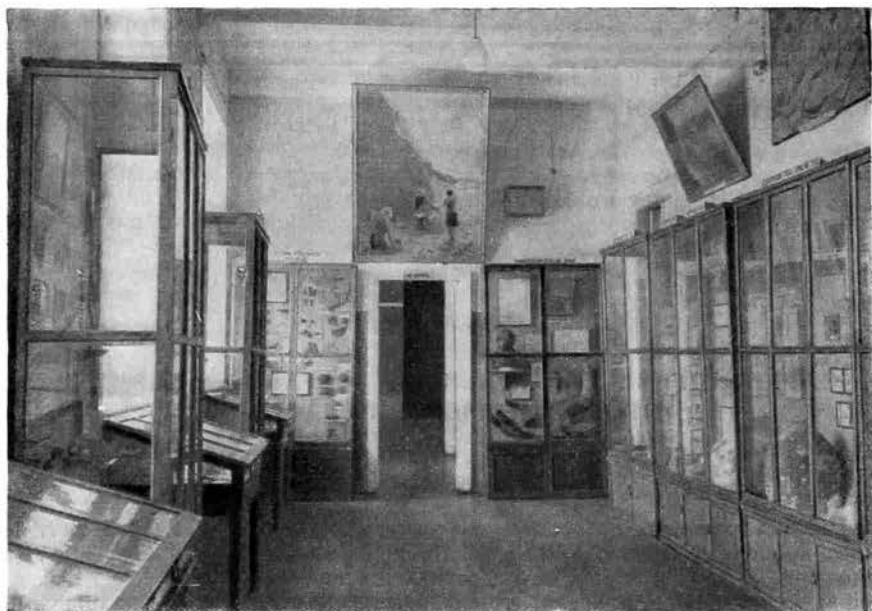

Рис. 1. Часть нового музея археологии Прикамья при Пермском университете

художественные реконструкции автора, выполненные художником Г. Ф. Обориной: «Неолитические жилища на р. Полуденке близ Тагила» и «Поселение эпохи бронзы Боровое озеро II на Чусовой». Над витринами размещены также портреты покойных исследователей археологии Приуралья.

Музей, построенный без особых ассигнований со стороны университета, создан в порядке личной инициативы, благодаря энтузиазму молодого археологического коллектива университета и служит не только пособием для студентов, но является теперь одним из методических центров для музейно-краеведческой работы в области археологии для всего Приуралья.

Но основное значение вновь созданного музея заключается в его обширных научных фондах. Выросшие на базе двенадцатилетних работ Камской археологической экспедиции университета⁴, эти фонды уже сейчас включают свыше 500 отдельных коллекций, насчитывающих не менее 600 тысяч отдельных предметов, и продолжают непрерывно пополняться. Можно сказать без преувеличения, что в настоящее время археологический музей Пермского университета является крупнейшим в СССР собранием по истории материальной культуры Приуралья как по полноте, так и по новизне и качеству документации материала. Изучение археологии Урала и Прикамья невозможно без привлечения материалов вновь созданного музея. Поэтому полезно привести здесь краткое описание содержания коллекционных фондов музея.

Весь хранящийся в музее материал добыт в результате исследований послевоенных лет. Исключение представляет лишь небольшая, случайно оставленная в с. Пермско-Ильинском часть теплоуховской коллекции, полученная нами в 1948 г. через Пермско-Ильинский краеведческий музей. В нее входят вещи из Георгиевского клада, частью из Гляденова, Вакина и других мест.

Основное содержание фондов музея составляют обширные коллекции с крупных памятников, притом в значительной мере таких, которые в силу своего значения и полноты изученности играют в настоящее время роль базисных памятников для характеристики различных эпох древней истории Прикамья.

Таковы, например, материалы раскопок стоянки Талтицкого — крупнейшего палеолитического памятника Урала, исследованного в течение семи лет (1945—1952) полностью, стоянки Нижнеадишевская на Чусовой и Огурдинская на Каме близ Усолья — первые в Прикамье и самые северные в Европе мезолитические памятники; неолитические стоянки Боровое озеро I, Хуторские I и II, Бор I и другие, представляющие своеобразную культуру камских неолитических племен; замечательное жертвенное место у Писаного Камня на р. Вишре с красными наскальными рисунками эпохи неолита, бронзы и железа; новый могильник турбинской культуры — Усть-Гайвенский — с медно-бронзовыми, частью уникальными вещами и свыше 15 целиком исследованных экспедицией поселений (с многочисленными жилищами), относящихся к гаринскому и борскому этапам турбинской культуры; обширная серия поселений того же времени со Средней Ка-

⁴ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952). Уч. зап. Пермского ун-та, т. IX, вып. 3, 1953, стр. 3; его же. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 гг. Уч. зап. Пермского ун-та, т. XI, вып. 3, 1956, стр. 5.

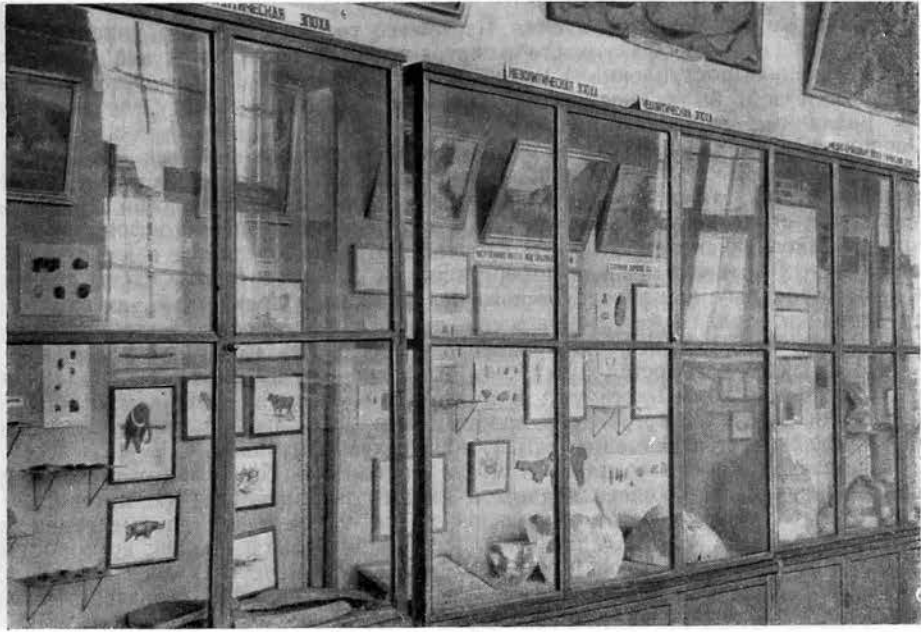

Рис. 2 Музей археологии Прикамье при Пермском университете (часть экспозиции)

мы; Луговское поселение эпохи бронзы близ Елабуги и поселение Базов Бор в устье р. Иньвы; Skorodumskiy могильник и селище — самые северные из исследованных памятников ананьинской культуры; Опутятское городище, Коновалытское и Зародятское селища — единственные исследованные поселения ломоватской культуры; Бурковский могильник — крупнейший из исследованных могильников харинского типа; Неволинский могильник ломоватовского типа; Лаврятское городище и Баяновский могильник раннего, лаврятского этапа родановской культуры древних коми-пермяков; Кыласово городище (Анюшкар) — крупнейшее многослойное городище родановской культуры, содержащее наслоения от IX до XIV в.; наконец, Орел-городок XVI—XVII вв. — первый широко исследованный древнерусский памятник Приуралья, который послужит отправным пунктом для дальнейшего изучения раннерусских памятников на Урале и в Сибири. К числу уникальных материалов музея относились и три вновь обнаруженных серебряных сосуда из числа древневосточных изделий, переданные затем Гос. историческому музею в Москве.

В последние годы фонды музея пополняются новыми материалами из раскопок Камской экспедиции на Средней Каме, в зоне строительства Воткинской ГЭС.

2

Параллельно с музеем при университете существует организованный в те же годы кабинет археологии⁵, содержащий коллекции учебного назначения, не имеющие отношения к Прикамью, но представляющие самостоятельный научный интерес. Так, в кабинете хранятся материалы из Языковской неолитической стоянки на Верхней Волге, Волосовской и Володарской стоянок на Оке, Галичской стоянки, макролиты из района г. Старицы, сверленные топоры фатьяновского типа, керамика и некоторые вещи из Балановского могильника в Чувашии, слепок изображения мамонта с «Каменной могилы» (Украина), материалы с Теньгушевского городища (Мордовская АССР), Шустинского кривичского могильника Московской области и др.

При кабинете хранятся также материалы некоторых довоенных раскопок автора, например Подбороновской стоянки на Оке, Фатьяновского могильника Ярославской области, некоторых городищ Верхней Волги (в том числе городища «Топорок») и с некоторых памятников бассейна Оки.

Ценным пополнением собраний кабинета явились материалы по археологии Западной Европы и даже Мексики, входившие в свое время в коллекцию Теплоуховых. Среди них хорошо представлены коллекции из итальянских террамар и швейцарских свайных построек (преимущественно Робенгаузен и Цюрихское озеро).

⁵ О. Н. Бадер. Кабинеты археологии при университетах в Свердловске и Перми. ДНК Пермского ун-та, вып. 1—4, 1948.

В первые же годы существования Пермского государственного университета при историко-филологическом факультете университета был создан музей древностей и искусств. Основные поступления в музей относятся к 1918—1919 гг. Часть коллекций, составивших музей, была передана в дар молодому университету, другая приобретена у различных любителей-коллекционеров.

Основную роль в собирании и систематизации коллекций музея древностей сыграл его хранитель Б. Л. Богаевский и сменивший его на этом посту А. В. Шмидт, пополнивший музей также небольшими личными сборами по археологии Прикамья.

Коллекция египетских древностей была получена из дублетного фонда известного русского востоковеда академика Б. А. Тураева, который передал ее в дар музею. Коллекции античных древностей были приобретены Б. Л. Богаевским у вдовы керченского собирателя Терлецкого и у петербургского коллекционера древностей Эльтермана. Коллекция лесничего Зелихмана, собиравшего пермские древности, была, по-видимому, конфискована в 1918 г. и передана университету органами Советской власти.

В 1931 г. музей древностей и искусств был передан университетом отделившемуся от него Педагогическому институту, а в 1955 г. в связи со слиянием исторического отделения института с историко-филологическим факультетом университета вновь передан в университет и размещен там в своих старых витринах.

Если коллекции вновь созданного музея археологии Прикамья хорошо документированы, в значительной части изданы и имеют уже значительную литературу⁶, то собрания старого музея древностей и искусств не имеют такой документации, давно ушли из поля зрения специалистов и практически забыты нашей археологической наукой. Поэтому считаю полезным дать более подробный перечень его небольших, но очень разнообразных коллекций, некоторые из которых достойны серьезного изучения.

В коллекции Б. А. Тураева имеется 15 папирусов.

Наиболее крупной является коллекция Эльтермана (1643 предм.). Большая ее часть происходит из раскопок античных памятников Северного Причерноморья: античной керамики и терракоты (582), стеклянных изделий (321; на ряде вещей имеются пометки «Из Керчи», «Из Ольвии» и др.); 441 бронзовый предмет (кольца, браслеты, ключи, фибулы, пряжки, украшения, части упряжи). В той же коллекции имеются 33 предмета египетских древностей (стекло, бронза, гипс).

Коллекция Пальникова состоит из 487 предметов. Среди них 130 глиняных и стеклянных античных сосудов и 357 египетских изделий из глины, стекла, бронзы и камня.

Коллекция Святковского состоит из 70 сосудов и 12 других античных предметов.

Особую коллекцию составляют предметы, переданные Археологической комиссией. В ее состав входят 51 глиняный античный сосуд из 37 старинных русских вещей.

Коллекция Кропачева состоит из 29 предметов и включает приобретенные в Калькутте замечательные произведения индийского декоративного искусства, а также египетские древности.

Несколькими собраниями представлены и уральские древности. Среди них известная коллекция «чудских древностей» Зелихмана, состоящая из 285 предметов — из меди (263), железа (10) и серебра (12).

Коллекция «чудских древностей» Сыропятова насчитывает 114 предметов, в том числе железных — 34, бронзовых — 40, медных — 25 и из других материалов — 15.

Коллекция местных уральских древностей, пожертвованная в «неделю фронта», состоит из 118 вещей, в том числе 65 медных, 8 железных, 8 серебряных, 34 бронзовых и 3 костяных.

Кроме того, в музее имеется еще ряд разнообразных коллекций. Среди них коллекция Сюзева (42 предмета фаянса из мастерских Строгановых и Штиглиц, трипольская керамика и пр.); коллекция Богословского и Досманова (старинные русские иконы, чарки, фарфор, фаянс XVIII—XIX вв. — всего 21 предм.); коллекция Савельева (образцов русских кружев и домотканых крестьянских материалов, 64 предм.); коллекция старинной русской одежды (20); 36 старинных русских изделий из стекла, бисера, перламутра и др.; коллекция иностранной гравюры, переданная Бюро по охране памятников старины и искусства (251 предм.); китайские картины (8) и японская книга, переданные Степановым. Кроме того, имеется около 180 разных гравюр и литографий, около 1000 диапозитивов и около 6000 фотографий в альбомах и отдельно (архитектурные памятники Рима, Флоренции, Равенны, Падуи и др., а также памятники русской архитектуры и искусства XVII—XVIII вв.).

Особое место в музее занимают шесть коллекций монет и медалей, собранные Пермяковым, Досмановым, Рихтером, Сюзевым и Кропачевым. Они были определены в последние годы Д. Е. Харитоновым и содержат главным образом русские монеты XVIII—XIX вв. (1523 экз.), иностранные монеты (647), коллекцию бумажных денег (138) и коллекцию медалей (494) — всего 2802 предмета. Возраст монет очень различен, как и их происхождение; так, имеются монеты из древней Греции, Рима, Северного Причерноморья, Византии, Египта, Китая, Японии, Грузии, Западной Европы и из других стран мира. Среди предметов русского происхождения представлены большие

⁶ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 87—88; его же. Очерк работ..., стр. 44 (списки литературы).

медные рубли сибирской чеканки, редкий «бородовой» знак эпохи Петра I, суворовские ордена и медали, боевые медали петровских времен и др.

Этим в основном исчерпывается содержание университетского музея древностей и искусств. К сожалению, часть его коллекций недостаточно документирована. Так, например, коллекция лесничего Зелихмана, собранная в конце XIX — начале XX в., совершенно лишена документации за исключением нескольких вещей.

Наиболее богата античная часть коллекций. В ее составе имеются также металлические вещи скифского, сарматского и славянского происхождения.

Из местных культур ананьинская представлена железным мечом-акинаком, костяными и железными стрелами, литыми изображениями животных «скифского стиля» и т. д. Среди вещей глядянской культуры много вотивных вещей, грубо отлитые человекообразные идолы, костяные стрелы, бусы, бляшки и пр.

Особенно богата ломоватовская часть коллекций из Прикамья. Здесь много предметов так называемого пермского звериного стиля — большие медные бляхи с изображением медведей, крупные пронизки со стилизованными фигурами борющихся животных, характерные украшения — бляшки, пронизки, накладки, а также ножи, стрелы и другие вещи. Значительна коллекция медных «идолов» ломоватовского времени.

Неплохо представлено родановское время; здесь имеются также ранние вещи верхневолжского, русского происхождения.

4

Археологические собрания двух описанных музеев университета дополняются старыми собраниями Пермского областного музея краеведения, организованного в 1890 г. Ядро их составляет знаменитая теплоуховская коллекция из с. Пермско-Ильинского.

В музее хранятся также небольшие сборы первого заведующего его археологическим отделом С. И. Сергеева⁷, первых раскопок А. В. Шмидта в Левшине, сборы Е. П. Аликина на оз. Грязном во время раскопок Н. А. Прокошева, работавшего в музее в 1930 г., и другие коллекции. Археологическая деятельность музея недавно была коротко охарактеризована в печати⁸.

За последние годы фонды областного музея значительно пополнились за счет раскопок Камской археологической экспедиции (стоянка Талицкого, Астраханцевская стоянка на оз. Грязном, стоянки Боровое озеро IV, Бор V, Бор IV и Малое Боровое озеро на Чусовой, Деменковский могильник. Орел-городок и пр.).

Все это ставит г. Пермь в один ряд с крупными периферийными археологическими центрами страны, а музей университета рисует как крупнейшее собрание по археологии Урала. Новые материалы, собранные Камской археологической экспедицией, послужили основой резкспозиции археологического отдела краеведческого музея в 1954 г.⁹

К этому нужно добавить, что многие десятки коллекций, добытых за последние годы работами Камской археологической экспедиции, переданы на хранение Пермскому областному, Кунгурскому, Чердынскому, Усольскому, Березниковскому, Кудымкарскому, Удмуртскому республиканскому, Кировскому областному, Нижне-Тагильскому музеям, а также центральным музеям: Антропологическому при МГУ, Гос. Историческому (Москва) и Гос. Эрмитажу (Ленинград). Список этих коллекций с указанием места хранения в основной своей части опубликован¹⁰.

5

Из районных музеев Пермской области более или менее значительные археологические собрания имеют Чердынский, Кунгурский, Кудымкарский, Соликамский и Березниковский музеи¹¹.

Чердынский музей — один из старейших музеев Приуралья¹² — был создан более 60 лет назад усилиями местных краеведов. В создании его археологических фондов большую роль сыграла деятельность организованного в 1902 г. Чердынского общества любителей истории, археологии и этнографии и, в особенности, упорная собирательская работа его директора И. А. Лунегова в советский период.

В экспозиции музея наиболее эффектно большая коллекция восточного серебра, найденного в Чердынском крае, состоящая из гальваноконий предметов, переданных Гос. Эрмитажу; имеются и подлинники. Богаты коллекции из Редикорского и Аниковского могильников родановской культуры. Разнообразное собрание предметов из Реди-

⁷ С. Сергеев. Отчет о деятельности Пермского музея за 1891—1895 гг. Тр. Пермской ученой архивной комиссии, вып. III, 1896.

⁸ А. Г. Милицина. Пермский областной музей. Первое уральское археологическое совещание. ДНК Пермского ун-та, вып. 1—4, Пермь, 1948, стр. 68.

⁹ В. А. Оборин. Новая экспозиция отдела дореволюционного прошлого. Сб. «На Западном Урале», вып. 2, Пермь 1956; Б. Ананьин, Э. Андерсон, В. Брансбург. Областной краеведческий музей. Сб. «На Западном Урале», Пермь, 1952, стр. 222.

¹⁰ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 9—11.

¹¹ Благодарю Е. А. Зворыкину, В. А. Оборина, И. А. Лунегова, Ю. А. Полякова, Ф. П. Буткевича и В. П. Денисова за предоставление сведений об археологических коллекциях ряда музеев.

¹² Д. А. Хаст. Чердынский музей имени А. С. Пушкина. М., 1950.

кора, состоящее из инвентаря могильника, городища и культовых предметов, достойно тщательного изучения и монографического издания, имеющего все шансы стать одним из наиболее эффектных среди изданий по археологии Прикамья. Так, например, один лишь клад бронзовых литых «идолов» из Редикора насчитывает 34 экземпляра.

Далее, в музее имеются коллекции с Омелинского городища, городища Городок, из Амбора, из г. Чердыни, из сел. Б. Долды, Вильгортского городища, Покчинского селища, Гаевского селища, Байдоровского городища, из сел. Урол, Губинского, Исадского, Колывинского, Петуховского и Гаевского городищ.

Часть своих сборов передала Чердынскому музею и Камская археологическая экспедиция Пермского университета¹³. Почти все коллекции относятся к родановской культуре.

Следует также отметить богатейший архив письменных документов в Чердыни.

Не менее богатым археологическими материалами был Кунгурский музей, но в свое время его археологические собрания были переданы в Свердловск. В послевоенные годы музей сосредоточил в своих стенах новые археологические материалы¹⁴; основная часть их состоит из сборов Камской экспедиции Пермского университета¹⁵.

Сейчас в Кунгурском музее хранятся семь коллекций из недавних раскопок О. Н. Бадера и В. Ф. Генинга: из Неволинского могильника ломоватовской культуры (основная коллекция раскопок 1950 г.), Бродовского курганного могильника (харинского этапа ломоватовской культуры), Усть-Иргинского могильника (неволинского этапа ломоватовской культуры), из городища Лобач, Копчиковского селища, Кляповского и Селянинского могильников (сытвинской культуры IX—XV вв.).

Кроме того, имеются материалы, собранные в разведках В. Ф. Генинга на Городищенском городище гляденовской культуры; на Ермаковом, Кунгурском, Якшевитовском, Верх-Сайнском, Тахтаревском городищах и Снегиревском селище ломоватовской культуры, а также на Неволинском, Селянинском, Бартымском и Копчиковском селищах и Спасском и Кокуйском городищах (также преимущественно ломоватовской культуры).

Кудымкарский музей с 1928 по 1956 г. успел сосредоточить в своих стенах многочисленные коллекции, которые относительно хорошо документированы и являются достойным продолжением знаменитой коллекции Теплоуховых¹⁶. Подавляющее большинство коллекций, хранящихся в Кудымкарском музее, относится к родановской культуре, отчасти к ломоватовской культуре и лишь единичные находки — к более раннему времени. В музее представлены следующие археологические памятники перховьев Камы и ее притоков: Кудымкарское городище из сборов разных лет¹⁷, Купросское городище, из дер. Пальникс, Бисеровское городище (Зюздинский р-н Кировской обл.) и из других довоенных сборов музея. Из разведок М. В. Талицкого в 1938 г.: из Белоевского р-на Новоселовская стоянка, Каневское и Ошибское селища; из Кудымкарского р-на — Кудымкарское, Петуховское, Васёвское, Левинское городища, Мальцевское и Галюковское селища и находки из дер. Мартыново; из Юсьвинского р-на — городища «Стан», Гырчигомское, Дойкарское, Вакинское, Мартинское, Калинское, Воробьевское, Старцевское, Ям-Гортское. Мощинское и Купросское, Першинское городища и Помотово городище Майкорского с/с; из разведок и раскопок В. Ф. Генинга — Дойкарское городище, Митинские курганы, Гуринский, Урьянский, Каневский, Важгортский могильники и из некоторых других пунктов. Особенно богат материал из раскопок Митинских курганов, Урьянского и Каневского могильников.

Кроме того, в фондах Кудымкарского музея хранятся 240 одиночных предметов, найденных в разное время в пределах Коми-Пермяцкого Национального Округа.

В Соликамском музее хранится значительная часть коллекций из раскопок В. А. Оборина на Орле-городке, материал раскопок В. П. Денисова на Хуторской и Чашкинской неолитических стоянках и раскопок О. Н. Бадера на Огурдинской стоянке (частично), а также разные материалы, собранные сотрудниками Камской археологической экспедиции в 1949 г. и позже на Эсперовом, Тетеринском, Плеховском и Городищенском городищах, Леминском селище и Плеховском могильнике. Имеется также некоторое число археологических предметов из случайных сборов.

Наконец в Березниковском (бывш. Усольском) музее хранится часть материалов из раскопок О. Н. Бадера на Огурдинской стоянке и раскопок В. А. Оборина на Орле-городке, а также разведочные сборы О. Н. Бадера на стоянках Богомольский Бор I и Богомольский бор II и местонахождении у с. Орел. Из небольшого количества материалов случайного происхождения заслуживает внимания Романовский клад серебряных вещей древнерусского производства.

Музеи г. Перми и Пермской области, за исключением старого университетского «Музея древностей и искусств», продолжают регулярно пополняться новыми археологическими материалами; особенно это относится к Музею археологии Прикамья Пермского университета, Пермскому, Чердынскому и Кудымкарскому музеям.

¹³ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 9—10.

¹⁴ А. К. Воронихин. Кунгурский музей. Первое уральское археологическое совещание. ДНК Пермского ун-та, вып. 1—4, 1948.

¹⁵ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 10.

¹⁶ А. Н. Анисимов. Археологические исследования и памятники в Коми-Пермяцком округе. Первое Уральское Археологическое совещание, ДНК Пермского ун-та, стр. 42.

¹⁷ В том числе из пробных раскопок О. Н. Бадера в 1951 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Г. Шовкопляс. Археологічні дослідження на Україні (1917—1957). Київ, 1957

В предисловии к книге указывается, что она является опытом «краткого обзора главных археологических памятников, исследованных на территории Украины за годы Советской власти» (стр. 3). Этим определяется ее содержание, а отчасти и план.

В первом разделе книги кратко освещается история археологических учреждений, производивших исследования на территории Украины; здесь же даются перечни основных археологических открытий. Все другие разделы посвящены описанию памятников от эпохи палеолита до времени Киевской Руси включительно, исследованных за последние 40 лет в УССР. Приложением к ней служит обширный (более 3000 наименований) список печатных работ по археологии Украины, изданных в Советском Союзе в течение того же указанного времени.

Мы решили ограничиться в этой статье разбором в основном только двух ее разделов (более близких нашей специальности), из которых один включает памятники эпохи меди и бронзы, а другой — раннего железного века.

Эпоха меди-бронзы освещена в пятом разделе книги (стр. 123—149). Вступлением к нему служит краткая историко-археологическая характеристика периода, вслед за которой идут описания памятников отдельных культур, от древнеямной до белогрудовской. Ранний железный век описан в шестом разделе книги (стр. 150—216). Он также начинается с характеристики периода; подобные же краткие вступления предпосланы описаниям предскифских, скифских, нескифских и сарматских памятников.

Схема плана книги и ее разделов может быть названа исторической и не вызывает у нас особых возражений. С нашей точки зрения, И. Г. Шовкоплясу следовало бы лишь оговориться вначале, что он осуществил свою работу почти точно в плане той историко-археологической периодизации, которая была выработана коллективом сотрудников Института археологии АН УССР при написании сводного труда по древней истории Украины «Нариси стародавньої історії Української РСР», изданного в том же 1957 г.

В рассматриваемых разделах книги памятники списываются в порядке простой хронологической последовательности. Руководствуясь в данном случае формально их возрастом, Шовкопляс пренебрегает территориальными и культурными связями памятников между собой.

В тексте книги предскифские памятники Среднего Поднестровья чередуются с памятниками высокой культуры, высокие сменяются чернолесскими памятниками на Вольни, далее идут памятники фракийского галштата снова в Среднем Поднестровье, их сменяют куштановицкие в Закарпатье, за куштановицкими идут чернолесские памятники к югу от Житомира, а последние сменяются памятниками чернолесского типа на р. Ворскле.

Описания памятников скифского времени чередуются еще более калейдоскопически, а именно: поселения на Среднем Днестре, Жаботинское поселение в бассейне р. Тясмина, поселения и могильники на Ворскле, поселения на Северном Донце, городища на Южном Буге и т. д.

Механическая смесь из разнородных памятников составлена И. Г. Шовкоплясом в противоречии с достижениями советской науки в вопросах изучения локальных культурных групп позднего бронзового и раннего железного века¹. Сопоставленные между собой в таком нарочитом беспорядке, памятники эти не могут вызывать у читателей каких-либо исторических идей, не будят они исследовательскую мысль и у И. Г. Шовкопляса.

Так, закончив описание предскифских памятников, он смог сказать в заключение о них одну-единственную и то стереотипную фразу: «Племена, каким принадлежали все вышеописанные памятники начала раннего железного века, были той этнической

¹ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 39 сл.; Нариси стародавньої історії Української РСР, стр. 174 сл.

основой, от которой происходят племена так называемого скифского периода» (стр. 166). Подобную же ничего не значащую фразу находим мы после описания памятников лесостепной Скифии (стр. 185).

Так как краткие описания памятников составляют почти единственное содержание книги, то нам прежде всего следует остановиться на приемах, с помощью которых они были составлены. Для этого приведем примеры из описаний таврского укрепления на горе Кошка около Симеиза в Крыму, исследованного П. Н. Шульцем, и скифского Мелитопольского кургана, раскопанного нами в 1954 г.

В обращаемом на себя внимание месте относительно таврского укрепления Шовкопляс пишет: «Раскопки показали також, що на горі Кошка вже у VII—VI ст. до н. е. існували прямокутні в плані кам'яні будівлі з однією або двома камерами. Їх стіни, в яких збереглися дверні прорізи, досягали товщини 1 м; підлога була добре утрамбована; вогнища викладені з кам'яних плит. Покрівля підтримувалася дерев'яними стовпами. Окремі житла були прибудовані безпосередньо до скелі і мали односхилу покрівлю.

У досліджених житлах зібрано ліпний простий і лошений посуд так званого кизил-кобінського типу. За типами це — переважно плоскодонні горщики і миски із загнутими всередину краями, інколи з наліпними виступами — ручками. Досить багато лошених черпаків з петельчастими ручками, що підвищуються над краями, та черпаків із заглибленим орнаментом. Привізний грецький посуд представлений, лише уламками ранніх гостродонних амфор. Знайдено також глиняні пряслиця, кам'яні грузила, зернотерки, кістяні проколки та голки і т. п. Кістки належали домашнім (велика та дрібна рогата худоба, кінь, свиня, собака) і диким тваринам (олень, козуля і кабан). З поселенням на горі Кошка зв'язаний недалеко від неї розташований могильник з кам'яними ящиками. Поселення і могильник датуються періодом з VII до IV (? — А. Т.) ст. до н. е.

Прийоми таврського фортифікаційного будівництва, зразком якого є оборонні стіни на горі Кошка, були пізніше використані при збудуванні середньовічних феодальних замків в гірських районах Криму, відомих під назвою ісарів. Наочним прикладом такої будівлі може бути середньовічний замок на горі Крестовій поблизу Алупки, збудований на руїнах таврського укріпленого поселення» (стр. 203).

Параллельний текст статті П. Н. Шульца гласить: «Раскопки показали, что на горе Кошка в VII—VI вв. до н. э. уже существовали каменные жилые дома, прямоугольные в плане, однокамерные и двухкамерные. Стены отличаются толщиной (иногда свыше 1 м) и примитивностью кладки. Имеются дверные проемы, хорошо утрамбованные земляные полы, открытые, иногда выложенные камнем очаги. Для поддержки перекрытия в отдельных случаях употреблялись деревянные столбы. Некоторые здания пристраивались к скале и имели, по-видимому, односкатную крышу в виде бревенчатого, покрытого землей наката.

Исследовано два жилых комплекса VII—VI вв. до н. э. с лепной, простой и дощеной керамикой, тождественной поздней кизил-кобинской. Преобладающий тип посуды — плоскодонный горшок, иногда лошений, напоминающий формы сосудов фракийского гальштата. Распространены плоскодонные простые и лошенные миски обычно со слегка вогнутыми внутрь краями, в отдельных случаях с налепными выступами для захвата. Среди столовой посуды часто встречается лошений черпак с петлеобразной ручкой, слегка возвышающейся над венчиком, и круглодонный кубок без ручек, обычно с резным орнаментом и горизонтальными точечными вдавлениями. Реже попадаются глиняные сита.

Привозная греческая посуда встречалась как редкое исключение (обломки ранних остродонных амфор).

Найдены зернотерки, точильные и шпательные камни, каменные грузила, глиняные пряслица, костяные проколки и иглы.

Костные остатки домашних животных обильны: преобладали кости мелкого и крупного рогатого скота, реже — лошади, свиньи, собаки. Костей диких животных (олень, козуля, кабана) значительно меньше»². «Могильник с каменными ящиками, расположенный к северу от поселения, безусловно с ним связан»³.

«Традиции таврской фортификации, ярко представленные на горе Кошка, были использованы в эпоху средневековья при создании так называемых исаров — феодальных замков, которых много на южном берегу Крыма. Наиболее наглядным примером этого является средневековый замок на г. Крестовой близ Алупки, возникший на руинах таврского укреплённого поселения»⁴.

Как это видно из приведенных нами в том и другом случае строк, описание таврского укрепления на горе Кошка в книге И. Г. Шовкопляса представляет собой почти дословный перевод, сделанный из статьи П. Н. Шульца. Имеющаяся ссылка на статью в целом носит достаточно «глухой» характер, страницы в ней не указаны, заимствованные тексты не выделены, как это принято, кавычками или надлежащими оговорками. В процессе перевода автор произвел лишь самую простую редакцию оригинального текста, преследовавшую его сокращение, исключение некоторых частностей и замену отдельных слов другими.

² П. Н. Шульц. Таврское укрепленное поселение на горе Кошка. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 63—64.

³ Там же, стр. 65.

⁴ Там же, стр. 65—66.

Приведем отрывок из описания Мелитопольского кургана, составленного из кусков текста, заимствованных из статей А. И. Тереножкина и Е. Ф. Покровской. Относительно скифской гробницы, находившейся в центре Мелитопольского кургана, автор пишет: «Камера (погребальная.— А. Т.) мала прямоуготна в плані форму, розмірами 3 × 2,5 м і висотою близько 2 м. Дно камери було на 1 м нижче дна вхідної ями. Стіни і підлога камери добре вигладжені. Поховання виявилось пограбованим в давнину, і його рештки знаходилися в камері в повному безладді. З речей в камері зібрано небагато бронзових та кістяних наконечників стріл, дрібних уламків залізного панцира, бронзову шпору, обривки листового золота та 1 н. У невеликому тайнику на дні поховальної камери знаходився горит (налуччя) грецької роботи, верхня золота набивна стінка якого прикрашена сценами з життя Ахілла, боротьби тварин та рослинним орнаментом, подібна до обвивки горита з Чортомлицького кургана. На гориті лежали бойовий пояс з тонких вузьких бронзових пластинок та 50 золотих квадратних бляшок із зображенням богині з дзеркалом, яка сидить на троні, та фігуркою скифа перед нею, який п'є з ритона. Бляшки, очевидно, були нашиті на портупею, на якій тримався горит. В середині горита лежали лучком близько 70 бронзових тригранних наконечників стріл з древками» (стр. 196).

В статье Е. Ф. Покровской о Мелитопольском кургане читаем: «Она (камера.— А. Т.) представляла собой прямоугольное помещение, размером 3 × 2,5 м. Свод камеры обвалился, дно ее почти на 1 м ниже дна входной ямы. Глиняные стены и дно камеры были тщательно заглажены.

Погребение оказалось полностью ограбленным. Из вещей в центральном погребении сохранились лишь немногочисленные бронзовые и костяные наконечники стрел, мелкие обломки железного панциря, бронзовый небольшой предмет в виде шпору, обрывки тонкого листового золота.... На дне погребальной камеры... удалось обнаружить не замеченный грабителями тайник, в виде овальной ямки (размер 60 × 40 см, глубина до 20 см), забитой глиной. В нем был спрятан горит, верхняя золотая набивка которого, прекрасной греческой работы, в точности воспроизводит набивки горитов Чертомлыцкого и Ильинского курганов с орнаментом, передающим сцены из жизни Ахилла, борьбы животных и растительные мотивы. Сверху на горите лежал боевой пояс из тонких узких бронзовых пластинок и 50 золотых квадратных бляшек с изображением богини с зеркалом, сидящей на троне, и фигурой скифа перед ней, пьющего из ритона. Бляшки, по-видимому, были нашиты на портупею горита. Внутри горита лежали лучком около 70 бронзовых трехгранных наконечников стрел с остатками древков»⁵.

Как видно, приведенные тексты почти идентичны между собой.

Хотя статьи А. И. Тереножкина и Е. Ф. Покровской названы в ссылке, но читателю осталось неизвестным, у кого и с каких страниц сделаны были те или иные заимствования текстов, которые (как и в случае с описанием таврского укрепления на горе Кошка) кавычками не выделены.

Следует отметить, что в приведенной части описания Мелитопольского кургана автор допустил ошибку. Е. Ф. Покровской среди находок упомянут «бронзовый небольшой предмет в виде шпору». Автор, стремясь механически сократить чужие описания или упростить их, назвал этот предмет прямо «бронзовой шпорой». Ошибка эта не случайность: очевидно, Шовкопляс не знает, что у скифов шпор не было.

Весьма многие описания памятников в рецензируемой книге представляют собой подобные краткие редакции текстов, переписанные из специальных публикаций различных ученых, без ссылок на соответствующие страницы. Если бы восстановить кавычки у всех заимствованных текстов, то обнаружилось бы, что книга в этих частях не написана, а лишь составлена автором.

В целях экономии места в статье мы предлагаем читателям сравнить самим следующие страницы книги Шовкопляса с оригинальными текстами. Это стр. 126⁶, стр. 127⁷, стр. 131⁸, стр. 133⁹, стр. 135—136¹⁰, стр. 137—138¹¹, стр. 142¹², стр. 145—

⁵ Е. Ф. Покровская. Мелитопольский скифский курган. ВДИ, 1955, № 2, стр. 192—193.

⁶ Е. Ф. Лагодовская. Михайловское поселение и его историческое значение, КСИА, вып. 4, 1955, стр. 119.

⁷ А. И. Тереножкин. Раскопки курганов в долине р. Молочной в 1952 г. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 70—71; его же. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища. КСИА, вып. 1, 1952, стр. 16.

⁸ В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 127—128.

⁹ С. С. Березанская. Исследования поселений эпохи бронзы и раннего железа на Сейме. КСИА, вып. 4, стр. 111.

¹⁰ А. В. Добровольский. Поселение бронзового века Бабино III. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 40—45.

¹¹ Ю. Н. Захарук. Новое поселение культуры шнуровой керамики на Воляни. КСИА, вып. 7, стр. 38—39.

¹² О. В. Бодяньский. Розкопки Мар'ївського та Федорівського могильників у Надпоріжжі. АП, т. VI, 1956, стр. 181—182.

146¹³, стр. 147¹⁴, стр. 148 и 165¹⁵, стр. 151—152¹⁶, стр. 157¹⁷ и далее, стр. 161—164, 173—176, 179—185 и т. д.

Этим не ограничиваются странные «особенности» книги И. Г. Шовкопляса.

В ряде случаев он ссылается на несколько имеющихся о памятнике печатных работ, а фактически использует только одну из них. В результате этого описание памятника оказывается неполным или искаженным, так что читатель самым определенным образом вводится в заблуждение.

Так, переписав в свою книгу сокращенный текст статьи Б. А. Шрамко о результатах его исследования на поселении скифского времени около с. Островеверховки в 1951 и 1952 гг. (стр. 173—174), автор совершенно не использовал тех данных об этом памятнике, которые были получены Б. А. Шрамко в 1953 г., хотя и ссылается на них. Так, в описании Островеверховского поселения у И. Г. Шовкопляса названо 37 зольников (столько, сколько их было известно по данным на 1952 г.)¹⁸, тогда как в 1953 г. их уже стало 60¹⁹.

Описания белогрудовских памятников в окрестностях с. Собковки Шовкопляс списал из одной статьи С. С. Березанской и Г. Т. Титенко-Ковпаненко (стр. 145—146)²⁰. В примечании к описанию собковских памятников Шовкопляс указал также вторую статью тех же авторов, но сам ее не читал. Последнее очевидно из того, что, сообщая второстепенные подробности, почерпнутые из первой статьи, И. Г. Шовкопляс не обмолвился ни одним словом о наиболее важных для белогрудовской культуры предметах, изданных во второй статье²¹. Из числа последних, помимо наиболее полного собрания керамики, особенно ценным, как известно, является крупное височное спиральное кольцо, которое в свете средневропейской хронологии бронзового века впервые позволило уточнить возраст белогрудовской культуры²².

В разделе рецензируемой книги, посвященном античным памятникам Северного Причерноморья (на разборе которого мы специально не останавливаемся), наше внимание привлекло описание остатков театра в Херсонесе.

Об этом театре И. Г. Шовкопляс пишет: «Розкопками (1954—1957 гг.— А. Т.) вже розкрито частину оркестри з бар'єром і театрона (амфітеатра для глядачів) з кам'яними лавами перших рядів місць. Між лавами знаходилися кам'яні сходи. Відкрито також лівий парод (прохід між сценою і стіною театру) та північну частину зовнішньої огорожі театру. Розміри вже досліджених частин театру такі: діаметр оркестри 23 м; висота кам'яного бар'єра, що відділяє її від амфітеатра для глядачів,— 1 м, товщина його 0,7 м; довжина лави для глядачів 5 м; ширина— 52 см, висота 47 см; кам'яні східці театрона мають розміри 65 × 45 см при висоті 24 см. Стінки парода збереглися на висоту 1,5 м, товщина їх 0,8 м. Ширина парода 4 м. Від останнього періоду існування театру (III і IV ст. н. е.) в ряді місць збереглася штукатурка бар'єра та стін парода із значними ділянками фрескового розпису орнаментального характеру» (стр. 251—252).

Приводим текст О. И. Домбровского: «Раскопками 1954—1955 гг. открыта часть оркестры с барьером, северная часть театрона с каменными скамьями первого ряда зрительных мест. Между скамьями имелись каменные лестницы, ступени которых в двух местах сохранились. Открыт левый парод и северная часть внешнего ограждения театра. Диаметр оркестры 23 м, высота сохранившейся кладки барьера— до 1 м, толщина— около 0,70 м, длина скамьи— около 5 м, ширина— 0,52 м, высота— 0,47 м. Ступени каменных лестниц театрона имеют размер 0,65 × 0,46 м при высоте 0,24 м; кладки стен парода сохранились на высоту около 1,5 м, их толщина 0,80 м, ширина 4,5 м...

От последнего строительного периода театра (III—IV вв. н. э.) кое-где уцелела на месте штукатурка барьера и откосы парода со значительными остатками росписи орнаментального характера».

¹³ С. С. Березанская, Г. Т. Титенко. Поселение предскифского времени в с. Собковка. КСИА, вып. 1, стр. 80—82.

¹⁴ О. Ф. Лагодовська. Поселення часу пізньої бронзи в с. Сандраки. Археологія, т. IX, 1954, стр. 134.

¹⁵ Г. Т. Ковпаненко. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки. Археологія, т. XI, 1957, стр. 99—100.

¹⁶ О. І. Тереножкін. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області. Археологія, т. VII, 1952, стр. 121—124.

¹⁷ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 72; М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 111.

¹⁸ Б. А. Шрамко. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 106.

¹⁹ Его же. Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островеверхівки. АП, т. VI, 1956, стр. 56.

²⁰ С. С. Березанская, Г. Т. Титенко. Поселение предскифского времени в с. Собковка, стр. 78 сл.

²¹ С. С. Березанська, Г. Т. Тітенко. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу. Археологія, т. IX, стр. 119, сл.

²² В. И. Канивец. Вопросы хронологии высоцкой культуры. КСИА, вып. 4, стр. 94.

В ссылке к описанию херсонесского театра в книге Шовкопляса названа статья О. И. Домбровського, напечатанная по-украински²³. Однако мы привлекли выше текст О. И. Домбровского, написанный по-русски, не случайно. Это не наш перевод. Суть здесь заключается в том, что И. Г. Шовкопляс переписал сведения о театре не из самой статьи, а из русского резюме к ней²⁴.

И. Г. Шовкопляс допустил в своей книге большое количество различных частных и крупных ошибок. Часто встречаются в описаниях такие сведения, которые совершенно отсутствуют в статьях и книгах, указанных в примечаниях.

Так, И. Г. Шовкопляс пишет, что среди находок на Ширяевском городище преобладают горшки, украшенные налепными расчлененными валиками; в качестве типичных названы чернолощенные миски (стр. 180). В статье, на которую он ссылается, утверждает-ся как раз обратное, а именно, что для керамики Ширяевского городища характерно отсутствие валикового орнамента, нетипичность же для него чернолощенных мисок видна из того, что они представлены среди всех находок из раскопок всего лишь одним обломком²⁵.

Шовкопляс весьма вольно обращается с археологическими фактами. Особенно часто в его книге встречается замена единственного числа множественным. Так, А. В. Добровольский пишет²⁶, что в землянке на поселении Бабино III были найдены один кремневый нож и медная пронызь; Шовкопляс в свою очередь пишет о находках кремневых ножей и медных пронызей. В нижнем слое Михайловского поселения была открыта одна землянка²⁷, в книге Шовкопляса идет речь о землянках (стр. 126). В. А. Ильинская раскопала на Басовском городище скифского времени половину землянки²⁸, а Шовкопляс пишет о землянках Басовки (стр. 179). Такого рода замонами пестрят страницы книги Шовкопляса. В ней постоянно встречаются неправильно указанные размеры, местоположения памятников и т. д., и т. п. Встречаются ошибочные подписи под рисунками: например, под изображениями предметов из Михайловки (стр. 127, рис. 1—5) указано, что они происходят из Аккермена; под костяными украшениями катакомбной культуры из Куга в подписи значится, что они из ямного погребения (стр. 129) и т. д.

Списывание из различных чужих работ, без проработки их и критической оценки влечет за собой механическое повторение ошибок, которые в свое время допустил тот или иной исследователь. Так, И. Ф. Левицкий ошибочно назвал кельтом фрагментированный бронзовый плоский топор с закраинами, найденный на поселении среднего бронзового века у с. Народичи²⁹. Эту ошибку повторил И. Г. Шовкопляс (стр. 137), не задумываясь над тем, что во время существования поселения у Народич кельты еще не употреблялись на территории Украины.

Во вступлении к описанию памятников «Позднего периода эпохи меди-бронзы» Шовкопляс сообщает, что для срубной культуры характерны скорченные «окрашенные красной охрой» захоронения (стр. 141). Однако общеизвестно, что для срубной культуры характерно именно отсутствие применения красной краски в погребальном обряде, это — азбучная истина археологии.

Странно выглядит в книге большой (местами до 25 строк на страницу) научный аппарат в виде ссылок на различные печатные публикации. Однако пользоваться им нельзя, так как автор не ссылается на страницы, предоставляя читателю разыскивать нужный ему текст в статьях и книгах, а самые статьи — в сборниках и журналах.

Подобное «несовершенство» ссылочного аппарата следует, вероятно, объяснить тем, что автор книги сам был в этом заинтересован. Зачем нужно сохранять указания на страницы печатных работ, из которых он сделал слишком большие текстуальные заимствования! Не мог он также давать точные ссылки на те статьи и книги, которые нужно было поставить в примечаниях, но которых он сам не читал; нельзя было давать прямых ссылок и в тех случаях, когда вместо самих трудов использовались лишь резюме к ним и т. д. Вот характерный пример. В книге Шовкопляса длинное здание, остатки которого открыты на восточной стороне агоры Ольвии, называется культовым (стр. 229), т. е. так, как оно было первоначально определено в научно-популярной книге об Ольвии Л. М. Славина³⁰. Однако ссылается Шовкопляс не на эту книгу, а на из-

²³ О. І. Домбровський. Розкопки античного театру в Херсонесі (за матеріалами 1954—1955 рр.). Археологія, т. X, 1957, стр. 94 сл.

²⁴ Там же, стр. 101.

²⁵ В. А. Іллінська. Городище скифського часу на р. Сеймі. Археологія, т. VIII, 1953, стр. 114—115, рис. 4, табл. I и II, стр. 117.

²⁶ А. В. Добровольський. Поселення бронзового века Бабино III. КСИА, вып. 7, стр. 42.

²⁷ Е. Ф. Лагодівська. Ук. соч., стр. 119.

²⁸ В. А. Іллінська. Верхньосулська експедиція 1947 р. АП, т. IV, 1952, стр. 36.

²⁹ І. Левицький. Стація в ур. Піщаному біля Народич. Антропологія, т. IV, 1931, стр. 232, рис. 39, 4.

³⁰ Л. М. Славина. Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 34; см. также Т. Н. Книпович. Основные итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 98—100. Если И. Г. Шовкопляс пользовался не книгой Л. М. Славина, а каким-нибудь другим источником (при отсутствии точных ссылок окончательно этого установить нельзя), то и в таком случае суть дела не изменится.

данные в более позднее время научные работы, в которых длинное здание на восточной стороне агоры всюду фигурирует уже в качестве торговых рядов³¹. Отсюда становится ясным, что работ этих Шовкопляса не читал, а потому и не мог указать в них точно страниц. Если бы он читал все те печатные работы об Ольвии, на которые широко ссылается, то никак не мог бы, например, допустить грубой ошибки в отношении назначения водоема на агоре, написав, что это гидротехническое сооружение служило для подачи воды в разные кварталы центральной части города (стр. 229). Во всех исследованиях об Ольвии считается установленным, что цистерна на агоре подавала воду на склон, ведущий к Нижнему городу³². «Тщательное изучение всей системы,— пишет Е. И. Леви,— позволило установить, что первоначально водоем входил как составная часть в сложное гидротехническое сооружение, целью которого являлась подача воды из открытого водоема на нижележащую террасу»³³.

Большое количество ошибок и других различных недочетов, которые обнаруживаются в книге Шовкопляса, говорит о том, что эта книга не может служить и справочным пособием.

Никак нельзя согласиться с тем мнением о книге И. Г. Шовкопляса, которое было высказано в ряде появившихся на нее рецензий, утверждающих, что она имеет большой интерес для археологов, различных кругов читателей и должна быть рекомендована в качестве ценного пособия по археологии студентам высших учебных заведений³⁴.

А. И. Тереножкин

³¹ Е. И. Леви. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 53 сл.; е е же. К вопросу об ольвийской агоре. СА, XXI, 1954, стр. 330—334, 338, рис. 4; е е же. Ольвийская агора. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 58; Л. М. Славин. Основные итоги исследования Ольвии за последние годы. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 120—123.

³² Л. М. Славин. Розкопки Ольвії в 1949—1951 рр. АП, т. V, 1955, стр. 96.

³³ Е. И. Леви. К вопросу об Ольвийской агоре, стр. 328.

³⁴ М. М. Бондар. Цінна праця з історії археологічної науки на Україні. Вісник Академії наук Української РСР, 1958, № 5, стр. 80; М. Ю. Брайтчевський. Археологічні дослідження на Україні за роки Радянської влади. Український історичний журнал, 1958, № 2, стр. 148; В. Довженок. Книга про досягнення радянської археології на Україні. Народна творчість та етнографія, 1958, № 3, стр. 146; І. Підоплічка. Цінна книга з археології України. Наука та життя, 1958, № 9, стр. 61.

Древнее искусство Алтая. Текст М. Грязнова, фотографии А. Булгакова. Изд. Государственного Эрмитажа. Л., 1958. Тираж 10 000. Цена 15 р.

В этом альбоме — 64 таблицы фотографий, прекрасно выполненных А. П. Булгаковым и изданных на достаточно высоком полиграфическом уровне. Большинство из них воспроизводит предметы искусства племен Алтая скифского времени. Главным образом из Пазырыкской группы курганов. Безукоризненно выполненные фотографии в деталях передают материал, фактуру и технику представленных в альбоме вещей. Особенно замечательны снимок татуировки на теле вождя племени (табл. 43), снимки китайских шелковых тканей с изображениями фениксов (табл. 52 и 53), иранских шерстяных узоровных тканей (табл. 60 и 61). А. П. Булгаковым проявлена большая изобретательность в композиции ряда таблиц, в качестве фона для которых нередко использовались художественные изделия алтайских мастеров. Эффектны снимки с отражением на стекле и подсветкой из различных точек.

В общем альбом, рассчитанный на «широкую публику», является очень хорошим изданием части замечательного собрания произведений искусства, получивших уже мировую известность среди специалистов-археологов и искусствоведов. Следует, однако, отметить, что многогранное и чрезвычайно разнообразное по технике и стилю изобразительное искусство племен Алтая древней поры не получило должного отражения в альбоме. Подбор воспроизведенных в нем вещей случайный и не отражает ни всей тематики, ни основных стилистических приемов древних мастеров. Кроме того, в нем на семи таблицах даны изображения произведений искусства не алтайских, а иноземных.

Досадно отсутствие пояснительных подписей к предметам, изображенным на суперобложке, титульном листе, заставках и концовках. Не менее досадно небрежное отношение автора текста к пояснительным подписям под таблицами. Так, под табл. 1 подпись: «Поясная бляха (деталь)». В действительности это — одна из пары застежек, вероятно, кафтана, вес которых около килограмма. Каким образом они могли быть поясными бляхами при таком весе и высоте свыше 12 см, тогда как пояса алтайцев (табл. 40 и 41) были шириной не более 5—6 см? Изображения на табл. 7, 14 и 41 назва-

ны тиграми, хотя они не имеют никаких признаков, характерных для этого вида животных. Чрезвычайно типичное изображение человеческой головы (табл. 12) с бородой и сбритыми усами названо почему-то антропоморфной головой. Общеизвестный сюжет получеловека-полульва (сфинкса, табл. 55) также почему-то назван антропоморфным чудовищем. Голова косули в пасти волка (табл. 20) названа головой оленя. Седельные и уздечные украшения (табл. 24 и 25) названы костяными, тогда как они роговые. Лебеди (табл. 28) названы украшением шатра; выполненные на полотнище шатра считаются изображения, воспроизведенные на табл. 54—57, хотя ни о каких шатрах древних алтайцев мы не имеем представления, а то, что названо полотнищем шатра, в действительности — настенный войлочный ковер, размером 4,5 × 6 м. Головы грифов или мифических орлов (табл. 37 и 38) названы грифонами. Под узором вышивки феникса на великолепном дереве удун (табл. 52) лаконичная подпись: «Феникс и цветы». Но ведь феникс — это фазан, а не колибри, и на цветке сидеть он не может. На табл. 58 и 59 даны детали ворсового ковра, причем на табл. 58 приведены размеры ковра, но не указан масштаб фотографии, а для табл. 59 указано увеличение в два раза, тогда как фотография дана менее чем в натуральную величину. То же самое следует сказать и о львах на табл. 60, которые воспроизведены в натуральную величину, а не увеличенными в два раза, как это следует из подписи под таблицей. Подобных неточностей в размерах изображений, скрытых под обозначением «около», немало. Для одной половины вещей альбома указаны абсолютные размеры, для другой — относительные. Следовало бы придерживаться какой-то одной системы.

Мне могут заметить, что все это мелочи, не имеющие существенного значения для «широкой публики». Я этого не думаю, и пренебрежительное отношение к читателю в издании столь солидного учреждения, как Государственный Эрмитаж, вряд ли уместно.

Пояснительный текст к альбому М. П. Грязнова краток, но достаточно содержателен. В нем подробно изложена техника древнего изобразительного искусства племен Алтая и дана правильная оценка этого искусства, его значения для современности. Однако первый вопрос, который возникает у читателя, — о том, кто был творцом этого искусства и в какой исторической обстановке оно слагалось, — никак не освещен. Вместо того, чтобы указать на принадлежность этого искусства крайним северо-восточным племенам саков, относящимся к группе североиранских племен, говорится о каких-то ранних кочевниках или просто кочевниках Алтая.

Текст М. П. Грязнова начинается сообщением о происхождении сибирской коллекции Петра I, не имеющей непосредственного отношения к Алтаю. Затем дается далеко не полное перечисление археологических раскопок курганов Алтая второй половины I тысячелетия до н. э. Группа Пазырыкских курганов необоснованно названа фамильным кладбищем. Промерзание больших курганов, обеспечившее прекрасную сохранность погребального инвентаря, объясняется плохой теплопроводностью и хорошей воздухопроницаемостью массы камня, слагающей курганы (стр. 6). В действительности процесс промерзания курганов явился результатом особенностей климата и конструкции погребальных сооружений.

Употребляемая в статье терминология в основном возражений не вызывает, за исключением одного определения. На стр. 7 написано: «...искусство ранних кочевников Алтая представлено с небывалыми в археологической практике полнотой и разнообразием форм. Круглая скульптура и барельеф, рисунок линейный, силуэтный и полихромный и различные сочетания их в одном произведении — все это, исполненное разными приемами, в разной технике и из самых разнообразных материалов...».

Указание на многообразие техники рисунка позволяет думать, что автор относит к категории рисунка и произведения, выполненные в технике аппликации, инкрустации, резьбы по дереву и другим твердым материалам и т. д. Между тем собственно рисунка мы для горноалтайских находок почти не знаем. Это — только орнамент на древках стрел из третьего Пазырыкского кургана, в какой-то мере — татуировка. Поэтому не следовало бы вводить понятие рисунка в характеристику описываемого искусства, путая рисунок с другими, определенными техническими и художественными приемами.

Упоминание о линейном рисунке в характеристике колоды из Башадарского кургана на стр. 9 имеет совершенно иной смысл и вполне правомерно. Здесь сам термин «рисунок» употреблен в его другом значении — как характеристика формального приема изображения, как определение его построения.

Совершенно несостоятелен выдвигаемый в статье тезис об ограниченности изобразительных средств древнего художника, как о неумении, т. е. несовершенстве мастерства. Так, на стр. 7 автор пишет: «Для изделий в круглой скульптуре характерна фронтальность изображений — правая и левая половины фигуры всегда строго симметричны. Тем не менее древний художник, еще не умея передавать фигуры животных в их естественных поворотах, все же получал живые динамичные изображения». Несколькими строками ниже: «В барельефной резьбе древний художник умел изображать фигуру животного только строго в профиль или в фас». Стр. 10: «Как и в скульптуре, в плоских изображениях художник умел передавать фигуры животных только в профиль или в фас и также достигал удивительной динамичности путем переворачивания отдельных их частей в обратном направлении, путем изображения их как бы в воздухе, без земли под ними...». (Можно подумать, что алтайцы только для того

и переворачивали животным ногу и изображали их «без земли», чтобы добиться динамичности!»

Совершенно напрасно автор фиксирует внимание читателя на этом заведомо неверном тезисе. Прежде всего следует отметить, что даже среди приведенных в альбоме воспроизведений животных в скульптуре и рельефе имеются изображения, представленные в три четверти и совсем не симметричными правой и левой половинами фигуры. Например: котята на суперобложке, кошки (табл. 7), олень (табл. 30). Подобные изображения, действительно, встречаются сравнительно редко, но эта ограниченность приемов — вовсе не результат неумения. Все эти ограниченности — результат художественных представлений, порожденных в условиях определенного общества, его идеологии.

Анализируя искусство древних алтайцев, необходимо понять смысл допускаемых ими условностей и сочетание этих условностей с острой, яркой реалистичностью. То и другое отмечает автор, но по существу не объясняет (хотя бы гипотетически). Бездоказательные утверждения о мифологическом содержании всех изображений делу не помогают, так как не доказываются каким-либо анализом. Единственный аргумент того, что в художественных изделиях изображены не реальные животные, а мифические существа, представлявшие в образе того или иного реального зверя, — это утверждение, будто бы изображались не все звери (стр. 12).

Какие же животные изображались? Это были тигр, леопард или пантера, барс, дикая кошка, волк, лев; лось, олень, горный козел, горный баран, бубал, косуля, сайга, кулан, лошадь, кабан и заяц; орел, глухарь, тетерев, лебедь, гусь, утка, баклан и удод; петух; из рыб — налим. Таким образом, в изобразительном искусстве племен Алтая скифского времени представлены все основные представители фауны этой страны и не потому, что все эти животные были мифическими для них существами, а потому, что охота в рассматриваемое время имела большое значение для населения Алтая.

Алтай как в настоящее время, так и 2500 лет назад представлял собой горно-таежную область, в которой степные участки в речных долинах составляли не более 3% всей территории. В такой стране скотоводческое хозяйство не могло обеспечить существование довольно многочисленного ее населения, и охота в его экономике играла очень крупную роль. Занимались ею не в качестве «военно-спортивных упражнений». Добывались и такие пушные звери, как соболь, выдра и белка, шкурки которых использовались не только для пошивки одежды, но, по всей вероятности, и для товарообмена.

Иное дело — изображения фантастических животных, наделенных признаками различных семейств. Они могли иметь магическое значение. Об этом может говорить их воспроизведение в татуировке на теле вождя племени, если эти сюжеты не были навеяны подобными же фантастическими мотивами, известными со времен глубокой древности на Переднем Востоке. В искусстве Передней Азии, по крайней мере, за 2000 лет до нашей эры широко распространение получили изображения получеловека-полульва, ушастого грифа или мифического орла, грифонов львиных (крылатых львов) и грифонов орлиных (с телом льва). Вавилоняне изображали льва с заостренными ушами, орлиными лапами и хвостом. Ассирияне иногда заменяли львиную голову головой орла с гребнем. Персы пользовались обоими вариантами и придали голове новые черты, прибавив рога.

Давно уже установившиеся термины «грифа», «львиный и орлиный грифоны» не усвоены автором пояснительного текста, и описанием этих фантастических существ внесена только путаница. Утверждается, будто бы на Алтае грифона представляли в виде тигра с крыльями птицы на плечах, с гривой или гребнем на шее, с длинными ушами, с рогами антилопы, оканчивающимися шариками или волютами, иногда — с орлиной головой и с оперением на шее (стр. 11). При этом дается ссылка на изображения львиных грифонов (табл. 39) и орлиных грифонов (табл. 48 и 49). Название «крылатый тигр» вместо «грифон» предпочитается М. П. Грязновым из тех соображений, что у алтайских грифонов туловища и головы не львиные, а тигровые, и у них якобы не бывает птичьих лап. Действительно, в одном из Туэктинских курганов имеются изображения крылатых тигров, но в курганах Пазырыкских — типичные изображения только львиных или орлиных грифонов. Одно из самых замечательных изображений львиного грифона в сцене нападения его на горного козла не нашло своего достойного места в альбоме и помещено (кстати заметим, в сильно искаженном виде) как заставка перед французским текстом. Мало того, что этот львиный грифон воспроизведен в типичном для Передней Азии стиле, на кончике его хвоста вместо кисточки изображена головка птицы — мотив, столь характерный для скульптур хеттских городов XIV в. до н. э. Изображение кисточки на кончике хвоста характерно для алтайских изображений льва (концовка на стр. 14), львиных грифонов (табл. 39), львиного грифона с бычьими рогами в сцене нападения его на лося (кожаное покрывало из второго Пазырыкского кургана) и др. На Алтае изображались грифоны и с птичьими лапами (сцена борьбы орлиного и львиного грифонов на седельной покрывке из первого Пазырыкского кургана; борьба орлиных грифонов — медные штампованные пластинки из второго Пазырыкского кургана).

На изображениях этих фантастических существ я обращаю особое внимание потому, что они и по сюжету, и по стилистическому оформлению одинаково характерны как для древнего искусства племен Алтая, так и Передней Азии, равно как сцены нападения или борьбы животных, известные на древнем Востоке, по крайней мере за 3000 лет до н. э.

Находки китайских шелковых тканей в ряде алтайских курганов рассматриваемой эпохи свидетельствуют о связях племен Алтая с Китаем, вероятнее всего — торговых. Между тем никаких следов влияния китайского искусства на искусство алтайцев не обнаруживается.

Вопросу о «заимствованиях» в статье уделяется достаточно много места. В его решении автор исходит из утверждения, что древние алтайцы, «поддерживая широкие культурные и экономические связи с другими племенами степной полосы, ...много заимствовали от своих близких и далеких соседей, многое передавали им из своих достижений культуры. Поэтому и искусство их имеет много общего как по своей тематике, так и по стилю с искусством близких им по культуре скифо-сарматских, сако-массагетских и других кочевых племен...» (стр. 10). Далее автор утверждает (уже не упоминая об общности культуры), что древние алтайцы заимствовали кое-что в своем искусстве и у китайцев, и приводит один из примеров такого заимствования, основанный, правда, на субъективном восприятии самого автора. М. П. Грязнов хочет видеть это заимствование в изображении на настенном войлочном ковре задней части птицы (табл. 54), названной им фениксом. Он пишет (стр. 10), что этот фрагмент «очень близок к изображению фениксов в Китае в памятниках периода Чжаньго, особенно похож он на летящего феникса в картине на шелковой ткани из погребения в Чанша». Птица, изображенная на этой ткани, скорее — журавль, чем феникс. Фениксы, изображенные на зеркалах Чжаньго, опубликованные Умехарой, подобны фениксам на шелковой ткани из пятого Пазырыкского кургана (табл. 42 и 53) и не имеют ничего общего с изображением части птицы на табл. 54 альбома.

В действительности, конечно, никакие связи внешнего характера сами по себе не могут привести к сколько-нибудь существенным заимствованиям в области искусства ни в его стиле, ни в тематике. То и другое рождается из внутренних органических потребностей общества, создающего данное искусство, и заимствует это искусство в творчестве других народов только элементы, близкие ему по существу.

Поэтому само установление факта заимствования может являться основой для утверждения о существовании известной близости между двумя культурами в изучаемую эпоху и о наличии для них определенных общих историко-художественных традиций в прошлом. Именно на этом основании нельзя согласиться с утверждением автора о китайских заимствованиях алтайцев. Китайское искусство выросло в совершенно иной социальной среде и на иной почве.

Обращает на себя внимание наличие в статье ряда совершенно субъективных утверждений, не подкрепляемых сколько-нибудь убедительными доводами. Таково, например, утверждение, что «орнаментальные ряды, получившиеся из нарядных скульптурных украшений, образовывали сухие и тяжелые узоры, совершенно лишённые в своей композиции каких-либо элементов движения или хотя бы легкости построения... Такое несоответствие легкости, живости, динамичности изображений с компоновкой их в тяжелые, неподвижные узорные ряды характерно вообще для всего декоративного искусства древних алтайцев» (стр. 8).

Но ведь, если даже такое противоречие и существует, да еще и характерно для искусства, нужно попытаться хотя бы гипотетически объяснить его сущность и происхождение. Автор не делает этого, по-видимому относя его к тому же «неумению». А между тем это противоречие имеет, конечно, непосредственную связь с противоречием между реалистической характеристикой и произвольным перемещением отдельных частей тела животного, раскрыть же сущность этой связи — задача очень важная и интересная. Следует, однако, отметить, что само противоречие трактовано автором очень субъективно и на самом деле имеет иной характер. Движение в этих рядах, конечно, есть, только оно выражено в сложном, прихотливо развивающемся, но всегда очень ясном орнаментальном ритме. Да и как могло быть иначе в системе изображений, играющих все-таки в основном роль украшения бытовых предметов?

О судьбе рассмотренного искусства М. П. Грязнов пишет, что оно «не получило своего развития в последующие эпохи ни на Алтае, ни вообще в степных районах Азии и Европы. Его традиции были забыты, а художественное мастерство исполнителей утрачено» (стр. 13). Это, конечно, неверно. Скифо-сакское искусство, в том числе и у племен Алтая, получило дальнейшее свое развитие в искусстве сарматоком, в его превеличенной фантастичности и схематизме. Мало того, целый ряд орнаментальных мотивов, типичных для древнего алтайского искусства, хорошо известен в современной казахской орнаментике. Т. К. Басенов в альбоме, приложенном к его диссертации «Архитектурный орнамент Казахстана», дает сводную таблицу девяти основных элементов орнамента из Пазырыкских курганов, широко распространенных в современной казахской орнаментике, как на бытовых предметах, так и в архитектурном орнаменте. Еще ярче наследие древнего искусства алтайцев проявляется в искусстве киргизов. В этом легко убедиться, просматривая изданное Эрмитажем собрание М. В. Рындына «Киргизский национальный узор» (1948). Там мы видим подобные алтайским S-образные орнаменты (табл. VII, 2; XIX, 10), орнамент в виде запятой (табл. LXI, 2), сердцевидные фигуры (табл. XVII, 1; XXVII, 10; XLII, 3), гирлянды (табл. XXXVIII, 1), трилистник или пальметку (табл. I, 2), лотосные фигуры (табл. XLVIII, 3; XLIX, 5), изображения оленей (табл. VII, 1, 2; XVI, 6; XL, 2), горных козлов (табл. VII, 3, XL, 1), собаки (табл. XXXI, 5), верблюда (табл. XLIII, 7), орла (табл. LI, 2), лебедя (табл. XLVI, 3) и многие другие.

ЗАМЕЧАНИЯ К «ЗАМЕТКАМ О ТРИПОЛЬСКОЙ ПЛАСТИКЕ» К. МАЕВСКОГО

Польский исследователь скульптуры раннеземледельческих племен К. Маевский недавно выступил со статьей «Заметки о трипольской пластике» (СА, 1959, № 1). Статья написана, как это следует из подзаголовка, в связи с выходом в свет моей книги «Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы» (МИА, № 38, 1953).

К. Маевский предметом рассмотрения сделал V главу книги — «Некоторые идеологические представления древних земледельческо-скотоводческих племен юго-востока Европы». Глава посвящена вопросам изучения надстроечных явлений, главным образом верований. Эта сторона духовной жизни древнего человека, отражающая искаженные представления об окружающем мире, маскирующая реальные восприятия материальной действительности, особенно трудна для исследования. Трудности эти наиболее велики при изучении мировоззрения человека на ранних этапах истории вследствие отсутствия письменных источников. Именно поэтому археология, этнография и фольклористика в их комплексном сочетании служат основными источниками при изучении древнейших категорий мышления.

Одной из форм проявления человеческой деятельности, позволяющей проникнуть в существо древнейшей психики, является искусство, и в частности скульптура, или пластика. К. Маевский, автор многих работ по древней пластике. Юго-Восточной и Южной Европы, так, видимо, и рассматривает ее значение для истории религиозного мышления, для истории развития эстетических вкусов.

Попытки раскрытия смыслового значения древнеземледельческой пластики и рассмотрение ее на широком фоне земледельческо-скотоводческой скульптуры на юго-востоке Европы, Переднем и Среднем Востоке была сделана и мною в названной выше книге.

Со времени выхода в свет моей работы накопилось уже немало свежего материала и у нас, и за рубежом. Появились новые соображения по исследованию мировоззрения древних земледельческо-скотоводческих племен. Тем интереснее было бы узнать, что по этим вопросам думает и такой знаток древней пластики, каким является К. Маевский. Правда, К. Маевский предупреждает, что раньше он не занимался изучением тематически-идейного содержания древней пластики. Однако, оговаривая это, он все же обещает сказать и свое слово (стр. 303).

Забегая несколько вперед, не могу не отметить выгодного положения автора-рецензента. К. Маевский выбрал довольно любопытный критический жанр — «заметок». Это дало ему основание строить свои критические замечания не по существу излагаемых в моей книге концепций, а по частным вопросам, не связывая свое изложение единством мысли и взглядов при оценке тех или иных рассматриваемых положений. К сожалению, автор, увлекшись частными возражениями по далеко не принципиальным вопросам и справочно-библиографическими ссылками, так и не высказал своих заключений о значении пластики в мировоззрении древних земледельцев и скотоводов, населявших Юго-Восточную и Восточную Европу в IV—II тысячелетия до н. э.

Из статьи К. Маевского так и остается непонятым, что же новое, свое вносит автор в проблему изучения древней пластики, что принимается им за основу исследования и что отвергается, по каким путям должны быть направлены дальнейшие исследования. Другими словами, статья К. Маевского лишена позитивных элементов и программы дальнейших исследований, хотя бы по частным вопросам. Обратимся, однако, к содержанию статьи К. Маевского по существу.

Автор ставит один важный методологический вопрос: «Идейно-художественное содержание и социальные функции трипольской пластики будут тем более понятны, чем шире будет привлекаться сравнительный материал» (стр. 306). Трудно возражать против такого аксиоматического положения. Однако на современном этапе наших представлений о древней пластике, когда уже написано множество сравнительных, описательных, публикационных и синтетических работ, такое пожелание не может быть программным. Древнеземледельческая пластика должна служить прежде всего историческим источником и раскрывать содержание идей, вложенных в нее. С помощью изучения пластики должны быть установлены исторически возникшие определенные формы искаженных, фантастических представлений о материальном мире, развивавшихся вместе с положительными знаниями и тормозящих их развитие. Много внимания должно быть уделено изучению различных форм обрядности, связанной с использованием скульптур с точки зрения идейного содержания обрядности. Конечно, главным условием изучения древней скульптуры остается историзм подхода, необходимость раскрыть определенные закономерности в сложении определенных категорий мышления, будь то конкретное, положительное или фантастическое, иррациональное мышление.

Я не говорю здесь о многих вопросах, связанных с изучением древнеземледельческой пластики, о формах эстетических восприятий ее древним человеком.

Увлеченный спором по частным вопросам, возникшим в процессе изучения конкретных памятников, К. Маевский, на мой взгляд, упускает то существенное в наших расхождениях, что определяет разные подходы к исследуемому материалу. Моя критика взглядов К. Маевского не была направлена только на тот вопрос, о котором говорят

автор, а именно на то, что расчлененность ног у статуэток может служить датирующим признаком. К. Маевский пишет: «На стр. 219—220 С. Н. Бибииков подробно излагает свои выводы, относящиеся к происхождению и развитию стилей в трипольской пластике. Затем на стр. 220 он пишет о том, что я ошибочно утверждал, что человеческие фигурки с отдельно моделированными ногами появляются лишь в позднетрипольской пластике, а также ошибочно относил это явление к натуралистической тенденции» (стр. 303). Вопросу этому я не придаю принципиального значения и касаюсь его буквально в нескольких строках (стр. 220). Однако, как бы ни относиться к решению его, остается все же фактом, что статуэтки с расчлененными ногами встречаются уже на раннем этапе триполья и, кроме Луки-Врублевской, найдены теперь в Александровке на р. Кодыме в Одесской области. Почему находки их раньше были фиксированы только в Луке-Врублевской? Объяснение этому нетрудно найти в том, что памятники раннего триполья представляли большую редкость по отношению к памятникам более поздних этапов, изученных к тому же и несоизмеримо шире. Центр тяжести нашего спора лежит не в плоскости выявления морфологических признаков, дающих возможность определять датирующие веки в развитии скульптурных сюжетов.

Мои возражения К. Маевскому касались более существенных вопросов, на которые я не нашел ответа в статье К. Маевского. Речь шла о том, что К. Маевский несколько модернизирует трипольское общество. При рассмотрении керамики и скульптуры, на основании совершенства этих изделий, автор делает вывод о том, что в трипольском обществе уже произошло выделение родовой знати, существовало патриархальное рабство, были специальные керамические мастерские, удовлетворявшие художественные вкусы родовой знати, т. е. уже произошло выделение ремесла и возникли раннеклассовые отношения. Вот то главное и, по моему, малоубедительное во взглядах К. Маевского, что и было отмечено мною на той же 220-й стр., на которую ссылается автор.

По другим вопросам, касающимся отдельных сторон изучения трипольской пластики, наши точки зрения совпадают, дополняя друг друга. Хотя меня, например, не удовлетворяют даже терминологические определения стиля или определения отдельных групп статуэток, данные К. Маевским: «натуралистическо-схематизированный стиль» или «коническо-сфероидальная группа статуэток», но в этих определениях есть все же свой, в какой-то мере наглядно воспринимаемый смысл.

Мне кажутся слишком односторонними рекомендации автора по вопросу использования литературных источников. На стр. 303, впрочем, как и в других местах статьи, К. Маевский основное внимание обращает на историографические вопросы, на библиографические дополнения, делая это за счет исследовательской направленности статьи.

К. Маевский считает, что прежде чем высказать свою точку зрения по исследуемому вопросу, нужно доказать несостоятельность точек зрения своих предшественников (стр. 303). Следуя совету К. Маевского, мне надлежало бы обоснованно отвергнуть высказывания об идейно-тематическом содержании раннеземледельческой пластики Блинкенберга, Хадачека, Козловского, Г. Шмидта, Сартори, Хагорта, Персона и многих других и, только определив свое отношение к возможностям сопоставления женских пластических фигурок с пантеоном женских божеств плодородия (Богини-Матери, Афродиты, Иштар, Астарты и др.), излагать свои взгляды.

Не могу не отметить того простого обстоятельства, что V глава моей книги меньше всего была задумана как историографическая работа. Тем не менее многие из упомянутых К. Маевским авторов и многие не названные им приведены мною в той или иной связи. В этом нетрудно убедиться, внимательно просмотрев источники, на которые я ссылаюсь. Существо же вопроса заключается не столько в количестве приведенных точек зрения, сколько в правомочности ставить на обсуждение свои взгляды, не отрицая существующих.

Большинство упомянутых в статье К. Маевского авторов единодушно и вполне убедительно подчеркивают связь скульптурного женского образа у ранних земледельцев и скотоводов, независимо от областей их обитания, с идеей о плодородии. Женская скульптура понимается ими как символ плодородия. Это предвестник или праобраз богини плодородия древних земледельческо-скотоводческих цивилизаций Старого Света. Сейчас доказывать все это было бы столь же нецелесообразно, как обращаться к опровержению взглядов Айльо, Н. И. Веселовского или Ф. К. Волкова по поводу значения женских статуэток, например, триполья. Можно ли подвергать широкому разбору предположения Айльо и Веселовского о том, что фигурки женщин и различные другие мелкие изделия, сопровождающие их, например, креслица, это действительно игрушки? Можно ли пойти вслед за Ф. К. Волковым и видеть в женских изображениях триполья проявление сексуальной чувственности у древнего земледельца? Думается, что специальный разбор этих старых и, быть может, вполне оправданных для своего времени взглядов сейчас потерял свое значение, хотя попутно мне и пришлось упомянуть названных авторов и их предположения на стр. 249 книги.

И совершенно напрасно К. Маевский обуславливает возможность дальнейшего изучения пластики следующими словами: «Если мы придем к достаточно обоснованному убеждению, что балканские, придунайские и трипольские женские фигурки неолитического времени изображали женское божество плодородия и урожая, близкое к представлениям о Великой Богине (как считают, между прочим, В. Мюллер, Г. Чайлд, Хансен), то нам необходимо будет пойти еще дальше. Я имею в виду широкие исследова-

ния в области религиозных верований, которые по отношению к более отдаленным эпохам пользуются все чаще археологическими источниками» (стр. 303). Смотреть на положение в деле изучения энеолитической пластики так, как делает это К. Маевский, — значит обратить свой взор только к прошлому, не видеть настоящего и не заглядывать в будущее.

В науке уже прочно утвердились исходные положения в объяснении семантики женского скульптурного образа о безусловной причастности его к культам плодородия. Вместе с тем разные исследователи приводят разные сюжетные линии, с которыми связаны женские изображения, разные условия, в которых они встречаются, этнографически разные общественные образования, где отмечается присутствие статуэток. Все это, однако, не исключает возможностей высказывать и разные частные доводы о семантике их, и, наоборот, создает очень благоприятную среду для размышлений о многогранности женского образа, о полисемантизме его, восходящем в конечном итоге к идее о плодородии, отраженной в разных обрядовых проявлениях. Эту сторону дела я и пытался осветить в пятой главе своей книги. Позволю себе высказать уверенность в том, что без больших коллективных усилий большого числа исследователей, едва ли удалось бы хотя бы в самых приближенных, в самых суммарных чертах дать очерк значения пластики в мировоззрении древнего земледельца. Напомню, какие же вопросы стоят и посильно решаются в V главе (касаюсь при этом только пластики): классификация скульптуры; женские и мужские статуэтки; стиль и декорировка; отличительные особенности скульптурных изображений по этапам развития триполья; женские статуэтки триполья и фигурки женщин из поселений Юго-Восточной Европы, Балкан, Малой Азии, Переднего и Среднего Востока; морфологическая и сюжетная связь; моделировка рук в виде конических отростков и значение этого сюжета в пластике триполья; зооморфные изображения, их связь с фигурками животных широкого ареала расселения земледельческих племен; скульптурные изображения животных и вопрос о времени и месте приручения лошади; значение скульптурных изображений в верованиях ранних земледельческо-скотоводческих племен Юго-Восточной Европы; образ женщины (девушки) в пластике триполья и его значение в культе плодородия; время изготовления антропоморфных фигурок; участие женских фигурок в культе предков, погребальном ритуале, в культе, связанном с охраной и сбережением домашнего очага, амулеты-охранители; культ Германа и Ярилы; культовое назначение фигурок.

Таким образом, в монографии я ставил главной целью на широком сравнительном материале, взятом из широкого ареала расселения древнеземледельческих племен (это признает К. Маевский), рассмотреть пластику в трех основных аспектах: 1) географический, т. е. с точки зрения распространения отдельных скульптурных сюжетов женского изображения в южной половине Старого Света, поиски общих сюжетных линий развития и трактовок образа; 2) семантический, т. е. выяснение значения женского образа и мужских фигурок с точки зрения идейно-тематического содержания их и в связи с культом плодородия, его дериватами, а также и с божествами древних земледельческо-скотоводческих религий; 3) раскрытие обрядово-культовой сферы, в которой участвуют женские фигурки.

Приходится сожалеть, что К. Маевский не уделил внимания главному содержанию главы, во многом разъясняющему положение дела с проблемой изучения скульптуры древних земледельцев и скотоводов.

А дальше следуют совсем уже частные замечания. Несомненно, что даже самые краткие и неаргументированные наброски могли бы сослужить свою большую службу, если бы содержание их было научно перспективным.

К. Маевский напоминает о необходимости обратиться к изучению причин обнаженности женских энеолитических фигурок. На эту тему, как сообщает сам автор, писалось много. К. Маевский соглашается с Паульсенем в том, что женские скульптурки могли служить и эстетическим потребностям древнего человека. С положением этим, очень не новым, спорить трудно. И согласиться с такой постановкой вопроса было бы легче, если бы энеолитические женские скульптуры, в соответствии с территориями их распространения, не были бы отмечены печатью «стандартности» в моделировке и устойчивостью сюжета. Следует предполагать, что восприятие художественной стороны скульптуры или эстетическая оценка ее древним человеком могли происходить только через призму религиозно-магического содержания ее. Это не требует особых доказательств, если учесть определенную стандартность изображений и сами ритуалы, в которых участвуют женские скульптурные изображения.

К. Маевский останавливается и на вопросе о назначении небольших отверстий, встречающихся в разных частях статуэток. Не отрицая многих толкований, касающихся определенно расположенных отверстий в плечевой и бедренной частях фигурок, К. Маевский не высказывает своих соображений по этому поводу. Автор предпочитает сделать некоторые библиографические дополнения, в том числе назвать работы, вышедшие в свет уже после появления моей книги, не обращая к существу затронутого им вопроса (стр. 304—305).

В дальнейшем изложении автор высказывает согласие с некоторыми моими частными заключениями, связанными с изучением энеолитической скульптуры. К. Маевский ставит мне в заслугу то, что я де склоняюсь к мнению Т. С. Пассек по поводу различных магических назначений женских фигурок триполья (стр. 305). Не могу в связи

с этим не напомнить автору, что мы оба, т. е. Т. С. Пассек и я, не оспаривали утверждений наших предшественников о связи энеолитической скульптуры с культурами плодородия, погребальным ритуалом, апотропическим культом. Что касается моего участия в разработке вопросов семантики женского скульптурного образа, то я ставил себе целью объединить в исследовании два направления — выявление идейно-тематического содержания, вкладываемого в скульптуру, и изучение обрядово-культовой сферы, связанной с использованием скульптуры. Из сказанного понятно, почему немало внимания мною было уделено раскрытию диалектического единства представлений древнего человека о явлениях рождения и смерти, о воплощении этой идеи в материальных формах обрядности. Почему в центре изучения оказались культуры плодородия со своими материальными и космогоническими представлениями о зерне, огне (солнце), дожде? В этой связи оказалось возможным определить, что за женским скульптурным образом скрывается образ девушки, а также выявить определенный ритуал «сжигания» фигурок, установить время изготовления определенных групп женских статуэток в дни Солнцеворота и т. п. Анализируя разные формы обрядности, где участвуют женские фигурки, можно доказать полисемантизм их значения.

Естественно, что, занимаясь вопросами идейно-тематического содержания энеолитической пластики, нельзя было миновать и очень широкого привлечения этнографических источников из разных частей земного шара. Однако К. Маевскому показалось, что мною не все учтено, нет данных из области этнографии племен Слонового берега, Каролинских островов, Нигерии, Филиппин. Автор указывает, где можно почерпнуть интересные сведения о фактах, добытых при изучении разных племен и использованных авторами, работавшими по пластике. Сказанное К. Маевским можно было бы безмерно увеличить, показав в то же время и неиспользованность множества приведенных мною этнографических фактов зарубежными исследователями пластики.

Мне думается, что такое широкое привлечение сравнительного материала (это неоднократно отмечает К. Маевский), приведенного в моей книге, было вполне логичным и имело свою цель. Между прочим, основной упор был сделан мною на этнографические свидетельства, взятые из славянского мира. Там, как мне представляется, я и нашел объяснение для ряда ритуальных явлений в энеолитической среде. Кстати, во многом помогла мне действительно замечательная книга Дж. Томпсона, о которой особо упоминает К. Маевский и на которую я с полным удовлетворением ссылаюсь на стр. 261.

Пользуясь этнографическими источниками, нельзя все же забывать об определенных условиях, которые могут обеспечить научный успех. Прежде всего дело заключается не только в географической широте привлекаемых сравнительных материалов. Известно, что обрядовые сходства не всегда отражают тождественность смыслового содержания. Далеко не всякий этнографический факт можно отрывать от обстановки, в которой он возник и развился, от той общественной среды, где его обнаружили. Привлечение этнографических свидетельств — дело тонкое и во многом не зависящее от широты географического распространения того или иного этнографического явления, которое может быть привлечено для сопоставления с изучаемым материалом. Решающее слово остается за анализом причинных связей, порождающих сходные этнографические явления, что собственно и придает научную обоснованность сопоставлениям привлекаемых фактов.

Не приходится говорить о необходимости привлечения при изучении пластики энеолита и других археологических материалов, восходящих к более древним периодам истории. На стр. 247—249 мною привлекаются женские палеолитические изображения в качестве интересного исторического факта созвучия в психике людей столь отдаленных друг от друга эпох. К. Маевский тоже вспоминает о женских изображениях палеолита (стр. 303). Однако делает он это в справочно-библиографическом плане, не пытаясь хотя бы намеком обмолвиться об идейно-тематической связи между палеолитическими статуэтками и энеолитическими фигурками, воспроизводящими женские изображения.

Вчитываясь в статью К. Маевского, убеждаешься в пользе ее для лиц, пожелавших заняться историографическими вопросами, связанными с изучением энеолитической пластики. Для существа же самих исследований статья К. Маевского дает мало, так как содержание ее обращено больше в прошлое состояние науки и не открывает горизонтов для дальнейших исследований.

Мне представляется, что современное состояние изучения энеолитической пластики малых форм должно состоять не из исторического коллекционирования различных толкований скульптурных изображений, не в повторном установлении взаимосвязи женского образа с культом плодородия. Главное должно заключаться в изучении идейно-тематического содержания древней пластики, в сравнительно-аналитическом изучении полисемантизма ее.

Многое надлежит еще сделать и в области изучения причин возникновения и распространения отдельных скульптурных сюжетов, исследования стилей, декорировки, технологии производства и т. п.

Остаются еще недостаточно разработанными и вопросы относительной и абсолютной хронологии. Разумеется, что эффект исследований во многом будет зависеть от широкого применения комплексного метода при изучении пластики.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В XXVIII сборнике «Советской археологии» (1958), стр. 193—197, опубликована статья К. М. Колобовой «К вопросу о награждении пантикапейца золотым кольцом». Выводы статьи построены на анализе хранящегося в Гос. Эрмитаже мраморного надгробия, изданного в IOSPE, II, № 5, многократно издававшегося и толковавшегося и другими специалистами. К этому памятнику обращалась и К. М. Колобова в более ранних своих статьях (см. ВДИ, 1953, № 4, стр. 55 сл.; ВДИ, 1954, № 4, стр. 84, 85). Не останавливаясь сейчас на соображениях и выводах К. М. Колобовой, касающихся текста надписи и значения награждения золотым кольцом граждан античных городов, считаем необходимым обратить внимание редколлегии XXVIII сборника «Советской археологии» на некоторые существенные недостатки статьи.

В начале своей статьи К. М. Колобова пишет: «И декрет и надгробная надпись были написаны в одной и той же боспорской мастерской и, по-видимому, одним и тем же резчиком, так что между временем написания и аннулирования постановления прошел очень незначительный срок. На основе анализа материала самой плиты (местный известняк) Г. Кизерицкий и К. Ватцингер пришли к выводу, что к этой же мастерской, кроме интересующей нас надписи, относятся и другие надписи того же времени (примеч. 4: IOSPE, II, № 268, 196, add. 79¹), все — начала I в. н. э.»

Ссылка на определение и выводы Г. Кизерицкого и К. Ватцингера дана неправильно.

1. Г. Кизерицкий и К. Ватцингер определяют материал плиты не как местный известняк, а как белый аттический мрамор (см. G. Kieseritzky, C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, стр. 69). То же определение материала дают и предшествующие издатели (Стефани, Латышев), то же определение повторяет и К. М. Колобова в первой из касающихся данного памятника статей (ВДИ, 1953, № 4, стр. 55, примеч. 1).

2. Неправильно изложены К. М. Колобовой и соображения тех же ученых относительно последовательного использования плиты, главное — сопоставления ими данного надгробия с другими пантикапейскими надгробиями. Указав на четырехкратное использование мраморной плиты (плита для начертания декрета; переделка ее в надгробный памятник; превращение надгробия в архитектурную деталь; использование его для перекрытия могилы), Кизерицкий и Ватцингер, публикующие надгробный рельеф, высказывают свои соображения о качестве работы и датировке именно надгробия, и добавляют, что надгробие происходит «из той же мастерской, что и №№ 304, 378 и 400». Ясно, что речь идет об изготовлении в той же пантикапейской мастерской надгробия, а никак не декрета; в данном случае надгробная стела была изготовлена из мраморной плиты, ранее содержавшей декрет, в других — сделана из местного известняка. О месте изготовления мраморной плиты с декретом Кизерицкий и Ватцингер не говорят; однако вывод о декрете как пантикапейском никак не вытекает из их описания памятника.

Высказываемое К. М. Колобовой ошибочное суждение о местном, боспорском происхождении материала, из которого сделана плита с декретом, и об изготовлении ее в пантикапейской мастерской является основой, на которой строятся широкие выводы, касающиеся политической и социальной структуры Пантикапея (СА, XXVIII, стр. 197).

На рис. 195 предпринята попытка исправить предлагаемый В. В. Латышевым перевод слов τὸν ἀπλοῦμενον — «вышеупомянутого», «упомянутого выше». В качестве основания для отстранения перевода В. В. Латышева приводится место из Евсевия, в котором в смысле «вышеупомянутый» употреблено причастие δεδηλωμένος. Соображение К. М. Колобовой ни в какой мере не способно поколебать предложенное Латышевым понимание текста. Эпиграфические памятники свидетельствуют о том, что в греческом языке, как и в русском, существовало не только выражение «вышеупомянутый», но и выражение «упоминавшийся выше». Первое мы имеем в антиохийской надписи 189/8 г. до н. э. (Dittenberger, OGIS, № 244, строка 33), второе — в надписи, найденной в районе Аламеи Сирийской, вырезанной в III в. н. э., но воспроизводящей текст письма одного из Селевкидов (OGIS, № 262, строка 17). Что же касается предлагаемого К. М. Колобовой перевода «проявивший себя», «показавший себя на деле», то параллелей, которые оправдали бы такой перевод, не имеется.

Редакционная коллегия, подготавливающая в настоящее время переиздание полного свода надписей Боспорского царства, не может не выразить редакционной коллегии, издавшей XXVIII сборник «Советской археологии», своего огорчения, что в сборнике статей, посвященных памяти крупнейшего эпиграфиста нашей страны, опубликована статья, способная ввести в заблуждение читателя неверными сведениями относительно трактуемого памятника.

Председатель редакционной коллегии
по изданию «Корпуса боспорских надписей»
академик В. В. Струве

И. М. ЛОСЕВА

6 апреля 1959 г. в Москве после тяжелой болезни скончалась Ирина Михайловна Лосева, старший научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Ирина Михайловна родилась 16 января 1908 года в Москве. По окончании Историко-филологического факультета Московского государственного университета, она в 1930 г. стала работать в ГМИИ, с которым и была связана вся ее научная и музейная жизнь, посвященная истории древнего искусства Месопотамии и Передней Азии.

В 1946 г. вышла из печати ее небольшая, но живо написанная книжка «Искусство древней Месопотамии». Очерки, статьи И. М. Лосевой по искусству Вавилонии и Ассирии были напечатаны в БСЭ и во Всеобщей истории искусств (т. I, 1957).

Ирину Михайловну всегда привлекала культура древнего царства Урарту, памятники которого сохранились на территории Армянской ССР. С 1952 по 1953 г. она принимала участие в раскопках урартской крепости Эребуни, на холме Арин-Берд, являясь начальником отряда ГМИИ. В раскопки она постоянно вкладывала свой страстный энтузиазм и большую энергию. Результаты этих интересных работ отряда ГМИИ на Арин-Берде изложены в трех статьях И. М. Лосевой, напечатанных в КСИИМК (№ 58, 1955), «Советском востоковедении» (№ 3, 1955) и в «Советской археологии» (№ 2, 1958).

И. М. Лосева участвовала во всех экспозиционных работах ГМИИ, связанных с культурой Востока, не только древней, но и наших дней. В 1956 г. в журнале «Современный Восток» были напечатаны три ее статьи о современном искусстве Ливана и Сирии.

В памяти товарищей навсегда останется светлый образ Ирины Михайловны, доброго и отзывчивого человека, с большим увлечением и энергией работавшего над своим любимым делом.

Б. Пиотровский

А. Л. ЛУКИН

3 мая 1959 г. скончался в Гудауте Александр Лукич Лукин, старейший краевед-археолог Абхазии.

А. Л. Лукин родился 16 марта 1882 г. в Прибалтике, в городе Арнсбурге (ныне Кингисепп) на острове Сарема, рос в чужой семье в Виндаве (ныне Вентспилс) и в Риге. В одиннадцать лет поступил малолетним рабочим на посудную фабрику Кузнецова, где проработал около двух лет. Осенью 1895 г. ему удалось сдать приемные испытания и поступить в Петербургскую военно-фельдшерскую школу, которую он и окончил в 1899 году. Последовала служба фельдшером в Николаевском кавалерийском училище и двукратное заключение в тюрьму за протесты против произвола.

А. Л. Лукин осенью 1905 г. пересезжает в Абхазию. Здесь он сначала служил фельдшером в Сухуми, а вскоре, после ареста Серго Орджоникидзе, занял его место фельдшера в Гудаутской сельской больнице. До 1931 г. А. Л. Лукин продолжал медицинскую службу, долгое время работая заведующим Гудаутским здравотделом.

Знакомство со своеобразным бытом абхазского народа, стремление понять наблюдаемые в живом быту явления культурно-исторического порядка привели Александра Лукича к занятиям местной археологией и этнографией.

В 1907 г. было положено начало «коллекции Лукина», до наших дней являющейся одним из основных источников по археологии северной половины Абхазской АССР. Широко известной эта коллекция стала с 1924 года, когда Александр Лукич выступил с сообщением «О раскопанных материалах из Гудаутского района» на имевшем большое значение для развития научной работы в Абхазии краеведческом съезде в Сухуми. Он же был одним из инициаторов организации в Гудауте отделения Абхазского научного общества (1922 г.). В 1925 году, по поручению общества, А. Л. обследовал место находки погребения бронзового века в урочище Аагста, северо-западнее Гудауты, собрал и передал в Сухумский музей богатый инвентарь этого погребения, позднее им изданный.

В 1936 году Александр Лукич передал в Эрмитаж и в 1941 г. опубликовал большую часть собранных им к тому времени предметов эпохи бронзы и раннего железа.

Оценивая роль А. Л. в деле археологического исследования северо-западной части Абхазии, необходимо признать, что им первым положено начало систематическому собиранию и исследованию материалов по археологии этого края. До его работ из этих мест было известно лишь несколько отдельных предметов, и только сейчас, в послевоенные годы, здесь начаты работы тбилисских и сухумских археологов.

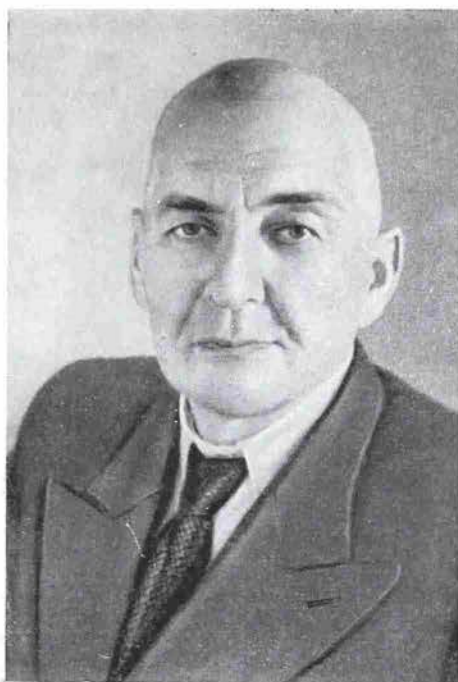
Он дал первую систематическую сводку материалов, относящихся к III—I тысячелетиям до н. э., поставил вопрос о переживаниях производственных традиций эпохи бронзы в позднейших памятниках; впервые в Абхазии исследовал памятники неолита.

А. Л. Лукин много внимания уделял пережиткам в области идеологии и религиозных верований — пережиткам, идущим из далекого дохристианского прошлого.

Вся научная деятельность А. Л. Лукина была пронизана общественными задачами нашей современности.

Память об Александре Лукиче будет долго жить среди всех знавших его, а незаконченные его работы должны быть доработаны и изданы.

А. Иессен

М. Ф. БОЛТЕНКО

6 мая 1959 г. в Одессе скончался один из старейших советских археологов, доцент Одесского университета Михаил Фёдорович Болтенко.

Михаил Фёдорович родился 2 сентября 1888 г. в окрестностях Осовца (б. Гродненская губ., в настоящее время на территории Польши). Отец его был военным топографом, и семья часто переезжала из одного города в другой: поступив в гимназию в Иркутске, Михаил Фёдорович продолжал среднее образование в Томске и в Варшаве, а завершил только в 1907 г. в Одессе. Здесь же он поступил на историко-филологический факультет Новороссийского (Одесского) университета и закончил его по отделению классической филологии в 1912 г. В университете Михаил Фёдорович серьезно заинтересовался археологией и, будучи еще студентом, неоднократно принимал участие в раскопках под руководством своего учителя Э. Р. Штерна на острове Березань и в античной Тире (совр. Белгород-Днестровский). В 1913 г. Михаил Фёдорович был избран в действительные члены Одесского общества истории и древностей, работал преподавателем классических языков и истории в средних учебных заведениях Одессы.

Самостоятельную полевую и исследовательскую работу Михаил Фёдорович развернул уже в послеоктябрьские годы. В 1921 г. он открыл в с. Усатово (окрестности г. Одессы) интересные и яркие памятники позднего триполья; эта культура получила название усатовской. Раскопки в Усатове продолжались с перерывами до 1933 г.; впрочем, Михаил Фёдорович возвращался к ним и в 1939—1940 гг. и в 1946—1948 гг. Работы его, посвященные памятникам Усатова, заняли почетное место в украинской советской археологической литературе.

Другой областью полевых исследований Михаила Фёдоровича Болтенко были памятники Ольвии. С 1924 г. он был членом Ольвийской экспедиции, а в 1931 и 1932 гг. являлся её руководителем. Одним из результатов этих раскопок было установление существования на месте античных развалин средневекового поселения XIV в. Кроме того, Михаил Фёдорович продолжал изучение памятников острова Березань. В 1924—1931 гг. он возглавлял раскопки на Березани, которые были завершены после Отечественной войны и продолжены на противоположном острове побережья. Можно сказать без преувеличения, что Михаил Фёдорович совершенно изменил прежние представления об исторических судьбах Березани: он показал, что остров был заселён еще прежде основания ионийского эмпория, что поселение на Березани просуществовало вплоть до эллинистического времени, что жизнь продолжалась на острове и в первые века н. э. Особенное значение имеет открытие на Березани древнерусских памятников X—XIII вв., показавших важную роль этого острова в истории Киевской Руси. Научная деятельность Михаила Фёдоровича Болтенко тесно связана с Одесским археологическим музеем, где он работал с 1921 г., и с высшими учебными заведениями Одессы.

Разносторонняя эрудиция Михаила Фёдоровича и постоянная его готовность поделиться знаниями, а также огромный опыт в полевой работе завоевали ему прочный авторитет среди советских археологов; он навсегда соединил свое имя с такими важными памятниками, как Усатово и Березань. Ученики и сотрудники Михаила Фёдоровича Болтенко навсегда сохранят светлую память об этом скромном, принципиальном человеке, выдающемся ученом и искреннем патриоте нашей великой Родины.

П. О. Карышковский

В. Н. ДЬЯКОВ

16 мая 1959 г. в Москве скончался талантливый педагог и ученый-антиковед Владимир Николаевич Дьяков. Жизненный путь его является примером самоотверженного служения науке, делу народного просвещения.

Владимир Николаевич родился 18 ноября 1882 г. в г. Москве. Здесь же прошли его гимназические и студенческие годы. По окончании Московского государственного университета в 1906 г. он был послан для дальнейшей специализации за границу в Фрейбургский университет (в Бадене), где специализировался по истории Рима и раннего средневековья.

После возвращения из-за границы началась многолетняя педагогическая работа Владимира Николаевича, которая длилась до последних дней его жизни.

В 1911 г., после реакционного разгрома Московского университета, Владимир Николаевич, вместе с другими прогрессивными учеными, оставил в нем работу и стал лектором Московского народного университета и преподавателем гимназии. Только с 1918 г. Владимир Николаевич возвращается на университетскую кафедру Смоленского, затем Минского университетов.

Научная работа Владимира Николаевича часто переплеталась с педагогическими задачами и задачами популяризации античной истории, особенно истории социальной борьбы демократических масс в античности. Еще до революции, в русле этих интересов им был написан ряд статей для «Книги для чтения по древней истории». В. Н. Дьяковым написана книга «История римского народа в античную эпоху», возникшая частично из его курсов лекций и являющаяся пособием для студентов и учителей.

Владимир Николаевич был одним из историков, которые высоко ценят значение археологии и много занимаются ею. В 1913—1914 гг. он перевел трехтомную работу М. Гернеса «Культура доисторического прошлого».

Начиная с двадцатых годов Владимир Николаевич стал заниматься античными памятниками Крыма. Его особенно интересовали взаимоотношения Рима и античных городов Северного Причерноморья. Он неоднократно указывал на необходимость раскопок Ай-Тодора и тщательно собрал все данные о нем в своей работе «Древности Ай-Тодора». С этого времени в круг его научных интересов и занятий надолго вошла тема истории римской оккупации Таврики, которой он посвятил ряд статей и которая нашла прекрасное завершение в его докторской диссертации «Таврика в эпоху римской оккупации» (1942 г.). Работа эта является первым и едва ли не единственным исследованием истории и характера римской оккупации в Северном Причерноморье.

В. Н. Дьяков вел огромную работу по редактированию серии монографий «Причерноморье в античную эпоху».

Владимир Николаевич всегда был окружен множеством учеников и последователей. Все они и его коллеги по работе сохраняют благодарную память о нем.

Г. А. Цветаева

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЛЮР — Археологическая летопись Юга России
ВДИ — Вестник древней истории
ВСОРГО — Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЕМИРА — Ежегодник Музея истории, религии и атеизма
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЯІФВ — Записки Історико-філологічного відділу Академії наук УРСР
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. ИАТ — Известия Института археологической технологии
ИЭ — Институт этнографии Академии наук СССР
КИМ — Киевский исторический музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей археологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ПИДО — Проблемы истории докапиталистического общества
Працы — Працы археологічної комісії
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СГУ — Саратовский государственный университет
СЭ — Советская этнография
ТОВГЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
Тр. АС — Труды археологического съезда
Тр. СА — Труды Секции археологии
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
- AA — Archäologischer Anzeiger des Deutschen Archäologischen Instituts
AJN — American Journal of Numismatics
ALGRM — Ausführlicher Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie, herausgegeben von W. Roscher
BBHSW — Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
DAGR — Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JÖAI — Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts
JPEK — Jahrbuch der praehistorischen und ethnographischen Kunst
NC — Numismatic Chronicle
NNM — Numismatic Notes and Monographs
NZ — Numismatische Zeitschrift
RE — Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
RM, NF — Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge
RN — Revue Numismatique
RV — Reallexikon der Vorgeschichte, herausgegeben von M. Ebert
SC — Scythica et Caucasica
SCIV — Studii și Cercetări de Istorie Veche
ZN — Zeitschrift für Numismatik.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н. Я. Мерперт (Москва). О семилетнем плане ИА АН СССР	3
С. П. Толстов, М. А. Итина (Москва). Проблема суярганской культуры . . .	14
П. Н. Третьяков (Ленинград). Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура	36
В. В. Седов (Москва). Кривичи	47
И. П. Русанова (Москва). Территория древлян по археологическим данным	63
М. Х. Алешковский (Москва). Курганы русских дружинников XI—XII вв.	70
Ю. Л. Шапова (Москва). О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия древней Руси	91
Г. К. Вагнер (Москва). К изучению рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском	102
А. М. Негруль (Москва). Археологические находки семян винограда . . .	111
Д. А. Крайнов (Москва). К столетию со дня рождения В. А. Городцова . .	120

Публикации

Н. Н. Гурина (Ленинград). Новые мезолитические памятники лесной полосы Европейской части СССР	125
К. Х. Кушнарева (Ленинград). Тазакендский могильник в Армении	137
Г. А. Максименков (Ленинград). Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов	148
Б. В. Техов (Сталинир). Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли	163
П. О. Карышковский (Одесса). О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ	179
М. А. Тиханова (Ленинград). Ласковский клад	196
Н. Д. Мец (Москва). Сребреники из с. Митьковки	205
О. Х. Халпахчян (Москва). Средневековые бани Армении	215
А. В. Арциховский (Москва). Новые новгородские грамоты	230
В. П. Левенок (Ленинград). Надгробия князей Трубецких	245

Заметки

Р. В. Николаев (Красноярск). Археологические находки на севере Красноярского края	254
А. Н. Щеглов (Севастополь). Терракотовая статуэтка комического актера из Глубокой Пристанки	257
О. Д. Дашевская (Москва). Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского	261
Э. А. Сымонович, К. В. Голенко (Москва). Монеты из некрополя Неаполя скифского	265
М. А. Наливкина (Ленинград). Мраморный светильник из Тиритаки	268
В. В. Борисова (Севастополь). Камень с изображением сатира и менады	272
А. В. Бодянский (Запорожская обл.). Археологические находки в Днепровском Надпорожье	274
Б. Я. Ставиский (Ленинград). Самаркандские чернильные приборы IX—X вв. в собрании Эрмитажа	278
Д. А. Авдусин (Москва). Многоцветные поливные ручки ножей из Смоленска	281
Н. Н. Дроченина (Витебск), Б. А. Рыбаков (Москва). Берестяная грамота из Витебска	282
В. Б. Вилинбахов (Ленинград). К истории огневого оружия в древней Руси	284

Дискуссии и обсуждения

Ю. В. Кухаренко (Москва). К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры	289
---	-----

В помощь учителю и краеведу

О. Н. Бадер (Москва). Археологические музейные собрания г. Перми и городов Пермской области	301
---	-----

Критика и библиография

А. И. Тереножкин (Киев). І. Г. Шовкопляс. Археологічні дослідження на Україні (1917—1957).	307
С. И. Руденко (Ленинград). Древнее искусство Алтая	312
С. Н. Бибииков (Киев). Замечания к «Заметкам о трипольской пластике» К. Маевского	316
Письмо в редакцию	320
Некрологи: И. М. Лосева (321); А. Л. Лукин (322), М. Ф. Болтенко (323), В. Н. Дьяков (324)	

SOMMAIRE

Articles

N. J. Merpert (M o s c o u). Sur le plan septennal de l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de l'URSS	3
S. P. Tolstov, M. A. Itina (M o s c o u). Le problème de la culture souyargane	14
P. N. Trétiakov (L é n i n g r a d). Les groupes locaux de gorodichtchés sur le Dniepr supérieur et la culture zaroubienne	36
V. V. Sedov (M o s c o u). Les Krivitchi	47
I. P. Roussanova (M o s c o u). Les territoires des Drevlianes d'après des données archéologiques.	63
M. H. Alechkovsky (M o s c o u). Tumulus de guerriers russes des XIe et XIIe siècles.	70
I. L. Chtchapova (M o s c o u). Sur l'emploi de l'analyse spectrale qualitative du verre pour l'étude de l'histoire de la verrerie dans la Russie ancienne	91
G. K. Wagner (M o s c o u). Pour l'étude des reliefs de la cathédrale St.-Georges dans la ville de Youriev-Polsky	102
A. M. Negroule (M o s c o u). Trouvailles archéologiques de graines de raisin	111
D. A. Kraïnov (M o s c o u). Le centenaire de la naissance de V. A. Gorodtsov	120

Publications

N. N. Gourina (L é n i n g r a d). Nouveaux monuments mésolithiques de la zone forestière de la partie européenne de l'URSS	125
K. Kh. Kouchnareva (L é n i n g r a d). La nécropole de Tazakend en Arménie	137
G. A. Maximenkov (L é n i n g r a d). Haches à douille en bronze de types Krasnoïarsk — Angara.	148
B. V. Tekhov (S t a l i n i r). Nécropole de l'âge de bronze postérieur dans le village Tli.	163
P. O. Karychkovsky (O d e s s a). Les monnaies marquées EMINAKO	179
M. A. Tikhanova (L é n i n g r a d). Le trésor de Laskov	196
N. D. Mets (M o s c o u). Srebreniks (monnaies russes du XIe siècle) du village de Mitkovka.	205
O. Kh. Khalpakhtchian (M o s c o u). Thermes du moyen âge en Arménie	215
A. V. Artsikhovskiy (M o s c o u). Nouvelles lettres sur écorce de bouleau novgorodiennes.	230
V. P. Levenok (L é n i n g r a d). Epitaphes des princes Troubetskoï du XVIIe siècle	245

Notices

R. V. Nikolaev (K r a s n o ï a r s k). Quelques trouvailles archéologiques dans le nord de la région de Krasnoïarsk	254
A. N. Chtchéglou (S é b a s t o p o l). Statuette terra cotta représentant un acteur comique, de Gloubokaïa Pristagne	257
O. D. Dachevskaïa (M o s c o u). Quatrième inscription de Posidéos de Neapolis siècles de collection de l'Ermitage	261
E. A. Symonovitch, K. V. Golenko (M o s c o u). Monnaies de la nécropole de Neapolis scythique	265
M. A. Nalivkina (L é n i n g r a d). Flambeau en marbre de Tiritaka	268
V. V. Borissova (S é b a s t o p o l). Camée avec représentation d'un satyre et d'une ménade.	272
A. V. Bodiansky (région de Z a p o r o g i é). Trouvailles archéologiques à Nadporogié sur le Dniepr	274
B. J. Stavisky (L é n i n g r a d). Les écritaires de Samarkand des IXe — Xe siècles de collection de l'Ermitage	278
D. A. Avdoussine (M o s c o u). Manches de couteaux multicolores avec glaçure de Smolensk.	281
N. N. Drotchéniïna (V i t e b s k), B. A. Rybakov (M o s c o u). Lettre sur écorce de bouleau de Vitebsk.	282
V. B. Vilinebakhov (L é n i n g r a d). Pour l'histoire de l'arme à feu dans la Russie ancienne.	284

Discussions

I. V. Koukharenko (M o s c o u). Sur la question de l'origine de la culture zaroubienne	289
--	-----

Enseignement scolaire et étude des lieux

- O. N. Bader** (M o s c o u). Collections archéologiques des musées de Perm et des villes de la région de Perm 301

Critique et bibliographie

- A. I. Terenojkine** (K i e v). I. G. Chovkoplias. Résultats de travaux archéologiques en Ukraine (1917—1957). 307
- S. N. Bibikov** (K i e v). A propos de la notice de K. Majewski sur la plastique tripolienne. 312
- S. I. Roudenko** (L é n i n g r a d). L'art ancien de l'Altaï 316
- Lettre à la rédaction 320
- Nécrologie: I. M. Losseva, (321), A. L. Loukine, (322), M. F. Boltenko, (323), V. N. Diakov (324)

Поправка к статье Г. А. Ломтатидзе

«Результаты и перспективы археологического изучения города Тбилиси» (№ 4 за 1959 г.)

На стр. 67 третью строку сверху следует читать:

конференции по археологии Кавказа, которую намечается провести

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок построчная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в двух экземплярах.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавитов, должны быть сдублированы на кальку, для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.